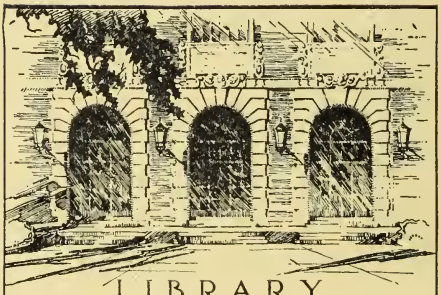
Г 29
2, 1902,
109255

21/111 28.



LIBRARY
OF THE
UNIVERSITY
OF ILLINOIS

[redacted]

891.705
RUS
1902
no.10

485

The person charging this material is responsible for its return to the library from which it was withdrawn on or before the **Latest Date** stamped below.

Theft, mutilation, and underlining of books are reasons for disciplinary action and may result in dismissal from the University.

To renew call Telephone Center, 333-3400

UNIVERSITY OF ILLINOIS LIBRARY AT URBANA-CHAMPAIGN

JUL 27 1987
JUL 14 1987

L161—O-1096

109255

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ СБОРНИКЪ

На трудовомъ пути.

Къ тридцатипятилѣтію литературно-педагогической дѣятельности Д. И. Тихомирова. 1866—1901 13/VIII.

(Чистый сборъ отъ продажи сборника поступаетъ на стипендіи имени Дмитрія Ивановича Тихомирова для дѣтей-сиротъ учителей народныхъ школъ.)

СОДЕРЖАНІЕ. I. Вкладные рисунки: Викт. М. Васнецова, В. И. Сурикова, В. Я. Тишина, В. Д. Полѣнова, В. И. Андреева, К. В. Лебедева, Н. А. Богатова, А. Е. Архипова, Н. В. Досѣкина, Вик. М. Васнецова, Аполлинарія М. Васнецова, С. В. Иванова, К. Коровина, В. В. Сѣрова, С. А. Виноградова, Л. О. Пастернака, Викт. М. Васнецова, В. И. Комарова, Н. С. Ульянова, В. И. Соколова, А. Е. Архипова, В. И. Андреева, В. А. Сѣрова, Н. С. Ульянова, Н. А. Богатова, Е. А. Телешовой, В. Я. Тишина, С. Сергѣевича, С. А. Виноградова, В. Д. Полѣнова, И. Г. Гуганова, А. А. Кучеренко, С. Сергѣевича, А. Ѳ. Нордберга, К. Н. Чичагова, В. А. Боровкова, П. Е. Литвиненко, В. И. Андреева, II. Разсказы, очерки и стихотворенія: Дмитрій Ивановичъ Тихомировъ. Біографическій очеркъ. Н. А. Зимченко (псевдонимъ). 13 августа 1901 г. Стих. В. П. Острогорскаго, Вас. Ив. Немировича-Данченко. Д. Л. Михаловскаго, М. Н. Альбова, В. П. Авенаріуса, Ив. А. Бунина, Д. Н. Мамина-Сибиряка, И. Н. Потапенко, В. А. Гиляровскаго, В. М. Лаврова, А. А. Слѣпцова, Т. Л. Щепкиной-Куперникъ, А. П. Чехова, К. С. Баранцевича, С. Я. Елпатьевскаго, А. А. Ѳедорова-Давыдова, А. Ѳ. Нордберга, Н. Д. Телешова, А. Д. Солодовникова, Н. И. Стороженко, И. И. Иванова, А. В. Круглова, Н. Н. Златовратскаго, П. А. Тулуба, Д. Л. Мордовцева, К. К. Случевскаго, С. Т. Семенова, Л. Ѳ. Чернскаго, А. А. Ѳедорова-Давыдова, Е. Н. Опочинина, В. А. Гольцева, А. А. Коринфскаго, М. В. Крестовской, И. И. Митропольскаго, И. А. Бѣлоусова, Т. Л. Щепкина-Куперникъ, С. Д. Дрожжина, Сергѣя Глаголь, В. П. Лебедева, В. П. Острогорскаго, А. Монастырскаго, В. А. Вагнера, Н. Я. Пясковскаго, В. М. Михеева, Л. М. Медвѣдева, К. В. Лукашевичъ, А. И. Тихомирова, В. А. Гиляровскаго, Е. П. Муратовой (Е. Владиміровой), Ел. А. Буланиной, А. М. Скабичевскаго, Н. И. Познякова, Ѳ. Ѳ. Тищенко, С. В. Зенченко, И. А. Бѣлоусова, М. Н. Слѣпцовой, А. А. Чеглока, С. Д. Дрожжина, І. А. Любича-Кошурова, П. А. Сергѣенко, Ел. Буланиной, П. А. Левицкаго, Н. А. Александрова, К. Д. Носилова, С. Н. Бородовича, Е. П. Гославскаго, А. Мирославича, М. А. Савина, Д. А. Коропчевскаго, В. А. Чилинцева, Р. И. Сементковскаго, П. М. Невѣжина, М. А. Козырева, В. А. Гиляровскаго, Е. В. Святловскаго, Е. Нечаева, А. К. Сизовой, Ѳ. Гаврилова, В. М. Сысоева, А. С. Баркова, В. Н. Ладыженскаго, М. А. Савина, Н. А. Соловьева-Несмѣлова, Н. А. Рубакина, Е. О., И. И. III. Музыкальныя пьесы: А. Скрябина, М. А. Слонова, Р. И. Сементковскаго, В. А. Кохановскаго, Т. Л.

Въ книгѣ помѣщены портреты и факсимиле всѣхъ авторовъ, произведенія которыхъ входятъ въ составъ ея, портреты художниковъ и портретъ-фототипія Д. И. Тихомирова.

Цѣна 2 рубля. За пересылку по разстоянію.

ГЛАВНЫЙ СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ: Москва, Б. Молчановка, домъ № 24, редакція журналовъ **Дѣтское Чтеніе** и **Педагогическій Листокъ**.

„Энциклопедическій словарь“

Брокгауза и Ефрона

(начатый проф. **И. Е. Андреевскимъ**)

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

К. К. АРСЕНЬЕВА и заслуженнаго проф. Ѳ. Ѳ. ПЕТРУШЕВСКАГО

при участіи редакторовъ отдѣловъ:

С. А. Венгерова	отдѣлъ	исторіи литературы.
Проф. А. И. Воейкова	„	географіи.
Проф. Н. И. Карѣева	„	исторіи.
Академика А. О. Ковалевскаго . . } Проф. В. Т. Шевякова . . . . . }	„	біологическихъ наукъ.
Проф. Д. И. Менделѣева	„	химико-техническій и фабрично-заводскій.
Проф. А. В. Совѣтова	„	сельско-хозяйственный.
Проф. Н. Ѳ. Соловьева	„	музыки.
А. И. Сомова	„	изящныхъ искусствъ.
Академика И. И. Янжула	„	политической экономіи и финансовъ.

Словарь выходитъ полутомами каждые два мѣсяца.

Вышелъ 67-й полутомъ (Трумъ—Углеродистый кальцій).

Цѣна каждаго полутома 3 р. въ перешлетѣ.

Книги высылаются почтою, при чемъ за пересылку взимается 40 к. съ книги.

Всѣ вышедшія уже книги высылаются по ж. дор., съ уплатою за провозъ по желѣзнодорожному тарифу (требуется указаніе станціи).

ДОПУСКАЕТСЯ ПОДПИСКА ВЪ РАЗСРОЧКУ:

1) При подпискѣ вносится задатокъ отъ 10 р. и выдаются имѣющіеся налицо полутомы. Долгъ выплачивается ежемѣсячными взносами отъ 7 р., независимо отъ пріобрѣтенія остальныхъ полутомовъ по 3 р. за книгу.

2) Лица, желающія подписаться въ разсрочку, благоволятъ указать на служебный, общественный или имущественный цензъ, при чемъ контора редакціи оставляетъ за собою право не принять подписку, если найдетъ гарантію уплаты недостаточною.

Принимается подписка на „Малый энциклопедическій словарь“ Брокгауза и Ефрона. Вышли 10 вып. Цѣна каждаго 1 р. 50 к. безъ пересылки.

Подписка принимается въ московскомъ отдѣленіи конторы редакціи «Энциклопедическаго Словаря»: при конторѣ журнала «Русская Мысль» (Москва, Воздвиженка, Ваганьковскій пер., д. Аплаксиной).

Типо-литогр. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°, Пименовская ул., соб. д.

п. б. в
05
Р-85
Тамбовская областная имени А. С. Пушкина
Земской Управы
Книгохранилище
Ю 9255

РУССКАЯ МЫСЛЬ

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ТРЕТІЙ.

КНИГА II.

МОСКВА.

1902.

МОСКВА.
Типо-литогр. Товарищества И. Н. Кушнеревъ и К°, Пимен. ул., собств. домъ.
1902.

391.705
Rus
V962
v.10

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

I. ВСЕ ПРИЛИЧНО. Повѣсть.—П. Д. Боборыкина. *Окончаніе* . 1

II. СПРУТЪ. Калифорнскій романъ. Франка Норриса. Перев. съ англ.—А. Г. *Продолженіе* 67

III. ЖЕЛѢЗНАЯ ДОРОГА. Повѣсть.—Н. Н. Юрьина. 94

IV. ЭЛЛЕНЪ ФОНЪ-ДЕРЪ-ВЕЙДЕНЪ. (Дневникъ). Габріэли Рейтеръ. Перев. съ нѣм.—Н. К. *Продолженіе*. 124

V. СТАРАЯ РЕФОРМА. Разсказъ.—Д. Н. Мамина-Сибиряка. . . 163

VI. СТИХОТВОРЕНІЕ.—Ив. Бунина. 180

VII. ФИЗИКО-МЕХАНИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ ЖИВОЙ МАТЕРІИ.—Н. А. Умова. 1

VIII. СТОЛѢТІЕ ФИЗИКИ.—Д. А. Гольдгаммера. 16

IX. ИЗЪ ЖИЗНИ ЕВРЕЙСКАГО ПРОЛЕТАРІАТА.—Б. Л. Вольфензона. *Окончаніе*. 30

X. СОВРЕМЕННЫЕ ФРАНЦУЗСКІЕ ДѢЯТЕЛИ. I. Жоржъ Клемансо.—Х. Г. Инсарова. *Окончаніе*. 40

XI. БОЛѢЗНЬ И СМЕРТЬ ГОГОЛЯ.—Н. Н. Баженова. *Окончаніе*. 52

XII. ЦИФРЫ И ФАКТЫ ИЗЪ ПЕРЕПИСИ С.-ПЕТЕРБУРГА ВЪ 1900 ГОДУ.—М. и О. 72

XIII. ПАМЯТИ РОЛЕНЪ-ЖЕКМЕНА.—Гр. Л. А. Камаровскаго . . 93

XIV. Н. В. ГОГОЛЬ И ЕГО ПИСЬМА.—В. В. Каллаша 102

XV. ВРАЧЪ И ЗАКОНЪ.—А. С. Скляра 121

XVI. БЫТОПИСАТЕЛЬ ПЕРЕХОДНАГО ВРЕМЕНИ. (О литературной дѣятельности Г. И. Успенскаго).—А. Уманьскаго . . . 140

XVII. ВЫСШАЯ РУССКАЯ ШКОЛА ВЪ ПАРИЖѢ.—Е. Семенова . 167

Стр.

XVIII. ПИСЬМО ВЪ РЕДАКЦІЮ.— Обезпокоеннаго консерватора . . 195

XIX. ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ. Проекты Судебныхъ Уставовъ, выработанные коммиссіей 1894 г. для пересмотра законоположеній по судебной части.—По поводу всеподданнѣйшаго доклада мин. фин. на 1902 г.—Прогрессируетъ ли населеніе?—Паденіе центра.—Школьныя сберегательныя кассы. . 200

XX. ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—В. А. Г. 226

XXI. СОВРЕМЕННОЕ ИСКУССТВО. I. Новинки Московскаго драматическаго театра.—Ю. А. II. Отъ «Ребенка» до «Коріолана». (Къ сорокалѣтію сценической дѣятельности Г. Н. Ѳедотовой).—В. Г. 235

XXII. ПИСЬМА ВЪ РЕДАКЦІЮ. 1) А. Хабарова. 2) В. Ахшарумовой. 251

XXIII. БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ. I. Книги: Беллетристика.—Философія, психологія.—Исторія, исторія литературы, мемуары.—Политическая экономія.—Географія, этнографія.—Книги для дѣтей, учебники.—Книги для народа. 33

XXIV. ОБЪЯВЛЕНІЯ. 1

КНИГОХРАНИЛИЩЕ
ТАМБОВСКОЙ ГУБЕРНСКОЙ ЗЕМСКОЙ УПРАВЫ
БИБЛІОТЕКА
№
ТАМБОВСКАЯ ОБЛАСТНАЯ
ИМЕНИ А.С. ПУШКИНА
БИБЛІОТЕКА

ВСЕ ПРИЛИЧНО *)

Повѣсть.

XI.

Изъ той комнаты, которая служила спальней Павлу, вотъ уже пять дней, какъ вынесли кровать. Больного, по настоянію Ивана Петровича, перевели въ кабинетъ, гдѣ больше воздуха и свѣта отъ балкона.

Въ началѣ девятаго вечера Нина Георгіевна и Лена сидѣли одна противъ другой въ томъ углу, гдѣ прежде стояла кровать. Дверь въ комнату больного была притворена. Лена прислушалась и поглядѣла на мать.

— Кажется, успокоился?—спросила шепотомъ Нина Георгіевна и сама повернулась лѣвымъ ухомъ къ двери.—Я ничего не слышу!

Во время ихъ обѣда, внизу, была опять тревога, опять прибѣжала сидѣлка, еще болѣе испуганная, чѣмъ въ тотъ день, когда съ Павломъ случился обморокъ.

На этотъ разъ было что-то еще сильнѣе.

— Столбнякъ съ Павломъ Львовичемъ,—повторяла она, вся блѣдная и еле выговаривая эти слова.

— Столбнякъ?—переспросила Нина Георгіевна.

— Une syncope, quoi!—перевела ей Лена.

Левъ Павловичъ сильно поблѣднѣлъ и совершенно растерялся.

Всегдашнимъ присутствіемъ духа отличалась только дочь.

Она сейчасъ же побѣжала наверхъ и вмѣстѣ съ сидѣлкой стала приводить брата въ чувство.

Синкопъ продолжался болѣе десяти минутъ.

Послали кучера верхомъ къ Ивану Петровичу. Онъ опредѣленно не говорилъ, пріѣдетъ ли къ вечеру еще разъ. Но состояніе больно-

*) *Русская Мысль*, 1901 г., кн. I.

го, видимо, начинало смущать его и онъ уже сказалъ Ленѣ—съ ней только онъ и говорилъ откровенно—что его спеціальность — хирургія, и хотя онъ лѣчитъ и общія болѣзни, но «казусъ» съ Павликомъ слишкомъ серьезенъ и принимаетъ форму сложной и опасной нервной болѣзни.

Кучеръ вернулся съ полчаса назадъ. Онъ отъ него поскакалъ въ Сокольники, гдѣ тотъ былъ въ гостяхъ, и захватилъ его тамъ. Онъ обѣщалъ быть «сію же минуту».

Нина Георгіевна за эти дни замѣтно измѣнилась въ лицѣ. Подъ глазами круги; щеки какъ-то сразу опустились и двѣ складки легли по обоимъ крыльямъ носа. Даже ея искусная отдѣлка лица сегодня какъ будто отсутствовала. Съ ней не было истерики, но она, совсѣмъ пришибленная, поднялась сюда, наверхъ, когда ей разрѣшила Елена Львовна.

Дочь приказала отцу дожидаться внизу Ивана Петровича и предупредить его насчетъ случившагося съ Павломъ.

Болѣзнь брата усилила ея авторитетъ въ домѣ. Теперь ничто не дѣлалось безъ ея приказа. И сидѣлка, и вся прислуга знали это.

Не въ нравѣ Лены было сдаваться передъ чѣмъ-нибудь, въ томъ числѣ и передъ болѣзнью. Она презирала всякую физическую слабость и смотрѣла на своихъ родителей, какъ на рыхлыя натуры, неспособныя взглянуть въ глаза серьезному недугу; но теперь, послѣ столбняка Павла и она зачуяла настоящую опасность.

— Vas voir!—шепотомъ сказала мать, указавъ рукой на дверь.

— Это его раздражаетъ, мама,—отвѣтила Лена по-русски.

Нина Георгіевна сдержала вздохъ, перешедшій въ нервную зѣвоту.

— Ah, mon Dieu!—чуть слышно вымолвила она.

Все это выбивало ее изъ колеи. Ничего подобнаго не случалось въ ея интимной жизни. Ни одной зацѣпинки не мозжило цѣлыхъ двадцать три года ея замужества. И дѣти росли тихо и незамѣтно. Павелъ, правда, былъ слабъ здоровьемъ, но и у него она не помнитъ никакой серьезной болѣзни, а Лену давнымъ-давно уже кто-то въ домѣ прозвалъ «Новый Мостъ», такой она всегда была крѣпышъ.

Ни исторіи, ни сценъ, ни недоразумѣній, ничего, ничего! И вдругъ эта дуэль, и болѣзнь Павлика, и все, что теперь говорятъ въ городѣ, и непріятности разныхъ объясненій.

Она сваливала половину вины на Фартова. Кто же ей поручится, что онъ не взволновалъ больного какой-нибудь нелѣпой выходкой?... Можетъ-быть, расплакался или сталъ нѣжничать съ Павликомъ, какъ съ сыномъ?

А тотъ, навѣрное, давно догадывался, *кто* его настоящій отецъ.

Она всегда скользила по этому, не хотѣла себя безъ всякой надобности разстраивать; но замѣчать она многое замѣчала.

Разница между сыномъ и дочерью въ томъ, какъ они относятся ко всему въ домѣ—разительная. Лена слишкомъ умна, чтобы «все» прекрасно не понимать; но она—образецъ такта. Съ Ардальономъ Силычемъ у ней тонъ самый подходящій. Отца она нѣжно любитъ; но знаетъ, не хуже другихъ, всѣ его слабости и въ глубинѣ души должна смотрѣть и на мать также точно.

Въ эту минуту Нина Георгіевна всего больше боялась, что вотъ-вотъ ввалится Фартовъ. Кто-нибудь внизу сболтнетъ ему про сегодняшній столбнякъ Павлика и съ нимъ тоже можетъ быть припадокъ.

Она смутно догадывалась, что у него съ мужемъ было какое-то объясненіе на-дняхъ. Левъ Павловичъ какъ-то, на особенный ладъ, пріунылъ и не отъ одного того, что съ Павликомъ дѣлается послѣ его обморока. У него соскакиваютъ съ языка какія-то фразы, совсѣмъ не въ его духѣ, и она ждетъ съ минуты на минуту, что и онъ явится къ ней для интимнаго разговора.

«Il ne manquerait plus que cela!»—подумала она по-французски и вся вздрогнула.

— Что съ тобой, мама?—окликнула ее шепотомъ Лена.

— Ничего... такъ!

Всего больше тяготило Нину Георгіевну то, что ей стало теперь неловко съ дочерью. Столько бы хотѣлось сказать, а она стѣснена. Лена это превосходно понимаетъ и тоже прималчиваетъ.

— Это Иванъ Петровичъ!—сказала погромче Лена и тотчасъ же встала и вышла на площадку.

Поднялась и Нина Георгіевна; но подошла къ двери въ спальню Павлика и приложила ухо.

Ничего она не могла разслышать. Сидѣлка, должно быть, задремала. Можетъ быть, спалъ и больной.

Сапоги Ивана Петровича издавали легкій скрипъ.

Нина Георгіевна обернулась и пошла къ нему навстрѣчу.

— Вы уже знаете?—встрѣтила она его посреди комнаты.

— Знаю, знаю! Съ тѣхъ поръ ничего, надѣюсь, не повторялось?

— Ничего,—подтвердила Лена.

Весь разговоръ былъ шепотомъ.

— Позвольте пройти къ нему. Только, mesdames, прошу васъ побыть здѣсь. Зачѣмъ же вамъ изводить себя?—обратился онъ больше къ Нинѣ Георгіевнѣ.

— И меня не нужно?—спросила Лена.

— И вы побудьте съ maman.

Докторъ на цыпочкахъ подошелъ къ двери и началъ прислушиваться.

— Заснулъ?—спросилъ онъ ихъ.—Что давалъ тотъ?

— Мы не знаемъ,—отвѣтила за мать Лена.

Онъ затворилъ за собою дверь. Мать и дочь вернулись къ своимъ мѣстамъ и сѣли одна противъ другой, опустивъ руки на колѣни, точно по уговору.

Обѣ стали прислушиваться. Голосъ доктора загудѣлъ. Его вопросы онѣ различали; но больше ничего. Потомъ наступило молчаніе, минуты въ двѣ, которое показалось имъ очень длиннымъ. Потомъ опять кто-то что-то сказалъ, должно быть, сидѣлка, и еще, и еще.

Это докторъ ставилъ ей вопросы.

Потомъ снова пауза, и гораздо дольше... и снова голосъ доктора; но очень тихо. «Такъ говорятъ только съ серьезными больными»,— подумали вразъ и мать, и дочь.

И какъ только мягко звякнула изнутри ручка двери, онѣ обѣ уже встали и сдѣлали нѣсколько шаговъ къ двери.

Лена первая замѣтила на лбу Ивана Петровича складку между бровями. И взглядъ вдругъ затуманился. Все это она разсмотрѣла даже въ полусвѣтѣ сумерекъ.

— Что?—нервно вырвалось у Нины Георгіевны.

— Не ладно,—обронилъ онъ.— Здѣсь нельзя намъ разговаривать. Елена Львовна, теперь вы побудете съ больнымъ, а я попрошу maman внизъ, къ Льву Павловичу.

— Вы видѣли его?—спросила Нина Георгіевна.

— Мелькомъ... Только, пожалуйста,—обратился онъ къ Ленѣ,— не безпокойте больного никакими вопросами.

— Съ какой стати?—строго отвѣтила Лена.

Ее и докторъ немного побаивался.

— Mon Dieu, mon Dieu!—вылетѣло со вздохомъ у Нины Георгіевны, и она пошла за докторомъ съ поникшей головой, опустивъ безпомощно руки вдоль бедръ.

И ей сейчасъ же захотѣлось сказать ему:

«Какой вы... докторъ! Каждый день у больныхъ и не можете носить обуви безъ скрипа подошвъ?»

По тому, какъ онъ сейчасъ произнесъ «не ладно» можно ждать всего дурного.

И этого онъ не долженъ былъ дѣлать... Хорошій человѣкъ, но все-таки «дубина», потому, вѣроятно, что «поповичъ».

Иванъ Петровичъ не былъ изъ духовнаго званія; но у Нины Ге-

оргіевны слово «поповичъ» имѣло растяжимое значеніе, какъ и у ея мужа.

Они нашли Льва Павловича въ его комнатѣ. Онъ стоялъ у открытаго окна, точно къ чему прислушиваясь, и какъ только докторъ первый пріотворилъ дверь, онъ кинулся къ нему.

— Что съ Павликомъ?

Голосъ его дрогнулъ.

Иванъ Петровичъ опустился на диванъ и жестомъ руки пригласилъ ихъ обоихъ сѣсть.

— Не хорошо, друзья мои,—началъ Иванъ Петровичъ и правой рукой, сжатой въ кулакъ, сдѣлалъ такое движеніе, какъ будто поворачивалъ ключъ въ замкѣ.

— Не хорошо?—блѣднѣя, повторилъ за нимъ Левъ Павловичъ.

— Совсѣмъ, совсѣмъ швахъ!

— Что же такое?—вполголоса, но крикнула Нина Георгіевна.

— Милая барыня!... Вы желаете, чтобы я вамъ выпалилъ слово мудреное... Много ихъ... этихъ словъ, и всѣ въ данномъ случаѣ будутъ кстати. Неврастенія... психозъ... абулія... и мало ли еще!... Но дѣло въ томъ... я уже говорилъ намедни Еленѣ Львовнѣ за лѣченіе того, чѣмъ этотъ травматическій случай осложнился...

— Травматическій?—простовато, вытаращивъ на доктора глаза, выговорилъ Кардуевъ.

— Простите... это по-нашему... а по-просту пораненіе... чистокровяное и мышечное. Это моя настоящая область. Но никто бы на моемъ мѣстѣ не предвидѣлъ, что вашъ юнецъ разболѣется въ такомъ именно направленіи...

— Но, докторъ, что же это? — порывисто спросила Нина Георгіевна.

— Серьезнѣйшее осложненіе на почвѣ... не одной физической. Тутъ есть душевная подкладка! Я это видѣлъ. Но не ожидалъ такого быстраго хода. Сегодняшній столбнякъ... сидѣлка сумѣла мнѣ толково разсказать... это—штука скверная...

Иванъ Петровичъ всталъ и отошелъ въ другой уголъ комнаты.

— Словомъ... я нуждаюсь въ совѣтѣ и помощи спеціалиста по нервнымъ болѣзнямъ и даже не одного... и прошу васъ позволить мнѣ пригласить...

— Консиліумъ?—испуганно пустила Нина Георгіевна.

— Да, консиліумъ. И чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше. Если успѣю, то завтра же къ обѣду пріѣду съ ними.

Онъ вернулся на свое мѣсто и, протянувъ руку Льву Павловичу, прибавилъ:

— И тотъ, и другой—люди порядочные. Одинъ даже прямо безсребренникъ. Что хотите, то и дадите. Да и за другимъ не водилось до сихъ поръ, чтобы анаѳемски дралъ.

— Что вы! Какіе же тутъ разговоры!—вскричалъ Кардуевъ.

— Такъ я могу дѣйствовать?

— Бога ради!—порывисто воскликнула Нина Георгіевна.

— Ладно. А теперь полный запретъ: никому изъ васъ... И Ардальону Силычу,—прибавилъ онъ,—и сегодня, и завтра больного не тревожить. Пускай будетъ къ нему навѣдываться одна Елена Львовна. Я сейчасъ поднимусь туда. Скажу ей все, что нужно. Ежели случится еще припадокъ, пошлите за мной, хотя бы поздней ночью.

— Но скажите, Иванъ Петровичъ, дорогой, — Кардуевъ взялъ его за обѣ руки,—неужели онъ такъ опасенъ?

Нина Георгіевна встала въ одно время съ мужемъ, и ея красивые, восточные глаза уставились на доктора.

— Пугать васъ безъ толку было бы глупо. Но ставить діагнозъ не по моей части — воздержусь. Тутъ есть что-то... какой-то душевный или сердечный червякъ... Какой-то ударъ... А пуля... и вообще дуэль—только импульсъ. Прощайте! Тороплюсь. Сегодня такой каторжный день. Долженъ еще къ паціенту.

Онъ быстро и крѣпко пожалъ имъ обоимъ руки и вышелъ, продолжая скрипѣть подошвами.

Оставшись одни, Кардуевы присѣли одинъ за другимъ на диванъ, гдѣ только что сидѣлъ Иванъ Петровичъ, и съ полминуты молчали.

Левъ Павловичъ наклонился къ женѣ, взялъ ее за руку и два раза поцѣловалъ.

— Не убивайся ты, Бога ради! Ты видишь, Иванъ Петровичъ потому только проситъ созвать консиліумъ, что онъ не спеціалистъ по нервнымъ болѣзнямъ.

— Что же это?—сдерживая слезы, прошептала Нина Георгіевна.

Она знала, *что* это! Зналъ и мужъ ея; но имъ слишкомъ тяжело было выговорить это, даже и съ глазу на глазъ.

— Разумѣется... тутъ дѣло не въ одной ранѣ, — обмолвился Кардуевъ, не поднимая на жену глазъ.

Льву Павловичу, послѣ разговора въ аллеѣ съ Фартовымъ, было извѣстно, что и между женой и «другомъ» вышло объясненіе. И все-таки каждый изъ нихъ хоронился за что-то... не хотѣлъ сразу заговорить такъ, какъ имъ подсказывало внутреннее чувство.

— Что же дѣлать, что же дѣлать?!—вырвался возгласъ у ней.

— Ждать. Не терять надежды. А какъ же можемъ мы что-нибудь измѣнить, Нина... И обвинять его нельзя.

— Кого?—растерянно переспросила она, какъ бы плохо понявъ, о *комъ* онъ говоритъ.

— Да все его же... Павла!

Онъ точно воздержался сказать: «нашего сына».

— Кто же винитъ?

— Ударъ былъ... и прямо въ грудь. А въ немъ это годами накоплялось.

Нина Георгіевна не спросила, что «это», и повернула голову.

— Заднимъ числомъ нечего теперь убиваться, и то сказать... и вести себя безъ всякой мѣры...

— Ты про Фартова?—остановила она.

— Ну, да! Я знаю, онъ тебя взволновалъ и безъ всякой надобности.

— И тебя тоже, Лева?

— Пожалуйста, Нина, воздержи его! И наверхъ его ни подъ какимъ предлогомъ не пускать... и чтобы никто ему ничего не говорилъ про сегодняшній столбнякъ Павлика.

— Все равно узнаетъ.

— А затѣмъ... Богъ милостивъ!

Левъ Павловичъ еще разъ поцѣловалъ руку жены. Она поднялась, онъ взялъ ее за талію и подвелъ къ окну.

— Богъ милостивъ!—повторилъ онъ, хотѣлъ еще что-то сказать и остановился, услыхавъ, какъ за угломъ, на дворѣ, подали пролетку доктору.

XII.

Утро ласково заглядывало въ окно мезонина.

У открытой на балконъ двери, въ глубокомъ соломенномъ креслѣ, сидѣлъ Павелъ, въ студенческой сѣрой тужуркѣ. На колѣняхъ, прикрытыхъ пледомъ, лежала книжка большого журнала.

Вотъ уже болѣе трехъ дней, какъ онъ на ногахъ. Сидѣлку разочли. Ему прислуживаетъ швейцаръ и одна изъ горничныхъ его матери.

Онъ пробовалъ читать, но дальше двухъ страницъ не пошелъ. Голова слегка кружится. Еслибъ докторъ явился сейчасъ, онъ отнялъ бы у него книгу.

Голова, сама по себѣ, работаетъ ясно и быстро, но всякое механическое напряженіе—въ томъ числѣ и зрительное—еще не по силамъ.

Тамбовской Губернской Земской Управы БИБЛІОТЕКА №

Книжку журнала онъ отложилъ на столикъ.

Думать нельзя. Запретили, а онъ только и дѣла дѣлаетъ, что усиленно думаетъ, съ тѣхъ поръ, какъ сталъ приходить въ «норму».

Норма! Сколько разъ повторилъ при немъ это слово «милѣйшій Иванъ Петровичъ» и тотъ «невропатологъ», который сталъ лѣчить его вмѣстѣ съ хирургомъ.

Норма! Какъ всѣ они, врачи, влюблены въ это слово! Точно это какой-то выигрышъ по внутреннему займу, въ двѣсти тысячъ, для того, кому нечего было ѣсть.

Съ какимъ сіяющимъ видомъ Иванъ Петровичъ сказалъ ему надняхъ:

— Ну-съ, теперь, милый вьюношъ, мы васъ, совмѣстными силами, привели въ норму.

И рады! И думаютъ, что все этимъ сказано и онъ возродился къ другой, настоящей, *нормальной* жизни.

Невропатологъ, такой пріятный и ласковый, по всѣмъ признакамъ «душа человѣкъ»—не тревожитъ его вопросами и только три дня назадъ, когда прекратились всѣ болѣзненныя явленія, навелъ его очень деликатно на нѣкоторыя сообщенія о «характерѣ» его умственной и эмоціональной жизни.

Онъ чуетъ, что и этотъ невропатологъ, и хирургъ о чемъ-то догадываются, т.-е. о мотивѣ его дуэли. Для Ивана Петровича главное дѣло, что рана хорошо залѣчена и—никакихъ признаковъ частичной парализаціи, нѣтъ даже и маленькой неловкости при ходьбѣ. Но для невропатолога душевный мотивъ важнѣе всего. И съ нимъ бы онъ поговорилъ. Третьяго дня была такая минута... онъ хотѣлъ ему сказать:

«Отчего же, профессоръ, вы меня не спросите ничего о ближайшемъ импульсѣ моей болѣзни?»

И тутъ же испугался. Куда заведетъ его такая исповѣдь...? А отвѣчать только на вопросы томительно.

Навѣрно, и профессору хотѣлось бы больше знать; но онъ такой деликатный.

И вотъ уже который день, цѣлую недѣлю онъ опять самъ съ собою, ушелъ снова въ ту же душевную работу. И не предвидится для нея исхода.

Смерть прошлась по немъ своимъ леденящимъ дуновеніемъ.

Это было послѣ обоихъ припадковъ. Его точно заживо клали въ гробъ, и онъ, какъ бываетъ во снѣ, не могъ двинуть рукой или языкомъ и сознавалъ, какъ: еще нѣсколько мгновеній, и жизнь отлетитъ!

И когда его привели въ чувство и онъ сознаЛъ, что смерть уже

не дышитъ ему въ лицо, онъ не ощутилъ ни малѣйшей радости. Напротивъ! Ему страстно захотѣлось перейти въ ничто.

Онъ впередъ зналъ, что если его вылѣчатъ и онъ войдетъ въ «норму», ему будетъ такъ же нестерпимо, какъ было и до его опасныхъ припадковъ, при которыхъ можно прямо отправиться въ «лучшій міръ».

Дни эти и наступили. Они идутъ теперь. И что его всего больше то гнететъ, то раздражаетъ—это цѣпь притворства и «умолчаній», которыми онъ окруженъ.

Всѣ вѣдь понимаютъ, въ чемъ дѣло. Ему сдается, что и мать, и отецъ, и «Ардальонъ», и сестра—всѣ знали изъ-за чего онъ стрѣлялся, знаютъ и то, что онъ сынъ не Льва Павловича, а Фартова.

Ардальонъ еще самый цѣльный изъ нихъ. Но и онъ не смѣлъ дойти до конца и сказать ему, и тогда, до опасной его болѣзни, что онъ—его отецъ.

Мать вотъ здѣсь, на балконѣ, когда онъ уже оправился, прослезилась: но ни одного звука, ни одного намека на то, изъ-за чего онъ дрался на дуэли. Точно также и сестра.

О своемъ названномъ отцѣ, Кардуевѣ—онъ уже и не говоритъ. Тому только бы все сошло благополучно.

И всѣ будутъ повторять потомъ:

«Мы ли его не любимъ! Мы ли его не жалѣемъ! А онъ точно дикій звѣрь смотритъ въ лѣсъ».

Лучше бы они его не любили, а сбросили бы съ себя это прилипшее къ нимъ покрывало вѣчной лжи, компромиссовъ, смягченій и замалчиваній.

Въ ихъ деликатности онъ чуялъ также, до послѣднихъ дней, страхъ: какъ бы его нервная болѣзнь не перешла въ сумасшествіе. Сколько разъ онъ ловилъ въ выраженіи ихъ глазъ и страхъ за себя: у сестры, у матери и у Льва Павловича.

«Вдругъ какъ онъ впадетъ въ ярость и кинется на меня?»

Его болѣзнь, съ ея тайнымъ мотивомъ, сдѣлалась для нихъ всѣхъ, не исключая и Фартова, которому онъ всего дороже—новымъ поводомъ еще глубже опуститься въ эту яму лжи и вранья себѣ и людямъ.

И никого изъ нихъ онъ не могъ любить. Никого и не жалѣлъ. И это глодало его теперь сильнѣе, чѣмъ когда-либо прежде. Его «исторія» выбила ихъ изъ колеи. Не мало они, каждый по своему, наволновались. Можетъ быть, между ними были и тяжелыя объясненія. При темпераментѣ «Ардальона» это болѣе, чѣмъ вѣроятно. Но все равно; ни до чего рѣшительнаго у нихъ всетаки не дойдетъ.

Двадцать лѣтъ жили они въ такъ называемомъ «ménage à trois»

и уже, конечно, не разрушатъ его, даже изъ страха передъ мнѣніемъ свѣта. Это мнѣніе давно уже составилось и идти на что-нибудь рѣшительное было бы для нихъ нелѣпой и, главное, скандальной выходкой.

Это бы значило: повиниться передъ всѣми, сознавъ, что ихъ прошлая жизнь была сплошнымъ цинизмомъ. И съ какой стати они пошли бы на такой покаянный поступокъ, когда никому этого не нужно? Напротивъ, ихъ примѣръ для многихъ—прямая поддержка. Ихъ тріо, навѣрно, ставятъ въ образецъ постоянства и порядочности.

Никогда еще потребность въ любви сыновней, жаркой и нѣжной, не воскресала въ немъ, какъ теперь. Откройся ему Фартовъ, назови прямо своимъ сыномъ и скажи: «Уйдемъ отсюда, мать твоя согласна быть моей женой»—онъ бросился бы ему на шею.

Но хотя-бы и такъ: имѣй тотъ смѣлость только сказать ему правду, и тогда спало бы съ него то брезгливое, почти ненавистное чувство, какое онъ не могъ никогда подавить въ себѣ, особенно съ того времени, какъ онъ увѣрился, кто этотъ Фартовъ, даже и недавно, когда его глаза раскрылись и онъ увидалъ въ Ардальонѣ своего родного отца.

Фартовъ боится, дрожитъ за него, не смѣетъ говорить отъ души Его мало и пускали сюда вплоть до того дня, когда всякая опасность миновала. На глазахъ у того слезы радости, а это его не трогаетъ. И не дальше какъ вчера онъ чуть не крикнулъ ему:

«Да передъ кѣмъ же вы рабствуете? Скажите же прямо, что вы мой отецъ!»

Съ нимъ ему жутко; а съ родителями еще болѣе тяжко. Онъ отмалчивается или отвѣчаетъ кратко на вопросы.

Вчера мать и отецъ пришли къ нему вмѣстѣ. Это было при Ленѣ. Она теперь главный дипломатъ и режиссеръ всего, что говорится и дѣлается въ домѣ, задаетъ тонъ, распоряжается всѣми оттѣнками поведенія и словами, и родителей, и Фартова. Это смѣшитъ и бѣситъ его.

Что-то такое кажется было рѣшено на семейномъ совѣтѣ, куда врядъ ли допускался Фартовъ: его теперь держатъ въ черномъ тѣлѣ. И отецъ, и мать, точно по суфлеру, выговаривали маленькія фразы насчетъ того, что окончательное укрѣпленіе его силъ зависитъ главное отъ его «доброй воли».

Это имъ внушила Елена Львовна.

Онъ все слушалъ и молчалъ; хотѣлъ и совсѣмъ отдѣлаться молчаніемъ; но одна какая-то слащавая фраза матери вызвала гримасу на его лицѣ, и онъ сказалъ, ни къ кому изъ нихъ особо не обращаясь:

— Добрая воля... не отъ насъ зависитъ. Господа невропатологи это прекрасно знаютъ. Стоитъ спросить у профессора.

Всѣ трое переглянулись и минуты черезъ двѣ ушли.

Сегодня его никто еще не навѣщалъ. Отецъ и мать навѣрно спятъ. Вчера всѣ они ѣздили въ гости, въ Разумовское, и вернулись поздно. Ему подавала чай горничная. Она спрашивала его о здоровьѣ, по порученію «барышни».

Вся прислуга признаетъ Лену главнымъ своимъ начальствомъ. И въ тонѣ горничной, какъ она сегодня выговорила:

«Елена Львовна приказали узнать»—слышалось нѣчто, похожее на то, когда что-нибудь передается дѣтямъ отъ взрослыхъ.

Только что онъ такъ подумалъ, раздались въ первой комнатѣ, куда онъ еще не переходилъ спать, шаги Лены.

Она вставала всегда раньше отца съ матерью, въ какомъ бы часу ни легла, и прислуга знала, что барышня не пропуститъ безъ замѣчанія никакой оплошности.

Переходя черезъ гостиную, она непремѣнно попробуетъ платкомъ, вытерта ли пыль на зеркалахъ и подзеркальникахъ.

— Ты давно поднялся?—спросила Лена на ходу.

На ней былъ голубоватый капотъ, еще безъ корсета, и бюстомъ она еще болѣе смахивала на замужнюю женщину.

Она наклонилась къ нему и поцѣловала въ лобъ, что она неизмѣнно дѣлала съ тѣхъ поръ, какъ онъ сталъ поправляться.

— Кто же тебѣ позволилъ читать Павликъ?—тономъ старшей выговорила Лена.

— Я не могу еще читать.

— А пробовалъ?

— Надо же было знать?

И по лицу его мелькнула гримаска, которой онъ защищалъ себя, когда къ нему приставали.

— Чай пилъ?

— Пилъ.

Лена опустила штору на одномъ изъ оконъ и оглядѣла кругомъ, все ли въ порядкѣ.

Постель стояла уже прибранной. И воздухомъ она была довольна.

— Съ аппетитомъ пилъ чай? Не хочешь ли яйцо въ смятку?

— Не теперь.

Противъ его воли, ему дѣлалось все тягостнѣе съ сестрой, съ тѣхъ поръ, какъ онъ поправился.

И прежде они никогда не говорили по душѣ. Споровъ съ нею онъ

также избѣгалъ; но когда она порывалась дѣлать ему замѣчанія—онъ уклонялся.

Лена постояла на балконѣ и, войдя опять въ комнату, присѣла на край постели, лицомъ къ нему.

— Послушай, Павликъ... Ты извини... но я должна тебѣ сказать одну вещь.

По тону онъ ждалъ какого-нибудь «внушенія».

— Что такое?—кротко спросилъ онъ и поглядѣлъ на нее черезъ комнату.

— Ты теперь... совсѣмъ хорошо себя чувствуешь... и надо бы немножко больше слѣдить за собою.

— Что ты хочешь сказать?

— Вчера ты, безъ всякаго повода, такъ рѣзко отвѣтилъ папѣ и мамѣ... просто можно сказать обрѣзалъ ихъ. Съ какой же стати? Ты припомни, что они тебѣ замѣтили... и въ самой мягкой формѣ?

— Я знаю что̀,—уже нервнѣе откликнулся Павелъ.

— Чтобы ты себя немножко подтянулъ?

— А что же, развѣ я на себя напускаю что-нибудь... притворяюсь больнымъ?

— Никто этого не говоритъ—Лена встала и начала ходить поперекъ комнаты—ты не напускаешь на себя болѣзнь. Но ты слишкомъ отдаешься твоимъ, какъ нынче говорятъ, настроеніямъ. Не хочешь быть бодрѣе и мягче. Это нехорошо, воля твоя!

— Можетъ быть,—обронилъ онъ.

— Про себя я ужъ не говорю! Твоей дружбы я никогда не удостоивалась. Но ты хоть бы пожалѣлъ отца съ матерью. Они просто извелись. Какъ же это не понимать и не цѣнить?—сказала она громче.

— Другими словами,—заговорилъ Павелъ и подался впередъ,—я веду себя... какъ дурной сынъ?

— Еслибъ ты самъ со стороны посмотрѣлъ, не знаю, что бы ты сказалъ.

— А ты что же скажешь?

— Я не могу похвалить тебя! Довольно и того, что твоя исторія была для насъ страшнымъ ударомъ.

— И я въ ней кругомъ виноватъ?—еще возбужденнѣе спросилъ Павелъ.

— Допытываться я не желаю.

— Нѣтъ, позволь...

Онъ сбросилъ съ ногъ пледъ и взялся нервно за ручку кресла.

— Пожалуйста, не волнуйся.

— Нѣтъ, позволь!—повторилъ онъ.—Ты первая начала. И я

имѣю право спросить тебя въ упоръ — онъ приподнялся,— ты знаешь, что меня заставило послать вызовъ Темлякову?

— Мнѣ никто не говорилъ.

— И ты даже не догадываешься? Я тебѣ не вѣрю, Лена.

— Какъ желаешь!

— Не вѣрю! Вы всѣ здѣсь прекрасно знаете, прекрасно. Стало, по-твоему, если первый попавшійся скажетъ, что твоя мать—возлюбленная милліонера и сдѣлаетъ намекъ, что этотъ милліонеръ поддерживаетъ всю фамилію, надо пропустить мимо ушей, облизнуться? А?

Лена поблѣднѣла и, стоя посреди комнаты, нервно трясла одной ногой.

— Если это и было такъ... мать съ отцомъ достаточно натерпѣлись...

— Постой!—крикнулъ Павелъ и совсѣмъ поднялся.—Ты могла воздержаться отъ такихъ объясненій. Но разъ навсегда знай, что вы всѣ здѣсь опутаны совсѣмъ постыдными сдѣлками съ совѣстью. И мнѣ не нужно ни вашей любви, ни жалости!

— Превосходно!

— Да, не нужно! И ты первая мнѣ чужда... и всегда была чужда. Ты образцово-умная... и полная такта и самообладанія... А я вотъ видишь... неврастеникъ... можетъ быть, кандидатъ въ Преображенскую больницу. Но пусть будетъ такъ! Никакихъ умолчаній я больше не желаю... Слышишь?... И ты можешь имъ тамъ всѣмъ сказать... начиная съ матери. Довольно!

— Павликъ! Не безумствуй!

Она взяла его за обѣ руки и усадила въ кресло.

— Ну, я беру свои слова назадъ. Ты еще нездоровъ.

— Да, боленъ... но не тѣломъ, а душой. И не могу быть здоровъ. Вотъ уже два года, какъ я живу одинъ... и гложу себя, и не прощу себѣ за то, что оставался съ вами, пилъ и ѣлъ на чужой счетъ!

— Ты Богъ знаетъ, что говоришь!

— Ха-ха-ха!—разразился онъ и упалъ на спинку кресла. Не правда ли, это безумный бредъ дли уравновѣшенной Елены Львовны Кардуевой? Разумѣется... вѣдь ты другого совсѣмъ рода? Ты—Кардуева, а я—Фартовъ.

Она отскочила отъ него.

— Ты думаешь, я съ ума сошелъ? Почему? Не притворяйся. Какъ будто тебѣ неизвѣстно, какую роль въ нашемъ домѣ играетъ Ардальонъ? Неужели ты считаешь меня такимъ идіотомъ?

Онъ сурово поглядѣлъ на нее.

— Не лги! Не ломай комедіи! Ты прекрасно все знаешь и, какъ образцовый дипломатъ, всему нашла свое оправданіе.

— Павликъ! Мы не имѣемъ права судить нашихъ родителей! — взволнованно выговорила Лена.

— Изъ какой это прописи? Я не судья ихъ. Но кто же далъ имъ право заставлять меня страдать? Было бы въ тысячу разъ лучше, еслибъ кто-нибудь изъ нихъ сказалъ мнѣ правду, когда я вошелъ въ возрастъ. Да, да! Нечего поводить плечами! Пришелъ бы и сказалъ: такъ и такъ... нашъ бракъ былъ фиктивный, мы не хотѣли его нарушить... передъ обществомъ. Твой отецъ вотъ кто... Выбирай—кого ты больше любишь, съ тѣмъ и оставайся... А вы всѣ сдѣлали то, что мнѣ и мой родной отецъ сталъ противенъ.

Лена подбѣжала къ нему и стала трясти его за руку.

— Почемъ ты знаешь, наконецъ?—съ трудомъ выговорила она.

— Почемъ знаю? Прозрѣлъ! Да и не трудно было прозрѣть. Ардальонъ самъ чуть-чуть не признался и, спроси я его теперь—сынъ я вашъ или нѣтъ—онъ не сможетъ солгать.

— Мало ли кто въ чемъ увѣритъ себя?

— А-а!—крикнулъ Павелъ.—Вотъ и поймались, Елена Львовна! И мать вашу выдали! Что твои слова значатъ? Что, молъ, мама наша могла его въ этомъ и увѣрить... Ну, посмотри на меня: на кого я похожъ—на Льва Павловича, какъ ты, или на того?

Онъ опять поднялся и обвелъ рукой свое лицо.

— Ты не смѣешь затѣвать ничего подобнаго!—прерывисто дыша, кинула Лена и близко подбѣжала къ нему.

— Не извольте пугаться, Елена Львовна. Вашъ союзъ порядочныхъ людей не потревожу. Но въ мою душу никто изъ васъ не смѣетъ вторгаться, и первая—ты! Я тебѣ, первый, ничего не говорилъ. Но, по крайней мѣрѣ, ты ужъ передо мною не будешь притворяться, что ты какъ овечка чиста, ничего не видѣла и не знала до двадцати двухъ лѣтъ отъ роду! Ха-ха!

Павелъ хотѣлъ подняться и упалъ въ кресло, взявшись за грудь. Голова закатилась.

Лена порывисто припала у кресла на колѣна и схватила брата за голову.

XIII.

Лена проснулась очень рано. На ея часикахъ было всего половина седьмого.

Она спитъ за легкими ширмами въ высокой, просторной комнатѣ, гдѣ все бѣлое. Рядомъ небольшая уборная.

Вставать раньше прислуги ей еще не случалось. Да у пей и настроеніе такое, что лучше полежать, чего она обыкновенно пе дѣлаетъ.

Вообще валяться—не въ ея привычкахъ. Она это презираетъ въ барышняхъ ея круга. Особенно валяться дома, *одѣтой,* по диванамъ и кушеткамъ, во всякое время, въ халатахъ, безъ корсета. Все что отзывается «помѣхами»—слово ея отца—прежней жизнью въ усадьбахъ, она презираетъ.

Ей бы родиться въ Англіи или въ Америкѣ, вообще за границей. Даже нѣмецкая жизнь, насколько она къ ней присматривалась на водахъ, была бы больше ей по вкусу и привычкамъ.

Ленѣ въ постели удобнѣе думать.

Она едва ли не впервые такъ задумалась послѣ вчерашняго «инцидента» въ мезонинѣ, у Павлика.

У него сдѣлалось простое головокруженіе, но лицо внезапно получило такой мертвенный видъ, что она никогда еще не испытывала такого страха. Ей показалось одно мгновеніе, что Павликъ умеръ.

Но она его раза два встряхнула, и онъ раскрылъ глаза.

Она чуть-чуть не разрыдалась; но взяла себя тотчасъ же въ руки, хотѣла его уложить въ постель, да онъ не дался.

Однако, настояла на томъ, чтобы онъ принялъ лѣкарство и выпилъ рюмку портвейна, которую сама принесла изъ буфета.

Почти что со слезами стала она просить извиненія за то, что вызвала его на такой разговоръ, и добилась-таки того, что онъ далъ ей слово ничего не «начинать», пока не поправится совсѣмъ, а главное—не имѣть никакихъ интимныхъ объясненій съ Фартовымъ.

Онъ молча кивалъ головой.

Но за него ручаться какъ же можно?

И это была первая мысль, съ которой она проснулась.

«Неладно въ нашемъ домѣ,—внутренно произнесла она. Хорошо еще, что съ Павликомъ не случилось опять припадка». Вчера онъ больше все сидѣлъ въ креслѣ, прохаживался по комнатѣ, выходилъ и на балконъ.

Мать и Фартова она рѣшительно къ нему не пустила, говоря, что его разговоры слишкомъ еще утомляютъ.

Ардальону она даже прямо пригрозила.

— Если вы не хотите, чтобы съ нимъ случился рецидивъ, вы оставите его въ покоѣ, по крайней мѣрѣ еще дня на два.

Съ Фартовымъ у ней портится тонъ, она это сама замѣчаетъ.

Но никто не виноватъ, что онъ просто глупитъ. «Хамская»-то

натура и сказалась! Не можетъ понять, что ему ни подъ какимъ видомъ не слѣдуетъ «носиться» съ своей любовью къ Павлику.

Вчера она ему сказала даже, прощаясь съ нимъ:

— Согласитесь, Ардальонъ Силычъ, что Павелъ не менѣе, чѣмъ вамъ, дорогъ всѣмъ намъ.

Это «не менѣе» она подчеркнула.

Пускай его разъ навсегда пойметъ, что есть семейныя тайны, которыя порядочный человѣкъ обязанъ оберегать потому именно, что въ нихъ замѣшанъ.

Больше она не могла сказать, но и этого, кажется, довольно.

Да, она давно сообразила, что ея братъ по матери—незаконный сынъ Фартова, вскорѣ послѣ того, какъ для нея не было уже тайной, въ какихъ они находятся отношеніяхъ. Лѣтъ съ пятнадцати она съ этимъ фактомъ помирилась и никогда не считала себя безнравственной, какъ вчера ей кинулъ въ лицо «сводный братецъ» Павелъ Львовичъ.

И тутъ ея мысль перенеслась за границу. Она довольно жила во Франціи, на Ривьерѣ и въ Парижѣ. У ней есть пріятельницы изъ свѣтскихъ француженокъ, съ которыми она переписывается.

Да куда же тамъ дѣваться дѣвушкѣ, еслибъ она принимала все такъ, какъ ея братецъ Павликъ, съ его неврастенической натурой?

Романисты не выдумываютъ: среди ихъ знакомыхъ въ Біаррицѣ, на Риверѣ, если взять только тотъ кругъ, который живетъ чисто-свѣтской жизнью, она почти что не знаетъ ни одной семьи, гдѣ бы не было завѣдомаго «друга». И эти связи длятся годами. О нихъ сейчасъ же вы узнаете. Пріѣхали вы въ первый разъ въ Ниццу, или Канны, или Біаррицъ и черезъ недѣлю вы уже знаете всю подноготную:

— Vous savez... le comte Emeric, le beau blond... le second mari de madame B?

Такъ и называютъ «le second mari»; а то такъ болѣе вѣскимъ жаргоннымъ словомъ.

Она находила, на первыхъ порахъ, что тамъ дѣвчурки по шестнадцатому году куда «просвѣщеннѣе», чѣмъ она была въ девятнадцать.

У англичанокъ того же круга врядъ ли много лучше, даже хуже: только у нихъ все «шито-крыто», и въ романахъ нравы ихъ рѣже разоблачаются, потому что тамъ «cant», лицемѣріе, чтобы снаружи была «respectability». А она лично знаетъ нѣсколько «кутилокъ» изъ англичанокъ самыхъ родовитыхъ фамилій, что за поясъ заткнутъ всякую француженку съ легкой репутаціей.

109255

Она любитъ за границей читать въ англійскихъ газетахъ бракоразводные процессы. Какихъ же еще «упадочныхъ» нравовъ?

Такія же и американки, если еще не распущеннѣе. Примѣръ той, что вышла за князя, потомка крестоносцевъ, и сбѣжала съ венгерскимъ цыганомъ—вовсе не исключеніе. Это стоитъ нашихъ барынь, увлекающихся въ Крыму проводниками-татарами.

У француженокъ все это, въ кругу порядочныхъ людей, гораздо приличнѣе и серьезнѣе. Связи длятся годами. Въ свѣтѣ съ ними мирятся, въ семействѣ это—«un secret de polichinelle». Очень часто одинъ ребенокъ, а то и двое, и больше—отъ друга. И это извѣстно. И ни одна дѣвица не сдѣлаетъ матери своей или отцу сцену изъ-за этого. Бываетъ и такъ, что другъ женится на дочери, а отъ кого она—это еще вопросъ. Всего чаще дѣти «обожаютъ» друга, даже если онъ и не тайный ихъ отецъ.

Все идетъ безъ малѣйшей драмы и скандальныхъ обличеній.

«Иначе и не должно быть»,—рѣшила Лена, и уже не въ первый разъ.

Если Павликъ что-нибудь «выкинетъ»—это будетъ большой гадостью: она иначе не можетъ назвать.

Будь она на его мѣстѣ, узнай она,—хоть и поздно,—что Фартовъ ея отецъ, она бы приняла этотъ фактъ просто и постаралась бы хоть сколько-нибудь отвѣтить на его любовь къ ней.

Онъ безумствуетъ по сынѣ; а Павликъ обличаетъ его за ложь, за притворство, вмѣсто того, чтобы похвалить его за деликатность, которая—до этой исторіи—не покидала его.

И такой вотъ «нутрякъ», — употребила она мысленно слово отца, — такой «клиническій субъектъ», воображаетъ себя датскимъ принцемъ и всѣхъ ихъ внутренно честитъ, какъ никуда не годную дрянь, забывая чего имъ всѣмъ стоила его исторія.

Ей первой! До сихъ поръ она не знала такихъ «передрягъ». Въ ней все уложилось, всему она нашла объясненіе и оправданіе, и въ такой ея философіи гораздо больше гуманности и пониманія, чѣмъ въ его душевномъ ковыряньи à la Достоевскій.

Съ какой стати будетъ она выступать въ роли прокурора или судьи? Кто ей далъ на это право? Въ чемъ ее обманывали родители? Она дочь ихъ—несомнѣнно. Ихъ интимная жизнь сложилась такъ, какъ должна была сложиться.

Мать—красавица, прекраснаго характера и княжескаго рода,—имѣла право счесть себя обиженной, когда стала замѣчать, что отецъ слабъ насчетъ женщинъ. Она его не бросила и за это вотъ ея дочь ей благодарна. Большое несчастіе родиться въ распавшейся семьѣ.

А тутъ—свой человѣкъ, пріятель мужа, щедрый, уже выручавшій ихъ изъ большой бѣды, рабски преданный. Ничего нѣтъ возмутительнаго въ томъ, что она снизошла до взаимности.

И цѣлыхъ двадцать лѣтъ они прожили. Какъ? Это ихъ дѣло. Представляютъ ли они «ménage à trois» или только фиктивный бракъ, она никогда въ это не входила и считала бы: доискиваться правды—еще большей гадостью.

Такъ живетъ она уже болѣе четырехъ лѣтъ, съ тѣхъ поръ, какъ и въ домѣ стали смотрѣть на нее, какъ на самостоятельную личность, и она,—безъ всякаго усилія—заняла мѣсто какъ бы главы семейства.

Но это положеніе только осложнитъ все то тяжелое, неловкое и прямо опасное, что уже начало подтачивать ихъ общую жизнь: «инцидентъ» съ Павликомъ.

Съ Фартовымъ она теперь уже сама не можетъ быть такою, какъ это было мѣсяцъ назадъ.

Она должна будетъ безпрестанно предостерегать его; а это неминуемо поведетъ къ кому-нибудь очень нежелательному объясненію.

И съ матерью почти что то же самое. Давно между ними не было ни малѣйшей неловкости. Все катилось, какъ по рельсамъ.

А теперь есть «нѣчто», и это «нѣчто» уже закралось въ душу матери. Она теряетъ свое спокойствіе и самообладаніе, свою красивую и для всѣхъ пріятную ясность. Она боится Павлика и какъ бы предчувствуетъ, что этимъ дѣло еще не кончится.

До сихъ поръ она еще держала себя въ клещахъ; но придетъ такая минута, и она не выдержитъ, станетъ изливаться. Съ кѣмъ?

Да все съ ней же, съ Леной!...

Въ этихъ изліяніяхъ многолѣтняя завѣса разорвется и будетъ то, что называется непереводимымъ французскимъ словомъ promiscuité—та «нечистоплотность», которая всего печальнѣе въ русскихъ семьяхъ.

Все выкладывается наружу, тайная подкладка выворачивается налицо. И сразу отлетитъ тотъ декорумъ, тотъ престижъ, безъ которыхъ жизнь превращается въ циническую распущенность.

«И вотъ этого-то желаетъ нашъ Гамлетъ!»—воскликнула чуть не вслухъ Лена и подняла, лежа на постели, обѣ руки, бѣлыя и полныя, очень красивыя.

Бѣдный ея отецъ, ея главный и вѣрный другъ—и тотъ совсѣмъ подавленъ. Онъ больше матери будетъ поддерживать съ ней престижъ, избѣгать всякихъ ненужныхъ сценъ и откровенностей; но и онъ можетъ податься.

Какая-нибудь дикая выходка Павла—и онъ придетъ за совѣтомъ. Къ кому?

Да все къ ней же, къ своей любимицѣ, которую онъ считаетъ «ума палатой». И тогда «нечистоплотность» усилится. Не останется ни одного укромнаго уголка. Все будетъ «на знати»,—какъ говорятъ мужики.

И онъ, бѣдный, потеряетъ всякое равновѣсіе, все то, что онъ такъ хорошо умѣлъ сохранить въ себѣ.

Онъ—«легкій мужчина», но онъ отличный отецъ, мягкій, терпимый товарищъ и преданный другъ жены, въ которую онъ,—по своему,—до сихъ поръ влюбленъ.

Разыграться можетъ какая-нибудь нелѣпая исторія со счетами «заднимъ числомъ» между ними тремя.

Уже и теперь въ немъ пробиваются вспышки недовольства «Ардальономъ», также, какъ и въ матери. И есть за что! Но Ардальонъ можетъ закусить удила изъ-за божка своего.

Воображеніе Лены раскинуло передъ ней картину разныхъ возможностей—одна другой тревожнѣе и некрасивѣе.

А она-то, какъ личность, какъ молодая женщина, какъ барышня изъ хорошаго общества, завидная невѣста—она-то во всемъ этомъ изъ-за чего же будетъ играть роль почти что жертвы?

Потому только, что она живетъ съ родителями, что она не поторопилась бросить ихъ, пойти за перваго сноснаго претендента?

Вѣдь она отказала цѣлымъ тремъ женихамъ, и теперь въ Москвѣ ее зовутъ—она это знаетъ—«недотрога-царевна».

Она не пошла замужъ не изъ глупой спѣси.

Никто такъ ее не захватывалъ, чтобы бросить свою привольную и толковую жизнь дома, на полной свободѣ, и по доброй волѣ брать себѣ «супруга и повелителя».

Достаточно она пасмотрѣлась на здѣшнихъ «жениховъ», даже самыхъ стоющихъ. Все это въ сущности «дрянцо съ пыльцой»—драгуны, дворянчики съ кое-какимъ состояньицемъ. Если онъ камеръ-юнкеръ, то онъ ужъ Богъ знаетъ что о себѣ воображаетъ. Или заѣзжій дипломатикъ.

Нравились и ей. Быть можетъ, и теперь кто нравится.

За границей она встрѣчала мужчинъ, какихъ у насъ и «въ заводѣ нѣтъ»—итальянцевъ, англичанъ, въ особенности итальянцевъ. Одного венгерца... Изъ тѣхъ мужчинъ, что васъ даже въ жаръ бросаетъ, если вы на нихъ заглядитесь. Но такіе больше все охотники до милліоннаго приданаго или просто свѣтскіе Альфонсы, обдирающіе старѣющихъ грѣшницъ.

Дома и теперь кое-кто нравится. Изъ женатыхъ людей. Да и вообще мужчина до сорокалѣтняго возраста неинтересенъ. Но она не изъ тѣхъ дѣвицъ, какихъ теперь не мало водится. Ихъ зовутъ «разлучницы» и онѣ ищутъ мужей, плохо живущихъ съ женами, чтобы ихъ разводить и становиться съ ними передъ аналоемъ, на аршинѣ цвѣтного атласа.

О судьбѣ своей она не любила, до сегодня, загадывать. Одно она чувствуетъ — ей бы слѣдовало родиться не здѣсь, въ Москвѣ и вообще въ Россіи, а тамъ—на Западѣ. Тамошній складъ жизни гораздо прочнѣе, въ немъ больше силы и логики. Люди *умѣютъ* жить, кто къ чему призванъ. Свѣтская жизнь, такъ свѣтская: туалеты, спортъ, игра, приманки зимнихъ и лѣтнихъ сезоновъ. Работа, такъ работа: изобрѣтаютъ, создаютъ колоссальныя состоянія, колесятъ по сушѣ и морямъ, развиваютъ свои таланты, дѣлаются всесвѣтными знаменитостями; все равно: сопрано или теноръ, или жокей, или конскій заводчикъ, или спортсменъ, промчавшійся на автомобилѣ отъ одной столицы до другой.

Въ прошломъ году они поѣхали въ Остенде, по совѣту Фартова.

Тамъ она сразу очутилась—въ собственномъ царствѣ.

Передъ ней проходятъ картины сезонной жизни.

Утро. По «дигѣ»—точно выложенной паркетомъ-кирпичиками—ходятъ мужчины, охотники до раннихъ прогулокъ, и снуютъ циклисты: дамы, дѣвицы, подростки, дѣвочки.

Потомъ—съ одиннадцати — купанье. Нѣтъ никакихъ глупыхъ стѣсненій. Всѣ видятъ тебя въ костюмѣ, смотрятъ на твою фигуру, но тебѣ до этого дѣла нѣтъ. Ты знаешь и безъ нихъ, какъ ты сложена. Если умѣешь хорошо держаться въ водѣ—сколько бодрящихъ ощущеній! Нигдѣ ты не чувствуешь такъ своей личности, какъ въ этой стихіи. Гораздо больше, чѣмъ на велосипедѣ.

Они жили въ одномъ изъ громадныхъ отелей, по ту сторону курзала, въ «Hôtel de l'Océan». Завтракъ—у зеркальнаго окна отельнаго ресторана. Кругомъ—на что ни взглянешь—все изящно, ново, богато, красиво. Цвѣты, хрусталь, первый «приступъ туалетовъ», какъ называлъ отецъ.

Второй «приступъ» — къ обѣду. Это — каждый день — роскошнѣйшій праздникъ. Тонъ, разумѣется, даютъ англичане. Дамы въ большихъ туалетахъ, мужчины въ бѣлыхъ галстукахъ, открытыхъ башмакахъ и шелковыхъ черныхъ чулкахъ.

Кто желаетъ «taquiner la guigne»—идетъ въ club privé, проигрываетъ или выигрываетъ въ рулетку и trente et quarente.

И все это дѣлается въ «стилѣ», съ достоинствомъ и выдержкой.

Первое правило—даже и для жадненькихъ французовъ:—«il faut être beau joueur»—не показывать, что вы сердитесь или огорчаетесь.

Панъ или пропалъ! Нѣтъ другого исхода—пулю въ лобъ.

Она не любитъ игры. Для нея это недостаточно умно и разнообразно; и въ натурѣ ея нѣтъ хищной жадности.

Но во всей этой жизни чувствуется подъемъ, рискъ, выдержка, стиль. Есть тутъ и дѣльные люди, и шелопаи, и милліонеры, и мелкіе игрочишки, и честныя женщины, и продажныя, и всѣхъ ихъ связываетъ одна сила: желаніе и умѣнье жить такъ, какъ они считаютъ цѣннымъ и для себя занимательнымъ.

Вотъ чего нѣтъ у насъ. И такая, какъ она, рискуетъ очутиться...

Лена остановилась и спросила себя: при чемъ?

И тотчасъ же отвѣтила московской прибауткой своего отца:

«При пиковомъ интересѣ».

Эта прибауточная, банальная фраза вызвала на ея сочныя губы съ красивыми извивами почти злобную усмѣшку.

Но по крайней мѣрѣ до сихъ поръ ей жилось дома привольно и все шло складно. И она сознавала себя положительно полезной для поддержанія этого строя жизни.

А теперь покачнулось. Виновникъ—ея «единоутробный» братъ Павелъ.

И онъ же смѣлъ вчера такъ громить ее!

Какъ дошелъ онъ до этого?

Вопросъ засталъ ее точно врасплохъ. Онъ не злой, не дуракъ, безъ всякихъ порочныхъ наклонностей...

Стало быть?

Лена не пошла дальше. Ей сдѣлалось слишкомъ жутко. Она позвонила.

Было уже восемь часовъ.

Своей личной горничной она приказала позвать Грушу—ту «подгорничную», которая прислуживала теперь въ мезонинѣ, молодому барину.

Грушу она послала наверхъ—узнать, какъ себя чувствуетъ Павелъ Львовичъ; но его самого ни о чемъ не спрашивать, а только посмотрѣть.

Груша спустилась очень скоро и доложила ей:

— Умываются... одни...

— Хорошо! — сказала Лена и тогда только поднялась съ постели.

XIV.

Ардальонъ Силычъ живетъ въ собственномъ особнякѣ, на Покровкѣ.

Лѣто уже перешло во вторую половину, а онъ все еще въ городѣ, въ духотѣ, пыли и трескотнѣ уличной ѣзды.

На дачу онъ не переѣзжалъ, думая уѣхать за границу вмѣстѣ съ Кардуевыми.

Изъ-за Павлика отъѣздъ былъ отложенъ, а теперь онъ и самъ не поѣдетъ, даже если они и двинутся.

Съ ними Павликъ не согласится ѣхать. Онъ и раньше объявилъ, что за границу не желаетъ.

А онъ его одного не оставитъ здѣсь, ни подъ какимъ видомъ!

Сегодня онъ всталъ въ большомъ разстройствѣ. Ночью кошмаръ его мучилъ въ нѣсколько пріемовъ. Онъ просыпался, обливаясь потомъ, и опять засыпалъ. И видѣнія не прекращались.

И во всѣхъ нихъ одинъ и тотъ же образъ—его сынъ, Павликъ, его лицо, но страшно безкровное, точно у покойника, и съ каплями крови на лбу.

А душевное состояніе, какое въ каждомъ такомъ кошмарѣ мучительно переживалъ онъ—было сознаніе своей неизгладимой и непоправимой вины.

Онъ его бросилъ, точно зная впередъ, что Павликъ погибнетъ, Павликъ и погибъ, и это его трупъ носится вокругъ него или всплываетъ изъ какихъ-то мутныхъ водъ.

И онъ безсиленъ загладить свою вину, бьется и изнываетъ.

Такъ шло до восьми часовъ утра, когда онъ окончательно проснулся.

Въ сны онъ стыдился «вѣрить»; но по натурѣ онъ былъ суевѣренъ и удержалъ въ себѣ много примѣтъ. Самъ онъ называлъ это «дворянско-купеческимъ атавизмомъ!»

Но ничего не было нелѣпаго и необъяснимаго въ такомъ ужасномъ кошмарѣ.

Павликъ дѣйствительно можетъ погибнуть, и главнымъ виновникомъ онъ долженъ считать себя, его несомнѣннаго отца.

Въ его выздоровленіе онъ не вѣритъ. Отъ него много скрывали и всѣ Кардуевы, и доктора. Даже и добрѣйшій Иванъ Петровичъ не давалъ ему настоящихъ отвѣтовъ и, видимо, хотѣлъ отъ него отдѣлываться.

Главная распорядительница,—Елена Львовна,—стала просто обращаться съ нимъ, какъ съ малолѣткомъ. И Левушка, и сама Нина Георгіевна все повторяютъ:

— Пашу не надо волновать!

Своимъ тономъ даже Левушка прямо говоритъ ему:

«Знаемъ, что Павлика ты считаешь сыномъ; но это не резонъ, любезный другъ, чтобы такъ безумствовать».

Только вчера его пустили наверхъ, да и то не одного, а въ сопровожденіи все той же Елены Львовны.

Павликъ сидѣлъ на балконѣ, потомъ перешелъ въ теперешнюю свою спальню, говорилъ мало и, видимо, ими обоими тяготился.

О большомъ столбнякѣ его онъ узналъ три дня спустя, и то благодаря тому, что одинъ изъ докторовъ обмолвился.

На его взглядъ, Павликъ и теперь въ такомъ состояніи, что съ нимъ можетъ сдѣлаться нервный ударъ.

И во всемъ этомъ онъ—его родной отецъ, признаваемый такимъ и всей семьей, хотя и не явно—играетъ роль хуже всякаго приживальщика. Его отстранили. Его только терпятъ.

Нину Георгіевну онъ не могъ обвинять. Его любовь къ ней была всегда почтительна и преданна; но она никогда воли своей не имѣла. А теперь она задергана и запугана. Онъ съ нею не остается ни на минуту одинъ. То Левушка—чего прежде не было, то всевидящая и вездѣсущая Елена Львовна. Минутами онъ чувствуетъ взрывы ненависти къ этой «дѣву́лѣ», преисполненной влюбленности въ себя, въ свой умъ и тактъ, властолюбивой и высокомѣрной, которая считаетъ его «хамомъ», хотя давно все поняла и помирилась съ его положеніемъ въ домѣ, знаетъ прекрасно, *что* обязаны ея родители ему—«Ардальону»—какъ она называетъ его за глаза; и это ему было извѣстно.

Дальше не можетъ такъ идти!

Сегодняшній сонъ—вѣщій сонъ. Надо поставить ребромъ дальнѣйшую судьбу его дѣтища и сбросить съ себя и любимой женщины ненавистную личину.

Ардальонъ Силычъ наскоро выпилъ чай, сидя на балконѣ, выходившемъ въ небольшой палисадникъ, по улицѣ. Все ему было безвкусно. И его домъ,—прекрасный особнякъ, купленный послѣ смерти одного стараго барина, полный дорогихъ вещей, картинъ, коллекцій,—казался ему какимъ-то разукрашеннымъ гробомъ, гдѣ его заколотили, гдѣ онъ задыхается, ведя жизнь одинокаго холостяка, куда онъ возвращается переодѣться, спать, писать дѣловыя письма или просматривать «счета».

И сколько лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ онъ поселился въ немъ? Развѣ онъ не могъ бы ввести въ него любимую женщину пятнадцать лѣтъ назадъ?

Конечно, могъ бы, еслибъ не пересаливалъ своей деликатности.

Именно тогда Левушка запутался въ дѣлахъ и былъ наканунѣ разоренія. Передъ тѣмъ какъ спасти его, онъ могъ бы разрубить узелъ и честно объявить ему:

— Я не требую, чтобы ты продалъ мнѣ жену. Я помогу тебѣ изъ дружбы, изъ любви къ той женщинѣ, которая только носитъ твое имя... Ты давно срамишь себя возней съ продажными тварями. А главное—Павликъ мой сынъ, и ты это прекрасно знаешь.

Тогда и Нина Георгіевна, давно оставленная, совсѣмъ охладѣла къ Левушкѣ и какъ разъ въ ту зиму онъ попался съ одной изъ своихъ «мамо̀шекъ», надавалъ ей векселей и она начала его поджаривать, посылая на него какого-то шантажиста.

Еслибъ тогда онъ,—Фартовъ,—сталъ дѣйствовать на Нину Георгіевну со всѣмъ натискомъ его любви и къ ней и къ сыну—узелъ былъ бы разрубленъ.

Левушка остался бы съ выкупленными векселями... Могъ бы взять къ себѣ *свою* дочь, а Павликъ отошелъ бы къ новой семьѣ. Ему тогда было всего пять лѣтъ.

И зажили бы они тогда вотъ въ этомъ, теперь постыломъ ему, особнякѣ, имѣли бы еще дѣтей. Какъ будто мало такихъ разводовъ? А этотъ былъ бы самый честный и симпатичный.

Для «дѣву́ли» и тогда бы не было большого удара. Ее баловалъ отецъ; она льнула къ нему, а не къ матери. Родители, семья, это для нея—только обстановка. Никогда она не была способна что-нибудь такъ чувствовать, какъ ея сводный братъ Павликъ.

Главный виновникъ его теперешняго перелома онъ,—Фартовъ,—и ему нельзя теперь хорониться за другихъ. Онъ долженъ выступить самъ и сбросить съ себя разомъ свою постыдную роль.

Уже десять часовъ. Ему пора въ «городъ», на стройку. Всѣ дѣла запустилъ онъ въ послѣднія двѣ недѣли.

Да и теперь ему все это опостылѣло.

— Подали!—докладывалъ ему въ третій разъ камердинеръ.

А онъ все ходилъ по кабинету и то и дѣло щипалъ себѣ бороду.

— Что тебѣ?—окликнулъ онъ.

— Лошадь давно подали, Ардальонъ Силычъ.

— А! Хорошо!

Онъ хотѣлъ было идти въ переднюю.

— Вы нешто такъ поѣдете?—спрашиваетъ его камердинеръ.

— А что?

А онъ въ утреннемъ костюмѣ, безъ галстука и въ туфляхъ.

— Дай одѣться!—сконфуженно приказываетъ онъ.

Въ своемъ одноконномъ фаэтонѣ ѣдетъ онъ внизъ по Покровкѣ, и ни на что не смотритъ. Вся эта дорога, дома, церкви, лавки, возы, дрожки — вся обывательская «толчея» противны ему до-нельзя. Не что другое, какъ именно эта «купецкая» Москва сдѣлала то, что онъ двадцать лѣтъ соглашался состоять только въ качествѣ друга въ домѣ Кардуевыхъ, а не занялъ положенія мужа, не вызвалъ кризиса, не добился того, чего онъ могъ добиться.

Да, Москва это сдѣлала, его полукупеческій родъ, его холопство передъ какимъ-то престижемъ настоящихъ баръ. Не будь этого—у него достало бы и темперамента, и смѣлости.

Но не о себѣ онъ обязанъ теперь сокрушаться, а о той молодой душѣ, которая изнываетъ тамъ, въ мезонинѣ дачи господъ Кардуевыхъ. Эту душу загубилъ онъ, воображая, въ своей трусости и подлости, что онъ страстно и самоотверженно любитъ своего незаконнаго сына.

И вопросъ всталъ въ немъ не въ первый разъ, но съ новой силой подозрѣваетъ ли Павликъ, что онъ его сынъ?

До сихъ поръ онъ боялся отвѣтить на это прямо и считалъ «не благороднымъ» давать ему чувствовать, что онъ ему не чужой.

Недавно онъ, отъ радости, что тотъ останется живъ,—не могъ совладѣть съ собою,—расплакался.

Можетъ быть, онъ заронилъ въ него подозрѣніе?

Но такъ или иначе, предполагаетъ онъ или нѣтъ то, что считается тайной—все равно онъ шелъ на смерть изъ-за добраго имени матери.

Не можетъ быть, чтобы онъ давно не понималъ—кто въ ихъ домѣ «Арди»!

Приди онъ къ нему, откройся ему, покажи, какъ онъ ему дорогъ—и такая чуткая и благородная душа, какъ Павликъ, все ему проститъ, и признаетъ въ немъ отца, и станетъ на его сторону.

Онъ не любитъ и ихъ. Они ему чужды. Не любитъ и не уважаетъ. И совершенно одинокъ.

«А меня онъ любитъ?»—вдругъ строго и сурово спросилъ себя онъ.

Его чувство задергано, искажено. Онъ видитъ въ немъ любовника своей матери. Но онъ никогда не слыхалъ его исповѣди, не знаетъ, сколько настоящій его отецъ положилъ любви и смиренія, что ему стоило нести въ теченіе двадцати лѣтъ эту личину.

«Онъ все пойметъ и все проститъ!»—восторженно воскликнулъ, про себя Ардальонъ Силычъ.

Какъ у него прошло утро до завтрака, что онъ говорилъ съ сво-

имъ компаньономъ и кліентами въ «Славянскомъ базарѣ», куда ѣздилъ—тоже по жарѣ и пыли,—отвѣтить онъ не могъ бы, когда тотъ же одноконный фаэтонъ везъ его въ Паркъ,—уже передъ обѣдомъ, часу въ шестомъ вечера.

Попадетъ онъ къ обѣду. И это его начинаетъ покалывать. Какой-то еще пріемъ онъ найдетъ?

Давно ли? Какихъ-нибудь двѣ недѣли назадъ—развѣ такое безпокойство могло закрасться въ его душу? Домъ Кардуевыхъ былъ *его* домомъ. Во всякое время могъ онъ являться къ нимъ, хоть въ первомъ часу ночи, и даже позднѣе, если зналъ, что они дома и сидятъ за ужиномъ или за картами.

А теперь вотъ явился довольно-таки странный вопросъ:

«Ждутъ ли они меня?»

Ждутъ или нѣтъ, но онъ долженъ сдѣлать то, что гвоздемъ засѣло у него—не въ одной головѣ, а во всемъ его существѣ.

«Левушка» по такой жарѣ въ городъ не поѣдетъ и онъ, навѣрно, «отдыхаетъ» передъ обѣдомъ. Къ самому его вставанью онъ и попадетъ.

. . . . . .

— Левъ Павловичъ отдыхаетъ?—спросилъ онъ лакея, выбѣжавшаго на подъѣздъ.

— Должны проснуться.

Лакей поглядѣлъ на часы.

— Хорошо. Я пройду къ нему. А Нина Георгіевна?

— Они у себя-съ.

— Молодой баринъ какъ сегодня?

— Вполнѣ добропорядочно. Гуляли утромъ по саду... Они наверху.

Фартовъ прошелъ прямо въ отдѣленіе Льва Павловича.

Кардуевъ только что всталъ. Онъ отдыхалъ одѣтый на кушеткѣ и теперь освѣжалъ себѣ голову какой-то душистой водой.

Цвѣтныя шторы были спущены и въ комнатѣ стоялъ голубоватый полусвѣтъ.

— А! Арди!—встрѣтилъ онъ его весело, своимъ прежнимъ тономъ.—По такой жарѣ! Спасибо! Павлика небось видѣлъ?

— Нѣтъ еще.

— Онъ уже гулялъ.

— Слышалъ сейчасъ.

— Только... всетаки, любезный другъ, ты его не замай,—какъ мужики наши говорятъ.

— Въ какомъ смыслѣ?

— Не хнычь надъ нимъ, когда рѣшительно не изъ чего.

Фартовъ подошелъ ближе къ Кардуеву, который обернулся къ нему и, обтирая себѣ голову мохнатымъ полотенцемъ, сталъ ерошить волосы.

— Послушай, Левъ Павловичъ, — началъ онъ точно не своимъ голосомъ.—Такъ дальше идти не можетъ!

Кардуевъ поднялъ на него глаза, все еще держа полотенце обѣими руками.

— Оставь это,— указалъ Фартовъ на полотенце. — Намъ надо серьезно поговорить.

Съ легкимъ пожиманьемъ плечъ, Левъ Павловичъ аккуратно повѣсилъ полотенце и, потирая руки, опустился въ кожаное кресло, у письменнаго стола.

— Ты опять насчетъ Павла, что ли?—съ улыбкой спросилъ онъ и началъ оглядывать свои ногти.

— Да, насчетъ Павлика, если тебѣ угодно знать.

Однимъ взмахомъ Фартовъ пододвинулъ стулъ и сѣлъ къ нему лицомъ къ лицу.

— То, съ чѣмъ я къ тебѣ пришелъ, годами хоронится во мнѣ. Пора намъ съ тобой поглядѣть правдѣ въ глаза и — хоть заднимъ числомъ—положить конецъ долголѣтней фальши и притворству.

Говоря, Фартовъ прерывалъ себя, громко дышалъ и крупный потъ блестѣлъ на его лбу.

— Не понимаю,—все также шутливо протянулъ Кардуевъ.—Non capisco!

И ударилъ себя ладонью по черепу.

— Оставь этотъ тонъ, прошу тебя! Дуэль Павлика, его болѣзнь... то подавленное состояніе, въ которомъ онъ находится и теперь—все это показало мнѣ—увы! слишкомъ поздно!—какъ я долженъ дѣйствовать.

Смотря пріятелю прямо въ глаза, Фартовъ продолжалъ болѣе твердымъ голосомъ:

— Павликъ—мой сынъ!

Кардуевъ сдѣлалъ движеніе.

— Ты это знаешь. Играть комедію не время, Левъ Павловичъ. Это знаетъ и Нина Георгіевна. Она тебѣ этого не говорила. Но отъ меня не скрывала...

— Послушай!

— Дай мнѣ досказать! Насъ никто не слышитъ въ эту минуту.

— Ты хоть бы потише говорилъ?

Кардуевъ поспѣшно всталъ и заперъ дверь на задвижку.

— Хорониться намъ нелѣпо... и гадко, наконецъ! Дѣло идетъ не обо мнѣ лично—пойми это, Кардуевъ, а о моемъ сынѣ. Онъ все видитъ... и давно. И это его мучитъ. Ему противна вся та комедія, какую мы, на его глазахъ, ломаемъ столько лѣтъ.

— Почемъ ты знаешь?

— Знаю. Поди! Поднимись къ нему и спроси его прямо! У меня есть вѣра въ то, что онъ только этого и ждетъ. До сихъ поръ, я не выдавалъ себя.

— Позволь! И очень себя выдалъ! Своимъ нервничаньемъ.

— Положимъ. Я не буду оправдываться. Онъ могъ зачуять намедни, что я ему не чужой.

— И это было хорошо, а? — спросилъ со скошеннымъ ртомъ Кардуевъ.

— Не знаю! Дурно, хорошо—пускай онъ самъ разсудитъ!

— Что же,—продолжалъ Кардуевъ,—ты хочешь устроить судебное засѣданіе?... Чтобы онъ явился судьей родителей... меня и матери... и тебя? Да ты съ ума сошелъ!

Кардуевъ съ шумомъ отодвинулъ кресло и отошелъ къ окну.

— Это безуміе!

— По твоему, можетъ быть.

Фартовъ тоже всталъ и подошелъ къ нему вплотную.

— Но не по-моему,—выговорилъ онъ раздѣльно и дыша прямо въ лицо Кардуева.—Я къ тебѣ явился не для платоническаго объясненія. Дѣло стоитъ для меня такъ. Сынъ мой, слышишь, мой! Я передъ нимъ виноватъ. Изъ-за той комедіи, какую мы ломаемъ двадцать дѣтъ, онъ можетъ совсѣмъ свихнуться.

— Вотъ еще вздоръ!

— Да. Онъ и теперь ужъ неврастеникъ. Его грызутъ нравственные вопросы. И только ты этого не видишь. И никто изъ васъ, не исключая и многоумной Елены Львовны... А я чувствую и страдаю, и кляну себя. И говорю тебѣ категорически: Левъ! Такъ продолжаться не можетъ.

— Что же тебѣ, наконецъ, надо?—жидкой теноровой нотой пустилъ Кардуевъ.

— Ты вотъ мужицкое слово сейчасъ унотребилъ: не замай Павла. И я скажу по-мужицки: не гожо намъ такъ жить. Пускай всякій останется при своемъ чадѣ. Пускай тѣ, кто двадцать лѣтъ живетъ другъ съ другомъ, освятятъ свой союзъ и передъ людьми, и передъ Богомъ. Я бы могъ пойти къ Павлу и сказать ему: я твой отецъ, выбирай между этимъ семействомъ и мною! Но я не сдѣлаю этого. Я предлагаю тебѣ честно и открыто отказаться отъ твоихъ правъ на

женщину, которую ты никогда не любилъ и не щадилъ ея законнѣйшихъ чувствъ жены... и матери твоей Лены.

Выраженіе лица Льва Павловича перешло отъ легкой усмѣшки къ чему-то похожему на глубокое недоумѣніе.

— Ты... это... въ сурьезъ?—выговорилъ онъ въ полшепота.

— А то какже?

— Да вѣдь ты... право, рехнулся!

— Оставь этотъ тонъ! — почти гнѣвно крикнулъ Фартовъ.— Умоляю тебя, оставь. Ты меня доведешь до бѣлаго каленія.

— Что-жъ... ты бить меня, что ли, собрался? Или секундантовъ посылать? Ха-ха!

— Все лучше того, что теперь у насъ здѣсь происходитъ... Дуэль, драка... все!

— Не понимаю, любезный другъ.

— Не понимаешь... Я тебѣ два раза одного и того же повторять не буду. Левъ Павловичъ! Я бы могъ къ тебѣ и не обращаться къ первому. Ты долженъ это цѣнить. Теперь я поставилъ вопросъ ребромъ. И ты предупрежденъ... А остальное мое дѣло.

— Ты, въ самомъ дѣлѣ, собрался подбивать?

— Возьми это слово назадъ! — также возбужденно крикнулъ Фартовъ.—Я буду говорить съ Ниной Георгіевной... и съ сыномъ.

— Кто тебѣ это позволитъ? Особенно съ Павликомъ!

— Кто позволитъ? Я у тебя не стану просить позволенія. Это — приказъ моей совѣсти, слышишь, моей, а не твоей, и не послушаться ея я считалъ бы окончательной и безповоротной подлостью.

Вся эта тирада вылилась у Фартова точно однимъ духомъ, дыханіе уже не прерывалось. Глаза блестѣли; онъ говорилъ съ приподнятой головой и правую руку поднялъ въ воздухъ.

— На здоровье! — вымолвилъ Кардуевъ, садясь на подоконникъ. — Запретить тебѣ я не могу... и не намѣренъ... Только ты ужъ, братецъ, слишкомъ, кажется, увѣренъ... въ успѣхѣ... своего... какъ это говорится у дипломатовъ... ультиматума, что ли?

— Ни въ чемъ я не увѣренъ. Но я иначе не могу, не могу!

Тутъ только заслышалась дрожь въ голосѣ Фартова. Онъ отошелъ къ креслу, гдѣ сидѣлъ раньше Кардуевъ, опустился въ него и закрылъ лицо обѣими ладонями.

Кардуевъ спустилъ ноги съ подоконника и сдѣлалъ нѣсколько шаговъ по комнатѣ, ступая какъ-то особенно, маленькими шажками, причемъ упирался на каблуки.

— Арди!—окликнулъ онъ у двери.

Тотъ открылъ лобъ.

— Спрашиваю тебя толкомъ. Ты это въ сурьезъ?

— Послѣ того, что я тебѣ сейчасъ сказалъ, такой вопросъ только тебя срамитъ... вотъ что.

Съ этими словами Фартовъ поднялся.

— Такъ и запишемъ. Но одного я отъ тебя требую: ты не долженъ приставать къ Павлику. Самъ считаешь его... чуть не душевнобольнымъ, а хочешь выпаливать въ него такимъ зарядомъ. Побойся Бога!

— Я не говорилъ тебѣ, что сейчасъ это сдѣлаю. Но выборъ момента предоставь мнѣ.

— Но только знай одну вещь, Арди. Я ни на что скандальное не пойду. У меня тоже есть права. И я за нихъ постою. И по пріятельству тебѣ скажу: не нарвись на что-нибудь для тебя очень обидное. А теперь... сдѣлай одолженіе, позволь мнѣ одѣться къ обѣду.

И съ этими словами Кардуевъ отомкнулъ задвижку у двери.

XV.

Къ Павлику Фартовъ не поднялся и хотѣлъ тотчасъ же пройти на половину Нины Георгіевны, но его «перехватила» Лена, говоря ему, что мать одѣвается къ обѣду.

Должно быть, по его лицу она тотчасъ же догадалась, что у него была сцена съ отцомъ.

Она увела его въ гостиную, гдѣ стояла темноватая прохлада и начала его «занимать».

Отъ нея онъ узналъ, что Павликъ сойдетъ сегодня обѣдать внизъ. Онъ было упирался; но Иванъ Петровичъ настоялъ.

— Онъ слишкомъ много одинъ, и ему это положительно вредно,—выговорила Лена своимъ авторитетнымъ тономъ.

— А почему же меня Левъ Павловичъ отговорилъ подняться къ Павлику?—спросилъ Фартовъ и посмотрѣлъ на нее съ такимъ выраженіемъ, какого она еще не видала у него.

— Вы черезчуръ волнуетесь, Ардальонъ Силычъ,—промолвила она, усмѣхнувшись. — И совершенно напрасно. У Павлика ничего серьезнаго нѣтъ... и не было.

— Будто? — остановилъ онъ ее и опять посмотрѣлъ такъ, что она замѣтно стала краснѣть.

— Аппетитъ у него хорошій, припадковъ никакихъ—вотъ уже съ недѣлю. Онъ можетъ читать. Рана совсѣмъ зажила.

— Какая?—спросилъ Фартовъ.

— Какъ какая? Что это вы, Ардальонъ Силычъ?

Она сильно пожала плечами.

— Раны всякія бываютъ, Лена. Однѣ—физическія, а другія—душевныя. Эти поопаснѣе.

— Можетъ быть! Но съ какой стати впадать въ такую ипохондрію?... Будь у Павлика другая натура, онъ бы давнымъ давно пришелъ въ полную норму.

— Да, кабы ему вашу натуру... конечно.

Въ тонѣ слышалась худо скрываемая иронія. Но она разсудила съ нимъ не «пикироваться».

Она чего-то вообще ждала отъ Ардальона; но чего именно, не могла угадать, хотя бы и приблизительно.

Навѣрно, у него вышло что-нибудь съ отцомъ, разумѣется, все изъ-за Павлика. Отъ него въ сущности идетъ вся тревога. Онъ теряетъ всякій тактъ и держитъ себя «совершенно по-мальчишески».

Никогда онъ не былъ ей особенно симпатиченъ—и самъ по себѣ, и по своей роли въ домѣ; но теперь она должна за собой слѣдить, чтобы не сказать ему какой-нибудь рѣзкости.

— Пашу надо на море... или въ горы,—выговорила она дѣловымъ тономъ.

— Куда же? Съ вами въ Біарриць? Онъ не поѣдетъ. Ему противенъ весь тамошній мондъ.

— Можетъ не обращать на него вниманія. Не хочетъ, пускай ѣдетъ въ другое мѣсто; но здѣсь коптѣть ему ни подъ какимъ видомъ не слѣдуетъ.

— Одного пустить рискованно.

Лена хотѣла бы кинуть ему:

«Поѣзжайте съ нимъ!»

— Можетъ... папа свезетъ его куда-нибудь... въ Швейцарію, въ Бернскій Оберландъ или въ Давозъ.

— Этого нельзя дѣлать зря... Какъ разсудитъ профессоръ.

Фартовъ назвалъ того невропатолога, который такъ по сердцу пришелся Павлику.

— Кто же говоритъ вамъ зря!—обрѣзала Лена, встала и отошла къ двери на балконъ.

Никогда еще и Фартову эта «дѣвýля» не была такъ противна.

Ему также надо было сдерживать себя, чтобы не «отчитать» ее. И онъ внутренно клеймилъ себя за то, что къ ней всегда поддѣлывался.

— Вотъ и мама!—раздался отъ балкона возгласъ Лены.

Нина Георгіевна выплыла отъ себя — нарядная, какъ всегда, и съ болѣе свѣжимъ лицомъ, чѣмъ три-четыре дня назадъ.

— А! Арди! Никто мнѣ не скажетъ, что вы здѣсь.

Онъ подошелъ къ рукѣ.

По тому, какъ она его поцѣловала въ лобъ, онъ почувствовалъ, что она хочетъ быть съ нимъ ласкова. Съ той сцены она избѣгала разговора съ глаза на глазъ.

— Вы знаете, Арди! Павликъ съ нами обѣдаетъ сегодня. Вы его не видали? Какже... Можетъ, еще кто пріѣдетъ къ обѣду.

Вышелъ и Левъ Павловичъ, припомаженный и благоухающій, въ свѣтло-сѣромъ костюмѣ и голубоватомъ галстукѣ, поцѣловалъ руку у жены, посмотрѣлъ на часы и объявилъ, что пора и за столъ.

— Ты знаешь, папа, — сказала ему Лена, — Паша будетъ съ нами обѣдать.

— И прекрасно!

Въ тонѣ Льва Павловича никто бы ничего не подмѣтилъ; только онъ какъ бы избѣгалъ взглядывать на Фартова.

И они всѣ четверо стояли посреди гостиной, точно дожидаясь чего-то. Никогда прежде они не испытывали такой неловкости.

— Послали за нимъ?—спросилъ Левъ Павловичъ.

— Я сейчасъ пошлю!—сказала Лена и вышла въ столовую.

Втроемъ имъ стало еще болѣе неловко.

— Куда бы поѣхать сегодня? — спросилъ Кардуевъ и отошелъ къ двери на балконъ.

— Въ Разумовское. Мы давно тамъ не были,—предложила Нина Георгіевна.

— Что-жъ! Идея! Чайкомъ побаловаться! И ты бы съ нами проѣхался?—спросилъ Кардуевъ Фартова.

— Увидимъ!—неопредѣленно отвѣтилъ тотъ.

Кардуевъ вышелъ на балконъ и тотчасъ же замурлыкалъ тамъ.

Фартовъ подошелъ близко къ Нинѣ Георгіевнѣ и быстро проговорилъ:

— Прошу васъ... остаться дома. Они пускай ѣдутъ.

Она вопросительно взглянула на него.

— Прошу васъ,—сильнѣе повторилъ онъ.

— Но какъ же это?

— Ахъ, Боже мой! Скажите, что у васъ мигрень... что мы пріѣдемъ позднѣе...

Нина Георгіевна ничего не сказала; но она побоялась отвѣтить отказомъ. Она стала теперь побаиваться его и не могла еще — сама съ собою—придумать новую манеру вести себя съ нимъ. Она надѣялась, что когда «исторія» съ Павликомъ уляжется, все войдетъ въ

прежнюю колею; но она уже рѣшила держать его построже и не допускать ни до какихъ объясненій съ Павликомъ.

Не одинъ уже разъ она пеняла себѣ—и довольно горько—за то, что сама когда-то признала Павлика его сыномъ. Другія женщины прибѣгаютъ къ этому способу затѣмъ, чтобы крѣпче держать на привязи «друга». Ей этого не нужно было: Ардальонъ Силычъ слишкомъ восторженно и, можно сказать, рабски обожалъ ее. И такъ шло до самаго послѣдняго времени. Не случись исторіи съ Павликомъ, онъ теперь бы былъ «тише воды, ниже травы».

— Пожалуйте кушать! — крикнула Лена изъ столовой.—Паша сойдетъ сейчасъ.

Фартова кольнуло въ самое сердце то, что Павликъ, пожимая его руку, даже ничего ему не сказалъ.

Весь обѣдъ они почти что ничего не говорили.

Вела разговоръ Лена, переходя отъ одного сюжета къ другому. «Вистовалъ» ей отецъ, желавшій показать своему пріятелю, что онъ сохраняетъ полное самообладаніе и не хочетъ придавать серьезнаго значенія тому, что произошло у него передъ обѣдомъ.

Павликъ печальными глазами обводилъ ихъ всѣхъ.

Зашла рѣчь о прогулкѣ въ Разумовское, Левъ Павловичъ сказалъ ему:

— Мы тебя возьмемъ, Паша. Тебѣ хорошо будетъ проѣхаться.

Онъ беззвучно отвѣтилъ:

— Если угодно, я поѣду.

Фартова такъ посадила все та же Лена, что ему черезъ столъ неловко было заговаривать съ Павликомъ съ одного конца на другой.

И никогда еще онъ такъ язвительно не сознавалъ всей «гнусности» своего положенія въ этомъ домѣ, сидя рядомъ съ своей фактической женой и противъ роднаго сына. Та ложь, та личина, которыя онъ кидалъ въ лицо Кардуеву, дошли сегодня до своего кульминаціоннаго пункта.

Всѣмъ скверно; даже и этой великолѣпной Нинѣ Георгіевнѣ. Всѣхъ четверыхъ давитъ желѣзная гиря, какъ ошейникъ колодника, и ни одного звука не раздается за этимъ обѣдомъ, ни одного слова настоящей правды.

И его сынъ страдаетъ отъ этого сильнѣе всѣхъ остальныхъ. Ихъ связываетъ одно чувство — Павлика, какъ сына, его самого, какъ отца. А они сидятъ другъ противъ друга точно чужіе.

Надо молчать! Какъ же можно начать тотъ единственно-цѣнный разговоръ, вотъ тутъ за обѣдомъ, «да еще при людяхъ» — «devant les gens?»

Такъ прошелъ весь обѣдъ. Для него онъ тянулся безконечно. Когда стали подавать сладкое блюдо—малиновый пирогъ—Фартовъ, подавая Нинѣ Георгіевнѣ сливки, выразительно поглядѣлъ на нее.

Она поняла, что значитъ этотъ взглядъ, и послѣ обѣда, на террасѣ, за кофеемъ, объявила, что у ней припадокъ мигрени и попросила поѣхать безъ нея, втроемъ.

— Ардальонъ Силычъ посидитъ со мною. Мы сыграемъ партію въ безигъ... А если у меня отойдетъ... мы васъ найдемъ, тамъ... гдѣ ротонда, и напьемся съ вами чаю. А не будетъ насъ, вы вернетесь пораньше.

Отецъ съ дочерью переглянулись. Павлика при этомъ не было. Онъ пошелъ въ садъ. Фартова ужасно тянуло туда за нимъ; но онъ воздержался, боясь начать съ нимъ неподходящій разговоръ.

Въ началѣ восьмого они остались одни.

Нина Георгіевна пошла къ себѣ и тамъ перемѣнила туалетъ. Онъ ходилъ взадъ и впередъ по террассѣ. Волненіе въ немъ улеглось; но теперь именно, когда предстояло перевернуть все вверхъ дномъ въ этомъ домѣ, въ себѣ онъ точно уже не находилъ такого подъема, какъ передъ обѣдомъ, у Льва Павловича.

Онъ ничего не боится и теперь; но какъ будто пропали у него всѣ тѣ слова, которыми онъ долженъ «разжечь» Нину Георгіевну, показать ей всю нравственную неизбѣжность того, въ чемъ онъ будетъ убѣждать ее.

Раздался тонкій голосокъ ея горничной Насти:

— Барыня просятъ васъ въ угловую, Ардальонъ Силычъ.

— Хорошо, Настя! — ласково отвѣтилъ онъ; но не сразу двинулся, а постоялъ у перилъ, докуривая папиросу.

Угловая была родъ кабинетика Нины Георгіевны, вся обтянута желтоватымъ кретономъ. Два окна выходили на дворъ и противъ нихъ росла липа, такъ что въ этой комнатѣ всегда стоялъ полусвѣтъ.

Голубоватый пеньюаръ, весь въ кружевахъ, драпировалъ на рѣдкость сохранившійся бюстъ Нины Георгіевны. Она прилегла на кушетку.

Ее этотъ вынужденный tête à tête сначала смущалъ, во время обѣда; но она разсудила, что, быть можетъ, такъ выйдетъ очень кстати. Ей самой хотѣлось поговорить съ нимъ, поставить ему на видъ, что онъ долженъ непремѣнно измѣнить свой тонъ, зря не волноваться и главное—не раздувать всего, что связано было съ дуэлью Павлика.

Они и съ глазу на глазъ привыкли говорить другъ другу «вы».

— Я васъ слушаю, мой другъ, — начала она такимъ тономъ,

точно она не можетъ никакъ догадаться, о чемъ ему такъ къ спѣху нужно было объясниться съ нею.

Выходило что-то почти церемонное или похожее на семейный разговоръ о денежныхъ дѣлахъ.

Онъ не сразу сѣлъ.

Имъ сильнѣе начала овладѣвать неловкость, которая могла испортить все, къ чему онъ готовился.

Когда онъ взялъ ее за руку, присѣвъ у изголовья кушетки, пальцы его вздрагивали. Она тотчасъ же замѣтила это.

— Вы... ужасно нервны... сегодня, Арди. Что еще случилось? Ради Бога... если это какая-нибудь новая сплетня... пощадите меня. Лучше не говорите мнѣ ничего.

И она сдѣлала брезгливый жестъ плечами и головой.

— Успокойтесь! Никакихъ новыхъ сплетенъ я не слыхалъ. Но говорить я долженъ, Нина. Выслушайте меня, ради всего, что у насъ съ вами есть дорогого.

Волнуясь, съ перехватомъ дыханія, онъ передалъ ей своей разговоръ съ ея мужемъ и когда кончилъ, то сейчасъ же отошелъ къ окну и сталъ обтирать себѣ влажный лобъ.

Лицо Нины Георгіевны замѣтно поблѣднѣло и подъ тонкимъ слоемъ пудры.

Она вся какъ-то вытянулась и молча сидѣла на кушеткѣ съ опущенной на грудь головой.

— Зачѣмъ?—вдругъ раздался ея голосъ, сразу опавшій почти до хрипоты. —Зачѣмъ вы это сдѣлали, Арди?

— Зачѣмъ? — переспросилъ Фартовъ, подходя къ кушеткѣ.— Вы не понимаете? Не хотите войти въ мою душу?... Вамъ не хочется—для нашего сына—сдѣлать то, что приказываетъ намъ совѣсть?

Не выдержавъ въ этомъ тонѣ, онъ опустился на колѣни, схватилъ ея руку, началъ цѣловать и со слезами шепталъ:

— Нина, Нина! Бросимъ эту постылую жизнь. Будемъ честными людьми. Возьмемъ Павлика и уйдемъ отсюда. Во имя всего святого... Заклинаю тебя!

Фартовъ вытиралъ слезы платкомъ. Рыданія душили его и онъ продолжалъ стоять на колѣняхъ, держа ея руку.

— Это безуміе! — выговорила она и тутъ только повернула къ нему лицо.

Въ глазахъ ея онъ могъ бы прочесть смѣсь испуга съ вопросомъ: не свихнулся ли онъ?

— Только безуміе?—спросилъ онъ, вставая, и ѣдкій уколъ злости схватилъ его за сердце.—Только безуміе? говорите вы, Нина Ге-

оргіевна? Ха-ха! Совершенно такъ, какъ вашъ достойный супругъ, и мой досточтимый другъ Левъ Павловичъ! Прекрасно! Превосходно!

Она сдѣлала движеніе правой рукой.

— Сядьте... Арди... прошу васъ. Не кричите на меня... Я этого не заслуживаю. Сядьте.

Онъ послушался.

— Вы пришли съ такимъ требованіемъ. Оно должно все разрушить.

— Что?—остановилъ онъ.

— То, что есть теперь... Наша жизнь рухнетъ и, кромѣ скандала... горя и срама, ничего не выйдетъ.

— Ну да, ну да! По вашему кодексу морали такъ выходитъ. А что тамъ вонъ, наверху изнываетъ отъ всей этой лжи и грязи... сынъ нашъ—это такой пустякъ! Стóитъ ли объ этомъ говорить? Ха-ха!

— Нѣтъ, не пустякъ. Для Павла былъ большой ударъ. И я виновата... я... никто больше, Ардальонъ Силычъ... Это будетъ мнѣ стóить привязанности сына.

— Вамъ!—крикнулъ онъ.—Вы только о себѣ. А онъ-то, сынъ нашъ... Что въ немъ теперь происходитъ?

— Мы не исправимъ ничего... ровно ничего! — сильнѣе повторила она, — если мы теперь, почти на старости лѣтъ, на глазахъ всего свѣта, признаемъ то, что отъ него скрывали двадцать лѣтъ. Вы убиваетесь о вашемъ сынѣ,—продолжала она.—А вы его спрашивали: желаетъ ли онъ того, чего вы такъ безумно потребовали отъ Льва Павловича? Спрашивали?

— Я увѣренъ...

— Почему вы увѣрены? Онъ и безъ того настрадался изъ-за нашего съ вами прошлаго... мой другъ, а тутъ мы заживемъ новой семьей и на весь городъ объявимъ: этотъ молодой человѣкъ никогда не былъ Кардуевымъ, а всегда былъ Фартовымъ.

Она тихо засмѣялась и смѣхъ этотъ дергалъ его нервы. Еслибъ она не прекратила его, онъ бы ударилъ ее.

— И что же? Вы его заставили бы носить ваше имя? Съ какой стати? По какому закону? Вы принудили бы меня заднимъ числомъ объявить—я не знаю тамъ гдѣ—что сынъ у меня отъ васъ. И какъ бы это я доказала? Другъ мой! Да вѣдь мальчуганъ двѣнадцати лѣтъ не придумалъ бы ничего такого! На васъ помраченіе какое-то нашло!

— Помраченіе—по вашему. Просвѣтлѣніе для меня!

Голосъ у него перехватило, и онъ чувствовалъ, какъ сразу у него выхватили изъ-подъ ногъ ту поддержку, на которую онъ упирался такъ могущественно въ сценѣ съ ея мужемъ.

— Значитъ... Нина Георгіевна, вы, кромѣ безумія... ничего не нашли въ моей мольбѣ?...

— Вы сами, другъ мой, испугаетесь, когда ваше возбужденіе пройдетъ.

— Стало, мы до конца дней своихъ будемъ ломать эту презрѣнную комедь?—задыхаясь прошепталъ онъ.

— Эта комедія гораздо порядочнѣе того, что вы надумали. И если бы Павелъ имѣлъ право судить насъ, онъ, какъ умный мальчикъ, сказалъ бы то же самое.

— И такъ... безъ конца, безъ конца?

— О какомъ концѣ плачетесь вы? Вы вольный казакъ. Я васъ на цѣпи не держала, Арди. И въ благодарность за все, вы надумали такой конецъ! Благодарю.

Въ голосѣ ея заслышались слезы. Она отвернула лицо къ стѣнѣ и смолкла.

Въ немъ все замерло: ни могучаго порыва, ни страха за сына, ни страстной убѣжденности въ своей правотѣ.

Одно шевелилось въ душѣ: сознаніе чего-то обидно-смѣшного, и непреодолимаго, того, что сильнѣе его запоздалаго возмущенія.

И эту силу представляетъ та высоко-приличная дама, которая старалась показать ему всю глубину его «безумія».

XVI.

Лѣсная тропа раздалась въ небольшую полянку.

— Присядемъ здѣсь, Павликъ!—пригласилъ Ѣздаковъ.

Онъ велъ Кардуева подъ руку. Оба были въ студенческихъ кителяхъ и бѣлыхъ фуражкахъ.

Возвращались они изъ Разумовскаго, куда ходили пѣшкомъ.

Ѣздаковъ явился провѣдать Павла послѣ завтрака, и тотъ предложилъ ему самъ пойти пѣшкомъ въ Разумовское. Онъ нашелъ, что его товарищъ сильно измѣнился. Худоба лица, и въ особенности впалость глазъ и ихъ выраженіе, поразили его. Но Кардуевъ увѣрялъ его, что у него теперь «ровно ничего нѣтъ». Рану давно затянуло. О своей нервной болѣзни онъ ничего первый не сказалъ. И когда Ѣздаковъ осторожно спросилъ его и объ этомъ, Павелъ выразился такъ:

— Все ужъ это—позади!

Къ «Павлику» Ѣздаковъ относился—по другому. Это сказывалось во всемъ: въ тонѣ, въ выраженіи его лица, въ разныхъ оттѣнкахъ обращенія.

Когда они сидѣли въ паркѣ Разумовскаго, на берегу пруда, Ѣздаковъ предложилъ ему вернуться на извозчикѣ.

— Я дойду и пѣшкомъ,—успокоилъ его Павелъ.—Я ѣзжу каждый день на велосипедѣ.

Въ лѣсу Ѣздаковъ, съ полпути, сталъ его поддерживать подъ локоть.

Павелъ это замѣчалъ. Ему понятна была «психологія» такого «дворянчика», какъ Ѣздаковъ, съ его особымъ кодексомъ «высшей порядочности». Въ его глазахъ онъ выросъ. Теперь онъ безупречный джентльменъ и охранитель хорошихъ родовыхъ и семейныхъ традицій. Чуть при немъ нѣкто осмѣлился пройтись насчетъ его родителей, и въ особенности матери, онъ сейчасъ на барьеръ, и тѣмъ, какъ велъ себя на дуэли, показалъ, что въ немъ злости нѣтъ, а онъ исполняетъ долгъ: самъ выстрѣлилъ на воздухъ, а могъ остаться «sur le terrain».

Съ Ѣздаковымъ Павлу, въ первый разъ, было гораздо «ловчѣе».

Потребность высказаться мучительно назрѣвала въ немъ все это время. Она вызвала сегодня разговоръ съ Ѣздаковымъ, какого онъ не завелъ бы прежде.

У него не было ни одного настоящаго друга между однокурсниками; но онъ сходился съ двумя-тремя душевными малыми, изъ простецовъ, членовъ какого-то землячества.

Никого теперь нѣтъ въ Москвѣ и когда, на-дняхъ, онъ сталъ перебирать, къ кому бы онъ могъ поѣхать, кого найти въ городѣ или на дачѣ, онъ не отыскалъ ни одного.

Ѣздаковъ подвернулся какъ разъ въ такую минуту.

Они присѣли на траву въ тѣни двухъ раскидистыхъ елей.

Ѣздаковъ согнулъ колѣни и охватилъ ихъ обѣими руками, Павелъ вытянулъ ноги и оперся спиной о стволъ ели.

— Тебя дымъ не безпокоитъ?—заботливо спросилъ Ѣздаковъ.

— Сдѣлай одолженіе.

— А самъ ты, я замѣчаю, совсѣмъ бросилъ?

— Не тянетъ... Вкусъ потерялъ.

— Скажи однако,—продолжалъ тотъ ихъ бесѣду,—ты вѣдь, сколько я знаю, не держишься фанатически ученія экономическаго матеріализма, а еще менѣе считалъ я тебя анархистомъ въ новѣйшемъ смыслѣ?

Ѣздаковъ со всѣмъ *этимъ* былъ знакомъ; но ко всякимъ «преходящимъ вѣяніямъ» относился скептически, считая себя сторонникомъ «научно-объективныхъ» взглядовъ на всякіе вопросы.

— Я ни то, ни другое,—отвѣтилъ Павелъ съ тихой усмѣшкой

на своихъ поблѣднѣвшихъ губахъ.—Но я одинъ, на перепутьи... или лучше, на распутьи. Дѣло не въ книжкахъ, не въ увлеченіяхъ чисто головного свойства. Но для меня, Ѣздаковъ,—онъ поднялъ тонъ,—та жизнь, какую я кругомъ себя вижу—нѣчто, не имѣющее никакого оправданія!

— Вотъ какъ!—тихо воскликнулъ Ѣздаковъ.—Ты хочешь сказать—жизнь людей нашего круга?

— Да.

— Стало, напримѣръ, и моя? А въ значительной степени, и твоя, по крайней мѣрѣ, до послѣдняго времени? Извини за это argumentum ad hominem.

— Твое возраженіе я предвидѣлъ. Я принадлежу къ этому кругу, но не по своей волѣ...

— А теперь хочешь опроститься?

— Оставь, прошу тебя, это прибауточное слово. Я не стану безъ толку декламировать противъ того нравственнаго убожества, которое залегло въ такъ называемое порядочное общество.

Ѣздаковъ сдѣлалъ движеніе плечомъ.

— Какъ будто на Западѣ оно лучше?

— Это не аргументъ, Ѣздаковъ. Это все равно, какъ еслибъ воръ, пойманный съ поличнымъ, сталъ оправдываться тѣмъ, что и его товарищи по профессіи не лучше его.

— Пожалуй, ты и правъ.

— На Западѣ тоже... только тамъ руководящіе классы сознаютъ, что они хищники и видятъ, что имъ, рано или поздно, не сдобровать. И тамъ я ничего не знаю болѣе презрѣннаго, какъ буржуй цинически самодовольный и звѣрски жестокій въ своемъ шкурномъ чувствѣ...

— Пѣсня старая. Опять и придешь къ четвертому сословію и къ классовой борьбѣ.

— Я не собираюсь разрушать теперешніе устои общества, ни тамъ, ни дома. Гдѣ мнѣ! Я слабый инвалидъ, которому и съ собою-то справиться большая задача. Но ты желалъ знать мое задушевное не credo, а только протестъ и въ то же время выводъ изъ всего, что я перечувствовалъ и передумалъ? Я и не скрываю его.

— Коли такъ... то тебѣ надо уходить,—какъ бы про себя вымолвилъ Ѣздаковъ.

— Когда нужно будетъ... я и уйду. Но ты не далъ мнѣ досказать. Я не буду останавливаться на чисто-этическихъ запросахъ. Беру только то, въ чемъ я глубоко солидаренъ съ тѣми, кто...

— Словомъ, съ марксятами?

— Прозвища мы оставимъ! Со всѣми, кто въ Европѣ и у насъ сводятъ и мораль къ экономическому грунту. Да и зачѣмъ тутъ исторія, ученыя слова, термины, понадерганные у разныхъ авторитетовъ? Народъ нашъ сложилъ поговорку: «не поработаешь, такъ и не поѣшь». И не только не поѣшь, но и не имѣешь самъ права на существованіе, когда тебя воспитали и сдѣлали годнымъ къ труду.

— Это уже слишкомъ элементарно, Кардуевъ.

— Элементарно? Однако сотни и тысячи людей изъ нашего общества съ полнымъ цинизмомъ попираютъ этотъ не мудрый принципъ? Ты любишь, кажется, стихотворныя цитаты? Какъ ты думаешь, Гёте былъ ординарный умъ, а?

— Кто же это говоритъ!

— А вотъ его четверостишіе я только годъ тому назадъ понялъ и записалъ, какъ motto, въ свою тетрадь.

— Какое, какое?—возбужденно подтолкнулъ Ѣздаковъ.

— Вотъ оно:

«Das ist der Weisheit bester Schluss:
Nur der verdient sich Freiheit
Und das Leben,
Der täglich sie erobern muss!»

— Однако, согласись, и это, какъ французы говорятъ, une palissade?

— Нужды нѣтъ! Настаетъ такая минута, Ѣздаковъ, когда зрѣлище безпробуднаго жуирства на чужой счетъ, годами и десятками лѣтъ, и въ цѣлыхъ классахъ и слояхъ общества—дѣлается омерзительнымъ, я иначе не могу выразиться!

— Это твое субъективное чувство, Кардуевъ.

— Нѣтъ, не мое только, а каждаго мыслящаго и честнаго существа.

— Значитъ, по твоему выходитъ, что, напримѣръ, твой товарищъ Ѣздаковъ, пользующійся тѣмъ, что онъ имѣетъ отъ своихъ родителей, также презрѣнный хищникъ?

— Если онъ можетъ оправдать жизнь на чужой трудъ, пускай онъ остается въ мирѣ съ своей совѣстью. Это его дѣло! Но разъ онъ одного стана съ такими циническими буржуями, онъ врагъ общества, онъ рабъ своего жуирнаго «я», онъ сторонникъ системы вопіющаго грабежа.

Голосъ Павла дѣлался замѣтно нервенъ.

— Тогда... дѣлайся сектантомъ, иди въ толстовцы,—сказалъ Ѣздаковъ, съ жестомъ головы.—Это тотъ же анархизмъ, только въ

полумистической формѣ. Одно изъ двухъ, Павликъ, — онъ опять обернулся къ нему лицомъ,—или ты признаешь науку и ея мѣсто, или отвергаешь ее...

— Причемъ тутъ наука?—остановилъ Павелъ.

— Какъ причемъ? Она установляетъ законы развитія общества. Это—соціологія. Надѣюсь, ты ее не отрицаешь? Въ развитіи общества намѣчаются законы. Былъ когда-то матріархатъ, была поліандрія... было рабство, были средневѣковые цѣхи, и такъ далѣе, и такъ далѣе. И теперь общество не топчется на одномъ мѣстѣ, оно эволюціонируетъ,—протянулъ Ѣздаковъ музыкальной нотой.—Въ немъ есть разные пережитки. Собственность, право наслѣдства—еще не отжившіе принципы. Можетъ быть, они падутъ; но ничего нельзя сдѣлать однимъ протестомъ, однимъ призывомъ къ уничтоженію всего, что не аскетическій нравственный идеалъ!

Павелъ прослушалъ эту тираду съ полузакрытыми глазами.

— Извини. Я все это знаю. Не отвергаю я и выводовъ науки. Но развѣ то, что во мнѣ, и въ сотнѣ, и въ тысячѣ личностей, на Западѣ и у насъ, возмущено режимомъ жизни на даровщину, на чужой трудъ, или хищничествомъ, жаждой барышей, безстыдными спекуляціями, наслѣдственными правами, которыя плодятъ шелопаевъ и прохвостовъ, развѣ все это возмущеніе само по себѣ тоже не моментъ эволюціи общества, а?

— Надо знать какой! Преходящій или дѣйствительно двигательный?

— Ты этого одинъ не рѣшишь, Ѣздаковъ, но я знаю, что мое возмущеніе основано не на вздорномъ чувствѣ, а на признаніи основного закона всякаго общества: коли не поработаешь, то и не поѣшь. Разъ ты одинъ проѣдаешь и проигрываешь трудовыя сотни тысячъ, ты презрѣнный паразитъ! Это элементарно, но вотъ видишь: это «буки-азъ-ба» стало и меня гвоздить только въ недавнее время, не больше года назадъ... когда выводъ уже перешелъ въ потребность души. И я буду презрѣннѣе послѣдняго игрочишки на Ходынскомъ скаковомъ ипподромѣ, если я удовольствуюсь только одними словесными протестами!

Ѣздаковъ ничего не возразилъ. Онъ закуривалъ новую папиросу.

— Нужды нѣтъ,—продолжалъ Павелъ,—что это, какъ ты назвалъ «une palissade», избитое общее мѣсто. Но прежде я мирился съ такимъ торжествомъ бездѣльничества.

— Слишкомъ ужъ сильно, братецъ!

— Извини! Я не буду употреблять сильныхъ словъ! Пускай живутъ, какъ хотятъ, но потакать такой жизни я не буду. Я не толсто-

вецъ! Непротивленія не признаю. Напротивъ, вѣрю, что безъ противленія ничто не рухнетъ изъ того, чему слѣдуетъ рухнуть.

На это Ѣздаковъ не нашелъ нужнымъ возражать.

Онъ спросилъ Павла:

— Идемъ дальше? Или еще хочешь отдохнуть?

— Пойдемъ! Мнѣ все равно.

Они попали опять на дорожку, гдѣ свободно можно было идти рядомъ.

— Все это прекрасно,—началъ Ѣздаковъ, когда они прошли шаговъ пятьдесятъ.—Но какой же личный исходъ, если ты, Кардуевъ, хочешь быть логичнымъ?

Имя «Кардуевъ» дернуло Павла.

Онъ чуть было не сказалъ товарищу: «Не зови меня, пожалуйста, Кардуевымъ».

— Логика?—выговорилъ онъ тономъ вопроса.—Безъ нея нельзя... если не срамить себя, выказаться пустымъ брехунцомъ, фразеромъ, который драпируется въ какой-нибудь плащъ. Прежде гарольдовъ плащъ былъ у такихъ вотъ, какъ мы, московскихъ барчатъ, а теперь имѣется цѣлая дюжина.

— Да... C'est à prendre ou à laisser!

— Какъ сумѣю, такъ и произведу согласованіе... слова съ дѣломъ.

— И при томъ въ ближайшемъ будущемъ?—съ оттѣнкомъ юмора спросилъ Ѣздаковъ.

— Да, въ ближайшемъ.

Опять нѣсколько минутъ они молчали. По лицу Ѣздакова видно было, что онъ не хочетъ раздражать «больного», но что у него есть въ запасѣ побѣдоносные аргументы.

— А прежде всего, Павликъ,—онъ взялъ товарища подъ руку,—надо тебѣ непремѣнно вонъ отсюда, на конецъ лѣта и на осень. На море... Вѣдь твои навѣрно ѣдутъ?

— Кажется.

— Не упрямься. Поѣзжай. А то хоть одинъ. Не хочешь за границу, на Волгу. Мнѣ разсказывали на-дняхъ про одного переутомленнаго учителя. Совсѣмъ захирѣлъ. Онъ три недѣли не сходилъ съ парохода, отъ Нижняго до Астрахани и обратно. Ожилъ человѣкъ!

— Увидимъ. Это все, какъ говорится въ программахъ, факультативно. Выше всего, Ѣздаковъ, дать клятву—не мириться съ торжествующей пошлостью и ложью. А остальное—все приложится. Прости! Это вышло мелодраматично. Довольно объ этомъ.

Глаза его ушли вдаль, онъ смолкъ и всю дорогу, до самаго Парка, промолчалъ.

XVII.

На другой день, утромъ, Павелъ ходилъ, тихими шагами, по саду, держа въ рукѣ кружку съ молокомъ.

Онъ, не особенно охотно, сталъ, по настоянію Ивана Петровича, выпивать по утрамъ, дѣлая моціонъ, большую кружку молока съ дессертной ложкой коньяку.

Сегодня его самочувствіе гораздо лучше, чѣмъ было до сихъ поръ. Ему легко дышится, въ полости сердца никакихъ непріятныхъ ощущеній.

И нѣтъ въ немъ той тревоги, которая не пропадала болѣе двухъ недѣль и переходила часто въ какой-то нутряной трепетъ и распаляла его мозгъ.

Незамѣтно онъ, отхлебывая изъ кружки, очутился у той круглой площадки, обсаженной деревьями, гдѣ, въ памятный для него вечеръ, онъ присѣлъ, вернувшись на велосипедѣ изъ лѣса, послѣ исторіи на террасѣ ресторана.

Многое улеглось въ немъ.

Вчерашній разговоръ съ Ѣздаковымъ припомнилъ онъ отъ начала до конца. Онъ былъ благодаренъ своему товарищу за то, что тотъ вызвалъ въ немъ такое признаніе, что могъ ему такъ ясно и рѣзко, нужды нѣтъ, формулировать его.

Это—краеугольный камень его общественнаго credo. Оно должно быть для него дороже всего остального.

Остальное—это то, что онъ испыталъ самъ, въ эти двѣ-три недѣли, какъ членъ кардуевской семьи, какъ сынъ и законный, и незаконный.

Но онъ уже не находилъ въ себѣ сегодня такого горькаго чувства и такой безпощадной строгости.

Изъ всѣхъ его домашнихъ на сестру Лену, во всякомъ случаѣ, сестру его по матери, всего труднѣе ему смотрѣть благодушно и еще менѣе мириться съ ея практической философіей, признавать симпатичнымъ ея «оппортунизмъ».

Лично передъ нимъ она ни въ чемъ не провинилась. Натура сухая, вся изъ женскихъ побужденій, безъ всякаго идеала, но не злая, съ выдержкой, даже съ несомнѣнной порядочностью. Къ нему, во время болѣзни, она относилась какъ безупречная сестра, все время не теряла самообладанія, давала тонъ всему дому, предупреждала все, что могло вызвать ненужный переполохъ.

По своему, она права. Для нея, какъ и для матери ея, и для Льва Павловича, statu quo—высшая святыня.

Но можетъ ли онъ и требовать отъ нея чего-нибудь иного? Онъ зналъ ее не со вчерашняго дня. Если она къ нему не льнула, то вѣдь и онъ къ ней также.

Другая, на ея мѣстѣ, выказала бы гораздо больше женской злобности. Послѣ того, какъ онъ разнесъ ее тамъ, въ мезонинѣ, Лена нисколько къ нему не измѣнилась: та же суховатая, но умная забота о немъ и та же выдержка. Навѣрно, она ни слова не пикнула объ этомъ ни матери, ни отцу, ни подъ какимъ видомъ!

У ней есть въ характерѣ «шляхетное чувство», какъ выражается иногда Левъ Павловичъ.

Его фиктивный отецъ чуждъ ему; но, по своему, всегда былъ съ нимъ добръ, привыкъ считать его сыномъ, хотя, навѣрно, давно знаетъ тайну его происхожденія, никогда ни въ чемъ не срывалъ онъ на немъ обиды мужа. Да и могъ ли онъ ее чувствовать? Онъ сразу помирился съ «ménage à trois», и въ душѣ былъ даже благодаренъ «Ардальону» за то, что черезъ эту скромную и высококорректную связь своей жены они съ ней «поквитались».

Нельзя же винить его въ томъ, что онъ не настоящій отецъ своего сына? Это было бы почти чудовищно!

А быть судьей матери, слишкомъ поздно, да и некрасиво, нечеловѣчно и неделикатно.

«Но тогда изъ-за чего же я стрѣлялся и прямо искалъ смерти въ этой дуэли?» вдругъ спросилъ онъ себя и поднялъ голову.

Развѣ все то, что колыхало его тогда и вызвало чуть не душевное разстройство, было блажью, глупымъ порывомъ мальчишки-сентиментальщика?

Даже «позитивный» Ѣздаковъ сталъ смотрѣть на него иначе, потому что онъ поступилъ какъ почтительный и нѣжно любящій сынъ.

Да, но это не такъ. Почтенія онъ не можетъ имѣть и теперь къ мужу и женѣ, къ своей родной матери и «названному отцу». Нѣжной любви онъ также не имѣетъ къ матери. Много-много жалость, но не настоящую любовь.

Стало, все это было ненужно и вздорно?

Но этотъ холодящій вопросъ не смутилъ его.

Его душевная буря была неизбѣжна. Она его очистила и утвердила окончательно на томъ грунтѣ, гдѣ онъ желаетъ отнынѣ стоять.

Никого онъ изъ своихъ не клянетъ, никому изъ нихъ не желаетъ мстить. Но онъ не можетъ больше оставаться членомъ ихъ семьи, принадлежать къ типу сытыхъ вивёровъ, о которыхъ вчера говорилъ Ѣздакову.

Онъ долженъ удалиться. Да и для нихъ оно будетъ лучше. Онъ

для нихъ, какъ бѣльмо на глазу. Тутъ вопросъ въ какихъ-нибудь двухъ годахъ, когда онъ кончитъ курсъ. Все равно, онъ уйдетъ въ другой станъ. Какой? Жизнь научитъ. Чего же ему ждать? Какую утѣху доставляетъ онъ имъ? И матери онъ скорѣе въ тягость, и Льву Павловичу, и Ленѣ.

Хоть до него и ничего не доходитъ, но онъ почти навѣрно можетъ сказать, что его тайный отецъ Фартовъ не выдержалъ, соскочилъ съ «пазовъ», имѣлъ сцены и съ матерью, и съ Кардуевымъ. Это носится въ воздухѣ. Съ нимъ всѣ sur le qui vive. Въ тонѣ Лены это сквозитъ всего яснѣе.

«Ардальонъ!»

Онъ мысленно произнесъ это непочтительное прозвище, и ему стало неловко, почти стыдно.

Вѣдь этотъ человѣкъ до страсти любитъ его. Почему же онъ такъ возмутился, когда Фартовъ не могъ скрыть своего испуга за него и пылкой радости, и выдалъ себя, выдалъ свою тайну?

Будь онъ самъ въ такомъ же точно положеніи, развѣ онъ не выдалъ бы себя тѣмъ же порывомъ нѣжной отеческой любви?

Между ними Фартовъ, безспорно, самый живой и честный. Онъ дѣлецъ, пріобрѣтатель, «буржуй»; но онъ не трутень, не живетъ цинически, безъ всякаго дѣла; онъ любитъ работу, щедръ, жертвуетъ на разныя «хорошія учрежденія».

Онъ могъ бы выйти въ сто разъ болѣе закорузлымъ хищникомъ или нераскаяннымъ грѣшникомъ.

Да въ чемъ же его такая грѣховность? Въ томъ, что онъ упорно и преданно полюбилъ красавицу, которую мужъ сталъ обманывать съ продажными блудницами?

Не довелъ ее до развода?... Конечно, ужъ не потому, что уклонялся отъ этого, особенно когда родился ребенокъ, котораго онъ въ правѣ былъ считать своимъ.

Еще недѣлю тому назадъ, когда въ немъ самомъ такъ кипѣло негодованіе на всѣхъ за ложь, онъ и его клеймилъ за его рабство передъ тѣмъ «мондомъ», куда онъ примостился черезъ связь съ эксъ-княгиней и эксъ-красавицей.

Онъ повторялъ:

«Приди Ардальонъ ко мнѣ, скажи прямо, что онъ отецъ мой и хочетъ увезти меня отсюда, я бы бросился къ нему на шею!»

Но что же мѣшаетъ ему сдѣлать это теперь, сію минуту? И если Ардальонъ не позволилъ себѣ такого coup de théâtre, то навѣрно оттого, что не смѣлъ. А что было между нимъ и супругами Кардуевыми, онъ не знаетъ доподлинно. Можетъ, у нихъ все близится къ разрыву.

А самъ-то онъ развѣ и теперь готовъ уйти съ нимъ?

Куда? Въ такую же жизнь «сытыхъ?» Между нимъ и его естественнымъ отцомъ будетъ едва ли не такая же пропасть, какъ и та, что отдѣляетъ его отъ дома Кардуевыхъ.

Уйти къ нему «демонстративно», это только выказать себя злымъ выродкомъ, срамить свою мать. На это неспособенъ даже такой сынъ конца вѣка, какъ его товарищъ Ѣздаковъ.

Да и гдѣ взять чувство, которое повлекло бы неудержимо и заставило замолчать все, что теперь будетъ связывать?

Онъ глубоко задумался, сидя съ опущенной головой. Кружку, почти уже пустую, онъ поставилъ на скамью, рядомъ съ собою.

И когда онъ поднялъ голову, къ входу на площадку близилась фигура въ чемъ-то свѣтломъ.

Ему стало немного жутко, точно галлюцинація всплыла передъ нимъ.

Подходилъ Фартовъ въ чесучевой парѣ и бѣлой мягкой шляпѣ съ большими полями.

Павелъ даже протеръ глаза.

Это онъ—несомнѣнно. Идетъ и издали кланяется.

Подходитъ онъ тихо, какъ бы нерѣшительно. Лицо безъ особаго выраженія, но гораздо блѣднѣе обыкновеннаго.

Фартовъ прикоснулся рукой къ борту шляпы и потомъ, только той же рукой привѣтствовалъ его.

Павелъ всталъ, взялъ со скамьи кружку и залпомъ допилъ.

— Вотъ ты гдѣ!—окликнулъ его Фартовъ.—Мнѣ такъ и сказали.

Они пожали другъ другу руку. Въ рукѣ Фартова Павелъ почувствовалъ дрожаніе. И быстрый взглядъ на него доложилъ ему, что тотъ весь трепетный. Лицо очень блѣдно и глаза то вспыхнутъ, то потухнутъ.

— Пьешь... что-то?—спросилъ онъ.—Лѣкарство?

— Да, молоко... по приказанію доктора.

— Хорошее дѣло.

— Съ коньякомъ.

— Еще того лучше! Да ты совсѣмъ молодцомъ. Видъ другой. Даже цвѣтъ свѣжій въ щекахъ. Присядемъ на минуточку.

Онъ угадалъ, что такой ранній визитъ Фартовъ дѣлалъ именно ему, а не кому-либо другому въ домѣ.

Павелъ сѣлъ рядомъ, смущенный, и ему неловко было взглянуть на Фартова сразу.

— Вотъ, очень радъ, что засталъ тебя,—заговорилъ тотъ и снялъ шляпу.

Лобъ его былъ влаженъ.

— Пока еще хорошо, а вотъ полчаса какихъ-нибудь пройдетъ— и жара. Тебѣ, Павликъ, надо поскорѣе бы вонъ изъ Москвы.

— Мнѣ Иванъ Петровичъ тоже говоритъ.

Онъ чуть было не спросилъ:

«А на какія деньги я уѣду?»

— На море... въ горы... или хотя на Волгу.

И точно перебивая себя, Фартовъ круто повернулъ свое плотное туловище, взялъ Павла за руку и, волнуясь, сказалъ:

— Намъ надо съ тобой поговорить, Павликъ, по-душѣ.

— Что-жъ, Ардальонъ Силычъ... я очень радъ.

— Не зови меня такъ!—вырвался у Фартова горячій возгласъ.— Ради Создателя! Прежде ты меня Арди звалъ. И теперь также бы.

— Какъ вамъ угодно.

— Брось этотъ тонъ, Паша! Дорогой! Неужели ты не видишь и не понимаешь, какъ я за тебя мучился все это время, и теперь еще мѣста себѣ не могу найти.

— Если изъ-за меня, мнѣ было бы очень больно.

— Все, все я понялъ и перечувствовалъ за тебя, Паша, все... И дуэль твою, и болѣзнь, которая могла тебя унести.

— Будто?

— Я тебѣ говорю. И вотъ, я прошу у тебя прощенія.

Отъ волненія рѣчь его перервалась.

— Въ чемъ же вы-то виноваты?

— Паша! Это *вы* холодитъ меня. Намъ нельзя быть на такой ногѣ. До сегодня я не хотѣлъ тебя смущать. И не моя была воля.

Сквозь эти отрывочныя и туманныя фразы пробивалось сильное душевное волненіе.

Ему стало жаль Фартова.

— Вамъ не въ чемъ себя винить, Арди,—произнесъ онъ съ нѣкоторымъ усиліемъ.—Никто ни въ чемъ не виноватъ.

— Но позволь одинъ вопросъ, Павликъ.

Фартовъ отложилъ шляпу на скамью и отеръ лобъ платкомъ.

— Скажи мнѣ, еслибъ вдругъ тебѣ пришлось рѣшать: оставаться въ той семьѣ, гдѣ ты родился и росъ... гдѣ тебя худо ли, хорошо ли воспитали и по-своему любили... или же...

Кончить онъ не рѣшался.

— Или...—продолжалъ за него Павелъ и выпрямился,—или уйти отъ нихъ?

И онъ сдѣлалъ жестъ въ сторону дома.

— Да!—съ дрожью въ голосѣ вымолвилъ Фартовъ.

Глаза его досказали остальное.

Это было уже полное признаніе. Глаза Фартова говорили ему:

«Смотри, я твой настоящій отецъ... и я зову тебя къ себѣ».

Еще сильнѣе стало ему жаль этого человѣка; но ничто въ немъ не зажглось, тамъ внутри, ничто не заставило его броситься ему на шею.

И холодящій вопросъ, какъ стальной стилетъ, кольнулъ его.

«А какъ же ты можешь знать навѣрно, что онъ—твой отецъ?»

Потомъ всплыла мгновенно и другая мысль:

«И неужели оттого только, что онъ былъ двадцать лѣтъ въ связи съ твоей матерью, ты уйдешь къ нему, бросивъ ей также ненужный вызовъ?»

— Какъ же ты скажешь, Павликъ, дорогой?

На рыжеватыхъ рѣсницахъ Фартова показались слезинки.

— Хотите правду, Ардальонъ Силычъ, всю правду?

— Говори! Не томи!

— Къ чему я рвусь—это къ полной свободѣ. Я не могу,—голосъ его дрогнулъ,—поймите меня, не могу... послѣ всего, что испыталъ въ послѣднее время, разобраться въ себѣ. Мнѣ надо уйти, это вѣрно... но не къ кому-нибудь, а вообще... начать жить на свой страхъ.

— На свой страхъ,—повторилъ Фарсовъ упавшимъ голосомъ.—Вотъ что!

Онъ съ трудомъ сдерживалъ себя.

— Вы меня... не судите строго,—вымолвилъ, помолчавъ, Павликъ.

— Значитъ,—спросилъ Фартовъ, растерянно, вбокъ поглядѣвъ на него,—ты не одобрилъ бы человѣка, положимъ... въ моемъ положеніи... который захотѣлъ бы раздѣлаться разъ навсегда съ той личиной, которую носилъ?...

Онъ не договорилъ: «вотъ уже болѣе двадцати лѣтъ».

Это было еще яснѣе, и выговорилъ онъ свой вопросъ такъ, что Павелъ сейчасъ же сказалъ про себя:

«У него было рѣшительное объясненіе съ ними обоими».

— Это дѣло его совѣсти,—вымолвилъ онъ тихо. — Судьей я тутъ не могу быть, Ардальонъ Силычъ.

И вдругъ ему сдѣлалось и стыдно за свою холодность, и нестерпимо жаль этого «колодника», пожелавшаго вырваться изъ кандаловъ.

Вѣдь мотивомъ этого былъ *онъ*, любовь къ нему, боязнь за него, страстное желаніе начать новую жизнь съ роднымъ сыномъ.

— Простите!—прошепталъ онъ и схватилъ его за руку.—Я все понимаю. Вы—лучше здѣсь всѣхъ, Ардальонъ Силычъ... Вы единственный человѣкъ, къ которому я приду... когда настанетъ минута.

Фартовъ обнялъ его обѣими руками за шею, какъ тогда, въ постели, больного, и нѣсколько разъ, безъ словъ, весь вздрагивая, поцѣловалъ его въ лобъ.

— Спасибо, спасибо, голубчикъ! Милый мой Павликъ... Мой!— громкимъ шепотомъ воскликнулъ онъ.

XVIII.

Опять Лена проснулась раньше обыкновеннаго, въ половинѣ восьмого.

Но, проснувшись, она не стала перебирать въ головѣ тревожныхъ мыслей, какъ въ тотъ разъ.

Все, кажется, приходитъ въ «норму».

Она употребила опять любимое выраженіе Ивана Петровича.

А вѣдь «Ардальонъ» могъ наглупить еще больше.

И отецъ, и мать жаловались ей на него. Всего они, конечно, не говорили ей; но ей легко было проникнуть въ самую суть.

Онъ, кажется, хотѣлъ ни больше, ни меньше, какъ добиться развода или чего-то въ такомъ родѣ, играя на «великой» любви къ *своему* сыну.

У ней языкъ чесался, не дальше, какъ вчера, спросить его:

«Да почему вы такъ увѣрены, что Паша вашъ сынъ?»

Теперь онъ какъ-то сразу притихъ.

И ближайшую причину этого она себѣ объясняетъ, и не зря.

Выйдя, третьяго дня, на террасу, когда родители ея еще были въ своихъ комнатахъ, она увидала Фартова въ саду. Онъ подходилъ къ калиткѣ и былъ очень разстроенъ.

Такой ранній, и какъ бы тайный, визитъ удивилъ ее. Къ рѣшеткѣ сада былъ прислоненъ и его велесипедъ. Значитъ, онъ прилетѣлъ изъ города, прямо отъ себя; а это—чуть не десять верстъ.

Это ее очень заинтересовало. Она отодвинулась немного за драпировку.

Черезъ двѣ-три минуты показался и Павликъ, съ кружкой въ рукѣ.

Было ясно для нея, что Фартовъ прилетѣлъ, въ утренній часъ, прямо затѣмъ, чтобы захватить свое «чадо» въ саду, зная, что тотъ пьетъ молоко и прохаживается по аллеѣ акацій.

И, должно быть, съ Пашей «не выгорѣло», произнесла она это не бонтонное слово. Про себя она любила хлестскія слова и выраженія; иногда и въ интимности.

«A la bonne heure»! вслѣдъ затѣмъ мысленно воскликнула она по-французски и стала подниматься.

Черезъ недѣлю они должны «сняться». Рѣшено ѣхать въ Біаррицъ. Фартовъ все отговариваетъ ихъ, чтобы ему не разлучаться съ Пашей; да и тотъ, хоть и не объявлялъ еще рѣшительно, что не поѣдетъ, но по всему видно, что его Біаррицемъ не приманишь.

Въ Москвѣ онъ врядъ ли останется. За чаемъ, безъ него, былъ объ этомъ разговоръ, въ присутствіи профессора.

Иванъ Петровичъ настаивалъ на привольномъ житьѣ, говорилъ о кумысѣ, о Кавказѣ. Хорошъ былъ бы и Нарзанъ; но можетъ оказаться сильнымъ. Какому-то его паціенту, тоже нервному субъекту,— даже лицо перекосило въ ваннѣ.

— Всего лучше бы куда-нибудь въ лѣса, на Оку, а потомъ— поѣздку за границу, въ Швейцарію, въ Давозъ.

Отецъ и мать ничего не возражали. Ихъ только безпокоитъ то, что какъ же это они его *одного* оставятъ.

А «Ардальонъ» зачѣмъ? Онъ навѣрно «увяжется» съ нимъ, употребила она опять жаргонное слово и не застыдилась.

Врядъ ли самъ Павелъ будетъ очень радъ, чтобы тотъ торчалъ у него постоянно на шеѣ.

Пускай его свезетъ Пашу куда нужно. А тамъ онъ, по дѣламъ, долженъ вернуться въ Москву; да и не выдержитъ онъ одиночества, явится къ нимъ, въ Біаррицъ, въ концѣ сентября, или въ Парижъ, гдѣ они, по обыкновенію, проведутъ начало осени.

Павелъ замѣтно измѣнилъ съ ней тонъ, отвѣчаетъ мягко, не показываетъ, какъ прежде, своими минами: «Уйди, пожалуйста, не приставай. Ты мнѣ чужая!»

Но онъ не могъ «tourner casaque», подумала она по-французски готовой фразой. То, что его мозжило, *для него* существуетъ попрежнему и изъ этой «передряги» онъ что-нибудь да вынесетъ, какое-нибудь рѣшеніе: какъ ему дальше жить и ладить съ ними.

Смутно Лена уже чуяла, что онъ не сегодня-завтра совсѣмъ себя отдѣлитъ.

Другими словами «уйдетъ».

«Куда?»—спросила она и, въ ночномъ бѣльѣ, заходила по своей спальнѣ.

— Куда?—выговорила она даже вслухъ.

Къ Ардальону?

Врядъ ли! Еслибъ оно къ тому шло, Ардальонъ не вышелъ бы изъ сада съ такой «физіономіей».

Да ничего она, и въ послѣдніе дни, не замѣтила въ его обхожде-

ніи съ Фартовымъ подозрительнаго. Никакой внезапной перемѣны тона. Ни одного особенно сочувственнаго, еще менѣе нѣжнаго взгляда.

Будь иначе, съ «импульсивной» натурой Паши, онъ уже разлетѣлся бы къ отцу или къ матери, или къ нимъ обоимъ и «avec esclandre» ушелъ бы, послѣ того, какъ уличилъ бы ихъ, по-гамлетовски, въ «нечестивомъ» и «позорномъ» прошломъ.

Она «хочетъ вѣрить», что этого не случится. Все обойдется, все будетъ прилично; а между матерью и Фартовымъ все войдетъ въ прежнюю колею.

Мало ли какіе бываютъ «malentendus» въ супружествѣ? А вѣдь это такое же супружество, только побочное.

Отецъ ея тутъ—«не въ счетъ».

Его поведеніе было, есть и будетъ вполнѣ джентльменское. Если онъ способенъ играть какую роль, то—примирительную. Фартовымъ онъ имѣетъ право быть недоволенъ, такъ же, какъ и мать. Тотъ «одумается» и они ему первые простятъ.

«Все это прекрасно»,—продолжала разсуждать Лена, даже за умывальнымъ столомъ; но ей всетаки надо попробовать позондировать теперь Пашу и предупредить родителей,—словомъ, доиграть свою роль посредствующаго лица.

Это ея *долгъ!*

То, что судьбѣ угодно было послать супругамъ Кардуевымъ, останется неизмѣннымъ. Всякій coup de tête былъ бы безуміемъ.

Нелѣпо и жестоко требовать отъ нихъ: переродиться, сбросить съ себя «ветхаго человѣка», какъ говорится въ писаніи (Лена знала даже, что это слова апостола Павла) и принести публичное покаяніе въ своихъ прегрѣшеніяхъ.

Довольно будетъ и того, если свою собственную жизнь устроить на другихъ основахъ.

За себя она *желала* бы поручиться, если выйдетъ замужъ. Какъ сложится ея замужняя жизнь, она не станетъ предсказывать. Можетъ и она полюбить внѣ брака. Но того, что у нихъ длилось двадцать лѣтъ, у нея не будетъ: за то она, какъ горничныя говорятъ, «отдастъ руку на отсѣченіе».

«C'est pas correct!»—выговорила она мысленно и брезгливо выпятила нижнюю губу.

Вотъ теперь шелъ уже девятый часъ, всего бы лучше поговорить съ Пашей.

Горничную Лена послала узнать: гдѣ Павелъ Львовичъ, не въ саду ли?

Та пришла доложить, что молодой барин давно уже уѣхали на велосипедѣ.

— Въ какую сторону?—спросила Лена.

— Швейцаръ сказывалъ, туда, къ Разумовскому, по шашѐ.

Лена не могла выучить свою камеристку, весьма толковую и франтоватую, произносить «шоссе», а не шашѐ».

И тотчасъ же она рѣшила, что тоже поѣдетъ, не напившись чаю. Она не боялась, что ее затошнитъ отъ пустого желудка.

— Подайте мнѣ костюмъ велосипедный.

— Который, барышня?

Ихъ было у Лены два: одинъ съ шароварами, французскій, другой англійскій, съ разрѣзной юбкой. Въ первомъ она ѣздитъ по утрамъ или когда смеркается.

— Съ шароварами,—приказала она.

Черезъ четверть часа она уже вскочила въ сѣдло своей «bicyclette» и, выѣхавъ изъ воротъ, взяла влѣво, по тому направленію, куда поѣхалъ и братъ ея.

Сначала она ѣхала потише, оглядывая дорогу. Зрѣніе у нея было прекрасное и лорнетъ она носила только для «contenance», да и то начинаетъ уже находить это «запоздалымъ стилемъ», котораго держится «всякая дрянь» въ Москвѣ и вообще въ Россіи.

Велосипедъ она въ это тревожное время, около мѣсяца, запустила; а ей слѣдовало бы дѣлать въ день по двадцати верстъ. Она сама замѣчаетъ, что «раздается» въ бюстѣ.

За границей она наверстаетъ.

Выѣхавъ на шоссе, ведущее къ перекрестку, откуда начинается аллея, прямо въ Разумовское, Лена прибавила ходу и пролетѣла съ версту однимъ духомъ.

Она была большая искусница и могла катиться со сложенными на груди руками, не теряя равновѣсія.

Ей никто не попадался—ни одной пролетки, ни одной телѣги.

Вотъ скоро и академическая сторожка. Лена миновала ее и слѣва, на дорожкѣ, вдоль кустарниковъ, узнала брата своего. Павелъ, въ бѣломъ китлѣ, сошелъ съ велосипеда и прилегъ въ тѣни.

«Не случилось ли чего?»—подумала Лена и, круто повернувъ налѣво, подлетѣла къ краю шоссе, сошла на землю, перескочила канавку и ловко заставила свой велосипедъ перескочить вмѣстѣ съ ней, держа его за ручку.

Павелъ не сразу замѣтилъ ее.

Онъ что-то читалъ и прилегъ спиной къ ней.

— Павликъ!—громко окликнула она его.

Онъ обернулъ голову и приложилъ ладонь къ козырьку фуражки отъ солнца.

— Это я!

Лена немного запыхалась, когда дошла до него, почти бѣгомъ.

— Въ погоню за тобой! Здравствуй!

Она приставила велосипедъ къ дереву, опустилась рядомъ съ братомъ и тогда только протянула ему руку.

— Въ погоню за мной?—переспросилъ онъ.—Развѣ что-нибудь такое случилось?

— Успокойся! Ничего. Наши еще были у себя, когда я собралась. Думала, ты въ саду, пьешь свое молоко.

Павелъ вбокъ взглянулъ на нее и выговорилъ мягко и замедленно:

— Развѣ тебѣ такъ нужно было меня видѣть?

— Ничего... экстреннаго, Павликъ. Но если хочешь правду... я хотѣла перемолвиться съ тобою... передъ отъѣздомъ. Мы вѣдь собираемся.

— Я знаю.

— А ты какъ?

Она сказала это, не глядя на него, съ полуопущенной головой.

— Ты съ нами вѣдь не поѣдешь?—утвердительно добавила она.

— Нѣтъ... я не собираюсь.

Въ его тонѣ не было никакой болѣзненной нервности. Онъ произнесъ это такъ, точно это дѣло самое простое и на половину имъ уже рѣшенное.

— Куда же бы ты желалъ?—спрòсила Лена, все тѣмъ же мягкимъ, пріятельскимъ тономъ.—Или еще не рѣшилъ?

— Окончательно не рѣшилъ.

— Но, во всякомъ случаѣ, не съ нами?

Откинувъ голову назадъ, въ огромной бѣлой шляпѣ, Лена тутъ только поглядѣла на него своими круглыми глазами.

— Ты пожалуйста, Павликъ,—заговорила она поспѣшно,—не думай, что я желаю что-нибудь выпытывать.

— Я не думаю этого.

— И вообще... можетъ быть, тебѣ непріятно, что я спрашиваю тебя объ этомъ и вотъ... нашла тебя. Я не скрою, мнѣ сказали дома, куда ты поѣхалъ.

— Нисколько,—вымолвилъ онъ серьезно и спокойно.—Ты, Лена, только предупредила меня.

— Въ чемъ, Паша?

— Я, какъ разъ, сегодня хотѣлъ поговорить съ тобой.

— Вотъ какъ.

Она, по-мужски, поставила ноги и охватила ихъ руками, совершенно такъ, какъ Ѣздоковъ, когда они сидѣли въ лѣсу, нѣсколько дней назадъ.

— Я еще не рѣшилъ, куда я поѣду. Иванъ Петровичъ всего больше стоитъ за деревню... гдѣ-нибудь въ лѣсныхъ краяхъ.

— Это не трудно. У папы навѣрно найдутся знакомые. Куда-нибудь на Оку? Или на Волгу?

— Мнѣ все равно. И не объ этомъ я хотѣлъ тебя попросить.

Легкая краска проступила на ея крѣпкихъ щекахъ.

— Сдѣлай милость.

— Видишь, Лена,—началъ онъ, не сразу.—Ты мнѣ извини... тогдашнюю нашу сцену...

— Ты былъ боленъ.

— Не въ томъ дѣло. Я, по совѣсти говоря, не могу отказываться отъ извѣстныхъ чувствъ и выводовъ.

— Твое дѣло.

— Но я никого не хочу обижать. Только бы не насиловали моей совѣсти; а тамъ уже дѣйствительно мое дѣло, и я обязанъ отстаивать ее.

— Конечно,—особенно мягко вымолвила Лена и опустила свои густыя рѣсницы.

— Ты... одинаково ладишь съ родителями. Я уже не говорю про отца. И мама привыкла слушать тебя.

— Словомъ, мать-командирша!—съ легкимъ смѣхомъ подсказала Лена.

— Такъ сложилось... И это къ лучшему. Говорю такъ безъ всякой задней мысли. Ты мнѣ оказала бы великую услугу... приготовивъ ихъ.

— Къ чему?—съ живостью остановила Лена и всѣмъ бюстомъ повернулась къ брату, сидя на травѣ.

— Не бойся. Ничего чрезвычайнаго не будетъ. Но ты, конечно, понимаешь, что я себя теперь совсѣмъ иначе чувствую, чѣмъ годъ назадъ.

— И тебѣ, Паша, слишкомъ тяжело оставаться съ нами?

— Да,—звонко вздохнувъ, обронилъ онъ.

— Что-жъ!

Лена сдѣлала жестъ правой ладонью.

— Будешь жить... отдѣльно? Останешься здѣсь или переѣдешь?

— Не могу тебѣ отвѣтить рѣшительно. Во всякомъ случаѣ, сдѣ-

лаю это такъ, чтобы все было корректно,—выговорилъ Павелъ съ удареніемъ и поглядѣлъ, улыбнувшись, на сестру.

Та не могла не кинуть ему обратнаго «волана» (она про себя именно такъ выразилась), какъ ни была миролюбиво настроена.

— Это всего лучше, Паша. Что не корректно, то не добро... и не умно.

— Не буду спорить.

— И ты хотѣлъ бы, черезъ меня, предупредить ихъ.

— Согласись,—заговорилъ онъ возбужденнѣе,—объясненіе съ мамой, для нея же было бы тягостно. Мнѣ и то нелегко видѣть, что она меня боится.

— Съ какой стати?

— Я это вижу. А я вѣдь ничего ей не сказалъ, ничего такого...

— Тутъ виноватъ не ты.

— А кто же?

— Какъ будто ты не понимаешь! Ардальонъ Силычъ.

— Его мы оставимъ!

Павелъ посмотрѣлъ на нее твердо, и она поняла, что онъ *теперь* не допуститъ ничего рѣзкаго противъ Фартова.

— Такъ или иначе,—досказалъ онъ,—ты сумѣешь это сдѣлать... особенно легко это тебѣ будетъ съ отцемъ твоимъ.

Это «твоимъ» было произнесено совсѣмъ просто; но она его отмѣтила.

— Хорошо. Но когда же ты мнѣ скажешь, что именно ты надумалъ?

— Скажу... передъ вашимъ отъѣздомъ. Но, что я не съ вами, ты можешь хоть сейчасъ передать имъ.

— Они это знаютъ. Иванъ Петровичъ ихъ уже настроилъ въ этомъ смыслѣ.

— И того лучше.

Въ томъ, какъ сказалъ онъ это «и того лучше», Ленѣ послышались интонація и манера «Ардальона».

Она вбокъ и быстро оглянула голову Павла и его профиль.

«Нѣтъ сомнѣнія,—подумала она,—что онъ его сынъ».

— Ты читаешь?—спросила она, указавъ на томикъ въ зеленой обложкѣ, лежавшій около нея.

— Да. Хорошая книжка по психологіи.

— Не буду тебѣ мѣшать. Извини за мой неожиданный наѣздъ... Но видишь, нѣтъ худа безъ добра. До свиданія, Паша!

Она быстро поднялась, взяла свой велосипедъ и отвела его на шоссе, гдѣ и вскочила въ сѣдло.

XIX.

Утро стояло свѣжее, съ легонькимъ вѣтеркомъ. Больше трехъ верстъ сдѣлалъ уже Павелъ на велосипедѣ и не чувствовалъ еще никакой усталости.

Онъ всталъ сегодня рано, пилъ въ саду свое молоко и около восьми часовъ поѣхалъ въ городъ.

Давно не былъ онъ въ Москвѣ. Въ послѣдній разъ, вспомнилъ онъ, ѣздилъ также на велосипедѣ.

Москву онъ не любилъ, хотя и родился тутъ.

Не лежало его сердце къ этой постоянной ярмаркѣ, вродѣ Макарьевской, гдѣ только и есть жизнь, что въ стѣнахъ «города», въ его московскомъ значеніи.

И къ своей «almae matri», на Моховой, онъ сталъ равнодушнѣе, терялъ «вѣру» въ нее.

Ему сдавалось, что университетскій оазисъ среди курьезнаго торжища слишкомъ малъ и безсиленъ противъ того, чѣмъ живетъ, изъ года въ годъ, безчисленный «обыватель».

Ни на чемъ онъ не могъ отдохнуть душою, проѣзжая Москвой, отъ одного края до другого, отъ Тріумфальныхъ воротъ Тверской до конца Покровки.

Тѣмъ запросамъ, какіе забрались въ его душу, ничто кругомъ не говорило.

И на каждомъ шагу вставали вопросы.

«Зачѣмъ она такъ безобразно раскинулась, эта пыльная, трескучая и вѣчно-неустроенная Москва? Зачѣмъ въ ней всегда царитъ утроба, а не мозгъ, хозяйская нажива и пьяная распущенность мастеровщины?

Фасады, рѣшетки, колокольни, лабазы и лавчонки, бани, магазины и трактиры, проѣзды и бульвары,—все это такъ громоздко, плоско, ординарно, некрасиво и некультурно, и такъ тянетъ къ самымъ низменнымъ потребностямъ милліонной сѣрой массы и сотни тысячъ купцовъ.

Съ «эстетами» изъ своихъ товарищей онъ во многомъ не сходится; но развѣ они не правы?

И на Западѣ—онъ вспомнилъ про Флоренцію, куда попалъ въ прошломъ году—прославленная эпоха Возрожденія стала въ сущности разваломъ самаго необузданнаго хищничества, жестокаго и злобнаго. Но она оставила по себѣ роскошное наслѣдіе, которое захватываетъ васъ сразу обаяніемъ величія, творческой силы, граціи, выдумки, чего-то навѣки обреченнаго на безсмертіе и на высокую воспитательную роль.

Онъ, въ эту минуту, спускался къ площади Тверской, гдѣ направо громоздко выступаетъ трехъэтажный каменный ящикъ, а налѣво въ глубинѣ гауптвахта съ «каланчей».

И въ памяти его воскресло палаццо Строцци, на *Via Tornabuoni,* а потомъ площадь Синьоріи, съ изумительно-изящной башней на *Palazzo Vecchio.*

Сравнить ту ратушу съ этой красно-кирпичной глыбой думы, въ ея яко бы старо-московскомъ стилѣ!

Все, что есть лучшаго въ Кремлѣ, оставлено тѣми же флорентинцами, всѣми этими Аристотелями и Марками, которымъ московскіе люди давали одно и то же прозвище: «фрязинъ».

Только на зданіи Верхнихъ Рядовъ отдыхаетъ глазъ и что-то величаво-нарядное есть въ линіяхъ, изгибахъ фасада, въ обшивкѣ и украшеніяхъ.

Путь его лежалъ въ гору. Павелъ былъ уже на Маросейкѣ, гдѣ пыль отъ возовъ и дрожекъ попадала въ глаза и неровности мостовой заставляли подпрыгивать велосипедъ.

Ему показалось странно, что въ немъ, именно въ эту прогулку по Москвѣ, поднимается художественное недовольство. Ѣхалъ онъ совсѣмъ не какъ досужій циклистъ, а съ опредѣленной цѣлью, и такъ далеко стоялъ, когда утромъ сходилъ въ садъ, отъ всякихъ «эстетическихъ» идей и настроеній.

Цѣлыхъ два дня онъ точно заперся въ самомъ себѣ, нарочно уѣзжалъ изъ дому въ Разумовское, дома не завтракалъ и возвращался вечеромъ, когда никого уже не было дома.

Все онъ обдумалъ. Планъ его готовъ. И рѣшеніе—безповоротно. И когда всталъ передъ нимъ вопросъ: «какъ же осуществить все это?»—всплыла и дилемма.

Или пойти на компромиссъ съ своими, быть имъ обязаннымъ, хотя бы и временно, матеріальной поддержкой, или начать жить на свой страхъ, не прося ни у кого никакой поддержки?

Сотни студентовъ на разныхъ факультетахъ пробиваются въ постоянной нуждѣ, прямо въ полунищенскомъ званіи, безъ субсидій, много-много съ освобожденіемъ отъ платы—только на уроки.

Чѣмъ же они хуже его? И чѣмъ онъ плоше большинства этой огромной студенческой массы?

Но тогда надо оставаться въ Москвѣ. А этого онъ не хочетъ. Перевестись въ другой университетъ? Возможно. Куда-нибудь въ провинцію; въ Юрьевъ, гдѣ,—онъ читалъ,—студенческая братія умудряется жить на пятнадцать рублей въ мѣсяцъ?

Но вѣдь и пятнадцать рублей надо добыть, а тамъ, навѣрно, въ сто разъ труднѣе получить заработокъ, чѣмъ въ столицахъ.

И все это—не то! Надо выскочить изъ условій русской жизни—совсѣмъ, совсѣмъ! Надо пройти выучку, настоящую, не барски-дилетантскую, а такую, которая закалитъ тебя для настоящей трудовой дороги.

Вотъ съ чѣмъ онъ поѣхалъ. И къ кому?

Къ Фартову!

Сначала—это было вчера утромъ—онъ устыдился.

Обращаться къ нему потому только, что тотъ выдалъ себя, давая ему чувствовать, что онъ его незаконный сынъ?

А главное: что же онъ собою представляетъ?

Фартовъ лучше другихъ, онъ къ нему относится, какъ нѣжно-любящій отецъ, но и онъ—изъ того же міра «сытыхъ» и если способенъ наживать самъ, а не проживать только, какъ Кардуевъ, то наживать, поддерживая все ту же машину хищничества и *наслѣдственныхъ* харчей, которая такъ глубоко ему ненавистна.

На сколько ладовъ перебиралъ онъ въ головѣ всѣ pro и contra! И кончилъ тѣмъ, что другого средства нѣтъ, если прямо не идти въ чернорабочіе.

Но ему надо учиться, и не такъ, какъ здѣсь, учиться заново, закалить себя для борьбы.

Все это способенъ онъ сказать Фартову въ глаза, обращаясь къ нему.

И вчера же вечеромъ онъ рѣшилъ не предупреждать его, не посылать депеши, а прямо захватить его утромъ, въ Москвѣ.

Въ особнякѣ Фартова Павелъ бывалъ не разъ. Одно время, когда онъ кончалъ курсъ въ гимназіи, тотъ безпрестанно звалъ его въ гости, привлекалъ разными приманками; но и тогда онъ туго шелъ на эти заигрыванья. Только книги и дорогія изданія подкупали его и Ардальонъ Силычъ давалъ ему все, что угодно—въ томъ числѣ и великолѣпные коллекціи и альбомы.

Обстановка у него неизмѣримо выше сортомъ, чѣмъ у нихъ, въ городѣ, въ ихъ особнякѣ, въ одномъ изъ переулковъ Пречистенки.

У нихъ казенно-дворянская отдѣлка—смѣсь чопорной меблировки гостиной и залы съ модной дрянью въ японскомъ стилѣ—въ будуарѣ матери.

Ни одной цѣнной картины, скульптурной вещи, изъ мрамора или бронзы. Всего одинъ шкапчикъ съ книгами у Лены. А въ кабинетѣ у Льва Павловича на стѣнѣ ординарная «panoplie» изъ пистолетовъ,

сабель и кинжаловъ — точно взятая напрокатъ изъ бутафорскихъ вещей Малаго театра.

И такой же точно диванъ съ валиками, покрытый персидскимъ ковромъ.

Фартовъ, хоть и «хамоватъ», на оцѣнку того же Льва Павловича, но онъ со вкусомъ и съ мозговыми потребностями.

Вонъ, по правому тротуару и подъѣздъ одноэтажнаго дома съ мезониномъ, старинной барской постройки.

Ворота отперты. Когда онъ подъѣзжалъ, въ нихъ стоялъ дворникъ.

— Дома Ардальонъ Силычъ?—окликнулъ онъ, не слѣзая.

— Дома. Позвонитесь въ подъѣздъ.

Ему отперъ камердинеръ—все тотъ же, съ брюшкомъ, въ подстриженныхъ сѣдыхъ бакахъ, въ люстриновомъ лѣтнемъ пиджакѣ.

— Вы меня не знаете?—спросилъ не очень рѣшительно Павелъ.

— Помилуйте... какъ же не знать. Вы молодой Кардуевскій баринъ. Ардальона Силыча желаете видѣть?

— Да... я къ нему. Онъ уже проснулся?

— Проснулись. И кушаютъ кофе на балконѣ. Я сейчасъ доложу.

Невольно подумалъ онъ, поднимаясь за слугой по ковру ступенекъ въ довольно высокій нижній этажъ, что всѣ эти хоромы могли бы достаться ему, вмѣстѣ съ милліонами Фартова.

Онъ пристыдилъ себя за эту мысль; но развѣ можно отвѣчать за то, что вамъ придетъ вдругъ въ голову?

Его провели черезъ широкій коридоръ, отдѣланный въ видѣ пріемной, какъ бываетъ въ старыхъ итальянскихъ домахъ, съ рѣзнымъ потолкомъ и деревянной обшивкой стѣнъ, аршина на два вверхъ.

Проходъ этотъ велъ въ столовую съ такой же дубовой обшивкой, и на балконъ.

Слуга пошелъ впередъ и вполголоса доложилъ:

— Молодой баринъ Кардуевъ.

Фартовъ шумно двинулъ стуломъ и встрѣтилъ Павла на порогѣ, протянулъ обѣ руки, взялъ его за плечи, желая, должно быть, обнять; но точно немного сконфузился и, подхвативъ его подъ локоть, повелъ къ столу, гдѣ былъ ему сервированъ кофе.

— Павликъ! Ко мнѣ пріѣхалъ! Такъ рано! Неужели на велосипедѣ?

Отъ радостнаго волненія онъ звонко переводилъ духъ.

— Садись! Хочешь кофею? Я думаю, проголодался? Вѣдь тутъ добрыхъ восемь верстъ, коли не больше! Не очень ли понадѣялся на свои силы?

— Я не усталъ, увѣряю васъ.

— И того лучше!

Поглядѣвъ въ лицо гостю, Фартовъ потише спросилъ:

— У васъ все благополучно?

И глазами добавилъ:

«Не вышло ли какой крупной исторіи»?

— Все благополучно,—выговорилъ ему въ тонъ Павелъ.—Я къ вамъ, Ардальонъ Силычъ.

— Ахъ, Павликъ,—Фартовъ взялъ его за руку,—не больно я люблю, когда ты меня все такъ церемонно зовешь. Ну, хоть Арди... какъ бывало прежде звалъ.

— Извольте! Я къ вамъ за совѣтомъ.

— Спасибо, голубчикъ! Чѣмъ могу... Выпей кофейку!

— Спасибо... я ужъ пилъ молоко.

Павелъ былъ замѣтно стѣсненъ. Но онъ поборолъ въ себѣ это ни къ чему не нужное смущеніе и сказалъ сначала вполголоса:

— Въ моей жизни вышелъ переломъ.

— Знаю,—какъ бы про себя обронилъ Фартовъ и опустилъ голову.

— Мнѣ надо начать свою жизнь... на сторонѣ.

— И это понимаю,—промолвилъ Фартовъ.

— Не имѣю права судить тѣхъ, кто меня воспиталъ. Они такіе, какова вся окружающая жизнь. И другіе не лучше.

«Въ томъ числѣ и я»,—добавилъ про себя Фартовъ.

— И я, быть можетъ, ничѣмъ не выше ихъ, въ чемъ я и долженъ убѣдиться. А для этого надо начать жить на свой страхъ... и заново учиться. Все, что я знаю—это все дилетантство. Выброси меня на улицу—я безпомощенъ. Найду грошевый урокъ—да и то врядъ ли! Но не для того, чтобы наживать... хочу я готовиться по другому къ жизни; а чтобы зарабатывать свой кусокъ хлѣба, не быть въ явномъ... и жалкомъ противорѣчіи съ тѣмъ, что считаешь правдой... не отвлеченной, не мистической, а человѣчной и соціальной.

Фартовъ ни разу не перебилъ его и, слушая, тихо улыбался.

— И для этого?—спросилъ онъ, не поднимая головы.

— Я рѣшилъ покинуть Москву. Даю себѣ сроку три-четыре года.

— Въ другой университетъ перейдешь?

— Нѣтъ, Арди... Я туда,—онъ указалъ рукой.

— За границу?

— Да... быть можетъ, и за океанъ. Но врядъ ли. Можно пройти хорошую выучку и въ Старой Европѣ.

— Безъ сомнѣнія... Что же, ты говорилъ со своими?

— Нѣтъ! И я не хочу никакихъ тяжелыхъ объясненій. Болѣе

исторій для нихъ не будетъ. Я это говорю безъ всякой горечи... Я имъ не ко двору.

Фартовъ утвердительно вздохнулъ.

— Вы это сами знаете, Арди. Я уже просилъ Лену предупредить ихъ. О томъ же прошу и васъ.

— Пожалуй подумаютъ, что я тебя науськалъ.

— Тѣмъ хуже для нихъ! И вотъ передо мной дилемма: какъ прожить эти три года выучки? Только вотъ даровой поддержки отъ нихъ,— протянулъ онъ,—я не могу! Рѣшительно не могу!—воскликнулъ онъ, съ жестомъ руки.

— Понимаю,—чуть слышно вымолвилъ Фартовъ.

— Я къ вамъ обращаюсь теперь по-товарищески

— Спасибо, родной!

Фартовъ сильно стиснулъ ему руку.

— Вы мнѣ дадите заимообразно, но не много, Арди, а то я не возьму, ни подъ какимъ видомъ—то, что мнѣ нужно на первые два года; а тамъ я долженъ самъ поддерживать себя, продолжая учиться.

— Плохая штука, Павликъ! Наши студенты и въ Парижѣ, и въ Женевѣ, и вездѣ—какъ перебиваются?

— Ну, скажемъ, четыре года. Это maximum... Мнѣ нужно,— онъ остановился,—не больше шестисотъ рублей.

— На годъ? Что ты! Какая же это жизнь! Мизерія!

— Больше я не возьму. Это полтораста франковъ въ мѣсяцъ. Довольно. Сотни не имѣютъ такой поддержки. Но только я не иначе, какъ подъ долговое обязательство. Умру раньше—что-жъ дѣлать. А иначе я не хочу. И прошу васъ вѣрить,—поднялъ онъ тонъ,—что я не буду подражать тѣмъ бывшимъ студентамъ, которые годами не возвращаютъ долгъ, а сами зарабатываютъ тысячи... Это, по моему, верхъ безстыдства!

Онъ смолкъ и отеръ влажный лобъ.

Фартовъ взялъ его опять за руку и, не выпуская изъ своей, сказалъ:

— Только-то? Хоть сейчасъ! Но, дорогой ты мой... неужели ты и отъ своего стараго пріятеля уйдешь совсѣмъ? Все, я думаю, позволишь на себя взглянуть. Свѣтъ не клиномъ сошелся... И въ Нью-Йоркъ нынче въ недѣлю попадаютъ изъ Ливерпуля.

Онъ обнялъ его и прошепталъ:

— Спасибо тебѣ за твой порывъ... и твое высокое довѣріе ко мнѣ.

XX.

На дачѣ Кардуевыхъ готовятся къ отъѣзду. Въ передней провѣтриваютъ сундуки и корзины. Въ гардеробной барыни идетъ разборка того, что надо брать въ дорогу. Три горничныхъ съ утра въ большомъ движеніи.

На половинѣ барина—также приготовленія, и довольно сложныя. Вдоль широкаго коридора, идущаго мимо его комнатъ, разставленъ рядъ стульевъ и столовъ.

На нихъ его личный камердинеръ—такой же франтоватый и такихъ же лѣтъ, разложилъ огромный ассортиментъ паръ платья. Панталоны, жилеты, смокинги, пиджаки—висятъ и лежатъ въ ожиданіи осмотра, который произведетъ Левъ Павловичъ, и прикажетъ: что̀ оставить въ Москвѣ и что̀ взять съ собою.

За границей онъ себѣ будетъ заказывать, въ Парижѣ, но съ собою онъ всегда наберетъ непомѣрное количество бѣлья и платья и потомъ, каждый разъ, жалуется женѣ и дочери, повторяя неизмѣнно:

— И зачѣмъ такую уйму багажа я набралъ съ собою!

Онъ ѣздитъ съ двумя огромными сундуками изъ тонкой латуни, и его багажъ вѣситъ не меньше половины того, что вѣситъ багажъ жены и дочери.

Часу въ двѣнадцатомъ онъ вышелъ произвести этотъ осмотръ, въ свѣтлой парѣ и желтыхъ башмакахъ, продушенный, причесанный, съ сигарой въ зубахъ, съ веселымъ, безпечнымъ лицомъ, какое у него бывало обыкновенно до «исторіи» съ Павломъ.

Вчера Фартовъ имѣлъ съ нимъ объясненіе и повелъ себя вполнѣ корректно. Никакихъ нелѣпыхъ выходокъ, какъ будто той дикой сцены десять дней назадъ и въ поминѣ не было.

Все уладилось. Никакихъ больше сюрпризовъ не будетъ. И Павликъ теперь уже не хандритъ и не мучитъ ихъ.

Фартовъ говоритъ дѣло: надо «юнца» оставить одного, пусть ѣдетъ куда хочетъ, куда ему полезнѣе: на Кавказъ, или въ Крымъ, или на Волгу, на Оку, а потянетъ за границу—такъ и туда.

— Поручи это мнѣ,—сказалъ Фартовъ въ самомъ простомъ тонѣ, безъ всякихъ вывертовъ.—Что ему нужно будетъ на поѣздку и прожитіе—мы потомъ сочтемся.

Левъ Павловичъ было выказалъ немного гонору, но согласился.

Вѣдь ѝ то сказать: если Павликъ приходится ближе Фартову, то отчего же ему именно и не позаботиться о немъ? Это его утѣшаетъ и даже льститъ его самолюбію.

Кажется, Фартовъ имѣлъ разговоръ и съ Ниной Георгіевной. Она веселая и обѣ съ дочерью пріятно возбуждены поѣздкой.

Въ сущности она, какъ и мужъ ея, только и признаетъ въ Европѣ два мѣста: Біарриць и Парижъ. Ну, тамъ иногда можно проѣхать по итальянскимъ озерамъ или побывать въ Римѣ. Но не больше одного раза.

Всѣ эти руины и музеи на нее лично наводятъ уныніе; да и другъ ея только притворяется, что понимаетъ толкъ въ художествахъ.

Два раза Левъ Павловичъ прошелъ медленно по коридору въ сопровожденіи камердинера, останавливался передъ каждой парой платья и говорилъ: «взять» или «оставить».

Оказалось всетаки, что «взять» надо чуть не все, кромѣ самыхъ зимнихъ панталонъ и пиджаковъ.

Еще разъ произведенъ былъ осмотръ. Кое-что оставлено: два жилета, одинъ сюртукъ, одинъ домашній вестонъ, два жакета.

Бѣлье онъ бралъ всегда все; ботинокъ полдюжины.

— Такъ вотъ... Иванъ Дорофеичъ,—(онъ такъ звалъ всегда своего камердинера),—не извольте ничего забыть.

— Будьте покойны, Левъ Павловичъ.

Въ дверяхъ, которыя ведутъ къ столовой, показался бѣлый китель Павла.

— Здравствуй, Павликъ!—окликнулъ онъ его.—Ты ко мнѣ?

— Да, къ тебѣ.

Павелъ поцѣловалъ его въ щеку.

— Нужно что-нибудь?

— На пять минутъ.

— Я кончилъ. Войди, войди!

— Вы ѣдете завтра?—спросилъ Павелъ.

— Коли у дамъ все будетъ готово. Да и нельзя манкировать—мѣста въ спальномъ вагонѣ взяты.

Левъ Павловичъ сѣлъ на низкій диванъ и раскинулъ руки на подушки.

— Ну, а ты когда, Паша?

— На-дняхъ. Только я хотѣлъ тебя предупредить. Можетъ, я къ началу лекцій и не вернусь.

— Твое дѣло. Какъ же? Свидѣтельство, что ли, пришлешь? А? Это пустякъ. Не особенное затрудненіе.

Левъ Павловичъ тутъ только вспомнилъ, что Лена его о чемъ-то, насчетъ Павла, предупреждала—точно онъ задумалъ совсѣмъ уходить отъ нихъ.

Но онъ не хотѣлъ задѣвать этотъ вопросъ. Все это въ немъ уляжется.

— Послушай, Паша,—заговорилъ онъ мягко, вбокъ поглядывая

на него.—Тебѣ, кажется, вообще съ нами не такъ живется, какъ бы ты хотѣлъ. Что же! Ты черезъ нѣсколько мѣсяцевъ совершеннолѣтній. Дурного отъ насъ ты, надѣюсь, не видалъ никогда? Но по пословицѣ: насильно милъ не будешь. Хочешь жить своимъ умомъ—живи. Только безъ всякихъ ненужныхъ сюрпризовъ. И мать свою пожалѣй. Довольно ей было и той передряги. Но все-таки я скажу: ты поступилъ благородно. Какъ настоящій дворянинъ!

— Спасибо тебѣ,—сдерживая волненіе, отвѣтилъ Павелъ.—Спасибо за то, что ты уважаешь мою свободу.

— У тебя есть еще что-нибудь?—спросилъ Левъ Павловичъ, поднимаясь.

— Нѣтъ. Я только хотѣлъ предупредить тебя.

Онъ еще вчера рѣшилъ, что напишетъ и ему, и матери за границу, позднѣе, оттуда, гдѣ будетъ проводить конецъ лѣта.

Всякія объясненія были бы безполезны и слишкомъ тяжки и для него, и для нихъ.

— Я и маму хотѣлъ бы предупредить.

— Лишняго ничего ей не говори. Она не безпокоится особенно. Ты здоровъ, молодъ. Тебѣ полезно побыть одному—это вѣрно.

— Спасибо! Еще разъ!

Павелъ пожалъ руку Льва Павловича и, уходя, оглянулся на него, какъ бы показывая, что они, быть можетъ, видятся въ послѣдній разъ.

Но тотъ объ этомъ не подумалъ, и на его губахъ сквозила улыбка совершенно успокоеннаго человѣка.

. . . . . .

— Это я, мама!

Окликъ Павла, когда онъ входилъ къ своей матери, заставилъ ее встрепенуться; она сидѣла спиной, передъ открытымъ сундукомъ и держала въ рукѣ кружевной воротникъ.

— Ah, mon Dieu!

Въ глазахъ ея промелькнуло что-то вродѣ испуга.

— Прости... я тебѣ, быть можетъ, помѣшалъ?

— Ничего, войди, Поль.

Она повернулась къ нему. Павелъ поцѣловалъ ея свободную руку.

У нихъ не было ни одного разговора съ глазу на глазъ. И въ послѣдніе дни Павлу замѣтно было, что она его точно побаивается. На это намекнулъ ему и Фартовъ.

Въ эту минуту ему показалось даже забавнымъ: точно они репетируютъ сцену Гамлета съ королевой.

— Позволишь присѣсть, мама?—тихо спросилъ онъ.

— Пожалуйста, мой другъ.

Онъ опустился на мягкій и короткій диванчикъ.

— Завтра ѣдете? Не успѣешь и слова перемолвить съ тобою въ суетѣ.

Она помолчала.

— Ты не пожелалъ съ нами?

— Извини... я до модныхъ купаній не охотникъ, мама.

— Какъ знаешь, мой другъ.

— И кавалеръ я плохой.

— Только бы ты былъ здоровъ.

Нина Георгіевна положила кружево на переплетъ сундука, медленно поднялась, подошла къ диванчику, гдѣ онъ еще сидѣлъ, и прикоснулась къ его головѣ.

— Тебѣ надо остаться одному... я понимаю. Это говоритъ и добрый нашъ Иванъ Петровичъ.

Павелъ взялъ ея руку и нѣжно поцѣловалъ.

— Прости, мама. Я васъ всѣхъ сильно тревожилъ.

— Я тебя, мой другъ, не могу обвинять.

И ея большіе, чуть подрисованные глаза прибавили:

«Я знаю, за что ты стрѣлялся и что потомъ вызвало въ тебѣ нервную болѣзнь».

— Ты еще поживешь здѣсь?—спросила она уже своимъ гладкимъ тономъ, какимъ она говорила со всѣми и обо всемъ.

— Да... Я еще не рѣшилъ окончательно.

— Пиши намъ... въ Біаррицъ, poste restante. Мы въ Парижѣ только переночуемъ. Черезъ недѣлю мы, навѣрно, тамъ.

Она достала изъ шифоньерки еще что-то кружевное и начала на свѣтѣ внимательно его разглядывать.

— Такъ что ты за границу и не заглянешь, Поль? Или позднѣе? Въ Швейцарію?

— Еще не знаю, мама.

— Только въ Санъ-Морицѣ или въ Давозѣ ко второй половинѣ августа уже поздно. Легко простудиться.

Отложивъ кружевную берту, она опять подошла къ нему.

— Ардальонъ Силычъ останется въ Москвѣ еще нѣсколько дней. Вѣроятно, онъ пріѣдетъ уже прямо въ Парижъ. Я спокойна... Онъ такъ дрожитъ надъ тобой!—съ тихимъ смѣхомъ прибавила она.

А Павелъ тотчасъ же подумалъ:

«Хорошо ли это, что она о немъ упомянула»?

И отвѣтилъ самому себѣ:

«А почему же нѣтъ? Это человѣчнѣе».

— Ты его слушайся,—продолжала Нина Георгіевна,—во всемъ, что касается здоровья. Лучшей няньки не надо!

«Бѣдный Арди,—подумалъ Павелъ.—Надъ нимъ же теперь всѣ здѣсь подсмѣиваются».

— Лену ты видѣлъ сегодня?

— Нѣтъ еще, мама.

— Она третьяго дня много говорила... о тебѣ. Она тоже того мнѣнія, что тебѣ полезно остаться одному.

Глаза Нины Георгіевны остановились на немъ съ легкимъ прищуриваньемъ.

— Tu sais... Paul... ta soeur est ton génie tutélaire.

«Ангелъ-хранитель»,—мысленно повторилъ Павелъ вслѣдъ за матерью и попробовалъ улыбнуться.

— Да, да! Было бы съ твоей стороны слишкомъ большой неблагодарностью не оцѣнить это. Такихъ сестеръ я мало видала въ жизни, какъ Лена.

Павелъ всталъ, какъ будто хотѣлъ что-то сказать, но только поцѣловалъ мать въ плечо. Она его въ високъ . . . . . .

Домъ стоялъ пустой, когда Павелъ вернулся съ Смоленскаго вокзала. Одинъ только швейцаръ встрѣтилъ его. Изъ прислуги оставался поваръ. Двѣ горничныхъ уѣхали въ деревню, камердинера и старшую камеристку брали всегда за границу.

На станціи всѣ суетились, говорили вмѣстѣ, прерывая себя; мать давала все какія-то новыя коммиссіи Фартову. Потомъ стали цѣловаться. Отецъ и мать перекрестили его, у Нины Георгіевны дрогнули губы, а у Льва Павловича покраснѣли глаза. Фартовъ сдерживалъ свое волненіе: оно было скорѣе радостное.

Когда Павелъ въѣхалъ въ коляскѣ во дворъ, онъ не поднялся къ себѣ, а прошелъ садомъ, по аллеѣ акацій и назадъ, на круглую площадку. Съ ней у него было соединено столько воспоминаній изъ «недавняго прошлаго».

Была одна такая минута, въ вагонѣ: ему вдругъ сдѣлалось стыдно, точно онъ ихъ обманываетъ. Почему было не объявить сразу, что онъ уходитъ *совсѣмъ?*

Но такъ лучше. И Фартовъ просилъ объ этомъ. Все равно, они узнаютъ, не больше, какъ черезъ двѣ недѣли. На письмѣ будетъ безобиднѣе и проще. А остальное сдѣлаетъ Арди.

Кто знаетъ, быть можетъ, и отъ него придется уйти... позднѣе?

Онъ поникъ головой, блѣднѣя, и ѣдкая грусть стала холодить ему сердце.

П. Боборыкинъ.

СПРУТЪ*).

(Эпопея пшеницы).

Калифорнскій романъ **Франка Норриса.**

II.

На другое утро Херранъ проснулся около шести часовъ утра, всталъ и черезъ четверть часа уже завтракалъ въ кухнѣ, не желая ждать, пока поваръ-китаецъ накроетъ на столъ въ столовой. Онъ зналъ, что ему предстоитъ тяжелый рабочій день, и торопился начать его. Въ сущности онъ управлялъ Лосъ-Муэртосомъ. При помощи своего приказчика и трехъ управляющихъ участками онъ велъ все управленіе ранхомъ: разрабатывалъ въ подробностяхъ планы отца, выполнялъ его приказанія, заключалъ контракты, уплачивалъ счета и велъ книги.

За послѣднія три недѣли дѣла было мало. Хлѣбъ сжали и продали, наступилъ перерывъ работы почти на мѣсяцъ. Но теперь подходилъ конецъ сухому времени года; въ двадцатыхъ числахъ мѣсяца можно было ожидать первыхъ дождей, которые размягчатъ почву и приготовятъ ее для паханья. Два дня тому назадъ Херранъ приказалъ управляющимъ третьяго и четвертаго участковъ прислать зерно, отложенное ими на посѣвъ. На второмъ участкѣ въ прошлый посѣвъ пшеница едва поднялась отъ земли, а на первомъ,—усадебномъ ранхо,—которымъ онъ завѣдовалъ лично, зерно уже отобрали и отмѣрили.

Херранъ намѣревался въ этотъ день купоросить зерно мѣднымъ купоросомъ,—важная и деликатная операція, которая препятствуетъ образованію ржавчины и пшеничной головки во время роста хлѣба. Кромѣ того, онъ долженъ былъ попасть въ Гвадалаяру къ раннему поѣзду, чтобы встрѣтить хозяина. День обѣщалъ быть занятымъ.

---

*) *Русская Мысль*, 1902 г., кн. I.

Херранъ допивалъ послѣднюю чашку кофе, когда Фельбсъ, приказчикъ усадебнаго ранхо, присматривавшій также за житницами, гдѣ хранилось посѣвное зерно, появился у задней двери кухни съ палкой въ рукахъ.

— Я хотѣлъ поговорить съ вами насчетъ сѣмянъ съ четвертаго, сэръ,—сказалъ онъ.—Они еще не привезены.

Херранъ кивнулъ.

— Я объ этомъ позабочусь. Довольно ли у васъ купоросу, Фельбсъ?—и не дожидаясь отвѣта, онъ прибавилъ:—Скажите кучеру, что мнѣ нуженъ экипажъ къ девяти часамъ, чтобы ѣхать въ Гвадалаяру... Заложите ихъ въ кабріолетъ. Лошадей, конечно.

Когда Фельбсъ ушелъ, Херранъ допилъ свой кофе и прошелъ черезъ столовую и камнемъ вымощенную галлерею со стеклянной крышей въ контору.

Эта контора была центральнымъ нервомъ десяти тысячъ акровъ земли Лосъ-Муэртоса, но ея видъ и меблировка ничуть не внушали мысли о сельскомъ хозяйствѣ. Комната была раздѣлена пополамъ проволочной рѣшеткой, выкрашенной въ зеленую краску съ золотомъ; за рѣшеткой стояли высокія конторки, гдѣ хранились книги, несгораемый шкапъ, конторскій прессъ, папки съ бумагами и пишущая машина Херрана. Большая карта Лосъ-Муэртоса, съ обозначеніемъ каждаго ручья, каждаго возвышенія или пониженія почвы, съ обозначеніемъ различной толщи суглинка или жирной земли висѣла на стѣнѣ между окнами; около несгораемаго шкапа устроенъ былъ телефонъ.

Но самымъ многозначительнымъ предметомъ конторы былъ телеграфъ. Телеграфъ былъ нововведеніемъ въ Санъ-Жоакинѣ, и мысль объ его устройствѣ принадлежала молодому Анникстеру, примѣру котораго немедленно послѣдовали Херранъ и Магнусъ Деррикъ, а послѣ нихъ Бродерсонъ, Остерманъ и многіе другіе сѣятели пшеницы въ странѣ. Конторы ранховъ были такимъ образомъ связаны телеграфомъ съ Санъ-Франциско, а черезъ посредство этого города съ Миннеполисомъ, Чикаго, Нью-Іоркомъ и, наконецъ, что всего важнѣе, съ Ливерпулемъ. Извѣстія о колебаніи цѣнъ на всемірномъ хлѣбномъ рынкѣ во время жатвы и послѣ жатвы шли прямо въ конторы Лосъ-Муэртоса, Квинъ-Седъ, Остермана, Бродерсона. Во время паники на хлѣбномъ рынкѣ Чикаго въ августѣ мѣсяцѣ этого года, Херранъ и Магнусъ просидѣли однажды до полночи, глядя на бѣлую полоску бумаги, которая непрерывно развивалась съ катушки. Въ такіе моменты они теряли сознаніе своей индивидуальности. Ранхо становился частью громаднаго цѣлаго, единицею аггломерата пшеничныхъ посѣ-

вовъ на всемъ свѣтѣ, на которой отражались послѣдствія причинъ, возникшихъ за тысячи миль разстоянія—засухи въ преріяхъ Дакота, дожди на равнинахъ Индіи, морозы въ русскихъ степяхъ и знойные вѣтры въ льяносахъ Аргентины.

Херранъ подошелъ къ телефону и позвонилъ шесть разъ—звонокъ, условленный для дома Четвертаго участка. Это была самая отдаленная и отчужденная часть ранхо, лежавшая на юго-восточной границѣ, куда рѣдко кто заходилъ,—точка, затерянная среди огромнаго открытаго пространства. По дорогѣ до нея отъ конторы было одиннадцать миль, тропинкою и Нижней дорогой считалось девять.

— Отчего нѣтъ сѣмянъ?—спросилъ Херранъ, когда онъ вошелъ въ сообщеніе съ Коттеромъ.

Тотъ извинялся за неизбѣжное промедленіе и прибавилъ, что собирался выѣзжать, когда Херранъ позвалъ его къ телефону.

— Отправляйтесь лучше по тропѣ. Это будетъ скорѣе, а я тороплюсь... Навьючьте мѣшки на лошадей... Коттеръ, если увидите Хувена, проходя мимо его дома, скажите ему, что онъ мнѣ нуженъ, да посмотрите по дорогѣ на концѣ оросительнаго рва... Посмотрите, какъ тамъ идетъ работа и не нужно ли чего-нибудь Билли... Скажите ему, что мы ждемъ новыхъ лопатъ завтра и послѣ завтра, а до тѣхъ поръ пусть обходится тѣмъ, что у него есть... Какъ идутъ дѣла на Четвертомъ?... Хорошо. Отдайте сѣмена Фельбсу, если меня не будетъ, когда вы пріѣдете. Я ѣду въ Гвадалаяру встрѣчать хозяина. Онъ возвращается сегодня... Кстати, мы проиграли процессъ... Да, непріятная исторія! Берманъ насъ обработалъ. Ну, прощайте, и не теряйте времени съ сѣменами. Я буду купоросить сегодня.

Переговоривъ съ Коттеромъ, Херранъ надѣлъ шляпу и пошелъ въ житницу къ Фельбсу. Фельбсъ уже вычистилъ ушатъ для раствора купороса. За нимъ, прислоненные къ стѣнѣ, стояли рядами кули. Херранъ развязывалъ ихъ и тщательно разсматривалъ зерна. Онъ бралъ пшеницу пригоршнями и пропускалъ ее между пальцами или разрѣзалъ зерна ногтемъ, испытывая ихъ твердость.

Всѣ сѣмена принадлежали къ бѣлымъ разновидностямъ пшеницы очень высокаго качества, зерно было тяжелое, твердое, налитое.

— Кабы оно все было такое, а?—замѣтилъ Фельбсъ.

Херранъ поднялъ голову.

— Тогда хлѣбъ былъ бы вкуснѣе кека,—отвѣтилъ онъ, переходя отъ мѣшка къ мѣшку, разсматривая пшеницу и справляясь съ ярлыками каждаго куля.

— Что это,—замѣтилъ онъ,—красная пшеница... Откуда она взялась?

— Это красная Клаусона, которой мы засѣяли клочокъ на Четвертомъ, къ сѣверу отъ ручья миссіи, чтобы посмотрѣть, что она дастъ здѣсь. Урожай получился не особенный.

— Намъ лучше всего держаться бѣлой Соноро и Пропо,—замѣтилъ Херранъ,—съ ней мы получали самые лучшіе результаты, а къ тому же европейскіе мельники любятъ подмѣшивать ее къ восточнымъ пшеницамъ, которыя содержатъ больше бѣлковины, чѣмъ наши... Конечно, въ томъ случаѣ, если мы вообще получимъ какую-нибудь пшеницу въ будущемъ году.

Въ эту минуту Херранъ былъ въ подавленномъ состояніи духа и не надѣялся ни на что. Это находило на него временами, и теперь чувствовалось особенно сильно. Мысль о томъ, «къ чему все это», въ такихъ случаяхъ становилась настоящимъ гнетомъ. Все казалось соединяется, чтобы понизить цѣну на пшеницу. Расширеніе пшеничныхъ посѣвовъ всегда превышало ростъ населенія; съ каждымъ годомъ конкуренція становилась яростнѣе. Доходы фермеровъ подвергались нападенію со всѣхъ сторонъ. То была стая хищниковъ, слетавшихся на общую добычу: купцы-коммиссіонеры, синдикаты элеваторовъ, синдикаты складчиковъ, банки, рабочіе амбаровъ, сельскіе рабочіе... но прежде и больше всего—желѣзная дорога. А ливерпульскіе скупщики упорно понижали цѣны.

Онъ возвращался домой, отдавъ Фельбсу послѣднія приказанія, мрачный, разочарованный, заложивъ руки въ карманы и спрашивая себя, какой будетъ исходъ всему этому? Прибыль была такъ мала, что еще одинъ сухой годъ поведетъ за собою банкротство всѣхъ болѣе мелкихъ фермеровъ долины.

Но здѣсь онъ остановилъ самого себя. Въ Калифорніи два года подъ рядъ засухи были почти безъ прецедентовъ, третій такой же годъ прямо невѣроятенъ, а между тѣмъ почти полный отдыхъ земли является возмѣщеніемъ. Денегъ они не нажили, это вѣрно, но они ихъ и не потеряли. Слава Богу, усадьба не заложена; одинъ хорошій годъ вернетъ всѣ убытки.

Онъ шелъ домой уже въ лучшемъ расположеніи духа, а взглянувъ на самый домъ, повеселѣлъ—такимъ онъ ему показался привѣтливымъ. Усадьба помѣщалась въ рощицѣ эвкалиптусовъ, дубовъ и кипарисовъ,—громадныя деревья росли на лужайкѣ зеленой, свѣжей, хорошо подстриженной, какъ въ любомъ городскомъ саду; она прилегала къ той сторонѣ дома, гдѣ вся семья проводила большую часть дня. Широкая терраса шла во всю длину стѣны; подъ низкими вѣтвями каменнаго дуба у самыхъ ступенекъ, сходившихъ на лугъ, Херранъ выстроилъ бесѣдку для своей матери. Влѣво отъ дома помѣща-

лись амбары и кухня для нѣкоторыхъ рабочихъ. Со ступенекъ террасы открывался широкій видъ на югъ. Ни одинъ прутикъ не загораживалъ пейзажа. Взоръ сразу охватывалъ тонкую, изящную линію, гдѣ земля сходилась съ небомъ. Однообразіе равнины, безъ изгородей, нарушалось только одной точкой—трубой дома управляющаго Третьимъ участкомъ—простымъ пятнышкомъ чуть-чуть болѣе темнымъ, чѣмъ остальная земля.

Подходя ближе, Херранъ увидѣлъ свою мать за завтракомъ. Столъ былъ накрытъ на террассѣ; м-съ Деррикъ одной рукой мѣшала кофе, а въ другой,—держала открытой книгу Вальеръ Патера *Marius*. У ея ногъ сидѣла «княжна Наталья», бѣлая ангорская кошка, лоснящаяся, перекормленная, сосредоточенная, сидѣла и старательно вылизывала бѣлую шерсть на груди. Тутъ же у балюстрады Презлей возился съ новой велосипедной лампочкой, наполняя ее масломъ, прилаживая фитиль.

Херранъ поцѣловалъ мать, сѣлъ на тростниковое кресло террасы, снялъ шляпу и началъ поправлять пальцами свои желтые волосы.

Жена Магнуса Деррика казалась слишкомъ молодой, чтобы быть матерью такихъ двухъ статныхъ молодцовъ, какъ Херранъ и Лайманъ Деррикъ. Ей было немного болѣе пятидесяти лѣтъ, но ее все еще можно было назвать хорошенькой. Черные волосы сохранили свою красоту; большіе глаза часто принимали выраженіе вопросительное и наивное, которое замѣчается только у молодыхъ дѣвушекъ. По природѣ она была сдержанна и легко стушевывалась. Она не была рождена для суровости жизни, но въ молодости испытала эту суровость на себѣ. Магнусъ женился на ней, когда ей былъ двадцать одинъ годъ. Она окончила курсъ нормальной школы нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ и была уже учительницей литературы, музыки и чистописанія въ семинаріи города Маризвилля. Она переутомлялась постепенно, ненавидѣла преподаваніе, но держалась за него, какъ за единственное средство къ существованію. Ея родители умерли, и она содержала себя сама. Единственнымъ желаніемъ ея было видѣть Италію и Неаполитанскій заливъ. Мраморный Фавнъ, мадонны Рафаэля и «Il Trovatore» были ея идеалами литературы и искусства. Она вышла замужъ за Магнуса Деррика несомнѣнно по любви, но Анни Пайнъ полюбила бы всякаго человѣка, который бы освободилъ ее отъ томительнаго гудѣнія, однообразной рутины школы и музыкальнаго класса. Она слѣдовала за мужемъ во всѣхъ перипетіяхъ его карьеры безъ возраженій. Сперва—въ Сакраменто въ бурный періодъ его политической дѣятельности, позднѣе въ Пласервилль, гдѣ Деррикъ присоединился къ золотымъ копямъ Корпусъ Кристи и, на-

конецъ, въ Лосъ-Муэртосъ, гдѣ, продавъ часть своего участія въ Корпусъ Кристи, Деррикъ превратился въ фермера, «осѣлъ» на новыхъ мѣстахъ пшеничной земли, только что открытыхъ проведеніемъ желѣзной дороги. Она десять лѣтъ уже жила въ Лосъ-Муэртосѣ, но съ того момента, когда она бросила первый взглядъ на безпредѣльность ранхо, она не имѣла ни минуты удовлетворенія. Постоянно въ ея красивыхъ, широко-раскрытыхъ глазахъ—глазахъ лани—сквозило выраженіе безпокойства, сомнѣнія, отвращенія. Лосъ-Муэртосъ пугалъ ее.

Этотъ новый порядокъ вещей — ранхо, ограниченное лишь горизонтомъ, гдѣ все, что видно на всѣ четыре стороны, составляетъ одно владѣніе, одно княжество, управляемое сталью и желѣзомъ, изъ котораго вытягиваютъ 350,000 четвертей зерна, гдѣ пшеница растетъ, даже когда земля отдыхаетъ непаханная и незасѣянная—такой порядокъ смущалъ ее, а временами наводилъ на нее ужасъ.

Однообразіе ранхо въѣдалось ей въ сердце часъ за часомъ, годъ за годомъ. И когда же, наконецъ, за всѣмъ этимъ она увидитъ Италію, Римъ, Неаполитанскій заливъ? Магнусъ обѣщалъ ей, что какъ только ранхо будетъ окончательно устроено, они вдвоемъ поѣдутъ путешествовать. Но онъ все время откладывалъ путешествіе то по одной, то по другой причинѣ; машина еще не пущена въ ходъ, онъ еще долженъ держать рычагъ въ своихъ рукахъ, можетъ быть, на будущій годъ, когда пшеница поднимется до девятидесяти, или если будутъ хорошіе дожди. Она не настаивала. Она стушевалась и только иногда ея красивые вопросительные глаза встрѣчались съ его глазами. И въ то же время она ушла въ себя и окружила себя книгами. Вкусы ея были деликатны. Она знала Аустина Добсона наизусть; читала поэмы, этюды; идеи марсавильской семинаріи еще держались въ ея головѣ. «Маріусъ эпикуреецъ», «Сезамъ и лиліи», «Камни Венеціи» и игрушечные журнальчики, наполненные вялыми банальностями «Minor Poets», не выходили изъ ея рукъ.

Когда Презлей появился въ Лосъ-Муэртосѣ, она привѣтствовала его пріѣздъ съ восторгомъ. Наконецъ, она встрѣтится съ родственнымъ духомъ! Она предвкушала длинные разговоры о литературѣ, искусствѣ и этикѣ. Но въ Презлеѣ она разочаровалась. Ее невыразимо удивляло, что Презлей, за исключеніемъ двухъ-трехъ избранныхъ божествъ, совсѣмъ не интересуется литературой. Его равнодушіе къ «стилю», къ изящному англійскому языку, составляло уже прямое оскорбленіе. Его дикіе нападки и открытое издѣвательство надъ миленькими рондо и пѣсенками маленькихъ журнальчиковъ были, по ея мнѣнію, легкомысленной и незаслуженной жестокостью.

Вмѣстѣ съ Презлеемъ она не видѣла ничего романтическаго и поэтическаго въ окружавшей ее жизни, но когда онъ однажды попробовалъ объяснить ей свой замыселъ «Пѣсни Запада», ея шумную жизнь, правду, благородство и дикость, героизмъ и непристойность, она просто возмутилась.

— Но, Презлей,—пробормотала она,—это не литература.

— Нѣтъ!—воскликнулъ онъ сквозь зубы.—Нѣтъ, слава Богу, это не литература.

Подали кабріолетъ, запряженный парой пѣгихъ; Херранъ переодѣлся и уѣхалъ въ Гвадалаяру.

Погода была ясная, на небѣ ни облачка, но когда Херранъ выѣхалъ изъ рощицы, окружавшей усадьбу, въ открытое поле, онъ посмотрѣлъ на небо и на блѣдную голубую линію холмовъ за Квинъ-Себъ. Ландшафтъ носилъ какой-то особый неуловимый отпечатокъ, который не ускользнулъ отъ глазъ Херрана. Первый дождь въ году приближается.

— Это хорошо,—бормоталъ Херранъ, погоняя лошадей.—Только бы поскорѣе получить наши плуги.

Херранъ пріѣхалъ на станцію Гвадалаяры за десять минутъ до прихода поѣзда. Вчерашнія газеты Санъ-Франциска пришли съ первымъ поѣздомъ. Херранъ купилъ нѣсколько номеровъ у станціоннаго торговца и просматривалъ ихъ, когда раздался свистокъ подходившаго поѣзда.

Въ одномъ изъ пассажировъ, выходившихъ изъ вагоновъ, онъ узналъ своего отца. Онъ привсталъ, сильно свиснулъ, замахалъ рукою, пока Магнусъ Деррикъ не замѣтилъ его и не пошелъ быстро къ кабріолету.

Магнусъ-хозяинъ былъ очень высокъ, все еще держался прямо какъ кавалерійскій офицеръ, хотя приближался уже къ 60-ти годамъ. Онъ былъ хорошо сложенъ, красивъ и въ наружности его было что-то повелительное, что немедленно внушало уваженіе, указывало на строгость, достоинство и врожденную гордость. Онъ былъ коротко остриженъ, съ довольно толстыми губами, широкимъ подбородкомъ и большимъ крючковатымъ тонкимъ носомъ, присущимъ всей семьѣ. Его густые волосы съ просѣдью слегка вились на вискахъ. На немъ была высокая сѣрая шляпа съ широкими полями, черный сюртукъ, а въ рукахъ трость съ пожелтѣвшимъ набалдашникомъ изъ слоновой кости.

Въ молодости онъ мечталъ быть представителемъ своего штата, Сѣверной Каролины, въ сенатѣ Соединенныхъ Штатовъ. Онъ потерпѣлъ пораженіе въ двухъ избирательныхъ кампаніяхъ и когда его

карьера была кончена въ этомъ направленіи, онъ въ пятидесятыхъ годахъ пріѣхалъ въ Калифорнію. Онъ вращался въ обществѣ многихъ выдающихся политическихъ дѣятелей страны и благодаря этому однажды былъ демократическимъ кандидатомъ на постъ правителя Штата, но выбранъ не былъ. Послѣ этой полной неудачи Магнусъ Деррикъ окончательно покинулъ политическую дѣятельность и вложилъ свой капиталъ въ золотыя мины Корпусъ Кристи. Потомъ продалъ свою часть съ небольшой прибылью, какъ разъ въ тотъ моментъ, когда могъ нажить нѣсколько милліоновъ въ моментъ искусственнаго подъема акцій,—и искалъ новаго помѣщенія капитала. Вдругъ всюду заговорили о томъ, что «въ Калифорніи открыли пшеницу». Въ сущности это было настоящее открытіе. Первая жатва доктора Гленна, давшая необыкновенные результаты, заставила задуматься всѣхъ мыслящихъ людей Новаго Запада. Калифорнія внезапно вышла на міровой пшеничный рынокъ въ качествѣ серьезнаго конкурента. Черезъ нѣсколько лѣтъ сборъ пшеницы превзошелъ цѣнностью добычу золота, а когда, еще позднѣе, компанія т.-о. и ю.-з. желѣзной дороги стала продавать пассажирамъ богатыя земли Туларе, земли, уступленныя правительствомъ компаніи въ видѣ преміи за проведеніе дороги, Магнусъ поспѣшилъ воспользоваться случаемъ и взялъ за себя десять тысячъ акровъ Лосъ-Муэртоса. Магнусъ всегда бралъ семью съ собою, куда бы онъ ни ѣхалъ. Лайманъ родился въ Сакраменто въ бурныя времена избирательной кампаніи Деррика за мѣсто правителя, а Херранъ родился шесть лѣтъ спустя въ Эльдорадо.

Магнусъ былъ во всѣхъ отношеніяхъ «видный человѣкъ». Въ какомъ бы кругу онъ ни вращался, онъ всюду оказывался первымъ лицомъ. Инстинктивно люди смотрѣли на него какъ на вожака. Лично онъ гордился такимъ отличіемъ, легко усвоивалъ важность въ обращеніи и былъ всегда на своемъ мѣстѣ. Въ качествѣ оратора онъ былъ однимъ изъ послѣднихъ приверженцевъ старой школы ораторскаго искусства. Онъ даже въ ежедневную жизнь вносилъ дикцію и жесты трибуна. Про него говорили, что всякій его разговоръ можно стенографировать и читать какъ отличный образецъ чистаго и избраннаго англійскаго языка. Онъ любилъ дѣлать вечера на широкую ногу, предсѣдательствовать, главенствовать. Когда онъ сердился, всѣ трепетали. Но онъ былъ неспособенъ останавливаться на подробностяхъ и не имѣлъ терпѣнія. Наклонный къ широкой расточительности, онъ занимался скорѣе результатомъ, чѣмъ средствами. Онъ былъ всегда готовъ схватиться за случай, рискнуть всѣмъ въ надеждѣ на колоссальные результаты. Во времена разработки золотыхъ минъ въ Пласервиллѣ, не было болѣе опаснаго игрока въ по-

керъ во всемъ округѣ. Въ минномъ дѣлѣ онъ былъ такъ же счастливъ, какъ въ игрѣ: открывая шахты, проводя туннели противъ всѣхъ господствующихъ теорій, онъ находилъ «уплату» во всѣхъ случаяхъ. Самъ того не замѣчая, онъ управлялъ своимъ ранхомъ отчасти такъ же, какъ разрабатывалъ копи. Въ немъ еще жилъ старый духъ 49-го года—не научный, склонный къ риску; все на свѣтѣ игра—кому везетъ, тотъ можетъ выиграть больше другихъ. Мысль объ унаваживаніи Лосъ-Муэртоса или о сбереженіи своихъ большихъ средствъ не приходила ему въ голову, ему показалось бы это скряжничествомъ, неприличіемъ.

Магнусъ взлѣзъ въ кабріолетъ, схватившись за протянутую ему руку Херрана, которую онъ удержалъ. Они нѣжно любили другъ друга, гордились другъ другомъ, постоянно были вмѣстѣ и у Магнуса не было секретовъ отъ любимаго сына.

— Здравствуй, мальчикъ.

— Здравствуй, хозяинъ.

— Я очень радъ, Херранъ, что ты пріѣхалъ самъ. Я боялся, что ты слишкомъ занятъ и пришлешь Фельбса. Это было возможно.

Херранъ хотѣлъ отвѣчать, но въ это время Магнусъ замѣтилъ три платформы, нагруженныя ярко окрашенными сельско-хозяйственными машинами, которыя все еще стояли на запасномъ пути у станціи. Онъ положилъ руку на возжи, а Херранъ придержалъ лошадь.

— Херранъ,—сказалъ Магнусъ, пристально вглядываясь въ машины,—Херранъ, мнѣ кажется, что это наши плуги. Подъѣзжай къ нимъ, мальчикъ.

Поѣздъ проѣхалъ дальше, и Херранъ могъ подъѣхать къ запасному пути.

— Ты видишь, что я правъ!—воскликнулъ хозяинъ.—«Магнусъ Деррикъ, Лосъ-Муэртосъ, отъ Дитсона и К°, Рочерстеръ». Это наши, мальчикъ!

Херранъ вздохнулъ съ облегченіемъ.

— Наконецъ!—сказалъ онъ.—И какъ разъ вò-время. На этой недѣлѣ пойдетъ дождь. Я думаю, что сразу отсюда буду телефонировать Фельбсу, чтобы онъ выслалъ за ними подводы... Сегодня я началъ купоросить.

Магнусъ кивнулъ головой съ одобреніемъ.

— Это осмотрительно, мальчикъ. Что касается до дождя, я думаю, ты правъ. Сезонъ будетъ ранній... Плуги пришли въ настоящій моментъ.

— Для насъ это означаетъ доходы, хозяинъ,—замѣтилъ Херранъ.

Въ то время, какъ Херранъ поворачивалъ лошадей, чтобы отцу было удобнѣе снова влѣзть въ кабріолетъ, они оба были удивлены, что кто-то густымъ горловымъ басомъ желаетъ имъ добраго утра. Обернувшись, они увидѣли Бермана, подошедшаго, пока они разсматривали плуги. Глаза Херрана сверкнули, и Магнусъ Деррикъ еще больше приподнялъ плечи и выпрямилъ спину. Магнусъ еще не поспѣлъ сѣсть въ кабріолетъ, пара лошадей отдѣляла его отъ Бермана, на котораго онъ спокойно глядѣлъ черезъ лошадиныя спины. Берманъ обошелъ кабріолетъ и приблизился къ Магнусу.

Это былъ коренастый, жирный человѣкъ, съ большимъ животомъ. Его щеки и верхняя часть жирной шеи сливались въ одну дрожащую щеку, выбритую и синеватую; жирная складка, покрытая рѣдкими, потными волосами, выпячивалась сзади надъ воротничкомъ. Онъ носилъ густые черные усы. На немъ была круглая шляпа изъ жесткой, сильно лакированной коричневой соломы; свѣтло-коричневое полотняное пальто, усѣянное безконечнымъ числомъ двойныхъ подковокъ, покрывало его объемистый животъ, на которомъ толстая золотая цѣпочка изъ дутыхъ колецъ поднималась и опускалась при каждомъ дыханіи, со звономъ ударяясь о пуговицы изъ поддѣльнаго перламутра.

Берманъ былъ банкиромъ въ Бонневиллѣ, но кромѣ этого онъ былъ земельнымъ агентомъ, скупалъ хлѣбъ, принималъ заклады, былъ видной шишкой въ мѣстной политикѣ, но, что самое важное, былъ представителемъ тихо-океанской и юго-западной компаніи жел. дор. Почти всѣми дѣлами желѣзной дороги въ этой мѣстности завѣдовалъ С. Берманъ. Въ то время, когда фермеры графства оспаривали пшеничный тарифъ, онъ былъ постоянно на виду въ залахъ суда Санъ-Франциско и законодательнаго собранія въ Сакраменто. Онъ только недавно возвратился въ Бонневилль, когда можно было предсказать рѣшеніе не въ пользу фермеровъ. Трудно было опредѣлить служебное положеніе, имъ занимаемое въ компаніи т.-о. и ю.-з. жел. дор. Онъ не былъ ни завѣдующимъ грузового движенія, ни завѣдующимъ пассажирскаго движенія, ни адвокатомъ, ни оцѣнщикомъ земель, ни политическимъ агентомъ; но вліяніе его во всѣхъ этихъ отрасляхъ было огромное. Фермеры окрестностей Бонневиля знали, кто былъ виновникомъ всѣхъ возникавшихъ затрудненій. Въ глазахъ Остермана, Бродерсона, Анникстера и Деррика,—Бермамъ отожествлялся съ желѣзной дорогой.

— М-ръ Деррикъ, мое почтеніе! — говорилъ онъ подходя. — Здравствуйте, Херранъ. Радуюсь вашему возвращенію, м-ръ Деррикъ!—онъ протянулъ свою жирную руку.

Магнусъ, головой выше Бермана, высокій, прямой, тонкій, смотрѣлъ на него снизу вверхъ, кивнулъ, но не счелъ нужнымъ замѣтить его руки.

— Здравствуйте, сэръ,—отвѣтилъ онъ.

— Такъ вотъ, м-ръ Деррикъ,—продолжалъ Берманъ, вытирая затылокъ платкомъ,—я прочелъ вчера въ газетахъ, что мы выиграли процессъ противъ васъ.

— Я думаю, для *васъ* въ этомъ не было ничего новаго!— вставилъ Херранъ.—Я думаю, вы отлично знали, куда скакнетъ Ульетинъ послѣ своего перваго свиданія съ вами. Вы не любите сюрпризовъ въ этихъ вещахъ, Берманъ.

— И, знаете, Херранъ, вы могли бы сказать что-нибудь другое,—нагло замѣтилъ Берманъ.—Я отлично знаю, куда вы гнете, но меня это изъ себя не выведетъ... Я хотѣлъ сказать вамъ, хозяинъ... я хотѣлъ сказать вамъ, м-ръ Деррикъ, прямо и откровенно, оставивъ въ сторонѣ, что мы были противниками, — я сожалѣю, что вы не выиграли дѣла. Ваша сторона боролась хорошо, но за ошибочное дѣло. Вотъ въ чемъ недоразумѣніе. Неужели вы не понимали, начиная процессъ, что такой тарифъ сводится къ конфискаціи имущества?... Вы должны же признать за нами, за желѣзной дорогой, право имѣть справедливый процентъ на капиталъ.

— Совѣтъ желѣзнодорожныхъ коммиссаровъ былъ подкупленъ,— рѣзко замѣтилъ Магнусъ и глаза его сверкнули.

— Это входило въ разсчетъ,—вставилъ Херранъ,— чтобы желѣзнодорожная коммиссія уменьшила тарифъ до смѣшного, гораздо ниже *возможной* цифры, такъ, чтобы изъ этого *сдѣлать* конфискацію... Былъ ли Ульетинъ вашимъ орудіемъ или не былъ, но ему ничего не оставалось сдѣлать другого, какъ возстановить прежній тарифъ...

— Если бы вы и увеличили тарифъ,—спокойно продолжалъ Берманъ,—мы не могли бы зарабатывать достаточно, чтобы покрыть издержки или постоянныя обязательства, не говоря уже о чистой прибыли, которая должна идти на уплату дивиденда.

— Когда это юго-западная дорога уплачивала дивиденды?

— Самые низкіе тарифы,—продолжалъ Берманъ,—которые можетъ установить законодательная власть, должны обезпечивать намъ справедливый доходъ на наши вклады.

— Прекрасно! На чемъ вы основываетесь? Пожалуйста, объясните... Кто это можетъ опредѣлить, что значитъ справедливый доходъ? Желѣзная дорога имѣетъ свои собственныя представленія о справедливости, иногда...

— Законы штата,—возразилъ Берманъ, — опредѣляютъ семь процентовъ дохода. Вотъ на этомъ мы и основываемся. Нѣтъ никакого основанія, м-ръ Херранъ, чтобы долларъ, вложенный въ желѣзнодорожное дѣло, приносилъ меньше доллара, даннаго подъ вексель,—семь процентовъ. Если бы примѣнить ваши тарифныя таблицы, мы не зарабатывали бы ни цента, мы бы обанкротились.

— Проценты на ваши вклады! — закричалъ Херранъ въ ярости.—Что хорошо, то хорошо!... Вы можете говорить о законныхъ процентахъ! *Я* знаю и *вы* знаете, что валовой доходъ юго-западной дороги за прошлый годъ былъ между девятнадцатью и двадцатью милліонами долларовъ. Не желаете ли вы сказать, что двадцать милліоновъ долларовъ составляютъ семь процентовъ на первоначальную стоимость дороги?

Берманъ развелъ руками, улыбаясь.

— То была валовая прибыль, а не чистая... А почемъ вы знаете, какова была первоначальная стоимость дороги?

— А, вотъ въ этомъ-то все дѣло!—закричалъ Херранъ, подчеркивая каждое слово ударомъ кулака по колѣну.—Чего вы только ни дѣлаете, чтобы мы не знали первоначальной стоимости дороги. Но мы знаемъ, что вы составили условіе на тройную цѣну. Вотъ что мы тоже знаемъ: мы знаемъ, что дорога *могла* быть выстроена за 54 тысячи долларовъ съ мили, а вы *говорите*, что она стоила 87 тысячъ. Въ этомъ есть разница, Берманъ. Такъ на какой изъ этихъ цифръ вы основываетесь, высчитывая свои семь процентовъ?

— Все это—упорство, Херранъ,—замѣтилъ Берманъ неопредѣленно,—и въ этомъ нѣтъ здраваго смысла.

— Мнѣ кажется, господа,—замѣтилъ Магнусъ,—что мы воротимъ старую солому. Всѣ эти вопросы были исчерпаны на судѣ.

— Совершенно вѣрно,—согласился Берманъ.— Самое лучшее фермерамъ и желѣзной дорогѣ жить въ мирѣ и согласіи. Мы зависимъ другъ отъ друга. Это кажется ваши плуги, м-ръ Деррикъ?—Берманъ кивнулъ въ сторону платформъ.

— Они адресованы мнѣ.

— На дождь какъ будто похоже,—замѣтилъ Берманъ, расширяя свой воротничокъ.—На будущей недѣлѣ вы, вѣрно, начнете пахать?

— Вѣроятно,—сказалъ Магнусъ.

— Я позабочусь въ такомъ случаѣ, чтобы ваши плуги доставили вамъ поскорѣе, м-ръ Деррикъ. Я пошлю ихъ большой скоростью и это вамъ не будетъ стоить ничего лишняго.

— Что вы желаете этимъ сказать?—спросилъ Херранъ.—Плуги

здѣсь. Мы больше никакого дѣла съ желѣзной дорогой не имѣемъ... Сегодня вечеромъ я высылаю за ними подводы.

— Мнѣ очень жаль,—сказалъ Берманъ,—но плуги идутъ *на сѣверъ*, а не *съ сѣвера*, какъ вы предполагаете. Они еще не были въ Санъ-Франциско.

Магнусъ сдѣлалъ легкое движеніе головой, какъ бы вспомнилъ что-то позабытое. Но Херранъ ничего не понималъ.

— Въ Санъ-Франциско!—воскликнулъ онъ.—Они сюда посланы... О чемъ вы толкуете?

— Но вѣдь вы знаете, конечно, правила, — отвѣчалъ Берманъ. — Клади этого рода, идущія съ восточныхъ пунктовъ въ Штатъ, должны прежде направиться на одну изъ нашихъ центральныхъ станцій и оттуда снова разсылаться.

Теперь Херранъ вспомнилъ, но его никогда не поражало раньше это правило. Онъ въ замѣшательствѣ откинулся на спинку экипажа. Даже Магнусъ поблѣднѣлъ. Херранъ вдругъ заговорилъ внѣ себя отъ бѣшенства.

— Что еще? Господа! Отчего вы не врываетесь по ночамъ въ наши дома? Отчего вы не крадете у меня часовъ изъ кармана? Отчего вы не нападаете на насъ съ пистолетами и не кричите: «деньги или жизнь!» Мы перевозимъ свои плуги съ востока по вашей дорогѣ, но вы не довольствуетесь тарифомъ большихъ разстояній отъ восточныхъ пунктовъ до Бонневилля. Вамъ надо вытянуть изъ насъ еще вашъ разорительный тарифъ малыхъ разстояній отъ Бонневилля до Санъ-Франциско и *обратно*. Да вы только подумайте! Вотъ грузъ, адресованный въ Бонневилль, который не можетъ остановиться въ Бонневиллѣ, но долженъ быть посланъ *черезъ* Бонневилль въ Санъ-Франциско—сорокъ центовъ съ тонны, и оттуда назадъ въ Бонневилль по пятидесяти центовъ съ тонны! И все это мы должны платить... Вотъ плуги, подошли какъ разъ къ землѣ, на которой должны работать, и время работы подошло, а мы не можемъ ихъ получить! О!—воскликнулъ онъ съ глубокимъ отвращеніемъ,—какая каша!... Какой глупый фарсъ! Всѣ ваши скверныя дѣлишки!

Берманъ слушалъ его, не двигаясь; его маленькіе глазки блестѣли изъ-подъ жирнаго лба, дутыя золотыя кольца цѣпочки бились объ пуговицы съ каждымъ дыханьемъ.

— Совершенно безполезно такъ выходить изъ себя, Херранъ,— сказалъ онъ, наконецъ.—Я готовъ сдѣлать для васъ все возможное. Я потороплю присылку плуговъ, но вѣдь не могу же я измѣнить правилъ дороги?

— Сколько вамъ откупного за это?—оралъ Херранъ.—Сколько

вы хотите получить за пропускъ? Сколько мы должны вамъ заплатить, чтобы вы *позволили* намъ употреблять наши собственные плуги? Какая ваша цѣна? Валяйте!

— Я вижу, вы хотите разсердить меня, Херранъ, — отвѣчалъ С. Берманъ,—только вамъ это не удастся. Лучше не старайтесь, милый мой! Я ужъ сказалъ, что фермерамъ лучше всего жить въ мирѣ съ желѣзной дорогой. Только въ такихъ условіяхъ мы можемъ дѣлать дѣла. Ну-съ, съ нашимъ почтеніемъ, хозяинъ! Мнѣ надо идти дальше. Съ нашимъ почтеніемъ, Херранъ!

И онъ ушелъ.

Прежде чѣмъ уѣхать домой, Магнусъ отправился въ Гвадалаяру въ маленькую лавочку, чтобы купить коробку сигаръ мексиканской фирмы, которыя продавались только тамъ. Херранъ оставался въ кабріолетѣ. Къ нему подошелъ Дайкъ, разсказалъ ему свои дѣла и посовѣтовался съ нимъ насчетъ проекта заняться хмѣлемъ. Подъ вліяніемъ только что оконченнаго разговора съ Берманомъ, Херранъ совѣтовалъ Дайку прежде всего справиться съ желѣзнодорожнымъ тарифомъ на хмѣль.

Магнусъ вышелъ изъ лавочки, сѣлъ вновь въ кабріолетъ и сказалъ Херрану:

— Ну, мальчикъ, прежде чѣмъ ѣхать домой, заѣдемъ къ Анникстеру. Я хочу пригласить его сегодня къ намъ обѣдать. Бродерсонъ и Остерманъ пріѣдутъ, и мнѣ хочется, чтобы Анникстеръ тоже былъ.

Магнусъ отличался широкимъ гостепріимствомъ. Двери Лосъ-Муэртоса были всегда открыты для сосѣдей Деррика, и изрѣдка Магнусъ приглашалъ къ обѣду своихъ близкихъ друзей.

По дорогѣ къ усадьбѣ Анникстера, Магнусъ разспрашивалъ сына о всемъ, что случилось въ его отсутствіе. Херранъ сообщилъ ему всѣ новости недѣли,—отставку Дайка и его рѣшеніе обрабатывать хмѣльники, возвращеніе Веннеми и несчастіе съ овцами; передалъ ему просьбу Хувена остаться арендаторомъ. Херрану стоило только выразить желаніе объ удержаніи нѣмца, чтобы Магнусъ немедленно выразилъ и свое согласіе.

— Ты знаешь все это лучше меня, мальчикъ,—сказалъ онъ,— и все, что ты находишь нужнымъ сдѣлать, будетъ сдѣлано.

Херранъ погонялъ лошадей, онъ торопился домой, чтобы присмотрѣть за процедурой купоросенья пшеницы.

— Кстати, хозяинъ,—вдругъ вспомнилъ онъ,—какъ поживаетъ Лайманъ?

Лайманъ, старшій сынъ Магнуса, никогда не любилъ жизни на ранхо. Онъ былъ въ мать и наслѣдовалъ отъ нея нелюбовь къ земле-

дѣлію. Въ то время, какъ Херранъ учился основамъ земледѣлія, Лайманъ поступилъ уже въ университетъ Штата и затѣмъ три года изучалъ законовѣдѣніе. Но потомъ заинтересовался политикой. Онъ считалъ себя прирожденнымъ политическимъ дѣятелемъ, потому что былъ дипломатиченъ, общителенъ, способенъ на интриги, обладалъ даромъ пріобрѣтать друзей и настоящій талантъ ставить вліятельныхъ людей въ зависимость отъ себя. Ему уже удалось занять два довольно важныхъ поста въ городской администраціи Санъ-Франциско. Но этого ему было слишкомъ мало. Великодушныя черты характера отца, измѣненныя въ Лайманѣ эгоизмомъ, выродились въ необъятное честолюбіе. Тогда какъ Магнусъ въ своей политической карьерѣ смотрѣлъ на себя лишь какъ на носителя извѣстныхъ принциповъ, которые онъ хотѣлъ примѣнять къ жизни, Лайманъ имѣлъ въ виду только самый постъ и свое собственное величіе. Онъ принадлежалъ къ новой школѣ политикановъ, которые достигаютъ цѣли не рѣчами въ сенатахъ и собраніяхъ, но въ комитетахъ и митингахъ во время избирательныхъ сессій при помощи компромиссовъ и сдѣлокъ. Его цѣлью было мѣсто правителя, и онъ твердо рѣшилъ, что когда-нибудь будетъ засѣдать на губернаторскомъ креслѣ въ Сакраменто.

— Лайманъ идетъ хорошо,—сказалъ Магнусъ.—Я бы желалъ видѣть у него болѣе твердые принципы, меньшую готовность на компромиссы, но мнѣ кажется, что онъ серьезенъ и способенъ къ дѣламъ управленія. Его честолюбіе говоритъ за него, и если бы онъ немного болѣе задумывался надъ средствами и менѣе гнался за личными цѣлями, я думаю, изъ него вышелъ бы идеальный слуга народа. Но я не боюсь за него. Настанетъ время, когда онъ будетъ гордостью Штата.

Они выѣхали на дорогу, шедшую къ дому Анникстера. Магнусъ замѣтилъ:

— Херранъ, это, кажется, самъ молодой Анникстеръ тамъ, на крыльцѣ?

Херранъ кивнулъ утвердительно и прибавилъ:

— Кстати сказать, хозяинъ, я бы на вашемъ мѣстѣ не особенно настаивалъ, приглашая Анникстера. Я знаю, что онъ пріѣдетъ съ удовольствіемъ, но если вы покажете ему, что очень желаете его визита, онъ, по своему привычному упрямству, начнетъ искать возраженій.

— Въ этомъ есть доля правды,—замѣтилъ Магнусъ, когда Херранъ подъѣзжалъ къ дому.—Онъ чудакъ, человѣкъ сварливый, но во многихъ отношеніяхъ безупречно хорошій.

Анникстеръ, какъ и наканунѣ, лежалъ въ гаммакѣ, читалъ «Коп-

перфильда» и ѣлъ черносливъ. Узнавъ Магнуса, онъ всетаки всталъ, но тщательно показалъ, какъ ему это трудно. Онъ пространно разсказалъ о всѣхъ своихъ недугахъ, объяснилъ, что желудокъ его превратился въ дырявый мѣшокъ.

— Не хотятъ ли Деррики выпить чего-нибудь? Тамъ гдѣ-то есть виски.

Магнусъ отказался, объяснилъ, что онъ пріѣхалъ звать Анникстера обѣдать въ этотъ день къ семи часамъ вечера. Остерманъ и Бродерсонъ будутъ. Анникстеръ сразу началъ такъ извиняться, что даже Херранъ удивился. Нѣтъ, онъ не думаетъ, что это возможно, въ сущности, даже увѣренъ, что невозможно. У него въ этотъ вечеръ есть дѣло, онъ назначилъ кому-то свиданіе въ Бонневиллѣ, завтра утромъ онъ хочетъ ѣхать въ Санъ-Франциско и поэтому ему надо сегодня выспаться; но кромѣ всего этого, человѣкъ онъ совсѣмъ больной, желудокъ его окончательно расшатался и если онъ начнетъ двигаться, снова подымутся его боли. Нѣтъ, пусть ужъ они обойдутся безъ него.

Магнусъ, зная, съ кѣмъ имѣетъ дѣло, не настаивалъ, иначе Анникстеръ обсуждалъ бы этотъ вопросъ весь остатокъ утра; онъ снова сѣлъ въ кабріолетъ.

— Ну, что же дѣлать,—замѣтилъ онъ,—вы лучше знаете свои дѣла. Если возможно—пріѣзжайте. Мы обѣдаемъ въ семь.

— Я слышалъ, что вы собираетесь сами обрабатывать весь Лосъ-Муэртосъ въ этомъ году?—сказалъ Анникстеръ вызывающимъ тономъ.

— Мы думаемъ объ этомъ,—отвѣтилъ Магнусъ.

Анникстеръ сумрачно проворчалъ.

— Презлей передалъ вамъ мое порученіе?—началъ онъ.

Безтактный и прямой Анникстеръ способенъ былъ назвать самого Магнуса дуракомъ въ глаза. Но не поспѣлъ онъ выговорить слова, какъ въ ворота въѣхалъ маленькій кабріолетъ Бермана и остановился также у крыльца, рядомъ съ экипажемъ Дерриковъ.

— Здравствуйте, господа!—обратился онъ къ Деррикамъ, какъ будто не видѣлъ ихъ въ это утро.—Какъ поживаете, м-ръ Анникстеръ?

— Какого чорта *вамъ* здѣсь надо? — спросилъ Анникстеръ, уставившись на него.

Берманъ крякнулъ и погладилъ жирной рукой по животу.

— А такъ, пустячки, м-ръ Анникстеръ,—отвѣтилъ онъ, не замѣчая враждебности въ голосѣ молодого фермера,—мнѣ придется предъявить искъ на васъ, м-ръ Анникстеръ, за плохое содержаніе

вашихъ загородей. Въ эту ночь всѣ овцы вышли на полотно, и я боюсь, что онѣ серьезно попортили нашъ балластъ. Мы, желѣзная дорога, не можемъ огораживать путь справа. Это лежитъ на обязанностяхъ фермеровъ по условію, поэтому мы должны смотрѣть за тѣмъ, чтобы изгороди ваши были въ порядкѣ. Къ сожалѣнію, я долженъ буду подать искъ...

Анникстеръ вернулся въ свой гаммакъ, вытянулся во всю длину и спокойно замѣтилъ:

— Убирайтесь къ чорту!

— Это настолько же въ вашихъ интересахъ, какъ и въ нашихъ, чтобы общественная безопасность...

— Вы слышали, что я вамъ сказалъ? Убирайтесь къ чорту!

— Это указываетъ на нѣкоторое упорство, м-ръ Анникстеръ, но...

Вдругъ Анникстеръ вскочилъ на ноги. Его лицо побагровѣло до корней его прямыхъ желтыхъ волосъ. Онъ вытянулъ шею и заскрежеталъ зубами.

— Вы!—оралъ онъ.—Я вамъ скажу, кто вы такой!... Вы... вы... типунъ!

Въ его представленіи это было самое крайнее оскорбленіе и обидное ругательство. Худшаго эпитета онъ не имѣлъ въ своемъ распоряженіи.

— Указываетъ на нѣкоторое упорство,—продолжалъ Берманъ, желая закончить свою фразу,—но въ этомъ нѣтъ здраваго смысла.

— Я починю свою загородь, а можетъ быть возьму да и не починю!—кричалъ Анникстеръ.—Знаю я, про что вы говорите... про вчерашній бѣшеный локомотивъ. Ну, такъ вотъ что: вы не имѣете права ходить съ такой скоростью въ предѣлахъ города.

— Какъ въ предѣлахъ города? Овцы были съ этой стороны длинной траншеи.

— Да такъ! Это въ предѣлахъ города Гвадалаяры.

— Что вы, м-ръ Анникстеръ! Длинная траншея отстоитъ на двѣ мили отъ Гвадалаяры.

Анникстеръ уперся на своемъ:

— Двѣ мили! И мили съ четвертью не будетъ... Нѣтъ! И мили не будетъ! Пусть Магнусъ рѣшитъ.

— О, я не знаю рѣшительно ничего объ этомъ,—возразилъ Магнусъ, не желая вмѣшиваться.

— Нѣтъ, знаете. Знаете, знаете! Всякій дуракъ знаетъ, какое разстояніе отъ Гвадалаяры до длинной траншеи. Тамъ будетъ пять восьмыхъ мили, вотъ что!

— Отъ городского депо,—невозмутимо замѣтилъ Берманъ,—до начала длинной траншеи уже около двухъ миль.

— Это ложь! И вы знаете, что лжете,—кричалъ Анникстеръ, еще болѣе раздраженный спокойствіемъ Бермана,—я могу доказать, что это ложь! Я проходилъ это пространство пѣшкомъ, я знаю сколько я могу пройти въ часъ, если я пройду четыре мили...

Магнусъ и Херранъ уѣхали, предоставивъ Анникстеру расправляться съ Берманомъ. Когда, наконецъ, уѣхалъ и Берманъ, Анникстеръ снова легъ въ гаммакъ, доѣлъ свой черносливъ и прочелъ еще одну главу «Копперфильда». Потомъ онъ закрылъ лицо открытой книгой и заснулъ.

Черезъ часъ его разбудилъ его собственный храпъ, онъ сѣлъ и вытеръ лицо, щурясь отъ солнечнаго свѣта. У него пересохло во рту отъ спанья, поэтому онъ пошелъ въ столовую, приготовилъ себѣ питье изъ виски и сельтерской воды и выпилъ его залпомъ. Онъ почувствовалъ себя не только лучше, но ему даже захотѣлось ѣсть. Онъ надавилъ три раза на пуговку электрическаго звонка, проведеннаго въ кухню,—помѣщавшуюся въ отдѣльномъ строеніи,—это значило, что надо подавать обѣдъ. Позвонивъ, онъ задался вопросамъ, принесетъ ли кушанья Хильма Три и она ли будетъ прислуживать за столомъ.

На своемъ ранхо Анникстеръ содержалъ молочное хозяйство въ очень незначительныхъ размѣрахъ,—изготовлялось столько масла и сыра, сколько было надобно для персонала ранхо. Фермой завѣдывалъ старичокъ Три, его жена и дочь ихъ, Хильма. Не всегда на молочной фермѣ было довольно работы для всѣхъ троихъ, и Хильма дѣлала часто другую работу. Иногда она помогала въ кухнѣ, а два или три раза въ недѣлю замѣняла свою мать въ домѣ Анникстера,—стелила постели, прибирала комнаты, приносила кушанья изъ кухни. Послѣднее лѣто она провела у родныхъ на берегу моря, и вернулась съ недѣлю тому назадъ. Анникстеръ совершенно случайно встрѣтилъ ее въ молочной. Она дѣлала сыръ, рукава ея синей кофточки были засучены до плечъ; и Анникстеръ сохранилъ впечатлѣніе отъ ея гладкихъ, бѣлыхъ рукъ, круглыхъ, прохладныхъ, молодыхъ. Никогда бы онъ не повѣрилъ, что такая молодая дѣвушка можетъ имѣть такія полныя и красивыя руки. Къ большому своему удивленію онъ замѣтилъ, что думаетъ о Хильмѣ ложась спать, а утромъ ему показалось, что онъ видѣлъ всю ночь во снѣ ея прекрасныя бѣлыя руки. Вдругъ онъ разсердился на самого себя, за интересъ въ такомъ вопросѣ, разсердился на всю породу бабъ—хорошее занятіе для мужчины, нечего сказать! Будетъ съ него исторіи въ Сакраменто съ застѣнчивымъ ма-

ленькимъ существомъ! Бабы! Чушь! Онъ отлично замѣтилъ, какой взглядъ на него бросила Хильма Три тогда, въ молочной... Насквозь онъ ее видитъ! Она намѣрена забрать его въ руки? Она увидитъ, какъ это легко. Пусть только покажется ему на глаза, онъ сразу поставитъ ее на свое мѣсто. Онъ рѣшилъ держать себя съ особенной твердостью съ этой молочницей—полное равнодушіе и жестокое мужское пренебреженіе. Но когда Хильма принесла ему утромъ чай, онъ сразу онѣмѣлъ, уставился на свою тарелку, прижалъ локти къ тѣлу, сталъ неловокъ, неуклюжъ, былъ подавленъ своей конфузливостью.

Оставаясь вѣрнымъ убѣжденіямъ женоненавистника, искренно презирая Хильму и какъ женщину, и какъ подчиненную себѣ, онъ не могъ отдѣлаться отъ мысли о ней. Болѣе всего его сердила глупая застѣнчивость, которую онъ чувствовалъ въ ея присутствіи. Сперва онъ называлъ себя дуракомъ за то, что не способенъ игнорировать ее попрежнему, потомъ называлъ себя дуракомъ за то, что не пользуется своимъ выгоднымъ положеніемъ. Конечно, онъ не чувствовалъ къ Хильмѣ никакой любви, но она дѣвушка красивая, и онъ рѣшилъ, что за ней можно пріударить.

Разсѣянно надавливая на электрическій звонокъ и размышляя объ этомъ обстоятельствѣ, онъ вспомнилъ, что сегодня бьютъ масло и что м-съ Три занята въ молочной. Значитъ, Хильма замѣнитъ ее. Онъ подошелъ къ зеркалу и разглядывалъ свое отраженіе съ мрачнымъ неудовольствіемъ. Посмотрѣвъ нѣкоторое время и проводя рукой по небритому подбородку, онъ сказалъ своему собственному изображенію въ зеркалѣ:

— Какое рыло! Господи, какое рыло!—а потомъ, помолчавъ, прибавилъ:—Интересно, придетъ ли сегодня сюда эта баба.

Онъ пошелъ въ свою спальню и началъ глядѣть въ окно изъ-за опущенной сторы. Окно выходило на артезіанскій колодезь, на кухню и на молочную, помѣщавшуюся рядомъ. Вскорѣ онъ увидѣлъ, что Хильма быстро шла изъ молочной въ кухню. Она, очевидно, идетъ за его обѣдомъ. Но проходя около артезіанскаго колодца, она встрѣтила Деланея, одного изъ рабочихъ Аннистера, который шелъ по тропѣ оросительной канавы; онъ велъ лошадь въ конюшню, несъ большой кругъ проволоки съ колючками, а за поясомъ у него торчали щипцы. Онъ навѣрное ѣздилъ чинить загородь у длинной траншеи. Аннистеръ видѣлъ, какъ онъ снялъ шляпу съ широкими полями, повстрѣчавшись съ Хильмой, и какъ они поговорили нѣсколько секундъ, стоя рядомъ. Аннистеръ даже слышалъ, какъ Хильма весело смѣялась чему-то, что ей говорилъ Деланей. Она нѣжно потрепала по шеѣ лошадь, а Деланей вытащилъ изъ-за пояса щипцы и сдѣлалъ видъ, будто хо-

четъ ущипнуть Хильму. Она оттолкнула его руку и снова засмѣялась. Анникстеру показалось, что они очень близки между собою. Онъ вдругъ снова разсердился.

А! такъ вотъ оно какъ! Между Хильмой и Деланеемъ есть какая-то близость! Они обдѣлываютъ свои дѣлишки на виду, здѣсь, у него подъ глазами! Это прямо отвратительно... У нихъ нѣтъ даже чувства приличія. Но онъ прекратитъ всѣ эти шашни разомъ; на *его* ранхо эти исторіи не допускаются, когда онъ о нихъ узнаетъ. Нѣтъ, сэръ. И дня не пройдетъ, какъ онъ выпроводитъ отсюда барышню. Пусть убирается. Онъ переговоритъ объ этомъ съ старикомъ Три сегодня же. Что бы ни случилось, но *онъ* стоитъ за нравственность у себя.

— А обѣдъ!—вдругъ вспомнилъ онъ.—Я долженъ ждать, голодать, пожалуй заболѣю опять, потому что они заняты своими противными любовными дѣлишками.

Онъ опять подошелъ къ звонку и нажалъ на пуговку со всей силы.

— Когда она сюда явится,—объявилъ онъ,—я спрошу у нея, почему это я прождалъ столько времени? Я ее допрошу. Кажется, я довольно снисходителенъ, Господи ты Боже мой! Но я не намѣренъ допускать, чтобы мною *постоянно* злоупотребляли.

Нѣсколько минутъ спустя, когда Хильма пришла накрывать на столъ, Анникстеръ сидѣлъ у окна въ столовой и дѣлалъ видъ, что читаетъ газету. Онъ сидѣлъ, положивъ ноги на подоконникъ, и курилъ сигару; увидя входившую Хильму, онъ безсознательно опустилъ ноги на полъ и загасилъ сигару о подоконникъ. По временамъ изъ-за газеты онъ поглядывалъ на Хильму.

Хильмѣ было всего девятнадцать лѣтъ, но она принадлежала къ тѣмъ крупнымъ женщинамъ, которыя обыкновенно кажутся старше своихъ лѣтъ. Она производила впечатлѣніе здоровой, сильной, полнокровной дѣвушки, спокойнаго и уравновѣшеннаго темперамента. Янтарная смуглость лица, съ легкой синевой на вискахъ, постепенно сливалась съ теплымъ, яркимъ румянцемъ. Свѣтло-каріе глаза открывались такъ широко, что при малѣйшемъ возбужденіи весь дискъ райка былъ виденъ; вѣки обрамлялись короткими, густыми, темными рѣсницами, которыя очерчивали глазъ тонкой, красивой линіей.

Какъ у большинства высокихъ женщинъ, ея движенія были не быстры, и въ этой плавной граціи была особая, ей присущая, прелесть.

Но наибольшей прелестью Хильмы была какая-то простота—простота не только спокойной правильности лица съ ея статуарной ровностью очертаній, но и въ длинной линіи всей ея фигуры. Почти без-

сознательно она одѣвалась соотвѣтственно этому впечатлѣнію простоты. Теперь на ней была гладкая синяя, коленкоровая юбка и бѣлая блуза, сморщенная отъ стирки.

И несмотря на строгую, достойную красоту, что-то указывало въ Хильмѣ на женственную изящность, невыразимо привлекательную. Даже Анникстеръ не могъ не замѣтить, что ея ноги были узки и тонки, что маленькія пряжки туфелекъ блестѣли, а кончики пальцевъ на рукахъ и ногти были тонки и розовы.

Ему казалось страннымъ, что дѣвушка въ положеніи Хильмы могла оставаться такой изящной, нарядной, чистой и женственной; но онъ сообразилъ, что она работала только въ молочной, да и то дѣлая самыя мелкія работы. На ранхо она жила при родителяхъ, а не на мѣстѣ. Онъ смутно понималъ, что на обширныхъ новыхъ земляхъ Запада на открытомъ воздухѣ, при здоровой жизни ранховъ, гдѣ заработки легки, среди молодыхъ женщинъ часто встрѣчалась большая тонкость, тонкость не воспитанія или образованія, но естественная тонкость женщины, не запятнанная и не подавленная мрачной и безпощадной жизненной борьбой густо населенныхъ мѣстностей. Это была оригинальная, и преднамѣренная, и естественная утонченность элементарнаго существованія, близкаго къ природѣ, близкаго къ жизни, близкаго къ великой матери землѣ.

Хильма расправляла скатерть на столѣ, раздвинувъ руки во всю ширину; бѣлая поверхность освѣщала отраженнымъ свѣтомъ нижнюю часть ея щекъ. Анникстеръ завертѣлся на своемъ мѣстѣ.

— Ахъ, это вы, миссъ Хильма?—спросилъ онъ, чтобы что-нибудь сказать.—Здравствуйте. Какъ поживаете?

— Здравствуйте, сэръ,—отвѣтила она, поднимая голову и опираясь на ладони раздвинутыхъ рукъ.—Я надѣюсь, что вамъ лучше сегодня.

У нея былъ низкій голосъ съ бархатистой хрипотой, точно выходившій прямо изъ груди, а не изъ горла.

— Мнѣ немного лучше,—проворчалъ Анникстеръ; потомъ вдругъ спросилъ:—А гдѣ собака?

Въ домѣ появлялся иногда дряхлый ирландскій сеттеръ, спалъ подъ кроватью и ѣлъ, когда кому-нибудь въ домѣ приходило въ голову дать ему кусокъ хлѣба. Анникстера нисколько не интересовала эта собака. Цѣлыми недѣлями онъ забывалъ о ея существованіи, она ему не принадлежала. Но въ этотъ день собака сдѣлалась неистощимымъ предметомъ разговора. Онъ самъ не могъ объяснить, почему онъ возвращается къ этому разговору, но онъ подробно разспрашивалъ Хильму о собакѣ. Чья она? Сколько ей, по мнѣнію Хильмы,

лѣтъ? Здорова ли она? Куда она дѣлась? Можетъ быть, она заползла куда-нибудь и издохла. Все время обѣда онъ возвращался къ этому вопросу и, наконецъ, когда она собрала со стола и вышла, Анникстеръ пошелъ за нею на крыльцо и крикнулъ:

— Послушайте, миссъ Хильма!

— Да, сэръ.

— Если собака вернется, скажите мнѣ.

— Хорошо, серъ.

Анникстеръ вернулся въ столовую и сѣлъ на прежнее мѣсто.

«Чтобъ чортъ побралъ эту собаку»!—проворчалъ онъ, взбѣсившись, неизвѣстно почему.

Когда, наконецъ, вниманіе его было отвлечено отъ Хильмы Три, оказалось, что онъ внимательно смотритъ на термометръ, а это заставило его вспомнить, что онъ давно хочетъ купить хорошій барометръ, инструментъ, на который можно положиться. Отъ барометра онъ перешелъ къ мысли о состояніи погоды и о важности дождя. А въ такомъ случаѣ много предстояло дѣла съ заготовкой сѣмянъ, и луговъ, и сѣялокъ. Два дня онъ не выходилъ изъ дому. Пора начать работу. Онъ рѣшилъ употребить день на общій осмотръ имѣнья и поздно ужинать. Въ Лосъ-Муэртосъ онъ не поѣдетъ, несмотря на приглашеніе Деррика. Хотя, можетъ быть, и не дурно было бы посмотрѣть, что тамъ дѣлается...

«Если я поѣду,—рѣшилъ онъ,—то верхомъ на сѣромъ».

Сѣрый былъ полуобъѣзжанный жеребецъ, который бился подъ сѣдломъ, какъ безумный, пока хлыстъ и шпоры не приводили его въ себя. Но Анникстеръ вспомнилъ, что коттеджъ Три былъ обращенъ къ конюшнямъ, что Хильма, быть можетъ, увидитъ его верхомъ на этой лошади и что храбрость его произведетъ на нее впечатлѣніе.

«Гм!—ворчалъ Анникстеръ себѣ подъ носъ,—я желалъ бы видѣть этого дурака Деланея верхомъ на этой лошади... Вотъ что я желалъ бы видѣть»!

Выйдя на крыльцо, Анникстеръ съ удивленіемъ увидѣлъ, что все небо подернулось сѣрой дымкой. Солнце скрылось, въ воздухѣ пахло прохладой; флюгеръ на житницѣ—великолѣпный золотой скакунъ съ развѣвающимися гривой и хвостомъ повернулся на юго-западный вѣтеръ. Дождь, несомнѣнно, приближается.

Анникстеръ пошелъ къ конюшнямъ, размышляя о томъ, что онъ могъ бы подъѣхать верхомъ на сѣромъ къ коттеджу Хильмы и сказать ей, что не будетъ ужинать дома. Собраніе въ Лосъ-Муэртосѣ—отличный предлогъ для этого, и онъ тутъ же рѣшилъ всетаки ѣхать къ Деррику.

Проходя мимо коттеджа Три, онъ съ удовольствіемъ увидѣлъ, что Хильма ходитъ по передней комнатѣ. Если онъ сядетъ на сѣраго на дворѣ передъ конюшней, она, навѣрное, увидитъ. Анникстеръ нашелъ конюха за житницей—онъ смазывалъ оси кабріолета—и приказалъ ему осѣдлать сѣраго.

— А его, кажется, нѣтъ, сэръ,—отвѣтилъ конюхъ, заглядывая въ конюшню.—Нѣту; теперь я вспомнилъ: его взялъ Деланей послѣ обѣда. Его лошадь охромѣла, а ему надо было ѣхать къ длинной траншеѣ, чтобы чинить загородь. Онъ уѣхалъ, но долженъ вернуться.

— Какъ Деланей ее взялъ?

— Да, сэръ. Тутъ цѣлый циркъ былъ, но Деланей справился... Когда дѣло касается лошадей,—Деланей утретъ носъ любому наѣзднику въ цѣлой странѣ, я думаю.

— Вы думаете?—замѣтилъ Анникстеръ, но потомъ прибавилъ:— Хорошо, Билли, осѣдлайте мнѣ какую-нибудь лошадь. Я ѣду сегодня въ Лосъ-Муэртосъ.

— Какъ бы дождя не было, м-ръ Анникстеръ,—замѣтилъ Билли.—Кажется мнѣ, что до ночи дождь пойдетъ.

— Я надѣну клеенчатый плащъ,—отвѣчалъ Анникстеръ.—Подведите лошадь къ крыльцу.

Анникстеръ пошелъ домой за плащомъ въ сквернѣйшемъ расположеніи духа. Но придя домой, онъ услышалъ, что его зовутъ къ телефону. Презлей звонилъ ему изъ Лосъ-Муэртоса. Онъ слышалъ отъ Херрана, что Анникстеръ, можетъ быть, пріѣдетъ вечеромъ. Если пріѣдетъ, пусть привезетъ велосипедъ Презлея. Онъ оставилъ его въ Квинъ-Себѣ третьяго дня и забылъ про него, возвращаясь домой.

— Но я хотѣлъ ѣхать верхомъ,—возразилъ Анникстеръ не безъ раздраженія.

— Ну, все равно,—добродушно отвѣтилъ Презлей.—Моя вина, что я забылъ его. Не безпокойтесь объ этомъ. Я на-дняхъ самъ его возьму.

Анникстеръ повѣсилъ телефонную трубку рѣзкимъ движеніемъ и вышелъ изъ комнаты, хлопнувъ дверью. Онъ нашелъ непромокаемое пальто въ передней и натянулъ его на плечи съ такой злостью, что оно чуть не лопнуло по швамъ. Все точно сговорилось сегодня, чтобы бѣсить его. А тутъ еще эта зѣвака, пустоголовый поэтъ Презлей велосипедъ забываетъ... Ну и пусть самъ за нимъ приходитъ, а онъ, Анникстеръ, поѣдетъ верхомъ. Онъ вышелъ на крыльцо и увидѣлъ, что велосипедъ все еще стоитъ у забора, гдѣ его оставилъ Презлей. Если его такъ и оставить, онъ попадетъ подъ дождь. Анникстеръ вы-

ругался. Его дурное расположеніе духа увеличивалось съ каждой минутой. И всетаки онъ опять пошелъ въ конюшню, уже ведя велосипедъ, и приказалъ конюху заложить кабріолетъ. Онъ самъ уложилъ велосипедъ подъ сидѣнье, покрылъ его двумя пустыми мѣшками и брезентомъ.

Въ это время кучеръ, впрягавшій лошадь, остановился, поднялъ руку и сталъ слушать.

Отъ крыши сарая, отъ толстаго бархатистаго слоя пыли на землѣ, отъ листьевъ немногихъ деревьевъ и растеній шелъ однообразный шумъ, который, казалось, исходилъ со всѣхъ концовъ горизонта сразу, продолжительный и глухой шелестящій звукъ, стойкій, ровный, непрерывный.

— Вотъ вамъ и дождь!—доложилъ конюхъ.—Первый дождь въ году.

— А мнѣ надо ѣхать,—ворчалъ Анникстеръ.—Эти свиньи теперь навѣрное бросятъ работу на большой житницѣ.

Когда кабріолетъ былъ, наконецъ, заложенъ, онъ сѣлъ въ него и выѣхалъ прямо на дождь съ свѣже зажженной сигарой во рту, не дожидаясь, пока конюхъ подниметъ верхъ. Когда онъ проѣзжалъ мимо молочной, Хильма стояла у дверей, высунула руку на дождь и смотрѣла на сѣрое небо. Она была такъ занята зрѣлищемъ перваго признака дождливаго времени, что не замѣтила неуклюжаго кивка, который Анникстеръ направилъ въ ея сторону.

— Это она нарочно,—думалъ Анникстеръ, свирѣпо жуя сигару.—Совсѣмъ меня отстраняетъ? Отлично! Этимъ все сказано. Она и дня не останется на ранхо.

Онъ рѣшилъ, что отложитъ осмотръ земли до слѣдующаго дня. Такъ какъ онъ ѣхалъ въ кабріолетѣ, онъ долженъ былъ проѣхать къ Деррику въ объѣздъ, черезъ Гвадалаяру. Дождь превратитъ густую дорожную пыль въ липкую грязь въ два фута глубиною, ему надо три часа времени, чтобъ доѣхать до Лосъ-Муэртоса. Онъ вспомнилъ о Деланеѣ, о сѣромъ и стиснулъ зубы. И всѣ эти непріятности, изволите видѣть, изъ-за глупой дѣвчонки! Нечего сказать, хорошее времяпровожденіе для него. Ну, хорошо, теперь все кончено: его рѣшеніе принято—пусть убирается.

Дождь постепенно усиливался. Вѣтра не было. Густая завѣса воды спускалась съ неба прямо на землю, покрывая обширной сѣрой пеленой весь пейзажъ. Дождь становился крупнѣе, продолжительная рокочущая нота стала ниже. У воротъ дороги, которая шла черезъ хмѣльники Дайка къ Гвадалаяру, Анникстеръ долженъ былъ слѣзть

и поднять верхъ экипажа; во время этой операціи онъ сильно защемилъ себѣ руку шарниромъ желѣзныхъ прутьевъ. То была послѣдняя капля длиннаго ряда непріятностей. Въ эту минуту онъ такъ яростно ненавидѣль Хильму Три, что почти перекусилъ пополамъ свою сигару.

Пока онъ возился съ верхомъ, а дождь, стекая съ полей шляпы, падалъ ему на носъ, лошадь начала безпокойно двигаться отъ сильнаго хлеста дождя.

— Ей-а-а, ты!—шипѣлъ Анникстеръ, не будучи въ состояніи выговорить слова. Ты... шел... чор... Погоди, я тебя!

Но здѣсь произошелъ перерывъ. Деланей, верхомъ на сѣромъ, подъѣхалъ мелкой рысью къ кабріолету, въ который Анникстеръ только что влѣзъ снова.

— А! м-ръ Анникстеръ!—сказалъ онъ, останавливаясь.—Славный дождикъ, а?

Анникстеръ побагровѣлъ и, садясь на свое мѣсто, воскликнулъ:

— Ахъ, это вы!... это вы!

— Я тамъ былъ,—пояснилъ Деланей, кивая головой въ сторону желѣзной дороги.—Чинилъ загородь у длинной траншеи и подумалъ, что не худо осмотрѣть всю загородь до Гвадалаяры, нѣтъ ли еще гдѣ проломовъ. Но все, кажется, въ порядкѣ.

— Ахъ, вы находите, что все въ порядкѣ... Неужели?—проворчалъ Анникстеръ сквозь зубы.

— Ну... ну, да,—отвѣчалъ тотъ, ошеломленный свирѣпымъ тономъ Анникстера.—Я починилъ проломъ у длинной траншеи...

— А отчего вы не починили его недѣлю тому назадъ?—гнѣвно закричалъ Анникстеръ.—Я васъ цѣлое утро искалъ... да! И кто вамъ позволилъ взять этого сѣраго?... А овцы всѣ попали на полотно черезъ этотъ проломъ, и этотъ скверный типунъ Берманъ явился ко мнѣ сегодня утромъ и намѣренъ надѣлать мнѣ непріятностей... За что я васъ кормлю?—вдругъ закричалъ онъ. Для чего я васъ здѣсь держу? Вы думаете, что только для того, чтобы откармливать ваши тѣлеса, а?

— Но, м-ръ Анникстеръ...—началъ Деланей.

— Не смѣйте разговаривать со мною!—кричалъ тотъ, возбуждаясь своимъ собственнымъ крикомъ.—Не говорите мнѣ ни одного слова! даже въ свое извиненіе... И если бы я одинъ разъ говорилъ вамъ объ этомъ проломѣ, я говорилъ пятьдесятъ разъ.

— Но, сэръ,—объявилъ Деланей, уже возмущенный,—это овцы проломили загородь прошлой ночью.

— Я вамъ сказалъ, чтобъ вы со мною не разговаривали.

— Но, послушайте...

— Убирайтесь съ ранхо! Убирайтесь прочь! И осмѣлиться взять сѣраго, вопреки моему формальному запрещенію! Не надо мнѣ такихъ, какъ вы, совсѣмъ не надо. Кажется, я довольно покладистъ, слава Богу! Но я не намѣренъ допускать, чтобы мною постоянно помыкали. Убирайтесь, понимаете? Убирайтесь и живо. Завтра же идите къ управляющему за разсчетомъ и вонъ! И вы слышите *меня*,—закончилъ онъ съ угрожающимъ движеніемъ челюсти,—слышите, что я говорю: если я послѣ этого увижу васъ въ усадьбѣ, или если я гдѣ-нибудь увижу васъ на Квинъ-Себъ, я вамъ, другъ мой, покажу дорогу своимъ сапогомъ! А теперь, прочь съ дороги! пропустите меня.

Разсерженный до невозможности выговорить слово, Деланей вонзилъ шпоры въ бока сѣраго и однимъ скачкомъ пронесся мимо кабріолета. Анникстеръ подобралъ вожжи и поѣхалъ дальше, бормоча про себя и оглядываясь изрѣдка на сѣраго, который скакалъ къ усадьбѣ; отъ него во всѣ стороны летѣли брызги грязи, а Деланей погонялъ его, низко нагнувъ подъ дождемъ голову.

— Гм!—ворчалъ Анникстеръ съ мрачнымъ удовольствіемъ, къ нему отчасти вернулось хорошее расположеніе духа,—это какъ разъ устраняетъ парня изъ твоей игры, милый мой!

Вскорѣ Анникстеру опять пришлось выходить изъ кабріолета, чтобы открыть новыя ворота на Верхнюю дорогу, не далеко отъ Гвадалаяра. Эта дорога соединяла Гвадалаяру съ Бонневиллемъ и шла вдоль полотна желѣзной дороги.

Товарный поѣздъ шелъ изъ Гвадалаяры на сѣверъ къ Бонневиллю, Френзо и Санъ-Франциско. То былъ длинный поѣздъ, который двигался медленно, мелодично, съ размѣреннымъ попыхиваніемъ локомотива и ритмическимъ передвиженіемъ вагоновъ. На двухъ или трехъ платформахъ у конуса поѣзда, Анникстеръ ясно увидѣлъ плуги Магнуса Деррика, ихъ яркая красная и зеленая окраска бросала единственную веселую ноту на всемъ протяженіи сѣраго и бураго неба.

Анникстеръ остановился и смотрѣлъ, какъ проходилъ поѣздъ, увозившій плуги Деррика съ его ранхо въ моментъ перваго дождя, когда они были нужнѣе всего. Онъ смотрѣлъ задумчиво, не формулируя никакихъ заключеній. И когда поѣздъ прошелъ, онъ еще долго стоялъ, смотрѣлъ, какъ онъ исчезаетъ вдали, слушалъ, какъ его немолчный грохотъ постепенно превращался въ слабый ропотъ. Скоро онъ услышалъ, что машина свиститъ у длинной траншеи.

Этотъ двигающійся поѣздъ уже не несъ въ себѣ того впечатлѣнія ужаса и разрушенія, которое такъ поразило воображеніе Презлея

въ предыдущую ночь. Онъ проходилъ свой путь медленно съ печальнымъ раскатомъ колесъ, какъ процессія, какъ вереница артиллерійскихъ фуръ, везущая мертвыя тѣла... Дымъ локомотива накидывалъ на него траурный покровъ, чувство меланхоліи оставалось на его пути зловѣщее, плачевное, безконечно-грустное, пока проходилъ онъ подъ сѣрымъ небомъ, подъ сѣрымъ туманомъ дождя, продолжавшимъ падать съ глухимъ шелестящимъ звукомъ, упорнымъ, непрестаннымъ, съ монотоннымъ рокотомъ, шедшимъ, казалось, со всѣхъ концовъ горизонта сразу.

А. Г.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ЖЕЛѢЗНАЯ ДОРОГА.

Повѣсть.

I.

Былъ всего седьмой часъ утра, когда Подрѣзовъ въѣхалъ въ городъ Черноводскъ. Тарантасъ съ дырявымъ кожанымъ верхомъ лѣниво застучалъ по крупнымъ булыжнымъ камнямъ городской мостовой, а жидъ ямщикъ, въ длинноломъ парусинномъ балахонѣ и съ нахлобученной на уши фуражкой, съ сосредоточеннымъ видомъ хлесталъ то правую, то лѣвую пристяжную, надѣясь такимъ, хоть и первобытнымъ, но до сихъ поръ еще незамѣненнымъ другимъ болѣе совершеннымъ, способомъ придать своей тройкѣ надлежащую рѣзвость.

Городъ только еще начиналъ просыпаться.

Крестьяне изъ пригородныхъ деревень въ сѣрыхъ и коричневыхъ свиткахъ, шагая около своихъ едва плетущихся лошадей и воловъ, направлялись на базарную площадь. Порою прикрывавшая возъ рогожа приподнималась, и изъ-подъ нея выглядывала, хотя и не слишкомъ привычная къ употребленію мыла, но миловидная, плутовская дѣтская рожица. Отворилась дверь, надъ которою красовалась надпись: «Въ новъ прибившая Кіевская булочная», и заспанный булочникъ съ шумомъ отодвигалъ ставни. Застучали молотки въ заведеніи, на вывѣскѣ котораго были изображены на черномъ фонѣ огненно-краснаго цвѣта кастрюля и самоваръ, съ краткимъ поясненіемъ: «Сихъ дѣлъ мастеръ». Здоровенный малый, съ огромною шапкою черныхъ волосъ, расклеивалъ на фонарныхъ столбахъ и заборахъ огромныя желтыя и красныя афиши, возвѣщавшія, что черезъ три дня въ городскомъ саду дано будетъ «грандъ-представленіе съ участіемъ русскаго лапотника Сенички Рыжаго». Афиша была снабжена стихотворнымъ воззваніемъ, которое заканчивалось заманчивымъ описаніемъ:

«Въ саду освѣщеніе ярко блещетъ,
Тайной скукой не томитъ.
Народъ кричитъ и рукоплещетъ,
Браво, браво Сеничкѣ Рыжему кричитъ».

Подъ обширными, какъ простыни, прокламаціями Сенички Рыжаго погибло уже съ недѣлю красовавшееся на черноводскихъ улицахъ болѣе скромное объявленіе о томъ, что «проѣздомъ прибывшая дѣвица-хиромантикъ и физіономистка по математическимъ вычисленіямъ, по линіямъ рукъ и чертамъ лица предсказываетъ настоящее, прошедшее и будущее». Въ оправданіе столь немилостиваго отношенія къ объявленіямъ дѣвицы-хиромантика можно сказать, что уже въ первые два дня у нея успѣли перебывать всѣ черноводскіе обыватели, чувствовавшіе потребность въ предсказаніяхъ.

Тарантасъ проѣхалъ мимо базарной площади, на которой стоялъ уже острый запахъ дегтя, сѣна, кожи и пеньки, и остановился около гостиницы, носившей громкое названіе «Новая Европа». Тутъ же рядомъ находился и постоялый дворъ, безъ названія, но съ изображеннымъ надъ воротами убѣдительнымъ приглашеніемъ: «Взойтить нада необходима русскихъ напитковъ отведать».

Навстрѣчу пріѣзжему выскочилъ коридорный въ засаленномъ пиджакѣ; захвативъ изъ тарантаса небольшой чемоданчикъ и свертокъ съ подушкой и одѣяломъ, онъ проворно взбѣжалъ по крутой лѣстницѣ во второй этажъ. Пріѣзжій поднялся вслѣдъ за нимъ. Онъ попросилъ отвести ему «номерокъ получше», почему коридорный сразу почувствовалъ къ нему надлежащую степень уваженія и за рублевый номеръ назначилъ цѣну въ полтора рубля. Номеръ, хотя и обширный, былъ просто выбѣленъ и не имѣлъ никакихъ украшеній по стѣнамъ, какъ и всѣ остальные въ «Новой Европѣ». Зато въ меблировкѣ была большая пестрота и разнообразіе. Диванъ былъ покрытъ, правда, уже захватаннымъ, но веселенькимъ ситцемъ, а изъ двухъ хромоногихъ креселъ—одно неопредѣленнаго цвѣта пеньковой матеріей, другое зеленымъ репсомъ. Ширмы, скрывавшія кровать, своею солидностью производили впечатлѣніе несокрушимой твердыни. Лучшимъ украшеніемъ номера служилъ однако умывальникъ, который былъ не въ видѣ простой чашки съ кувшиномъ, а усовершенствованной конструкціи, съ краномъ и притомъ извергавшимъ воду такъ стремительно, что незнакомому съ его устройствомъ постояльцу струя попадала обыкновенно не на руки, а прямо на грудь, въ особенности когда «номерантка»—такъ называлась на офиціальномъ языкѣ гостиницы босоногая и круглолицая дѣвка Палашка—наполняла резервуаръ до самыхъ краевъ.

Пріѣзжій, повидимому, привыкъ искусно обходить всякія затрудненія, которыя ему приходилось встрѣчать въ пути, такъ какъ тотчасъ же сумѣлъ приноровиться къ стремительному напору воды изъ крана умывальника, а когда коридорный принесъ ему самоваръ, то онъ такъ непринужденно расположился на шаткомъ креслѣ, какъ будто грузное туловище его не требовало для себя болѣе надежной опоры. Онъ не торопясь пилъ чай, такъ какъ было еще слишкомъ рано, чтобъ идти куда-нибудь, и, повидимому, что-то соображалъ. Несмотря на свой сорокалѣтній съ лишкомъ возрастъ, онъ, благодаря своей живости и подвижности, производилъ впечатлѣніе человѣка, способнаго еще при случаѣ разыграть роль героя романа. Длинные, слегка волнистые волосы, выразительное бритое лицо, нѣсколько театрально откинутая назадъ голова,—все это, пожалуй, могло заставить подозрѣвать, что пріѣзжій явился въ Черноводскъ пожинать лавры на подмосткахъ городского театра и отбивать такимъ образомъ публику у русскаго лапотника Сенички Рыжаго.

Послѣ нѣкотораго раздумья онъ небрежными, ему одному понятными знаками, напоминавшими клинообразныя письмена, изобразилъ на клочкѣ бумаги:

1. Исправникъ.
2. Предводитель дворянства.
3. Городской голова.
4. Предсѣдатель земской управы.
5. Луковниковъ.

Это былъ списокъ лицъ, которыхъ онъ собирался посѣтить въ этотъ день. Онъ посмотрѣлъ на часы,—было всего еще девять, но къ исправнику можно было явиться, пожалуй, и въ такой ранній часъ, а потому, облачившись во фракъ, нѣсколько помятый въ дорогѣ, но сидѣвшій довольно представительно, онъ вышелъ изъ гостиницы; предварительно онъ захватилъ съ собою нѣсколько визитныхъ карточекъ, на которыхъ крупнымъ жирнымъ шрифтомъ было пропечатано: «Семенъ Яковлевичъ Подрѣзовъ, агентъ по отчужденію Черноводскъ-Городецкой желѣзной дороги».

Подрѣзовъ взялъ перваго попавшагося извозчика и приказалъ везти себя къ исправнику. Ѣхать пришлось недолго, такъ какъ домъ, въ которомъ жилъ черноводскій исправникъ Бурьяновъ, находился, какъ и гостиница «Новая Европа», базарная площадь и всѣ другія достопримѣчательныя мѣста города, въ самомъ центрѣ послѣдняго.

Исправникъ, дѣйствительно, немедленно принялъ Подрѣзова. На нѣсколько ранній для пріема часъ указывало, пожалуй, лишь то, что едва ли одна четвертая часть тѣхъ пуговицъ въ облачавшемъ шаро-

образную фигуру исправника костюмѣ, которымъ надлежало быть застегнутыми, была застегнута на самомъ дѣлѣ. Но съ Бурьяновымъ, при его разсѣянности, это случалось, говорятъ, и въ болѣе поздніе часы дня. Бурьяновъ былъ самый спокойный и самый благодушный изъ всѣхъ жителей города. Онъ любилъ повторять при всякомъ удобномъ случаѣ, что торопиться вообще вредно, что и безъ того всегда, вездѣ и все дѣлается въ свое время. Поэтому, какія бы понудительныя бумаги ни получались изъ губерніи, онъ ограничивался тѣмъ, что, пригладивши обычнымъ движеніемъ руки свои торчавшіе въ разныя стороны короткіе волосы отъ темени ко лбу и отложивши бумагу въ сторону, съ легкимъ вздохомъ говорилъ письмоводителю:

— Ну, что-жъ... Придетъ время, сдѣлаемъ... Все сдѣлаемъ въ свое время.

На просьбу Подрѣзова «не задерживать описей» земель, отходящихъ подъ желѣзную дорогу, такъ какъ къ работамъ необходимо приступить немедленно, исправникъ отвѣчалъ:

— Что-жъ! Желѣзная дорога—дѣло хорошее... Будемъ въ Городецъ черноводскія сапожныя голенища возить, да горшки глиняные, а они къ намъ дрова будутъ привозить. А насчетъ описей не безпокойтесь. У насъ становые народъ надежный, что надо, все въ свое время сдѣлаютъ.

— А какъ относится здѣшнее населеніе къ проведенію дороги?— поинтересовался Подрѣзовъ.

— Да у насъ народъ смирный. Разъ начальство приказываетъ— вѣрно, говорятъ, такъ нужно. Жаловались на порубки лѣса при изысканіяхъ... есть тутъ у меня протоколы... Инженеръ у васъ тутъ былъ, какъ его? Молодой такой, изъ себя замѣтный...

— Луковниковъ?

— Ну, вотъ, Луковниковъ. Придетъ и, не предупредивъ, начнетъ рубить. Крестьяне, конечно, обижаются, потому что понять не могутъ, какъ это, лѣсъ ихній, а онъ рубитъ, да еще какъ будто нарочно ихъ поддразниваетъ. Я ужъ самъ выѣзжалъ, обнадеживалъ ихъ, что за все имъ будетъ заплачено. Ну, народъ смирный, погалдѣли, да и успокоились.

— Значитъ, я могу надѣяться...

— Все сдѣлаемъ... будьте спокойны, все въ свое время сдѣлаемъ. А ежели повинтить, такъ ко мнѣ по субботамъ вечеркомъ милости прошу. Все равно въ субботніе дни здѣсь, кромѣ какъ къ исправнику на винтъ, некуда дѣваться.

Исправникъ, захвативши въ свои руки, съ короткими пальцами, руку гостя, насколько могъ сильно, потрясъ ее.

Подрѣзовъ откланялся и, согласно расписанію, направился къ предводителю дворянства.

У предводителя, Анатолія Юрьевича Челкана, Подрѣзова встрѣтилъ не менѣе любезный, хотя гораздо болѣе утонченный пріемъ.

Анатолій Юрьевичъ вышелъ къ нему въ костюмѣ изъ бѣлой съ голубыми полосками фланели и въ свѣтло-желтыхъ башмакахъ и сейчасъ же нѣсколькими отборными фразами обворожилъ посѣтителя. Умѣнье обворожить всѣхъ и каждаго, кто бы и по какому бы то ни было дѣлу къ нему ни являлся, принадлежало къ числу тѣхъ талантовъ Анатолія Юрьевича, которыми онъ наиболѣе былъ гордъ. Нѣсколько менѣе гордился онъ своимъ камеръ-юнкерскимъ званіемъ, такъ какъ находилъ, что ему, пожалуй, болѣе пристало бы камергерство. Онъ состоялъ причисленнымъ къ одному изъ министерствъ и любилъ при случаѣ упомянуть, что онъ «петербургскій чиновникъ». Маленькія слабости не мѣшали ему быть человѣкомъ далеко не глупымъ. Впрочемъ, объ умѣ говорили и проницательные черные татарскіе глазки, которыми онъ пытливо разглядывалъ Подрѣзова во время разговора.

— Вы здѣсь желанные гости, очень желанные,—говорилъ онъ.— Вы не найдете во всемъ уѣздѣ человѣка, который не чувствовалъ бы себя именинникомъ, благодаря затѣянному вами дѣлу. Хотя не скрою, что всѣ мы смотримъ на это только какъ на первый шагъ и говоримъ: а что же дальше? Вѣдь не можемъ же мы считать Городецъ за конецъ свѣта. Мы ждемъ продолженія вашей линіи на сѣверъ до Петербурга и на югъ до Одессы, и тогда мы вамъ поклонимся въ ножки.

Конечно, Челканъ не то чтобы на самомъ дѣлѣ возлагалъ такъ много ожиданій на строителей Черноводско-Городецкой дороги, а хотѣлъ только слегка поиронизировать, въ разсчетѣ, что его иронія не будетъ понята, а вмѣстѣ съ тѣмъ онъ былъ непрочь показать, насколько кругозоръ его шире маленькихъ интересовъ двухъ уѣздовъ.

Съ своей стороны Подрѣзовъ былъ нѣсколько смущенъ столь грандіозною перспективою, открывавшеюся передъ скромнымъ обществомъ Черноводскъ-Городецкой желѣзной дороги, которое и на постройку полутораста верстъ пути еле-еле собрало достаточный капиталъ и отъ котораго вдругъ ожидали сооруженія линіи на двѣ тысячи слишкомъ верстъ. Однако наружно онъ ничѣмъ не выдалъ своего замѣшательства и сдѣлалъ видъ, будто мысль о продолженіи линіи до пунктовъ, указанныхъ предводителемъ, и въ самомъ дѣлѣ занимаетъ заправилъ общества.

— Это, конечно, вопросъ будущаго,—съ апломбомъ говорилъ онъ,—но, надо надѣяться, не слишкомъ далекаго, и при тѣхъ свя-

зяхъ, которыя имѣетъ нашъ предсѣдатель Сущинскій, полученіе концессіи не составитъ затрудненія.

Тутъ пришла очередь смутиться Челкану.

— Ну, что-жъ! Дай Боже нашему теляти волка поймати,—сказалъ онъ.—А мы сочувствуемъ... мы всѣ сочувствуемъ...

Подрѣзовъ воспользовался этимъ заявленіемъ о «сочувствіи», чтобы напомнить, что Челканъ, какъ предсѣдатель коммиссіи по оцѣнкѣ земель тѣхъ владѣльцевъ, съ которыми общество не сойдется добровольно,—можетъ, конечно, многое сдѣлать, чтобы на желѣзную дорогу не пало слишкомъ большое бремя расходовъ по отчужденію земель.

— Мы стѣснены въ этомъ отношеніи нашими расцѣночными вѣдомостями,—вкрадчивымъ голосомъ говорилъ онъ.—Мы рады были бы выказать хотя бы самую неумѣренную щедрость, но мы сами находимся подъ контролемъ...

— Полноте,—прервалъ его Анатолій Юрьевичъ, съ полнымъ достоинства жестомъ.—Вы напрасно думаете, что встрѣтите у насъ торгашей, которые за вещь, стоящую грошъ, норовятъ сорвать цѣлковый. Я увѣренъ, что васъ самихъ будетъ удивлять, какъ дешево мѣстные землевладѣльцы цѣнятъ свои земли, а вы потихоньку будете имъ подсказывать: «просите больше, просите больше!»

Подрѣзовъ сомнительно покачалъ головою, однако спорить не сталъ и, откланявшись, поѣхалъ дальше.

О городскомъ головѣ, Собакинѣ, Подрѣзовъ раньше много слышалъ, какъ о мѣстномъ милліонерѣ, державшемъ въ своихъ рукахъ хлѣбную торговлю всего района. Происхожденіе Собакинскихъ капиталовъ, по слухамъ, было довольно темное. Его связывали со старинной исторіей о расхищенныхъ милліонахъ гремѣвшаго въ свое время своими несмѣтными богатствами черноводскаго купца Ардова. Послѣ смерти Ардова, послѣдовавшей скоропостижно, вмѣсто милліоновъ, которые ожидали найти въ его несгораемомъ шкапу, тамъ оказалось процентныхъ бумагъ всего на сто съ чѣмъ-то тысячъ. Изъ прямыхъ наслѣдниковъ Ардова въ послѣднія его минуты при немъ никого не было, зато онъ былъ окруженъ цѣлой оравой прихлебателей и разныхъ сомнительныхъ родственниковъ. Наслѣдниками было возбуждено дѣло о расхищеніи капиталовъ Ардова, но слѣдствіе не привело ни къ чему и виновныхъ въ преступленіи не было найдено. Зато молва указывала, сколько получили такой-то и такой-то изъ чиновъ, которые принимали участіе въ производствѣ слѣдствія. Разсказывали также потомъ, что въ первые дни послѣ смерти Ардова, въ городѣ было необычайное изобиліе денежныхъ знаковъ, такъ что, будто бы, даже

по улицамъ валялись сторублевыя бумажки. Не подлежало сомнѣнію одно, что спустя года два-три послѣ смерти Ардова, изъ числа лицъ, находившихся при немъ въ предсмертные часы,—тотъ значительно расширилъ свою торговлю, другой купилъ домъ, третій имѣньице,—словомъ, всѣмъ имъ, что называется, повезло. Въ числѣ этихъ счастливцевъ былъ и городской голова, Собакинъ, который когда-то былъ на побѣгушкахъ у Ардова, а теперь считался первымъ лицомъ въ городѣ.

Подрѣзовъ подъѣхалъ къ дому довольно мрачнаго вида, выкрашенному краской дикаго цвѣта, и долго звонилъ, прежде чѣмъ ему открылъ двери худой долговязый слуга, облаченный въ длиннополый сѣрый сюртукъ. Онъ провелъ посѣтителя въ комнату, почти пустую; въ ней ничего не было, кромѣ простого покрытаго желтымъ лакомъ стола и трехъ вѣнскихъ стульевъ, такъ что Подрѣзовъ, въ ожиданіи выхода головы, лишенъ былъ даже обычнаго развлеченія лицъ, вынужденныхъ ожидать появленія хозяевъ, разсматривать окружающую ихъ обстановку. Наконецъ, голова вышелъ. Впрочемъ, Подрѣзову въ первую минуту показалось, что это скорѣе призракъ головы, такъ какъ появившаяся въ дверяхъ фигура производила впечатлѣніе человѣка, который по ошибкѣ забылъ умереть въ свое время и теперь самъ не знаетъ, какъ ему эту ошибку исправить.

Бритое, желтое лицо было въ безчисленныхъ, идущихъ по всевозможнымъ направленіямъ морщинахъ, а на макушкѣ былъ точно вѣнокъ изъ слегка курчавившихся сѣдыхъ, также желтоватаго оттѣнка волосъ. Выцвѣтшіе мутные глаза глядѣли точно мимо окружающаго куда-то вдаль. Одѣтъ былъ голова въ черное старомоднаго покроя платье.

Подрѣзову нужно было видѣть голову, чтобы получить окончательный отвѣтъ по вопросу о землѣ, требующейся подъ станцію желѣзной дороги. Первоначально строители, какъ это нерѣдко водится, заявили о своемъ намѣреніи устроить станцію въ такомъ отдаленіи отъ города, что для того, чтобы жители Черноводска могли пользоваться благами проведенія желѣзной дороги, пришлось бы строить еще новую линію отъ города къ станціи. Городъ встревожился. Господа инженеры объясняли, что они не находятъ возможнымъ сдѣлать подходъ линіи къ самому городу, такъ какъ, по характеру мѣстности, потребовались бы слишкомъ дорогія работы.

Тогда городъ поторопился сообщить главному инженеру Зинченку, что онъ согласенъ отвести подъ желѣзную дорогу сколько потребуется городской земли, лишь бы сдѣланъ былъ подходъ къ самому Черноводску. Послѣ такого заявленія строители сочли возможнымъ

милостиво снизойти на просьбу черноводцевъ, поправили свои планы, и теперь Подрѣзову оставалось только выяснить, нѣтъ ли со стороны города какихъ-либо возраженій противъ самаго мѣста, которое выбрано строителями для станціи.

Голова долго смотрѣлъ мутнымъ взоромъ на принесенные агентомъ планы, такъ что Подрѣзову начинало уже казаться, что хозяинъ совсѣмъ забылъ и о немъ самомъ, и о лежащихъ на столѣ планахъ, а рѣшаетъ какой-нибудь сложный вопросъ изъ области загробной жизни.

Наконецъ голова поднялъ на посѣтителя глаза и со вздохомъ произнесъ:

— Ну, что-жъ! Хорошо...

— То-есть вы ничего противъ занятія земли въ этомъ мѣстѣ не имѣете?

— Нѣтъ, что-жъ! Мѣсто пустопорожнее... Пускай строятъ.

Подрѣзовъ боялся, какъ бы городской голова не испугался, узнавъ, что для устройства станціи дорога беретъ больше тридцати десятинъ городской земли,—но голова тѣмъ же замогильнымъ голосомъ провѣщалъ:

— Что-жъ... выгонъ. Выгону у насъ достаточно... На пять верстъ тянется.

Подрѣзовъ уѣхалъ успокоенный. Въ душѣ онъ даже нѣсколько подсмѣивался надъ простотою черноводскихъ обывателей. Тридцать десятинъ земли около самаго города,—за это они могли заломить, пожалуй, рубля по три за квадратную сажень,—значитъ больше двухъ сотъ тысячъ получается экономіи. А все надѣлалъ спасительный страхъ: испугались черноводцы, что станцію будутъ за семь верстъ отъ города сооружать.

Визитъ къ предсѣдателю земской управы Кубанцеву прошелъ еще болѣе гладко, чѣмъ всѣ остальные. Здѣсь Подрѣзову нужно было только заручиться вообще «сочувствіемъ» и «содѣйствіемъ». Но у Кубанцева и безъ того оказывалось налицо сочувствія даже больше, чѣмъ требуется, такъ какъ онъ считалъ, что желѣзная дорога должна оживить весь районъ и вообще явиться новой эрой въ жизни Черноводскаго уѣзда. Поэтому Подрѣзовъ и Кубанцевъ, обмѣнявшись нѣсколькими пріятными фразами, разстались довольные другъ другомъ.

Теперь Подрѣзову оставалось посѣтить только Луковникова, который въ настоящее время занятъ былъ въ Черноводскѣ приготовленіями къ торжеству открытія работъ на постройкѣ линіи.

Дѣло это было совершенно во вкусѣ молодого инженера, который, еще будучи студентомъ, всегда принималъ самое дѣятельное участіе

въ устройствѣ всякаго рода празднествъ и торжествъ. Во время производства изысканій онъ успѣлъ вооружить противъ себя многихъ, такъ какъ часто слишкомъ безцеремонно распоряжался на чужихъ земляхъ, вырубая деревья не только тамъ, гдѣ нужно, но тамъ, гдѣ это совсѣмъ не было нужно. Зато теперь у него было поле дѣятельности болѣе мирное, на которомъ едва ли онъ могъ кого-нибудь обидѣть.

Луковниковъ занималъ домикъ на самой окраинѣ города, невдалекѣ отъ мѣста, гдѣ предполагалось устроить станцію.

Подрѣзовъ засталъ его среди невообразимаго хаоса. Вокругъ него были разбросаны въ безпорядкѣ и разныхъ цвѣтовъ матеріи для драпировокъ, и флаги, и куски картона, на которыхъ были нарисованы гербы. И среди геральдическихъ львовъ, полумѣсяцевъ, мечей, оленей, коронъ и башенъ, Луковниковъ, который и самъ былъ мужчина очень декоративнаго вида, чувствовалъ себя совершенно въ своей стихіи. Онъ громкимъ, увѣреннымъ голосомъ отдавалъ приказанія десятнику. Нужно было заготовить гирляндъ изъ зелени,—всего требовалась цѣпь, длиною не меньше, какъ версты въ три, и всѣ дѣвчонки изъ окрестныхъ деревень уже съ недѣлю заняты были тѣмъ, что лазали по деревьямъ въ городскомъ лѣсу, обрывали вѣтви, сплетали ихъ въ гирлянды, которыя потомъ зарывали въ землю, чтобы онѣ не засохли до дня торжества. Но Луковниковъ придумалъ еще какія-то новыя замысловатыя украшенія и отдавалъ десятнику приказанія, какъ и что надо сдѣлать. Онъ очень обрадовался Подрѣзову, такъ какъ разсчитывалъ найти въ его лицѣ дѣятельнаго сотрудника въ дѣлѣ устройства торжества.

— А, а! Подрѣзовъ! Васъ-то мнѣ и надо... Сейчасъ ѣдемъ...

— Куда? Дайте вздохнуть.

— Послѣ вздохнете. А теперь мы отправляемся на Дальній Лугъ. Вы увидите, какой я тамъ павильончикъ закатилъ. Просто объѣденіе!

Черезъ четверть часа оба они были уже на Дальнемъ Лугу, гдѣ кипѣла оживленная дѣятельность по приготовленіямъ къ предстоящему торжеству.

II.

За недѣлю до торжества въ Черноводскъ вернулся изъ Петербурга главный инженеръ Зинченко. Ждали къ открытію пріѣзда вицегубернатора, но потомъ стало извѣстно, что пріѣдетъ и губернаторъ съ однимъ очень важнымъ генераломъ. Предполагалось, что

и изъ Петербурга явится нѣсколько сановниковъ, у которыхъ были нѣкоторыя точки соприкосновенія съ вновь сооружаемою дорогою. Одни изъ нихъ имѣли основаніе интересоваться ею какъ начальствующія лица по желѣзнодорожному вѣдомству, другіе въ качествѣ мѣстныхъ землевладѣльцевъ, нѣкоторые, наконецъ, потому, что они любили бывать на всякихъ торжествахъ, любили, когда въ газетахъ являлось сообщеніе, гласящее, что присутствіе такого-то придало церемоніи особый блескъ.

Луковниковъ совсѣмъ сбился съ ногъ съ приготовленіями къ празднеству. Въ особенности много хлопотъ было ему съ щитами, которые предполагалось развѣсить по стѣнамъ павильона. При этомъ онъ задалъ себѣ двойную работу, задумавъ изобразить на щитахъ иниціалы именъ и фамилій наиболѣе именитыхъ гостей. Никто изъ чертежниковъ не могъ удовлетворительно справиться съ такой задачей, и Луковниковъ самъ вырисовывалъ и раскрашивалъ затѣйливыя буквы въ вѣнкахъ изъ розъ, тюльпановъ и лилій.

Кромѣ этой дѣятельности, такъ сказать, общественнаго характера у Луковникова были свои маленькія личныя дѣлишки. Куда бы его ни забрасывала судьба, обыкновенно онъ кончалъ тѣмъ или, вѣрнѣе сказать, начиналъ съ того, что впутывался въ какую-нибудь романическую исторію. Разыгрывались эти исторіи иногда на почвѣ высокихъ чувствъ, иногда же въ болѣе игривомъ тонѣ,—но и въ томъ, и въ другомъ случаѣ больше двухъ-трехъ мѣсяцевъ приключеніе рѣдко тянулось. На этотъ разъ героиней романа оказалась мѣстная землевладѣлица, Анна Григорьевна Гляссъ. Это была вдовушка лѣтъ тридцати съ небольшимъ, которую видѣвшіе въ первый разъ находили «красивой», во второй разъ—«такъ-себѣ», а затѣмъ какъ-то вдругъ переставали обращать вниманіе на ея наружность. Впрочемъ, кромѣ наружности довольно трудно было найти въ ней что-либо, заслуживающее вниманія,—развѣ только ея жадность къ деньгамъ, которую лица, близко знавшія ее, называли феноменальной. Послѣ мужа Анна Григорьевна получила въ наслѣдство небольшое имѣньице, которое она усердно округляла, скупая при случаѣ за безцѣнокъ мелкіе участки земли у сосѣднихъ владѣльцевъ.

Желѣзная дорога прошла черезъ ея имѣніе—и по этому поводу она необыкновенно волновалась и старалась увѣрить всѣхъ, у кого только была охота ее слушать, что она совсѣмъ разорена и что ея образцовое хозяйство,—такъ какъ, по ея глубочайшему убѣжденію, хозяйство свое она вела образцово,—можетъ придти въ совершенный упадокъ. И она высчитывала, сколько она будетъ переплачивать на

каждой телѣгѣ, при перевозкѣ урожаевъ, благодаря необходимости дѣлать крюкъ при сообщеніи черезъ желѣзнодорожный переѣздъ.

Такъ какъ коммерческія соображенія и любовныя вожделѣнія постоянно переплетались у нея вмѣстѣ, то и при знакомствѣ съ Луковниковымъ она отмѣтила про себя сразу два обстоятельства: что онъ «можетъ въ чемъ-нибудь быть для нея полезнымъ» и что онъ «красивый мужчина».

Въ день торжества погода съ утра задалась дождливая, такъ что извозчики съ верхомъ брались нарасхватъ. Тѣмъ не менѣе изъ города потянулись вереницею любители зрѣлищъ, самоотверженно шлепая по грязи и лужамъ, никогда не просыхавшимъ на ведущей на Дальній Лугъ дорогѣ. Къ двѣнадцати часамъ толпа стояла уже плотною стѣною вокругъ павильона и часовенки, устроенной для молебствія. Зрители, въ большинствѣ защищенные отъ непогоды зонтиками или непромокаемыми плащами, не безъ злорадства острили надъ господами въ мундирахъ и вицмундирахъ, торопливо перебѣгавшими изъ павильона къ часовнѣ и обратно. Наконецъ, подкатила лихо коляска, изъ которой вышелъ въ сіявшемъ золотомъ мундирѣ губернаторъ Пшенецкій, а за нимъ, невысокаго роста полный генералъ съ круглымъ лицомъ, на которомъ останавливали вниманіе маленькіе глазки, проницательно глядѣвшіе изъ-за очковъ. Почти одновременно съ противоположной стороны подъѣхалъ въ каретѣ архіерей, послѣ молебствія тотчасъ же, впрочемъ, удалившійся, несмотря на усердное упрашиваніе со стороны главнаго инженера—принять участіе въ трапезѣ.

Все сборище мундировъ, вицмундировъ, фраковъ и просто сюртуковъ размѣстилось за тремя изысканно сервированными столами.

Послѣ первыхъ официальныхъ тостовъ пиршество приняло почти сразу гомерическій характеръ. Распоряжавшіеся имъ инженеры, очевидно, владѣли секретомъ, минуя переходные оттѣнки, доводить гостей до той точки оживленія, которая обыкновенно является только въ концѣ пирушки. Впрочемъ, не мало способствовалъ общей непринужденности и пріѣхавшій вмѣстѣ съ губернаторомъ генералъ Пріоровъ. Онъ занималъ очень видное положеніе въ служебной іерархіи, и держалъ себя на совершенно особенный манеръ. Въ мірѣ служебномъ онъ былъ извѣстенъ не столько своими талантами,—о которыхъ имѣли возможность судить лишь немногіе,—сколько маленькою слабостью озадачивать всѣхъ неожиданными и странными выходками; при этомъ онъ охотно давалъ волю своему языку, порою весьма злому и острому. Благодаря этому, вся служба его состояла какъ бы изъ непрерывнаго ряда анекдотовъ. Какъ часто бываетъ въ подобныхъ

случаяхъ, Пріорову стали приписывать также и такіе слова и поступки, въ которыхъ онъ былъ совершенно неповиненъ, но которые подходили къ общему характеру создавшагося о немъ въ обществѣ представленія. По своему обычаю онъ сейчасъ же заговорилъ со своимъ особымъ добродушно-лукавымъ юморомъ,—и всѣ начали прислушиваться къ этому неторопливому, не громкому, немного хриповатому, но отчетливому голосу.

Рѣчь шла о претензіяхъ Гляссъ, которыя сдѣлались уже притчей во языцѣхъ не только въ Черноводскѣ, но и во всей губерніи. Она успѣла насчитать убытковъ, причиненныхъ ей будто бы желѣзною дорогою, почти на пятьдесятъ тысячъ, хотя и все-то ея имѣніе цѣликомъ, по словамъ знавшихъ его лицъ, не стоило этихъ денегъ. Главный инженеръ Зинченко съ невозмутимо серьезнымъ видомъ разсказывалъ, съ какимъ трудомъ ему удавалось до сихъ поръ сдерживать проявленія неумѣренныхъ аппетитовъ Гляссъ, и то единственно благодаря ея слабости къ мужчинамъ высокаго роста.

— Нарочно трехъ инженеровъ гренадерскаго вида держу для того, чтобы потрафить ея вкусу. Надо къ ней умѣючи приступиться. Шнейдера, напримѣръ, къ ней недавно посылали просить разрѣшенія временно уложить на ея землѣ рельсы для подвозки матеріаловъ. Три раза бѣдняга ѣздилъ,—такъ и ни съ чѣмъ уѣхалъ. Ну, я—старый воробей, сейчасъ смекнулъ въ чемъ дѣло. Зачѣмъ, говорю, вы Шнейдера отправляете,—онъ всего-то пяти вершковъ, вотъ Луковниковъ, тотъ 11 вершковъ, его и посылайте. Этотъ, навѣрное, получитъ разрѣшеніе. Что жъ, такъ и вышло. Теперь вся надежда на Подрѣзова. Тотъ еще вершка на $1^1/_2$ должно быть больше,—такъ авось намъ это отчужденіе не очень поперекъ горла станетъ.

— Господа,—сказалъ Пріоровъ,—вижу я, съ прискорбіемъ, что въ васъ совсѣмъ мало развиты христіанскія чувства. Взять хоть Анну Григорьевну и Василія Ивановича,—онъ указалъ при этомъ на Зинченка.—Взглянешь на нимъ, подумаешь: вотъ люди мирные, къ которымъ безъ страха можно подойти. А между тѣмъ Анна Григорьевна, во что бы то ни стало, хочетъ стащить мундиръ съ Василія Ивановича,—Василій Ивановичъ опять-таки хочетъ снять мантилью у Анны Григорьевны. Господа, будьте христіанами! Василій Ивановичъ! Не снимайте мантилью съ Анны Григорьевны, а она пусть оставитъ въ покоѣ вашъ мундиръ. Такъ-то, право, лучше будетъ.

Послышался смѣхъ; всѣ присутствовавшіе хорошо знали Анну Григорьевну, Зинченко также былъ извѣстенъ почти всѣмъ, и картинное изображеніе борьбы между ними изъ-за мантильи и мундира показалось забавнымъ.

— Милостивые государи!—зычнымъ голосомъ воскликнулъ Подрѣзовъ.—Пользуюсь настоящимъ счастливымъ случаемъ, чтобы провозгласить тостъ за здоровье дорогого гостя, его превосходительства Андрея Николаевича Пріорова. Присутствіе его на торжествѣ освященія работъ да послужитъ намъ залогомъ будущаго процвѣтанія и преуспѣянія Черноводскъ-Городецкой линіи...

Процвѣтаніе линіи, а вмѣстѣ съ ней и всего края,—это была такая тема, на которую не могли не откликнуться многочисленные мѣстные ораторы. Говорилъ предсѣдатель губернской земской управы, говорилъ дѣловито, подкрѣпляя свою рѣчь статистическими данными. Говорилъ предсѣдатель уѣздной управы Кубанцевъ въ юмористическомъ тонѣ. По его словамъ, до сихъ поръ, Черноводскъ и Городецъ жили каждый самъ по себѣ, не заботясь одинъ о другомъ, а теперь онъ готовъ бы былъ выразиться, что самъ чортъ связалъ ихъ веревочкой, если бы не былъ убѣжденъ, что къ Василію Ивановичу гораздо болѣе подходитъ другое названіе, а именно—добраго генія.

Было произнесено еще нѣсколько рѣчей въ томъ же духѣ. Съ каждою рѣчью настроеніе ораторовъ все болѣе подогрѣвалось. Наконецъ, уже послѣ четвертаго или пятаго блюда, поднялся съ своего мѣста огромнаго роста мужчина, мѣстный помѣщикъ Шулявка. До сихъ поръ онъ лишь прислушивался къ словамъ ораторовъ и въ мѣстахъ, которыя казались ему особенно заслуживающими вниманія, толкалъ въ бокъ своего сосѣда и говорилъ ему: «Слышишь, болванъ? Слушай, слушай, что умные люди говорятъ». Сосѣдъ этотъ былъ его пріятель еще съ дѣтскихъ лѣтъ и кромѣ того ежегодно проводилъ нѣсколько мѣсяцевъ въ имѣніи Шулявки, въ качествѣ гостя, а потому такого рода обращеніе никому не показалось страннымъ. Послѣ выпитой Шулявкой невѣроятной смѣси всевозможнаго рода винъ, его лицо приняло блаженное выраженіе, а вмѣстѣ съ тѣмъ явилась непреодолимая потребность публично выразить свои чувства. Онъ всталъ, немного поправилъ рукой уже совершенно спустившіеся и падавшіе на лобъ волосы и началъ заплетающимся языкомъ, на очень высокихъ нотахъ:

— Чувства, которыя мы чувствуемъ... Ну, вставай же, болванъ, кланяйся...—прервалъ онъ самъ себя, обратившись къ сосѣду, и дернувъ его за рукавъ,—... онѣ у насъ вотъ гдѣ...—тутъ онъ съ такою энергіей ударилъ себя ладонью въ грудь, что раздался даже глухой гулъ по всему бараку.—И если у насъ ихъ оттуда вышибло, то вотъ кто виноватъ,—и расплескивая шампанское, онъ протянулъ руку по направленію къ Зинченку.—Душечка! Поцѣлуемся... Я ста-

рый чортъ, мнѣ врать нечего... но право же я чувствую... вотъ сколько чувствую...

Начались пьяныя объясненія, поцѣлуи. Шулявка, выпячивая впередъ мокрыя губы, не только цѣловался самъ со всѣми инженерами, но заставлялъ цѣловаться и своего пріятеля. Послѣ этого онъ было совсѣмъ успокоился и мирно припялся ѣсть,—но вдругъ онъ сорвался съ мѣста и, треснувъ кулакомъ по столу, прокричалъ:

— А если между нами есть такіе жадные, алчные, ненасытные, которые только о томъ и думаютъ, какъ бы побольше сорвать съ желѣзной дороги, получить десятки тысячъ за то, чему цѣна грошъ,— то мы ихъ презираемъ... пр-р-ре-зираемъ!...

Сдѣлавъ неимовѣрное напряженіе, чтобы выразить, какъ можно полнѣе, свое презрѣніе какъ голосомъ, такъ и мимикой, Шулявка, совершенно обезсиленный, опустился на стулъ.

Подрѣзовъ, хотя и пилъ наравнѣ со всѣми, однако, ни на минуту не забывалъ, что онъ агентъ по отчужденію. Онъ мало сидѣлъ на мѣстѣ, а подходилъ то къ тому, то къ другому изъ гостей, стараясь быть со всѣми на пріятельской ногѣ и такимъ образомъ заручиться какъ можно большимъ количествомъ доброжелателей въ мѣстномъ обществѣ. Послѣднія слова Шулявки, затрогивая близкій ему предметъ, дали ему удобный поводъ и самому высказаться на этотъ счетъ.

— Я прислушивался къ словамъ одного изъ самыхъ уважаемыхъ мѣстныхъ землевладѣльцевъ,—вкрадчиво началъ онъ,—и скажу безъ лишнихъ околичностей: это золотыя слова. Они даютъ увѣренность намъ, скромнымъ желѣзнодорожнымъ труженикамъ, что здѣсь, гдѣ мы прокладываемъ новые пути, мы встрѣтимъ всюду доброжелательное къ себѣ отношеніе, которое поможетъ намъ благополучно довершить начатое нами дѣло.

Все было бы хорошо, если бы на этомъ обѣдѣ вице-губернаторъ Флейсперъ случайно не помѣстился какъ разъ напротивъ члена управы Старкова.

Послѣ нѣсколькихъ стакановъ вина Старковъ обыкновенно особенно живо вспоминалъ о томъ, какъ онъ въ молодости увлекался мечтами о служеніи народу и подъ вліяніемъ этихъ воспоминаній начиналъ воображать себя такимъ же «краснымъ», какъ и въ тѣ счастливыя времена. По мѣрѣ того, какъ Старковъ такимъ образомъ молодѣлъ, онъ понемногу раздражался, видъ же Флейснера даже и въ обыкновенное время всегда приводилъ его въ самое скверное расположеніе духа.

Флейснеръ,—сравнительно еще молодой человѣкъ,—былъ весьма высокаго мнѣнія о своихъ способностяхъ вообще, а административ-

ныхъ въ особенности; у него было много лично ему принадлежащихъ проектовъ, которые, если бы были приведены въ исполненіе, то поставили бы на военную ногу всю губернію, такъ какъ онъ постоянно мечталъ то объ обузданіи земства, то объ организаціи городского самоуправленія,—вообще о чьемъ-нибудь урѣзаніи, укрощеніи и усмиреніи. Губернаторъ обыкновенно мягко, но настойчиво отклонялъ всѣ подобнаго рода предположенія, зато Флейснеръ пользовался каждою его отлучкою, чтобы, оставшись «хозяиномъ губерніи», проводить по возможности собственную политику.

Старкову не однажды на дѣлѣ приходилось испытывать вліяніе укротительныхъ теорій Флейснера. Теперь ему хотѣлось непремѣнно сказать что-нибудь не вполнѣ благонадежное, въ пику Флейснеру,—что-нибудь такое, «отъ чего у нѣмчуры подралась бы печенка съ селезенкой», чуть не вслухъ объяснилъ онъ своему сосѣду.

Рѣчь агента по отчужденію дала Старкову удобный для этого поводъ. Тотчасъ же вслѣдъ за Подрѣзовымъ онъ всталъ и, нѣсколько волнуясь, съ дрожаніемъ въ голосѣ началъ:

— Намъ говорили сейчасъ о «скромныхъ желѣзнодорожныхъ труженикахъ». Охотно готовъ выпить за нихъ,—но гдѣ они? Я не вижу ихъ здѣсь, на этомъ торжествѣ. Они гдѣ-то тамъ вдалекѣ, въ тѣни, эти дѣйствительно скромные и безвѣстные труженики, роющіе землю, разбивающіе камень, укладывающіе шпалы и рельсы. Пью за нихъ, но еще разъ спрашиваю, — отчего же ихъ нѣтъ здѣсь съ нами?»

Многихъ смутила эта рѣчь, — главное, слишкомъ было замѣтно, что самъ ораторъ сознаетъ ея «преступность». Едва успѣлъ онъ усѣсться, какъ Флейснеръ, какъ бы въ шутку, съ любезной улыбкой, но съ ядовитой интонаціей въ голосѣ, обратился къ нему:

— А, знаете, васъ за эти самыя слова можно бы призвать для объясненій.

Старковъ отвѣтилъ только кривой усмѣшкой. Между тѣмъ Зинченко, подозвавъ Подрѣзова, что-то шепнулъ ему. Тотъ поспѣшно вышелъ за дверь и тотчасъ же вернулся обратно въ сопровожденіи цѣлой толпы желѣзнодорожныхъ рабочихъ. Появленіе ихъ было заранѣе подготовленнымъ эффектомъ, и рѣчь Старкова лишь случайно разрѣшила вопросъ о томъ, въ какой именно моментъ впустить ихъ. Они вошли, одѣтые по праздничному, съ недоумѣніемъ озираясь по сторонамъ и не зная хорошенько, какъ имъ себя держать. Зинченко поднялъ бокалъ и провозгласилъ, что онъ радъ выпить за «своихъ дорогихъ сотрудниковъ». Пріоровъ тотчасъ же вслѣдъ за этимъ воскликнулъ: «Выпьемъ, братцы, за русскаго рабочаго человѣка!»

Рабочимъ тѣмъ временемъ было предложено по стакапчику водки, и Пріоровъ первый, оставивъ свое мѣсто, отправился съ ними чокаться и трижды облобызался со стоявшимъ впереди старымъ дорожнымъ мастеромъ. Вслѣдъ за нимъ потянулись было и всѣ остальные господа въ мундирахъ, вицмундирахъ и фракахъ, но рабочіе, очевидно, тяготясь столь усиленнымъ проявленіемъ вниманія къ нимъ, мало-по-малу потихоньку стали пятиться назадъ къ дверямъ и одинъ за другимъ исчезать. Совершенно незамѣтно, и вмѣстѣ съ тѣмъ необыкновенно ловко какъ-то вдругъ вышло такъ, что пожеланія и привѣтствія вмѣсто рабочихъ сталъ принимать подрядчикъ земляныхъ работъ Губановъ.

Это былъ очень упитанный, очень благообразный и очень съ виду ласковый мужчина, лѣтъ пятидесяти. На жилеткѣ у него красовалась не цѣпочка, а цѣлая якорная цѣпь со множествомъ брелоковъ, чрезвычайно солидныхъ и прочныхъ, при видѣ которыхъ невольно являлось подозрѣніе, что подобнаго рода украшенія изготовляются золотыхъ дѣлъ мастерами спеціально для желѣзно-дорожныхъ подрядчиковъ. Таковы же были и перстни, украшавшіе пальцы Губанова. По профессіи Губановъ былъ инженеръ, но, прослуживъ нѣсколько лѣтъ на постройкахъ, бросилъ службу и принялся за подряды и съ тѣхъ поръ съ каждымъ годомъ становился все болѣе упитаннымъ, болѣе благообразнымъ и болѣе ласковымъ. Теперь онъ охотно принималъ привѣтствія отъ имени рабочихъ, и мягкимъ бархатнымъ голосомъ благодарилъ за столь единодушное выраженіе сочувствія къ нимъ.

Хотя такимъ образомъ вся «преступность» рѣчи Старкова разлетѣлась какъ дымъ, однако, всетаки вице-губернаторъ былъ недоволенъ и всѣмъ своимъ видомъ старался показать, что онъ отнюдь не сочувствуетъ тому, что происходитъ передъ нимъ. Скоро онъ уѣхалъ, удалились и еще нѣкоторые, торопившіеся пораньше попасть домой. Оставшіеся разбились на кучки, въ каждой изъ которыхъ была своя тема для оживленной бесѣды. Больше всего народа толпилось около Пріорова.

— Надо, братцы, табуномъ дѣйствовать,—проповѣдывалъ онъ. Табунъ—большая сила. А безъ табуна одинъ жеребецъ ни къ чему, будь онъ хоть семи пядей во лбу. Табунъ—это наше родное, вѣковое начало. Наплюйте, братцы, въ глаза тому, кто васъ станетъ увѣрять, что табунъ отжилъ свой вѣкъ, что надо каждому въ одиночку идти на дѣло. Врагъ намъ тотъ, кто такъ говоритъ, а не другъ...

И долго лилась спокойно и непринужденно рѣчь стараго генерала. Въ другомъ концѣ залы собралъ около себя нѣсколько человѣкъ Зинченко.

— Вы вотъ, глядя на меня, думаете,—говорилъ онъ сидѣвшему противъ него молодому человѣку,—что передъ вами старый инженеръ, а на самомъ дѣлѣ... ну, какъ бы вы думали кто?

— Не знаю, Василій Ивановичъ.

— Дѣвица вольнаго поведенія! Да-съ, форменная! Фор-мен-ная!

— Какъ же это? — спросилъ молодой человѣкъ при общемъ смѣхѣ.

— Да такъ, очень просто. Кому мою любовь надо, тому ее и изъявляю. Меня всякій можетъ хоть по щекамъ отвалять, а я всѣхъ любить долженъ, каждому доставить удовлетвореніе. У васъ вотъ одно начальство надъ вами поставлено, а у меня ихъ десятокъ! Изъ Петербурга начальство требуетъ любви,—извольте, съ нашимъ удовольствіемъ. Правленіе желаетъ, чтобы я ему обнаруживалъ чувства,—обнаруживаемъ! Инспекторъ нашъ,—онъ кивнулъ на сидѣвшаго тутъ же рядомъ мрачнаго вида инженера,—также на меня покушеніе имѣетъ, я не сопротивляюсь. А тамъ еще губернаторъ, а тамъ исправникъ, а тамъ становой... Ну-съ, такъ развѣ я не правъ?

— У васъ тутъ очень весело,—сказалъ подошедшій губернаторъ.—Вѣрно, что-нибудь очень хорошее говорится.

— Начальство славословимъ, ваше превосходительство. Не соблаговолите ли по этому случаю съ нами выпить?

И онъ налилъ губернатору цѣлый стаканъ шартрезу. Тотъ немного отпилъ, но тотчасъ же почувствовалъ головокруженіе. Онъ вышелъ на воздухъ, чтобы немного освѣжиться. Дождь давно уже пересталъ, небо прояснѣло, и Дальній Лугъ весь былъ залитъ мягкимъ серебристымъ луннымъ свѣтомъ. Пшенецкому, который былъ въ душѣ поэтомъ, захотѣлось пройтись, насладиться контрастомъ торжественной тишины природы и пьянаго, шумнаго оживленія пировавшаго общества. Но едва сдѣлалъ онъ десятокъ шаговъ въ своемъ блестѣвшемъ золотымъ шитьемъ мундирѣ и бѣлыхъ съ золотыми лампасами панталонахъ,—костюмъ, о которомъ онъ совершенно позабылъ въ эту минуту—какъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него появилась неизвѣстно откуда взявшаяся фигура,—становой, за ней въ нѣкоромъ отдаленіи другая—сотскій. Губернаторъ попробовалъ свернуть влѣво, но отвѣтственные за его неприкосновенность стражи слѣдовали за нимъ. Пшенецкій вздохнулъ и съ видомъ покорности судьбѣ вернулся обратно въ залъ. Тамъ между тѣмъ гремѣлъ оркестръ—цѣлыхъ два десятка музыкантовъ, нарочно выписанныхъ изъ губернскаго города. Играли попурри изъ «Фауста». Шулявка сидѣлъ, закрывъ лицо руками, и умиленнымъ голосомъ восклицалъ:

— Ахъ, Боже ты мой! Тише! тише!... ради Бога тише! Нѣтъ!

это надо понимать... «Пр-ро любовь пр-ро м-мою-у, что люб-бовь-ю го-рю я...» Они этого не понимаютъ! Тише же, тише, подлецы!

Но его никто не слушалъ. Старковъ, съ залитою виномъ рубашкой и съѣхавшимъ на сторону галстукомъ, давно хотѣлъ отправиться домой, но подходилъ къ одному изъ многочисленныхъ оконъ, принимая его за дверь, безпомощно толкался въ него всѣмъ туловищемъ и видя, что воображаемая дверь не поддается, махалъ рукой и шелъ къ слѣдующему окну. Наконецъ, съ усиліемъ сообразивъ, что ничего изъ его попытокъ не выходитъ, онъ безпомощно развелъ руками, разставилъ ноги и пребывалъ въ такомъ положеніи до тѣхъ поръ, пока кто-то, сжалившись надъ нимъ, не показалъ ему выходъ.

Начинало уже разсвѣтать, когда послѣдніе гости покинули мѣсто торжества.

III.

Подрѣзовъ совсѣмъ позабылъ, что такое отдыхъ. Три недѣли провелъ онъ на линіи съ землемѣромъ. Онъ разсчитывалъ покончить много дѣлъ миролюбивымъ соглашеніемъ, пока у мѣстныхъ помѣщиковъ и крестьянъ не успѣло еще разыграться воображеніе и разгорѣться аппетиты. Онъ твердо надѣялся на магическую силу нѣкоторыхъ издавна пользующихся среди агентовъ по отчужденію уваженіемъ испытанныхъ средствъ. Подобно всякому добропорядочному агенту, онъ зналъ, какъ спасительно дѣйствуетъ на владѣльцевъ,—особенно на тѣхъ изъ нихъ, которые передъ канцеляріями и иными присутственными мѣстами чувствуютъ непреодолимую робость,—заманчивое обѣщаніе выдать сейчасъ же деньги на руки. Но какъ будто нарочно, большинство владѣльцевъ уклонялось не только отъ выраженія согласія на предложенія агента, но даже вообще отъ какого-либо положительнаго отвѣта. Подрѣзову чувствовалось въ этомъ чье-то враждебное вліяніе, но откуда оно исходило, онъ не могъ догадаться, какъ ни изощрялъ свое воображеніе въ разныхъ предположеніяхъ.

Онъ не вернулся бы еще въ Черноводскъ, если бы не получилъ извѣщенія, что назначено первое засѣданіе оцѣночной коммиссіи «для обсужденія нѣкоторыхъ предварительныхъ вопросовъ». Что надо разумѣть подъ таинственными «предварительными вопросами», Подрѣзовъ сейчасъ же сообразилъ. Предстояли разговоры о расходахъ на дѣлопроизводство коммиссіи, на поѣздки ея членовъ для осмотровъ, главное же—объ авансахъ на эти расходы. Авансовъ Подрѣзовъ не любилъ. Онъ по опыту зналъ, что, получивъ въ свое распоряженіе деньги, коммиссія считаетъ непремѣннымъ долгомъ истратить ихъ

возможно скорѣе, не заботясь объ отчетности. Но тотъ же опытъ подсказывалъ ему, что не слѣдуетъ начинать свою дѣятельность споромъ изъ-за грошей съ лицами, которыя, составивъ себѣ предубѣжденіе противъ желѣзной дороги, могутъ заставить ее переплатить не одинъ лишній десятокъ тысячъ рублей,—а потому онъ явился въ коммиссію въ самомъ уступчивомъ настроеніи. Благодаря этому предварительное засѣданіе не только не вызвало какого-либо обостренія въ отношеніяхъ между агентомъ и членами коммиссіи, но, казалось, положило основаніе самому прочному единенію между ними. Едва лишь Челканъ успѣлъ произнести нѣсколько словъ о необходимости для коммиссіи имѣть въ своемъ распоряженіи нѣкоторую сумму на расходы,—говорилъ онъ это съ такимъ видомъ, какъ будто ему надо было проглотить крайне непріятное на вкусъ лѣкарство,—какъ Подрѣзовъ тотчасъ же заявилъ, что, «идя навстрѣчу» желанію коммиссіи, онъ уже озаботился о переводѣ въ ея распоряженіе аванса въ пятьсотъ рублей. Послѣ этого атмосфера сразу очистилась. Чтобы авансъ не лежалъ даромъ, коммиссія тутъ же рѣшила поручить своимъ членамъ выѣздъ въ разныя мѣста по линіи дороги, для ознакомленія съ общими условіями мѣстности. Покончивъ съ дѣлами, члены коммиссіи собрались было расходиться, но Подрѣзовъ предложилъ отправиться всѣмъ вмѣстѣ въ клубъ, позавтракать. Слушая его, можно было подумать, что ему только что внезапно пришла мысль объ этомъ, хотя на самомъ дѣлѣ онъ еще наканунѣ заѣзжалъ въ клубъ распорядиться насчетъ этого завтрака, главное же, насчетъ винъ. Способъ пріобрѣтать себѣ друзей и доброжелателей посредствомъ удачнаго подбора винъ и кушаній, примѣняется съ успѣхомъ съ незапамятныхъ временъ, и Подрѣзовъ отнюдь не пренебрегалъ имъ. Однако, къ величайшей его досадѣ Челканъ съ самою любезною улыбкой отказался отъ приглашенія, заявивъ, что ему необходимо сегодня ѣхать въ деревню.

Отправились съ Подрѣзовымъ членъ управы Старковъ, податной инспекторъ Помпеевъ и два земскихъ начальника Лобзинъ и Довбня. Въ клубѣ пришедшіе заняли отдѣльную комнату; но Лобзинъ самостоятельно заказалъ себѣ порцію холодной ветчины и бутылку пива и, наскоро закусивъ, расплатился и ушелъ, прежде чѣмъ остальные успѣли приступить къ ѣдѣ.

Съ его уходомъ всѣ вздохнули съ облегченіемъ. Очевидно, онъ стѣснялъ всѣхъ, хотя каждый объяснялъ причину этого различно. Старковъ говорилъ, что на него дѣйствуютъ гипнотизирующимъ образомъ выпученные рачьи глаза Лобзина; Помпеевъ находилъ, что онъ слишкомъ гордо себя держитъ, а Довбня заявилъ, что онъ тер-

пѣть не можетъ людей, которые никогда не смѣются. Это было, впрочемъ, и понятно: Довбня пользовался славой лучшаго изъ мѣстныхъ юмористовъ, и каждый, кто не способенъ былъ смѣяться при его разсказахъ, былъ въ его глазахъ совершенно лишнимъ членомъ общества. Не было, кажется, во всемъ уѣздѣ такого человѣка, про котораго онъ не зналъ бы какой-нибудь забавной исторіи. Конечно, у него былъ въ запасѣ разсказъ и про Лобзина.

— У него и всегда такой видъ, будто онъ призванъ всыпать вамъ по крайней мѣрѣ полсотни горячихъ,—началъ по его уходѣ Довбня.—Ну, а за послѣдніе дни онъ особенно озабоченъ послѣ того, какъ... Ну, да вы вѣдь знаете эту исторію?—спросилъ Довбня Старкова.

Тотъ засмѣялся.

— Разскажите, Игнатій Ивановичъ,—обратился онъ къ Довбнѣ.—Вотъ Семенъ Яковлевичъ пріѣзжій, съ нашими нравами незнакомъ. Для него это будетъ поучительно.

— Пожалуйста... Въ чемъ дѣло?—подтвердилъ и Подрѣзовъ.

— Случилось это не такъ давно,—началъ Довбня съ невозмутимою серьезностью, которая вырабатывается долговременною практикой почти у всѣхъ заправскихъ разсказчиковъ,—выписалъ одинъ помѣщикъ здѣшній, Шулявка, для дѣтей мамзель... Настоящую парижанку,—у насъ въ Черноводскомъ уѣздѣ на этотъ счетъ строго и съ какой-нибудь «Акулиной Сидоровной изъ Парижа» мы и разговаривать не станемъ. Только въ одинъ прекрасный день пріѣзжаетъ къ нему, вмѣсто одной, цѣлыхъ двѣ француженки. Недоразумѣніе маленькое вышло: Шулявка хотѣлъ посредствомъ «de» родительный падежъ изобразить, а вмѣсто этого вышло «deux»—два. Словомъ, какъ армянинъ въ извѣстномъ разсказѣ «ошибка давалъ—вмѣсто ура караулъ кричалъ». Ну, что-жъ, не отсылать же мамзель назадъ. Да и притомъ какую изъ нихъ? Обидѣть ни одну Шулявка не хочетъ, а тутъ услыхалъ онъ, что Лобзинъ также для дѣвчонокъ своихъ француженку ищетъ, онъ ему и предлагаетъ: такъ и такъ, являйтесь и выбирайте, на манеръ Париса, любую. Пріѣзжаетъ Лобзинъ, да не одинъ,—Анна Григорьевна его, какъ дама недовѣрчивая, маменьку свою съ нимъ отправила: женщина, молъ, опытная, сразу разберетъ, какая мамзель для домашняго спокойствія безопаснѣе. Ну, маменька сейчасъ увидѣла: одна француженка глазами направо-налѣво такъ и стрѣляетъ, значитъ, проку изъ нея не будетъ. А другая—скромненько потупившись сидитъ—эту, значитъ, намъ и подавайте! Шулявкина теща изъ себя выходитъ,—она тоже на эту самую зубы точила. Однако, уговоръ лучше денегъ,—пришлось тихонькую мамзель от-

дать, а вертлявую себѣ оставить. Проходитъ мѣсяцъ,—оказывается обѣ тещи дѣйствительно даромъ ясновидѣнія обладали: изловили однажды француженку и Шулявку въ потайномъ мѣстѣ и сидѣла она у него на колѣняхъ и изображали они «поцѣлуйный обрядъ». Конечно, скандалъ, француженкѣ прогоны на обратный путь, семейное благополучіе на недѣлю рушилось. Лобзинскія дамы потихоньку подсмѣиваются и свою удачливость благословляютъ. Кладъ попался, а не француженка,—дома тишина, спокойствіе, да и дѣти ужъ давно и «бонжуръ» и «мерси» постигли. Еще проходитъ недѣли двѣ-три. Понадобилось какъ-то Лобзина женѣ вечеромъ, передъ тѣмъ, какъ идти на сонъ грядущій, къ мужу зайти. Огни вездѣ въ комнатахъ уже потушены, только у него въ кабинетѣ свѣтъ. Видитъ она еще издали, что мужъ съ француженкой о чемъ-то бесѣдуютъ. Любопытство ее разобрало. Остановилась въ темной комнатѣ и ждетъ, что будетъ. По-французски сама она мало смыслитъ, однако, по всему видно, что разговоръ у нихъ самый серьезный,—вѣрно, думаетъ,—насчетъ дѣтей что-нибудь. Хотѣла она ужъ въ кабинетъ войти, и вдругъ видитъ француженка подошла къ ея мужу, и что-жъ бы вы думали?...

Довбня на минуту остановился, дойдя до того мѣста своего разсказа, гдѣ, по выраженію одного стариннаго сборника анекдотовъ, «можно уже смѣяться»,—и съ разстановкою произнесъ:

— Подошла, пе-ре-кре-сти-ла его,—и вышла изъ кабинета. Понимаете, перекрестила! Батюшки! что съ Анною Михайловною сдѣлалось! Прибѣжала прямо въ комнату къ матери своей. «Маменька! кричитъ;—маменька! мамзель Люси... Васю»... и въ слезы сама. «Что?—спрашиваетъ старушка,—неужто обнимала, подлая»? «Хуже,— говоритъ,— маменька! перекрестила». Ну, старушка тонкостей этихъ не понимаетъ. «Что-жъ,— спрашиваетъ,—тутъ, Анеточка, дурного? Вотъ если бы цѣловались они, дѣло другое». А та ей: «Ужъ лучше бы она у него на колѣняхъ сидѣла, какъ та Шулявкинская Жюли, пусть бы обнимала его, цѣловала,—все бы это я простить могла. Но пе-ре-кре-сти-ла! Этого, маменька, я перенести никакъ не могу».

Разсказъ достигъ своей цѣли. Довбня такъ живо представилъ происшествіе въ лицахъ, что слушатели хохотали до упаду. Успокоившись отъ смѣха, Подрѣзовъ глубокомысленно замѣтилъ:

— Н-да! оно дѣйствительно,—иной разъ такое, повидимому, невинное само по себѣ обстоятельство, а можетъ изобличить человѣка хуже всякаго другого. Однако, господа, разсказы—разсказами, а не слѣдуетъ позабывать о ѣдѣ и питьѣ.

На нѣкоторое время разговоры умолкли, слышно было только чо-

канье рюмокъ и стакановъ, стукъ вилокъ и ножей, да изрѣдка отрывистыя фразы: «За ваше здоровье! За ваше»! Вино дѣлало свое дѣло: каждый начиналъ забывать о томъ, въ какихъ отношеніяхъ приходится ему быть въ обычное время съ лицами, въ обществѣ которыхъ онъ находился, и видѣлъ въ нихъ только славныхъ малыхъ, съ которыми пріятно посидѣть въ уютной комнаткѣ и поболтать по душѣ. Даже молчаливый Помпеевъ нѣсколько развернулся и разсказалъ нѣсколько анекдотовъ, надъ которыми, вѣроятно, во вниманіе къ ихъ почтенному возрасту, слушатели сдѣлали попытку посмѣяться. Подрѣзовъ разсказывалъ анекдоты не столь древніе, но очень скоро сводилъ разговоръ на свои дѣла по отчужденію. Между прочимъ онъ жаловался, что никакъ не можетъ привыкнуть къ своимъ обязанностямъ, хотя состоитъ агентомъ уже пятый годъ.

— Привыкните,—философски утѣшалъ его Довбня.—Еще годковъ пять пройдетъ—и привыкните. Со всѣмъ можно освоиться, ко всему можно притерпѣться. Да вотъ вамъ, для примѣра, мои первые шаги на земской службѣ. Кончилъ я въ ту пору школу подпрапорщиковъ, отслужилъ, сколько слѣдуетъ, вышелъ въ запасъ, пріѣхалъ сюда, въ свои родные края и каждый день здѣсь въ клубѣ торчалъ, съ Петрушкой маркеромъ на билліардѣ дулся. Ни о какой службѣ отечеству я въ ту пору не помышлялъ, и вдругъ сама она, эта служба, на меня нечаянно свалилась. Какъ теперь помню этотъ моментъ: только что я, съ кіемъ въ рукѣ, изловчился и вотъ этакъ перегнулся весь, чтобы желтаго закатить въ среднюю, какъ вдругъ подходитъ ко мнѣ нашъ добрѣйшій Иванъ Ивановичъ, предсѣдатель земской управы, и спрашиваетъ: «Хотите быть попечителемъ народныхъ училищъ»? Я желтаго всетаки засадилъ, куда слѣдуетъ, и говорю: ну, что-жъ! попечителемъ, такъ попечителемъ. А самъ понятія не имѣю, что такое за училища и зачѣмъ имъ попечители. Кого ни встрѣчу,—всѣхъ спрашиваю: зачѣмъ попечители существуютъ? и что имъ дѣлать полагается? Никто ничего не знаетъ. Получаю, однако, черезъ нѣкоторое время бумагу и предложеніе сдѣлать объѣздъ ввѣренныхъ мнѣ училищъ. Поѣхалъ. Пріѣзжаю я въ первое. Розовенькій я тогда такой былъ, свѣженькій, ну, совсѣмъ поросенокъ пасхальный. Рекомендуюсь учительницѣ,—вижу, глядитъ она на меня и презираетъ. Такъ вотъ съ головы до пятъ всего презираетъ. Ахъ, ты чортъ возьми,—думаю. Разсердился, нарочно строго спрашиваю: въ порядкѣ ли ведется у васъ преподаваніе? А она мнѣ съ такимъ презрѣніемъ: «Не угодно ли провѣрить»? Ахъ, ты чортъ возьми! Всю свою кавалерійскую ученость призываю на помощь, задаю вопросы, самъ чувствую, что ни къ селу, ни къ городу. А учительница къ окну ото-

шла, спиной ко мнѣ повернулась. По спинѣ вижу, что улыбается она ядовито—и презираетъ. Ужъ самъ не знаю, какъ выпутаться мнѣ изъ этого дурацкаго положенія удалось. Уѣхалъ, по дорогѣ думаю: нѣтъ, шабашъ. Сегодня же сложу съ себя эту проклятую должность. Ну, пока до дому доѣхалъ, немного поостылъ... А теперь вотъ уже двѣнадцать лѣтъ состою въ этомъ званіи. Трижды благодарности отъ собранія получалъ. Такъ вотъ-съ и извольте видѣть, что привыкнуть ко всякому положенію можно.

— Можно,—замѣтилъ Старковъ,—только ни ко всему. Вотъ я не могу привыкнуть къ Флейснеру—и шабашъ.

— Привыкнете и вы,—шутливо сказалъ Довбня.—Мало пришлось еще вамъ его глотать, оттого вы такъ и говорите. А наглотаетесь вдосталь—и ничего, обтерпится.

— Ну, нѣтъ! благодарю за предсказаніе,—разсердился Старковъ.—Отъ такихъ привычекъ избави Богъ. Я помню, какъ я въ первый-то разъ отъ него замѣчаніе какое-то проглотилъ. Нужно было мнѣ съ губернаторомъ объясниться, пріѣзжаю—а его нѣтъ, вмѣсто него эта нѣмецкая цаца. И начинаетъ онъ мнѣ вдругъ ни съ того, ни съ сего напѣвать, что «мы, де, вами недовольны», что «общее направленіе вашей дѣятельности не заслуживаетъ одобренія», и пошелъ, и пошелъ. И вотъ повѣрите ли, говорю вамъ по чести,—я вѣдь лебезить передъ нимъ тогда началъ. Ей-ей лебезить! Вѣдь что онъ въ сущности мнѣ? Ничего. Развѣ я долженъ его бояться! Нисколько. Да я, если на то пошло, могу преспокойно отъ всякой службы отказаться, засѣсть себѣ въ своемъ углу и сѣять гречиху. А вотъ подите-жъ,—какое-то подлое чувство зашевелилось, обѣлить себя передъ нимъ захотѣлось.

Старковъ выпилъ залпомъ стаканъ вина.

— Ну, вотъ,—проговорилъ онъ послѣ минутнаго молчанія,—я передъ вами безъ утайки все выложилъ... Теперь вы разрѣшите мнѣ, также безъ всякаго засахариванія,—подлецъ я, или нѣтъ? Могу же я требовать, чтобы мнѣ это сказали прямо, чортъ возьми,—закончилъ онъ, ударивъ кулакомъ по столу и почти со злобой глядя на своихъ собесѣдниковъ.

— Единичнаго случая мало,—сказалъ Подрѣзовъ.—Тутъ надо всю жизнь человѣка прослѣдить.

— Въ сущности,—прервалъ его Довбня,—каждый человѣкъ мерзавецъ. Въ каждомъ хоть на золотникъ мерзости кроется. Ну, а если посмотрѣть съ высшей точки зрѣнія, такъ что золотникъ, что пудъ, право же разницы большой не составляетъ.

Довбня былъ не только юмористъ,—онъ былъ и философъ. Ему

потребовалось не болѣе четверти часа для того, чтобы ниспровергнуть всѣ нравственные принципы. Въ слѣдующія четверть часа Помпееву удалось ихъ снова возстановить; но на помощь Довбнѣ выступилъ Подрѣзовъ и къ семи часамъ вечера отъ основъ морали не оставалось уже ни одного живого мѣста. Въ восьмомъ часу въ отдѣльномъ кабинетѣ черноводскаго клуба рѣшался вопросъ о томъ—есть или нѣтъ душа у человѣка. Около десяти часовъ всѣ существующія формы человѣческаго общежитія были признаны никуда не пригодными. Къ двѣнадцати часамъ послѣ міровыхъ вопросовъ опять появились на сцену анекдоты, причемъ каждый изъ нихъ превосходилъ своею игривостью предыдущій. Часамъ къ двумъ ночи казалось несомнѣннымъ, что нѣтъ на всемъ свѣтѣ другихъ такихъ хорошихъ людей, какъ Подрѣзовъ, Довбня, Старковъ и Помпеевъ и что дружба между ними такъ прочна, что ее не поколебать никакимъ силамъ въ мірѣ.

IV.

На другое утро Подрѣзовъ поднялся рано, хотя у него и болѣла голова послѣ затянувшагося далеко за полночь «завтрака», но онъ обѣщалъ ровно въ 9 часовъ быть у мѣщанки Авдотьи Тимофеевой Колюбакиной, чтобы окончательно покончить съ нею насчетъ вознагражденія за сносъ ея дома. Домишко былъ старенькій, полуразрушенный. Подрѣзовъ съ мѣсяцъ тому назадъ предлагалъ за него Калюбакиной триста рублей,—она просила пятьдесятъ рублей еще накинуть. Онъ рѣшилъ въ умѣ, что если она будетъ упрямиться, то онъ уступитъ ей, чтобы долго не возиться съ этимъ дѣломъ.

Старушка, которая раньше при встрѣчѣ съ Подрѣзовымъ весело съ нимъ шутила, теперь встрѣтила его сухо, почти враждебно.

— Такъ какъ же, почтеннѣйшая Авдотья Тимофеевна?—потирая руки, спросилъ Подрѣзовъ.—На трехъ сотняхъ покончимъ? А?

— Нѣтъ, батюшка! Я такъ думаю, не напрасно ли вы сюда и пріѣхали,—отвѣтила она.

— Ой, какая же вы сердитая, Авдотья Тимофеевна. За этакую-то хибарку вамъ даютъ триста, а вы упрямитесь. Да вы дворецъ себѣ за эти деньги выстроите. Подумайте,—деньги сейчасъ на руки, и дѣлу конецъ! А черезъ коммиссію еще Богъ знаетъ когда получите.

Но старушка на всѣ его заигрыванія упорно отмалчивалась.

— Ну, будь по вашему!—сказалъ онъ наконецъ.—Получайте триста пятьдесятъ и благодарите Господа Бога, что на меня напали, а не на кого-нибудь другого.

— Напрасно вы безпокоить себя изволите,—отрѣзала ему ста-

руха.—Конечно, бѣдную вдову обидѣть не трудно. Извѣстно, дѣло наше сиротское, а только и у насъ найдется кому отъ несправедливости насъ защитить.

— Да я вамъ триста пятьдесятъ предлагаю,—почти уже кричалъ Подрѣзовъ, раскраснѣвшись отъ гнѣва.—Сколько сами вы назначили—понимаете.

— Конечно, по неопытности человѣкъ темный свою пользу не всегда понять можетъ, а только я теперь на это не согласна.

— Да что-жъ вамъ,—три тысячи, что ли, за вашу избушку на курьихъ ножкахъ заплатить прикажете?

Старуха помолчала съ полминуты, какъ будто собираясь съ духомъ, потомъ промолвила:

— Зачѣмъ три тысячи? Люди добрые, спасибо, надоумили, говорятъ и пять тысячъ она стоитъ.

Подрѣзовъ чуть не привскочилъ.

— Да вы съ ума сошли! Пять тысячъ за развалины. Хорошо, отправляйтесь въ коммиссію. Только предупреждаю васъ, что больше полутораста рублей я черезъ коммиссію не заплачу. Поплачете вы тогда у меня.

Подрѣзовъ хлопнулъ дверью и вышелъ на улицу, презрительно пожимая плечами и недоумѣвая, какая муха укусила смиренную мѣщанку Колюбакину. Онъ угадывалъ здѣсь опять чье-то вліяніе, и остановился на предположеніи, что кто-нибудь изъ его враговъ,—которыхъ онъ насчитывалъ у себя достаточное количество,—задался цѣлью ему вредить. Въ дѣйствительности дѣло происходило такъ:

Однажды—въ то время, какъ Подрѣзовъ находился на линіи,—въ избушку Колюбакиной явился полный господинъ, среднихъ лѣтъ, очень франтовато одѣтый, въ яркомъ пунцовомъ галстукѣ, съ перстнями на пухлыхъ пальцахъ. Въ рукахъ онъ держалъ свертокъ, въ которомъ находились полфунта чаю и три фунта сахару. Войдя, онъ прежде всего отыскалъ образа и долго крестился, потомъ передалъ свертокъ съ чаемъ и сахаромъ начинавшей уже недоумѣвать хозяйкѣ и обратился къ ней, нѣсколько театральнымъ тономъ, со слѣдующими словами:

— Благословляйте свою судьбу, Авдотья Тимоѳеевна! Господь посылаетъ вамъ хлѣбъ-соль, и въ моемъ лицѣ защитника отъ несправедливостей желѣзно-дорожной администраціи.

И прежде чѣмъ Колюбакина успѣла опомниться, незнакомецъ объяснилъ ей, что желѣзная дорога строится на милліоны рублей, что она будетъ приносить сотни тысячъ дохода, а потому не должна скупиться изъ-за какихъ-то грошей за отчуждаемыя имущества, тѣмъ

болѣе, что самъ законъ велитъ сдѣлать владѣльцу въ этомъ случаѣ «въ убыткѣ удовольствіе». Если же владѣльцевъ притѣсняютъ, то единственно потому, что агенты видятъ въ этомъ свою выгоду. Но онъ, Иванъ Ивановичъ Крупкинъ, рѣшилъ посвятить свои юридическія знанія и свою опытность защитѣ несправедливо утѣсняемыхъ владѣльцевъ и предлагаетъ ей свои услуги.

Авдотья Тимоѳеевна хотя многое не поняла изъ его рѣчи, однако, быстро сообразила, что можетъ получить за свою избушку больше, чѣмъ предлагаетъ ей агентъ, который, очевидно, хочетъ воспользоваться ея безпомощностью и неопытностью. Крупкинъ между тѣмъ съ замѣчательною ловкостью сталъ выпытывать у нея разныя свѣдѣнія. Оказалось, что она сдаетъ въ своей избушкѣ углы и по сдѣланному Крупкинымъ подсчету доходъ отъ этой операціи можетъ достигать, по крайней мѣрѣ, 15 рублей въ мѣсяцъ. Потомъ искусный допросчикъ узналъ, что нѣкоторые изъ ея жильцовъ столуются у нея и что на этомъ она получаетъ въ мѣсяцъ рублей 5—6 барыша.

— Значитъ, по меньшей мѣрѣ, двадцать рублей въ мѣсяцъ вы имѣли дохода съ вашего имущества. Да сами вы здѣсь живете, ужъ мало-мало надо считать это въ пять рублей въ мѣсяцъ. Значитъ, триста рублей въ годъ одного дохода. И за такое-то имущество предлагать всего триста рублей вознагражденія! Да вѣдь это по капитализаціи дохода шесть тысячъ составляетъ. Понимаете, шесть тысячъ! Ну, примемъ во вниманіе расходы разные, всетаки пять тысячъ. И ни копейки меньше! Ну, разумѣется, вамъ придется мнѣ за хлопоты уступить—скажемъ, половину. Хлопотъ-то вѣдь много, Авдотья Тимоѳеевна, и здѣсь, и въ губерніи, и въ Петербургѣ. На одни разъѣзды сколько пойдетъ; да того, другого умаслить. Я съ васъ дешево беру, Авдотья Тимофеевна, ей-ей дешево, единственно въ уваженіе къ вашему сиротству. И вѣдь всетаки разсчитайте, двѣ ли съ половиною тысячи получить или триста рублей. Разница!

Въ результатѣ этого посѣщенія оказалось, что Ивану Ивановичу Крупкину была выдана полная довѣренность отъ вдовы Колюбакиной на веденіе ея дѣла; кромѣ того, она подписала особое условіе, которымъ уступала въ пользу Крупкина половину того, что ей причитается съ желѣзной дороги. Тутъ же было прибавлено,—единственно, какъ говорилъ Иванъ Ивановичъ, для охраны ея самой отъ поползновеній со стороны агента,—что если она сойдется добровольно съ желѣзною дорогою, помимо своего повѣреннаго, то обязана уплатить ему неустойку въ 2,500 рублей.

Иванъ Ивановичъ Крупкинъ присоединилъ довѣренность и условіе къ довольно объемистой пачкѣ другихъ подобнаго же содержанія до-

кументовъ, хранившихся у него въ портфелѣ, и отправился далѣе, на поиски новыхъ жертвъ, которыхъ онъ могъ бы защитить отъ притѣсненій желѣзно-дорожныхъ агентовъ. Справедливость требуетъ замѣтить, что всѣ тайныя пружины дѣла отчужденія были очень хорошо знакомы Крупкину. Онъ самъ былъ года два агентомъ на одной изъ дорогъ, пока ему не пришлось внезапно оставить это мѣсто. Ходили слухи, что являясь для переговоровъ къ владѣльцамъ, онъ открывалъ нерѣдко на отчуждаемой у нихъ землѣ имъ самимъ неизвѣстныя залежи угля, руды или другихъ ископаемыхъ минеральныхъ богатствъ, за которыя желѣзной дорогѣ приходилось платить баснословныя деньги владѣльцамъ, а тѣ въ свою очередь охотно дѣлились ими съ Иваномъ Ивановичемъ, чувствуя къ нему признательность за подобнаго рода «открытія». Когда Ивана Ивановича «отстранили» отъ обязанностей агента, то онъ, пользуясь тѣмъ, что всѣ, имѣвшіе дѣло съ желѣзною дорогою изъ-за земли, уже знали его, сталъ предлагать имъ свои услуги въ качествѣ повѣреннаго. Сначала дѣлалъ онъ это больше изъ желанія причинить правленію желѣзной дорòги возможно больше хлопотъ и непріятностей. Потомъ, когда онъ нѣсколько успокоился отъ нанесенной ему обиды, онъ долженъ былъ сознаться передъ самимъ собою, что желѣзная дорога сдѣлала для него истинно доброе дѣло, направивъ его на путь, которымъ онъ шелъ теперь. Дѣятельность его все ширилась и разросталась и барыши стали быстро умножаться. На постройку Черноводскъ-Городецкой линіи онъ явился уже не одинъ, а съ помощникомъ, который пріѣхалъ раньше его подготовить почву для его дѣятельности.

Завѣтною мечтою Крупкина было получить въ свои руки дѣло Гляссъ, слухи о которомъ уже дошли до него. Здѣсь чуялось ему богатое поле всякаго рода «открытій», за которыя можно было заставить раскошелиться строителей желѣзной дороги. Вскорѣ послѣ посѣщенія мѣщанки Колюбакиной и нѣсколькихъ другихъ владѣльцевъ, которыхъ онъ причислялъ къ разряду «мелкой рыбёшки», онъ пріѣхалъ къ Аннѣ Григорьевнѣ. На этотъ разъ онъ явился, однако, безъ чаю и сахару и безъ заученнаго привѣтствія. Иванъ Ивановичъ былъ тонкій человѣкъ и понималъ, что не годится одними и тѣми же пріемами дѣйствовать въ разныхъ случаяхъ. Даже личину простоватаго добродушія онъ оставилъ дома, а напустилъ на себя серьезность и торжественность. Немного оплошалъ онъ тѣмъ, что не догадался перемѣнить галстукъ пунцоваго цвѣта на болѣе темный и солидный, это онъ сообразилъ уже тогда, когда, отрекомендовавшись хозяйкѣ, замѣтилъ нѣсколько удивленный взглядъ ея, устремленный на эту

часть его туалета. Но кто же можетъ похвалиться тѣмъ, что онъ застрахованъ отъ подобнаго рода мелкихъ погрѣшностей?

Впрочемъ, Анна Григорьевна такъ сочувственно закивала гостю головой съ первыхъ же его словъ о притѣспеніяхъ, чинимыхъ желѣзною дорогою владѣльцамъ, что Крупкинъ заранѣе поздравилъ себя съ полною побѣдою. Она сейчасъ же велѣла заложить экипажъ, захватила съ собой планъ имѣнія, на которомъ толстою красною чертою было обозначено направленіе желѣзной дороги, и повезла Ивана Ивановича осматривать свои владѣнія. Прежде всего они отправились на скотный дворъ.

— Взгляните, какая чистота! Какой порядокъ!—говорила Анна Григорьевна.—Дарья! что это у тебя тутъ? Это что?—прикрикнула она на скотницу.—Сейчасъ, чтобы у меня было все прибрано. Григорій! выведи «Васеньку». Это мой любимый бычокъ. Посмотрите, какой красавчикъ! Какой породистый! А мои коровы! Право, это такая красота, что можно показывать за деньги. Ахъ, что со всѣмъ этимъ теперь будетъ! что будетъ! Они совсѣмъ хотятъ меня зарѣзать со своею желѣзной дорогой!

Иванъ Ивановичъ, который держалъ въ это время въ рукахъ планъ, видимо, напрягался постичь что-то, и не будучи въ состояніи самъ разрѣшить недоразумѣніе, обратился къ хозяйкѣ.

— Значитъ, они измѣнили первоначальное направленіе линіи и проводятъ ее черезъ усадьбу? Здѣсь, на планѣ, она совсѣмъ въ другой сторонѣ.

— Ахъ, нѣтъ! — съ неудовольствіемъ замѣтила Гляссъ. — Они ведутъ ее такъ, какъ указано на планѣ. Но развѣ это не все равно? Эти свистки! Этотъ вѣчный шумъ паровозовъ! У меня скотъ такой нервный. Я увѣрена, что онъ будетъ съ испугу бросаться подъ поѣзда. И, наконецъ, коровы просто будутъ безпокоиться... Это сейчасъ отзовется на молокѣ. Я не знаю, что будетъ изъ всего этого? Что можетъ сдѣлать беззащитная женщина? Я просто голову теряю...

Крупкинъ сочувственно вздохнулъ, думая въ то же время, что ему не худо поучиться у этой беззащитной женщины, какъ слѣдуетъ вести дѣло съ желѣзною дорогою.

За скотнымъ дворомъ были осмотрѣны другія статьи хозяйства: конюшни, огороды, фруктовый садъ. Вездѣ желѣзная дорога ухитрялась приносить неисчислимые убытки и создавать всевозможныя затрудненія, несмотря на то, что рѣшилась скромно пройти верстахъ въ двухъ отъ усадьбы Гляссъ. Сдѣлавъ обозрѣніе всего хозяйства, полюбовавшись съ самаго возвышеннаго мѣста усадьбы дѣйствительно живописнымъ видомъ, который, по словамъ хозяйки, теперь дол-

женъ пропасть,—«Такъ какъ, какая же красота,—сказала она гостю,—въ паровозахъ и вагонахъ»,—они, наконецъ, добрались до того мѣста, гдѣ производилась постройка. Здѣсь уже Крупкину удалось обнаружить свои преимущества надъ Анной Григорьевной. Онъ остановился около небольшой ямки, находившейся на отчужденной землѣ и, поковыривая въ ней тросточкой, озабоченно спросилъ:

— Это что же такое?

— Глина, — равнодушно отвѣтила Анна Григорьевна. — Мы не знаемъ здѣсь, куда отъ нея дѣваться. Просто наказанье съ ней.

Иванъ Ивановичъ нагнулся, взялъ комочекъ глины, растеръ ее между ладонями и выразительно произнесъ:

— Но вы пользовались ею, какъ строительнымъ матеріаломъ?

— Если нужно, беремъ.

— Но эта яма,—настойчиво продолжалъ Крупкинъ,—эта яма, очевидно, служила для добычи глины. Это ясно.

Онъ опять нагнулся, захватилъ кусочекъ глины и для чего-то попробовалъ ее на языкъ.

— Превосходнаго качества глина! Удивительнаго. И для кирпича пригодна, и для выдѣлки черепицы. Это огромный для васъ ущербъ, что дорога занимаетъ именно это мѣсто. Какіе отсюда можно было извлекать доходы! Поразительно!

Анна Григорьевна приняла къ свѣдѣнію это открытіе, равно какъ и нѣсколько другихъ, сдѣланныхъ Крупкинымъ. Когда они, закончивъ обзоръ, вернулись въ домъ, она, помня, что желѣзною дорогою ей причинено разореніе и что поэтому ей необходимо соблюдать разумную экономію, нашла возможнымъ угостить проголодавшагося гостя только чашкой кофе. Иванъ Ивановичъ, который разсчитывалъ на болѣе существенное подкрѣпленіе своихъ силъ, послѣ четырехчасовой прогулки, рѣшилъ, однако, несмотря на нѣкоторую испытываемую имъ отъ голода слабость, ковать желѣзо, пока горячо, и краснорѣчиво сталъ убѣждать Анну Григорьевну въ выгодности для нея заключить съ нимъ союзъ для веденія дѣла противъ желѣзной дороги. Но когда она услышала, что онъ хочетъ за свои труды четверть всей суммы вознагражденія,—такъ какъ Иванъ Ивановичъ сразу понялъ что на половину она ни за что не согласится,—то она даже поблѣднѣла отъ волненія. По подсчету, который они только что сдѣлали, приходилось получить за землю и за убытки до 200 тысячъ. Значитъ на долю Крупкина должно было придтись почти 50 тысячъ.

— Мнѣ удивительно,—съ неподдѣльнымъ негодованіемъ заявила она,—какъ у васъ языкъ поворачивается предъявлять такія требованія. Это, значитъ, просто отнимать у людей ихъ трудовое достоя-

ніе. Я не имѣю возможности бросать деньги за окошко. Надѣюсь, что сумѣю обойтись и безъ вашей помощи.

Напрасно Крупкинъ, который теперь только понялъ, какую ошибку онъ сдѣлалъ, выложивъ передъ Гляссъ сразу все, чѣмъ можно было воспользоваться, какъ оружіемъ противъ желѣзной дороги, спустилъ свои требованія сначала до 20 потомъ даже до 10 процентовъ. Анна Григорьевна выпроводила его, какъ это дѣлается съ ворвавшимися въ домъ помимо воли хозяина назойливыми посѣтителями, съ холоднымъ достоинствомъ, повторивъ нѣсколько разъ:

— Нѣтъ, ужъ лучше мы это дѣло оставимъ... Это для меня дѣло совсѣмъ не подходящее.

Н. Юрьинъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ЭЛЛЕНЪ ФОНЪ-ДЕРЪ-ВЕЙДЕНЪ *).

Габріэли Рейтеръ.

Дневникъ.

(Переводъ съ нѣмецкаго).

Дождь лилъ, какъ изъ ведра, когда мы пріѣхали. Я выбѣжала наружу, вдыхала влажный воздухъ, упивалась свѣжимъ ароматомъ. Блестящія капельки покрывали мохъ. Розовато-лиловые, крошечные грибки пробивались сквозь серебристо-сѣрые лишаи. Показать бы эти тона Якову. Я долго любовалась ими.

Потомъ отправилась на Юнгфернклиппе. Такъ окрестилъ эту вершину папа. Здѣсь впервые увидалъ меня Фрицъ. Я не могу карабкаться попрежнему: колѣни дрожатъ. Можетъ быть, отъ радости.

Величественно подымаются тяжелыя сосновыя вѣтки; а тамъ, въ вышинѣ покачиваются коричневыя шишки, и вся зелень окутана мелкой серебристой дождевой пылью... Всюду журчаніе, навѣвающій спокойствіе шорохъ... Хочется кричать отъ счастія... кричать во все горло!... Когда я вернулась домой, уже стемнѣло; желтоватый свѣтъ лампы виднѣлся сквозь сердечки ставень. Минетта отперла дверь; за ней, лѣниво позѣвывая, плелся котъ Елли. Она ворчала, какъ всегда, со дней моей ранней юности. Тетушка Леберъ сидѣла на диванѣ за лампой, вытянувъ голову и пристально устремивъ глаза на тонкое вязанье крючкомъ. Папа на рыжемъ кожаномъ креслѣ курилъ трубку. Тези тихо наигрывала: «У колодца близъ воротъ»... Берлинъ представлялся мнѣ далекимъ, безумнымъ сномъ.

Казалось бы, тетушка Леберъ среди однообразной жизни должна была съ жадностью накинуться на берлинскія новости. Но она почти не слушаетъ нашей болтовни, и даже миссіонеръ ее мало интересуетъ. Она, Богъ вѣсть откуда, выкопала неизвѣстный ей раньше дагеротипъ папы, гдѣ онъ изображенъ двадцати-четырех-

---

*) *Русская Мысль*, кн. I, 1902 г.

лѣтнимъ юношей. И старушка вся поглощена мыслью о немъ. Онъ пополняетъ коллекцію, которую собирали много лѣтъ. Въ первый же день тетушка повела меня въ свою комнату, которую мы называемъ «Святая святыхъ тетушки Леберъ»; тамъ висятъ по стѣнамъ за стеклами и въ рамкахъ всѣ ея драгоцѣнности: папинъ локонъ, пожелтѣвшая, высохшая роза, которую онъ далъ ей при первомъ знакомствѣ. Съ робкой, довольной улыбкой открыла она мнѣ свои планы: ей хотѣлось отлитографировать всѣ портреты, подписавъ подъ каждымъ соотвѣтствующее по времени стихотвореніе. Потомъ пустить ихъ въ продажу съ благотворительной цѣлью.

Добрѣйшая тетушка, кто ихъ купитъ? Кто знаетъ и еще помнитъ папу?

Что это,—недостатокъ уваженія съ моей стороны? Я сказала, что по моему лучше оставить портреты въ семьѣ. Она обрадовалась, что я причисляю ее къ нашей семьѣ, и поцѣловала меня.

Совсѣмъ иначе начинаешь смотрѣть на вещи, когда на время покинешь тѣсный кругъ и взглянешь на него со стороны. Я раньше мало думала о тетушкѣ Леберъ. И вдругъ она представилась мнѣ чѣмъ-то незаурядным. Для нея вся романтика, литература, наука, искусство—все воплотилось въ образѣ моего отца. Конечно, она не обладаетъ ни крупнымъ, ни самостоятельнымъ умомъ. Но за много лѣтъ такъ сжилась съ образомъ мыслей отца, что онъ можетъ вести съ ней длинные разговоры, не рискуя наткнуться на враждебное или противорѣчивое мнѣніе.

Теперь аптекарша изъ Кведлинбурга, вся жизнь которой прошла среди большихъ стирокъ и постирушекъ, читаетъ «Исповѣдь» блаженнаго Августина, чтобы слѣдить за работой отца... Безумная страсть бѣдной, смиренной женщины, которую она полжизни, какъ тайный грѣхъ, робко прятала въ глубинѣ души, одержала побѣду надъ почестями, славой, красотой, которыя онъ отвергъ, и помогла ей занять мѣсто послѣдняго друга отшельника.

Что это смѣшно или достойно уваженія?

Пана любитъ Тези такъ же, какъ меня. Пожалуй, даже сильнѣе. Я слишкомъ большая спорщица: у насъ часто происходятъ стычки. Въ первый вечеръ, когда Леберы собрались уходить домой, онъ долго держалъ на прощанье руку Тези въ своей и серьезно глядѣлъ на нее. «Да, да, малютка-Розочка, оставляете насъ стариковъ однихъ»!

Тези вся вспыхнула, слезы выступили у нея на глазахъ. Онъ погладилъ ее по головѣ и на минуту съ большой нѣжностью прижалъ къ плечу.

«Дорогое дитя, это пройдетъ, надо покоряться судьбѣ», — сказалъ онъ спокойно, и мнѣ показалось, что онъ сразу постарѣлъ и осунулся. Онъ, конечно, думалъ обо мнѣ. Ему непріятна была моя свадьба. Но такъ какъ онъ сразу рѣзко воспротивился ей, то только возбудилъ мое упрямство... Если бы отецъ желалъ, чтобы я вышла за Фрица, вѣроятно, я бы этого не сдѣлала.

Ищу въ природѣ красокъ Угланди и не нахожу. Я слишкомъ долго была свидѣтельницей, какъ чахла сказочная, ребяческая, нѣмецкая лѣсная романтика...

Картины Угланди и не изображаютъ природы. Онѣ передаютъ душевное состояніе.

Я почти не бываю дома. Цѣлыми днями гуляю одна. Тези переношу съ трудомъ.

Какъ бы это выразить... все стало не попрежнему.

Я лежу въ травѣ, которую скоро будутъ вторично косить, и смотрю, какъ покачиваясь колышутся вершины деревьевъ.

А сама всетаки остаюсь Элленъ-фонъ-деръ-Вейденъ, не могу попрежнему забыться, всецѣло отдаться природѣ, такъ, чтобы перестать себя чувствовать, быть только частичкой воздуха, теплымъ дуновеніемъ, нѣжнымъ шелестомъ вѣтерка... Чудное, счастливое чувство полнаго самозабвенія утрачено... утрачено... Всетаки запахъ зрѣлой ржи до невѣроятія возбуждаетъ меня. Когда колосья падаютъ подъ мѣрными, торжественными, какъ церковная служба, ударами жнецовъ, мнѣ кажется, что въ сердце вонзается острое оружіе, отъ котораго я погибну въ мученіяхъ, похожихъ на страсть.

. . . . . .

Прежде я чувствовала связь только съ цвѣтами, теперь мнѣ дороги также плоды. Апельсинное дерево, съ тяжело обвисшими вѣтками, трогаетъ меня своимъ бременемъ... А зеленые щитки орѣховъ подъ широкими, издающими горькій ароматъ листьями! Нѣтъ, еслибъ можно было выразить всю тайную сладость и весь ужасъ испытываемыхъ ощущеній... Когда я разбиваю скорлупку, сперва зеленую, потомъ не совсѣмъ еще отвердѣвшую, коричневую и моимъ глазамъ представляется маленькое, бѣлое съежившееся зернышко, находящееся еще въ состояніи развитія, я чувствую, что совершаю святотатство... Но я не могу отказаться отъ удовольствія разбивать плоды и смотрѣть, что происходитъ съ сѣменами. Дрожь пробѣгаетъ по всѣмъ моимъ членамъ...

Чего дѣвушкой я не замѣчала въ природѣ, гдѣ все представлялось

мнѣ формой, цвѣтомъ, ароматомъ и движеніемъ, чего не хотѣла видѣть, что происходитъ сокровенно, то привлекаетъ и манитъ меня теперь. Точно злой волшебникъ подстрекаетъ мое любопытство, разжигаетъ жажду запрещенныхъ наслажденій. Затаивъ дыханіе, подкарауливаю маленькихъ животныхъ и вся дрожу, и пламенѣю, когда пара стрекозъ извиваясь уносится въ пространство.

Сегодня послѣ обѣда я нарядилась старухой, взяла котомку за плечи и пошла просить милостыню у прохожихъ, причемъ разсказала имъ длинную, печальную исторію. Они выворотили свои кошельки, но тамъ нашлось только десять пфенниговъ. Зато они разсыпались въ похвалахъ прелестной, оригинальной старушкѣ, просили проводить ихъ или показать дорогу. Богатые, напыщенные берлинцы. Немало горькихъ истинъ пришлось имъ отъ меня наслушаться и многія попадали въ цѣль. Вдругъ я неожиданно перепрыгнула черезъ канаву, и хохоча, какъ сумасшедшая, скрылась въ кустарникѣ. Они стояли, какъ заколдованные.

Папа, Тези, даже старая Минетта, наблюдавшіе начало исторіи изъ сада, покатились со смѣху, когда я вернулась.

Я становлюсь сама себѣ противна послѣ такихъ глупыхъ выходокъ. Но что-то толкаетъ меня къ нимъ снова.

Черезъ три дня пріѣдетъ за мной Фрицъ. Я страстно желаю его пріѣзда... Но заранѣе знаю: онъ пріѣдетъ—страсть исчезнетъ, и я буду злиться сама и злить его.

Что же это? Мы бросились другъ другу въ объятія, точно перенесли тяжелую разлуку.

А ночью въ моей дѣвичьей комнаткѣ... окно стояло настежь и въ него врывался ароматъ розъ. Потомъ надъ нами что-то зашумѣло, точно крылья взмахнули по воздуху; я испугалась, думала, что влетѣла летучая мышь, и крѣпко прижалась къ нему; онъ шепнулъ мнѣ на ухо: она за нами подсматриваетъ; мы оба хохотали и цѣловались. Потомъ опять прислушивались къ шороху и царапанью; я положила голову ему на сердце и слушала, какъ оно бьется.

Утромъ маленькое, странное животное, все съежившееся и сложенное въ складки, оказалось висящимъ на бѣлой занавѣскѣ. Мы осторожно освободили его и выбросили наружу, гдѣ оно неувѣренно заметалось изъ стороны въ сторону.

Мы пошли съ Фрицемъ гулять по узенькой, едва замѣтной тропинкѣ среди молодыхъ елей. Мнѣ было весело, хотѣлось дѣлать глу-

пости; онъ, къ сожалѣнію, пришелъ уже въ благоразумное настроеніе; по временамъ я взглядывала на него со стороны, и при видѣ его съ достоинствомъ выступающей фигуры стыдилась своего тайнаго желанія, чтобы онъ былъ такъ влюбленъ, что отъ безумной страсти не зналъ, что дѣлаетъ.

Вдругъ, совсѣмъ неожиданно я бросилась ему на шею и укусила за ухо.

Онъ вскрикнулъ и отбросилъ меня, какъ змѣю.

— Ты съ ума сошла, чародѣйка!

Я схватила его въ объятія, сжимала и тормошила отъ всей души.

— Да, да, я съ ума сошла! Ахъ, у тебя на ухѣ капелька крови...

Онъ вынулъ платокъ и отеръ ухо.

— Безуміе... Ты сдѣлала мнѣ больно! Что тебѣ вздумалось! Человѣкъ не долженъ такъ распускаться...

— Хочу распускаться,—вскрикнула я; взмахнула руками, закричала во все горло и бросилась отъ него въ чащу лѣса.

Онъ величественно пошелъ впередъ. Минуту спустя остановился, осмотрѣлся кругомъ; я наблюдала за нимъ съ высоты, спрятавшись за дерево. Онъ, очевидно, ждалъ, что я вернусь; раза два позвалъ меня, но я не вернулась.

Теперь онъ очень сердитъ на тебя, думала я, и была рада. Медленно взбиралась я все выше и выше; вѣдь онъ могъ пойти искать меня, если бы захотѣлъ... Я надѣялась, что онъ придетъ. Въ сущности странствовать по горамъ въ ясное сентябрьское утро было очаровательно; я пѣла и море страстныхъ желаній охватывало меня; я чувствовала, что одинокая страсть—самая прекрасная.

Я вернулась домой, когда папа и Фрицъ собирались съ фонарями идти за мной на поиски. Нельзя сказать, чтобы меня любезно встрѣтили.

Пріѣхалъ миссіонеръ Зивекингъ; Розочка — самая стыдливая, самая прелестная невѣста, какую только можно себѣ представить. Они шепчутся, обнимаются и цѣлуются во всѣхъ уголкахъ.

Фрицъ возмущается.

— Я не могу этого видѣть. Вѣдь мы были приличными женихомъ и невѣстой. Не правда ли, папа?

— Иначе я выбросилъ бы васъ за дверь!—ворчитъ онъ.

Папа въ плохомъ настроеніи духа, золъ и раздраженъ.

— Ревнуетъ,—говоритъ Фрицъ.

— Какъ можно думать такой вздоръ. Передъ моей свадьбой онъ тоже сердился.

— Тогда онъ тоже ревновалъ.

— Ревновать Розочку Леберъ?

— Дитя мое, она хорошенькая, цвѣтущая дѣвушка. Ты воображаешь, что на старика это не дѣйствуетъ?

— Любовь.

— Развѣ любовь это нѣчто пріятное, хорошее? Нѣтъ, любовь злая, мучительная сила, странствующая среди людей и неизлѣчимо заражающая свои жертвы...

Люди смѣются при видѣ ея, дѣлаютъ видъ, что смѣются.

Отецъ... Меня возмущаетъ мысль, что папа, мой великій, благородный, талантливый старый отецъ, можетъ чувствовать что-нибудь, кромѣ отеческой любви къ маленькой, румяненькой Розочкѣ.

Не можетъ быть. Не должно быть.

Постараюсь забыть этотъ вздоръ.

Завтра уѣзжаемъ въ Берлинъ.

По временамъ въ меня точно заползаетъ маленькій, сѣрый страхъ, о которомъ я впередъ знаю, что онъ будетъ расти и увеличиваться, пока не окутаетъ меня сѣрымъ туманомъ,—туманомъ, который способенъ задушить... Неужто я не могу съ нимъ сладить, совсѣмъ не могу?

Хочу любить Фрица.

Хочу быть ему вѣрна!

Вѣрность...

Съ того момента, какъ вѣрность становится добродѣтелью, она мертва. Родилась добродѣтель, но умерла вѣрность.

Я нахожу прямо непристойнымъ быть невѣрной мужу.

Ахъ, если бы Фрицъ читалъ поменьше наставленій.

Въ Берлинъ... Вѣдь есть же люди, которые утверждаютъ, что жить можно только въ Берлинѣ!

Вчера было первое зимнее собраніе у профессора Вегнера. Фрицъ еще за долго заклиналъ меня всѣмъ, что ему дорого: репутаціей, практикой, семьей, вести себя скромно. Я смертельно боялась: не хотѣлось конфузить его, поэтому скромно помѣстилась съ пожилыми дамами, отъ которыхъ наслушалась много добрыхъ совѣтовъ.

Смѣшно!... Начало такого собранія: праздничные наряды дамъ, голыя плечи и руки, торжественный блескъ мужскихъ костюмовъ, люстры, блестящій, какъ зеркало, натертый полъ—все предвѣщаетъ веселый праздникъ, а затѣмъ ничтожные, чопорные разговоры; важные поклоны даже такихъ близкихъ друзей, какъ Фрицъ съ Рих-

теромъ. Послѣдній былъ моимъ сосѣдомъ за столомъ и, по правдѣ сказать, очень пріятнымъ! Я еще не забыла его совѣта Фрицу не позволять женѣ плясать. Поэтому мнѣ нетрудно было быть съ нимъ «сдержанной». Однако, я дала ему почувствовать, что обижена имъ. А когда я даю кому-нибудь это чувствовать, недоразумѣній не остается. Онъ сразу притихъ и задумался.

А послѣ обѣда, о, ужасъ, каждый присутствующій задавалъ мнѣ неизбѣжно одни и тѣ же вопросы. Я отвѣчала всѣмъ вѣжливо, только подъ конецъ силы мои истощились, я забилась въ уголъ, чтобы вволю назѣваться и почти заснула.

Вскорѣ Фрицъ пришелъ за мной, и мы отправились домой. Съ нами вмѣстѣ спускался по лѣстницѣ Рихтеръ; впередъ шли двѣ важныя дамы, изъ которыхъ одна сказала другой: «Незначительная особа и даже не хороша собой... Очевидно, прежде Эрдмансдёрферъ былъ требовательнѣе». Я взглянула на Фрица, вздохнула и спросила:

— Ну, что же, ты доволенъ?

Докторъ Рихтеръ громко расхохотался; дамы испуганно оглянулись и быстро, въ смущеніи поспѣшили сойти въ прихожую.

Я давно ничего не писала. Не хотѣлось. Опротивѣло вѣчное копанье въ собственной душѣ. Часто сама хорошенько не знаешь, въ какой мѣрѣ себя обманываешь.

Увѣрена ли я, что Фрицъ меня еще любитъ?

Люблю ли я его? Дорогъ ли онъ мнѣ, близокъ ли? Насколько онъ сталъ мнѣ безразличенъ, даже антипатиченъ?

Любовь — одно общее понятіе для тысячи различныхъ чувствъ. Сколько неопредѣленныхъ оттѣнковъ охватываетъ оно своимъ покровомъ.

Я убѣждена, что пришла бы въ бѣшенство, если бы кто-нибудь посмѣлъ оклеветать или какъ-нибудь опорочить Фрица. А въ этомъ сказывается скорѣе чувство собственника, чѣмъ любовь. Фрицъ правъ, не слѣдуетъ анализировать своихъ чувствъ.

Надо просто, безъ разсужденій относиться къ своей судьбѣ. Жить равнодушно, какъ во снѣ, изо дня въ день.

Фрицъ умѣетъ такъ жить. У него мало душевныхъ и духовныхъ потребностей. До смѣшного мало для такого умнаго человѣка. Мнѣ бы хотѣлось знать, что̀ играетъ тутъ роль: темпераментъ или самоотреченіе.

Работа въ клиникахъ, хорошій обѣдъ,—онъ придаетъ большое значеніе хорошей ѣдѣ,—вечеромъ—удобное кресло, сигара, медицинскій журналъ или газета, дальше этого не идутъ его желанія, и, не-

смотря на несложность желаній, ему рѣдко приходится пользоваться полнымъ покоемъ. Все потому, что я его жена. Я чувствую, какъ часто онъ вспоминаетъ спокойную холостую жизнь, однообразные вечера въ кнейпѣ.

Мы сдѣлали безчисленное количество визитовъ, получили безчисленное количество приглашеній. Я не могу даже хорошенько припомнить, кто гдѣ хозяинъ и кто кому мужъ и жена.

Сначала мнѣ не хотѣлось бывать въ обществѣ. Фрицу почти пришлось употребить насиліе.

Но такъ какъ визиты нужны въ виду его общественнаго положенія, то...

Теперь все измѣнилось: мнѣ хочется все больше и больше выѣзжать, а Фрицу выѣзды давно уже надоѣли. Мужчины отъ меня безъ ума. Въ чемъ тутъ дѣло? Я не красива, не изящна, платья сидятъ на мнѣ далеко не такъ ловко, какъ на другихъ; мои волосы, которые я по желанію Фрица перестала стричь, походятъ больше на лохматую гриву итальянской пастушки, чѣмъ на дамскую прическу. Несмотря на это... Право, точно отъ меня исходятъ чары и даже злыя чары.

Прапорщики, студенты и тому подобная мелюзга еще куда не шло. Я забавляю ихъ среди салонной скуки, за что они мнѣ безконечно благодарны. То же со стариками. Это понятно. Но совершенно разумныя женщины краснѣютъ и блѣднѣютъ въ моемъ присутствіи, посылаютъ мнѣ цвѣты, дѣлаютъ сцены ревности, когда я къ нимъ не достаточно внимательна. Право, подчасъ даже неудобно быть предметомъ обожанія. Меня это стѣсняетъ и безпокоитъ.

И тѣмъ не менѣе я торжествую, да, торжествую!

Элленъ, Элленъ, Элленъ, что ты за чудовище!

Или ты тутъ ни въ чемъ не повинна?

Кто могъ ожидать!

Рихтеръ избѣгалъ насъ все лѣто, съ того знаменитаго вечера въ Кейзергофѣ. Теперь, когда мы съ нимъ чаще встрѣчаемся въ обществѣ, между нами установилась рѣзкая, злобная пикировка, что очень забавляетъ окружающихъ. Онъ остроуменъ и находчивъ. Я считала его холоднымъ. На меня онъ часто совсѣмъ не обращалъ вниманія. Право, не могла же я предполагать...

Вчера у профессора Мельбрука Рихтеръ спросилъ меня, буду ли я на слѣдующій день дома? Самый официальный визитъ—на-дняхъ онъ былъ у насъ съ другими приглашенными.

Я лежу въ покойномъ креслѣ, съ тупой головной болью; однако,

принимаю Рихтера, такъ какъ думаю, что Фрицъ будетъ доволенъ нашимъ примиреніемъ.

Докторъ молчаливъ и офиціаленъ, но въ голосѣ есть что-то мягкое, чего я раньше не замѣчала.

— Какъ къ вамъ идетъ желтый шелковый платокъ, которымъ вы обвязали голову,—сказалъ онъ неожиданно.

— Я думала, наоборотъ, что мнѣ не слѣдуетъ носить желтаго, такъ какъ я слишкомъ блѣдна.

— Ахъ, нѣтъ! — сказалъ онъ только, и мнѣ вдругъ все стало ясно.

Сердце усиленно забилось, хотя докторъ мнѣ вовсе не нравится. И точно на зло именно въ эту минуту я спросила его, почему онъ у насъ такъ рѣдко бываетъ, какіе находитъ во мнѣ недостатки... Вѣдь прежде онъ былъ другомъ Фрица.

— Въ этомъ главная причина.

Я сдѣлала видъ, что не поняла его.

Меня охватилъ радостный страхъ.

Онъ сидѣлъ прямо, торжественно вытянувшись на стулѣ у ногъ моего кресла. Около на столикѣ стоялъ цилиндръ. На рукахъ были безукоризненной чистоты перчатки. До смѣшного торжественно.

Самодовольный господинчикъ съ закрученными кверху усами... и при этомъ дрожатъ руки, въ глазахъ жалкая мольба.

Я не могла дольше выносить его вида, закрыла глаза и долго лежала молча. Не знала, что сказать, и только шептала: нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ!

Онъ медленно поднялся съ мѣста. Мнѣ стало страшно; я открыла глаза и взглянула на него.

— Вы позволите мнѣ откланяться. Кланяйтесь Фрицу. Я какъ-нибудь зайду къ нему.

Онъ улыбался, какъ человѣкъ, строящій планы въ увѣренности, что не будетъ въ силахъ осуществить ихъ.

Я поднялась и протянула ему руку.

Онъ взялъ ее, точно кусокъ раскаленнаго желѣза и осторожно поднесъ къ губамъ.

— Я зайду какъ-нибудь,—сказалъ онъ еще разъ, серьезно поглядѣлъ на меня и вышелъ.

Все лѣто и осень я ни разу не вспомнила о Рихтерѣ. Между тѣмъ, онъ тосковалъ и терзался... это ужасно. Человѣку самолюбивому, какъ Рихтеръ, должно быть мучительно сознаніе, что мнѣ все извѣстно.

А я не могла успокоиться, пока не узнала его тайны.

Когда оглянусь назадъ и подумаю, какъ меня обижало его нежеланіе обратить на меня вниманіе... *нежеланіе!* Я это чувствовала. Я подкарауливала его сокровенную тайну и подстрекала его чувство... Да, подстрекала!

Я знаю, что не люблю и никогда не полюблю Рихтера. Фрицъ, независимо отъ того, что онъ мой мужъ, мнѣ гораздо болѣе нравится.

И однако, не встрѣтивъ сегодня у Гладнеровъ Рихтера, я огорчилась.

Чего я отъ него хочу? Онъ мнѣ антипатиченъ. Говорю это по чести.

Теперь я должна записать нѣчто ужасное:

Я хочу, чтобы онъ еще разъ поцѣловалъ мнѣ руку такъ, какъ въ послѣдній разъ.

Я хожу по комнатамъ, какъ преступница,—сама себѣ противна и отвратительна.

Просила Фрица прекратить выѣзды. Надоѣло трепаться.

Хотѣлось бы куда-нибудь уѣхать, далеко, далеко, сама не знаю куда.

Говори правду, Элленъ. Напиши все и посмотри, какой видъ имѣетъ написанное.

Я встрѣтила на улицѣ Рихтера и, увидавъ его, стянула съ руки въ муфтѣ перчатку.

Да, милѣйшая Элленъ, ты это сдѣлала.

Онъ проводилъ меня до нашей квартиры, говорилъ умно и развязно. Я держала руку въ муфтѣ. Спросила, не зайдетъ ли онъ къ намъ выпить чашку чаю.

Онъ отказался, вошелъ однако со мной въ сѣни и поднялся на лѣстницу.

Потомъ простился; я подала ему руку, которая окоченѣла отъ холоду.

А онъ снова поцѣловалъ ее такъ осторожно, точно кусокъ раскаленнаго желѣза.

— Какая бѣлая рука. Вы отморозите пальцы, если не будете носить перчатокъ,—сказалъ онъ и потеръ ее слегка между своими огромными лапами.

Мы взглянули другъ на друга и разсмѣялись.

Потомъ онъ внимательно поглядѣлъ на мою руку; я хотѣла отнять ее.

— Знаете,—сказалъ онъ,—у васъ руки совсѣмъ иного характера, чѣмъ лицо. Руки внушаютъ мнѣ довѣріе; лица я боюсь.

— Вы очень любезны, докторъ Рихтеръ.

— Да, да, я боюсь вашего взгляда. А я совсѣмъ не трусъ.

Затѣмъ прибавилъ:

— Вы недолго будете счастливой женщиной.

Зачѣмъ было говорить мнѣ это? Я злобно разсмѣялась и ушла отъ него. Я рада, что поборола себя.

Онъ плохой человѣкъ, и плохой другъ...

Фрицъ ревновалъ меня къ бѣднягѣ Якову... Онъ и теперь все время въ состояніи недовольства, только не знаетъ, на чемъ его сконцентрировать.

Утромъ, здороваясь, я никогда не бываю увѣрена, что онъ отвѣтитъ мнѣ. Потомъ онъ начинаетъ ходить около меня; я вижу, что ему совѣстно...

Недавно, послѣ того какъ онъ въ теченіе цѣлаго дня не удостоилъ меня разговора, я съ яростью оттолкнула его отъ себя прочь, въ одной рубашкѣ выбѣжала изъ комнаты и заперлась въ своемъ кабинетѣ. Ночью я дрожала отъ холода, укрывшись маленькимъ ножнымъ покрываломъ. Въ результатѣ—кашель, насморкъ, лихорадка.

Я думаю, Фрицъ съ удовольствіемъ отколотилъ бы меня. Снова нѣсколько подходовъ съ его стороны.

— Не желаю!—закричала я.—Слышишь ли? Не желаю! Ты меня оскорбляешь, и я тебя ненавижу; а человѣку, котораго ненавидишь, нельзя ни въ чемъ уступать.

— Знаешь ли, Элленъ, что ты сама ежедневно оскорбляешь мой вкусъ, мои чувства!

Его оскорбляетъ мое безумное тщеславіе, страсть по удовольствіямъ! Наружность, выдѣляющая меня среди общества. Оригинальность, по его мнѣнію, тожественная съ сумасшествіемъ.

Его оскорбляетъ, что меня приглашаютъ изъ любопытства поглядѣть на мои дурачества...

Наконецъ, онъ договорился: въ эту зиму я не буду больше выѣзжать, потому что надо беречь здоровье.

Какой вздоръ! Беречь здоровье: зачѣмъ? Я желала бы совсѣмъ погибнуть.

Я проходила послѣ обѣда мимо церкви, гдѣ шла служба. Зашла, сѣла въ уголокъ; точно неясный шумъ, долетали до меня слова пастора. Пробовала молиться. И плакала, плакала безъ конца.

— Господь, Спаситель! Зачѣмъ отошелъ ты такъ далеко отъ меня?

Зачѣмъ допускаешь злыя силы, которыхъ я боюсь, овладѣвать мною?

Почему не даруешь мнѣ того, чего страстно жаждетъ мое сердце, что очиститъ и освятитъ меня?

Точно откровеніе донеслось до меня изъ мрачныхъ сводовъ:

— Молчи и смиряйся!

Ничего не желать болѣе. Быть сосудомъ Божьей благодати! Цвѣткомъ, открывающимъ чашечку, чтобы воспринять ночную росу.

На душѣ стало такъ чудно, такъ тихо и спокойно. Точно я оправилась отъ тяжкой болѣзни.

Погруженная въ мечты, пошла я домой. Я мечтала объ одномъ; но эти мечты такъ сильно захватили меня, что несли точно на крыльяхъ. Я поднялась отъ земли; меня ничто не держало.

Я была совсѣмъ одна и мнѣ было такъ пріятно.

Фрицъ долго оставался въ клиникахъ.

Когда онъ вернулся, я заботливо отнеслась къ нему, что онъ особенно любитъ.

Онъ замѣтилъ во мнѣ перемѣну, но не подалъ вида, и долго молча сидѣлъ усталый около камина.

Я готова была встать передъ нимъ на колѣни, положить къ нему голову и умолять, чтобы онъ прижалъ меня къ сердцу.

Мнѣ кажется, онъ понялъ меня.

Во мнѣ явилась глубокая увѣренность, что желаемое совершится.

Бракъ и любовь двѣ совершенно разныя вещи. Имъ нѣтъ другъ до друга дѣла. Это громадное заблужденіе, отъ котораго мы страдаемъ. Я думаю, что могу стать хорошей женой Фрицу. Изъ желанія осуществить бракъ.

Угланди выставилъ новыя картины. Я ихъ не видала. Принудила себя не смотрѣть ихъ. Мнѣ пріятно, что я поборола эту силу. Глубокій смыслъ заключается въ изреченіи: блаженны нищіе духомъ, ибо ихъ есть царствіе небесное. А сколько блаженства въ подавленіи собственнаго духа.

Я желала бы, я бы могла пригнуться еще ниже и совсѣмъ лежать во прахѣ.

Вчера я сняла съ Фрица сапоги; это было для меня такимъ дорогимъ символомъ. Онъ, повидимому, сначала смутился, но былъ очень доволенъ; потомъ вытянулся, какъ паша. Вотъ опять проклятая критика.

Я каждое воскресенье приглашаю Поля и Берту къ обѣду и говорю съ Бертой о хозяйствѣ. Смирись, смирись, непокорное сердце. Мужъ Берты счастливъ; нечего тебѣ топорщиться.

Въ послѣдній разъ она нашла у меня на рабочемъ столикѣ «Pensées»—Паскаля. Перелистовала. Я наблюдала за ней.

— Ты хочешь насъ увѣрить, Элленъ, что читаешь такія серьезныя книги?—разсмѣялась она своимъ пронзительнымъ голосомъ, который раздражаетъ меня до боли.

— Я надѣялась такимъ путемъ выиграть въ твоемъ мнѣніи.— язвительно отвѣтила я.

— Передо мной можешь не выдѣлывать такихъ фокусовъ...— Братья имѣютъ много общаго. Только у Фрица все утонченнѣе. Такъ что на первый взглядъ онъ кажется совсѣмъ инымъ. Когда же видишь его вмѣстѣ съ Павломъ, то иллюзія пропадаетъ.

Оба они превосходные, строго относящіеся къ своему долгу люди.

Я живу въ какомъ-то оцѣпенѣніи. Лучше всего чувствую себя во время сна. Безмѣрная усталость точно покровомъ окутываетъ мой духъ и мои ощущенія, и мнѣ это пріятно.

Короткіе дни, темныя утра, дождь и туманъ, туманъ и дождь...

Я охотно брожу въ сумеркахъ по улицамъ, которыя кажутся тогда безконечно длинными и точно погружающимися въ сѣрый, готовый поглотить насъ хаосъ. На площади, около гавани, гдѣ точно призраки высятся въ туманѣ подъемныя машины и медленно покачиваются на водѣ пароходы, я могу безконечно долго стоять и смотрѣть, какъ дрожащій свѣтъ фонарей отражается въ темной водѣ. Но послѣ этого я возвращаюсь домой съ еще большей тоской на сердцѣ, съ такой давящей тоской, что едва въ состояніи подняться на лѣстницу.

Зачѣмъ мы живемъ? Зачѣмъ?

А страхъ все растетъ. Неопредѣленный страхъ, что я ухожу дальше и дальше отъ *своей* жизни и не въ состояніи ничего измѣнить.

Ужасъ передъ сознаніемъ, что можешь умереть, не найдя собственнаго назначенія, не понявъ, чего требовала твоя натура, чего она жаждала, къ чему рвалась и чего не достигла.

Развѣ я совершила что-нибудь ужасное? Не знаю; право, не знаю...

Я почти бросилась на шею Якову Зивекингу, когда онъ въ своемъ длинномъ пальто появился въ дверяхъ.

— Развѣ вы на самомъ дѣлѣ такъ мнѣ рады?—спросилъ онъ въ

изумленіи.—Я думалъ, что вы знать меня больше не хотите. Вамъ послѣднее время всегда было не до меня.

— Ахъ, Яковъ, не говорите глупостей!

Мы принялись болтать и смѣяться, какъ школьники, всякому вздору, въ которомъ въ сущности не было ничего смѣшного.

Онъ принесъ мнѣ молоденькаго птенчика, нарисованнаго на клочкѣ бумаги. Маленькаго, голаго, безпомощнаго птенца съ огромной головой. Одинъ глазъ съ полузакрытымъ вѣкомъ выражалъ такое утомленіе, такую безнадежную тоску, а около клюва лежали глубокія горькія складки. Невообразимо комично, но въ то же время и трогательно. Какъ я люблю такія вещи!

Въ концѣ-концовъ я купила у него рисунокъ. Выложила ему всѣ хозяйственныя сбереженія. Онъ былъ въ восторгѣ.

— Значитъ, вечеромъ могу идти въ кафе. Увижу тамъ Угланди. Онъ сидитъ всегда съ Дёрнеромъ и Шеребекомъ возлѣ нашего столика. Знаменитая троица!

У меня похолодѣли руки и запылала голова. Но Богъ свидѣтель, я ни о чемъ не думала, ничего не желала.

— Съ нами они не разговариваютъ,—продолжалъ Яковъ, мы въ ихъ глазахъ только зеленая молодежь.

Я стала просить Якова взять меня съ собой: доказывала, что онъ не можетъ помѣшать мнѣ пойти ужинать въ кафе. Что, въ случаѣ его отказа, я пойду одна.

Дорогой въ конкѣ Яковъ вдругъ спросилъ меня:

— Не будетъ вашъ мужъ безпокоиться? Онъ вѣдь не знаетъ, куда вы ушли.

Тогда на меня напалъ вдругъ страхъ и въ то же время злобная ярость противъ Фрица. Мнѣ пріятно было сознавать, что онъ станетъ безпокоиться.

А вѣдь онъ никогда не дѣлалъ мнѣ ничего дурного. Почему же я думала о немъ съ такимъ злобнымъ отвращеніемъ?

Я ненавидѣла его, потому что мысль о немъ отравляла мнѣ чистую радость свиданія съ Угланди.

Мы долго ждали. Почти до десяти часовъ. Яковъ заказалъ какую-то ѣду и съ гордостью расплатился деньгами, которыя получилъ отъ меня. Мнѣ кажется, я слишкомъ много болтала съ двумя его пріятелями, хотя теперь ровно ничего не помню.

Шеребекъ и Дёрнеръ долго сидѣли одни. Я знала нѣсколько стихотвореній Шеребека,—удивительныя вещи!

Онъ не великъ ростомъ и очень непропорціонально сложенъ, съ

огромными ушами, возбужденнымъ, болѣзненнымъ лицомъ. Дёрнеръ худой, нескладный, одѣтъ по модѣ 1830 года.

Понятно, что они обратили на насъ вниманіе и стали перешептываться на нашъ счетъ. Шеребекъ наблюдалъ за мной, а я... Да, Фрицъ, ты правъ, тысячу разъ правъ, я безсовѣстная кокетка. Не могу отвыкнуть; впрочемъ, я сознаю свою вину только тогда, когда дѣло уже сдѣлано.

Все путалось и сплеталось: мучительно-счастливое ожиданіе, какой-то дурманъ въ головѣ. Я громко и безъ стѣсненія говорила о стихахъ Шеребека, точно не подозрѣвала, что онъ сидитъ здѣсь бокъ-о-бокъ, касаясь локтемъ моего стула.

Критиковала его, бранила, насмѣхалась, давая всетаки понять, что по существу цѣню его поэзію... Яковъ и его пріятели ликовали.

Наконецъ, мѣра терпѣнія Шеребека переполнилась; онъ подошелъ къ нашему столу и попросилъ огня; я зажгла спичку, подержала, пока онъ закуритъ, и расхохоталась ему въ лицо.

Весь столъ подхватилъ, и самъ Шеребекъ засмѣялся.

Онъ хотѣлъ поцѣловать мнѣ руку, но въ эту минуту появился Угланди. Какое разочарованіе. Мрачный, угрюмый взглядъ, болѣзненное лицо, съ рубцомъ вдоль щеки, исказившимъ всю физіономію. Ротъ у него безобразенъ, какъ у негра.

Онъ стоялъ противъ меня, у противоположной стороны стола, за Яковомъ Зивекингомъ, съ равнодушіемъ глядя на наше веселье, затѣмъ, не поклонившись Шеребеку, присѣлъ къ Дёрнеру за сосѣдній столъ; тотъ что-то пошепталъ ему на ухо, но не получилъ отвѣта.

Пиво, которое кельнеръ поставилъ передъ нимъ, оставалось нетронутымъ. Всѣ вдругъ притихли, точно подавленные его присутствіемъ. Одинъ изъ друзей Якова уступилъ возлѣ меня мѣсто Шеребеку, который крикнулъ Угланди:

— Меня здѣсь такъ разнесли, что приходится защищаться!

— По-моему, защищаться отъ критиковъ неблаговидно,—кольнула его я.

Угланди сдѣлалъ неопредѣленный жестъ рукой, означавшій, что онъ отпускаетъ Шеребека, но съ своей стороны не желаетъ принимать участія въ разговорѣ. Онъ скрестилъ руки и молча уставился въ землю.

Меня точно ужалило; въ горлѣ давило, къ глазамъ подступали слезы.

Только всего, только...

«Мой другъ Угланди», не разъ противно подчеркивалъ Шеребекъ. «Мой другъ Угланди» не въ духѣ и тогда съ нимъ ничего не

сдѣлаешь. Онъ замѣтилъ это съ перваго взгляда. Для того, чтобы замѣтить, что Угланди не въ духѣ, не нужно было особенной проницательности: это могъ замѣтить каждый ребенокъ.

— Вамъ нравятся его картины, сударыня?—спросилъ Шеребекъ.

— Я ихъ почти не знаю,—солгала я.—Онѣ не производятъ на меня особаго впечатлѣнія.

Этого Шеребекъ не могъ постигнуть. Онъ продекламировалъ вполголоса стихи, написанные «Къ дѣвушкѣ съ цвѣткомъ».

Къ моей дѣвушкѣ съ цвѣткомъ.

Я не могла больше владѣть собой, слезы хлынули изъ глазъ; я опустила голову, закрыла лицо руками, чтобы онъ не видалъ моихъ слезъ.

Потомъ быстро вскочила, позвала Якова, объявивъ ему, что пора домой, и стремительно выбѣжала на улицу.

Яковъ запыхавшись догналъ меня; ему пришлось еще расплачиваться.

— Что съ вами? Кто васъ обидѣлъ?

Я качала головой.

Весь обратный путь мы не говорили ни слова.

Фрица еще не было дома. Онъ заходилъ безъ меня домой и перемѣнилъ сюртукъ. Я замѣтила это, ложась въ постель.

Онъ не спросилъ, гдѣ я была.

Конечно, я имѣла намѣреніе разсказать ему все. Но если онъ не спрашиваетъ, такъ и я буду молчать.

Всего только, только и всего...

Я видѣла Угланди; а жизнь идетъ своимъ чередомъ, сегодня какъ вчера, завтра какъ сегодня.

. . . . . .

Докторъ Рихтеръ отправляется въ Бомбей, изучать чуму.

Фрицъ сообщилъ мнѣ эту новость.

Въ Бомбей, прямымъ трактомъ въ объятія смерти...

«Честолюбіе заѣло человѣка», хладнокровно говоритъ Фрицъ. Честолюбіе?

Я всегда считала Рихтера непритязательнымъ человѣкомъ. Если бы можно было до его отъѣзда попросить у него прощенія!

Фрицъ старался убѣдить меня, что Рихтеръ всегда добивался карьеры. А чума теперь пунктъ помѣшательства всѣхъ профессоровъ.

Шеребекъ прислалъ мнѣ свои стихотворенія.

Они носятъ общее заглавіе: «Воскресеніе».

Я отыскала «Дѣвушку съ цвѣткомъ».

Въ этомъ стихотвореніи есть что-то,—частичка чуднаго образа.

«Человѣку» написалъ онъ на заглавномъ листѣ.

Можетъ ли дѣйствительно искусство, чистое искусство воскресить человѣка?

Не знаю. Ничего не знаю.

Много ли среди насъ такихъ, которые плодотворно служатъ искусству?

Я страстно стремилась къ нему, страстно...

Можетъ быть, лучше заглушить въ себѣ эту страсть?

Можетъ быть, въ рубищѣ своихъ идеаловъ, колѣнопреклоненно, съ мольбою стать у трона Творца жизней?

Какъ глубоко должна я смириться, чтобы мольба моя была услышана?

Рихтеръ уѣхалъ. Не прощаясь. Онъ не пытался увидать меня еще разъ.

Если его гнало честолюбіе, какъ примирится въ душѣ его великое съ мелкимъ? Умри онъ, и онъ погибнетъ для человѣчества, но въ немъ воскреснетъ великое; возвратись назадъ, и мелкое одержитъ побѣду: онъ получитъ хорошее мѣсто на бактеріологической станціи...

Я бы желала, чтобы онъ умеръ. Серьезно,—желала бы этого ради него.

Я уже чувствую значительное душевное спокойствіе оттого, что Рихтера нѣтъ въ Берлинѣ.

Онъ былъ мнѣ не по душѣ. Фрицъ зналъ это и не желалъ, чтобы Рихтеръ часто бывалъ у насъ. Кромѣ того, ему казалось, что Рихтеръ не одобрялъ его женитьбы на мнѣ и находилъ меня смѣшной.

Рихтеръ былъ единственный человѣкъ, къ которому Фрицъ не ревновалъ меня.

. . . . . .

Право, я люблю Якова Зивекинга. Шеребекъ до безумія интересуетъ меня.

А Угланди?

У меня все время такое чувство, точно они совсѣмъ изъ другого міра, чѣмъ тотъ, гдѣ я живу. Сколько бы мыслей и восторговъ я имъ ни отдавала, я этимъ ничего не отымаю у Фрица.

Одинъ только Рихтеръ пробуждалъ во мнѣ дурное, опасное... нечистое! И если бы Рихтеръ остался здѣсь, онъ вторгся бы въ мою семейную жизнь... Мы оба знали это прекрасно. Но я бы никогда не

полюбила его... я бы почувствовала къ нему отвращеніе, возненавидѣла его.

Мнѣ хочется, чтобы онъ умеръ ужасной смертью. Да, я этого желаю. Ради самой себя.

Точно это можетъ служить мнѣ искупленіемъ.

Несчастное чудовище!

Почему я сама не иду ухаживать за чумными?

Покаянное паломничество, стояніе цѣлыми ночами на голыхъ каменныхъ плитахъ въ церкви, бичеваніе до крови—все это имѣетъ глубокій смыслъ... Вернуться къ прежнему, сбросить съ души тяжелое бремя... Почувствовать себя чистой и свободной.

Я спросила Фрица:

— Что бы ты сдѣлалъ, если бы узналъ, что въ меня влюбленъ другой?

— Порадовался бы, что у него такой прекрасный вкусъ.

— И предоставилъ женѣ самой справляться съ его страстью?

— Страсть! Что за вздоръ. Чего вы женщины только не вообразите. Теперешнимъ мужчинамъ страсть незнакома. Ты не можешь себѣ представить, какъ они относятся къ такого рода вещамъ. Гдѣ имъ дѣло не съ руки, тамъ они сумѣютъ уберечь себя отъ страсти.

— Фуй, Фрицъ, что ты говоришь.

— Я хотѣлъ внести нѣкоторую трезвость въ твои сужденія о людяхъ. Впрочемъ, пользуясь удобнымъ случаемъ, долженъ заявить тебѣ, что я бы шутокъ надъ собой не потерпѣлъ.

— Ты въ одномъ сужденіи трижды противорѣчишь себѣ. Сначала за хорошій вкусъ пожелалъ счастія тому, кто меня любитъ; потомъ принялъ торжественный тонъ, точно деревенскій школьный учитель, заставшій въ фруктовомъ саду ребятишекъ. Я удивляюсь, что ты не преподнесъ мнѣ розги. Хорошенькой, въ пестренькихъ бумажныхъ бантикахъ, какія продаются передъ Рождествомъ на улицахъ. Я думаю, старинные рыцари всегда имѣли про запасъ розги и слегка родительски постегивали ими женъ въ воскресенье передъ обѣдней.

— Да, очень жаль, что этотъ обычай отошелъ въ вѣчность,— серьезно замѣтилъ Фрицъ.—Нервныя клиники далеко не такъ заполнялись бы паціентками, если бы розги существовали до настоящаго времени.

Изумительные разговоры. Люди шутятъ другъ съ другомъ, но въ каждомъ словѣ чувствуется скрытый ядъ и тайная злоба.

Я шла внизъ по каналу до того мѣста, гдѣ онъ близъ шлюзовъ становится пустыннымъ.

Въ воздухѣ носился рѣдкій, холодный, сѣрый туманъ; картина была давящая, мрачная; точно не настоящая природа; вода неподвижно стояла въ каменномъ ложѣ, темная, какъ растопленное желѣзо; точно свинцовая крышка, надвинулось на нее небо. Деревья изъ темной бронзы, монументальныя, точно вылитыя въ одну форму, въ безконечномъ однообразіи стояли вдоль рѣки. Немного снѣгу только рѣзче оттѣняло сплетеніе вѣтвей.

Мертвый пейзажъ, гдѣ ѣдутъ экипажи, спѣшатъ люди, точно заблудившіеся въ непривѣтливомъ, враждебномъ царствѣ, откуда въ страхѣ торопятся спастись.

Я шла все дальше, погружалась все глубже въ мракъ мертвой страны, пока осталась совсѣмъ одна и почувствовала на себѣ ея мертвенное величіе.

Вдалекѣ отъ меня, на мосту стоялъ человѣкъ и также смотрѣлъ на оцѣпенѣвшую воду, которая безконечно тянулась среди однообразныхъ бронзовыхъ деревьевъ...

Я долго не обращала на него вниманія. Вдругъ онъ повернулся и взглянулъ на меня. Я узнала Угланди. Что-то подавленное, утомленное, безнадежное выражало его лицо и вся фигура.

Гдѣ великій художникъ, гдѣ волшебникъ яркихъ тоновъ? Гдѣ побѣдитель? Передо мной стоялъ человѣкъ, задавленный тяжелой судьбой.

Я ощутила въ душѣ глубокое благоговѣніе и смиреніе.

Мы оба собрались уходить. Я осталась позади, а онъ медленно, съ опущенной головой, пошелъ впередъ; долго виднѣлась его фигура въ сѣромъ, холодномъ туманѣ.

Я послала папѣ стихотворенія Шеребека. Случилось чудо: папа призналъ одного изъ «молодыхъ».

«Чистая лирика, иногда безформенная, но полная чутья къ оттѣнкамъ языка и т. п.». Онъ даже написалъ Шеребеку. Тотъ пришелъ съ письмомъ ко мнѣ. Мы провели вмѣстѣ нѣсколько пріятныхъ часовъ. Переговорили и поспорили о многомъ. Онъ умный человѣкъ. Это не подлежитъ сомнѣнію.

Если бы только на немъ не лежало такого рѣзкаго отпечатка бѣдности. Это не деревенскій пастушенокъ или мальчишка, а столичный пролетарій. Что просто ужасно. Его платье вноситъ запахъ непровѣтренныхъ комнатъ. Руки холодны и влажны. Я подаю ему руку съ нѣкоторой геройской отвагой.

Сегодня послѣ обѣда случилось нѣчто необычайное. Я стояла среди комнаты и что-то дѣлала, не помню хорошенько что. Вдругъ яркій лучъ упалъ на обои, проникъ въ самую отдаленную, мрачную комнату и заигралъ у меня на рукахъ. Солнце. Дни, недѣли не показывалось оно къ намъ. Слабое, блѣдное, болѣзненное солнце, окруженное молочнымъ, туманнымъ облакомъ.

Но я чуть не вскрикнула отъ радости. Схватила шляпу и пальто и выбѣжала на улицу.

Несмотря на уличную грязь, въ воздухѣ носилось дуновеніе весны—вѣяло благодатнымъ тепломъ. Что-то рано.

Всѣмъ извѣстно, что это сладкое, кратковременное заблужденіе. Но я всетаки съ наслажденіемъ отдалась этому сладкому, кратковременному заблужденію. На улицу толпами высыпали ребятишки, точно фіалки на весеннемъ лугу. Въ толстыхъ пальто, теплыхъ гамашахъ и калошахъ прыгали они по грязнымъ, полузамерзшимъ лужамъ. А самые очаровательные малыши, важно развалившись въ колясочкахъ, глупенькими, блаженными глазенками посматривали кругомъ.

Я не могла больше выносить этого зрѣлища; пошла домой и долго, горько рыдала.

Фрицъ засталъ меня въ слезахъ; былъ ласковъ и нѣженъ, приводилъ мнѣ тысячу медицинскихъ доводовъ, что я не имѣю основанія отчаиваться, что мы только годъ женаты, что весной мнѣ надо для подкрѣпленія здоровья съѣздить на желѣзистыя купанья.

Правда, я смѣшна съ моимъ глупымъ нетерпѣніемъ.

Я боюсь, боюсь самой себя.

Потомъ мы дружелюбно сидѣли вмѣстѣ, какъ давно не случалось. Фрицъ разсказывалъ мнѣ эпизоды изъ клинической жизни: признакъ большого довѣрія, что я всегда очень цѣню. Все шло мирно и спокойно. Вдругъ онъ спросилъ меня, гдѣ я была на-дняхъ вечеромъ.

Я знаю, чего стоилъ ему этотъ вопросъ. Я съ радостью подробно описала ему весь вечеръ; смѣялась надъ собой, Шеребекомъ и Угланди; разсказала, что Угланди не обратилъ на меня ни малѣйшаго вниманія.

Фрицъ раза два покачалъ головой и грустно улыбнулся. Его покашливаніе—вѣрный признакъ, что разсказъ ему не по душѣ.

Подъ конецъ онъ пытливо взглянулъ на меня и сухо спросилъ:

— Ну, теперь-то, наконецъ, твоя душенька спокойна? или Шеребекъ только замѣстилъ въ твоемъ сердцѣ Угланди?

Я опѣшила. Предлагается вопросъ благодушно или въ немъ звучитъ тѣнь подозрѣнія?

Мнѣ стало мучительно грустно. Точно я совершила измѣну—только не по отношенію къ Фрицу.

Вѣчно такъ кончается. Мы осторожно, бережно приближаемся другъ къ другу и оказываемся дальше, чѣмъ были.

Несмотря на всѣ благія намѣренія, я опять въ самой срединѣ водоворота. На этотъ разъ всему причиной Ли фонъ-Штольпе. Она явилась ко мнѣ въ качествѣ представительницы благотворительнаго общества, чтобы пригласить участвовать на базарѣ въ пользу родовспомогательнаго заведенія. Нѣчто совсѣмъ необычайное. Наполовину базаръ, наполовину художественный праздникъ. Подъ покровительствомъ императрицы, при участіи высшей аристократіи. Фрицъ увидалъ, какъ мое лицо запылало отъ радости и довольно благодушно далъ согласіе.

Я веселилась, какъ никогда въ жизни. И если бы вздумала отрицать это, то сказала бы неправду.

Опять и опять спрашиваю себя, что во мнѣ нравилось людямъ? То ли, что среди утонченной красоты и изящества, я рѣшилась, не конкурируя съ восточными женщинами, кельнершами въ костюмахъ рококо и фешенебельными крестьянками, отбросивъ въ сторону честолюбіе, явиться просто въ видѣ настоящей, старой, ярмарочной торговки?

Во всякомъ случаѣ я чувствовала себя превосходно въ своемъ неизящномъ костюмѣ. А когда я начинаю чувствовать власть надъ людьми, то пьянѣю, становлюсь совсѣмъ безумной. Меня точно что-то толкаетъ во всѣ стороны.

Въ моей лавкѣ скоро не осталось ни одной вещички. Колоссальныя суммы выманила я у публики. Мой уголокъ осаждали со всѣхъ сторонъ, чтобы посмотрѣть на мои фокусы и послушать шутки. Теперь, когда вспоминаю все, остроты представляются мнѣ довольно плоскими. Но высокопоставленныя лица смѣялись такъ, какъ имъ по этикету не полагается. Мнѣ удалось даже разсмѣшить Угланди. И какъ еще!

...Звонятъ.

Вчера цѣлый день не умолкали звонки. Люди буквально наводняютъ нашъ домъ...

. . . . . .

Право, можно умереть со смѣху. Смѣшно и глупо, какъ я сразу сдѣлалась знаменитостью! Не написала книги, не нарисовала картины, не взяла верхняго до, даже не вышла замужъ за милліонера, а знаменитость.

Бѣдный Фрицъ... онъ не знаетъ, считать ли ему себя польщеннымъ или обиженнымъ.

Не можетъ же онъ отказать отъ дому старымъ графинямъ и подобнаго рода людямъ, если они пріѣзжаютъ ко мнѣ съ любезнымъ приглашеніемъ бывать у нихъ.

— Я вижу, что тебѣ это необходимо,—смиренно говоритъ онъ.

Дѣвушкой я въ этомъ не нуждалась. Жила себѣ одна-одинешенька.

Каждый новый день былъ полонъ новыхъ приключеній, созданныхъ моей фантазіей; я витала по лѣсамъ и лугамъ, подобно женщинѣ-рыцарю у Аріосто.

Кто могъ помѣшать моимъ мечтамъ, свободно, какъ хищная птица, набрасывавшимся на добычу?

Въ бракѣ даже мечты становятся грѣхомъ...

Берта упрекаетъ меня въ «заискиваньѣ» и подпускаетъ шпильки насчетъ «аристократическихъ знакомствъ».

Она находитъ, что во мнѣ сказывается аристократка...

«Наше дворянство такъ глупо, что кичится своими гербами!»— говоритъ она.

А я, правда, очень любила свою дѣвичью фамилію.

Элленъ-фонъ-деръ-Вейденъ—звучитъ, какъ средневѣковая сага. Меня первое время даже коробило названіе madame Эрдмансдерферъ.

Недавно на одномъ изъ журъ-фиксовъ меня спросили, скоро ли мужъ будетъ профессоромъ?... Съ такой прелестной женой, которая завоевала себѣ любовь общества, ему бы не трудно было этого достигнуть.

Неужто такъ дѣйствительно достигается профессура?

Плохо они меня знаютъ. Я — и тщательно задуманная, хладнокровно подведенная интрига... Богъ мой, люди меня перецѣниваютъ. Или они слишкомъ мало меня цѣнятъ?

Они не знаютъ также настоящей цѣны Фрица. Никогда не согласился бы онъ такимъ путемъ идти къ цѣли.

Но вотъ что меня чертовски забавляетъ: у милліонеровъ, гдѣ слуга съ царственнымъ величіемъ снимаетъ съ меня накидку, и все сіяетъ брилліантами, я появляюсь въ своемъ черномъ, шелковомъ платьѣ и конфирмаціонной брошечкѣ, а у себя дома угощаю стараго, жирнаго, тайнаго совѣтника картофельнымъ салатомъ съ колбасой и гречневой кашей.

А что за наслажденіе пригласить къ обѣду графиню Вейхерсбергъ вмѣстѣ съ Зивекингомъ и Шеребекомъ, или граціозную блондиночку,

жену профессора Хейденбрука, представительницу самаго новѣйшаго эстетизма, съ Бертой и гвардейскимъ лейтенантомъ. Но Господь ихъ вѣдаетъ, почему они у меня больше веселятся, чѣмъ въ своемъ накрахмаленномъ, разграфленномъ на клѣточки свѣтѣ.

Тайный совѣтникъ, послѣ гречневой каши, которая на этотъ разъ совсѣмъ не удалась, вышла какая-то размазня, отвелъ меня въ уголъ и увѣрялъ, что онъ мой другъ и если Фрицу понадобится выгодно помѣстить деньги, то чтобы я спросила его совѣта, онъ все устроитъ.

Я спросила, не думаетъ ли онъ такимъ путемъ расквитаться со мной за гречневую кашу; тогда лучше не буду вводить его въ искушеніе. А блѣдныя, вытянутыя графини совсѣмъ переродились. Старшая принялась отчаянно кокетничать съ Шеребекомъ. Всего менѣе удался вечеръ съ Бертой. Все шло нескладно. Я чувствовала себя точно связанной.

Фрица угнетаетъ мысль, что мнѣ необходимо сдѣлать побольше новыхъ туалетовъ. А я этому энергично сопротивляюсь. Мы не должны конкурировать съ богачами. Сезонъ уже кончается. Я имѣю тщеславіе думать, что общество должно быть мнѣ благодарно за новыя впечатлѣнія.

Мы ежедневно что-нибудь предпринимаемъ: театръ, зимній садъ, циркъ, смотря по тому, преобладаютъ ли въ кружкѣ литераторы, финансисты или аристократы. Потомъ всѣ вмѣстѣ ужинаемъ. Фрицъ почти всегда съ нами; развѣ возьметъ меня подъ свое покровительство какая-нибудь энергичная дама-патронесса, которой онъ довѣряетъ. По утрамъ мы сходимся на выставкахъ. Послѣ обѣда—визиты. Мечтать нехватаетъ времени.

Только раннимъ утромъ нападаетъ тоска и уныніе. Быть вѣчно какимъ-то шутомъ на потѣху людямъ!...

Видѣла пляску Захаретъ... Она взбудоражила меня до глубины души. Всѣ остальныя глупы и противны... У меня все время звучитъ въ ушахъ крикъ хищной птицы, съ которымъ она, послѣ послѣдняго безумнаго пируэта, бросила свой башмакъ въ публику.

Родить двѣнадцать дѣтей и умереть, какъ мать Зивекинга, или вечеръ за вечеромъ сгорать въ безумной пляскѣ, какъ Захаретъ... вотъ это жизнь!

Яковъ Зивекингъ часто встрѣчается у меня съ Шеребекомъ. Шеребекъ значительно превосходитъ его умственными способностями и совсѣмъ подавляетъ маленькое, слабое, жалкое существо физической мощью. Тѣмъ не менѣе они очень нравятся другъ другу, и Шеребекъ

обѣщалъ мнѣ обратить вниманіе Угланди на Якова. И это ему удалось. Теперь Зивекингъ будетъ работать въ мастерской Угланди. Онъ радъ какъ ребенокъ, безконечно благодаренъ мнѣ, хотя считаетъ благодарность отжившимъ понятіемъ.

Сколько я слышу теперь объ Угланди: онъ нервенъ и цѣлые мѣсяцы ничего не работаетъ. У него есть любовница, на которой онъ скоро женится.

Онъ очень милъ и любезенъ съ Зивекингомъ и держитъ себя съ нимъ не какъ знаменитость.

Яковъ самый счастливый въ мірѣ человѣкъ, это альфа и омега каждаго разговора.

Съ тѣхъ поръ, какъ я такимъ образомъ ближе и ближе узнаю Угланди, онъ становится мнѣ все дальше и дальше. Все, что я о немъ слышу, точно исходитъ изъ другого, чуждаго міра и остается пустымъ звукомъ. Я часто совсѣмъ не интересуюсь этими разсказами.

Сегодня у меня былъ визитъ, который меня страшно разстроилъ. Пріѣхала г-жа Рендель; я не видала ея уже нѣсколько мѣсяцевъ. Дѣло о ея разводѣ начато. Мужъ потребовалъ этого. Ее лишаютъ дѣтей. Они будутъ помѣщены въ учебныя заведенія.

Какъ отчаянно рыдала бѣдная женщина, мучительно было смотрѣть. Однако... я знаю отъ общихъ знакомыхъ, что мужъ едва съ ума не сошелъ отъ ея капризовъ, болѣзненно-безпокойнаго характера и предпочиталъ позволять ей скитанье изъ лѣчебницы въ лѣчебницу, хотя давно было извѣстно, что никакіе доктора ей не помогутъ.

Кто правъ, кто виноватъ?

— Вы еще согласны водить со мной знакомство?—спросила она съ горечью, почти злобно. — Съ разводкой? И я подобно вамъ была прежде членомъ общества; меня любили, баловали, мной восхищались... Теперь всѣ меня избѣгаютъ! Куда же мнѣ дѣться, что предпринять, куда исчезнуть? Слѣдовало бы пристрѣлить меня, какъ паршивую собаку и вывезти за городъ. Лучше бы онъ отравилъ меня, это было бы милосерднѣе.

Она покинула меня въ подавленномъ душевномъ состояніи.

Правда все, что она говоритъ? Или это только продуктъ ея болѣзненной фантазіи? А если она все такъ видитъ и такъ чувствуетъ, развѣ для нея это не та же правда?

Конечно, я сказала ей, что во мнѣ она всегда найдетъ друга; мы обнялись и поцѣловались.

Но вотъ что ужасно: мое сердце полно состраданія, и все-таки я

рѣдко могу отнестись къ человѣческому горю, какъ къ чему-то священному,—наоборотъ, я чувствую къ нему какое-то презрѣніе, точно болѣзнь и бѣдность—позорное пятно. Я прекрасно понимаю, что въ древности тяжелые удары судьбы считались Божьей карой за тайно совершенныя преступленія, и каждый со страхомъ бѣжалъ прочь отъ осужденнаго.

Два часа тому назадъ Фрицъ въ жестокой лихорадкѣ вернулся домой и легъ въ постель. Онъ уже нѣсколько дней имѣлъ плохой видъ. Мужчина, когда ему нездоровится, не лучше маленькаго ребенка. Смѣшно и трогательно, какъ онъ нуждается въ уходѣ и ласкѣ. Только бы не случилось чего-нибудь плохого, я слышу, какъ онъ тяжело и хрипло кашляетъ.

. . . . . .

Воспаленіе въ легкихъ. Я сижу ночью у задернутой лампы, черезъ открытое окно влетаютъ бабочки, обжигаются объ огонь и, трепеща крыльями, падаютъ ко мнѣ на бумагу.

Фрицъ неумолкаемо что-то бормочетъ, хлопаетъ руками по одѣялу. Сорокъ градусовъ...

Боже мой, Боже, мнѣ такъ страшно!

Мы принадлежимъ другъ другу! Какъ это сильно чувствуешь въ виду грозящей опасности...

Перевертываю страницы дневника назадъ и перечитываю.

Душа моя бурно протестуетъ противъ несчастія.

Мой милый, милый, дорогой мужъ сидитъ уже въ постели. Онъ еще очень блѣденъ, глаза ввалились! Но какой у него аппетитъ!

— Я и не подозрѣвалъ, что ты такая превосходная сидѣлка, Элленъ,—сказалъ онъ, улыбаясь.

Довольно сдѣлать ему пустячную услугу, и онъ ужъ безконечно благодаренъ. Весь міръ отошелъ куда-то далеко-далеко; далеко ушло то, что меня мучило.

Весь день наполненъ мелкими хлопотами, а ночью мы такъ божественно спимъ, послѣ тяжелыхъ, мучительныхъ, безсонныхъ ночей

Какъ мирно, въ тихой комнаткѣ больного; никогда бы не ушелъ изъ нея. Что ты за глупость пишешь, Элленъ. Развѣ не въ тысячу разъ пріятнѣе будетъ смотрѣть на его выздоровленіе!

Я хочу сказать, что мнѣ здѣсь особенно хорошо: въ комнатѣ больного, въ монастырѣ, въ мѣстѣ, гдѣ охватываетъ благоговѣніе. Въ монастырѣ я бы хорошо себя чувствовала. Въ міру, на свободѣ я теряю равновѣсіе.

Наши отношенія дышатъ сердечной теплотой. Даже когда Фрицъ вспылитъ и разсердится, какъ часто бываетъ съ выздоравливающими, его взоры тотчасъ же съ мольбою обращаются ко мнѣ и нѣжное поглаживаніе руки безмолвно молитъ о прощеніи. А я такъ рада малѣйшему проявленію въ немъ жизненной силы! Наслаждаюсь сознаніемъ, что нужна ему! Я не задаю себѣ больше вопроса, люблю я его или нѣтъ... я просто его жена, живу для него и это такъ хорошо.

Сегодня не спали ночь; долго молились Богу, чтобы все осталось такъ, какъ есть.

Богъ... зачѣмъ создалъ онъ меня такой упрямой? Прочь, прочь глупыя мысли. Только оставаться покойной!

Я ушла впередъ, выросла и окрѣпла за эту весну, хотя даже не видала ея расцвѣта.

Странное дѣло: въ нашей дружной совмѣстной жизни есть что-то недоговоренное; не холодность, а сдержанность или вѣрнѣе тѣнь грусти, окутывающая насъ обоихъ точно легкимъ облакомъ. Особенно въ Фрицѣ есть что-то покорное, какъ будто бы я потеряла силу причинять ему страданіе, и онъ за это безконечно мнѣ благодаренъ. Онъ всегда страдаетъ отъ любви ко мнѣ. Меня часто злило, что онъ считалъ ее чѣмъ-то неподдающимся его разсудку, его волѣ. Отсюда проистекала враждебная холодность, постоянно становившаяся между нами.

Теперь онъ добръ ко мнѣ, потому что я хорошо ухаживала за нимъ, потому что хорошо исполняла супружескій долгъ.

Фрицъ сдѣлаетъ распоряженія въ клиникахъ, и черезъ нѣсколько дней мы отправимся въ Гарцъ. Ему необходимо нѣсколько недѣль отдыха. А въ августѣ отпразднуемъ Розочкину свадьбу.

Книга, которая мнѣ нравится, а ему нѣтъ, снова перевернула у насъ все вверхъ дномъ. Мы не ссорились, о, нѣтъ, только душа моя втянула свои щупальца, забралась въ раковину и тихо, грустно замкнулась въ себя.

Это совсѣмъ невозможно! Книга способна возбуждать меня до слезъ, до болѣзненныхъ стоновъ, а онъ не понимаетъ, что въ ней есть частичка души моей... Для него книга—только книга; умная или глупая, нѣчто, стоящее внѣ его. И такъ со всѣми видами искусства. Ихъ можно созерцать, обсуждать, но не переживать.

Когда я замѣчаю это, то мнѣ кажется, что мы живемъ на двухъ

различныхъ планетахъ и насъ отдѣляетъ неизмѣримое міровое пространство. Если бы еще, по крайней мѣрѣ, онъ сознавался: «Жаль, я не могу такъ чувствовать, но, вѣроятно, это очень хорошо»... Но онъ всегда выступаетъ въ роли судьи: «Мы необходимые граждане земли, а вы... измѣнчивая, безумная толпа!»...

На этотъ разъ дѣло обстояло особенно плохо. Онъ перенесъ споръ на личную почву. Мое преклоненіе передъ «Женщиной съ моря» объяснилъ опаснымъ стремленіемъ къ «чудесному», загадочному мужчинѣ съ моря. Набросился на злосчастную Эллиду! Упрекнулъ меня за то, что она представляется мнѣ не сумасшедшей, а вполнѣ понятной и симпатичной; о, если бы онъ зналъ, какъ сильно...

Съ тѣхъ поръ онъ точно облекся въ ледяной панцырь.

Мнѣ противно его непогрѣшимое лицо. При видѣ его я вся дрожу отъ затаенной злобы.

Бѣдная, маленькая дѣвичья комнатка, какъ счастливы были мы въ ней прошлымъ лѣтомъ, какъ любовно оглядывали теперь по пріѣздѣ, шутя разыскивали летучую мышь, запутавшуюся тогда въ гардинѣ.

Намъ тѣсно здѣсь: каждый живетъ обособленной, отчужденной жизнью.

Въ Берлинѣ такіе дни переживаются легче: Фрицъ съ утра уходитъ въ клиники. Здѣсь мы все время вмѣстѣ. Мучительно, когда нельзя свернуть съ своего пути.

Теперь онъ стоитъ съ папой въ садикѣ и помогаетъ ему срѣзать замерзшіе кусты розъ. Здѣсь наверху розы вымерзаютъ почти ежегодно. Папа неутомимо сажаетъ ихъ снова.

Папа постарѣлъ, сильно постарѣлъ. Я испугалась, увидавъ его. На немъ лежитъ отпечатокъ покорнаго равнодушія. Иногда онъ часами сидитъ, молча глядя передъ собою. Меня это пугаетъ и опечаливаетъ. Не предвѣщаетъ ли эта апатія конецъ.

Я думаю, что съ мужемъ мнѣ всего лучше избѣгать тѣхъ вопросовъ, которые приводятъ къ недоразумѣніямъ.

Прошелъ же цѣлый рядъ недѣль мирно...

Я могла быть его женой. Право, я даже чувствовала себя совсѣмъ настоящей женой.

Мнѣ было хорошо. Одной частью своего существа я люблю Фрица. Какъ удобно продолжать безконечно прясть надѣтую на самопрялку пряжу. Не только удобно, но и здорово.

Будь добросовѣстна, Элленъ, если ты порядочный и честный человѣкъ, то...

Тоска, тоска, медленно ползущая въ душѣ день за день тоска...

Продолжительныя совѣщанія объ обѣдѣ, прогулки въ курятникъ за свѣжими яйцами... Ревностная забота о мелочахъ!

Вечеромъ игра въ карты съ папой и Фрицемъ. Полное довольство со стороны обоихъ. Папа, который раньше совсѣмъ не игралъ въ карты, допустилъ Фрица посвятить себя въ тайны этого полезнаго занятія и не жалуется больше на наше время.

Потомъ совѣщанія съ тетушкой Леберъ и Тези о постельномъ, столовомъ и кухонномъ бѣльѣ.

Хорошо ли чувствовала себя Эллида на свободѣ и подъ своей личной отвѣтственностью въ семейной жизни?

Здѣсь занавѣсъ падаетъ.

Фрицъ сохранилъ послѣ болѣзни страшную боязнь простуды. Это заходитъ такъ далеко, что онъ готовъ оберегать меня отъ малѣйшаго свѣжаго вѣтерка и постоянно надоѣдаетъ съ предостереженіями не промочить ноги. Какъ это не идетъ мужчинѣ. Дрожать надъ здоровьемъ... Фрицъ говоритъ, что здоровье—все. Допустимъ, но какъ бѣдна тогда жизнь.

Можетъ быть, она и на самомъ дѣлѣ бѣдна, и мы только обманываемъ себя пестрыми побрякушками.

Пріѣхали братья Зивекинги; съ ними нѣсколько сестричекъ, пожелавшихъ присутствовать на дѣвичникѣ. Цѣлый день у насъ идутъ репетиціи. Мы съ тетушкой Леберъ взапуски сочиняемъ: она потрясающее, я—комическое.

. . . . . .

Яковъ и подросточки помогли мнѣ натаскать цѣлыя корзины еловыхъ и буковыхъ вѣтокъ; мы преображаемъ свою веранду въ зеленую бесѣдку. Тамъ, гдѣ мы провели канунъ моей свадьбы, будетъ праздноваться дѣвичникъ Розочки.

Съ Яковомъ постоянно происходятъ непріятныя столкновенія. Вчера мы жестоко побранились. Онъ осмѣлился отнестись иронически къ моему проекту устройства празднества; вотъ въ чемъ состоитъ этотъ проектъ: Кругомъ лѣсной лужайки за домомъ шелестятъ буки. На длинныхъ шестахъ вмѣсто дурацкихъ, пестрыхъ бумажныхъ фонариковъ—вѣнокъ изъ матовыхъ стаканчиковъ, распространяющихъ нѣжный, мягкій свѣтъ; позже надъ лужайкой подымется луна. Въ блѣдномъ, неясномъ полусвѣтѣ, осѣненное зеленой листвой сидитъ все общество, точно актеры въ Шекспировской трагедіи: прелестная невѣста, очаровательная своей молодостью, ея толстый воз-

любленный, напыщенный сознаніемъ собственнаго достоинства и превосходства надъ другими; романтическій художникъ и романтическій поэтъ, съ величественными сѣдыми головами, достойные обломки прошедшей культуры, по обѣ стороны тетушки Леберъ для отдачи ей рыцарскихъ почестей, точно королевѣ Самаркандской. А она въ роскошномъ нарядѣ изъ ярко-зеленаго шелка и накидкѣ изъ испанскаго кружева, съ искусственными цвѣтами гранатоваго дерева изъ краснаго ситца и бѣлыхъ бумажныхъ перчаткахъ величественно царитъ надъ ними. Никто не сумѣетъ такъ фантастически изукраситься, какъ тетушка Леберъ, когда ей вздумается нарядиться. На ея безконечно добромъ лицѣ отъ умиленія появится грустное, похоронное выраженіе. Дальше, возлѣ моего корректнаго Фрица, у котораго во всѣхъ случаяхъ жизни галстукъ сидитъ безупречно, помѣстится красивый лѣсовикъ съ мѣднымъ рогомъ, красавецъ-лѣсничій, моя первая любовь,—за нимъ распорядитель праздника Яковъ Зивекингъ. У него въ каждой петличкѣ по цвѣтку, волосы начесаны напередъ, за каждымъ ухомъ по розѣ, на носу золотыя очки; уста изрыгаютъ цѣлое море глупостей... заключающихъ въ себѣ глубокій смыслъ. На заднемъ планѣ хористы и народъ: семья лѣсничаго, пастора, служащихъ, наша старая Минетта и Леберская Ганна. Привлеченные звуками рога изъ лѣсной чащи появятся кобольды, эльфы, юноши и старушки, угольщики и подобная привидѣнію «лѣсная женщина». Всѣ примутся плясать, пѣть, скакать, чтобы поселить въ сердцѣ невѣсты страсть къ лѣсу, страсть, которая не покинетъ ея ни въ горѣ, ни въ радости и заставитъ всю жизнь вспоминать дѣвичью свободу...

Яковъ показалъ мнѣ телеграмму. Завтра ночью въ Ильзенбургъ пріѣзжаетъ Угланди. Онъ обѣщалъ Якову поговорить о его будущности съ отцомъ и успокоить старика. Яковъ пойдетъ встрѣчать его на вокзалъ. Яковъ сіяетъ! Онъ любитъ Угланди. Сильное, цѣльное чувство! Кажется, я ревную. Развѣ мнѣ хочется, чтобы Яковъ и меня такъ любилъ? Пустяки, онъ этого не смѣетъ. Я не Угланди—божественный наставникъ! Правда, съ тѣхъ поръ какъ онъ занимается у Угланди, Яковъ сталъ холоднѣе и равнодушнѣе ко мнѣ. Меня это огорчаетъ. Нѣтъ, меня это только злитъ.

— Я думала, что Угланди этимъ лѣтомъ женится?—спросила я разъ Якова, когда меня особенно охватило злобное, почти раздражительное настроеніе.

— Онъ, дѣйствительно, собирался,—отвѣтилъ Яковъ въ раздумьи.—Мнѣ кажется, онъ боится...

— Если онъ любитъ женщину... Она, навѣрное, очень красива?

— Да, очень красива. И такъ увѣрена въ себѣ.

— Вотъ какъ, она изъ такихъ...

— Именно, изъ такихъ. Я его не понимаю. Мнѣ кажется, онъ самъ пересталъ себя понимать.

— И всетаки женится?

Яковъ вздохнулъ.

— Знаете, Угланди великій художникъ. Но при этомъ не самостоятельный человѣкъ; а такимъ людямъ удивительно импонируетъ чужая самоувѣренность. Подумайте, онъ часто не знаетъ, хорошую нарисовалъ картину или плохую. Впрочемъ, за послѣднее время онъ немилосердно мажетъ. Совершенно условныя вещи по рецепту Угланди. Исключительно на продажу, вотъ, въ чемъ бѣда...

— Ну, не вамъ судить,—сказала я раздраженно.—Вы, конечно, уже вполнѣ постигли Угланди?

— Къ сожалѣнію, я на пути къ этому. Судить о немъ я могу; это онъ самъ хорошо знаетъ и цѣнитъ во мнѣ. Безграничная преданность съ одной стороны, съ другой—невозможность втирать мнѣ очки. А съ своими коммерціи совѣтниками онъ это дѣлаетъ. Онъ грубъ и помыкаетъ мной какъ мальчишкой. А всетаки принимаетъ къ сердцу мои слова. Недавно онъ передѣлалъ все, что я разбранилъ.

— Яковъ, вы страдаете маніей величія.

— Къ сожалѣнію, я мало помогъ. Картина стала еще банальнѣе. Точно бѣдняга совсѣмъ разучился писать. Вымучиваетъ каждый штрихъ... И тѣмъ не менѣе, если изъ меня выйдетъ сучочекъ или вѣтка на древѣ искусства, я всѣмъ обязанъ исключительно ему. Вы не можете себѣ представить, какъ удивительно хорошъ бываетъ онъ по временамъ. И такъ человѣчески участливъ...

— Вы знаете ту женщину?

— Госпожу Лейкгардтъ? Она часто заходитъ въ мастерскую.

— Какова она?

— Да вотъ какова: «Ахъ, Гансъ, какъ это опять величественно, необычайно величественно! Этотъ моментъ просто великолѣпенъ». Она всегда говоритъ о моментахъ, вѣроятно, считая это выраженіе художественнымъ и сочнымъ. Ея болтовня отвратительно дѣйствуетъ на его нервы. У нея противный голосъ. Трещетка. Есть вкусъ. Одѣвается изумительно; можетъ быть, у него научилась. Онъ часто рисовалъ ея волосы.

— Замолчите, Яковъ... Не могу этого слышать.

— Что съ вами?

— Не смѣйте говорить объ этой женщинѣ.

— Вы сами меня допрашивали. Меня вся эта исторія страшно огорчаетъ, страшно!

— Если Угланди останется завтра здѣсь, приведите его къ намъ!—не знаю, какъ я рѣшилась; точно кто другой говорилъ за меня.

— Онъ давно хотѣлъ съ вами познакомиться; много разспрашивалъ о васъ и навѣрное останется.

Склоны горъ, окутанные мракомъ, торжественно покоятся въ ночной тишинѣ, точно молчаливые хранители глубокой тайны... Лѣсной ручей журча напѣваетъ пѣсню. Я не могу подобрать къ ней словъ. Еще въ дѣтствѣ ея мелодія убаюкивала меня въ постелькѣ, когда утомленная я ложилась спать.

Какая путаница настроеній. Почему мнѣ невыразимо страшно при видѣ, что Фрицъ и Угланди дружелюбно и весело бесѣдуютъ другъ съ другомъ? Всѣ нашли совершенно естественнымъ его присутствіе въ нашемъ домѣ. Старый Зивекингъ убѣжденъ, что онъ пріѣхалъ для переговоровъ о Яковѣ. Мнѣ кажется, они заблуждаются.

Онъ пріѣхалъ во время торжественнаго спектакля. Не замѣтила, въ какой именно моментъ. Я неожиданно увидала его лицо и лохматую голову. Въ эту минуту мнѣ стало ясно: «вотъ гномъ, вотъ мое лохматое чудовище!»

— Настоящая лѣсная колдунья!—сказалъ онъ,—какъ вы превосходно выскочили изъ мрака къ красному пламени костра, какъ умудрились принять видъ настоящей лѣсной колдуньи?

— Мнѣ не разъ приходилось видать такія сцены на художественныхъ праздникахъ, но маскарадъ всегда остается маскарадомъ. А вы, вы были живой дѣйствительностью, и ваше теперешнее платье больше похоже на маскарадный костюмъ. Весь образъ,—вотъ что хотѣлось бы мнѣ схватить. Васъ стóило бы нарисовать. Наконецъ-то видишь нѣчто оригинальное,—женщина, окутанная паутиной. Позвольте писать съ васъ?

Глаза его горѣли, рубецъ надъ щекой налился кровью.

Я закусила губы и смотрѣла въ сторону.

Онъ громко разсмѣялся.

— Ахъ, да, pardon m-me Эрдмансдёрферъ...

— M-me Эрдмансдёрферъ ..

Фрицъ зоветъ меня.

Четыре часа ночи, совсѣмъ свѣтло, въ саду щебечутъ птички.

Сейчасъ, Фрицъ, иду. Конечно. Сейчасъ. Да—это было бы безумiемъ...

Бѣжать лѣсомъ по росистой травѣ, вскарабкаться на верхушку, все выше, выше... Пѣть, кричать, чтобы сердце рвалось на части...

Однако—я иду.

Спать—теперь спать?

Мы сидимъ на Головѣ ястреба, среди сосенокъ, до одуренiя пахнущихъ Гарцемъ. Надвигается полдень.

У меня на колѣняхъ лежатъ миртовыя вѣтки; плету вѣнокъ, въ которомъ Розочка будетъ вѣнчаться.

— На васъ также былъ нѣкогда такой вѣнокъ?— спрашиваетъ онъ.

— Вы въ этомъ сомнѣваетесь?

— Я вдохновляюсь.

— Тетушка Леберъ сама сплела мнѣ вѣнокъ изъ вѣтокъ священнаго деревца, которое растетъ у нея въ комнатѣ и около котораго посѣяно зерно рису въ день крестинъ Розочки!

Угланди хохочетъ! Хохочетъ неудержимо; вытягивается во всю длину на травѣ и отъ удовольствiя хлопаетъ ногами.

— Надѣвать на голову лѣсной колдуньи такой священный вѣнокъ—кощунство, кощунство!

— Послушайте, я обижусь. Я христiанская жена!

— Знаю, знаю! Нѣтъ надобности постоянно подчеркивать эту истину.

На лицѣ его отражается нетерпѣнiе. Онъ также мало владѣетъ своей физiономiей, какъ и я.

— Видали мы въ здѣшней мѣстности христiанскихъ женъ, которыя по ночамъ летаютъ черезъ трубу справлять Вальпургiеву ночь. Развѣ не правда?

Я молча, не подымая глазъ, плету вѣнокъ. Онъ долго внимательно глядитъ на меня.

— У васъ руки святой... онѣ двигаются какъ-то торжественно осмотрительно, примитивно... Если не смотрѣть на лицо... Какова должна быть душа женщины, у которой руки мученицы, тѣло и губы—вакханки...

Я сдвинула брови. Мнѣ это говорилъ уже одинъ человѣкъ.

Нѣтъ возможности сдержать себя. Бываютъ дни, когда все, что человѣкъ держитъ подъ семью замками, вдругъ вырвется наружу и станетъ передъ нимъ во всей своей наготѣ.

— Перестаньте! Поймите, нельзя заглядывать въ чужую душу.

Тамъ все совершенно иначе, чѣмъ вы думаете. Уйдите, оставьте меня. Слышите?!

Мы стояли другъ противъ друга.

Онъ посмѣивался. Взялъ вѣнокъ, скатившійся у меня съ колѣнъ, и высоко поднялъ его надъ собою.

— Если бы онъ былъ изъ огненно-красныхъ цвѣтовъ, я увѣнчалъ бы имъ сумасшедшую черную головку дикой брокенской колдуньи, m-me Эрдмансдёрферъ изъ Берлина! Ха-ха-ха!

— Если вы не замолчите, я ударю васъ по лицу!

Онъ поспѣшно схватилъ мою руку, почтительно поцѣловалъ ее и посмотрѣлъ на меня такими счастливыми, сіяющими глазами, такимъ умоляющимъ взоромъ.

— Я долженъ сказать вамъ, какою васъ вижу, какой вы должны быть. Въ ярко-красномъ, ниспадающемъ длинными складками одѣяніи, съ золотыми украшеніями, спускающимися изъ-подъ краснаго вѣнка на строгій лобъ и полные страданія глаза... Торжественнымъ шагомъ выступаетъ она вокругъ алтаря богини Астарты и дрожащими руками приноситъ мистическую жертву... А затѣмъ, ликуя, въ безумномъ восторгѣ, предается священной пляскѣ передъ толпой народа, собравшагося на праздникъ весны, празникъ зарожденія жизни. Такой вижу тебя, женщина! Пробуждающей къ тысячѣ дѣлъ! Непостижимая... Отъ тебя ухожу я съ головою, полной фантазій, волнующихся, звучащихъ красками, взлетающихъ точно ракеты, точно тающія въ воздухѣ свѣтила... Я блуждалъ во мракѣ и видѣлъ тысячи новыхъ образовъ; наброски толпились въ мозгу, тщетно требовали исхода; я думалъ—все кончено; для меня все кончено! Кончено—умерло... Умеръ художникъ... Право, я такъ думалъ!

Онъ всхлипывалъ. Я видѣла его слезы. Онъ рыдалъ какъ ребенокъ, положивъ мнѣ голову на плечо; все его тѣло вздрагивало.

. . . . . .

Позже, на обратномъ пути, придя въ себя, онъ каялся мнѣ, какъ сестрѣ, во всѣхъ терзаніяхъ, пережитыхъ за послѣдніе мѣсяцы. Разсказалъ, какъ женщина, которую онъ раньше любилъ, а теперь болѣе не любитъ, подобно медленному яду, угнетающимъ образомъ дѣйствуетъ на его духъ; какъ она, умная, красивая, тщеславная, грубымъ прикосновеніемъ спугиваетъ неясно зарождающіеся въ немъ образы, какъ убиваетъ громкими возгласами полное таинственности творчество...

Я глядѣла на него, и онъ читалъ въ моемъ взорѣ мучительный вопросъ.

— Она принесла мнѣ безконечное количество жертвъ. Я долженъ

на ней жениться — долженъ исполнить слово, долгъ чести... Я стою на перепутьѣ, какъ робкій, дрожащій преступникъ, котораго ведутъ на казнь...

Тогда я воскликнула: «У художника нѣтъ чести, кромѣ чести художника! А она совсѣмъ не похожа на обыденную мѣщанскую честь! Его главная заповѣдь—довести свой талантъ до высшаго совершенства. Его честь: послушно идти путемъ, который указываетъ голосъ генія. Ничего не слыша, ничего не видя! Нарушьте данное слово, нарушьте мѣщанскую честь, если того требуетъ искусство!

Мы подали другъ другу руки. У обоихъ горѣли глаза.

Я знаю: съ этого момента онъ свободенъ.

Вечеръ. Тези Розочка въ вѣнкѣ, который я сплела въ лѣсу. Странно, что онъ не жжетъ ей голову...

Удивительно далекимъ и неяснымъ представляется мнѣ этотъ день.

Свадебный поѣздъ въ церковь, вдоль деревни, мимо садовъ съ зрѣлыми фруктами; воспоминанія о такихъ же картинахъ, такихъ словахъ, такихъ обрядахъ, совершившихся два года тому назадъ. Обѣдъ въ ресторанѣ, все Леберовское мѣщанство, трогательное и мучительное; тостъ отца за новобрачныхъ, на которомъ онъ вдругъ запнулся, смѣшался и не могъ найти нити; онъ—извѣстный ораторъ; я пришла въ ужасъ и ждала, что съ нимъ сдѣлается ударъ. Розочка обнаружила при этомъ бо́льшую находчивость: бросилась къ нему, стала цѣловать ему руки и со слезами благодарить за счастливо проведенную юность... А послѣдніе часы вдвоемъ съ Розочкой; я помогаю ей переодѣться въ дорожное платье, какъ нѣкогда она мнѣ помогала... Душа моя далеко, далеко; съ нимъ, съ одинокимъ человѣкомъ, который рѣшилъ сегодня ради искусства разбить сердце женщины... Ея мнѣ совсѣмъ не жаль.

Потомъ на меня напала смертельная слабость.

Я вся дрожала отъ внутренняго холода, несмотря на то, что былъ ясный теплый день. Я пробралась домой и легла.

И безъ меня допьютъ остатки винъ. Тутъ я совсѣмъ не нужна.

Теперь мнѣ опять хорошо. Писаніе помогло. Все случившееся или перечувствованное становится яснѣе; точно изъ-за облачнаго тумана спускается на землю!

Слабость прошла! Въ душѣ осталось чувство освобожденія.

Точно мое безцѣльное существованіе вдругъ получило глубокій, чудный смыслъ! Настоящая жизнь должна оплачиваться послѣднимъ, дорогимъ сокровищемъ, которое мы, какъ скупецъ, хранили въ тайникахъ своей души...

Опять въ Берлинъ...

. . . . . .

Папа съ Фрицемъ вернулись домой; оба унылые, какъ часто бываетъ послѣ такого рода торжествъ. Фрицъ нашелъ, что у меня плохой видъ и посовѣтовалъ лечь въ постель. Въ это время вошелъ Яковъ.

— Мы хотимъ идти смотрѣть съ Юнгфернклиппе на восходъ луны. Остальные дожидаются около дома.

— Мало вамъ еще?—разворчался Фрицъ.—Безуміе ломать ноги о корни деревьевъ.

— Фрицъ, мнѣ такъ хочется, позволь, пожалуйста, — скромно попросила я мужа.

— Тебѣ я ни въ какомъ случаѣ не позволю.

— Почему же? Я много разъ одна ходила вечеромъ въ горы.

— Тогда ты была сама себѣ госпожа, теперь я твой господинъ! Не забывай этого!

Я злобно разсмѣялась.

— А я всетаки пойду!

Онъ вытолкнулъ Якова за дверь,—мы стояли въ сѣняхъ,—заперъ наружную дверь, вынулъ ключъ и положилъ въ карманъ.

— Итакъ, въ постель. Ты совсѣмъ раскисла!

— Благодарю за комплиментъ.

Я разсмѣялась ему въ глаза. Онъ былъ такъ комиченъ въ сознаніи хозяйскаго достоинства. Потомъ пошла въ кухню и выпрыгнула въ окно.

— Вотъ я, а гдѣ остальные?

Поджидаемъ барышенъ.

Я и не знала, что Угланди здѣсь. Богъ свидѣтель, что не знала.

Долго ходили мы взадъ и впередъ, дѣвочекъ все нѣтъ. Вѣроятно, тетушка Леберъ тоже не пустила ихъ.

Пошли одни. Я въ веселомъ, ребячливо-глупомъ настроеніи, на что̀ оба спутника сердились.

Потомъ все окружающее приняло грозный, величественный видъ. Вѣковой лѣсъ стоялъ среди мрака во всей величавой красѣ.

Я не хотѣла поддаваться и дразнила Якова, несмотря на то, что онъ нервно умолялъ меня не нарушать тишины и раскаивался, что позвалъ меня. Я съ нимъ рѣзко поспорила. Угланди молча шелъ впереди, только по временамъ оборачивался и предупреждалъ меня о корняхъ и ямахъ.

— Съ артистической точки зрѣнія ночное путешествіе, гдѣ не

видишь ни красокъ, ни формъ, совершенная безсмыслица, — ворчалъ Яковъ.

Я замѣтила, что и ему испортила настроеніе своимъ дурачествомъ, и это меня только подзадоривало. Я придралась къ «артистической точкѣ зрѣнія» и объявила, что надо пріобрѣсти на нее право какими-нибудь соотвѣтствующими дѣйствіями, а то есть проходимцы, мнящіе себя артистами; не судятъ только побѣдителей. Мнѣ доставляло истинное наслажденіе колоть своими дерзостями несчастнаго. Мнѣ казалось, что я имѣю право и обязанность его мучить; я сознавала себя въ безопасности, точно огражденной колючей изгородью. Но онъ защищался, грубо наносилъ мнѣ удары своими отвѣтами; былъ съ болѣзненной злобой; только я была ловчѣе и умѣла ускользать.

Я страшно разгорячилась, пришла въ возбужденіе, потому что приходилось бороться съ двумя, и забыла всякую осторожность.

Прогулка была не изъ пріятныхъ, несмотря на то, что мы были довольно веселы и много смѣялись.

... Зачѣмъ вызываю въ памяти все это я до мелочей. Всѣ возраставшія одно за другимъ противорѣчія? Чтобы переиспытать всю муку, чтобы перечувствовать жестокое страданіе. Чтобы дать безумному восторгу снова охватить себя? Чтобы въ леденящемъ холодѣ, сковывающемъ душу, почувствовать теплящійся лучъ жизни, ослѣпленной его сіяніемъ, закрыть глаза и умереть для всего, что есть и что будетъ кругомъ меня...?

Или для того, чтобы воспринять злую иронію и дьявольскій юморъ случившагося и упиться горечью на всю послѣдующую жизнь?...

Мы взобрались на Юнгфернклиппе; идти было опасно, потому что луна, не поднявшись до вершины, предпосылала себѣ черную тѣнь горы. Угланди хотѣлъ вести меня, Яковъ также хотѣлъ меня вести, но я упрямо карабкалась сама—мнѣ дорога была лучше извѣстна, чѣмъ имъ обоимъ.

— Наверху вы, однако, притихли, ужасная женщина,—сказалъ Яковъ,—иначе я столкнулъ бы васъ внизъ. Я хочу творить.

Я неудержимо смѣялась и пока они карабкались, спустилась немного ниже и спряталась въ расщелинѣ у подножья выдающейся скалы. Я слышала, какъ пораженный Угланди спросилъ:

— Гдѣ же она?

А Яковъ равнодушно отвѣтилъ:

— Повидимому, пропала; и по дѣломъ, а то она была невыносима!

— Но какъ же это? — въ безпокойствѣ повторилъ Угланди и сталъ звать меня. Я не отвѣчала; слышала, какъ онъ спустился ни-

же, все продолжая звать меня, между тѣмъ, какъ Яковъ не двигался съ мѣста. А я, согнувшись, осторожно, пробиралась отъ камня къ камню, и, наконецъ, скользнула въ лѣсъ. Онъ стоялъ и тревожно кричалъ:

— Элленъ, Элленъ! Въ голосѣ его слышались мучительныя, страстныя ноты. Мнѣ было необъяснимо пріятно стоять около него и слушать, какъ онъ кричитъ въ далекое, темное пространство.

Я шевельнулась. Онъ услыхалъ звукъ моихъ шаговъ, пошелъ за мной, умоляя откликнуться—молчаніе снова ввело его въ заблужденіе. Такъ манила я его все дальше и дальше, въ безумномъ восторгѣ отъ опасной игры.

Вдругъ онъ прислушался, почувствовалъ мою близость, схватилъ меня обѣими руками, притянулъ къ себѣ и задыхаясь проговорилъ:

— Колдунья, колдунья!

...Ощущать его поцѣлуи, его горячее, вздрагивающее тѣло; точно послѣ цѣлой вѣчности ожиданія утолять неутолимую жажду, все тѣснѣе и тѣснѣе прижиматься другъ къ другу... Стоять такъ, обнявшись подъ темнымъ покровомъ ночи, чувствуя на себѣ ея теплое дыханіе...

Вотъ раздается голосъ Якова, который, отдохнувъ, повернулъ назадъ. Вмѣсто страстнаго, молящаго зова, раздается сердитый, обиженный крикъ, который, удаляясь, понемногу затихаетъ.

Тихо, тихо приближаются дорогія губы, и снова сливаются въ поцѣлуѣ. Онъ привлекъ меня на траву; положилъ голову на колѣни и шепталъ:

— Женщина, чародѣйка, ужасная, дорогая...

Онъ осторожно разстегнулъ мнѣ платье и молилъ:

— Дай мнѣ послушать, какъ бьется твое сердце...

Приложилъ ухо къ груди и слушалъ, приложилъ горячія губы къ тому мѣсту, гдѣ бьется источникъ жизни.

Я совсѣмъ забыла о себѣ. Знаю, что все существо мое, трепеща, рвалось къ нему, съ невыразимой жаждой жертвы—я бы съ удовольствіемъ дала сжечь себя ему на потѣху...

Я это знаю, знаю до настоящаго времени, и не раскаиваюсь, не беру назадъ.

Что было и чего не было въ ту ночь между нами, это наша тайна, которой никто никогда не узнаетъ.

. . . . . .

Стоять около дверей отцовскаго дома и звонить въ увѣренности, что никто не можетъ отпереть кромѣ мужа... Угланди, и ты на это согласился?!

— Я приказалъ тебѣ остаться дома, Элленъ,—сказалъ Фрицъ такимъ тономъ, какимъ учитель разговариваетъ съ непослушной ученицей.

— А я не позволю себѣ приказывать, прими это къ свѣдѣнію,— отвѣтила я холодно.

Онъ повернулся, заперъ дверь, взялъ въ руки свѣчу, и съ особой свойственной ему сдержанностью, слазалъ:

— На этотъ разъ я имѣлъ особое право, не какъ мужъ, а какъ врачъ... Дѣло идетъ не объ одной тебѣ...

Я смотрю на него тупо, безсмысленно, а онъ все продолжаетъ, пока, наконецъ, я, вскрикнувъ, падаю въ обморокѣ на полъ.

. . . . . .

Каждое чувство въ душѣ притупляется. Тяжелыя, физическія муки, отъ которыхъ я страдаю уже нѣсколько недѣль, заглушили все. Ознобъ, леденящій члены, невозможность удержать въ себѣ хотя каплю пищи измучили меня. Еще теперь, когда я подымаю голову отъ подушки, передъ глазами кружатся и вертятся черные круги, что-то надвигается на меня, давитъ лобъ, и мнѣ кажется, что я стремглавъ лечу въ пропасть на вѣрную смерть съ качель, у которыхъ обрѣзали веревки.

...Смерть, смерть... Почему жизнь такъ ужасно дорога? Почему, несмотря на тяжкія физическія и душевныя страданія, мы такъ боимся смерти?

Точно черная пелена отдѣляла отъ меня людей; одинъ голосъ сказалъ:

— Сотрясеніе мозга.

Я лежала, покрытая холоднымъ потомъ, вся съежившись отъ страха, какъ ребенокъ въ темнотѣ, поджидающій, что изъ-подъ кровати вылѣзетъ сказочный волкъ съ лохматыми лапами, медленно подкрадется, схватитъ его и съѣстъ.

Но я останусь жива, останется во мнѣ и другая жизнь.

. . . . . .

— Вотъ видишь, Элленъ,—сказалъ Фрицъ, когда со мной стало можно разговаривать,—благодаря твоему неблагоразумію, ты испортила себѣ и мнѣ тѣ чудныя минуты, которыхъ такъ страстно желала.

Я громко хохочу, а потомъ плачу, плачу, плачу...

. . . . . .

— Господинъ Угланди спрашивалъ сегодня, нельзя ли ему повидать васъ,—говоритъ Минетта.

Я прижимаюсь головой къ подушкѣ и молчу.

«Нѣтъ, нѣтъ, никогда больше!»—кричитъ во мнѣ какой-то голосъ.

А Минетта добродушно продолжаетъ:

— Онъ все подкарауливаетъ меня у садовой рѣшетки, около большого бука и разспрашиваетъ о васъ. Нынче я ему сказала, чтобы онъ не боялся за васъ, что такъ бываетъ со многими молодыми женщинами.

...Потомъ онъ уѣхалъ.

. . . . . .

Я постоянно чувствую на себѣ пристальные взоры Фрица... Измученная слезами, разбитая горемъ, безпомощная, я совсѣмъ не владѣю собой... Лучше бы онъ прямо и ясно спросилъ меня... А такъ: молчать, вѣчно молчать... Я этого не вынесу... Когда онъ сказалъ, что опасность миновала и пора вернуться въ Берлинъ, я не выдержала и объявила, что останусь у отца.

Онъ произнесъ мнѣ длинную медицинскую рѣчь: такъ дольше идти не можетъ, я должна взять себя въ руки, иначе пострадаетъ ребенокъ; онъ желаетъ самъ наблюдать за мной...

Тогда я прямо въ лицо бросила ему, что ненавижу его, чувствую къ нему отвращеніе и люблю другого.

Мнѣ кажется, я была невмѣняема. Непосредственно за этимъ бросилась ему на шею и разрыдалась, какъ безумная.

...На него моя выходка подѣйствовала совсѣмъ особенно, не такъ, какъ я ожидала. Онъ не пришелъ въ бѣшенство, вовсе нѣтъ. Онъ сильно поблѣднѣлъ, видно было, что его огорчили мои слова. Но у меня тогда уже было твердое убѣжденіе, которое сохранилось и до настоящаго времени: онъ повѣрилъ мнѣ только наполовину и приписалъ вспышку нервному возбужденію.

...Фрицъ обходится со мной, какъ съ больнымъ, неправоспособнымъ существомъ. Только въ купэ на обратномъ пути онъ коротко и холодно сказалъ мнѣ:

— Я надѣюсь, что ты больше не будешь видаться съ тѣмъ... и получать отъ него писемъ. Дай мнѣ слово.

Я дала ему слово и сдержу его.

Н. К.

(Окончаніе слѣдуетъ).

СТАРАЯ РЕФОРМА.

Разсказъ.

I.

Августовское утро было уже съ крѣпкимъ холодкомъ, когда въ губернскій городъ Энскъ вползалъ громадный сибирскій обозъ изъ семидесяти возовъ. Гдѣ-то звонили къ ранней обѣднѣ. Городскія галки съ отчаяннымъ крикомъ перелетали съ одной крыши на другую. Магазины начинали растворять свои гостепріимныя двери. Въ обозѣ, въ числѣ другой клади, помѣщалась артелька бурсаковъ въ пять человѣкъ, ѣхавшихъ въ «губернію» для поступленія въ энскую духовную семинарію.

— Ну, братцы, того, шабашъ! — проговорилъ средняго роста бѣлокурый мальчикъ лѣтъ пятнадцати, какой-то весь взъерошенный, съ приплюснутымъ носомъ и веснушчатымъ лицомъ.

— Да, Аристашка, того... — отвѣтилъ съ сосѣдняго воза худенькій черноволосый мальчикъ, ежившійся отъ холода.

Всѣхъ бурсаковъ было пять человѣкъ, и Аристархъ Бѣлоусовъ былъ въ этой артели чѣмъ-то вродѣ старосты. Они ѣхали съ обозомъ ровно три недѣли и такъ свыклись съ обозной жизнью, что было какъ-то жаль даже думать, что вотъ сегодня все это кончится. Ямщики сдадутъ кладь и уѣдутъ обратно, а они останутся здѣсь, въ чужомъ городѣ, среди чужихъ людей. У каждаго на душѣ накипала смутная тревога за неизвѣстное будущее.

Аристархъ Бѣлоусовъ съ удивленіемъ разсматривалъ большіе каменные дома и мысленно сравнивалъ ихъ съ маленькими домишками своего уѣзднаго захолустнаго городка. Да, въ Энскѣ жили, какъ казалось Бѣлоусову, одни богачи, у которыхъ деньгамъ нѣтъ счета. Впрочемъ, обозъ скоро свернулъ съ главной улицы и потянулся къ Черному рынку, обложенному постоялыми дворами и дешевой мѣщанской стройкой.

— Ну, такъ какъ, Аристархъ Иванычъ?—спрашивалъ обозный староста.—Заѣдете съ нами на постоялый или прямо въ бурсу?

— Нѣтъ, сначала на постоялый...

— И отлично... Чайку попьемъ на прощаньи.

Староста, коренастый мужикъ съ окладистой бородой, относился къ бурсакамъ съ какой-то особенно хорошей мужицкой жалостью, какъ умѣютъ необидно жалѣть только очень сильные физически люди. Бѣлоусова онъ навеличивалъ почему-то Аристархомъ Иванычемъ, причемъ улыбался и скалилъ зубы.

Бурсаки умылись, пріодѣлись и напились съ ямщиками чаю. Бойкій городской саешникъ принесъ цѣлый коробъ городскихъ булокъ, калачей и саекъ, что явилось для голодныхъ бурсаковъ большимъ соблазномъ. Они удовлетворились тѣмъ, что купили по копеечной сайкѣ. У всѣхъ деньги были на исходѣ, а у Аристарха Иваныча оставалось всего тридцать копеекъ.

— Что, страшно идти къ начальству?—спрашивалъ староста, ожигаясь чаемъ. — Экзаменты будете выправлять? Слыхивали... У насъ въ селѣ дьячокъ такой-то. Сорвался экзаментомъ и сейчасъ въ полной ничтожности. Извѣстно, работать не умѣетъ, а бѣлый-то хлѣбъ на черной землѣ родится...

Обозный староста любилъ побалагурить отъ свободности, хотя дѣлалъ это по добродушію.

Бурсаки отправились въ семинарію, которая стояла на горѣ, противъ желтаго каѳедральнаго собора. Это было длинное каменное, трехъэтажное зданіе, показавшееся уѣзднымъ бурсачкамъ необыкновенно величественнымъ, какъ и слѣдуетъ быть храму науки.

— Налѣво по колидору, въ канцеляріи,—объяснилъ солдатъ-сторожъ, когда они вошли въ шинельную.—Тамъ спросите Ивана Васильича.

Секретарь правленія духовной семинаріи Иванъ Васильичъ, молодой черноволосый человѣкъ, сидѣлъ за своимъ столомъ и что-то усиленно строчилъ. Не глядя на вошедшихъ, онъ коротко спросилъ:

— Изъ какого училища?

— Богоявленскаго...

— Документы въ порядкѣ?

— Въ порядкѣ...

— Черезъ пять дней приходите на экзаменъ.

Бурсаки, переминаясь, только посмотрѣли другъ на друга.

— Мы казеннокоштные,—объяснилъ за всѣхъ Аристархъ Иванычъ.—Намъ говорили въ училищѣ, что можно прямо пріѣхать въ семинарію.

— Это прежде такъ было, а нынче преобразованіе... Кого примутъ, тѣ и будутъ жить въ семинаріи.

— А чѣмъ же мы будемъ жить?

Иванъ Васильичъ отвалился отъ своей работы и посмотрѣлъ на бурсаковъ добрыми близорукими глазами. Ему сдѣлалось ихъ жаль, потому что въ свое время и онъ прошелъ черезъ горнило вѣчно голодной бурсы.

— Чѣмъ вы будете жить?—повторилъ онъ въ раздумьи.—А ужъ это ваше дѣло... У насъ нынче все по новому. Требуется во всемъ строгая отчетность... да. А то вы проживете пять дней на казенный счетъ и вдругъ не поступите, тогда съ кого получать деньги?

Бѣдные бурсаки вышли изъ семинаріи, какъ говорится, не солоно хлѣбавши. Они постояли у семинарскаго крыльца, почесали въ затылкѣ и пошли на берегъ—семинарія выходила задними пристройками къ рѣкѣ. Энскъ расположился очень красиво на крутомъ берегу рѣки Межевой.

— Вотъ такъ рѣка!—ахнулъ Бѣлоусовъ.

Подъ городомъ Межевая разливалась громаднымъ плёсомъ въ версту шириной. Городской берегъ былъ сплошь усаженъ амбарами, пристанями, плотами, барками и пароходами. Провинціальные бурсаки ничего подобнаго въ своемъ захолустьи не видали и только удивлялись.

— А народу, народу сколько!—говорилъ за всѣхъ Бѣлоусовъ.

Съ вершины горы люди, копошившіеся на пристаняхъ, походили на муравьевъ. И всѣ куда-то торопились, что-то такое кричали—работа кипѣла ключомъ. Бурсаковъ больше всего занимали пароходы, которыхъ они еще не видали.

— Вотъ такъ штука, братцы! Побольше, пожалуй, нашего духовнаго училища вонъ тотъ пароходъ будетъ...

— А дымъ какъ изъ него валитъ, точно изъ бани...

Они на время даже забыли о своемъ положеніи. Вѣдь сколько народу живетъ и кормится въ Энскѣ, ну, и они какъ-нибудь проживутъ. На рѣкѣ чувствовалось что-то такое бодрое и хорошее, какъ при всякой дружной работѣ. Бурсаки спустились къ самымъ пристанямъ и долго ходили по берегу, любуясь на чужую работу. Дольше всего они простояли около грузившихся пароходовъ. На пароходной пристани была настоящая толкучка.

— Что вы тутъ торчите?—накинулся на нихъ какой-то сердитый старикъ сторожъ.—Люди работаютъ, а вы глазѣете...

Бурсаки вернулись на свой постоялый дворъ, когда голодъ далъ себя почувствовать. Они сосчитали свои капиталы, и у каждаго на

день приходилось не больше трехъ-пяти копеекъ. Значитъ, кромѣ ржаного хлѣба ничего нельзя ѣсть. Обозный староста вошелъ въ ихъ положеніе и замѣтилъ:

— Ничего, ребята, не сумлевайтесь. По-нашему такъ говорится: будетъ день, будетъ и хлѣбъ. Какъ-нибудь перебьетесь пока что...

II.

Обозъ отдыхалъ въ городѣ всего нѣсколько дней. Нашлась обратная кладь, и бурсаки съ грустью проводили пріятелей ямщиковъ до заставы.

— Главное, ничего не бойтесь, братцы!—повторилъ на прощаніе обозный староста.—Дѣйствуй, Аристархъ Иванычъ... Зимой опять, можетъ, будемъ съ обозомъ у васъ, такъ увидимся.

Пять дней ожиданія тянулись безъ конца. Всѣхъ томила одна и та же мысль: а вдругъ не примутъ? Цѣлые дни они проводили на берегу, гдѣ съ ранняго утра до ночи кипѣла работа, а на пароходныхъ пристаняхъ и ночью, когда приходили или уходили пароходы. Ежедневно бурсаки заглядывали въ семинарію, чтобы не пропустить какъ-нибудь экзамена. Тутъ они познакомились съ своимъ будущимъ начальствомъ, т.-е. узнали по объясненію солдата-сторожа, кто ректоръ, инспекторъ, экономъ и т. д. Ректоръ о. Иннокентій, протоіерей въ камилавкѣ, бѣгалъ по громаднымъ семинарскимъ коридорамъ удивительно бойко, причемъ держалъ голову немного на-бокъ. Онъ немного картавилъ и имѣлъ такой видъ, точно постоянно на кого-то сердился. Но всего болѣе бурсаковъ интересовалъ инспекторъ, молодой красивый священникъ, который ходилъ, откинувъ гордо голову назадъ, и размахивалъ широкими рукавами сѣрой рясы, причемъ у него на груди болтался серебряный магистерскій крестъ. Инспекторъ былъ гроза всей семинаріи. Когда его кто-нибудь спрашивалъ, онъ еще сильнѣе откидывалъ голову и смотрѣлъ черезъ золотое пенснэ взвѣшивающимъ взглядомъ и только потомъ отвѣчалъ. Новичковъ больше всего пугалъ его пріемъ спрашивать неожиданно въ упоръ. Остановится, разставитъ ноги и скажетъ:

— Что прикажете?

Такъ было и съ Аристархомъ Иванычемъ. Бѣдняга бурсачокъ не нашелъ, что ему отвѣтить, а инспекторъ, оглядѣвъ его съ ногъ до головы, проговорилъ:

— Нечего сказать, не столько милъ, сколько хорошъ...

Повернувшись быстро на каблукахъ, инспекторъ быстро зашагалъ по коридору, а Аристархъ Иванычъ долго смотрѣлъ ему вслѣдъ

и со страхомъ думалъ, что именно вотъ этотъ инспекторъ его и не пропуститъ на экзаменѣ.

Какъ ни крѣпились бурсаки, но черезъ три дня всѣ ихъ средства были исчерпаны. Главной статьей расхода являлась плата за постоялый по 3 к. въ сутки, а потомъ отъ бездѣлья всѣхъ томилъ страшный голодъ. Когда на всѣхъ пятерыхъ въ общей кассѣ осталось всего 13 к., наступилъ моментъ глухого отчаянія. Даже за ночлегъ нечѣмъ было заплатить за четвертыя сутки. Никто и ничего не говорилъ, потому что у всѣхъ на носу была одна бѣда. Выручило всѣхъ совершенно неожиданное обстоятельство. Разъ всѣ они вмѣстѣ шли по Черному рынку, гдѣ въ обжорномъ ряду продавались такія соблазнительныя вещи, какъ печенка, студень, пироги, калачи и т. д. Вѣроятно, голодный видъ несчастныхъ бурсаковъ бросался въ глаза постороннимъ людямъ, и ихъ остановилъ довольно грубый голосъ лаконическимъ вопросомъ:

— Новички?

— Да.

— Ѣсть хотите?

Новички замялись, а незнакомецъ засмѣялся и отвѣтилъ за нихъ самъ:

— До смерти жрать хочется... Да? Ахъ, вы, телячьи головы!... Навѣрно, изъ пятерыхъ двое Поповы... да? Такъ и зналъ... Ну, а я Богоявленскій. Богословъ и пѣвчій изъ семинарскаго хора... Впрочемъ, нынче преобразованіе—и не будетъ ни словесниковъ, ни философовъ, ни богослововъ. Отлично...

Когда богословъ узналъ, что новички изъ богоявленскаго духовнаго училища, то хлопнулъ Аристарха Иваныча по плечу и рѣшилъ:

— Значитъ, родственники, и значитъ, я васъ долженъ угостить.

Онъ засунулъ руку въ карманъ и вытащилъ какую-то мѣдную мелочь.

— Эге, какъ разъ довольно на шестерыхъ, братцы. Васъ-то торговки еще надуютъ, а меня ужъ никто не проведетъ. Сами у воды безъ хлѣба сиживали...

Пѣвчій Богоявленскій былъ настоящій бѣлокурый богатырь. Ему было уже подъ двадцать лѣтъ, и у него пробивались усы и борода. Бѣлокурые, слегка вившіеся волосы открывали бѣлый умный лобъ, а сѣрые глаза смотрѣли удивительно добродушно. Онъ былъ одѣтъ въ казенный семинарскій костюмъ изъ казинетоваго сюртука и глухой черной жилетки. Суконная черная фуражка съ чернымъ бархатнымъ околышемъ была ухарски сдвинута на затылокъ. Онъ провелъ своихъ новыхъ пріятелей подъ деревянный навѣсъ, гдѣ такъ аппе-

титно пахло горячими щами, вареной печенкой, лукомъ и свѣже-испеченнымъ ржанымъ хлѣбомъ.

— Ну, садись, ребята,—командовалъ Богоявленскій, усаживаясь у большого деревяннаго стола.

Торговки, видимо, его знали и наперебой предлагали самыя соблазнительныя вещи.

— На пятакъ щей да пожирнѣе,—командовалъ онъ.—На пятакъ студеня, на пятакъ ржаного хлѣба, на пятакъ калачей и на пятакъ сбитня. Пей и ѣшь, душа...

Такого пышнаго обѣда голоднымъ бурсакамъ еще не случалось ѣсть даже на постояломъ дворѣ. Въ концѣ шестидесятыхъ годовъ время было дешевое, и на пятакъ торговка налила цѣлую деревянную чашку дымившихся отъ жара жирныхъ щей. Остальное было въ томъ же родѣ—много, горячо и удивительно вкусно.

— Ѣшьте, братцы, а наголодаться еще успѣете,—проговорилъ Богоявленскій, любуясь на аппетитъ новичковъ.

Закончилось это пиршество сбитнемъ, густымъ и сладкимъ. Это уже была роскошь, такъ что новичкамъ сдѣлалось даже совѣстно, что они такъ объѣдаютъ и опиваютъ добраго человѣка.

— Ничего, какъ-нибудь сочтемся,—успокаивалъ ихъ Богоявленскій.—Деньги—пустое дѣло. Сегодня есть—завтра нѣтъ... А вотъ что будетъ съ преобразованіемъ. Очень ужъ стращаютъ... Ну, да ничего: страшенъ сонъ, да милостивъ Богъ.

Отъ Богоявленскаго новички узнали фамиліи будущихъ экзаменаторовъ и всѣ ихъ достоинства и недостатки. Оказалось, что въ сущности народъ былъ все хорошій, кромѣ инспектора.

— Да и онъ ничего, только фарсунъ,—объяснялъ Богоявленскій.—«Что прикажете?» Ха-ха... Любитъ запугать и напустить пыли...

— Я его боюсь,—откровенно признался Аристархъ Иванычъ.

— Э, вздоръ...

Богоявленскій подробно разспросилъ новичковъ объ ихъ училищѣ, гдѣ они воспитывались, и пришелъ въ восторгъ, что они ѣхали съ обозомъ цѣлыхъ три недѣли.

— Лучше нѣтъ, какъ быть обознымъ ямщикомъ или бурлакомъ,—задумчиво говорилъ онъ.—Тоже хорошо быть рыбакомъ...

Эта встрѣча и обрадовала, и ободрила новичковъ. Богоявленскій для нихъ сдѣлался своего рода идеаломъ, особенно для Аристарха Иваныча, который старался также выпячивать грудь колесомъ и также говорить молодымъ басомъ, обрывавшимся на высокихъ нотахъ, какъ у молодыхъ пѣтуховъ

— Ты это что надуваешься-то, какъ мышь на крупу?—замѣтила ему хозяйка постоялаго двора, очень сварливая баба, съ краснымъ, какъ кумачъ, лицомъ.—Не великъ еще въ первыхъ-то...

— Ладно, разговаривай,—съ гордостью отвѣтилъ Аристархъ Иванычъ.—Не вашего бабьяго ума дѣло...

Аристархъ Иванычъ совершенно напрасно нагрубилъ хозяйкѣ, но ему казалось, что Богоявленскій сдѣлалъ бы то же самое.

Въ семинарской канцеляріи дѣлалось все шумнѣе, и Иванъ Васильичъ буквально съ утра до вечера не разгибалъ спины. Изъ пяти духовныхъ училищъ набралось новичковъ до полутора сотъ человѣкъ. Составленіе однихъ списковъ чего стоило. Подъ конецъ Иванъ Васильичъ сдѣлался злымъ и придирчивымъ и все чаще употреблялъ фразу:

— Что—разорваться мнѣ для васъ?

III.

Наступилъ и роковой день пріемныхъ экзаменовъ. Семинарія сейчасъ походила на громадный улей, куда слетѣлись пчелы упиться сладкимъ медомъ науки. Въ коридорахъ происходила настоящая давка. Экзаменующихся раздѣлили по училищамъ. Каждое училище экзаменовалось въ отдѣльномъ классѣ. Ученикамъ богоявленскаго училища досталась актовая зала, большая свѣтлая комната съ расписнымъ потолкомъ и цѣлымъ рядомъ шкафовъ, гдѣ были размѣщены физическіе приборы. По разнымъ предметамъ экзамены производились за разными столиками. Какъ на бѣду, въ актовой залѣ экзаменаторами были и ректоръ, и инспекторъ. Аристархъ Иванычъ чувствовалъ себя очень скверно, точно предчувствуя неминучую бѣду. Другіе тоже чувствовали себя не лучше. Царила мертвая тишина. Всѣ боялись главнымъ образомъ инспектора, который сегодня имѣлъ особенно строгій видъ.

Передъ началомъ была совершена общая молитва, а потомъ ректоръ сказалъ коротенькую рѣчь по поводу преобразованія семинаріи.

— Вы, бгатцы, должны быть счастливы, что попали именно въ эпоху пгеобгазованія,—объяснялъ онъ.—Все будетъ по новому. Высшее начальство позаботилось обо всемъ, чтобы дать вамъ лучшее обгазованіе. Вы себѣ даже пгедставить не можете, сколько умныхъ людей габотало надъ этимъ. Сколько собгано коммиссій, сколько было засѣданій каждой коммиссіи, сколько сдѣлано докладовъ — однимъ словомъ, все взвѣшено, измѣнено и пгедусмотгено.

— Ну, теперь все кончено,—рѣшилъ про себя Аристархъ Ива-

нычъ, окончательно падая духомъ.—Учили по-старому, а экзаменовать хотятъ по-новому.

Экзаменующихся вызывали по алфавиту, и первой пострадала буква «а». Изъ шести человѣкъ провалилось трое. Одинъ бѣдняга пострадалъ изъ-за греческаго языка, а двое—по географіи. Изъ послѣдняго предмета экзаменовалъ инспекторъ и проявлялъ особенную свирѣпость. Экзаменующіеся сразу пріуныли. Учитель географіи въ богоявленскомъ училищѣ, дѣйствительно, плохо велъ свое дѣло и ученики отвѣчали изъ рукъ вонъ плохо. Ректоръ обратилъ вниманіе на срѣзавшихся, подошелъ къ инспекторскому столику и что-то долго объяснялъ инспектору.

— Воля ваша, а я не могу идти противъ совѣсти,—сказалъ инспекторъ, краснѣя отъ волненія.—Богъ знаетъ, что такое отвѣчаютъ... Семинарія не богадѣльня для неучей.

Инспекторскій столикъ явился чѣмъ-то вродѣ мѣста казни. Аристархъ Иванычъ, когда его вызвали, чувствовалъ, какъ у него затряслись руки и ноги. Онъ зналъ, что погибнетъ именно на географіи.

— Ну-съ, побесѣдуемъ, молодой человѣкъ,—говорилъ инспекторъ, улыбаясь и поправляя пенснэ.—О чемъ прикажете васъ спросить?

Аристархъ Иванычъ только переминался съ ноги на ногу и молчалъ. Весь остальной міръ больше для него уже не существовалъ. Послѣ двухъ-трехъ вопросовъ инспекторъ пригласилъ ректора, чтобы онъ лично убѣдился въ его снисходительности.

— Очень милый субъектецъ,—объяснялъ онъ, показывая глазами на Аристарха Иваныча.—Однимъ словомъ, гордость и слава богоявленскаго духовнаго училища. Итакъ, молодой человѣкъ, будемте продолжать пашу бесѣду. Вопросъ идетъ о томъ, куда впадаетъ рѣка Волга...

Аристархъ Иванычъ переминался.

— Куда впадаетъ Волга?—повторилъ вопросъ ректоръ.

Доведенный до отчаянія, Аристархъ Иванычъ отвѣтилъ:

— Въ Ледовитый океанъ...

— Очень хорошо,—похвалилъ инспекторъ.—Это цѣлое географическое открытіе... да. Ну-съ, а какъ вы думаете, кому принадлежитъ Испанія?

— Русскимъ...—сразу отвѣтилъ Аристархъ Иванычъ, плохо понимая, что говоритъ.

Инспекторъ посмотрѣлъ улыбавшимися глазами на ректора и еще разъ похвалилъ Аристарха Иваныча.

— Очень хорошо, молодой человѣкъ. Подарите намъ еще какое-нибудь государство...

Противъ фамиліи Аристарха Иваныча появилась очень жирная единица, которую инспекторъ вывелъ съ особеннымъ наслажденіемъ. Продолжать экзамены дольше было безполезно.

— Эхъ, бгатецъ, не хогошо,—пожалѣлъ ректоръ.

Аристархъ Иванычъ вышелъ изъ залы въ какомъ-то туманѣ. У него все вертѣлось передъ глазами, такъ что онъ даже не узналъ встрѣтившагося въ коридорѣ Богоявленскаго.

— Обзатылили?—спросилъ тотъ.—Экъ, угораздило тебя, Аристархъ Иванычъ...

— Въ географіи нарвался...

— Инспекторъ?

— Да. Онъ ужъ человѣкъ восемь провалилъ.

Богоявленскій говорилъ въ утѣшеніе что-то о переэкзаменовкѣ и, вообще, старался утѣшить, но Аристархъ Иванычъ ничего не понималъ. Онъ только махнулъ рукой и побрелъ къ выходу, точно самыя стѣны семинаріи его давили. Онъ очнулся только на берегу рѣки. Присѣвъ на скамейку, онъ долго смотрѣлъ на пристани внизу, на противоположный берегъ, на темную массу далекаго лѣса и никакъ не могъ понять, что ему теперь нужно дѣлать. Всѣ надежды исчезли, и впереди было темно. Пропало даромъ цѣлыхъ шесть лѣтъ ученья въ духовномъ училищѣ, шесть лѣтъ тяжелой бурсацкой науки. Какая ужасная вещь такая школьная единица. Она загораживала Аристарху Иванычу всю будущность. А тутъ еще явилась мысль о далекой степной деревнѣ, гдѣ мать Аристарха Иваныча жила просвирней. Отецъ умеръ, когда ему было всего пять лѣтъ, и мать кое-какъ перебивалась. Единственной надеждой въ ея жизни оставался Аристархъ Иванычъ, и эта надежда была убита. А какъ она безпокоится за него, какъ будетъ ждать письма дни и ночи и какъ будетъ плакать, когда, наконецъ, получитъ это роковое письмо... У Аристарха Иваныча, несмотря на бурсацкую выдержку, появились слезы на глазахъ.

Да, другіе поступятъ въ семинарію, будутъ учиться, а онъ выпущенъ съ волчьимъ паспортомъ на всѣ четыре стороны. Что стоило инспектору поставить всего два съ плюсомъ. У Аристарха Иваныча даже являлась мысль спуститься внизъ и броситься откуда-нибудь съ пристани въ рѣку. Разъ—и ничего не будетъ, ни одной единицы больше не будетъ... Ахъ, если бы не мать!...

Аристархъ Иванычъ подумалъ и другое. Вѣдь не всѣмъ же людямъ на свѣтѣ кончать курсъ въ энской духовной семинаріи. А съ другой

стороны, вѣдь не одинъ онъ пострадаетъ. Будутъ и другіе неудачники. Не всѣмъ же бросаться въ рѣку. Эта послѣдняя мысль о товарищахъ по несчастію являлась единственнымъ утѣшеніемъ. Да они и сами скоро явились на берегъ, точно сговорились впередъ. Кто срѣзался по греческому языку, кто по латыни, кто по географіи—у каждаго была своя бѣда.

— Что мы теперь будемъ, братцы, дѣлать?

Этотъ вопросъ оставался безъ отвѣта. Никто и ничего не зналъ. Даже завтрашній день являлся загадкой,—гдѣ пріютиться, чѣмъ кормиться.

IV.

Всѣхъ невыдержавшихъ вступительныхъ экзаменовъ оказалось больше сорока человѣкъ. Поочередно они являлись въ семинарскую канцелярію за полученіемъ документовъ, и Иванъ Васильевичъ спрашивалъ каждаго, изъ какого предмета провалился, качалъ головой и говорилъ:

— Экъ тебя угораздило...

Иногда выходилъ ректоръ и тоже жалѣлъ. Даже инспекторъ, встрѣтивъ Аристарха Иваныча въ коридорѣ, освѣдомился, что онъ думаетъ дѣлать.

— Не знаю ничего...—отвѣтилъ мальчикъ.

— Гм... да... Вѣроятно, домой поѣдешь?

— Денегъ нѣтъ.

— Гм... да... Придется, пожалуй, всю обратную географію пѣшедраломъ сдѣлать.

— Сапоги худые.

— Гм... да...

Какъ устраивается человѣкъ, у котораго нѣтъ ни денегъ, ни работы, ни сапогъ—вопросъ очень сложный и мудреный. Аристарху Иванычу пришлось испытать цѣлый рядъ непріятностей, когда за нимъ затворились двери семинаріи. Первое, что пришлось испытать—это отсутствіе ночлега, потому что нечѣмъ было платить на постояломъ дворѣ. Первые три ночи онъ ночевалъ на берегу подъ открытымъ небомъ, причемъ познакомился съ городскими золоторотцами.

— Поступай къ намъ,—приглашали его золоторотцы.—Мы, братъ, всему научимъ... Въ семинаріи-то васъ не учатъ кули таскать.

Эти ночевки на открытомъ воздухѣ прекратились, когда зарядило осеннее ненастье. Золоторотцы пригласили Аристарха Иваныча ноче-

вать съ ними на самомъ берегу подъ опрокинутыми лодками, но и тутъ настигла нежданая бѣда, когда золоторотцевъ накрылъ ночной полицейскій обходъ. Опытные въ этихъ дѣлахъ золоторотцы успѣли разбѣжаться, а попался одинъ Аристархъ Иванычъ.

— Что за человѣкъ?—грубо спрашивалъ его полицейскій, крѣпко держа его за плечо.

— Ученикъ духовнаго училища...

— Э, знаемъ мы вашего брата... Маршъ въ участокъ, тамъ Парфиръ Семенычъ разберетъ. Кто вчера обрѣзалъ канатъ у баржи?

— Не знаю...

— А кто подломилъ лавку на Черномъ рынкѣ—тоже не знаешь?

Аристархъ Иванычъ даже былъ радъ, когда могъ выспаться въ участкѣ,—и тепло, и дождемъ не мочитъ. Утромъ въ десять часовъ его вызвали къ околоточному. Это и былъ знаменитый Парфиръ Семенычъ, наводившій грозу на всѣхъ золоторотцевъ.

— Пачпортъ!—строго спросилъ онъ, не глядя на арестанта и перебирая какія-то бумаги.

Прочитавъ училищное свидѣтельство Аристарха Иваныча, околоточный покачалъ головой и замѣтилъ:

— Ахъ, ты, горе луковое... Что я съ тобой буду дѣлать?

Добродушный и толстый Парфиръ Семенычъ съ изрытымъ оспой лицомъ и рыжими усами подробно разспросилъ мальчика обо всемъ и, возвращая свидѣтельство, проговорилъ:

— Ну, вотъ что, Аристархъ Иванычъ... Сейчасъ я тебя отпущу съ Богомъ, а въ слѣдующій разъ не попадайся вмѣстѣ съ золоторотцами. Плохо будетъ... Много васъ не приняли въ семинарію? Больше сорока человѣкъ? Вотъ такъ преобразованіе, нечего сказать... Надо учителей гнать, которые плохо учатъ...

Ночлегъ являлся для Аристарха Иваныча самымъ мудренымъ вопросомъ. Конечно, были знакомые семинаристы, которые жили по частнымъ квартирамъ, но нигдѣ для него не находилось свободнаго уголка. На время выручилъ Богоявленскій.

— Погоди, я поговорю съ кашеваромъ Сенькой,—объяснялъ онъ.—Онъ устроитъ какъ-нибудь.

Благодаря этой протекціи, Аристархъ Иванычъ на цѣлыхъ двѣ недѣли устроился въ семинарской кухнѣ, гдѣ спали повара. Но тутъ опять вышла бѣда. Солдаты потребовали магарычъ, и Аристарху Иванычу пришлось продать на толкучемъ чуть не послѣднюю рубашку.

— Ахъ, озорники!—жалѣлъ его кашеваръ Сенька.—Креста на нихъ нѣтъ...

Это благополучіе продолжалось всего двѣ недѣли. Кто-то изъ сторожей донесъ семинарскому эконому о скрывавшемся на кухнѣ бурсакѣ, и Аристархъ Иванычъ былъ изгнанъ съ позоромъ.

— У насъ не ночлежный домъ,— коротко объяснилъ экономъ, обругавъ кашевара Сеньку.—Этакъ всѣ полѣзутъ на кухню, а я отвѣчай за всѣхъ...

Богоявленскій еще разъ устроилъ Аристарха Иваныча, въ которомъ принялъ большое участіе. Въ семинарію носилъ булки саечникъ Николка, разбитной малый и балагуръ.

— А я его въ нашу булочную опредѣлю,—рѣшилъ Николка.— По крайности сытъ будетъ и въ теплѣ. Можетъ, хозяинъ и жалованье потомъ опредѣлитъ...

Булочная помѣщалась въ старомъ деревянномъ домишкѣ на самомъ краю города, гдѣ начиналась уже солдатская слободка. Всѣхъ рабочихъ было одиннадцать человѣкъ, Аристархъ Иванычъ пришелся двѣнадцатымъ.

— Пусть попробуетъ,—уклончиво замѣтилъ хозяинъ, оглядывая новаго рабочаго съ ногъ до головы. — Только едва ли толкъ изъ тебя выйдетъ... Наша работа тяжелая.

Дѣйствительно, работа въ булочной оказалась не изъ легкихъ, главнымъ образомъ потому, что приходилось печь булки ночью. Рабочіе отнеслись къ Аристарху Иванычу подозрительно, какъ къ бѣлоручкѣ, который ни за что не умѣетъ взяться. Впрочемъ, они скоро помирились съ нимъ, когда узнали, что онъ грамотный. Въ булочной никого не было грамотнаго, и даже самъ хозяинъ вмѣсто фамиліи ставилъ крестъ. Здѣсь Аристарху Иванычу выпалъ первый заработокъ, онъ писалъ письма рабочимъ по копейкѣ за штуку и заработалъ нѣсколько копеекъ, на которыя и отправилъ письмо матери.

— Тебѣ не булки печь, а по письменной части надо устраиваться,—замѣтилъ хозяинъ.—Кажется, ежели бы я былъ грамотный, такъ чего бы не надѣлалъ...

Черезъ недѣлю Аристархъ Иванычъ былъ уволенъ безъ всякой видимой причины.

— Ничего изъ тебя не выйдетъ по нашей булочной части,—замѣтилъ хозяинъ.—Поищи другого подходящаго мѣста. Городъ, слава Богу, великъ...

Скитанья по другимъ мѣстамъ тоже не привели ни къ чему. Аристархъ Иванычъ пробовалъ работать въ переплетной, потомъ у столяра, у сапожника—и вездѣ его находили неподходящимъ.

— Учили тебя да не тому,—объяснялъ сапожникъ.—Сноровки никакой нѣтъ по нашему дѣлу, а кормить тебя начетисто. Великъ

выросъ и одного хлѣба сколько съѣшь... Иди куда-нибудь по своей части.

«Часть» Аристарха Иваныча заключалась только въ томъ, что онъ умѣлъ хорошо пѣть на гласы и недурно зналъ церковную службу.

Въ теченіе мѣсяца своей жизни съ волчьимъ паспортомъ, Аристархъ Иванычъ успѣлъ обойти всѣ присутственныя мѣста, но его нигдѣ не принимали. Всѣ мѣста были заняты, и вездѣ получался одинъ и тотъ же отказъ. Положеніе получалось самое безвыходное, такъ что даже Богоявленскій приходилъ въ отчаяніе.

— Должно же быть гдѣ-нибудь твое мѣсто?—повторялъ онъ.— Всѣ люди живутъ...

Единственнымъ результатомъ этихъ поисковъ работы было то, что въ духовной консисторіи Аристарху Иванычу предложили мѣсто, именно, клеить конверты въ ожиданіи пономарской вакансіи. Но онъ не могъ воспользоваться и этимъ счастливымъ случаемъ, потому что нужно было прослужить безъ всякаго жалованья мѣсяца три. По части питанія выручилъ Богоявленскій, снабжавшій Аристарха Иваныча кусками чернаго хлѣба, которые онъ выносилъ изъ семинарской столовой. Хорошо, что былъ и кусокъ чернаго хлѣба.

V.

Наступала глубокая осень. Деревья пожелтѣли, вода въ рѣкѣ казалась темно-бурой, ночи дѣлались холодными. На улицахъ Энска стояла непролазная грязь. Всѣ обыватели готовились къ зимѣ, вставляя зимнія рамы, заготовляя дрова и доставая шубы. И днемъ было холодно. Чтобы погрѣться, Аристархъ Иванычъ заходилъ въ духовную консисторію и по цѣлымъ часамъ сидѣлъ съ разными просителями. Были тутъ и вдовы, хлопотавшія о пенсіи, и заштатные священники, и ветхозавѣтные дьячки, вызванные въ консисторію по разнымъ дѣламъ. Нѣкоторые ходили въ консисторію недѣли по двѣ, дожидаясь рѣшенія своего дѣла.

— Ты это чего здѣсь толчешься, паренекъ?—спрашивали Аристарха Иваныча и, узнавъ, въ чемъ дѣло, участливо качали головами.— Ахъ, бѣдняга... Много народу осталось на улицѣ по преобразованію. А впрочемъ, начальство лучше насъ знаетъ...

Изъ непринятыхъ въ семинарію въ городѣ осталось очень мало. Всѣ разъѣхались по домамъ, кому было поближе. Аристархъ Иванычъ завидовалъ имъ отъ всей души и мечталъ о своемъ родномъ селѣ, какъ объ раѣ. Только бы добраться туда... А что будетъ тамъ, Аристархъ Иванычъ какъ-то не думалъ. Нужно было проѣхать боль-

ше четырехсотъ верстъ да еще въ осеннюю распутицу. Кромѣ того, у Аристарха Иваныча не было теплой зимней одежды, каковой казеннокоштнымъ воспитанникамъ не полагается!

— Ахъ, только бы уѣхать домой!—мечталъ Аристархъ Иванычъ.—Только бы уѣхать...

Богоявленскій попрежнему оставался для него добрымъ геніемъ. Онъ между прочимъ подарилъ свои сапоги и старое осеннее пальто.

— Въ семинарію похожу и въ худыхъ сапогахъ,—объяснялъ онъ.—А осеннее пальто мнѣ совсѣмъ даже не нужно...

Аристарха Иваныча огорчало только одно, именно, что Богоявленскій былъ противъ того, чтобы онъ ѣхалъ домой.

— Что ты будешь дѣлать дома?—разсуждалъ Богоявленскій.—Конечно, можно современемъ поступить въ псаломщики или волостные писаря, но нужно протекцію. У тебя есть кто-нибудь вліятельный знакомый?

— Нѣтъ, никого нѣтъ, кромѣ церковнаго старосты.

— Ну, съ твоимъ старостой недалеко уѣдешь. Да... А, впрочемъ, всѣ понемногу устраиваются и въ деревнѣ. Какъ-нибудь перебьешься.

Все это были пустыя слова, которымъ Богоявленскій и самъ не вѣрилъ. Его огорчало, главнымъ образомъ то, что Аристархъ Иванычъ не могъ нигдѣ устроиться, ни къ какому ремеслу, пока не понялъ, въ чемъ дѣло.

— Переросъ ты, Аристархъ Иванычъ, вотъ въ чемъ бѣда,—объяснялъ онъ. — Въ ремесло поступаютъ восьмилѣтними мальчиками и учатся изъ-за хлѣба, а тебя держать изъ-за хлѣба, пока выучишься—невыгодно хозяину. Ремесло, братъ, великое дѣло. Съ нимъ нигдѣ не пропадешь... А нашъ греческій да латинскій языкъ кому нужны? Вотъ посмотри, какъ живутъ городскіе мѣщане—и свой домикъ, и свое хозяйство почти у каждаго, потому что у каждаго есть свое дѣло, кто чѣмъ промышляетъ. Съ нашимъ-то волчьимъ паспортомъ у воды безъ хлѣба до сыта насидишься...

Съ каждымъ днемъ положеніе Аристарха Иваныча дѣлалось все хуже. Начались уже первые заморозки. Старики ходили въ шубахъ. Разъ въ такое холодное утро Аристрахъ Иванычъ зашелъ погрѣться въ пріемную духовной консисторіи. Тамъ народу набралось особенно много, потому что вездѣ полевыя работы кончились, а также и сборъ «осенняго» по приходамъ. Аристархъ Иванычъ прислушивался къ чужимъ разговорамъ и завидовалъ всѣмъ, потому что всѣ пріѣхали въ Энскъ только на время, а потомъ вернутся къ себѣ домой. Что можетъ быть лучше своего угла вообще, а осенью въ особенности. Ари-

стархъ Иванычъ былъ изумленъ, когда услышалъ, какъ его кто-то назвалъ по-фамиліи.

— Не знаешь ли, гдѣ живетъ Бѣлоусовъ?—спрашивалъ сѣдой сгорбленный старичокъ въ деревенскомъ подрясникѣ и въ косичкахъ такимъ тономъ, точно въ Энскѣ всѣ должны были знать Бѣлоусова.

Сѣдой старичокъ, очевидно изъ деревенскихъ дьячковъ, уже началъ сердиться, что никто не знаетъ Бѣлоусова, даже послѣ того, когда онъ объяснилъ, что этотъ Бѣлоусовъ изъ Богоявленскаго духовнаго училища.

— А какъ его зовутъ?—спросилъ Аристархъ Иванычъ, не вѣря собственнымъ ушамъ.

— А вотъ этого я и не знаю,—отвѣтилъ старичокъ.—Мать-то вотъ какъ наказывала его разыскать и имя называла, а я имя-то и забылъ.

— Не Аристархомъ ли?

— Вотъ, вотъ... Онъ самый. Экая память-то: до половины дороги все помнилъ, а тутъ изъ головы все вытрясло. Именно, Аристархъ Бѣлоусовъ. Я и отца его зналъ: о. Иванъ.

— Значитъ, вы меня разыскиваете: я и есть Аристархъ Иванычъ.

Въ первую минуту сѣдой старичокъ почему-то не повѣрилъ и только убѣдился тогда, когда Аристархъ Иванычъ показалъ свое училищное свидѣтельство.

— Вотъ ужъ поистинѣ, что гора съ горой не сходится, а человѣкъ съ человѣкомъ сойдется,—бормоталъ старичокъ, пытливо разсматривая Аристарха Иваныча съ ногъ до головы.—И, вѣдь, на отца похожъ... Ахъ, ты, братецъ мой, какая исторія съ географіей вышла!... Мать-то тебѣ отцовскую шубу послала да пять рублей деньгами... Вотъ какое дѣло.

Аристархъ Иванычъ просто не вѣрилъ собственнымъ ушамъ, точно все происходило во снѣ.

— Ахъ, ты грѣхъ какой вышелъ!—разсуждалъ старичокъ, начиная шарить въ карманахъ своего подрясника. — Главное-то и забылъ: вѣдь тебѣ и письмо есть отъ матери. Домой тебя зоветъ... А я твое-то письмо чуть съ своимъ прошеніемъ въ консисторію не отдалъ.

Письмо было, наконецъ, отыскано, и Аристархъ Иванычъ по адресу на конвертѣ узналъ руку матери. Она писала ему, чтобы онъ ѣхалъ съ старикомъ дьячкомъ домой, а тамъ,—прибавила она,—«увидимъ». Между прочимъ, она сообщала, что нынче у нея уроди-

лась такая хорошая картошка, какой еще не бывало, потомъ—что отелилась корова телочкой и т. д.

— Вотъ только я управлюсь съ своими дѣлами и сейчасъ махнемъ домой,—объяснялъ старикъ.—Хоть и начались заморозки, ну, да въ шубѣ-то стрѣлой не прошибешь...

Старый дьячокъ остановился на постояломъ дворѣ, куда переселился и Аристархъ Иванычъ. Онъ сразу ожилъ духомъ и, конечно, сейчасъ же сообщилъ обо всемъ Богоявленскому.

— Что же, можетъ быть, и хорошо,—условно согласился тотъ.

— Да ужъ только бы выбраться изъ Энска... И дома найдемъ работу.

Стараго деревенскаго дьячка звали Матвѣемъ Иванычемъ. Онъ пріѣхалъ въ Энскъ по какому дѣлу, о которомъ хлопоталъ лѣтъ двадцать, и о которомъ въ консисторіи давно всѣ забыли.

— Этакое дѣло, срокъ пропустилъ, — жаловался Матвѣй Иванычъ.—А дома-то старуха вотъ какъ ждетъ... Боится, главное, что меня дорогой разбойники убьютъ.

Въ Энскѣ старикъ хотѣлъ прожить, пока не рѣшится его дѣло, но потомъ неожиданно перерѣшилъ все. Проснулся утромъ, посмотрѣлъ въ окошечко постоялаго двора и проговорилъ:

— Ну, Аристархъ Иванычъ, пора намъ съ тобой и по домамъ. Будетъ, погостили въ губерніи. Въ гостяхъ хорошо, а дома и лучше того...

Аристархъ Иванычъ разыскалъ обозъ, и все было готово. Наканунѣ отъѣзда вечеромъ на постоялый дворъ пришелъ Богоявленскій. Онъ былъ сегодня какой-то грустный и нѣсколько разъ проговорилъ:

— Эхъ, и я бы съ вами поѣхалъ, братцы...

Они втроемъ долго сидѣли вечеромъ за самоваромъ и успѣли наговориться обо всемъ, а главнымъ образомъ, о реформѣ духовно-учебныхъ заведеній. Матвѣй Иванычъ только вздыхалъ, поглядывая на Аристарха Иваныча.

— Что же, за битаго двухъ небитыхъ даютъ,—проговорилъ онъ задумчиво.—Да на людяхъ, говорятъ, и смерть красна. Да, вообще... А меня что, главное, удивляетъ. По нашему, по-деревенскому, ежели въ семьѣ подросъ парень—вѣдь это цѣлый капиталъ. Да какъ имъ дорожатъ-то... да. А тутъ по преобразованіи гонятъ людей въ три шеи... Мать-то у тебя, Аристархъ, какъ убивается, я ее утѣшалъ... Вотъ мое дѣло: послѣднее-распослѣднее дѣло дьячокъ—такъ? А у меня ремесло: кузницу завелъ и свой кусокъ хлѣба имѣю. Посмотри-ка, какія у меня руки...

Старикъ показалъ свои обожженныя, мозолистыя руки и засмѣялся.

— Вотъ эти ручки ничего не боятся и ты ничего не бойся. Такъ и матери скажи: Матвѣй Иванычъ мнѣ ничего не велѣлъ бояться. Ужъ въ худой день я въ своей кузницѣ рубль заработаю... Теперь вотъ васъ по Рассеѣ большія тысячи съ волчьимъ паспортомъ пустили, а вы не бойтесь. Ничего не бойтесь, братцы... Ну, преобразованіе, ну, гонятъ въ три шеи, а развѣ однихъ васъ гонятъ. Посчитайте-ка, сколько въ гимназіи кончатъ: поступили шестьдесятъ, а кончили шесть.

Богоявленскій соглашался съ Матвѣемъ Иванычемъ и рѣшилъ сдѣлаться кузнецомъ, какъ раньше мечталъ быть бурлакомъ или рыбакомъ.

— Нѣтъ, ужъ ты лучше кончай свою семинарію,—совѣтовалъ Матвѣй Иванычъ.—А тамъ, чѣмъ хочешь, тѣмъ и будь... Совсѣмъ другая музыка. Я-то говорю о лишенныхъ по преобразованію образованія... Значитъ, которые отъ одного берега отстали, а къ другому не пристали. Однимъ словомъ, съ волчьимъ паспортомъ...

Раннимъ утромъ на другой день обозъ потянулся изъ Энска. Богоявленскій пришелъ проводить и доѣхалъ на возу до заставы.

— Ну, съ Богомъ,— прощался онъ.—Ничего, Аристархъ Иванычъ, какъ-нибудь устроишься.

— Да ужъ устроимся,—отвѣтилъ Матвѣй Иванычъ, кутаясь въ шубу.—Не пропадать же, въ самомъ-то дѣлѣ.

Д. Маминъ-Сибирякъ.

Въ Альпахъ.

Сонетъ на льдинѣ.

На высотѣ, на снѣговой вершинѣ
Я вырѣзалъ стальнымъ клинкомъ сонетъ.
Проходятъ дни. Быть можетъ, и до нынѣ
Снѣга хранятъ мой одинокій слѣдъ.

На высотѣ, гдѣ небеса такъ сини,
Гдѣ радостно сіяетъ зимній свѣтъ,
Глядѣло только солнце, какъ стилетъ
Чертилъ мой стихъ на изумрудной льдинѣ.

И весело мнѣ думать, что поэтъ
Меня пойметъ. Пусть никогда въ долинѣ
Его толпы не радуетъ привѣтъ!

На высотѣ, гдѣ небеса такъ сини,
Я вырѣзалъ въ вечерній часъ сонетъ
Лишь для того, кто бродитъ на вершинѣ.

Ив. Бунинъ.

Физико-механическая модель живой матеріи *).

Главнымъ источникомъ дѣятельности живой матеріи являются происходящіе въ ней химическіе процессы. Только въ послѣдніе годы химическая статика и динамика сдѣлали настолько значительные успѣхи, что предвидится возможность подвинуть въ недалекомъ будущемъ еще далѣе объясненіе процессовъ жизни.

Природа не сообразуется въ своихъ созданіяхъ съ состояніемъ знанія въ извѣстную эпоху, почему и пробѣлы въ пониманіи явленій вполнѣ естественны. Между тѣмъ такіе пробѣлы въ области жизни, несмотря на значительные успѣхи, достигнутые приложеніемъ физики и химіи къ физіологіи, принимаются иногда за указаніе присутствія въ живой матеріи силъ, отличныхъ отъ тѣхъ, которыя дѣйствуютъ въ неорганическомъ мірѣ.

Виталистическія теоріи несвоевременны: переживаемая нами эпоха должна служить не къ разъединенію, а къ сближенію задачъ объ организованномъ и неорганизованномъ въ природѣ. Не только въ области жизни, но и въ области неживой матеріи, одинаково, факты накопляются быстрѣе, чѣмъ растутъ средства для ихъ пониманія. Въ такіе моменты, не въ первый разъ встрѣчающіеся въ исторіи науки, слѣдуетъ осмотрѣться, не существуютъ ли общія истины, которыя могли бы установить рамки для теоретизирующей мысли? Такія истины можно искать только въ области физическаго знанія и потому-то я думалъ, что не лишенъ интереса вопросъ о тѣхъ пріемахъ, съ какими физикъ могъ бы подступить къ явленіямъ жизни.

Дѣлая попытку изложить эти пріемы, я имѣлъ въ виду, главнымъ образомъ, намѣтить гипотезы, дѣлающія возможнымъ дальнѣйшее мышленіе о процессахъ въ организованной матеріи.

Представленія о жизни и вселенной, устанавливавшіяся въ различныя времена и у различныхъ народовъ, можно отнести къ идеямъ, выстраданнымъ человѣчествомъ. Невольно выдвигается вопросъ, не затрогиваемъ ли

*) Рѣчь проф. Умова на XI-мъ съѣздѣ русскихъ естествоиспытателей и врачей въ С.-Петербургѣ.

мы святилище, перемѣщая эти міровыя задачи изъ установившихся пріемовъ ихъ рѣшенія въ область естествознанія? Если мы сравнимъ роскошный и гармоничный образъ міра, выходящій изъ рукъ науки, съ образами, созданными внѣнаучной мыслью, мы должны ожидать, что наука приведетъ насъ къ болѣе глубокому пониманію жизни, непредусматриваемому даже въ настоящее время. Слѣдуетъ стремиться къ тому, чтобы возвышенный этическій обликъ научныхъ пріемовъ исканія истины вступилъ въ свои права и въ этой области.

Не только разумъ получитъ высшее удовлетвореніе, но еще шире, чѣмъ въ настоящее время, будетъ выдвинута этическая задача—создать технику упорядоченія живого, подобно тому, какъ создана техника упорядоченія неорганизованной матеріи. Естественно-научныя лабораторіи, покрывающія цивилизованныя страны болѣе и болѣе густою сѣтью, возрастающее число работниковъ, отдающихъ свои силы естествознанію, указываютъ намъ, что здѣсь мы имѣемъ дѣло съ болѣе глубокой причиной, чѣмъ удовлетвореніе любознательности досужихъ умовъ.

Наши познанія о природѣ вытекаютъ изъ свидѣтельствъ органовъ чувствъ, и это обстоятельство приводитъ виталистовъ къ заключенію о невозможности открыть въ живой природѣ что-либо отличное отъ того, что мы открываемъ въ неживой.

Отсюда выводится какъ слѣдствіе, что приступать къ изученію живой матеріи пріемами физики и химіи безсмысленно! До произнесенія такого приговора слѣдовало бы отдать себѣ отчетъ въ томъ, что̀ открываемъ мы въ природѣ нашими органами чувствъ? Мы обнаруживаемъ, напр., область электрическихъ явленій, не обладая спеціальнымъ органомъ электрическаго ощущенія, а пользуясь органомъ зрѣнія. Мы имѣемъ органъ для свѣтовыхъ ощущеній, и не имѣемъ органа для ощущенія невидимыхъ лучей; между тѣмъ мы открыли такіе лучи, опять-таки органомъ, созданнымъ для лучей видимыхъ. Мы можемъ различать свѣтовые и музыкальные тоны, но мы не имѣетъ теплового органа, который давалъ бы намъ возможность открывать безчисленное множество тепловыхъ тоновъ, наполняющихъ природу; между тѣмъ мы находимъ эти тоны, мы ихъ регистрируемъ и притомъ органомъ совершенно къ тому неприспособленнымъ—органомъ зрѣнія и т. д. Такимъ образомъ, физическія науки даютъ намъ возможность открывать въ природѣ такія явленія, для непосредственнаго ощущенія которыхъ мы не надѣлены спеціальными чувствами. Итакъ, то положеніе, что въ основѣ нашего познанія природы лежатъ свидѣтельства нашихъ органовъ вкуса, обонянія, осязанія, слуха и зрѣнія, не должно быть понимаемо въ томъ смыслѣ, что все содержаніе познаваемыхъ нами свойствъ природы исчерпывается ощущеніями этихъ органовъ: только въ этомъ случаѣ приговоръ виталистовъ имѣлъ бы основаніе.

Подобнаго рода приговоры представляютъ собою отголосокъ распространеннаго мнѣнія о неизмѣримой пропасти, отдѣляющей живое и нежи-

вое въ природѣ. Но мы знаемъ, что спускаясь по лѣстницѣ живыхъ существъ отъ высшихъ къ низшимъ, кругъ жизненныхъ проявленій все болѣе упрощается и суживается. Мы приближаемся къ микроскопическимъ клѣткамъ, которыя странствуютъ, выпуская придатки, пока не найдутъ пригодной себѣ пищи. А рядомъ—мы видимъ капли масла, выпускающія подобные же придатки или псевдоподіи навстрѣчу струѣ раствора соды; видимъ, какъ капли ртути въ слабой азотной кислотѣ, ползутъ, совершая амёбообразныя движенія, по направленію къ кристаллу двухромокислаго кали, наблюдаемъ ростъ искусственныхъ клѣтокъ съ полупроницаемыми стѣнками, ростъ кристалловъ; движеніе зернышекъ желѣза, затерявшихся въ кучѣ песчинокъ, къ приближаемому полюсу магнита.

Явленія поверхностнаго натяженія и осмотическаго давленія представляютъ связующее звено между простѣйшими проявленіями жизни и неорганизованной природой. Мы вернемся еще къ этому вопросу, а теперь достаточно указать, что и допуская существованіе пропасти между живымъ и неживымъ, слѣдуетъ отвергнуть ея неизмѣримость, что въ значительной мѣрѣ подвергаетъ сомнѣнію ея существованіе. Въ самомъ дѣлѣ, отличіе живой матеріи отъ неживой могло бы быть глубже.

Высшій представитель живой матеріи,—человѣкъ,—не обладаетъ цѣлымъ рядомъ органовъ чувствъ. Объемъ міра, ощущаемаго человѣкомъ, опредѣляется этими органами. Для индивидуума, владѣющаго только органомъ вкуса, весь міръ ограничился бы полостью рта; для человѣка, обладающаго органомъ зрѣнія, объемъ міра указанъ красотами звѣзднаго неба, красотами ландшафта, озаряемаго лучами заходящаго солнца. Но это заходящее солнце не только лучезарное, оно, — очагъ цѣлой бездны невидимыхъ лучей и электрическихъ силъ, играющихъ еще болѣе роскошными переливами въ разстилающихся передъ нашими глазами вещахъ. Намъ недоступны эти красоты, какъ и красота небеснаго свода, усѣяннаго безпредѣльнымъ числомъ невидимыхъ небесныхъ тѣлъ, испускающихъ разнообразнѣйшіе тепловые тоны и превосходящихъ своими размѣрами размѣры солнца.

Несомнѣнно, что познаваемая нами картина міра была бы несравненно роскошнѣе и познаніе было бы полнѣе.

Сопоставимъ теперь дѣйствія живой матеріи съ дѣйствіями неживой. Конечно, мнѣ нечего останавливаться на томъ, что ни во вселенной, ни въ микрокосмѣ, который обнимаетъ собою обыденные интересы живого, оно не проявляетъ способностей, свойственныхъ небеснымъ свѣтиламъ. Мы удовольствуемся разсмотрѣніемъ тѣхъ скромныхъ преимуществъ, которыми жизненныя силы могли бы одарить матерію. Если бы жизнь измѣняла свойства матеріи, эти измѣненія отразились бы прежде всего на томъ, что для организма наиболѣе важно. Именно этого мы и не находимъ въ явленіяхъ.

По ученію Ньютона, сила взаимнаго тяготѣнія двухъ тѣлъ не зависитъ отъ ихъ природы, а только отъ ихъ массъ и пропорціональна нѣкоторой

величинѣ, называемой гравитаціонной постоянной. Она одинакова для всѣхъ тѣлъ природы, чѣмъ указывается единство образующей ихъ матеріи, иными словами единство всѣхъ первичныхъ способностей или силъ міра. Величина этой постоянной не мѣняется, когда матерія входитъ въ составъ живого тѣла. Даръ жизни не нарушаетъ подчиненія матеріальныхъ процессовъ и закону сохраненія энергіи. Не измѣняются не только количественныя, но и качественныя отношенія. Для живой матеріи представляется въ высокой степени важнымъ повышеніе своей работоспособности.

Если бы живыя клѣтки въ своей изумительной дѣятельности, напр., при отборѣ веществъ, управлялись не общими законами природы, то таинственныя жизненныя силы направили бы ихъ дѣятельность прежде всего на поднятіе рабочаго коэффиціента живой машины.

Мышца представляетъ собою хемодинамическую машину. Въ такой машинѣ вся доставляемая химическая энергія можетъ превращаться въ работу. Между тѣмъ мышца даетъ только *отъ 25% до 30%* полезнаго дѣйствія.

Переложимъ на языкъ болѣе точный, языкъ механики, подмѣчаемыя нами соотношенія между живой и неживой матеріей. Взаимодѣйствіе этихъ двухъ формъ можетъ быть расчленено на дѣйствіе живой матеріи на неживую и обратное. Научный и обыденный опытъ показываютъ, что живая матерія не измѣняетъ своею дѣятельностью законовъ природы неорганической. Мы можемъ поэтому высказать слѣдующее положеніе:

Дѣйствіе живой матеріальной системы на неживую можетъ быть замѣнено дѣйствіемъ нѣкоторой неживой матеріальной системы.

Перейдемъ теперь къ разсмотрѣнію вопроса о томъ, насколько справедлива теорема обратная той, которая была только что формулирована. Дѣйствительно, не очевидно, что дѣйствіе внѣшняго міра на живую матерію эквивалентно дѣйствію на нѣкоторую неживую матеріальную систему.

Представимъ себѣ звѣря, который, увидавъ опасность, сразу останавливается и испускаетъ крикъ, предупреждающій товарищей. Спрашивается, возможно ли замѣнить процессы, сопровождающіе этотъ сознательный актъ, процессами въ нѣкоторой неживой матеріальной системѣ?

Да, можно, давая такой системѣ соотвѣтственную организацію. Представьте себѣ локомотивъ, несущій на своей груди пластинку селена, включенную въ одну цѣпь съ аккумуляторомъ и релэ, которое можетъ замыкать сильную батарею, соединенную съ электродвигателемъ. Навстрѣчу нашему локомотиву несется другой, имѣя впереди вольтову дугу. При сближеніи поѣздовъ, лучъ свѣта падаетъ на пластинку селена, которая становится проводникомъ электричества, релэ замыкаетъ батарею, освобождаетъ, какъ говорятъ, химическую энергію; завертѣвшійся электрическій двигатель пускаетъ въ ходъ тормозы и открываетъ клапанъ въ свистѣ локомотива Здѣсь повторились процессы раздраженія, освобожденія энергіи и реакціи, происходившіе въ животномъ.

Итакъ, въ цѣломъ рядѣ актовъ, сопровождающихся сознаніемъ и вы-

зываемыхъ внѣшнимъ міромъ, живая матерія можетъ быть замѣнена автоматомъ. На двухъ формулированныхъ теоремахъ основана приложимость физики и химіи къ явленіямъ, представляемымъ организмами.

Воздѣйствія внѣшняго міра на живую матерію сказываются еще группою явленій, лежащихъ внѣ только что разсмотрѣнныхъ и составляющихъ до сего времени область непостижимаго, область *психики*.

Разграничивъ явленія въ живой матеріи, просмотримъ бѣгло извѣстныя опредѣленія жизни. Одно изъ старѣйшихъ гласитъ, что жизнь есть совокупность функцій, сопротивляющихся смерти. Эта формула соотвѣтствуетъ опредѣленію живой матеріи, какъ системы, стремящейся къ самосохраненію.

Даетъ ли такое опредѣленіе сколько-нибудь обстоятельное представленіе о живыхъ формахъ, существующихъ на нашей планетѣ, объ ихъ значеніи, роли въ природѣ, о направленіи, въ которомъ совершается эволюція живого?

Самосохраніе есть качество, обнаруживаемое очень различными вещами. Не есть ли способность къ самосохраненію лишь побочное слѣдствіе другого, болѣе опредѣленнаго, необходимаго и достаточнаго признака живого?

Сопротивленіе тяжелаго камня поднятію есть тоже борьба за сохраненіе своего временнаго состоянія.

Свойство металла покрываться слоемъ окиси, предохраняющимъ его отъ дальнѣйшаго окисленія, не есть ли тоже борьба за существованіе? Поступательное движеніе быстро вращающагося волчка есть тоже результатъ борьбы за сохраненіе направленія оси вращенія и т. д.

Другое опредѣленіе жизни, какъ непрерывнаго приноравливанія внутреннихъ отношеній къ внѣшнимъ, также мало подвигаетъ насъ въ пониманіи жизни. Внѣшній міръ такъ сложенъ и разнообразенъ, что нужно указать, къ чему изъ этого разнообразія приноравливается живая матерія и что она приноравливаетъ; иначе останется признать, что она приноравливается ко всему. Въ послѣднемъ случаѣ живое тѣло должно оказывать наибольшее сопротивленіе каждому случайному воздѣйствію внѣшнихъ силъ. Механическое описаніе такого тѣла требовало бы разрѣшенія безчисленнаго множества уравненій и было бы недоступно геніальнѣйшему уму.

Наконецъ, остановимся на новѣйшемъ опредѣленіи живой матеріи, данномъ физико-химикомъ Оствальдомъ. Живая матерія есть самосохраняющійся и самоснабжающійся очагъ стаціонарныхъ или установившихся превращеній энергіи. Живую матерію можно уподобить горящей лампѣ, которая сама добываетъ сжигаемое масло.

Всѣ приведенныя опредѣленія безусловно соотвѣтствуютъ тому, что мы наблюдаемъ въ живомъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ чувствуется, что рамки этихъ опредѣленій слишкомъ широки, что изъ нихъ не вытекаютъ даже приблизительно формы окружающей насъ жизни.

Переходя теперь къ разсмотрѣнію занимаемаго насъ вопроса съ физической точки зрѣнія, я долженъ прежде всего остановиться на принципіаль-

ныхъ затрудненіяхъ, представляемыхъ присутствіемъ въ живой матеріи непостижимой области.

Обычное пониманіе слова «постижимость» не тожественно съ основной идеей физической науки, съ идеей о раціональности явленій, оно нуждается въ расширеніи. Пока, въ фабричномъ заведеніи, мы останавливаемъ наше вниманіе на движеніи шкивовъ, передаточныхъ ремней, движеніи зубчатыхъ колесъ, сверлъ и т. д.,—все намъ понятно. Но впечатлѣніе мѣняется, когда мы переходимъ къ разсмотрѣнію двигателей, т.-е. источниковъ движенія или результатовъ производства. Если машина приводится въ движеніе быстрымъ потокомъ воды, мы можемъ разсчитать работу потока, но мы не можемъ представить себѣ процессъ, какимъ образомъ тяжелая жидкость пріобрѣтаетъ все возрастающую скорость, какимъ образомъ потенціальная энергія превращается въ энергію движенія и т. д. Точно также результатъ производства выражается обработкой вещества противъ силъ, связывающихъ молекулы между собою, а эти силы непостижимы.

Итакъ, намъ понятны только сохраненіе и передача движенія. Но и здѣсь мы имѣемъ дѣло съ условною постижимостью: это — факты намъ привычные или такіе, на которыхъ, какъ на конечныхъ, мы соглашаемся остановиться.

Мы можемъ повторить здѣсь слова Nägeli, сказанныя имъ на собраніи натуралистовъ въ Мюнхенѣ въ 1877 г.: «Природа въ своихъ простѣйшихъ неорганическихъ проявленіяхъ воздвигаетъ естествознанію такія же препятствія, какъ и въ вопросахъ о происхожденіи ощущеній и сознанія». Чтобы овладѣть фактами неорганическаго міра, методами раціональной механики, физика должна была выбрать изъ этихъ методовъ такіе, которые дѣлаютъ излишнимъ значеніе и построеніе механизма явленія. Таковы энергетическіе методы термодинамики—обобщенныя уравненія Лагранжа, принципъ Гамильтона и свойства кинетическаго потенціала; законы взаимности, выводимые изъ свойствъ этого потенціала, даютъ критерій для заключенія на основаніи чрезвычайно общихъ признаковъ—принадлежитъ ли явленіе къ разряду механическихъ или нѣтъ. Примѣненіе подобныхъ методовъ равносильно допущенію, что чувствуемая нами природа совмѣщена еще съ другой природой, лежащей внѣ нашихъ чувствъ. Кромѣ явныхъ движеній, мы представляемъ себѣ еще скрытыя движенія, verborgene Bewegungen, наполняющія вселенную въ несравненно большемъ количествѣ, чѣмъ видимыя. Независимо отъ этихъ освященныхъ наукою пріемовъ, школа Лорентца, ученія которой блестяще оправдались рядомъ новѣйшихъ физическихъ открытій, выдвигаетъ вопросъ о переработкѣ нашихъ представленій о матеріи. Матерія замѣняется биполярными не матеріальными элементами—мѣстами концентраціи силовыхъ линій, ея инерція есть инерція электромагнитнаго поля. Съ точки зрѣнія такой теоріи слѣдуетъ признать, что подобно тому, какъ свѣтъ и звукъ суть только наши ощущенія, такъ и матеріальность, и пространственная ограниченность вещей не болѣе какъ формы нашихъ ощущеній. Каждая вещь, представляя собою систему сило-

выхъ линій, разстилающихся въ пространствѣ, не имѣетъ предѣловъ. Индивидуумъ, обладающій только органомъ вкуса, какъ я уже говорилъ, низвелъ бы объемъ всего міра къ полости рта; такъ и мы, благодаря ограниченности нашего чувства осязанія сводимъ всѣ вещи къ небольшимъ пространственнымъ участкамъ, къ мѣстамъ концентраціи и расхожденія силовыхъ линій, наполняющихъ пространство. Теперь менѣе, чѣмъ когда-нибудь можно говорить о демаркаціонной линіи между живой и неживой матеріей.

Къ чему же сводится метода физики? Во-первыхъ, всякое непостижимое явленіе, т.-е. имѣющее такія стороны, для ощущенія которыхъ наши органы чувствъ недостаточны, связывается съ вполнѣ опредѣленной группой доступныхъ намъ ощущеній, представляющей необходимый и достаточный признакъ явленія. Во-вторыхъ, мы не стремимся проникнуть въ сущность явленій, а строимъ механическія модели явленія, причемъ употребляемыя нами раціональныя методы даютъ возможность включать въ эти модели механизмы-аналоги, внѣ чувственныхъ сторонъ.

Какъ примѣръ приведемъ модель магнитнаго поля. Мы представляемъ себѣ пространство, окружающее магнитъ, наполненнымъ вихревыми движеніями вокругъ линій магнитныхъ силъ. Но мы не чувствуемъ ни матеріи магнитнаго поля, ни тѣхъ вихревыхъ движеній, которыми она одарена.

Тотъ же пріемъ долженъ быть приложенъ и къ живому. Мы должны отыскать его необходимые и достаточные признаки изъ области ощущаемаго и эти признаки опредѣлятъ типъ физико-механической модели живой матеріи.

Въ основу эволюціи міра Спенсеръ ставитъ законъ, гласящій, что въ природѣ «каждая причина производитъ болѣе одного дѣйствія». Этотъ законъ есть слѣдствіе многообразія природы, но онъ не содержитъ въ себѣ указанія на конечный результатъ и на направленіе процессовъ. Мы найдемъ, чѣмъ слѣдуетъ добавить формулу Спенсера, разсмотрѣвъ еще разъ приводимый имъ примѣръ соударенія двухъ тѣлъ. Абстрактное разсужденіе привело бы насъ только къ закону измѣненія скоростей. Въ дѣйствительности мы открываемъ цѣлый рядъ дѣйствій: мы слышимъ звукъ отъ удара, т.-е. воздухъ приходитъ въ колебательное состояніе; мы видимъ свѣтъ раскаленныхъ частицъ, отбитыхъ при ударѣ; происходитъ уплотненіе и нагрѣваніе вещества въ мѣстѣ удара; развившаяся теплота излучается въ пространство, происходитъ измѣненіе формы. Итакъ, дѣйствіе сложнѣе причины. Но мало того: соударившіяся тѣла несли нѣкоторое количество кинетической энергіи, энергіи движенія, и часть этой энергіи всѣми указанными выше побочными явленіями разсѣялась или раздробилась въ пространствѣ. Она не можетъ быть выбрана обратно и употреблена на какое-нибудь полезное дѣйствіе. Невозможность собрать разсѣянную энергію показываетъ, что процессъ соударенія необратимъ, таковы всѣ процессы природы.

Итакъ, нельзя утилизировать полностью разсѣянную энергію; это зна-

читъ, что она обезцѣнивается или вырождается процессами природы. Процессы, возникающіе вмѣсто исчезнувшихъ, обладаютъ меньшей работоспособностью, ихъ свободная энергія меньше. Причина необратимости процессовъ природы и обезцѣненія энергіи заключается въ томъ, что крупныя и энергичныя движенія размѣниваются на болѣе мелкія и медленныя, переходящія постепенно въ незримыя, хаотическія, неупорядоченныя, нестройныя движенія. Конечный результатъ всѣхъ процессовъ природы—увеличеніе нестройности или, какъ говорятъ, ростъ энтропіи.

Разсмотримъ теперь, въ какомъ отношеніи къ этому закону стоитъ живая матерія?

Съ этою цѣлью постараемся выяснить два типа движеній, сопровождающихъ химическія превращенія вещества.

Мы сравнимъ движенія, вызываемыя освобожденіемъ солнечной энергіи, запасенной ростомъ лѣса, въ лѣсномъ пожарѣ, и когда этотъ лѣсъ сжигается въ паровомъ двигателѣ.

Въ первомъ случаѣ мы получаемъ безпорядочныя движенія потоковъ горящихъ газовъ, постепенно излучающихъ и размѣнивающихъ свою энергію на движенія мелкія, хаотическія. Въ паровомъ двигателѣ, какъ бы плохо онъ ни былъ устроенъ, мы имѣемъ движеніе болѣе стройное. Въ понятіе парового двигателя мы включимъ всѣ условія его функціонированія. Чѣмъ обусловливается достоинство машины?

Оно тѣмъ выше, чѣмъ большее количество подводимой энергіи можетъ преобразовываться въ стройныя формы движенія и чѣмъ большей стройностью, т.-е. связностью, отличаются эти формы.

Условіемъ такого достоинства является стройность самой машины и стаціонарность ея дѣйствія.

Двигатель съ движеніемъ періодическимъ будетъ болѣе стройнымъ. Условія стройной работы истопника, стройнаго теченія химическихъ процессовъ, дающихъ машинѣ энергію, стройныя условія смазки, чистки, регулированія, сигнализаціи и т. д. способствуютъ стройности движенія. Стройность движенія не характеризуется опредѣленной формой. Она обусловливается только большей или меньшей связью послѣдовательныхъ элементовъ движенія.

Какъ относится стройность къ внѣшнему міру?

Представимъ себѣ локомотивъ, сорвавшійся съ рельсовъ. Онъ продолжаетъ еще свой ходъ, двигаясь по шпаламъ, раздробляя, разбрасывая ихъ на своемъ пути. Такимъ образомъ стройность, окруженная безпорядочными случайностями, уже несетъ въ себѣ элементъ борьбы. Чѣмъ стройнѣе машина, тѣмъ больше имѣется въ ней приспособленій, обезпечивающихъ эту стройность отъ случайностей. Такимъ образомъ осуществленіе стройности уже вооружаетъ машину приспособленіями для борьбы за существованіе, которая въ данномъ случаѣ есть не что иное, какъ борьба за стройность. Дифференцированіе органовъ машины обусловливаетъ не только большую стройность, т.-е. связность движеній, но ихъ большее

разнообразіе. Органъ, который можетъ описать любую непрерывную кривую, опишетъ и многоугольникъ, но не наоборотъ. Стройность тѣмъ выше по своему качеству, чѣмъ она устойчивѣе. Такъ какъ по закону роста энтропіи среди вредныхъ случайностей мелкія встрѣчаются чаще крупныхъ, то механизмъ тѣмъ болѣе охранитъ свою стройность, чѣмъ онъ приспособленнѣе къ мелкимъ движеніямъ. Болѣе дифференцированная рука человѣка, въ состояніи обходить такія препятствія, которыя не могутъ быть обойдены лапой медвѣдя.

Рука человѣка способна производить движеніе стройное, не только въ своихъ крупныхъ чертахъ, но и въ мельчайшихъ деталяхъ. Какъ примѣръ детальной стройности можетъ быть приведено наше письмо, голосовой аппаратъ, дающій членораздѣльную рѣчь и гармоничное пѣніе. Примѣры ритма и періодичности мы могли бы извлечь не только изъ царства животныхъ, но и изъ міра растеній, въ особенности въ его тропическихъ формахъ. Чѣмъ совершеннѣе стройность, чѣмъ глубже проникаетъ она механизмъ, тѣмъ больше поводовъ къ ея борьбѣ съ нестройностями: борьба съ мерцаніемъ пламени, перебоемъ звуковъ, съ утомляющей пестротою цвѣтовъ и т. д. Стройный механизмъ стремится создать обстановку, находящуюся съ нимъ въ резонансѣ, а не въ перебоѣ. Выражаясь другими словами, онъ приводитъ все окружающее въ гармонію съ свойственнымъ ему чувствомъ красоты, подчиняетъ это окружающее своимъ идеаламъ.

Такъ какъ степень стройности можетъ быть чрезвычайно разнообразна, то невозможно указать тѣхъ границъ, которыя отдѣляли бы стройность отъ нестройности на нашей планетѣ.

Но такъ и должно быть въ мірѣ съ безпредѣльнымъ числомъ случайностей. Въ немъ невозможно установить точныя разграниченія, и характернымъ признакомъ событія мы должны считать признакъ тѣхъ объектовъ, въ которыхъ событіе развивается всесторонне и наиболѣе полно. Руководясь такимъ правиломъ, мы получимъ формулу, къ которой постепенно подходили: *стройность есть необходимый признакъ живой матеріи.*

Эволюція живой матеріи, въ общихъ чертахъ, увеличиваетъ количество и повышаетъ качество стройностей въ природѣ. По отношенію къ человѣку, эволюція выражается между прочимъ тѣмъ, что онъ вводитъ въ кругъ своихъ стройностей растительное и животное царство, въ своихъ орудіяхъ и машинахъ распространяетъ эти стройности на неорганизованную матерію и борется во имя этихъ стройностей со случайнымъ распорядкомъ событій въ природѣ.

Приведенный нами примѣръ парового двигателя подошелъ къ живой матеріи, потому что мы ввели какъ часть двигателя и истопника, иными словами, непостижимую психику. Но и работа машины, и работа истопника подошли подъ одну мѣрку. Можно задать только одинъ вопросъ—кто поставилъ истопника? Этотъ вопросъ сводится къ тому, кто хозяинъ двигателя? Если можно показать, что устроитель постижимаго въ живой матеріи есть природа, то она же произвела психику.

Стройныя движенія, а вмѣстѣ съ ними и живое, возникли изъ естественныхъ условій природы. Это доказывается тѣмъ, что количество живой матеріи въ настоящее время и въ протекшія геологическія эпохи не превышаетъ того, которое отводится закономъ случайностей неживой матеріи, обладающей какимъ-либо обособленнымъ рѣдкимъ признакомъ.

Возможность образованія стройныхъ движеній не можетъ подлежать сомнѣнію, разъ природа создаетъ закономѣрныя формы кристалловъ, не менѣе загадочныя, чѣмъ стройное движеніе руки, вычерчивающей геометрическую фигуру, и когда вся природа наполнена закономѣрностями. Въ мірѣ съ безпредѣльнымъ числомъ случайностей, стройное движеніе должно возникать на-ряду съ нестройнымъ, но только въ болѣе рѣдкихъ случаяхъ, такъ какъ міръ подчиненъ закону роста энтропіи. Мы не могли бы утверждать, что живая матерія произведена природой, въ томъ лишь случаѣ, если бы отношеніе ея къ количеству остальной матеріи не было отношеніемъ капли къ неизмѣримому океану, или музыкальныхъ тоновъ къ необъятному числу звуковъ и шумовъ въ природѣ.

Возраженія, которыя могли бы быть выставлены противъ примѣненія къ нашему вопросу законовъ случая, падаютъ сами собой, такъ какъ результатъ гипотезы совпадаетъ съ дѣйствительными фактами; къ такимъ результатамъ слѣдуетъ отнести и чрезвычайное разнообразіе формъ живого, не необходимое съ другихъ точекъ зрѣнія. Но и помимо этого, законъ случайностей оправдывается въ своемъ приложеніи къ событіямъ, совершающимся въ природѣ. Ему подчинены и погрѣшности искусныхъ наблюдателей, и мѣткость стрѣльбы, и уклоненія признаковъ расы въ различныхъ индивидуумахъ этой расы, не исключая и человѣка. Придерживаясь установившихся опредѣленій, количество матеріи, охваченной жизнью, настолько мало сравнительно съ количествомъ не живой, что наблюденіе, погрѣшность котораго представляется цифрой, не превышающей отношенія этихъ двухъ количествъ, должно считаться очень точнымъ.

Элементарныя формы живыхъ существъ должны быть болѣе многочисленны, чѣмъ формы болѣе сложныя.

Вѣроятно, что не всѣ простыя формы способны стать или группироваться въ сложные организмы; не всѣ сложныя формы, которыя могли бы произойти, дѣйствительно осуществились.

Образованіе новыхъ формъ, въ смыслѣ измѣненія существующихъ, продолжается, потому что природа не находится въ состояніи стаціонарномъ: приспособленія организмовъ совершаются въ томъ направленіи, при которомъ нейтрализуются вліянія, вызываемыя ростомъ энтропіи.

Подобно тому, какъ личныя погрѣшности наблюдателя искажаютъ результаты наблюденій, такъ и въ природѣ, въ ея многообразіе вводится нѣкоторый порядокъ тѣмъ, что источникомъ всѣхъ движеній на нашей планетѣ является солнце, что земля движется вокругъ своей оси и вокругъ солнца. Эти космическія причины вмѣстѣ съ свойствами матеріи

вносятъ различія въ шансы, благопріятствующіе появленію на землѣ тѣхъ или другихъ мыслимыхъ формъ.

Такое маловѣроятное событіе, какъ появленіе жизни или стройности могло бы не осуществиться въ ограниченной матеріальной системѣ. Но оно должно было произойти въ системѣ безпредѣльной, хотя и въ ничтожно маломъ объемѣ.

Предположеніе, что неизмѣримо малый уголокъ вселенной управляется особыми силами, было бы допустимо только по отношенію къ затерянным въ пространствѣ остаткамъ иного, вымирающаго міра. Такое предположеніе стояло бы поэтому во внутреннемъ противорѣчіи съ преимуществами такихъ особыхъ силъ.

Такъ какъ природа представляетъ собою нѣчто измѣняющееся въ опредѣленномъ направленіи, то шансы появленія стройности въ нашей планетной системѣ должны были также измѣняться съ ростомъ энтропіи. Мы можемъ представить себѣ эпохи, когда эти шансы были настолько малы, что осуществленіе стройности даже въ такой громадной системѣ было невозможно. Съ ростомъ энтропіи, съ увеличеніемъ многообразія природы становилось возможнымъ и появленіе жизни. Жизнь, нами наблюдаемая, возможна только при опредѣленныхъ условіяхъ температуры, говоря иначе, когда энергія среды, въ которой она развивается, до извѣстной степени обезцѣнилась. Безъ роста энтропіи мы имѣли бы міры отъ вѣка живые или отъ вѣка мертвые.

Высшія степени стройности могли возникать въ природѣ только съ такими приспособленіями, которыя давали бы возможность оберегать среди *случайностей* самую нить стройности. Къ такимъ приспособленіямъ относятся органы чувствъ, память, психика.

Законъ роста энтропіи имѣетъ громадное значеніе въ осуществленіи этихъ приспособленій.

Безъ затуханія, излученія, словомъ, безъ разсѣянія энергіи ни одинъ органъ не могъ бы исполнять своего назначенія и не могъ бы имѣть прочнаго существованія. Если бы свѣтовыя вибраціи сохранялись въ сѣтчатой оболочкѣ нашего глаза, мы имѣли бы постоянно возрастающее ощущеніе блеска и въ результатѣ—отсутствіе отчетливости ощущеній и слѣпоту. То же самое мы могли бы сказать и о барабанной перепонкѣ, если бы въ ней сохранялась энергія звуковыхъ волнъ, падающихъ на нее въ теченіе нашей жизни. Чѣмъ быстрѣе происходитъ затуханіе въ органахъ чувствъ, тѣмъ они совершеннѣе и тѣмъ воспріимчивѣе къ новымъ раздраженіямъ.

Слѣдовательно, энергія, пробѣгающая отъ нашихъ органовъ чувствъ къ центральнымъ частямъ нервной системы, должна затухнуть, т.-е. излучиться, но должна въ то же время оставить слѣдъ. Такой слѣдъ на языкѣ физики есть запись энтропіи; механизмы, осуществляющіе наиболѣе стройныя движенія, представляютъ собою памятныя книжки энтропіи.

Записи энтропіи, накопляясь, сохраняютъ свою раздѣльность, они образуютъ память, основу психической дѣятельности. Безъ закона энтропіи психическая дѣятельность была бы невозможна.

Покажемъ теперь, что запись энтропіи не есть какое-либо новое миѳическое свойство матеріи.

Подберемъ въ неорганической матеріи такое явленіе, которое носило бы основной характеръ психической дѣятельности, характеръ, который на языкѣ обыденномъ обозначается словомъ нематеріальность, а на языкѣ науки соотвѣтствуетъ явленію, не требующему для своего возникновенія и теченія затраты энергіи.

Представимъ себѣ органную трубу среди бушующей воздушной бури. Она издастъ свойственный ей музыкальный тонъ. На музыкальный тонъ не было затрачено новой энергіи, а только произошелъ отборъ, сортировка хаотическихъ движеній частицъ воздуха въ гармоническія или стройныя движенія. Энергія осталась та же—энергія бури. Сортировка есть актъ нематеріальный, органная труба есть приспособленіе отбора. Говоръ и движеніе толпы составлены изъ неуловимыхъ, безчисленныхъ звуковъ, сливающихся въ неопредѣленный гулъ. Если мы внесемъ въ этотъ гулъ резонаторы Гельмгольтца, то каждый изъ нихъ отберетъ свойственный ему тонъ. Размѣщая различные резонаторы въ различныхъ частяхъ комнаты, мы можемъ устроить пространственную сортировку звуковъ. Если эти резонаторы окружены воздушными теченіями, то изъ разныхъ мѣстъ послышатся различные, но вполнѣ опредѣленные звуки. Допустимъ, что въ нервной системѣ существуютъ приспособленія отбора. Въ частяхъ нервной системы, вслѣдствіе внутреннихъ и внѣшнихъ вліяній и передачъ, происходятъ хаотическіе процессы съ опредѣленной энергіей. Приспособленія отбора вносятъ въ эти процессы стройность, сообразно своей природѣ, и такой актъ не требуетъ спеціальной затраты энергіи. Такія приспособленія могутъ существовать въ организмѣ, какъ переданныя по наслѣдству, но могутъ и образовываться въ теченіе жизни организма, представляя орудія памяти. Процессъ представляется такимъ образомъ: раздраженіе органовъ чувствъ вызываетъ какое-то измѣненіе, которое распространяется по нервной матеріи и гдѣ-то само конструируетъ свой слѣдъ, вродѣ нашей органной трубы. Когда много времени спустя мимо этого слѣда или черезъ него проносится хаосъ какихъ-либо измѣненій, то этотъ слѣдъ, представляя изъ себя приспособленіе отбора, придаетъ нѣкоторой части хаоса стройность, представляющую именно тотъ процессъ, который сконструировалъ этотъ слѣдъ.

Такимъ образомъ въ нервной системѣ возстановляется процессъ минувшій, сопровождающійся даже возстановленіемъ прежнихъ ощущеній, т.-е. происходитъ воспоминаніе и сопутствующее ему ощущеніе. Подобное конструированіе орудій отбора самими явленіями мы опять находимъ въ неорганической природѣ.

Я напомню методу, предложенную Липманомъ для полученія цвѣтной фотографіи.

Свѣтовые лучи различнаго цвѣта устраиваютъ сами въ свѣточувствительной пленкѣ резонирующія имъ полости. Такая пленка, внесенная въ волны свѣта, заблещетъ тѣми цвѣтами, которые когда-то измѣнили ея структуру. Она воспроизведетъ явленіе когда-то совершившееся и записавшее въ ней свой пробѣгъ. Въ первной матеріи остаются слѣды, способные производить отборъ, подобный тому, который производится липмановской пленкой. Отборъ или сортировка могутъ быть не только физическіе, но и химическіе. Приспособленія сортировки въ этомъ послѣднемъ случаѣ будутъ образованы веществами, способствующими возникновенію опредѣленныхъ химическихъ реакцій или катализаторами.

Мнѣ приходилось говорить о бурѣ, о хаотическихъ процессахъ въ нервной матеріи, а между тѣмъ внутри себя мы не ощущаемъ ничего подобнаго. Но вспомнимъ, какъ смотритъ наука на то, повидимому, спокойное состояніе, въ которомъ находится окружающій насъ воздухъ! Вокругъ насъ свирѣпствуетъ ужасающая буря; частицы газовъ бомбардируютъ насъ со всѣхъ сторонъ и среднія скорости этихъ частицъ превышаютъ въ три раза скорости сильнѣйшихъ урагановъ. Мы не чувствуемъ этой бури, потому что она хаотична. Точно также въ микроскопически малой живой клѣткѣ происходитъ большое число превращеній вещества.

Приспособленія отбора или фиксированы въ организмѣ наслѣдственностью, какъ, наприм., тысячеструнная арфа въ органѣ слуха, или пріобрѣтаются въ теченіе жизни. Нѣтъ надобности прибѣгать къ объясненію психической дѣятельности, принимая, подобно Оствальду, особую мимолетную нервную энергію, въ которую превращается во время психическаго акта—энергія химическая и которая съ его окончаніемъ переходитъ въ энергію тепловую.

Существованіе приспособленій отбора указывается и другими проявленіями психической дѣятельности. Мимо нашего уха проносится не мало звуковъ, но только сравнительно немногіе вызываютъ съ нашей стороны нѣкоторое дѣйствіе. Наши органы зрѣнія поражаются свѣтовыми лучами, несущими намъ миріады пространственныхъ образовъ; но только нѣкоторые опредѣляютъ наше поведеніе. Для запоминанія требуется извѣстное время; это понятно, такъ какъ нужно время для конструированія въ нервной матеріи соотвѣтственнаго слѣда или приспособленія отбора.

Одни приспособленія отбора могутъ зависѣть отъ индивидуальности. Другія имѣютъ общее значеніе для цѣлаго вида. Способъ образованія послѣднихъ долженъ быть иной. Мы пояснимъ это примѣромъ изъ того же неорганическаго міра. Металлическая полоса въ зависимости отъ своей природы и формы издастъ опредѣленный звукъ при ударѣ о нее молота. Если мимо нея будутъ нестись волны звуковъ, отличныхъ отъ того, который она издаетъ сама, полоса останется безмолвной. Но она загудитъ, когда одинъ изъ падающихъ на нее звуковъ совпадаетъ съ ея естественнымъ

тономъ. Здѣсь мы имѣемъ дѣло съ явленіемъ резонанса: матеріальная система откликается на тотъ тонъ, который она сама можетъ произвести. Мы имѣемъ въ живой матеріи аналогичный психическій резонансъ. Вы смѣетесь, смотря на смѣющееся лицо; вы страдаете, когда слышите рыданіе.

Если бы всѣ эти аналогіи между психикой и процессами въ неживой матеріи были бы пустою игрою словъ, что сказали бы о человѣкѣ, который тратитъ свои силы, свою жизнь на то, чтобы ударять молоточками натянутыя проволоки? Мы сказали бы, что такой человѣкъ потерялъ разумъ! На дѣлѣ такихъ безумцевъ, въ гармоніи звуковъ воспроизводящихъ психику, мы возводимъ въ геніи.

Приведенныя ранѣе объясненія, указывающія возможность образованія приспособленій отбора и во время жизни, образованіе памяти, выводятъ изъ внѣчувственной области способность къ отбору, способность къ памяти въ клѣткахъ—этихъ элементахъ организма.

Примѣръ липмановой пленки показываетъ, что отборъ можетъ происходить безъ психическаго акта.

Природа представляетъ изъ себя громадную лабораторію, въ которой происходятъ непрерывныя превращенія вещества: нѣкоторыя изъ вновь образующихся веществъ сохраняются, другія же разрушаются въ моментъ своего возникновенія. Поэтому нужно принять, что появленію жизни, т.-е. и сформированію того вещества, въ которомъ могли возникнуть процессы жизни, сопутствовало образованіе элементарныхъ орудій отбора, улавливавшихъ образующіяся новыя вещества и оберегавшихъ ихъ отъ разрушенія.

Такіе элементы отбора должны быть заложены и въ тѣхъ клѣткахъ, которыя служатъ цѣлямъ размноженія, этому необходимому свойству, которымъ должна обладать стройность въ мірѣ, подчиненномъ закону роста нестройности. Способностью къ размноженію живое увеличиваетъ свои шансы, компенсируетъ необратимость процессовъ природы.

Ставя психику въ зависимость отъ явленій отбора или сортировки при помощи особыхъ приспособленій, возникшихъ какъ по наслѣдственности, такъ и подъ вліяніемъ случайнаго теченія жизни индивидуума, и притомъ отбора изъ среды хаотическихъ процессовъ, мы объясняемъ и невозможность подчинить ея проявленія количественнымъ соотношеніямъ или законамъ. Для опредѣленія такихъ количественныхъ соотношеній, намъ пришлось бы составлять и разрѣшать для всякаго отдѣльнаго случая безчисленное множество уравненій, что, какъ однажды уже было сказано, не по силамъ даже геніальнѣйшимъ умамъ.

Устраняется и одно принципіальное возраженіе виталистовъ, отрицающихъ возможность физико-механическихъ представленій о процессахъ, происходящихъ въ нашемъ сознаніи, такъ какъ эти процессы располагаются во времени, а не въ пространствѣ.

Всѣ акты матеріи, способной къ стройнымъ движеніямъ и снабженной

физико-химическими приспособленіями отбора, представятся стороннему зрителю сознательными актами.

Отборъ есть орудіе борьбы съ нестройностью, съ ростомъ энтропіи: это—сортирующій демонъ Максуелла, наблюдающій и отбирающій молекулы по своему усмотрѣнію. Отборъ включается въ понятіе стройности. Мы имѣемъ два закона термодинамики, управляющихъ процессами природы; мы не имѣли закона или понятія, которое включало бы процессы жизни въ процессы природы. Существованіе въ природѣ приспособленій отбора, возстановляющихъ стройность и включающихъ въ себя живое, должно, повидимому, составить содержаніе этого третьяго закона.

Не разъ въ теченіе нашей бесѣды выяснялась связь между внѣшней и психической стройностью. Онѣ всегда параллельны. Нравственные принципы не могли бы руководить поведеніемъ существъ, природа которыхъ была бы составлена изъ нестройностей. Цѣнность стройности есть основа чувства красоты и этики. Эволюція живой матеріи представляетъ естественную исторію борьбы за осуществленіе высшихъ проявленій стройности—этическихъ идеаловъ.

Физико-механическая модель живой матеріи есть—*стройность*.

Н. Умовъ.

Столѣтіе физики *).

Слова, взятыя мною въ качествѣ заглавія этой рѣчи, не случайно имѣютъ двоякій смыслъ: если мы сравнимъ наши физическія знанія вѣкъ тому назадъ и теперь, мы несомнѣнно убѣдимся, что, за малыми исключеніями, почти вся физика создана на протяженіи XIX вѣка; съ другой стороны, если мы попытаемся оцѣнить то значеніе, которое имѣла эта наука въ жизни культурнаго человѣка нашего времени, мы должны будемъ по справедливости дать истекшему недавно вѣку названіе «вѣка физики».

Въ самомъ дѣлѣ, перенесемся на минуту мыслью за сто лѣтъ назадъ, къ первымъ днямъ 1801 г. Къ этой эпохѣ физика имѣла отъ роду исторически свыше 25 вѣковъ, а между тѣмъ, что же было добыто за эти тысячелѣтія? Въ области свѣта господствовалъ грубый и наивный взглядъ о летящихъ свѣтовыхъ частицахъ; то тамъ, то здѣсь наблюдатели встрѣчались съ отдѣльными фактами диффракціи, интерференціи, поляризаціи, но физической оптики еще не было вовсе. Въ ученіи объ электричествѣ знали лишь основные факты электростатики; шагъ дальше по пути къ созданію ученія объ электрическомъ токѣ былъ только что сдѣланъ Volta (1800), открытіемъ знаменитаго вольтова столба. Были извѣстны элементарные факты магнитизма, но люди не знали еще ни электромагнитныхъ явленій, ни индукціи токовъ. Природа теплоты была закрыта густымъ туманомъ; даже теплопроводность еще ожидала Fourier. Только акустика была сравнительно совершенна, но еще не была изобрѣтена даже сирена, а Хладніевы фигуры были еще не очень стары. Знаній общихъ свойствъ тѣлъ—во всѣхъ ихъ состояніяхъ—было очень немного: только для газовъ былъ установленъ законъ Бойля. Техническихъ примѣненій физики почти не было, потому что не было даже желѣза нужныхъ качествъ и люди не умѣли пользоваться свойствами пара. Лишь наканунѣ XIX вѣка были изобрѣтены локомобиль и локомотивъ, лишь въ 1779 г. построенъ первый желѣзный мостъ, а въ 1804 г. не было еще желѣза для паровыхъ котловъ.

---

*) Рѣчь, произнесенная на 3-мъ общемъ собраніи XI съѣзда русскихъ естествоиспытателей и врачей въ С.-Петербургѣ.

Даже въ 1829 году Stevenson долженъ былъ сдѣлать у своего локомотива нѣкоторыя части деревянными.

Для общей характеристики эпохи любопытно вспомнить, что еще въ 1771 году университетъ въ Саламанкѣ не пожелалъ имѣть преподавателя физики, «потому что Newton не учитъ ничему тому, что̀ нужно для хорошаго «логика» или «метафизика», а Gassendi и Decartes далеко не такъ хорошо согласны съ откровеніемъ, какъ Аристотель». Несмотря на сравнительно давнее отдѣленіе отъ физики собственно естествознанія, еще въ 1830 г. въ Лейпцигскомъ университетѣ одно лицо преподавало физику, физіологію и естественныя науки. Когда Helmholtz въ концѣ 30-хъ годовъ юношей приступилъ къ изученію физики, то въ школьныхъ учебникахъ все было, какъ онъ выражается, «mittelalterisch-alchymistisch». О Lavoisier и Davy не было почти и помину, кислородъ мирно уживался рядомъ съ флогистономъ, хлоръ былъ окисленной соляной кислотой, а земли калія и извести—элементами.

Нужно ли мнѣ перечислять то, что мы имѣемъ въ физикѣ къ первымъ днямъ XX вѣка? Мы освоились, мы привыкли чуть ли не къ ежедневнымъ успѣхамъ знанія, насъ не смущаютъ теперь новые термины, наша чувствительность къ новизнѣ вещей притупилась. Что̀ бы сказалъ ученый конца XVIII вѣка, если бы онъ прочелъ заголовки отдѣловъ нашей современной физики съ ея динамической теоріей электричества, электромагнитной теоріей свѣта, механической теоріей теплоты, кинетической теоріей газовъ! Какъ парадоксальны показались бы ему наши разговоры о вѣсѣ и числѣ молекулъ, объ измѣреніи скорости свѣта на протяженіи обыкновеннаго стола, о спектральномъ анализѣ, о жидкомъ воздухѣ и т. п. А развѣ не парадоксъ для ученаго XVIII в. наши невидимые лучи, начиная съ ультрафіолетовыхъ и ультракрасныхъ и электрическихъ и кончая лучами X и другихъ буквъ азбуки, лучами Becquerel'я, катодными, лучами радія, полонія и другими, которыхъ основное свойство, повидимому, то, что они не лучи, а эманаціи!... А техническія приложенія нашей науки, которыя всѣ почти цѣликомъ падаютъ на XIX столѣтіе. Наблюдатель природы находится въ положеніи зрителя, въ первый разъ смотрящаго на театральную сцену и плѣняемаго роскошью обстановки и красотой дѣйствующихъ лицъ. Между тѣмъ на самомъ дѣлѣ здѣсь все обманъ и фальшь, начиная съ молодости и красоты и кончая луной, которая оказывается бутафорской принадлежностью. Мы видимъ и ощущаемъ неподвижную землю и неподвижное солнце, мы не замѣчаемъ давленія воздуха и больше двухъ тысячелѣтій люди дышали кислородомъ, не подозрѣвая его существованія; у насъ нѣтъ органовъ чувствъ для электричества и магнетизма, мы видимъ и слышимъ ничтожную часть тоновъ какъ свѣтовыхъ, такъ и звуковыхъ. Въ той области, въ которой мы живемъ и дѣйствуемъ, мы физически одарены гораздо меньше, чѣмъ любое животное въ своей области: у насъ нѣтъ нюха и чуткости звѣрей, которые предупреждали бы насъ о грозящей намъ опасности; физически мы какъ бы безпомощны и предназначены на съѣденіе

звѣрямъ и насѣкомымъ. За историческій періодъ культурное человѣчество не только не обнаружило совершенствованія органовъ чувствъ, но, напротивъ того, оно потеряло и тѣ физическія качества, которыя были свойственны его предкамъ. Гдѣ теперь хотя бы тѣ силачи, кто былъ бы въ состояніи носить доспѣхи средневѣковыхъ рыцарей? Гдѣ у культурнаго человѣка зрѣніе или слухъ среднеазіатскаго кочевника?

Но взамѣнъ такого вырожденія физика—и главнымъ образомъ въ теченіе XIX вѣка—дала намъ возможность имѣть какъ бы эволюціонировавшіе органы, которые притомъ своимъ совершенствомъ неизмѣримо превосходятъ непосредственные дары природы.

Даже болѣе того: физическіе приборы замѣняютъ намъ и тѣ органы, въ которыхъ намъ отказала природа: такъ резонаторъ Hertz'a—это «электрическій глазъ»; фотографія, фосфоресцирующія вещества, болометръ, термоэлементъ — это нашъ глазъ для невидимыхъ лучей спектра, магнитная стрѣлка — нашъ органъ магнетизма, электрометръ — электричества, барометръ — давленія и т. п. Если мы прибавимъ сюда современныя машины всякаго рода, желѣзныя дороги, пароходы, телеграфъ, телефонъ, микрофонъ, телескопъ и микроскопъ—мы получимъ перечень аппаратовъ, гдѣ все, кромѣ барометра, телескопа и микроскопа, есть пріобрѣтеніе XIX вѣка. Да развѣ похожи наши барометры, микроскопы на своихъ предковъ прошлыхъ вѣковъ?

Эта идея «эволюціи» есть старая идея Spenser'a; недавно Wiener иллюстрировалъ ее рядомъ цифръ; позвольте мнѣ привести нѣкоторыя изъ нихъ: наша рука оцѣниваетъ вѣсъ съ ошибкой въ 10%; лучшіе современные вѣсы чувствительнѣе въ 20 милліоновъ разъ: барометрическіе приборы позволяютъ намъ мѣрить стомилліонныя доли атмосферы; двѣ точки—ножки циркуля, различаются языкомъ, когда между ними миллиметръ разстоянія: глазъ на 10 sm. разстоянія можетъ различить $^1/_{40}$ mm., а лучшіе микроскопы чувствительнѣе почти въ 200 разъ. Самый чувствительный глазъ различаетъ въ спектрѣ не болѣе 500 оттѣнковъ; диффракціонныя рѣшетки съ болометромъ 'даютъ на томъ же протяженіи этихъ оттѣнковъ до 40000. Время мы можемъ измѣрять ухомъ до $^1/_{800}$ sec., а спеціальные приборы чувствительнѣе въ 200000 разъ. Температуру наше ощущеніе показываетъ едва до $^1/_5{}^0$ C.: болометръ чувствительнѣе въ 200000 разъ.

Какъ видимъ, нашъ глазъ труднѣе всего поддается эволюціи; тогда какъ въ другихъ случаяхъ физика повысила чувствительность въ сотни тысячъ и милліоны разъ, чувствительность глаза повысилась лишь въ сотни разъ. Но и въ этомъ направленіи у насъ есть и не безосновательныя надежды на прогрессъ.

Дѣло въ томъ, что указанная эволюція не только дала намъ колоссальныя средства въ борьбѣ за существованіе, но и позволила намъ до извѣстной степени эмансипироваться отъ вліянія нашей организаціи: намъ легко доступны явленія, непосредственно не ощущаемыя, напр., электромагнитныя, намъ нетрудно замѣнить одинъ органъ наблюденія другимъ. Такой примѣръ представляетъ собою оптика невидимыхъ лучей; отсюда не

труденъ шагъ къ оптикѣ для слѣпого или къ акустикѣ для глухого — и нѣчто въ этомъ родѣ, вѣроятно, намъ придется современемъ сдѣлать по отношенію къ микроскопу. Именно, если размѣры предмета менѣе $^1/_{7000}$ mm., то длина волны крайнихъ видимыхъ лучей свѣта уже недостаточно мала сравнительно съ размѣрами предмета. Тогда, какъ показали Helmholtz и Abbe, явленія диффракціи получаютъ такое преобладающее значеніе, что микроскопъ оказывается безполезнымъ. Но мы можемъ представить себѣ микроскопъ, гдѣ будутъ пользоваться волнами ультрафіолетовыми, короче видимыхъ во много разъ; для такихъ волнъ стекло не прозрачно; придется взять линзы изъ кварца или даже, быть можетъ, изъ совсѣмъ новаго, непрозрачнаго для глаза матеріала; для такихъ лучей и воздухъ будетъ не прозраченъ; поэтому придется линзы помѣстить въ пустотѣ. Но тогда и глазъ, какъ непосредственный органъ воспріятія, окажется безполезнымъ; его замѣнитъ флуоресцирующій экранъ, фотографическая пластинка, или что-либо иное, совсѣмъ новое. Въ этомъ направленіи уже дѣлаются опыты (Czapski, Schumann); недаромъ фотографія открываетъ намъ на небѣ міры, до сихъ поръ еще бывшіе недоступными глазу.

Въ XVIII вѣкѣ увлекались механическими игрушками — автоматами; Helmholtz справедливо называетъ наши заводы и фабрики тоже своего рода автоматами; только они болѣе совершенны, болѣе могущественны и, главное, болѣе цѣлесообразны, потому что автоматы XVIII вѣка должны были воспроизводить «1000 разнообразныхъ дѣйствій одного человѣка, а наши машины замѣняютъ 1000 человѣкъ, дѣлающихъ одно и то же простое дѣйствіе». Участіе людей, какъ физической силы, все болѣе и болѣе устраняется изъ техники, и мечта Аристотеля о самодвижущемся ткацкомъ челнокѣ является фактически осуществленной.

Развѣ же послѣ этихъ сопоставленій мы не въ правѣ сказать, что все важное, все существенное въ физикѣ создано въ XIX вѣкѣ, такъ что, провожая въ бездну вѣчности истекшее столѣтіе, мы въ то же время можемъ праздновать столѣтній юбилей нашей науки.

Но я позволилъ себѣ назвать XIX вѣкъ вѣкомъ физики, взамѣнъ извѣстныхъ опредѣленій: «вѣкъ желѣза», «вѣкъ пара и электричества», «вѣкъ естествознанія». Можетъ ли по праву наша наука претендовать на такую выдающуюся роль, и не есть ли подобное заявленіе физики своего рода jalousie de métier?

Физика, по опредѣленію Rowland'a, есть «Science above all sciences which deals with the foundation of the Universe»; физика занимается вопросами «о строеніи матеріи, изъ которой вселенная сдѣлана, и изучаетъ эѳиръ, благодаря которому различныя части матеріи, составляющія вселенную, дѣйствуютъ другъ на друга даже на такихъ разстояніяхъ, которыхъ мы не можемъ надѣяться достичь, каковъ бы ни былъ прогрессъ нашей науки въ будущемъ». Въ этомъ современномъ опредѣленіи физики по существу нѣтъ ничего, чего бы не было въ смыслѣ слова «физика»: и сначала, какъ мы знаемъ, физика дѣйствительно заключала въ себѣ все ученіе о природѣ.

Первой наукой, выступившей на самостоятельный путь и отдѣлившейся отъ физики, была астрономія; за ней послѣдовала химія, и потомъ и біологическія науки. Мнѣ нечего говорить, что это разставаніе совершилось вполнѣ дружелюбно; на прощаніе астрономія получила телескопъ, химія—вѣсы, біологія—микроскопъ. Казалось, области этихъ наукъ были разграничены вполнѣ опредѣленно. Телескопъ и законъ всемірнаго тяготѣнія—вотъ все, что нужно астроному, чтобы знать, что дѣлалось, дѣлается и будетъ дѣлаться на небесномъ сводѣ.

Вѣсы и три основныхъ закона химіи: сохраненіе массы, постоянство состава и кратныхъ отношеній вѣса,—казалось, все, что нужно химику. Когда біологическія науки отпали отъ физики, въ нихъ все сводилось къ наблюденію, описанію и классификаціи; микроскопъ и жизненная сила у натуралистовъ стали играть роль телескопа и Ньютонова закона астрономовъ. Что же мы видимъ теперь?

Мы видимъ, что проведенныя перегородки оказались тамъ, гдѣ на самомъ дѣлѣ природа ихъ не признаетъ: астрономія очень скоро исчерпала свою тему, превратившись въ то, что теперь носитъ имя «астрометріи»; параллельно съ этимъ физика дала ей и новыя задачи, и новыя орудія, и методы изслѣдованія: такъ создалась астрофизика, и мы не можемъ сказать, гдѣ въ ней кончается физика и начинается астрономія. Спектральный анализъ, фотографія дали возможность изучить у небесныхъ тѣлъ нѣчто большее и болѣе важное, чѣмъ ихъ движеніе; даже болѣе того, спектроскопы и диффракціонныя рѣшетки дали возможность изучать и такія движенія, которыя инымъ путемъ и наблюдать было нельзя. Физикъ Kirchhoff рѣшаетъ вопросъ о составѣ солнца, физикъ Rowland первый издаетъ солнечный спектръ удивительной величины въ 2 метра; физики даютъ астрономамъ принципы новыхъ трубъ, спектроскоповъ и т. п., физики, наконецъ, въ послѣднее время начинаютъ проповѣдовать о возможности опыта и въ астрономіи, о возможности, напр., искусственнаго воспроизведенія солнечной короны и т. п.

Подобный же процессъ совершается и съ химіей, начавшись притомъ гораздо раньше: уже Lavoisier, Gay Lussac, Kavendish, Davy, Faraday были столько же химиками, сколько и физиками; открытіе вольтова столба и затѣмъ гальваническихъ элементовъ въ физикѣ дало химіи въ руки могучее орудіе анализа—электролизъ и законы Фарадея; спектральный анализъ повлекъ за собой открытіе цѣлаго ряда новыхъ элементовъ, то же сдѣлала вольтова дуга. Dalton, Humboldt, Ampère, Dulong & Petit—физики, и, наконецъ, на нашихъ глазахъ сліяніе химіи и физики въ лицѣ новой науки физической химіи. Электричество, которое казалось сначала совсѣмъ обособленнымъ явленіемъ въ физикѣ, играетъ, какъ выясняется мало-по-малу, колоссальную роль въ процессахъ проявленія химическаго сродства. Не даромъ еще Faraday и Berzelius предвидѣли эту роль. Фарадей былъ глубоко убѣжденъ, что электрическій токъ—это тѣ же силы химическаго сродства, только въ иной формѣ; какъ въ неорганической, такъ, можетъ быть,

и въ организованной матеріи все подчинено электричеству. Схема Берцеліуса была еще проще: при всякомъ химическомъ соединеніи соединяются противоположныя электричества, производя искры. Но это еще не все: при помощи электрическаго разряда въ газахъ физикамъ удалось добиться, повидимому, даже самаго расщепленія химическаго атома элементовъ. Эти частицы «меньшія атома» такъ наз. электроны или іоны, удается до извѣстной степени изолировать и изслѣдовать ихъ свойства; такъ мало-помалу физики дѣлаютъ шагъ впередъ къ разложенію элементовъ, вѣроятно, даже къ превращенію ихъ одинъ въ другой, подходя такимъ образомъ къ осуществленію завѣтной мечты основателей химіи—алхимиковъ.

И какъ въ астрономіи, такъ и въ химіи, не физика въ нихъ, а они мало-по-малу поглощаются физикой, ихъ жизнь, ихъ прогрессъ прямо оказываются подчиненными жизни и прогрессу материнскаго организма физики.

То же происходитъ и въ біологіи. Развѣ самая молодая изъ біологическихъ наукъ—физіологія, не стала въ такое же отношеніе къ физикѣ, какъ физическая химія, какъ астрофизика; развѣ это не біофизика? Вѣдь все, что въ такъ называемыхъ естественныхъ наукахъ выходитъ за предѣлы простого описанія и классификаціи, все зиждется на точныхъ данныхъ физики и химіи и стоитъ въ прямой зависимости отъ успѣховъ этихъ наукъ. Основной элементъ всякаго живого существа—клѣтка, составляющая главный предметъ естествознанія въ узкомъ смыслѣ этого слова, на нашихъ глазахъ все болѣе и болѣе теряетъ твои таинственныя свойства лишь благодаря тому, что главное вниманіе изслѣдователей начинаетъ обращаться на физико-химическія свойства клѣтки, а не исключительно на морфологическія. Физика и химія, то при помощи капилярной «искусственной амебы», то при помощи другихъ аналогій, все болѣе даютъ доказательствъ идеи, что, можетъ быть, «клѣтка не существо, а вещество». И если, съ одной стороны, біологическія лабораторіи все болѣе и болѣе начинаютъ походить на лабораторію физика или химика, то, съ другой стороны, физики все чаще и чаще обращаютъ вниманіе на явленія біологическія. Такъ, опыты физика Wiener'а показали, что въ воздѣйствіи свѣта на хлористыя соединенія серебра мы имѣемъ такія же явленія «механическаго» приспособленія къ окружающей окраскѣ, какія Poulton наблюдалъ у личинокъ и куколокъ, принимавшихъ ту или другую защитительную окраску; такъ, другой физикъ Guillaume подмѣчаетъ аналогію въ свойствахъ хлористыхъ соединеній серебра, съ одной стороны, и въ свойствахъ хлорофила у растеній, пигмента у негровъ, зрительнаго пурпура въ глазу; такъ, внимательное наблюденіе надъ тѣми измѣненіями, какія происходятъ въ структурѣ твердыхъ тѣлъ при ихъ деформаціи, нагрѣваніи или охлажденіи, обнаруживаетъ въ неорганизованной матеріи такія явленія, какія въ животномъ мірѣ служатъ фактами борьбы за существованіе.

Физика, какъ природа, которая влетаетъ въ окно, когда ее гонятъ въ дверь, иногда, такъ сказать, насильно врывается въ тѣ области, гдѣ ее

игнорировали. Такъ геологія долго вела свой счетъ возрасту земли, игнорируя физическіе законы. Lord Kelvin заставляетъ передѣлать и исправить этотъ счетъ, и наша планета молодѣетъ на много милліоновъ лѣтъ, благодаря тому, что принимается въ разсчетъ 2-й законъ термодинамики, законъ эволюціи всего въ опредѣленномъ направленіи. Даже въ практической медицинѣ главнѣйшіе успѣхи новаго времени зависѣли отъ установленія физической точки зрѣнія на многое, происходящее въ живомъ тѣлѣ, отъ примѣненія чисто физическихъ методовъ діагностики и лѣченія: термометръ, акустическія явленія, электрическая машина и индукціонная катушка, электролизъ—вотъ орудія современнаго врача вмѣсто латинской кухни стараго времени; химическое и тепловое дѣйствіе лучей разнаго рода является нынѣ новымъ способомъ борьбы со страшными, дотолѣ неизлѣчимыми болѣзнями. И что любопытно, физики первые видятъ скелетъ живого человѣка сквозь его тѣло, физики первые испытываютъ удивительное дѣйствіе быстро перемѣнныхъ токовъ высокаго напряженія; физикъ и астрономъ Airy въ 1825 г. послѣ тщетныхъ поисковъ помощи у окулистовъ самъ дѣлаетъ себѣ первую астигматическую линзу; четверть вѣка спустя физикъ Stokes изслѣдуетъ астигматическіе глаза и лишь въ 1862 г. дѣло переходитъ въ руки медиковъ, благодаря Donders'у. Роль физики и химіи въ современной бактеріологіи слишкомъ извѣстна: и невольно думается, что и въ вопросѣ капитальной важности для медицины, именно въ области распознаванія микроорганизмовъ, физика и химія создадутъ новые методы, взамѣнъ чисто эмпирическихъ методовъ нашего времени. Но я думаю, что и сказаннаго достаточно, чтобы заключить, что по праву XIX вѣкъ заслуживаетъ названіе «вѣка физики».

Теперь возникаетъ вопросъ, чѣмъ же обусловлены за истекшее столѣтіе эти особые успѣхи физики, а съ нею и всего ученія о природѣ. Отвлекаясь отъ успѣховъ знанія, мы не можемъ сказать, чтобы XIX вѣкъ чѣмъ-либо особенно отличался: какъ и прежде, люди умирали отъ повальныхъ болѣзней, какъ и прежде, рѣкой лилась кровь человѣческая на поляхъ битвъ, какъ и прежде, люди терзали другъ друга во имя убѣжденій; даже рабство было еще въ серединѣ вѣка.

Такимъ образомъ, не во внѣшнихъ условіяхъ по преимуществу, не въ измѣнившейся природѣ человѣка лежатъ причины прогресса знаній; нѣтъ, эти причины въ томъ, что люди научились правильно думать, что былъ открытъ вѣрный путь къ познанію природы, что были, наконецъ, правильно поняты и примѣнены роли гипотезы и теоріи, наблюденія и опыта въ ихъ дружномъ содѣйствіи открыть законъ вѣчнаго прогресса человѣчества.

Но въ первую половину XIX вѣка экспериментальныя работы носили, такъ сказать, «элементарный» характеръ. Нужно было открывать все сначала, изученію подлежали, главнымъ образомъ, грубые, основные факты, работать можно было съ простыми, сравнительно, средствами. Такъ работали Faraday, Fresnel, Ampère и другіе: тогда только что входила во

всеобщее сознаніе мысль, что физика такая же опытная наука, какъ химія. Въ это время въ европейскихъ университетахъ не вездѣ были физическіе кабинеты, а гдѣ и были, то они скорѣе являлись своего рода кунсткамерами; понятно, что и преподаваніе физики велось на доскѣ. Въ 30-хъ и 40-хъ годахъ въ Казанскомъ университетѣ слушатели допускались въ физическій кабинетъ по воскресеньямъ послѣ обѣдни, совсѣмъ какъ теперь водятъ дѣтей по воскресеньямъ въ зоологическіе музеи. Въ Берлинскомъ университетѣ въ это время Gustav Magnus читалъ курсъ физики у себя на дому со своими инструментами, и лекціи были перенесены въ университетъ лишь тогда, когда послѣдній купилъ у Magnus'a его «кабинетъ». Въ то время даже въ Германіи не имѣли понятія о «физической лабораторіи», хотя химическія уже были. Первой лабораторіей была частная того же Magnus'a. Покойный Kundt любилъ вспоминать, какъ Magnus рекомендовалъ строить физическіе приборы при помощи сигарныхъ ящиковъ. Только въ 60-хъ и 70-хъ годахъ появляются въ Европѣ настоящія физическія лабораторіи въ университетахъ, начинаютъ отпускать средства для физическихъ изслѣдованій. Потомъ прогрессъ идетъ ускореннымъ темпомъ, и человѣчество, привыкшее видѣть милліоны, затраченными на многое, только не на науку, съ удивленіемъ взирало на невиданное и неслыханное дотолѣ явленіе: въ Берлинѣ строили физическій и физіологическій институтъ стоимостью въ 7 милліоновъ марокъ.

Съ тѣхъ поръ прошло четверть вѣка. Большинство университетовъ и высшихъ спеціальныхъ школъ Германіи получили новые физическіе, химическіе, ботаническіе, зоологическіе и иные институты; за Германіей пошли и другія государства Европы и Америка по пути созданія этихъ дворцовъ чистой науки, обставленныхъ нерѣдко роскошнымъ научнымъ комфортомъ. «Научный комфортъ»—это, какъ и «институтъ», новый терминъ конца XIX вѣка. Новыя учрежденія привлекаютъ къ себѣ цѣлую своего рода армію ученыхъ. Но это армія — не армія-войско, а армія рабочихъ въ громадныхъ современныхъ промышленныхъ предпріятіяхъ. Какъ въ послѣднихъ весь успѣхъ зависитъ отъ современнаго примѣненія техническихъ новостей, служащихъ къ облегченію труда и сохраненію времени, такъ и въ современныхъ научныхъ изслѣдованіяхъ—въ частности физическихъ—все, что относится прямо къ цѣли изслѣдованія, все, что примѣнялось уже раньше въ другихъ работахъ, доставляется техникой. Чтобъ открыть новое вліяніе магнетизма на лучеиспусканіе, Seeman'у нужна была великолѣпная диффракціонная рѣшетка стоимостью болѣе 1,000 руб., да очень сильный электромагнитъ въ нѣсколько сотъ рублей, да электрическій токъ «техническій» съ электрической станціи; для извѣстныхъ опытовъ надъ всемірнымъ тяготѣніемъ Jolly въ 1881 г. имѣлъ въ своемъ распоряженіи 5,775 kg. свинца, а въ 1896 г. Richarz и Krigar Manzel даже болѣе 100,000 kg. Чтобъ добыть нѣсколько дециграммовъ солей, содержащихъ новые элементы, какъ полоній или радій, требуется обработать много тысячъ килограммовъ т. наз. Pechblende (супруги Curie). Давно

ли мы восхищались искрами индукціонной катушки въ 20 сн. длины, гальванометромъ Томсона, электрической машиной съ немногими кругами; теперь физику нужны катушки съ искрами въ метръ, электрическія машины съ 60 кругами, панцырные гальванометры Du-Bois & Rubens'a, батареи въ 10,000 аккумуляторовъ (Trowbridge) и трансформаторы, позволяющіе достигать искръ въ 2 метра длины! Фарадей, какъ извѣстно, открылъ много новыхъ явленій; еще больше было у него опытовъ неудачныхъ, потому что не было для нихъ достаточно тонкихъ приборовъ. Фарадей не нашелъ вращенія плоскости поляризаціи свѣта въ газахъ при намагниченіи, Фарадей не нашелъ вліянія магнетизма на лучеиспусканіе и т. д. и повтореніе многихъ такихъ неудачныхъ опытовъ этого великаго генія XIX в. съ современными могучими средствами должно значительно расширить область нашихъ знаній. Ростъ современныхъ экспериментальныхъ знаній можно сравнить съ дѣйствіемъ одного изъ трехъ замѣчательныхъ физическихъ приборовъ: машины Holtz'a, динамо-машины Siemens'a и машины для сжиженія воздуха Linde. Въ нихъ все основано на геніальномъ принципѣ самоусиленія. Такъ и въ нашей наукѣ: разъ замѣчено новое явленіе, за него сразу берутся много рукъ, независимо, съ разныхъ сторонъ; на сцену являются средства изъ самыхъ разнообразныхъ областей физики; къ явленіямъ свѣта примѣняется звукъ и обратно, къ электричеству—свѣтъ, обратно новое явленіе въ качествѣ метода находитъ примѣненіе въ другихъ областяхъ. Вспомнимъ, какую роль играетъ въ физикѣ зеркальный отсчетъ, или интерференціонныя полосы, телефонъ и т. п. Мы имѣемъ журналы, посвященные спеціально описанію новыхъ приборовъ и машинъ; отдѣльныя узкія области знанія обслуживаются спеціальными журналами: такъ, есть журналы для электротехники, для микроскоповъ, для фотографіи, для жидкихъ газовъ, для X-лучей, для инструментовъ и многое другое.

Когда по физикѣ работало въ мірѣ 10 человѣкъ и все было ново, все неизвѣстно, для ученыхъ «время» не имѣло значенія. Теперь не то. Современная научная дѣятельность возможна лишь, если всѣ изслѣдователи въ равныхъ условіяхъ работы: когда одному приходится самому мастерить себѣ приборъ или ad hoc заказываетъ его за 1,000 верстъ, онъ отстанетъ со своими результатами отъ другого, кому пришлось лишь взять приборъ съ полки; а при лихорадочномъ пульсѣ ученой дѣятельности нашего вѣка, важные и интересные вопросы «висятъ», такъ, сказать въ воздухѣ. И при равныхъ условіяхъ знанія и таланта успѣхъ будетъ у того, кто лучше обставленъ въ научномъ отношеніи въ смыслѣ помѣщенія, средствъ и инструментовъ. Въ Голландіи было очень немного физиковъ до средины 80-хъ годовъ XIX в.; когда около этого времени былъ устроенъ въ Leiden'ѣ физическій институтъ, изъ послѣдняго за первое десятилѣтіе (1885—1894 гг.) вышло 20 экспериментальныхъ изслѣдованій, а за слѣдующее *7-мѣтіе* свыше 70!

Во всѣхъ этихъ случаяхъ техника оказываетъ чистому знанію незамѣ-

нимую помощь, и это единеніе является одной изъ характерныхъ особенностей научной дѣятельности нашего времени. Въ культурныхъ странахъ міра техника не только дала физикамъ и другимъ естествоиспытателямъ готовыя уже средства, но на нашихъ глазахъ создалась особая отрасль техники точной (Präcisionstechnik) спеціально для научныхъ цѣлей: но и это еще не все. Промышленныя предпріятія создаютъ у себя научныя лабораторіи съ учеными во главѣ; такъ, наприм., въ Берлинѣ есть учрежденіе, спеціально занятое изслѣдованіемъ взрывчатыхъ веществъ и имѣющее громадный ежегодный бюджетъ; далѣе, техники и ученые соединяются вмѣстѣ (напр., Zeiss и Abbe, Siemens & Halske) для совмѣстной работы и даже представители техники прямо работаютъ для научныхъ цѣлей; такъ, при посредствѣ представителей промышленности и техники основанъ недавно при университетѣ въ Геттингенѣ институтъ прикладной физики и общество для развитія этой отрасли знанія; такъ, въ Іенѣ Abbe создалъ замѣчательное научно-техническое учрежденіе имени Zeiss'a; фирма Schott въ Іенѣ же спеціально вырабатываетъ сорта стекла для разныхъ научныхъ цѣлей и т. п.; такъ, наконецъ, въ Англіи и Америкѣ на частныя средства учреждаются не только институты, обсерваторіи, лабораторіи, но даже и цѣлые университеты.

Но какъ ни благотворно это единеніе науки и практическихъ знаній, было бы громадной ошибкой думать, что наука тоже должна преслѣдовать непосредственныя утилитарныя цѣли, что теперь для государства поощреніе техники всякаго рода важнѣе поощренія чистаго знанія. Это не такъ. И хотя положеніе это для людей науки давно стало трюизмомъ, нѣкоторыя обстоятельства въ жизни разныхъ культурныхъ странъ конца XIX вѣка заставляютъ насъ еще разъ подчеркнуть эту мысль. Исторія физики показываетъ намъ, что ни одна прямо поставленная практическая цѣль не была достигнута. Сколько труда и физическаго, и умственнаго потратило человѣчество на изобрѣтеніе regretium mobile; со времени легенды о крыльяхъ Икара до Leonardo da Vinci, и отъ эпохи Возрожденія вплоть до нашихъ дней люди жаждутъ уподобиться птицѣ, а результата все нѣтъ. Четверть вѣка было употреблено на осуществленіе простой, казалось, цѣли—сжиженія газовъ; наконецъ, это удалось. И что же?—Для жизни, для практики это не получило значенія. Понадобилось еще четверть вѣка для рѣшенія этого вопроса, и разрѣшился онъ совсѣмъ неожиданно, когда Linde вдумался въ чисто-«теоретическій» опытъ Томсона и Джоуля, преслѣдовавшій мелкую и пустую по виду цѣль: узнать насколько газы уклоняются отъ закона Маріотта. Кто могъ думать, что невинный опытъ Galvani надъ лягушкой послужитъ вскорѣ основаніемъ половины электротехники, а другой простой и пустой на видъ опытъ Фарадея надъ индукціей создастъ другую половину? Но зачѣмъ намъ идти такъ далеко. Чуть не полвѣка человѣчество видѣло и знало Гейсслеровы трубки, но кому могло прійти въ голову искать здѣсь Х-лучи? Еще рѣзче примѣръ мы видимъ въ опытахъ Hertz'a, имѣвшихъ въ виду рѣшеніе совсѣмъ отвлечен-

наго вопроса объ электрическомъ происхожденіи свѣта. Неожиданнымъ слѣдствіемъ опытовъ вышелъ телеграфъ безъ проводовъ. И такъ вездѣ и всегда. «Всѣ практическіе успѣхи,—говоритъ Helmholtz,—выросли совсѣмъ неожиданно изъ изслѣдованій, которыя могли казаться самыми безполезными пустяками непосвященнымъ, тогда какъ посвященный хотя и видѣлъ тамъ еще скрытое отношеніе причины и дѣйствія, но могъ слѣдить за ними только изъ чисто-теоретическаго интереса». И вѣрно по тому же поводу сказалъ поэтъ:

„Wer um die Göttin freit, sucht in ihr nicht das Weib".

И безъ этой богини, безъ науки самодовлѣющей, науки an und für sich, невозможно вообще достиженіе какихъ бы то ни было техническихъ и практическихъ цѣлей.

Съ точки зрѣнія чистаго знанія XIX вѣкъ отмѣченъ такимъ успѣхомъ, какой и не снился мудрецамъ стараго времени. Если для ученаго истина познанія природы дорога сама по себѣ, для непосвященныхъ важны результаты этого познанія, важна побѣда надъ вѣковѣчнымъ врагомъ—природой. Наука дала и эту побѣду, но не вездѣ и не во всемъ. Смерть еще не побѣждена: здѣсь сдѣлано лишь кое-что и кое-гдѣ. Мы болѣе раціонально боремся съ эпидеміями, чѣмъ прежде, бактеріологія обѣщаетъ намъ въ будущемъ еще больше, чѣмъ она дала до сихъ поръ. Теперь не вымираютъ цѣлые города, жизнь въ нихъ стала здоровѣе, смертность понизилась: трудъ на фабрикахъ тоже пересталъ быть такимъ убійственнымъ, какимъ онъ былъ прежде. Но, несмотря на всѣ эти блага культуры, смерть не побѣждена, смерть дѣтей, смерть людей во цвѣтѣ силъ. На борьбу съ этимъ безпощаднымъ врагомъ человѣчество тратитъ колоссальныя силы и умственныя, и физическія, тратитъ милліоны золота, но все же по существу остается безпомощнымъ. Тѣ безмѣрныя надежды, которыя, судя по первымъ шагамъ научнаго прогресса XIX вѣка, возлагались большой публикой на науку, какъ будто не осуществились. Съ одной стороны, неудержимое и старое какъ міръ стремленіе человѣка узнать законы природы, составить себѣ ясное представленіе объ окружающихъ явленіяхъ, это стремленіе получаетъ удовлетвореніе лишь послѣ усерднаго изученія многаго, что для непосвященныхъ представляется и скучнымъ, и труднымъ, и малопонятнымъ. Такія великія завоеванія человѣческой мысли, какъ законъ разсѣянія энергіи, кинетическая теорія матеріи, электрическая теорія свѣта, существованіе и роль эѳира—завоеванія, въ реальности которыхъ можно убѣдиться лишь послѣ основательнаго изученія физики,—для неподготовленныхъ являются голословными утвержденіями, теоріями, не имѣющими будущности. Скептическіе голоса относительно этихъ «теорій» мы слышимъ въ послѣднее время даже и оттуда, откуда ихъ не слѣдовало бы ожидать. Съ другой стороны, когда больной читаетъ свой смертный приговоръ въ глазахъ врача; когда онъ даже знаетъ, что наука понизила смертность отъ его болѣзни съ 70 на 40%,—что̀ ему и близкимъ

до прогресса науки, когда онъ все же умираетъ, когда онъ именно одинъ изъ этихъ 40%? И вотъ на рубежѣ XX вѣка, когда люди науки готовились понемногу къ подведенію итога завоеваніямъ естествознанія за истекшее столѣтіе—въ это время изъ большой публики раздался кличъ о томъ, что наука не исполнила своей миссіи, что наука банкротъ.

Но имѣютъ ли какое-либо основаніе эти предъявляемыя знанію чрезмѣрныя требованія? Виновата ли наука въ томъ, что она не смогла дать больше, чѣмъ она дала? Встрѣчаетъ ли она всюду то содѣйствіе, на которое она имѣла бы право, и отсутствіе котораго парализуетъ и замедляетъ ея прогрессъ; занимаетъ ли, наконецъ, наука въ современномъ обществѣ то положеніе, какое ей слѣдовало бы занимать? Нѣтъ, и трижды нѣтъ!

Когда отечество въ опасности отъ внѣшнихъ враговъ, страна встаетъ какъ одинъ человѣкъ, забывая своихъ женъ и дѣтей; конецъ XIX вѣка ознаменованъ даже особымъ учрежденіемъ этого характера—всеобщей воинской повинностью. Но природа, съ ея грозными силами, стирающими безпомощнаго человѣка въ порошокъ и раскидывающими его тѣло на атомы и молекулы, вѣдь это врагъ еще болѣе страшный, еще болѣе безжалостный, чѣмъ всякій воинственный сосѣдъ. Всеобщая повинность быть ученымъ—невозможна; но возможна всеобщая повинность содѣйствовать наукѣ, облегчать трудъ той маленькой арміи дѣятелей, которые посвятили себя на исканіе истины. Дѣлается ли это въ достаточной мѣрѣ? Нѣтъ, потому что интересы дня, интересы рынка всюду стоятъ на первомъ планѣ; сознаніе громаднаго значенія науки еще не вошло въ плоть и кровь современнаго общества, и событія первостепенной научной важности не возбуждаютъ живого интереса въ большой публикѣ.

Когда Hertz опытомъ доказалъ электрическую природу свѣта—объ этомъ знали одни спеціалисты-физики изъ ученыхъ журналовъ; когда же были сдѣланы первыя попытки примѣнить волны Hertz'а къ телеграфіи безъ проводовъ—объ этомъ ученые узнали изъ общей прессы.

Намъ скажутъ, что на науку идутъ милліоны. Но что же значитъ эта сумма въ наше время, сравнительно съ другими расходами современныхъ государствъ. Изученіе природы и раскрытіе ея тайнъ даетъ человѣчеству величайшія блага и счастіе. «А между тѣмъ, — спрашиваетъ Rowland въ одной изъ послѣднихъ своихъ рѣчей,—много ли лабораторій для изслѣдованія въ этомъ городѣ (Baltimore), въ этой странѣ (Америка), даже въ цѣломъ мірѣ?»

«Мы видимъ,—продолжаетъ онъ,—нѣсколько жалкихъ строеній то здѣсь, то тамъ съ немногими заморенными (starving) профессорами, стремящимися сдѣлать, что можно, съ тѣми малыми средствами, какія у нихъ въ рукахъ. Но гдѣ въ мірѣ найдется учрежденіе для чисто научныхъ изысканій въ какой-либо области знанія съ годовымъ бюджетомъ въ 100 милліоновъ долларовъ! Гдѣ изслѣдователь въ области чистаго знанія можетъ заработать болѣе, чѣмъ плату поденщика или повара? Но 100 милліоновъ долларовъ въ годъ есть стоимость арміи и флота, имѣющихъ назначеніе убивать дру-

гой народъ. Подумайте только, что одинъ процентъ этой суммы кажется большинству слишкомъ значительными деньгами, чтобъ ихъ тратить на спасеніе нашихъ дѣтей и потомковъ отъ бѣдствія и даже смерти!»

Не правда ли, намъ странно слышать такія рѣчи изъ устъ президента американскаго физическаго общества, изъ устъ Rowland'a, одного изъ первыхъ представителей естествознанія въ великой заокеанской республикѣ, гдѣ, однако, какъ мы знаемъ, цѣлые университеты существуютъ на частныя средства. И такія рѣчи показываютъ, что даже въ передовой Америкѣ положеніе науки не таково, какъ бы слѣдовало.

Говорятъ, наука дала мало. А много ли во всемъ мірѣ ученыхъ, и кого винить въ томъ, что ученыхъ такъ мало? По Ницше—назначеніе народа производить великихъ людей. Но геніи человѣчества не являются случайно и по заказу, они выдѣляются, отфильтровываются, такъ сказать, изъ многихъ сотенъ и тысячъ рядовыхъ ученыхъ, производящихъ каменную кладку тѣхъ зданій, которыя строютъ короли науки. И если только въ знаніи залогъ будущаго счастія человѣчества, то для него никакія жертвы не могутъ считаться большими. «Pensez, sachez et regardez ceux, qui pensent et savent comme vos guides»—завѣщалъ Buffon; только этотъ завѣтъ не былъ выполненъ въ XIX вѣкѣ, да врядъ ли будетъ выполненъ и въ XX.

Нѣтъ, не о банкротствѣ науки слѣдуетъ говорить, а наоборотъ, о той необъятной мощи, которую она обнаружила. И игнорировать это теперь, послѣ всего того, что дало уже человѣчеству естествознаніе—есть преступленіе, ведущее въ будущемъ за собой гибель нашихъ потомковъ. Какое можетъ быть сомнѣніе въ томъ, что если люди научились бороться съ собачьимъ бѣшенствомъ, чумой и дифтеритомъ теперь, когда наукѣ посвящаютъ себя во всемъ мірѣ тысячи и десятки тысячъ—тѣ же люди будутъ знать въ десять, въ сто разъ болѣе, когда ученые будутъ считаться милліонами, а геніи не единицами, а десятками. И то золото, которое теперь идетъ на борьбу съ болѣзнями и несчастіями человѣчества, это золото, затраченное 100 лѣтъ раньше на культуру чистаго знанія, дало бы результатъ неизмѣримо болѣе цѣнный и давно вернулось бы обратно сторицей.

25 вѣковъ тому назадъ родилась одновременно «физика» и «политика» какъ наука; нынѣ мы видимъ сочетаніе этихъ двухъ словъ въ заглавіи одной ректорской рѣчи (O. Lehmann). И какъ ни парадоксально кажется такое сочетаніе, оно имѣетъ глубокій смыслъ. Какъ и рѣчь Rowland'a, оно показываетъ, что въ разныхъ концахъ міра дѣятелей чистаго знанія заботитъ одинъ и тотъ же вопросъ: несмотря на всѣ практическіе успѣхи—свѣтильникъ знанія не горитъ въ мірѣ такъ ярко, какъ онъ бы долженъ былъ горѣть. А въ Россіи? Въ Россіи естествознанію отъ роду едва полтора вѣка. Несмотря на этотъ краткій срокъ, русскіе естествоиспытатели успѣли занять видное мѣсто среди ученыхъ міра, помня, что «на поприщѣ ума нельзя намъ отступать». А между тѣмъ, гдѣ у насъ тѣ дворцы науки, тѣ многомилліонные институты, разбросанные въ Западной Европѣ и Сѣверной Америкѣ? И если тамъ выдающіеся ученые съ жаромъ

требуютъ для науки все большаго, и большаго, что сказать намъ? Если еще медицинскія науки и поставлены сколько-нибудь прилично, много ли сдѣлано у насъ для другихъ отраслей естествознанія, наприм., для той же физики? Новый вѣкъ видитъ здѣсь въ Петербургѣ первый настоящій физическій институтъ въ Россіи; мы знаемъ, что другой такой возводится въ Москвѣ, но что это для всей необъятной Россіи. Въ какомъ безвыходномъ положеніи провинціальные университеты, гдѣ нерѣдко физически невозможно ни учить какъ слѣдуетъ, ни работать; гдѣ наши слушатели сидятъ лицомъ къ свѣту, гдѣ приборъ въ 1,000 рублей является роскошью, гдѣ размѣры «физическихъ институтовъ» лежатъ между 70 и 200 квадратныхъ саженъ вмѣсто тѣхъ тысячъ квадратныхъ саженъ, которыя должны бы быть! Утилитарный взглядъ на многое имѣетъ, къ сожалѣнію, слишкомъ большое значеніе въ нашемъ отечествѣ. Промышленныя и техническія предпріятія выдвигаютъ на первый планъ многомилліонную поддержку себѣ; общество готово дать средства на метеорологическія наблюденія, но требуетъ на завтра предсказанія погоды; общество готово дать деньги на техническія школы, потому что онѣ дадутъ инженеровъ; медицинскія клиники находятъ себѣ жертвователей на милліоны рублей, но много ли въ Россіи пожертвованій на естественноисторическія учрежденія, на физическіе и химическіе институты, преслѣдующіе интересы только чистаго знанія?

Вѣкъ физики, вѣкъ естествознанія кончился. Какой титулъ дадутъ наши потомки XX вѣку? Мы не знаемъ. Но мы должны думать, что новый вѣкъ создастъ и новыя, болѣе благопріятныя условія для научной работы. Будемъ вѣрить, что и въ Россіи чистый источникъ—наука, разольется широкими волнами могучей рѣки, и что недалеко уже то время, когда девизомъ Россіи, и не одной ученой Россіи, будутъ слова:

«Да здравствуетъ чистое знаніе!»...

Д. Гольдгаммеръ.

Изъ жизни еврейскаго пролетаріата *).

I.

Изготовленіе одежды.

Мистеръ Мозесъ, еврей-портной, предсѣдатель Mutual Tailors Association, который въ свое время былъ приглашенъ дать коммиссіи лордовъ свѣдѣнія о sweating system, утверждаетъ, что въ Истъ-Эндѣ изготовленіемъ одежды заняты, по меньшей мѣрѣ, 10,000 еврейскихъ рабочихъ. «Цифру эту,—замѣчаетъ г. Соловейчикъ,—подтвердили мнѣ почти всѣ тѣ, къ кому я обращался за свѣдѣніями».

Эти десять тысячъ человѣкъ работаютъ у тысячи, приблизительно, хозяевъ-евреевъ, извѣстныхъ подъ именемъ sweater-masters (кулаковъ, «выжимателей пота»), изъ коихъ 75% также влачитъ самое жалкое существованіе.

Мы выше уже указывали на истинный характеръ посредника, хозяина-«свэтера». Слово хозяинъ, какъ, вѣроятно, помнитъ читатель, не должно быть понимаемо здѣсь въ обыденномъ его значеніи. Хозяинъ «потогонной» мастерской, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, самъ надрывается надъ работою не меньше, чѣмъ эксплуатируемый и имъ же «выпотѣваемый» рабочій; разница только та, что хозяинъ, онъ же посредникъ, получаетъ свой заработокъ отъ большихъ фешенебельныхъ магазиновъ Вестъ-Энда, являющихся дѣйствительными хозяевами-кулаками въ «свэтерствѣ».

Во всемъ Истъ-Эндѣ найдется всего, быть можетъ, сотня мастерскихъ, гдѣ во время сезона работаютъ отъ 50 до 75 человѣкъ. Это уже большія мастерскія, и положеніе работающихъ въ нихъ нѣсколько лучше, чѣмъ въ мелкихъ мастерскихъ, которыхъ подавляющее большинство. Мелкая же мастерская представляетъ собою, обыкновенно, какую-нибудь дыру въ подвальномъ этажѣ, куда никогда не проникаетъ солнечный лучъ, и гдѣ вы встрѣтите пять-шесть человѣкъ рабочихъ, очень часто «новичковъ», не получающихъ ровно никакой платы; благо еще, если имъ даютъ кой-какія

*) *Русская Мысль*, кн. I, 1902 г.

харчи. Такъ обстоитъ дѣло съ новичками. Но поразительное раздѣленіе труда, котораго достигъ конфекціонный промыселъ, дѣлаетъ свое дѣло, держа заработокъ всѣхъ вообще рабочихъ этого промысла на крайне низкомъ уровнѣ и постепенно, но неустанно понижая его; а до чего доходитъ здѣсь раздѣленіе труда, показываетъ тотъ фактъ, что рабочій, умѣющій гладить верхнее платье, не умѣетъ гладить жилета, а спеціалистъ по глаженію жилетъ не въ состояніи гладить панталонъ; есть, впрочемъ, и такіе «портные», которые даже иглы въ рукѣ держать не могутъ. Какъ-то странно даже примѣнять ко всѣмъ этимъ спеціалистамъ названіе портной! Между тѣмъ, этими-то портными и изготовляется огромнѣйшая часть такъ называемаго готоваго платья. Больше того. Знатоки доказываютъ, что эта отрасль труда, изготовленіе дешевыхъ сортовъ готоваго платья, получившая за самое короткое время обширное распространеніе во всѣхъ капиталистическихъ странахъ и пріобрѣвшая огромное значеніе въ международной торговлѣ, въ Англіи обязана своимъ возникновеніемъ и дальнѣйшимъ развитіемъ, именно еврейскимъ иммигрантамъ, явившимся туда безъ всякаго знанія ремесла.

Но возвратимся къ «потогоннымъ» мастерскимъ. Какую жизнь приходится вести работникамъ и работницамъ въ этихъ мастерскихъ, краснорѣчивѣе всего показываютъ многочисленные и прямо ужасающіе факты, собранные коммиссіей лордовъ.

Одинъ свидѣтель передаетъ, напримѣръ, о комнатѣ, длиною въ 15 и шириною въ 9 футовъ, гдѣ ютились мужъ, жена и шестеро дѣтей, причемъ тутъ же постоянно работало десять человѣкъ. Спятъ въ этой комнатѣ всѣ вмѣстѣ, безъ различія пола и возраста, и нужно только удивляться, что проституція, какъ увѣряла г. Соловейчика м-съ Веббъ, почти совершенно неизвѣстна среди еврейскихъ работницъ Истъ-Энда.

Другой свидѣтель говоритъ о мастерской, расположенной во дворѣ. Мастерская эта уставлена швейными машинами; въ жалкой комнатѣ тлѣетъ коксовый огонь; горятъ восемь или девять газовыхъ рожковъ; атмосфера стоитъ невозможная.

По словамъ приглашеннаго коммиссіей м-ра Биллинга, теперешняго бедфорскаго епископа, необходимость, вынуждающая этихъ бѣдняковъ довольствоваться одною лишь комнатой, которая служитъ въ одно и то же время и жильемъ, и рабочей мастерской, ведетъ за собою самыя вредныя и гибельныя послѣдствія: тамъ работаютъ и варятъ, ѣдятъ, стираютъ и сушатъ бѣлье, проводятъ весь день и ночуютъ; тамъ же валяются всѣ отбросы отъ работы, и все это, вмѣстѣ взятое, чрезвычайно гибельно отзывается какъ на рабочихъ, такъ и на хозяевахъ.

Такъ-то живутъ «хозяинъ и работникъ» при господствѣ sweating-system.

Вообще,—и въ подтвержденіе этого можно было бы привести безчисленное множество показаній,—санитарныя условія въ мелкихъ «потогонныхъ» мастерскихъ—ужасныя, прямо убійственныя: отсутствіе солнечнаго свѣта и вентиляціи, тѣснота, грязь и безпорядокъ, пыльная и душная атмосфе-

ра, присутствіе во многихъ мастерскихъ грязнаго, отвратительнаго клозета; легко представить себѣ, какое дѣйствіе такія помѣщенія имѣютъ на здоровье рабочихъ, вынужденныхъ проводить тамъ за машинами 16, 17 и 18 часовъ ежедневно.

Дѣло въ томъ, что спутникомъ убійственныхъ гигіеническихъ условій является и необычайно продолжительный рабочій день.

Если мы въ крупныхъ мастерскихъ еще встрѣчаемся съ кой-какимъ распредѣленіемъ, съ кой-какой регулировкой рабочаго времени,—рабочій день равняется здѣсь обыкновенно 12 часамъ, не считая времени на обѣдъ и overtime, сверхурочной работы, случающейся особенно во время сезона довольно-таки часто,—то этой регулировки и въ поминѣ нѣтъ въ мелкихъ мастерскихъ, гдѣ рабочему времени нѣтъ, можно сказать, конца и предѣла. Особенно беззастѣнчива эксплуатація, которой подвергаются такъ называемые greeners, новички. «Я работалъ,—разсказывалъ одинъ такой greener,—отъ 18 до 20 часовъ въ сутки; я едва успѣвалъ ложиться, какъ меня уже будили, чтобы снова усадить за работу». Въ докладѣ коммиссіи лордовъ мы встрѣчаемъ, впрочемъ, случаи 40-часовой непрерывной работы. М-ръ Биллингъ видѣлъ, какъ эти бѣдняки садились въ 2 часа утра за работу и не отрывались отъ нея вплоть до 7 часовъ слѣдующаго утра, т.-е. въ продолженіе 29 часовъ.

Подобные безконечные рабочіе дни бываютъ, обыкновенно, во время сезона, который лѣтомъ длится, приблизительно, четыре, а зимою три мѣсяца. Но даже эти безконечные рабочіе дни, вгоняющіе рабочихъ въ чахотку, ничто въ сравненіи съ такимъ бичомъ, какимъ является,—страшно сказать,—отсутствіе такихъ дней, т.-е. безработица, со всѣми сопровождающими ее спутниками; между тѣмъ, непостоянство работы не менѣе характерно, быть можетъ, для конфекціоннаго промысла, какъ для «потогонныхъ» промысловъ вообще, чѣмъ антигигіеническое состояніе мастерскихъ, необыкновенно длинный рабочій день или «голодная» заработная плата, къ которой мы теперь и обратимся.

Касаясь заработной платы такъ называемыхъ garment-workers, рабочихъ, занятыхъ изготовленіемъ одежды, мы должны прежде всего замѣтить, что плата эта не только «голодная» плата, т.-е. до нельзя низкая и недостаточная для существованія, но что она еще, кромѣ того, всевозможными, доходящими до артистичности, ухищреніями хозяевъ въ наложеніи штрафовъ, урѣзывается на каждомъ шагу и производится крайне нерегулярно, а во многихъ мелкихъ мастерскихъ часто и совсѣмъ не производится. Замѣтивъ это, посмотримъ, что говорятъ «живыя цифры» о самомъ заработкѣ нашихъ рабочихъ.

По даннымъ Джона Бернетта, рабочій конфекціона можетъ заработать отъ 2 шил. 6 п. до 4 шиллинговъ (1 р. 20 к.—1 р. 90$\frac{1}{2}$ к.) въ день,—плата, нужно замѣтить, производится поденно и поштучно, очень рѣдко — понедѣльно; работница до 12 шилл. (около 6 р.) въ недѣлю, но бываетъ, что

и отъ 1 шил. до 1 шил. 6 п. въ день *). При этомъ до сихъ поръ замѣчалось, что заработная плата изъ года въ годъ падаетъ.

За куртку, за которую всего нѣсколько лѣтъ назадъ платили отъ 2 до 3 шил. 9 п., въ настоящее время не заплатятъ больше 1 ш. 6 п.—2 ш. 3 п.; за накидку—вмѣсто 8 ш.—4 ш. 6 п. Жилетница за шитье жилета получаетъ 5 п. (20 к.) и въ состояніи сшить 4 жилета въ день. Гладильщикъ, знакомый намъ «квалифицированный» рабочій портняжнаго ремесла, можетъ, работая 16 часовъ въ сутки, зарабатывать 7 шилл. Петельщицы (Buttonholers) зарабатываетъ отъ 10 до 12 шил. въ недѣлю, работая по 12 час. въ день. Арнольдъ Уайтъ показывалъ платье, за шитье котораго рабочій получилъ $7^1/_2$ пенсовъ (30 к.); при 15-часовой работѣ рабочій этотъ могъ изготовить четыре такихъ платья и зарабатывать такимъ образомъ 2 ш. 6 п. въ день. Изъ этой суммы нужно, впрочемъ, вычесть 3 пенса за мѣтку петель, пуговицы и проч. и 4 пенса за аппретуру.

Цифры эти, если мы будемъ помнить приведенный нами въ примѣчаніи опредѣлитель standart of life, краснорѣчивѣе всякихъ словъ скажутъ намъ, что заработная плата въ конфекціонномъ промыслѣ, дѣйствительно, «голодная» плата, т.-е. такая, при которой рабочіе, даже при ихъ довольно низкомъ уровнѣ жизни, голодаютъ.

Въ маѣ 1891 года, когда положеніе стало, повидимому, невыносимымъ, среди евреевъ-портныхъ Истъ-Энда вспыхнула стачка, въ которой приняли участіе до 5,000 человѣкъ. Требованія состояли въ сокращеніи рабочаго времени и улучшеніи санитарныхъ условій мастерскихъ. Происходили большія манифестаціи; рабочіе маршировали по городу съ огромными развернутыми знаменами, на которыхъ красовались надписи: «Долой «свэтерство»! Долой кровавый потъ!»

Хозяева пошли на уступки и согласились на установленіе рабочаго дня отъ 8 час. утра до 8 ч. веч., но рабочіе потребовали, чтобы соглашеніе скрѣплено было формальнымъ договоромъ, контрактомъ. Требованіе это было отвергнуто. Рабочіе требовали, кромѣ того, уничтоженія overtime, сверхурочной работы; и это было отвергнуто. Борьба разгоралась. Но уже черезъ три недѣли между хозяевами и рабочими произошло соглашеніе. Рабочее время ограничено было 12-ю часами въ день, но overtime остался. Не прошло, впрочемъ, много времени послѣ окончанія стачки, какъ старый порядокъ вещей водворился во всей своей прежней силѣ. Сами рабочіе приходили просить хозяевъ, предлагая за добавочную плату работать сверхъ урочнаго времени. Нѣсколько такихъ случаевъ достаточно было, чтобы вернуть всѣ прелести добраго стараго режима.

---

*) Для уразумѣнія приводимыхъ цифръ нужно имѣть въ виду, что такой компетентный въ данномъ вопросѣ изслѣдователь, какъ Шарль Бузсъ, причисляетъ къ *бѣдствующимъ* тѣ слои рабочаго населенія Лондона, еженедѣльный доходъ которыхъ не превышаетъ 21 шил. Таковъ standart of life въ Лондонѣ.

II.

Изготовленіе обуви.

Положеніе евреевъ-рабочихъ еще хуже, если только можетъ быть хуже, въ этой отрасли, чѣмъ въ предыдущей. По даннымъ Фрика, предсѣдателя «Національнаго союза сапожниковъ» (National Union of Boot and Shoe Operatives), число евреевъ, занятыхъ изготовленіемъ обуви, составляетъ не менѣе 10 тыс.; однихъ только «новичковъ» насчитываютъ отъ 5 до 6 тысячъ. Евреи и въ эту область труда успѣли внести тотъ духъ предпріимчивости и изобрѣтательности, который, по замѣчанію одного автора, «быть можетъ и составляетъ ихъ расовую особенность». Они именно положили въ Лондонѣ начало изготовленію новаго, особаго сорта башмаковъ, который раньше ввозился изъ-за границы, а теперь, напротивъ, вывозится уже въ очень большихъ количествахъ.

Евреи заняты преимущественно изготовленіемъ низшихъ сортовъ обуви, и положеніе ихъ, по словамъ знаменитаго изслѣдованія Бузса, «можетъ быть охарактеризовано, какъ до крайности жалкое». Санитарныя условія мастерскихъ самыя плачевныя. Одинъ свидѣтель показывалъ передъ Sweating Committee, что онъ въ Dukestreet видѣлъ хозяина и подмастерья, работавшихъ на кухнѣ, гдѣ въ то время спала жена съ четырьмя дѣтьми. Въ другомъ мѣстѣ онъ нашелъ то же самое: въ комнатѣ работали хозяинъ и подмастерье, жена и дѣти спали раздѣтыя.

Относительно рабочаго времени нужно сказать одно: работаютъ столько, сколько позволяютъ человѣческія или, вѣрнѣе, сверхчеловѣческія силы рабочаго; «нормальный» рабочій день составляетъ здѣсь 18 часовъ.

М-ръ Саломонъ, бывшій предсѣдатель «Союза еврейскихъ сапожниковъ», передавалъ г. Соловейчику, что, пріѣхавъ впервые въ Лондонъ, онъ въ теченіе шести мѣсяцевъ работалъ, не получая ровно никакой платы, съ 6 часовъ утра до 12 и очень часто до 2 часовъ ночи.

Позже онъ зарабатывалъ 25 ш. въ недѣлю, но работая 18 часовъ въ сутки. Заработная плата, вообще говоря, и здѣсь, какъ въ портняжномъ промыслѣ, падаетъ изъ года въ годъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, такъ называемые finishers, т.-е. сапожники, занятые окончательной отдѣлкою сапогъ, получали за каждую дюжину башмаковъ 5 шиллинговъ, между тѣмъ какъ теперь они получаютъ всего лишь 2 ш. 6 п. Во время сезона хорошій работникъ можетъ, работая и днемъ, и ночью, зарабатывать отъ 18 до 25 ш. въ недѣлю; менѣе искусный—отъ 15 до 16 ш., подмастерья же—всего лишь 10, 8, 7 и даже меньше шиллинговъ. Но не слѣдуетъ забывать, что даже и эти цифры—среднія, относящіяся притомъ къ самому разгару сезона, и изъ-за нихъ совсѣмъ не видно ни безработицы, ни безработныхъ.

Къ рабочимъ, занятымъ изготовленіемъ башмаковъ, нужно присоединить еще и тѣхъ, которые заняты шитьемъ туфель. Ихъ насчитываютъ,—какъ мужчинъ, такъ и женщинъ,—нѣсколько тысячъ человѣкъ. Условія

ихъ существованія почти ничѣмъ не отличаются отъ описанныхъ условій сапожниковъ.

Въ концѣ 1889 года среди евреевъ-сапожниковъ Истъ-Энда замѣчалось сильное движеніе; созывались митинги, раздавались прокламаціи на жаргонѣ; а въ 1890 году вспыхнула грандіозная стачка, въ которой приняло участіе около 10 тысячъ человѣкъ и которая длилась $1^1/_2$ мѣсяца. Англійскій авторъ цитированной нами статьи въ *Nineteenth Century* даетъ слѣдующее картинное описаніе этой стачки:

«Прежде всего,—говоритъ Д. Ф. Шлоссъ,—отмѣтимъ тотъ фактъ, что во всѣхъ предварительныхъ столкновеніяхъ евреи-рабочіе проявили удивительную твердость. Когда началась послѣдняя, серьезная схватка, грязныя окрестности Spitalfield'a и Bethnal Green'a были свидѣтелями воистину страннаго зрѣлища. На rendez-vous въ Brick Jane собрались самые любопытные образчики человѣческаго рода, какіе я когда-либо видѣлъ:—желтоблѣдные, съ гнойными глазами, захирѣвшими членами, одѣтыми въ жалкія лохмотья. Къ полудню эти бѣдняки собрались. Ихъ коленкоровыя знамена были гордо развернуты; ихъ оркестръ заигралъ, и около 600 членовъ еврейскаго рабочаго союза двинулись подъ звуки марша по грязи. По одиночкѣ, по два, по три, подобно крысамъ Гатона, сходились изъ всякаго рода подваловъ, чердаковъ и лачугъ рабочіе, бывшіе до этого времени за работою, и присоединялись къ рядамъ, при радостныхъ возгласахъ товарищей... Сто фунтовъ стерлинговъ, которые были прибережены съ невѣроятнымъ самоотверженіемъ изъ ихъ (стачечниковъ) жалкаго заработка, были скоро растрачены, тѣмъ болѣе, что стачечники-члены союза великодушно пригласили къ участію въ раздаваемыхъ союзомъ пособіяхъ и не-юніонистовъ.

«Воззваніе къ обществу о поддержаніи стачки имѣло незначительный успѣхъ; но евреи-стачечники добыли кредитъ въ 200 фунтовъ. Къ концу стачки все—и наличныя деньги, и кредитъ—было исчерпано. Несмотря на это стачечники боролись съ мужествомъ Маккавеевъ; боролись—и, въ концѣ концовъ, побѣдили. Будучи нѣсколько лично знакомымъ съ стачечниками и стачками во многихъ отрасляхъ промышленности, я, не задумываясь, утверждаю, что никогда и никакими рабочими не было лучше оказано сопротивленіе, чѣмъ этими незаслуженно презираемыми отпрысками рода израилева».

Замѣтимъ при этомъ отъ себя, что знакомые со стачками,—настоящими «голодными бунтами»,—еврейскихъ рабочихъ въ Америкѣ, знаютъ, что подобные факты мужества, вызывающіе удивленіе даже въ англичанинѣ, далеко не рѣдкость.

Что же касается до только что описанной стачки сапожниковъ, то хотя она и была выиграна, но не надолго: заработная плата постепенно понижалась, и очень скоро снова воцарился старый порядокъ вещей. Въ настоящее время положеніе рабочихъ сапожнаго промысла никогда не было такъ худо, какъ теперь.

III.

Изготовленіе фуражекъ (каскетокъ).

Жалкое положеніе рабочихъ этой «потогонной» отрасли труда обратило на себя, въ послѣднее время, вниманіе фабричныхъ инспекторовъ.

Ремеслу этому научаются очень быстро: въ шесть недѣль готовъ «артистъ» каскетнаго дѣла. Въ общемъ, можно сказать, положеніе каскетниковъ и каскетницъ почти ничѣмъ не отличается отъ положенія портныхъ. Это производство имѣетъ, впрочемъ, ту особенность, что въ немъ сильно преобладаетъ трудъ молодыхъ дѣвушекъ, понижающихъ заработную плату до минимума. Одинъ рабочій говорилъ фабричному инспектору, что если въ портняжномъ ремеслѣ рабочіе и эксплуатируются, то они получаютъ, по крайней мѣрѣ, плату; здѣсь же, при изготовленіи фуражекъ, ничего не платятъ. Это заявленіе надо понимать, конечно, въ томъ смыслѣ, что заработная плата въ каскетномъ промыслѣ до крайности низка. При этомъ не слѣдуетъ также упускать изъ виду слѣдующаго обстоятельства: работа и плата производятся здѣсь издѣльно, что̀ влечетъ за собою крайнюю интенсивность труда, крайнее напряженіе рабочей силы; рабочіе убиваютъ себя за работою и, тѣмъ не менѣе, они никогда не зарабатываютъ больше 15—18 шилл. въ недѣлю. Къ этому необходимо прибавить еще то, что рабочій сезонъ длится въ этой отрасли всего полгода.

О санитарныхъ условіяхъ мы умалчиваемъ, такъ какъ они одни и тѣ же во всѣхъ производствахъ, гдѣ царитъ «свэтерство».

Въ 1895 году среди евреевъ-каскетниковъ вспыхнула стачка. Она явилась, повидимому, отвѣтомъ на союзъ хозяевъ, порѣшившій, во-первыхъ, требовать отъ рабочаго, поступающаго на мѣсто, представленія свидѣтельства отъ прежняго хозяина; во-вторыхъ, не принимать вовсе такихъ рабочихъ, которые когда бы то ни было участвовали въ стачкѣ и, за одно уже, въ-третьихъ: чтобы рабочіе покупали необходимыя имъ нитки на свои деньги.

Стачечники же, въ свою очередь, выставили лишь одно требованіе: увеличеніе поштучной платы, установленіе *минимума* въ 6 пенсовъ съ каждой каскетки, вмѣсто прежнихъ 4 и 6 пенсовъ. Стачка не имѣла большого успѣха; въ настоящее время старое положеніе вещей остается во всей своей силѣ.

VI.

Скорняжный промыселъ.

Въ этомъ промыслѣ заняты преимущественно женщины, которыхъ насчитываютъ, приблизительно, 2,000 душъ, изъ коихъ 1,500 евреекъ. Двадцать лѣтъ тому назадъ промыселъ этотъ не зналъ «свэтерства»; въ настоящее же время оно тамъ процвѣтаетъ.

Рабочій день длится, обыкновенно, съ 8 ч. утра до 8 ч. вечера; но въ разгаръ сезона есть очень много сверхурочной работы.

Заработная плата—сдѣльная, и за послѣднія десять лѣтъ сильно падала: что̀ раньше оплачивалось 10-ю шиллингами, то въ настоящее время оплачивается 4-мя. Самое большее, что можно здѣсь заработать въ недѣлю, это 25 шиллинговъ; но обыкновенный, средній заработокъ не превышаетъ 12—15 шиллинговъ. Подростки же зарабатываютъ не больше 4—5 шиллинговъ въ недѣлю.

V.

Выдѣлка сигаръ и папиросъ.

Промыселъ этотъ почти всецѣло находится въ рукахъ евреевъ. Число работниковъ и работницъ исчисляется, приблизительно, въ 9,000 человѣкъ, изъ коихъ отъ 500 до 1,000 заняты приготовленіемъ папиросъ, а 8,000—изготовленіемъ сигаръ.

Среди папиросниковъ очень много голландскихъ евреевъ, много также молодыхъ дѣвушекъ.

Нужно замѣтить, что «свэтерство» гораздо болѣе распространено въ папиросной отрасли, чѣмъ въ сигарной, и это потому, что въ послѣдней, гдѣ для предпріятія требуется сравнительно большой капиталъ,—производство ведется на болѣе широкую ногу, чѣмъ въ первой. Съ другой стороны, чрезмѣрному распространенію «свэтерства» мѣшаетъ здѣсь то обстоятельство, что табакъ обложенъ акцизомъ, и спеціальные чиновники имѣютъ право во всякое время посѣщать фабрики.

Совершенно другое встрѣчаемъ мы при изготовленіи папиросъ. Въ маленькой комнаткѣ, вокругъ большого мѣшка табаку, вы найдете, обыкновенно, хозяина, работающаго вмѣстѣ съ 8—9 работницами.

Здѣсь «свэтерство» процвѣтаетъ.

Зимою очень многія мастерскія, чтобы предохранить табакъ отъ высушиванія, совсѣмъ не отапливаются, и на вопросъ, поставленный одной работницѣ, не страдаютъ ли онѣ тамъ отъ холода, получился, приблизительно, такой отвѣтъ: такъ какъ работницъ въ мастерской много, а окна тамъ никогда не раскрываются, то теплота получается естественная... Эту естественную теплоту дополняетъ, вѣроятно, ѣдкая табачная пыль.

Что касается длины рабочаго дня, то она равняется 12 часамъ въ большихъ мастерскихъ, 13—14 въ маленькихъ.

Плата же производится въ большихъ мастерскихъ сдѣльно: за каждую сотню сигаръ платятъ отъ 1 ш. 6 п. до 3 ш. 6 п., и такъ какъ рабочій можетъ за день въ среднемъ приготовить 150—200 штукъ, то его недѣльный заработокъ никогда не превышаетъ 13—14 шиллинговъ; но платятъ и 8, 10, 12 шилл. въ недѣлю, въ мелкихъ же мастерскихъ—еще и того меньше.

Необходимо, кромѣ того, замѣтить, что за послѣдніе годы, вслѣдствіе введенія нѣкоторыхъ усовершенствованныхъ машинъ, ручная выдѣлка папиросъ сильно сократилась. Результатомъ этого явилось вытѣсненіе мно-

жества взрослыхъ рабочихъ *), замѣщеніе ихъ очень низко оплачиваемыми малолѣтними дѣтьми и общее паденіе заработной платы.

Есть между папиросниками большой профессіональный союзъ—«Cigar-Makers' Mutual Association», а между папиросницеми—«Woman Cigar Makers' Protective Union», въ которыхъ участвуютъ и еврейскіе работники и работницы. Но то обстоятельство, что многія фабрики не принимаютъ вовсе рабочихъ-юніонистовъ, является крупнымъ препятствіемъ для профессіональной организаціи.

Огромнѣйшее большинство еврейскаго пролетаріата въ Англіи сконцентрировано въ Лондонѣ и, преимущественно, въ только что описанныхъ нами производствахъ: въ портняжномъ и родственномъ съ нимъ промыслахъ, въ башмачномъ ремеслѣ и при выдѣлкѣ сигаръ и папиросъ. Но, помимо этихъ производствъ, мы встрѣчаемъ еврейскихъ рабочихъ во многихъ другихъ, самыхъ разнообразныхъ, отрасляхъ труда: въ мебельномъ и строительномъ дѣлѣ, при обработкѣ металловъ, выдѣлкѣ коробокъ и дѣтскихъ игрушекъ, въ часовомъ и ювелирномъ производствахъ и пр., и пр., и, кромѣ Лондона, во многихъ большихъ провинціальныхъ городахъ, на которыхъ мы останавливаться не будемъ, такъ какъ условія труда тамъ почти тѣ же, что и въ Лондонѣ.

Мы не имѣемъ, къ сожалѣнію, возможности коснуться также нѣкоторыхъ другихъ сторонъ жизни еврейскаго пролетаріата въ Англіи—его культурнаго и умственнаго состоянія, его самодѣятельности и самосознанія. Замѣтимъ въ заключеніе лишь слѣдующее. Являясь въ чужую страну безъ знанія языка и мѣстныхъ условій и—этого въ особенности не слѣдуетъ забывать—преимущественно изъ такихъ странъ, гдѣ самодѣятельность не могла получить большого развитія, еврейскій пролетаріатъ въ Англіи не успѣлъ еще завоевать себѣ лучшаго положенія, чѣмъ то, которое мы описывали. И, тѣмъ не менѣе, что бы ни говорили англійскіе «патріоты своего отечества», Арнольды Уайты и прожектеры анти-аліенисты (если можно такъ назвать сторонниковъ Anti-Aliens-Bill—билля противъ иностранцевъ), евреи-иммигранты не являются въ странахъ, давшихъ имъ гостепріимный пріютъ, факторомъ, понижающимъ заработную плату, а, слѣдовательно, элементомъ вреднымъ и нежелательнымъ. Мы выше уже имѣли случай указать на ту роль, которую евреи — «нищіе чужестранцы», по англійской терминологіи,—сыграли въ общей экономической жизни Англіи, отмѣтить ту ихъ заслугу, что они ввели въ странѣ новыя, расширили и усовершенствовали нѣкоторыя старыя отрасли труда. Но, оставляя въ

---

*) Съ помощью, напр., табачнаго аппарата Рёза (appareil Reuse), фигурировавшаго на Всемірной выставкѣ 1897 г., въ Брюсселѣ, производится въ *двадцать* разъ больше, чѣмъ при ручномъ трудѣ. Кромѣ того, аппаратъ имѣетъ надъ ручной выдѣлкой сигаръ огромныя техническія преимущества вообще: онъ работаетъ экономнѣе, чище.

сторонѣ даже это обстоятельство, само по себѣ убѣдительно опровергающее басню о «вытѣсненіи туземнаго работника», не слѣдуетъ забывать и того, что понижателями заработной платы евреи являются только въ первое время, когда они находятся въ полномъ невѣдѣніи относительно всего, что происходитъ внѣ стѣнъ гетто; въ странахъ же своей иммиграціи евреи ассимилируются съ новой общественной жизнью гораздо быстрѣе и полнѣе, чѣмъ въ странахъ, откуда они эмигрируютъ.

Мы сами не разъ поражались той быстрой и глубокой перемѣной, которая совершается тамъ, на чужбинѣ, съ нашими выходцами изъ «черты»...

Б. Вольфензонъ.

Современные французскіе дѣятели *).

Жоржъ Клемансо.

VII.

Если нужно обращаться къ «разумной человѣческой природѣ», если нужно создавать «человѣка самого по себѣ», чтобы дать прочную и постоянную основу человѣческой морали, то мы не должны забывать и того, что составляющія ее идеи—общественнаго происхожденія. «Человѣческая природа» со своими неизмѣнными качествами, является только удобной рамкой, въ которую мы вкладываемъ тѣ изъ нашихъ нравственныхъ идей, которыя носятъ характеръ вѣчныхъ истинъ.

Послѣднія не проистекаютъ логически изъ человѣческой природы,—человѣчество должно было употребить цѣлыя столѣтія на открытіе ихъ,—но по своимъ качествамъ представляютъ большую аналогію съ нею.

Но Клемансо ищетъ органической связи тамъ, гдѣ есть только аналогія. Для него естественныя права логически вытекаютъ изъ человѣческой природы. Онъ идетъ еще дальше: онъ пытается логически вывести изъ нея весь общественный строй. Соціологія дѣлается придаткомъ этики, сливаются двѣ области не только различныя, но и противоположныя по своему предмету. Этика ищетъ того, что есть постояннаго въ человѣческихъ отношеніяхъ; она опирается на нравственную природу человѣка. Соціологія, наоборотъ, изучаетъ то, что есть измѣняемаго въ этихъ отношеніяхъ; она опирается на *общественнаго человѣка*.

Для Клемансо общественная среда съ ея особыми законами развитія не существуетъ. Онъ ничего не видитъ, кромѣ человѣка, съ одной стороны, и вѣчныхъ началъ—съ другой. И если онъ встрѣчаетъ между этими крайними точками какой-то третій, посредствующій элементъ, то считаетъ, что онъ тамъ по ошибкѣ, по недоразумѣнію.

Такова точка зрѣнія идеологіи прошлаго столѣтія. Она была исторически неизбѣжна и необходима въ ту эпоху, которая съ такой энергіей и

*) *Русская Мысль*, кн. I, 1902 г.

силой отказывалась отъ прошлаго съ его учрежденіями и законами, съ его нравами и стремленіями. Отъ этого прошлаго ничто не должно было уцѣлѣть. Ничто въ настоящемъ не должно было напоминать прошедшаго. Настоящее не должно было считаться логическимъ продолженіемъ прошедшаго, неизбѣжной фазой историческаго развитія. Такое мнѣніе было недопустимо, принятіе его равнялось бы признанію, что свѣтъ можетъ выйти изъ мрака, равнялось бы косвенному восхваленію ненавистнаго *ancien régime*, «стараго строя». Въ основѣ новаго строя лежало не прошлое, а *Разумъ*. Но когда послѣдній спустился изъ своихъ воздушныхъ чертоговъ, чтобы выработать конституцію, по которой должна была управляться новая Франція, онъ не могъ избѣжать участи всѣхъ идей: служить одной части человѣчества противъ другой ея части. Свобода обратилась противъ свободы, равенство — противъ равенства, и разумъ возсталъ противъ своего чистаго источника. Еще и теперь декларація правъ человѣка находитъ полныхъ энтузіазма защитниковъ, но энтузіазмъ этотъ не раздѣлялся даже всѣми ея авторами. Вотъ что пишетъ знаменитый женевецъ, юрисконсультъ Дюмонъ, другъ Мирабо и его сотрудникъ по составленію знаменитой декларації.

«Національное собраніе начало знаменитую декларацію правъ человѣка... Я припоминаю эти долгіе споры, какъ время смертельной скуки. Пустые метафизическіе споры о словахъ... Послѣ того, какъ множество проектовъ было отвергнуто, былъ выбранъ комитетъ изъ пяти членовъ, которому было предложено выработать новый проектъ. Мирабо съ обычнымъ своимъ великодушіемъ взялъ на себя выполненіе этой работы, которую передалъ друзьямъ. Итакъ, мы, вмѣстѣ съ Дюроворе, Клавьеромъ и самимъ Мирабо, редактируемъ, споримъ, измучиваемся надъ этой спѣшной задачей и, наконецъ, изготовляемъ мозаичную работу предполагаемыхъ правъ человѣка, которыхъ никогда не существовало.

«Я былъ такъ настроенъ противъ декларації, что на этотъ разъ мое мнѣніе сообщилось нашему маленькому комитету и, представляя проектъ, Мирабо рѣшился сдѣлать нѣсколько замѣчаній собранію. «Предупреждаю васъ, что всякая декларація правъ, предшествующихъ конституціи, будетъ простымъ ежегоднымъ альманахомъ». У меня есть въ рукахъ,—продолжаетъ Дюмонъ, — опроверженіе членъ за членомъ этой опасной программы, написанное великимъ учителемъ, который обнаружилъ ея противорѣчія и нелѣпости; эта программа сама по себѣ была бы достаточна, чтобы уничтожить конституцію, часть которой она составляла, подобно пороховому магазину, находящемуся подъ зданіемъ, чтобы взорвать его при первой же искрѣ *).

Я привелъ эту длинную цитату для того, чтобы показать, какимъ ненадежнымъ руководителемъ являются нравственные постулаты при редак-

*) *Dumont*: „Souvenir sur Mirabeau et les deux premieres Assemblées Législatives". Paris, 1832.

тированіи конституціи. Несостоятельность этой точки зрѣнія можно прослѣдить и по самой программѣ Клемансо.

Съ одной стороны, Клемансо требуетъ свободы образованія: каждый французскій гражданинъ, каждое французское общество должны имѣть право открывать школы. Съ другой стороны, тотъ же Клемансо требуетъ запрещенія всѣхъ духовныхъ орденовъ безъ исключенія. «Не нужно больше конгрегацій, т.-е. обществъ взаимнаго порабощенія. Рабской свободы не бываетъ: бываетъ или свобода, или рабство» *). Требованіе это вполнѣ понятно при современныхъ условіяхъ Франціи, при преобладающей роли, которую духовенство начинаетъ играть въ воспитаніи молодежи. Свѣтское общество должно бороться противъ этого. Но громадной силѣ, которую даютъ духовенству его несмѣтныя богатства, общество можетъ противопоставить только репрессивную силу закона. Борьба здѣсь невозможна безъ нѣкотораго насилія надъ входящими въ духовныя конгрегаціи личностями. Не что значатъ эти отдѣльныя жертвы передъ историческою необходимостью

Однако, аргументы Клемансо носятъ иной характеръ. Онъ хочетъ уничтожить конгрегаціи и въ то же время остаться вѣрнымъ своимъ постулатамъ. И онъ начинаетъ выискивать—нѣтъ ли въ самой свободѣ такихъ свойствъ, которыя ограничивали бы ее для извѣстной категоріи людей. Законъ признаетъ личную свободу, однако не позволяетъ продаваться въ рабство. «Нельзя лишать себя свободы ни въ пользу индивидуума, ни въ пользу конгрегаціи,—говорилъ Клемансо еще въ 1882 году,—то, что называется обѣтомъ послушанія, есть въ сущности обѣтъ рабства, который, во имя самихъ принциповъ свободы, не можетъ быть признанъ и терпимъ. Поэтому всякая конгрегація, основанная на принципѣ послушанія, должна считаться несуществующей» **).

Но «обѣтъ послушанія» считается порабощеніемъ только людьми, раздѣляющими взгляды Клемансо. Наоборотъ, вполнѣ сознательно произносящія его личности считаютъ, что достигаютъ этимъ высшей независимости своего духа, освобождая его отъ рабства плоти и человѣческой суеты.

Выходитъ, что Клемансо, требующій свободы для всѣхъ, «для друзей и враговъ», на дѣлѣ ограничиваетъ эту свободу для друзей и отказываетъ въ ней врагамъ. Свобода продолжаетъ сіять, но лучи ея, какъ лучи закрытаго облаками солнца, падаютъ только въ одну сторону.

Это противорѣчіе не существуетъ для тѣхъ, кто признаетъ существованіе классовой морали, на ряду съ обще-человѣческой. До тѣхъ поръ, пока человѣчество еще раздѣлено на враждующія силы, мы должны часто прибѣгать къ критеріуму интересовъ самой прогрессивной группы.

VIII.

При изслѣдованіи соціальнаго вопроса Клемансо прилагаетъ тѣ же самыя этическія воззрѣнія. Его индивидуалистическій взглядъ проявляется и

*) *Le Bloc*, № 2, p. 26.

**) *Justice*, 1882 и *Bloc*, 1901.

въ пониманіи соціальнаго вопроса. Для него это—не совокупность опредѣленныхъ экономическихъ отношеній, появляющихся въ извѣстный моментъ экономической исторіи человѣчества и связанныхъ съ извѣстными формами производства; нѣтъ! соціальный вопросъ прежде всего вопросъ моральный. Онъ существуетъ вслѣдствіе господства насилія подъ правосудіемъ, эгоизма—надъ гуманными чувствами, алчности и жестокости богатыхъ и сильныхъ надъ безпомощностью слабыхъ и бѣдныхъ; онъ существуетъ, потому что существуютъ злоупотребленія, насилія, ложь, существуютъ тысячи лѣтъ и будутъ существовать, пока человѣкъ не возвыситъ своего нравственнаго уровня.

А классовый антагонизмъ, о которомъ толкуютъ экономисты? Клемансо не задумывается надъ отвѣтомъ. По его мнѣнію, говорить о классовой борьбѣ послѣ революціи, послѣ декларацiи правъ человѣка, по меньшей мѣрѣ, анахронизмъ. Теперь классовая борьба — просто выдумка абсолютизма, съ цѣлью раздѣленія народа, чтобы удобнѣе владѣть имъ.

«Политика деспотизма, — говорилъ онъ въ 1884 году, — состоитъ въ пользованіи антагонистическими интересами для возбужденія борьбы классовъ, чтобы въ общемъ смятеніи установить господство надъ всѣми» *). Онъ приводилъ въ примѣръ Германію.

Клемансо допускаетъ въ обществѣ только одинъ родъ раздѣленія людей: раздѣленіе по степени образованія.

«Если вы признаете вмѣстѣ со мною эти различныя группировки,— говоритъ онъ дальше,—то я вамъ скажу, что политическое искусство въ демократической странѣ заключается въ томъ, чтобы заставить освобожденіе высшей группы служить освобожденію низшей. Я думаю, вы понимаете, въ какомъ смыслѣ я употребляю эти слова: я говорю объ уровнѣ образованія. Я утверждаю, что вся политика демократической страны состоитъ въ возможно скоромъ освобожденіи наименѣе просвѣщенныхъ группъ тою группою, которая имѣетъ за собою преимущество просвѣщенія и воспитанія».

Клемансо относится также отрицательно и къ другимъ положеніямъ соціальной экономіи.

Еще въ 1880 году, на одномъ собраніи, на вопросъ будущаго рабочаго депутата Авеса, что онъ думаетъ о только что принятой на марсельскомъ конгрессѣ коллективистской программѣ, Клемансо отвѣтилъ **): «Нѣтъ, нѣтъ! Я за полную свободу и никогда не соглашусь вступить въ монастыри или въ казармы, которые вы намъ готовите».

Клемансо, расширившій съ теченіемъ времени свои практическія требованія, остался неизмѣнно вѣренъ своимъ основнымъ взглядамъ въ этомъ отношеніи. Въ 1898 году онъ такой же врагъ коллективизма и другихъ «преждевременныхъ теорій», какъ и въ 1880 году ***).

---

*) *Discours au Cirque Fernando*, 25 Mai 1884.

**) *Discours dans la Salle Grafard*, 1880.

***) См. *Aurore* отъ 4 августа 1898 г.

Съ точки зрѣнія Клемансо государственное вмѣшательство представляется величайшей опасностью, угрожающею личности и вообще свободѣ.

По случаю длинныхъ споровъ въ парламентѣ, вызванныхъ переживавшимся во Франціи въ 1883 г. экономическимъ кризисомъ, Клемансо высказался противъ «обязательнаго страхованія рабочихъ».

«Я—рѣшительный врагъ системы, при которой правосудіе организуется государствомъ или общиной».

Клемансо находилъ крайнимъ даже католическаго депутата графа де-Менъ.

«Вы понимаете,—говорилъ онъ, обращаясь къ министрамъ,—что я не требую, чтобы вы устраивали рабочіе полки, чтобы, организовавъ политическую централизацію, вы организовали и экономическую, или, однимъ словомъ, сдѣлали то, чего требуетъ графъ де-Менъ, составили рабочія бригады въ пользу какой-нибудь доктрины» *).

Черезъ 17 лѣтъ, въ № 4 своей *Le Bloc* Клемансо съ величайшей энергіей высказывается противъ тѣхъ, кто желаетъ сдѣлать общественное призрѣніе монополіей государства, съ цѣлью отнять у духовенства одно изъ средствъ его вліянія.

Клемансо—противъ классовой борьбы, противъ коллективизма, противъ сильнаго государственнаго вмѣшательства. Что же онъ ставитъ вмѣсто всѣхъ этихъ рѣшеній, которыя, худы ли они или хороши, во всякомъ случаѣ опредѣленны? Откуда ожидаетъ онъ освобожденія народныхъ массъ? Какая сила уничтожитъ, наконецъ, бѣдствія и страданія, въ которыхъ безпомощно бьется человѣческій родъ?

Прежде всего исцѣленіе должно явиться слѣдствіемъ самосознанія личности. Человѣкъ долженъ сознать, что онъ имѣетъ извѣстныя права: право на существованіе, право на счастіе. Но этого недостаточно. Онъ долженъ научиться требовать удовлетворенія своего права, бороться за него.

Да, личность должна прежде всего разсчитывать на самое себя. Но развѣ она не безсильна? Что можетъ она подѣлать противъ коалиціи сильныхъ? Вся надежда на альтруистическое чувство! Оно—второй деміургъ человѣческаго развитія.

«Альтруизмъ»—это слово часто срывается съ пера Клемансо. Ему онъ посвящаетъ дифирамбическое предисловіе къ «La mêlée sociale»; то же понятіе подъ другимъ названіемъ фигурируетъ во множествѣ его статей. Каждая страница романа «Les plus forts» дышитъ высокой, благородной любовью къ ближнему, а первая статья въ *Le Bloc* провозглашаетъ постоянной цѣлью жизни, къ которой направлена вся воля человѣчества: «La charité humaine»—«человѣческое милосердіе».

Отъ этого чувства Клемансо ждетъ обновленія человѣчества. Альтруизмъ дастъ рѣшеніе соціальнаго вопроса, а соціализмъ, по мнѣнію Клемансо,—не что иное, какъ «общественная доброта въ дѣйствіи».

---

*) „Discours sur la politique économique du gouvernement“ (31 Janvier 1883) brochure éditée par la *Justice*, p. 38.

И вотъ нашлись апостаты, хулители человѣческаго рода, отрицающіе существованіе братскаго чувства солидарности. Эти преступники противъ человѣческой нравственности тѣмъ опаснѣе, что они засѣдаютъ подъ куполомъ самой французской академіи.

Слово «альтруизмъ»,—по заявленію Жюля Симона на одномъ изъ засѣданій академіи,—создано безъ всякой надобности и пользы. Онъ хотѣлъ замѣнить его словами: bienveillance—доброжелательство, charité—милосердіе. Возмущеніе Клемансо не знало границъ. Онъ увидалъ все человѣчество оскорбленнымъ въ своемъ лицѣ.

Клемансо—противъ доктрины государственнаго вмѣшательства, но мужественный человѣкъ всегда найдетъ случай проявить свое доброе чувство.

Протестъ противъ государственнаго вмѣшательства не мѣшалъ Клемансо постоянно требовать реформъ въ пользу рабочихъ противъ хозяевъ. Ежегодно по нѣсколько разъ Клемансо находилъ случай защищать въ краснорѣчивыхъ и горячихъ рѣчахъ права рабочей Франціи.

Онъ былъ первымъ депутатомъ, послѣ коммуны, который представилъ тяжелое положеніе рабочихъ въ такихъ вѣрныхъ краскахъ и заговорилъ объ ихъ страданіяхъ съ такимъ горячимъ сочувствіемъ, что выведенный изъ своего обычнаго спокойствія потрясенный центръ вскочилъ со своихъ мѣстъ, а министръ Жюль Ферри прервалъ его словами: «До сихъ поръ никто не говорилъ такимъ языкомъ съ трибуны» *).

И рабочій классъ Франціи, читая исторію своей страны, остановится съ признательностью на этой страницѣ.

IX.

Потерявъ депутатское мѣсто, Клемансо отдался журнализму. Онъ самъ лично сталъ руководить газетой *La Justice*. Въ то же время онъ началъ регулярно сотрудничать въ нѣкоторыхъ другихъ парижскихъ газетахъ. Онъ каждую недѣлю давалъ по статьѣ въ *Le Journal* и по двѣ статьи въ тулузскую радикальную газету *La Dépêche*. Позднѣе, по матеріальнымъ причинамъ, онъ долженъ былъ остановить изданіе *La Justice* и работать исключительно въ чужихъ газетахъ. Въ 1898 году онъ вступилъ въ редакцію вновь основанной газеты *L'Aurore*, гдѣ и оставался около полутора года, а въ началѣ нынѣшняго года самъ основалъ еженедѣльную газету *Le Bloc*—тетрадку страницъ въ шестнадцать.

Самое названіе показываетъ, что газета Клемансо должна представлять нѣчто цѣльное, по единству излагаемыхъ въ ней идей. Все помѣщаемое въ ней должно направляться къ одной опредѣленной цѣли. Поэтому Клемансо самъ редактируетъ свою газету отъ первой до послѣдней страницы, отъ вводныхъ статей до отдѣла новостей и театральной хроники.

---

*) Séance du 21 Janvier 1884.

Въ теченіе этой же семилѣтней карьеры журналиста—до 1893 года, Клемансо очень рѣдко писалъ въ *La Justice*,—онъ продолжалъ защищать свою старую демократическую политику. Онъ принималъ участіе въ общественной борьбѣ, отзывался на всѣ общественные вопросы, его идеи и чувства были все тѣ же, какими была проникнута его парламентская дѣятельность. Его индивидуалистская доктрина продолжала налагать печать на всю его дѣятельность, она заставляла его видѣть въ обществѣ только личности, не замѣчая болѣе высокаго и важнаго: класса, группы; но съ какимъ уваженіемъ относился онъ къ правамъ этой личности, съ какимъ увлеченіемъ онъ ее защищалъ отъ тираніи враждебныхъ ея свободѣ силъ!

Изъ его журналистской дѣятельности останется памятна его борьба въ пользу армянъ и критянъ. Но еще бо́льшую извѣстность пріобрѣла его борьба за пересмотръ дѣла Дрейфуса. Въ безчисленныхъ статьяхъ, которыя онъ писалъ противъ генеральнаго штаба въ *L'Aurore* и *La Dépêche* вѣетъ тѣмъ же холоднымъ, безжалостнымъ, всеуничтожающимъ критическимъ духомъ, которымъ проникнуты и его парламентскія рѣчи. Онъ нанесъ генеральному штабу самые чувствительные удары и, можетъ быть, онъ больше всего способствовалъ возвращенію невинно-осужденнаго.

Можетъ быть, въ этомъ случаѣ Клемансо руководствовался не только чувствомъ долга къ человѣчеству, но и личнымъ долгомъ по отношенію къ Дрейфусу. Въ 1894 году, когда министерство Дюпюи-Мерсье представило доказательства абсолютной виновности Дрейфуса, оказавшіяся впослѣдствіи подложными, появились журналисты, которые стали протестовать противъ той особенной снисходительности, съ которою относятся къ Дрейфусу, несмотря на его доказанную виновность. Между этими журналистами былъ и Клемансо. Теперь онъ видѣлъ, насколько былъ несправедливъ.

И въ агитаціи въ пользу Дрейфуса Клемансо становился на извѣстную моральную высоту, которая выдѣляла его среди другихъ защитниковъ несчастнаго капитана. Извѣстно, что защитники Дрейфуса настаивали главнымъ образомъ на двухъ обстоятельствахъ: во-первыхъ, на невинности Дрейфуса, во-вторыхъ, на томъ, что его судили безъ соблюденія необходимыхъ формальностей правосудія. Нѣкоторые изъ защитниковъ, напримѣръ, бывшій министръ Трарьё, говорили: «мы бы не требовали пересмотра, если бы вопросъ касался только нарушенія формальностей». Клемансо же держался другой точки зрѣнія.

«Я не хочу знать—виновенъ ли Дрейфусъ, или нѣтъ, но я хочу пересмотра дѣла, потому что при осужденіи Дрейфуса былъ нарушенъ законъ. Я требую для него правосудія, правосудія, во что бы то ни стало, хотя бы отъ этого долженъ былъ погибнуть міръ».

И Клемансо требовалъ правосудія въ рѣчи передъ присяжными засѣдателями сенскаго суда, гдѣ фигурировалъ, какъ одинъ изъ защитниковъ обвиняемаго, Эмиля Золя. Онъ требовалъ правосудія въ такомъ возвы-

шеннымъ и смѣломъ топѣ, который напомнилъ его удивительную рѣчь въ палатѣ послѣ убійствъ въ Фурми *).

Кромѣ политическихъ статей Клемансо написалъ и цѣлый рядъ статей чисто литературнаго содержанія. Онъ написалъ даже романъ. И эти литературныя произведенія проникнуты высокой моральной идеей. Многія изъ его статей собраны въ отдѣльныхъ томахъ. Одна изъ этихъ книгъ называется: «Au pied du Sinaï», и содержитъ впечатлѣнія и картины изъ жизни евреевъ вообще и въ особенности евреевъ изъ Галиціи, которую Клемансо объѣхалъ нѣсколько разъ. Въ этой книгѣ помѣщены два разсказа: «Баронъ Моисей» и «Шмелько-Борецъ».

Первый разсказъ отличается тонкостью анализа и представляетъ трагическую душевную борьбу банкира между двумя принципами, двумя моралями: общечеловѣческой и классовой. Второй разсказъ описываетъ истинный случай изъ жизни галиційскихъ евреевъ, этого замкнутаго, архаическаго общества, отдѣленнаго отъ остального населенія Австрійской имперіи какъ политическими условіями, такъ и вѣковыми традиціями и предразсудками. Но и здѣсь, среди этой массы, лукавство и эгоизмъ которой не уступаютъ ея физическому безобразію, являются личности изъ самаго низшаго общественнаго слоя, которыя борются со всѣмъ этимъ обществомъ за свое индивидуальное право.

Но нигдѣ этическія идеи Клемансо и его убѣжденіе, что человѣчество спасется милосердіемъ и любовью, не выражены такъ ярко, какъ въ его романѣ «Les plus forts».

Главный герой романа, Пюимофре,—кавалерійскій офицеръ, который, поживши распущенной жизнью среди великосвѣтскаго общества, удаляется къ себѣ въ имѣніе. Здѣсь онъ знакомится съ молодой женщиной, женой одного изъ своихъ пріятелей, и любовь къ ней измѣняетъ всѣ его понятія о свѣтѣ и людяхъ. Въ его равнодушной къ человѣческимъ страданіямъ душѣ зарождается новое, невѣдомое до тѣхъ поръ чувство любви и состраданія. Ледяная стѣна предразсудковъ, привычекъ и кастоваго эгоизма, отдѣлявшая его отъ простого народа, падаетъ. Теперь Пюимофре съ ужасомъ относится къ своему прошлому, онъ чувствуетъ непобѣдимое отвращеніе къ тому обществу, которое воспитало въ его добромъ отъ природы сердцѣ презрѣніе къ рабочему народу.

«Любовь и милосердіе»—эти чувства Пюимофре старается воспитать въ душѣ своей дочери, но свѣтское общество оказывается сильнѣе его: оно вырываетъ изъ его рукъ самое любимое существо. И герой возвращается къ себѣ въ деревню, разрываемый нравственными мученіями.

На этомъ оканчивается романъ. Послѣдняя сцена его разыгрывается въ деревнѣ. Анри Пюимофре встрѣчается съ рабочими въ своей деревнѣ, среди которыхъ уже пользуется большой симпатіей, и между ними происходитъ слѣдующій разговоръ.

---

*) Emile Zola devant la Cour d'Assises (*Aurore*, du 24 Fevrier, 1898).

— Господинъ Анри,—говоритъ Жакъ,—вы вернулись къ намъ съ такимъ выраженіемъ глазъ, которое огорчаетъ вашихъ друзей. Мы вѣдь говорили вамъ, что вамъ тамъ сдѣлаютъ зло. Сильнѣйшіе, видите ли вы, должны вырвать у себя сердце, чтобы быть сильнѣйшими. Они не всегда будутъ сильнѣйшими. Слабѣйшіе отомстятъ за васъ.

— Другъ мой Жакъ,—отвѣтилъ Анри,—твоя месть не разбудитъ меня въ могилѣ. Я отомщенъ уже—и больше, чѣмъ нужно. Что такое тѣ человѣческія пораженія, которыми оплачивается торжество доброты въ будущемъ? Для побѣдоноснаго нападенія нужно, чтобы мертвые солдаты наполнили собою ровъ. Изъ испорченныхъ жизней, въ страданіяхъ родится геній живого человѣчества.

Этой идеей о необходимости жертвы и кончается романъ Клемансо. Нѣтъ ли въ этомъ отголоска собственной его судьбы? Онъ тоже—одна изъ жертвъ, павшихъ ради торжества гуманныхъ принциповъ. Но онъ ошибочно называетъ своихъ враговъ и враговъ Пюимофре «Les plus forts».

Нѣтъ, они не Les plus forts, или, если хотите, они—«сильнѣйшіе», но общей своей силой, получившейся отъ соединенія всѣхъ ихъ слабостей. Взятые отдѣльно, они—«слабѣйшіе».

Сильные въ обществѣ, это—тѣ отдѣльныя личности, которыя изъ своихъ убѣжденій, изъ своей вѣры создаютъ свой собственный пьедесталъ.

X.

Намъ остается сказать нѣсколько словъ о личномъ характерѣ Клемансо. Впрочемъ, онъ достаточно ярко обрисовывается и фактами его жизни, и его рѣчами, и статьями. Но въ жизни каждой личности есть много мелкихъ, незначительныхъ фактовъ, которые совсѣмъ теряются на ряду съ крупными событіями, но совокупность которыхъ всего лучше выясняетъ характеръ человѣка.

Я не буду останавливаться на томъ, насколько важно значеніе послѣдняго. Если дѣятельность политическаго мужа отражаетъ эпоху съ ея идеями и настроеніемъ, то не забудемъ, что въ основѣ этой дѣятельности лежитъ еще и характеръ самой личности. Въ ея поступкахъ всегда будетъ сказываться вліяніе обоихъ этихъ факторовъ.

То же самое относится и къ Клемансо. Его краснорѣчіе носитъ отпечатокъ эпохи второй имперіи, эпохи ожесточенной политической борьбы, шумныхъ манифестацій, кровавыхъ уличныхъ столкновеній; съ другой стороны, это краснорѣчіе еще тѣснѣе связано съ самимъ характеромъ Клемансо. Это—языкъ, свойственный мужественной душѣ, въ которой нѣтъ мѣста сожалѣніямъ, но нѣтъ мѣста и страху.

Клемансо былъ неумолимъ со своими противниками. Онъ не хотѣлъ

простить имъ ни малѣйшей ошибки. Онъ старался уничтожить и дѣйствительно уничтожалъ ихъ, убѣдившись, что они не оправдываютъ возлагавшихся на нихъ надеждъ.

Однако, какъ ни безжалостно преслѣдовалъ Клемансо своихъ противниковъ, борьба его была всегда честна и корректна. Онъ велъ ее открыто и никогда не прибѣгалъ къ недостойнымъ, или мелочнымъ средствамъ.

Характеренъ слѣдующій эпизодъ: извѣстно, съ какимъ ожесточеніемъ антисемиты въ 1893 г. принимали участіе въ кампаніи противъ Клемансо. *La Libre Parole* замѣшивала его во всѣ закулисныя исторіи панамскаго предпріятія. Имя Клемансо упоминалось всюду, вмѣстѣ съ именемъ Корнеліуса Герца. Въ то же время Клемансо былъ положительно извѣстенъ тотъ фактъ, что Эдуардъ Дрюмонъ, главный редакторъ *La Libre Parole*, весною 1891 г. ѣздилъ къ Корнеліусу Герцу вмѣстѣ съ маркизомъ де-Моресъ, своимъ товарищемъ, также антисемитомъ. Визитъ этотъ, увѣнчавшійся полнымъ успѣхомъ, имѣлъ цѣлью заемъ въ 20,000 франковъ. Деньги эти были необходимы де-Моресу для уплаты карточнаго долга. Клемансо зналъ объ этомъ фактѣ, но молчалъ о немъ.

Въ 1893 г. произошло извѣстное дѣло Нортона. На послѣдовавшемъ замѣмъ процессѣ выяснилось, что во всей этой безчестной мистификаціи принималъ извѣстное участіе и маркизъ де-Мòресъ. Тогда Клемансо на судѣ спросилъ маркиза де-Моресъ объ его сношеніяхъ съ Герцемъ. На другой день Моресъ напечаталъ во всѣхъ газетахъ подробности своего визита у Герца, упомянувъ и имя Дрюмона. Послѣдній въ негодующемъ письмѣ упрекнулъ Мореса, своего вчерашняго близкаго товарища, въ томъ, что онъ выдаетъ чужія тайны. Въ томъ же письмѣ самъ Дрюмонъ сравниваетъ недостойное поведеніе своего друга де-Мореса съ благородствомъ своего противника—Клемансо.

«Что мнѣ кажется страннымъ, такъ это то, что Моресъ счелъ нужнымъ произнести мое имя, которое Клемансо имѣлъ деликатность не произносить».

Дразнить и вызывать своихъ противниковъ не въ характерѣ Клемансо. Онъ не оскорбляетъ ихъ чести, но заставляетъ ихъ дорого платиться, если они затрогиваютъ его честь. Къ декабрю 1892 г. секундантъ Деруледа, который оскорбилъ Клемансо въ палатѣ, долженъ былъ употребить громадныя усилія, чтобы измѣнить поставленныя Клемансо ужасныя условія дуэли. Онъ требовалъ дуэли на пистолетахъ, которая должна была продолжаться до тѣхъ поръ, пока одинъ изъ противниковъ не упадетъ. Но, какъ мы уже знаемъ, и условія, на которыя согласились обѣ стороны, были нелегки: оба противника должны были стрѣлять по три раза.

Мы уже говорили, что 1892 и 1893 года были самыми тяжелыми въ жизни Клемансо. Читатель помнитъ, какимъ яростнымъ нападкамъ подвергался Клемансо, какіе слухи, то объ арестѣ, то о самоубійствѣ, распуска-

лись на его счетъ на бульварахъ и печатались въ вечернихъ изданіяхъ газетъ. Все это такъ настроило публику, что она каждую минуту ждала извѣстія о заключеніи Клемансо въ тюрьму Мазасъ.

Вспоминая объ этомъ времени передъ своими салернскими избирателями, Клемансо такъ говорилъ о немъ:

«Это была превосходная охота, долгая и въ то же время горячая, въ которой ни слуги, ни собаки не щадили себя. Я вынесъ все, и у меня не вырвалось ни одного крика».

И эти слова—сама истина. Клемансо рѣдко защищался, онъ отвѣчалъ только въ тѣхъ случаяхъ, когда за обвиненіемъ скрывался кто-нибудь, могущій принять на себя прямую отвѣтственность за него. Газеты этой эпохи, описывая разные шумные инциденты, въ которыхъ участвовалъ Клемансо, прибавляютъ вслѣдъ за его именемъ: «Онъ блѣденъ, но, какъ всегда, владѣетъ собою».

Прямой и мужественный характеръ Клемансо создавалъ ему враговъ, но у него были и друзья, хотя искренно преданныхъ ему людей было мало. Одни шли за нимъ потому, что считали его карьеру связанною съ своей, другіе—потому, что боялись его. Послѣднее чувство заставляло министровъ оказывать ему всевозможныя услуги, въ надеждѣ привлечь его на свою сторону.

Фальшивые документы, о которыхъ мы говорили, прежде чѣмъ быть обнародованными, были доставлены депутатами Деруледомъ и Мильвуа—министру Дюпюи съ цѣлью узнать его мнѣніе на этотъ счетъ. При второмъ свиданіи Дюпюи сказалъ имъ: «Цѣлое утро сегодня я придумываю, какъ бы дать понять Клемансо, что самое лучшее для него — покончить съ собою» *).

Въ то же время Дюпюи нарочно послалъ къ Клемансо одного журналиста, чтобы сообщить ему, что безпокоиться ему нечего, такъ какъ документы эти—фальшивые **).

Между многими газетами, ведшими кампанію противъ Клемансо, была и газета *Figaro*, отправившая спеціальнаго корреспондента *Huret* въ Драгиньянскій округъ, чтобы слѣдить за всѣми перипетіями избирательной борьбы и организовать демонстраціи противъ Клемансо. Въ одной изъ своихъ телеграммъ онъ говоритъ слѣдующее: «Г. Клемансо кажется очень подавленнымъ. Но за него—его невѣроятная жизненность и удивительная сила характера, давшія ему возможность бороться въ теченіе восьми мѣсяцевъ..., и онъ продолжаетъ, несмотря ни на что, играть свою послѣднюю ставку. Вѣрный своей прежней тактикѣ, которая такъ хорошо ему удавалась, онъ не защищается, а нападаетъ. Стѣны покрыты его афишами, на которыхъ крупными буквами напечатано: *Я обвиняю ихъ!*»

---

*) См. показанія Мильвуа на судѣ по дѣлу о фальшивыхъ документахъ Нортона.

**) Показанія Клемансо передъ тѣмъ же судомъ въ тотъ же самый день.

Извѣстно, что эта борьба окончилась пораженіемъ Клемансо *).

Ораторъ, съ высотъ Монмартра бросившій вызовъ Гамбетѣ и побѣдившій его, теперь былъ побѣжденъ адвокатомъ безъ имени, какимъ-то Жорданомъ. Но его жизнеспособность и тутъ пришла ему на помощь и спасла его. 3-го октября вышелъ первый номеръ преобразованной газеты *La Justice* съ первой статьей Клемансо, озаглавленной *En Avant*. И въ своей новой, внѣпарламентской дѣятельности онъ остался вѣренъ самому себѣ и своимъ принципамъ.

Х. Г. Инсаровъ.

---

*) *Figaro*, 17 Août 1893.

Болѣзнь и смерть Гоголя *).

(Посвящается памяти покойнаго профессора Московскаго университета С. С. Корсакова.)

Aristoteles ait omnes ingeniosos melancholicos.

Cicero.

Если обратиться къ біографическимъ и эпистолярнымъ **) матеріаламъ и попытаться на основаніи ихъ возсоздать теченіе болѣзни Гоголя и изобразить ее графически, то мы получимъ волнообразную линію, въ которой съ несомнѣнною періодичностью въ теченіе всей второй половины жизни его повторяются рѣзкія колебанія этой кривой, соотвѣтственно періодамъ пониженія тона и, выражаясь языкомъ медицинскимъ, соотвѣтственно періодамъ депрессіи. Вслѣдъ за этими періодами кривая подымается вверхъ и даетъ волну бо́льшей активности, жизнерадостности, прилива умственныхъ и физическихъ силъ, повышенія настроенія. Этимъ повышеніямъ тона нервно-психической жизни соотвѣтствуютъ и наиболѣе активные періоды его творческой дѣятельности. Но уже въ теченіе всего послѣдняго десятилѣтія, очевидно, подъ вліяніемъ ряда перенесенныхъ приступовъ психоза—талантъ угасаетъ, работоспособность исчезаетъ; внутреннія побужденія къ художественной работѣ остаются, но ослабленная болѣзнью сила творчества уже непропорціональна иногда грандіознымъ замысламъ и планамъ писателя. Въ его перепискѣ за этотъ періодъ времени постоянно повторяются жалобы на то, что «*не живется и не пишется*». Въ письмѣ къ Жуковскому (14 дек. 1849 г., Москва) онъ спрашиваетъ: «Что это? старость или временное оцѣпенѣніе силъ?... Творчество мое лѣниво. Стараясь не пропустить и минуты времени, не отхожу отъ стола,

---

*) *Русская Мысль*, кн. I, 1902 г.

**) Считаю долгомъ принести здѣсь мою глубокую признательность извѣстному изслѣдователю біографіи Гоголя, Вл. Ив. Шенроку, благодаря любезности котораго я могъ воспользоваться для настоящей работы еще въ корректурахъ, непоявившимся тогда въ свѣтъ полнымъ собраніемъ писемъ Гоголя, только на-дняхъ поступившимъ на книжный рынокъ.

не отодвигаю бумаги, по строки лѣпятся вяло; а время летитъ невозвратно. Или въ самомъ дѣлѣ 42 года есть для меня старость»? И ранѣе въ другомъ письмѣ къ Жуковскому (3 апр. 1849 г.): «Та же недвижность и въ моихъ литературныхъ занятіяхъ. Я ничего не издалъ въ свѣтъ и ничего не готовлю, что и пріуготовляю, то идетъ медленно и не можетъ никакъ выйти скоро и Богъ одинъ знаетъ, когда выйдетъ. Отчего, зачѣмъ нашло на меня такое оцѣпенѣніе, этого не могу понять». Эти періодическія повторенія меланхолическихъ депрессивныхъ періодовъ въ жизни Гоголя можно отмѣтить, начиная съ первой половины 30-хъ годовъ. Уже 1833 г. былъ, какъ выражается не психіатръ, а историкъ литературы—Шенрокъ, мертвымъ годомъ для Гоголя. Шенрокъ отмѣчаетъ поразительную непроизводительность Гоголя въ этомъ году и высказываетъ предположеніе, что это объясняется болѣзнью. Кулишъ, первый біографъ Гоголя, также отмѣчаетъ, что «въ промежутокъ между іюлемъ и ноябремъ съ Гоголемъ случилось нѣчто необыкновенное», но что̀ именно, остается неизвѣстнымъ. Самъ Гоголь въ письмѣ отъ 9 ноября этого года пишетъ, между прочимъ, въ очень загадочной формѣ: «Если бы вы знали, какіе со мной странные происходятъ перевороты, какъ сильно растерзано все внутри меня. Боже, сколько я пережилъ *), сколько перестрадалъ.

Въ прагматической части біографіи Гоголя нѣтъ рѣшительно никакихъ указаній на какія-либо внѣшнія обстоятельства, которыми могла бы быть объяснима цитированная фраза; я поэтому склоняюсь къ предположенію, что Гоголь писалъ эти слова, только что выйдя изъ перваго приступа своей періодической меланхоліи, еще ошеломленный этимъ и не дающій себѣ яснаго отчета въ томъ, что произошло съ нимъ. Къ наступленію новаго 1834 года относится извѣстное поэтическое воззваніе Гоголя къ генію **); съ этимъ совпадаетъ, — я опять цитирую Шенрока, — необычайный подъемъ духа автора, находившійся въ самомъ рѣшительномъ и рѣзкомъ противорѣчіи съ сумрачнымъ настроеніемъ его во весь предшествующій годъ и съ тѣмъ глухимъ застоемъ въ дѣятельности Гоголя, который еще недавно повергалъ его въ унынie.

Въ 1837 году начинается новое заболѣваніе; это опять-таки не оставляетъ сомнѣнія даже для не-врачей, біографовъ Гоголя. Съ половины іюля до октября переписка его совершенно прекращается. Судя по запискамъ Смирновой, которая лѣчилась тогда въ Баденѣ, Гоголь пріѣхалъ туда уже заболѣвающимъ, но высота развитія меланхолическаго приступа, должно быть, относится къ концу августа и сентябрю, когда Смирнова уже уѣхала. Въ концѣ лѣта 1838 г. снова начинается подавленное состояніе, причемъ наибольшая глубина депрессіонной волны приходится, повидимо-

*) Такъ читаетъ это слово Кулишъ. Шенрокъ читаетъ „пережегъ“. Я предпочитаю первое чтеніе.

**) Страничка „1834 годъ“, въ V т. полн. собр. соч.: „Я совершу... Я совершу. Жизнь кипитъ во мнѣ. Труды мои будутъ вдохновенны. Надъ ними будетъ вѣять недоступное землѣ Божество!“

му, на сентябрь. Въ іюлѣ Гоголь чувствуетъ себя еще очень хорошо *), но уже черезъ мѣсяцъ—въ августѣ **) появляются предвѣстники надвигающейся депрессіи—обостреніе болѣзненныхъ неврастеническихъ симптомовъ и упадокъ психической работоспособности, затѣмъ въ концѣ августа по начало октября полный перерывъ переписки. Гоголь охотно и много переписывался и, по аналогіи съ другими такими же періодами пробѣла въ его корреспонденціи, можно съ большою вѣроятностью предположить, что причиною этому было ожесточеніе меланхолической подавленности. Въ октябрѣ его корреспонденція уже снова принимаетъ жизнерадостный шутливый тонъ ***). Но если бы въ его письмахъ и не содержалось даже опредѣленныхъ указаній на состояніе его здоровья, то достаточно было бы уловить въ нихъ слѣды его психической реакціи на окружающее, чтобы констатировать рѣзкія и типичныя колебанія и смѣны его настроенія. Такъ, наприм., очень характерно, какъ та же самая неаполитанская природа, которая въ іюльскомъ и октябрьскомъ письмахъ вызываетъ въ Гоголѣ восторженныя описанія, въ августѣ, при пониженномъ душевномъ тонѣ, воспринимается имъ почти отрицательно, и описаніе неаполитанской природы блекнетъ и тускнѣетъ подъ его перомъ ****).

Весь 1839 г., а также начало 1840 г. принадлежатъ къ лучшимъ періодамъ второй половины жизни Гоголя; здоровье его очень удовлетворительно и онъ находится въ хорошемъ психическомъ состояніи, но уже съ

---

*) Письмо къ матери (30 іюля 1838 г., Неаполь): „Здоровье мое недурно... Я ожидалъ, что жары здѣшнія будутъ для меня невыносимы, но вышло напротивъ: я едва ихъ слышу, даже не потѣю и не устаю“...

**) Письмо къ Погодину (20 авг. 1838 г., Неаполь): „Увы! здоровье мое плохо... сижу надъ трудомъ, о которомъ ты уже знаешь, но работа моя вяла, нѣтъ той живости... недугъ, для котораго я уѣхалъ и который было, казалось, облегчился, теперь усилился вновь“. И письмо къ Данилевскому (отъ того же числа): „Я такъ себя чувствовалъ хорошо. Теперь мнѣ хуже“.

***) См. письма къ матери (октяб. 1—13), кн. Рѣпниной (14 октяб.?), сестрамъ (15 окт.).

****) См., наприм., описаніе Неаполя въ письмахъ этого періода; въ іюльскомъ письмѣ къ матери: „Видъ Неаполя... удивительный. Передо мною море, голубое, какъ небо, лиловыя и розовыя горы... небо здѣсь ясно и свѣтло-голубого цвѣта, но такого яркаго, что нельзя найти краски, чтобы нарисовать его. Все свѣтло... кажется, здѣсь совсѣмъ нѣтъ тѣней... наслаждаюсь видомъ залива, Везувія, Неаполя и удивительныхъ окрестностей“. Въ октябрьскомъ къ княг. Рѣпниной (изъ Рима): „Итакъ, вы уже въ Неаполѣ! Какъ я завидую вамъ! Глядите на море, купаетесь мыслью въ яхонтовомъ небѣ, пьете, какъ мадеру, упоительный воздухъ“. А въ промежуткѣ между этими двумя отзывами о Неаполѣ мы читаемъ въ августовскомъ письмѣ къ Данилевскому (изъ Неаполя): „Нѣтъ, Римъ лучше. Здѣсь душно, пыльно, нечисто... странно: мнѣ все кажется, какъ будто я не въ Италіи. Сосенъ этихъ, на которыхъ мы привыкли нѣжить когда-то глазъ свой, нѣтъ, кипарисовъ тоже. Вмѣсто ихъ низенькія деревья... Небо... я, кажется, еще не приглядѣлся къ нему. Могъ ли бы ты подумать? оно совершенно свѣтло-голубое. Мнѣ было непріятно это... Пальмъ нѣтъ, и вообще врутъ, что будто за Террачиномъ начинается другая природа, африканская: въ Террачинѣ на скалѣ двѣ пальмы и потомъ ихъ нигдѣ нѣтъ и мнѣ показалось, что я пріѣхалъ въ Ломбардію. Время я провожу кое-какъ“.

весны 40-го года *) начинается новая депрессія, которая лѣтомъ этого года достигаетъ степени тяжелаго меланхолическаго приступа—одного изъ самыхъ тяжелыхъ на многострадальномъ вѣку нашего несчастнаго и больного поэта. Его письмо къ Погодину изъ Рима отъ 17 окт. 1840 г. содержитъ всѣ данныя для полной исторіи этого заболѣванія. Онъ доѣхалъ до Вѣны въ прекрасномъ настроеніи **); какъ это нерѣдко наблюдается въ той формѣ психоза ***), которою страдалъ Гоголь, и какъ это и бывало съ нимъ обыкновенно—меланхолическому приступу предшествовало повышеніе душевнаго строя,—увы!—очень непродолжительное. Мы читаемъ въ этомъ письмѣ его: «Свѣжесть, бодрость взялась такая, какой я никогда не чувствовалъ... Я почувствовалъ, что въ головѣ моей шевелятся мысли, какъ рой разбуженныхъ пчелъ, воображеніе мое становится чутко. Нервическое мое пробужденіе обратилось вдругъ въ раздраженіе нервическое... Къ этому присоединилась болѣзненная тоска, которой нѣтъ описанія. Я былъ приведенъ въ такое состояніе, что не зналъ рѣшительно, куда дѣть себя, къ чему прислониться... О, это было ужасно, это была та самая тоска, то ужасное безпокойство, въ какомъ я видѣлъ бѣднаго Віельгорскаго въ послѣднія минуты жизни»!... Несмотря на его переѣздъ въ Римъ—осенью этого года улучшеніе было еще не рѣзко выражено: «Ни Римъ, ни небо, ни то, что такъ причаровывало меня, ничто не имѣетъ теперь на меня вліянія. Я ихъ не вижу, не чувствую»... и только къ зимѣ онъ поправился настолько, что могъ (въ письмѣ къ Аксакову отъ 28 дек.) сказать о себѣ, что онъ «здоровъ, благодаря чудной силѣ Бога, воскресившаго меня отъ болѣзни» и приняться снова за работу съ надеждою, что изъ «Мертвыхъ душъ» выйдетъ «со временемъ кое-что колоссальное». Отъ того же 28 дек. онъ пишетъ Погодину: «Мнѣ теперь все трынъ-трава. Если только мое свѣжее состояніе продолжится до весны или лѣта, то, можетъ быть, мнѣ удастся приготовить что-нибудь къ печати кромѣ перваго тома «Мертвыхъ душъ». 1841 г., по свидѣтельству Анненкова, проведшаго этотъ годъ въ Римѣ, Гоголь здоровъ и даже находится, повидимому, въ нѣсколько повышенномъ настроеніи, судя по нѣкоторымъ его письмамъ ****). Но уже въ самомъ началѣ 1842 г. кривая понижается, на

---

*) Письмо Бѣлозерскому (Москва, 12 апр. 1840 г.): „Здоровье мое и я самъ не гожусь для здѣшняго климата, а главное—моя бѣдная душа: ей нѣтъ здѣсь пріюта... я же теперь больше гожусь для монастыря, чѣмъ для жизни свѣтской“.

**) Письмо С. Т. Аксакову изъ Вѣны отъ 7 іюля 1840 г.

***) См., наприм., *Kirn:* „Die periodische Psychosen“, S. 52: „Подобно меланхолическому стадію при маніи, мы часто наблюдаемъ при періодической меланхоліи легкое маніакальное вступленіе и заключеніе... оно выражается въ приподнятомъ веселомъ настроеніи, стремленіи къ дѣятельности, въ ощущеніи свѣжести и повышеннаго физическаго и психическаго самочувствія“.

****) Аксакову (5 марта 41 г.): „Да, другъ мой, я глубоко счастливъ. Несмотря на болѣзненное состояніе, которое опять немного увеличилось, я слышу и знаю дивныя минуты. Созданіе чудное творится и совершается въ душѣ моей“... Ему же (13 марта): „Трудъ мой великъ, мой подвигъ спасителенъ“. Данилевскому (7 авг.):

цѣломъ рядѣ его писемъ *) можно констатировать, какъ усиливалось его меланхолическое состояніе, пока оно не выразилось съ тѣми же типичными симптомами, какъ приступъ, перенесенный имъ въ Вѣнѣ. Въ письмѣ къ Балабиной (февр. 1842 г.) онъ пишетъ: «Я былъ боленъ, очень боленъ, и еще боленъ донынѣ внутрено. Болѣзнь моя выражается такими страшными припадками, какихъ никогда со мною еще не было, *но страшнѣе всего мнѣ показалось то состояніе, которое напомнило мнѣ ужасную болѣзнь мою въ Вѣнѣ*». Къ веснѣ психическое здоровье его улучшается и душевный строй повышается настолько, что въ концѣ марта онъ пишетъ Языкову: «Я ѣду къ тебѣ съ огромною свитой. Несу тебѣ и свѣжесть, и силу, и веселье и кое-что подъ мышкою». Къ этой эпохѣ относится появленіе въ свѣтъ 2-й части «Мертвыхъ душъ» и первое изданіе собранія его сочиненій. Этимъ годомъ, можно сказать, заканчивается творческій періодъ жизни поэта. На этотъ разъ періодъ душевнаго здоровья продолжается довольно долго, хотя ко второй половинѣ 43 года и относится Анненковымъ и Тихонравовымъ первое сожженіе 2-го тома «Мертвыхъ душъ», но, повидимому, это произошло не въ приступѣ меланхолическаго состоянія; Гоголь и раньше уже прибѣгалъ къ сожженію не только рукописей своихъ, которыми былъ недоволенъ, но даже напечатаннаго уже и вышедшаго въ свѣтъ произведенія.

Зиму 1843—44 года Гоголь проводитъ въ Ниццѣ въ обществѣ А. О. Смирновой, Соллогубъ и Віельгорскихъ. О томъ, какое вліяніе имѣли они на Гоголя, вы уже знаете изъ приведеннаго мною отзыва Аксакова. Не они бы могли поддержать падающій духъ его. Въ этотъ періодъ Гоголь, правда, не пережилъ рѣзкаго приступа меланхолическаго состоянія, такого, наприм., какъ въ 1840 г. въ Вѣнѣ; ему то похуже, то получше, онъ можетъ еще немного работать и по временамъ бываетъ оживленнѣе, но въ общемъ этотъ періодъ въ его жизни долженъ быть отнесенъ къ періодамъ депрессивнымъ. Онъ пишетъ Аксакову (10 фев. 1844 г.), объясняя свое молчаніе: «причиною этого было отчасти физическое болѣзненное расположеніе, содержавшее духъ мой въ какомъ-то безчувственно-сонномъ положеніи» и къ Россетъ: «надоѣло сильно мое болѣзненное состояніе, препятствующее всякой работѣ». И такъ съ такими же колебаніями—то улучшенія, то обо-

---

„О, вѣрь словамъ моимъ! Властью высшею облечено отнынѣ мое слово“. Языкову (окт. 23): „У меня на душѣ хорошо и свѣтло“.

*) Одоевскому (начало янв. 42 г.): „Времени нѣтъ мнѣ перевести духъ, я очень боленъ и въ силу двигаюсь“. Плетневу (7 янв.): „Разстроенный и тѣломъ, и духомъ пишу къ вамъ“. Максимовичу (10 янв.): „Я уже хотѣлъ было писать и принимался ломать голову, но ничего не вылѣзло изъ нея. Она у меня одеревенѣла и ошеломлена такъ, что я ничего не въ состояніи дѣлать“. Языкову (февр. 10): „Меня мучитъ свѣтъ и сжимаетъ тоска... Я чувствую, что разорвались послѣднія узы, связывавшія меня со свѣтомъ... чувствую съ каждымъ днемъ и часомъ,—что нѣтъ выше удѣла на свѣтѣ, какъ званіе монаха“. Прокоповичу (безъ даты): „Я не писалъ тебѣ, потому что не былъ въ силахъ, такъ усталъ... отъ болѣзни моей, которой припадки были теперь сильнѣе, нежели когда-нибудь“.

стренія апатіи и тоски—тянется это состояніе до осени этого года, когда Гоголь пишетъ Языкову (12 ноября 1844 г.): «послѣ купанья я чувствую себя лучше; ибо, надо тебѣ сказать правду, я былъ слишкомъ болѣнъ лѣтомъ и такъ дуренъ, какъ давно себя не помню. Нервы до такой степени были разстроены, что не въ силахъ былъ не только что-нибудь дѣлать, но даже ничего не дѣлать». Это состояніе относительнаго психическаго здоровья было только временнымъ улучшеніемъ на протяженіи длительнаго депрессивнаго періода, и уже въ началѣ 1845 г. меланхолическій приступъ выражается въ полной силѣ. Онъ мечется изъ Франкфурта въ Парижъ, изъ Парижа снова въ Франкфуртъ, потомъ по курортамъ и, очевидно, нигдѣ не находитъ себѣ облегченія; состояніе тревоги и тоски нарастаетъ и достигаетъ наиболѣе выраженной степени къ лѣту. 4 іюня онъ пишетъ Смирновой: «Я страдаю весь душой отъ страданія моего тѣла, и душа изнываетъ вся отъ страшной хандры, которую приноситъ болѣзнь». Въ это полугодіе Гоголь дважды говѣетъ,—до такой степени чувствуетъ онъ себя плохо и ожидаетъ смерти,—между тѣмъ на самомъ дѣлѣ искуснѣйшіе врачи того времени, наприм., знаменитый Шенлейнъ, Круккенбергъ и Карусъ, не могли найти въ немъ никакого хроническаго страданія, только нервное разстройство, и первый изъ нихъ назначилъ только легкое водолѣченіе.

Это тягостное состояніе, о которомъ Гоголь еще въ іюлѣ писалъ Шереметевой: «здоровье мое плохо совершенно, силы мои гаснутъ», послѣ водолѣченія въ Грейфенбергѣ начинаетъ улучшаться и въ октябрьскихъ письмахъ онъ сообщаетъ уже своимъ друзьямъ и матери, что онъ поправился и чувствуетъ себя хорошо. За этимъ длительнымъ и тяжелымъ депрессивнымъ періодомъ слѣдуетъ около двухъ лѣтъ душевнаго здоровья и даже временнаго повышеннаго настроенія. Но судьба безжалостна къ нашему писателю. Едва ли не къ осени 1845 года, проведенной въ Римѣ, должно быть отнесено то заболѣваніе маляріею, о которой свидѣтельствуютъ Смирнова и Аксаковъ, но о чемъ самъ Гоголь въ своихъ письмахъ не упоминаетъ. Дѣлаю это предположеніе, ибо именно маляріею и обусловленнымъ ею малокровіемъ всего вѣроятнѣе объяснить тѣ своеобразныя болѣзненныя явленія, на которыя онъ съ тѣхъ поръ часто жалуется: «Чувствую слабость, что всего непонятнѣе, до такой степени зябкость, что не имѣю времени сидѣть въ комнатѣ, долженъ ежеминутно бѣгать согрѣваться. Едва же согрѣюсь и приду, какъ въ мигъ остываю, хотя комната и тепла, и долженъ вновь бѣгать согрѣваться. Въ такой бѣготнѣ проходитъ почти весь день» (письмо Аксакову, Римъ, 15 ноября 1845 г.).

Чрезвычайно интересно и характерно и очень важно отмѣтить здѣсь, что циклическое теченіе душевной болѣзни Гоголя совершенно независимо отъ его физическаго здоровья и тѣлесныхъ недуговъ; тѣ же жалобы на «странную зябкость, какой не чувствовалъ доселѣ» повторяются и въ письмѣ къ Плетневу (28 ноября 1845 г.), но Гоголь досадуетъ главнымъ образомъ на причиненную этимъ состояніемъ потерю времени, ибо «чувствуетъ

и голову и мысли болѣе свѣжими» и радъ бы «засѣсть за трудъ, отъ котораго сильно отвлекали прежде недуги и *внутреннее душевное состояніе*». Весьма любопытно въ этомъ отношеніи письмо къ А. П. Толстому (Римъ, 2 янв. 1846 г.), дающее полную картину состоянія здоровья Гоголя, изъ которой съ очевидностью явствуетъ эта совершенная независимость его душевнаго недуга отъ состоянія его физическаго здоровья: «Вотъ вамъ мое нынѣшнее состояніе: я зябну теперь до такой степени, что ни огонь, ни движеніе, ни ходьба меня не согрѣваютъ. Мнѣ нужно много бѣгать, чтобы сколько-нибудь согрѣть кровь, но этого теперь нельзя, потому что совсѣмъ ослабѣли ноги и силы, жилы болятъ и пухнутъ. Но благодарю милосерднаго Бога, что, несмотря на невыносимо-болѣзненное чувство, которое слышитъ все мое тѣло, находящееся вѣчно въ *лихорадочномъ* состояніи, *ни хандра, ни скорбь* еще не находили на меня».

Слѣдующая волна депрессіи приходится на лѣто 1848 г. Гоголь только что совершилъ путешествіе на востокъ и въ Палестину, возвратился въ Россію въ хорошемъ состояніи здоровья и пріѣхалъ къ себѣ въ Васильевку; уже вскорѣ его душевный строй начинаетъ понижаться. Въ іюлѣ онъ пишетъ Аксакову: «Тоска, даже читать самаго легкаго чтенія не въ силахъ». Къ осени ему получше, но еще въ концѣ октября въ письмѣ къ Вѣльгорскимъ мы читаемъ: «Что до меня, я только что оправляюсь отъ безсонницъ своихъ, которыя продолжаются даже и здѣсь, въ Москвѣ, и теперь только начинаютъ прекращаться». Но, какъ это уже наблюдалось и раньше, это не выздоровленіе, а только одно изъ временныхъ улучшеній въ депрессивномъ состояніи. Такъ, въ февралѣ 1849 г. онъ говоритъ Данилевскому о «болѣзни, въ которой находился тогда, отъ которой еще не вполнѣ освободился и теперь». Впрочемъ, въ письмѣ къ Смирновой (отъ 27 мая 1849 г.) мы находимъ всѣ необходимыя намъ указанія на смѣну періодовъ въ его психическомъ настроеніи за это время: «Мое здоровье лучше. Зиму я провелъ хорошо. Въ концѣ ея только пришла хандра, которую я старался всячески побѣждать. Но съ приближеніемъ весны не устоялъ. Нервы расшатали меня всего, ввергнувъ въ такое уныніе, въ такую нерѣшимость, въ такую тоску отъ собственной нерѣшимости, что я весь истомился». А въ началѣ іюня онъ извѣщаетъ Шереметеву: «я только что оправился отъ сильной болѣзни нервической, которая съ приходомъ весны вдругъ меня потрясла и расколебала всего», и К. М. Базили: «Весною заболѣлъ, но теперь опять поправляюся. Голова еще не въ такомъ состояніи, чтобы свѣтло заняться дѣломъ». Слѣдующіе года — вся вторая половина 1849 г., весь 1850 и 1851 года, протекаютъ съ тѣми же колебаніями. Нѣтъ, правда, рѣзкихъ меланхолическихъ припадковъ, а только депрессивныя обостренія, но нѣтъ и длительнаго состоянія психическаго здоровья. Въ общемъ это должно быть признано за несомнѣнное ухудшеніе въ теченіи его психоза. Болѣзнь приняла болѣе хроническое теченіе. Соотвѣтственно этому, все рѣзче и яснѣе становится упадокъ его творческихъ силъ и генія. Онъ самъ это мучительно чувствуетъ и жалуется на

«притупленіе способностей и силъ», не можетъ себѣ объяснить, почему онъ «никогда еще такъ мало не дѣлалъ какъ теперь», хотя «меньше чѣмъ когда-либо развлеченъ и ведетъ жизнь болѣе чѣмъ когда-либо уединенную» (Данилевскому 1 іюля 1849 г.). Маркевичу (6 декабря 1849 г.): «Попрежнему сижу за дѣломъ, а дѣлается мало». Тѣ же жалобы повторяются и дальше въ рядѣ писемъ. Поздняя осень и зима 1850 г. всетаки принесла Гоголю нѣкоторое облегченіе и это отражается въ его корреспонденціи, но мучительное ощущеніе упадка художественнаго вдохновенія омрачаетъ Гоголю эти послѣдніе годы его жизни. Временами онъ снова надѣется, что геній его воскреснетъ: «Стало быть,—пишетъ онъ Толстому 20 августа 1850 г.,—несмотря на то, что старѣю и хирѣю, тѣ же силы умственныя, слава Богу, еще свѣжи», но уже 2 сентября того же года матери: «Думалъ и я, что буду всегда трудиться, а пришли недуги, отказалась голова... Бѣдная моя голова! Доктора говорятъ, что надо ее оставить въ покоѣ. Вижу и знаю, что работа при моемъ болѣзненномъ организмѣ тяжела». Въ концѣ того же мѣсяца ему снова хуже. Онъ уже опасается періодическаго наступленія меланхолическаго состоянія и пишетъ матери: «Я захандрю и впаду въ ипохондрію». Въ «Авторской исповѣди» мы находимъ скорбное и совершенно опредѣленное признаніе больного поэта въ угасаніи творческой силы: «Нѣсколько разъ, упрекаемый въ недѣятельности, я принимался за перо, хотѣлъ насильно заставить себя написать хоть что-нибудь вродѣ небольшой повѣсти или какого-нибудь литературнаго сочиненія, и не могъ произвести ничего. Усилія мои оканчивались почти всегда болѣзнію, страданіемъ и, наконецъ, такими припадками, вслѣдствіе которыхъ нужно было надолго отложить всякое занятіе». Признаніе это заканчивается трагическимъ воплемъ: «Виноватъ я былъ развѣ въ томъ, что не въ силахъ былъ повторять то же, что говорилъ или писалъ въ юношескіе годы? Какъ будто двѣ весны бываетъ въ возрастѣ человѣческомъ!» И дѣйствительно, въ теченіе этого послѣдняго десятилѣтія его жизни Гоголь работаетъ надъ второю частью «Мертвыхъ Душъ», но, по мѣткому выраженію Анненкова *), она стала для Гоголя «той подвижническою келіею, въ которой онъ бился и страдалъ до тѣхъ поръ, пока вынесли его бездыханнымъ изъ нея».

Ненормальность его душевнаго состоянія въ эту эпоху его жизни бросалась въ глаза многимъ изъ его современниковъ. И. С. Тургеневъ, говоря о своихъ посѣщеніяхъ Гоголя въ послѣдній годъ жизни его, выражается на этотъ счетъ очень опредѣленно: «мы (съ Щепкинымъ) ѣхали къ нему, какъ къ необыкновенному, геніальному человѣку, у котораго что-то тронулось въ головѣ... вся Москва была о немъ такого мнѣнія» **).

Я полагаю, что въ предшествующемъ достаточно доказано, что Гоголь страдалъ періодическимъ депрессивнымъ психозомъ. Однако и при жизни

*) *Анненковъ*: „Критическіе очерки и воспоминанія“, т. I, стр. 196.

**) *Тургеневъ*: „Литературныя воспоминанія“. Полное собр. сочин. Изданіе 2-е, т. X, стр. 66.

его, и послѣ его смерти, правда, въ очень неопредѣленной формѣ ходили слухи, которые могли бы вызвать предположеніе, что онъ страдалъ другою формою душевнаго разстройства, связанною съ галлюцинаторными явленіями и бредомъ религіозно-мистическаго характера. Полноты ради считаю нужнымъ сказать объ этомъ нѣсколько словъ. Во-первыхъ, во всей довольно обширной теперь литературѣ о Гоголѣ имѣются только два указанія—и то косвенныхъ, изъ третьихъ рукъ,—на то, что у Гоголя бывали галлюцинаціи. Именно въ «Исторіи моего знакомства съ Гоголемъ» С. Т. Аксаковъ говоритъ [1]), что онъ «слышалъ, что Гоголь во время болѣзни (въ Римѣ) имѣлъ какія-то видѣнія, о которыхъ онъ тогда же разсказалъ ходившему за нимъ... Боткину» и Бергъ передаетъ [2]), будто Гоголь во время предсмертной болѣзни сказалъ доктору Оверу, что онъ готовъ умереть: «я уже слышалъ голоса». Страннымъ образомъ о послѣднемъ фактѣ, кромѣ этого совершенно изолированнаго показанія Берга, не упоминаетъ никто изъ довольно многочисленныхъ свидѣтелей-очевидцевъ послѣднихъ дней Гоголя,—ни Арнольди [3]), ни теща Погодина [4]), ни Плетневъ [5]), ни многіе другіе, которые съ сердечной болью и напряженнымъ вниманіемъ слѣдили за его предсмертной болѣзнію (какъ, напримѣръ, Аксаковы [6]), Хомяковъ [7]), Павловъ [8]) и проч.) и которые могли имѣть достовѣрныя свѣдѣнія изъ первыхъ рукъ, и, что въ особенности важно—объ этомъ ни однимъ словомъ не обмолвился докторъ Тарасенковъ [9]), участвовавшій на всѣхъ консиліумахъ и оставившій очень детальный и обстоятельный историческій матеріалъ о послѣднихъ дняхъ Гоголя. Что же касается до «видѣній», которыя были у Гоголя въ Римѣ, то этотъ фактъ, если только онъ достовѣренъ [10]), въ чемъ тоже можно сомнѣваться, мо-

---

1) *Аксаковъ:* L. c., стр. 46.

2) *Бергъ:* „Воспоминаніе о Гоголѣ". *Русская Старина* 1872 г., I, стр. 127.

3) *Арнольди:* „Воспоминанія о Гоголѣ". *Русскій Вѣстн.* 1862 г. I.

4) См. письмо ея къ Погодину, писанное въ самый день кончины Гоголя. *Барсуковъ:* „Жизнь и труды Погодина". Т. XI, стр. 535.

5) См. „Письмо Плетнева къ Жуковскому". Ibid., стр. 545.

6) Письмо С. Т. Аксакова къ М. Ив. Гоголь,—въ „Исторіи моего знакомства съ Гоголемъ". Стр. 199.

7) *Хомяковъ:* „Полное собраніе сочин.". Т. VIII, Письмо отъ ? февраля 1852 г.

8) Письмо Н. Ф. Павлова къ А. В. Веневитинову отъ 1 марта 1854 г.

9) Правда, Тарасенковъ разсказываетъ, что въ ночь съ пятницы на субботу (т.-е. съ 8 на 9 февр.) Гоголь, проснувшись, послалъ за священникомъ, чтобы снова причаститься и собороваться, потому что „видѣлъ себя умершимъ и слышалъ какіе-то голоса..." и прибавляетъ, что въ данномъ случаѣ имѣетъ существенное значеніе: „вѣрно, мысль о смерти преслѣдовала его и во снѣ". Было ли это просто сновидѣніе, встревожившее больного, или гипнагогическая галлюцинація,—во всякомъ случаѣ это не то, о чемъ разсказываетъ Бергъ, и на основаніи этого показанія Тарасенкова нельзя говорить о наличности въ картинѣ душевной болѣзни Гоголя—галлюцинаторныхъ явленій; скорѣе наоборотъ, ибо объ этомъ упоминается лишь вскользь и эпизодически.

10) Такого характера достовѣрности свидѣтельство Аксакова не носитъ: „Я слышалъ" безъ указанія источника. Смирнова, несмотря на свою близость къ Гоголю

жетъ быть всего правильнѣе объясненъ бредомъ и галлюцинаціями при повышенной температурѣ во время приступа римской маляріи, которою онъ въ то время, повидимому, страдалъ.

Итакъ, въ симптоматологіи душевной болѣзни Гоголя нѣтъ галлюцинаторныхъ явленій. Нѣтъ также и бреда въ тѣсномъ смыслѣ этого слова. Тѣ разстройства его интеллектуальной дѣятельности, которыя дѣйствительно существовали, могутъ быть названы скорѣе количественными, чѣмъ качественными, ибо объясняются значительнымъ колебаніемъ въ общей напряженности психическихъ процессовъ, лежащихъ въ основѣ интеллектуальной дѣятельности. Если къ этому и примѣшивались въ извѣстной степени нѣкоторыя качественныя разстройства интеллекта, то только въ формѣ отрывочныхъ идей ипохондрическаго характера и, можетъ быть, нѣкоторой переоцѣнки своей личности, что совпадаетъ съ повышеніемъ психической кривой послѣ протекшаго меланхолическаго приступа, когда Гоголь впадалъ въ то, что С. Т. Аксаковъ называлъ «противнымъ тономъ наставника», и когда у него, какъ мы уже видѣли выше, появлялась мысль о своемъ провиденціальномъ назначеніи. И не только съ нашей спеціальной точки зрѣнія мы въ правѣ разсматривать этотъ болѣзненно-приподнятый тонъ и настроеніе какъ выраженіе состояній патологической экзальтаціи, сопровождающихъ меланхолическіе депрессивные приступы, но даже историки литературы останавливались въ недоумѣніи передъ этимъ психопатическимъ явленіемъ душевной жизни Гоголя и спрашивали себя, не слѣдуетъ ли видѣть въ этомъ симптома «серьезной психической ненормальности» *). На этотъ вопросъ отвѣтилъ самъ Гоголь. Временами онъ, очевидно, отдавалъ себѣ совершенно ясно отчетъ въ томъ, что въ періоды, слѣдующіе за депрессивными приступами, его психическое равновѣсіе устанавливается не сразу, но проходитъ сначала черезъ такой стадій, въ которомъ онъ не вполнѣ владѣетъ своимъ разумомъ и волею. Въ этомъ отношеніи чрезвычайно важны, убѣдительны и характерны уже цитированныя письма къ Иванову и о. Матвѣю, въ которомъ самъ Гоголь объясняетъ и *оправдываетъ* появленіе «Переписки съ друзьями» тѣмъ, что онъ выпустилъ эту книгу слишкомъ скоро послѣ своего «болѣзненнаго состоянія, когда ни нервы, ни голова не пришли еще въ надлежащій порядокъ».

По отношенію къ Гоголю нельзя говорить о бредовомъ психозѣ съ преобладаніемъ идей религіозно-мистическаго характера.

Съ моей спеціальной точки зрѣнія я присоединяюсь къ протестамъ противъ такого довольно распространеннаго мнѣнія, вырвавшимся у извѣстнаго французскаго литературнаго критика **), знатока нашей беллетри-

---

и на то, что въ это время она тоже была въ Италіи, ничего объ этомъ не упоминаетъ. Точно также не упоминается объ этомъ и въ письмахъ Гоголя, а онъ не скупился на очень детальныя сообщенія о всемъ, что касалось его здоровья.

*) *Шенрокъ:* Op. cit. IV, стр. 8, примѣч.

**) *Melchior de Vogüé* (*Rev. des deux Mondes.* 1885, 18 Nov., p. 277): „On décréta qu'il était tombé dans le mysticisme, on l'enterra sous ce mot. Le mysticisme de

стики, заявившаго, что если слова соотвѣтствуютъ опредѣленнымъ понятіямъ, то Гоголя нельзя называть мистикомъ, у О. Н. Смирновой *), знавшей Гоголя лично и имѣвшей о немъ подробныя и достовѣрныя свѣдѣнія изъ очень компетентнаго источника и прежде всѣхъ у самого Гоголя **).

При оцѣнкѣ этой стороны психики не слѣдуетъ забывать, что онъ родился и воспитывался въ очень религіозной семьѣ ***), съ дѣтства и до смерти былъ глубоко вѣрующимъ человѣкомъ и въ такой же средѣ постоянно жилъ и дѣйствовалъ ****). Понятіе мистицизма къ нему приложимо не болѣе, чѣмъ къ ближайшимъ его друзьямъ—Погодину, Плетневу, Языкову, Хомякову, Смирновой *****) и пр. къ его старшему собрату и личному другу В. А. Жуковскому и даже, вѣроятно, въ меньшей степени, чѣмъ

Gogol est un fait acquis. L'opinion fut si bien prévenu que je crains d'étonner les Russes en demandant la révision du procès. Je relis attentivement les lettres de l'accusé; j'ai recueilli le témoignage de personnes qui vécurent à cette époque auprès de lui. Si les mots de notre langue ont un sens défini Nicolas Wassiliéwitch ne fut pas un mystique".

*) Записки Смирновой, I, стр. 9: „Пора бы сдать въ архивъ мистицизмъ, какъ способъ смягчить выраженіе, изобрѣтенный Бѣлинскимъ ради цензурныхъ соображеній..."

**) Письмо С. Т. Аксакову (Франкфуртъ, 16 мая 1844 г.). „О себѣ скажу вамъ вообще, что моя природа совсѣмъ не мистическая".

***) Въ одномъ изъ писемъ къ матери онъ воспроизводитъ яркую картину зарожденія въ немъ еще въ дѣтствѣ живого религіознаго чувства: „... я живо, какъ теперь, помню этотъ случай,—я просилъ васъ разсказать мнѣ о Страшномъ Судѣ и вы мнѣ, ребенку, такъ хорошо, такъ понятно, такъ трогательно разсказали о тѣхъ благахъ, которыя ожидаютъ людей за добродѣтельную жизнь, и такъ разительно, такъ страшно описали вѣчныя муки грѣшныхъ, что это потрясло меня и разбудило во мнѣ всю чувствительность; это заронило и пробудило во мнѣ всякія мысли".

****) Даже вліяніе на Гоголя въ послѣдніе годы его жизни ржевскаго священника о. Матвѣя имѣетъ свой pendant въ болѣе раннемъ періодѣ жизни нашего писателя. См. письмо его къ матери (Москва, 25 янв. 1840 г.): „Къ счастію моему сюда пріѣхалъ архимандритъ Макарій, мужъ извѣстный своею святою жизнью, рѣдкими добродѣтелями и пламенною ревностью къ вѣрѣ. Я просилъ его, и онъ такъ добръ, что, несмотря на неимѣніе времени и кучу дѣлъ, пріѣзжаетъ къ намъ и научаетъ сестеръ моихъ великимъ истинамъ христіанскимъ. Я самъ по нѣсколькимъ часамъ останавливаюсь и слушаю его, и никогда не слышалъ я, чтобы пастырь такъ глубоко, съ такимъ убѣжденіемъ, съ такою мудростью и простотою говорилъ".

*****) Для характеристики степени возвышенности религіознаго міросозерцанія такихъ блестящихъ представительницъ тогдашняго петербургскаго beau-monde, каковы Смирнова и Віельгорская, достаточно вспомнить, что въ ихъ перепискѣ съ Гоголемъ онѣ являются иногда на интеллектуальномъ уровнѣ замоскворѣцкихъ купчихъ Островскаго и сообщаютъ ему, напр., „о происшествіи, случившемся въ Іерусалимѣ, свидѣтелемъ котораго былъ воронежскій архіерей, бывшій тогда у Гроба Господня: именно о слышаніи небеснаго гласа во время Божественной литургіи, который былъ истолкованъ патріархомъ, какъ пророчащимъ бѣдствія міру, если онъ не покается" (письмо къ матери изъ Франкфурта отъ 12 дек. 1844 г.), и торопятся прислать ему привезенную воронежскимъ архіереемъ спеціальную молитву по этому случаю. См. письма къ Гоголю А. О. Смирновой (*Русская Старина,* 1888 г., кн. X, стр. 130) и гр. Віельгорской (*Вѣстникъ Европы,* 1889 г., кн. X, стр. 490).

ко многимъ другимъ изъ его кружка, напр., къ А. П. Толстому или Вѣльгорскимъ, не говоря уже, конечно, о его корреспондентѣ послѣдняго періода, ржевскомъ священникѣ, отцѣ Матвѣѣ (Александровичѣ Константиновскомъ) *).

Вообще говоря, при оцѣнкѣ мистическаго настроенія Гоголя слѣдуетъ соблюдать законы исторической перспективы. Теперь, по истеченіи полустолѣтія очень легко впасть въ ошибку, если произносить сужденіе объ этой сторонѣ психической жизни Гоголя, не принимая во вниманіе современныхъ ему общественныхъ теченій и настроенія того кружка, къ которому онъ примыкалъ. Не должно забывать, что школьные годы Гоголя совпадали съ реакціоннымъ піэтизмомъ конца царствованія Александра I; что съ первыхъ же шаговъ его на литературной аренѣ Гоголь, еще юноша, съ огромными недочетами въ своемъ образованіи, оказался интимно связаннымъ съ очень замкнутою великосвѣтско-писательскою котеріею, у которой уже сложились весьма опредѣленные соціальные, политическіе, художественные, философскіе и религіозные взгляды, и что эта тѣсная литературная группа «стала для Гоголя высшею школою, довершившей его образованіе» **); (каковы были эти воззрѣнія и до какой степени даже «Переписка съ друзьями» была только отзвукомъ и формулою ихъ, явствуетъ изъ того, какъ отнеслись къ этой книгѣ представители этой литературной группы—Плетневъ, Жуковскій, кн. Вяземскій, находившіе ***), что она была нужна и полезна и что Гоголь поступилъ правильно, отвернувшись отъ тѣхъ, кто придавалъ «Ревизору» и «Мертвымъ Душамъ» значеніе общественно-политическаго протеста); что, наконецъ, почти все послѣднее 15-лѣтіе своей жизни онъ проводитъ за границею, оставаясь совершенно въ сторонѣ отъ того умственнаго движенія, которое нарождалось и выросло въ кружкѣ Станкевича. Его личныя отношенія сложились такъ, что онъ почти не зналъ Бѣлинскаго, но хорошо зналъ Шевырева, не былъ знакомъ съ Грановскимъ, но былъ близокъ съ Погодинымъ, не встрѣчался съ Герценомъ, хотя и слышалъ о немъ, и не имѣлъ никакого представленія объ остальныхъ членахъ этого кружка, имѣвшаго въ исторіи развитія русской мысли и русской общественности значеніе первостепенной важности.

Въ особенности не должно забывать, въ какую тяжелую безпросвѣтную эпоху русской культурной исторіи пришлось жить и писать Гоголю—достаточно сопоставить двѣ даты: время появленія его на аренѣ общественной дѣятельности—1828 годъ, т.-е. въ самый разгаръ реакціи, по-

*) Характеристику этого фанатическаго аскета, совѣтовавшаго Гоголю „бросить имя литератора и идти въ монастырь“ (см. Барсуковъ, L. c., кн. X, стр. 571) и во время послѣдней болѣзни Гоголя, приведшаго и безъ того изстрадавшагося поэта въ ужасъ своими угрозами загробной кары (см. цитированное письмо Плетнева въ Жуковскому) можно найти въ „Воспоминаніяхъ о графѣ Толстомъ“ Т. И. Филиппова.

**) *Пыпинъ:* „Характер. литер. мнѣній“, стр. 484 и слѣд.

***) Соч. кн. Вяземскаго, т. II, стр. 313 и слѣд.

слѣдовавшей за декабрьскими событіями, сопровождавшими вступленіе на престолъ Николая I, и годъ кончины—1852, наканунѣ Севастопольской кампаніи, кровавымъ заревомъ освѣтившей мракъ, сгустившійся въ теченіе болѣе чѣмъ четверти вѣка надъ крѣпостной Россіею гр. Бенкендорфовъ и Сквозниковъ-Дмухановскихъ.

И много позднѣе аналогичныя историческія условія приводили не менѣе, чѣмъ самъ Гоголь, геніальныхъ преемниковъ его къ порывамъ на этомъ же пути найти выходъ изъ непримиримаго противорѣчія, созданнаго окружающей жестокою и безпросвѣтною дѣйствительностью съ ихъ моральными идеалами и общественными запросами... А въ тѣ годы даже Бѣлинскій едва не поколебался и изъ-подъ его пера вылились строки, отъ которыхъ ему пришлось потомъ съ сокрушеніемъ и негодованіемъ отказываться.

Съ той спеціальной точки зрѣнія, которая теперь занимаетъ меня,—характеристика Гоголевской эпохи, литературныхъ и общественныхъ настроеній того времени входитъ въ мою задачу только отчасти и лишь постольку, поскольку мнѣ это необходимо, выражаясь врачебнымъ терминомъ, для дифференціальной діагностики, т.-е. ради опредѣленія того, находится ли мистическое и аскетическое настроеніе Гоголя въ психологическихъ границахъ или оно должно уже быть отнесено къ области психопатологіи. Отвѣчая на этотъ вопросъ—я, на основаніи всего только что изложеннаго, долженъ заключить, что если принять во вниманіе условія воспитанія и образованія Гоголя, среду, въ которой онъ жилъ и съ которой былъ тѣсно связанъ, и въ особенности окружавшую его удручающую общественную атмосферу,—мы приходимъ къ выводу, что въ его мистико-піэтическомъ настроеніи не было ничего бредового въ тѣсномъ смыслѣ этого слова и что можно говорить развѣ о гипертрофіи нѣкоторыхъ свойствъ ума и характера Гоголя, а не объ измѣненіи его психической личности. Еще при жизни Гоголя и притомъ его ближайшими друзьями (кн. Вяземскій) было произнесено слово «переломъ». На самомъ дѣлѣ это не вѣрно, никакого перелома отмѣтить нельзя и сама литературная критика уже вскорѣ послѣ кончины Гоголя *) съ совершенною точностью установила, что ни измѣны прежнимъ убѣжденіямъ, въ чемъ иные обвиняли Гоголя, ни того якобы нужнаго и спасительнаго перелома въ его душевной жизни, который привѣтствовался другими—не существовало, и что на самомъ дѣлѣ у Гоголя «во второмъ періодѣ сохранилось, кромѣ молодой веселости, все, что было въ первомъ періодѣ и, наоборотъ, въ письмахъ перваго періода вы найдете уже тѣ черты, которыя, повидимому, должны были бы принадлежать второму періоду».

Итакъ, и по этому не менѣе, и съ нашей спеціально-врачебной точки зрѣнія, важному вопросу, намъ остается только примкнуть къ сужденію позднѣйшаго историка литературы, Пыпина **). «... Личность Гоголя

---

*) *Чернышевскій:* „Очерки Гоголевскаго періода русской литературы".

**) *Пыпинъ:* Op. cit., стр. 478.

является цѣльной, развитіе послѣдовательнымъ... Направленіе его послѣднихъ годовъ имѣло основаніе въ его давнишнихъ понятіяхъ, кромѣ которыхъ онъ никогда и не имѣлъ другихъ. Страшное противорѣчіе съ самимъ собою, мучившее его въ послѣдніе годы, крылось въ немъ съ самаго начала. Это противорѣчіе, которое называли борьбой художественнаго начала съ аскетизмомъ, было въ еще большей степени борьбой его врожденнаго высокаго побужденія служить обществу, съ тѣми ошибочными теоретическими представленіями объ обществѣ, съ которыми онъ сжился. Въ личной судьбѣ Гоголя отразилась борьба двухъ различныхъ сторонъ общественнаго развитія: какъ великій талантъ, онъ принадлежалъ къ прогрессивной сторонѣ, тогда какъ его теоретическія понятія не шли дальше обиходнаго консерватизма—и здѣсь главный источникъ той борьбы понятій, которой онъ и не выдержалъ. Личная исторія Гоголя, какъ писателя, является характеристическимъ фактомъ въ исторіи самого общества.

Его друзья... на первыхъ порахъ поняли высокій поэтическій талантъ Гоголя и его художественную силу, — но они не поняли общественнаго значенія его произведеній и потомъ отступились отъ нихъ, когда сдѣлалось ясно ихъ дѣйствіе на общество. Самъ Гоголь также отступился отъ своихъ произведеній,—потому что это дѣйствіе ихъ превышало степень теоретическаго пониманія, вынесенную ими изъ его школы и его отношеній» *).

Послѣ этого необходимаго отступленія въ область исторіи литературы—возвращаюсь снова къ моей непосредственной задачѣ. Теперь мы переходимъ къ послѣднимъ недѣлямъ жизни Гоголя и анализу симптомовъ его предсмертной болѣзни.

1852 годъ Гоголь встрѣтилъ въ Москвѣ. Лѣтомъ и раннею осенью 1851 года здоровье его было неудовлетворительно, нервно-психическій тонъ былъ пониженъ; лѣто онъ проводилъ въ Спасскомъ у Смирновой и «былъ нездоровъ, жаловался на разстройство нервовъ, на медленность пульса, на недѣятельность желудка, не разговаривалъ ни съ домашними слугами, ни съ крестьянами, шутливость и затѣйливость исчезли» **). Въ сентябрѣ у Аксаковыхъ, въ Абрамцовѣ, Гоголь, по свидѣтельству Аксакова, былъ постоянно грустенъ; къ сентябрю же относится его неудачная поѣздка на свадьбу сестры въ Малороссію, причемъ онъ доѣхалъ только до Оптиной пустыни и возвратился назадъ (на вопросъ Бодянскаго—почему? Гоголь отвѣтилъ только: «Такъ, мнѣ сдѣлалось грустно», а Аксакову сослался на «нервное разстройство»).

Но осенью и зимой 1851 года состояніе здоровья Гоголя вообще и психическое въ частности такъ хорошо, какъ давно не было. Объ этомъ единогласно свидѣтельствуютъ всѣ наиболѣе близкіе къ нему современники. Такъ, Арнольди, въ своихъ воспоминаніяхъ говоритъ: «Зимою этого года

*) См. также *Шенрокъ:* Op. cit., т. IV, стр. 559 и слѣд.

**) *Барсуковъ:* Op. cit. XI, стр. 520.

я видѣлся съ Гоголемъ довольно часто, бывалъ у него по утрамъ и заставалъ его почти всегда за работою».

Погодинъ передаетъ, что этою зимою Гоголь принималъ живѣйшее участіе въ изданіи своихъ сочиненій, которое сразу печаталось въ трехъ типографіяхъ. Докторъ Тарасенковъ свидѣтельствуетъ, что въ этотъ періодъ Гоголь «близкимъ къ нему казался веселѣе обыкновеннаго; притомъ онъ нерѣдко выходилъ со двора, даже бывалъ иногда на обѣдахъ. Дѣятельности въ немъ въ это время обнаруживалось больше, нежели прежде. Онъ даже сталъ заниматься тѣмъ, чѣмъ прежде пренебрегалъ или на что не рѣшался: онъ поѣхалъ въ театръ посмотрѣть своего «Ревизора» на московской сценѣ. Оставшись недоволенъ исполненіемъ, онъ пригласилъ къ себѣ актеровъ и читалъ имъ многія сцены... Потомъ явился въ театръ посмотрѣть, какъ исполняется его пьеса послѣ его замѣчаній»... Дату этого эпизода легко установить на основаніи показанія И. С. Тургенева, это было въ октябрѣ 1851 г.; но еще въ январѣ 1852 г. Гоголь собирался въ театръ посмотрѣть исполненіе своихъ другихъ пьесъ, ибо на одномъ обѣдѣ, гдѣ онъ встрѣтился съ Тарасенковымъ, онъ отговаривалъ послѣдняго идти въ тотъ вечеръ въ Малый театръ смотрѣть «Женитьбу»: не ходите сегодня, а вотъ я соберусь скоро, посмотрю прежде, какъ она идетъ, и уладивъ, извѣщу васъ...» Изъ контекста же слѣдуетъ, что до 1852 г. Тарасенковъ не былъ знакомъ съ Гоголемъ и, что обѣдъ этотъ происходилъ за мѣсяцъ до посѣщенія Тарасенковымъ уже умирающаго Гоголя, слѣдовательно, это было около 15—20 января 1852 г. Да и изъ другихъ указаній несомнѣнно, что въ теченіе всего января и даже въ началѣ февраля—хорошее состояніе здоровья Гоголя продолжалось. Во второй половинѣ января Аксаковъ нашелъ его «довольно бодрымъ». Еще отъ 2 февраля мы имѣемъ два письма его *)—одно къ Жуковскому, въ которомъ мы читаемъ: «О себѣ что сказать? Сижу попрежнему надъ тѣмъ же, занимаюсь тѣмъ же». Другое къ матери, и въ немъ Гоголь пишетъ: «Я самъ тоже все это время чувствую себя какъ-то не такъ здоровымъ». По сравненію съ другими жалобами его на свое здоровье—это звучитъ такъ неувѣренно, что можно съ положительностью сказать, что еще въ началѣ февраля Гоголь чувствовалъ себя относительно недурно.

За девять дней до Масляной (слѣдовательно, числа 25 января) **) его видѣлъ Бодянскій еще «полнымъ энергичной дѣятельности». Онъ засталъ Гоголя за столомъ, на которомъ были разложены бумаги и корректуры. «Знаете ли,—говоритъ Бодянскому Гоголь,—я распорядился безъ вашего вѣдома. Я въ слѣдующее воскресенье собираюсь угостить васъ двумя-тремя напѣвами нашей Малороссіи, которые очень мило Н. С. (Аксакова) положила на ноты съ моего козлинаго пѣнія; да при этомъ упьемся и прежними на-

*) Третье отъ того же числа Рѣпниной въ Одессу. О немъ извѣстно лишь потому, что въ своемъ письмѣ отъ 23 февраля она пишетъ: „...получила ваше отъ 2 февраля...“ но самое письмо Гоголя не сохранилось.

**) Въ 1852 г. масляная начиналась 3 февраля.

шими пѣснями. Будете ли вы свободны вечеромъ?... Я уже распорядился и мы соберемся у О. Ф. (Кошелевой) часовъ въ семь, а впрочемъ, для большей вѣрности, вы не уходите, я самъ къ вамъ заѣду и мы вмѣстѣ отправимся на Поварскую» *).

Но вечеринкѣ этой не суждено было состояться. Въ это время заболѣваетъ и умираетъ одинъ изъ ближайшихъ друзей Гоголя, Екатерина Михайловна Хомякова (урожденная Языкова, сестра поэта). Это событіе послужило тѣмъ тяжкимъ моральнымъ толчкомъ, который обусловилъ и вызвалъ новый и, можетъ быть, самый жестокій въ жизни Гоголя меланхолическій приступъ. Объ этомъ свидѣтельствуетъ самъ Хомяковъ въ одномъ изъ писемъ своихъ, относящихся къ концу февраля 1852 г. **): «Николинкинъ крестный отецъ, Гоголь нашъ, умеръ. Смерть моей жены и мое горе сильно его потрясло; онъ говорилъ, что въ ней для него снова умираютъ многіе, которыхъ онъ любилъ всей душой, особенно же Н. М. Языковъ. На панихидѣ онъ сказалъ: все для меня кончено».

На Гоголя, какъ онъ признается своему духовнику, «нашелъ страхъ смерти». На Масляной онъ говѣетъ, питается одною просфорою и въ четвергъ пріобщается. Какъ разъ въ эти дни пріѣзжаетъ въ Москву извѣстный въ то время священникъ - аскетъ, отецъ Матвѣй. Гоголь бросается къ нему, но бесѣды о. Матвѣя такъ суровы, и такъ потрясаютъ Гоголя, что онъ прерываетъ священника словами: «Довольно! Оставьте! Не могу долѣе слушать! Слишкомъ страшно!» ***). Затѣмъ онъ—типично для меланхолическаго состоянія—совсѣмъ отказывается отъ пищи и проглатываетъ за обѣдомъ только нѣсколько ложекъ капустнаго разсола въ день. Однако силы настолько сохранились, что онъ еще въ состояніи посѣщать нѣкоторыхъ близкихъ друзей. Въ четвергъ на Масляной (слѣдовательно, 7 февраля) онъ заѣзжалъ къ Погодину ****) и еще къ двумъ *****) знакомымъ, у кого именно, остается неизвѣстнымъ, но въ обоихъ домахъ онъ обратилъ на себя вниманіе своимъ болѣзненнымъ видомъ. Въ субботу (9-го) онъ былъ у Хомякова ******), а уже во вторникъ первой недѣли поста, слуга гр. Толстого извѣстилъ своего барина, что онъ боится «за умъ и даже

---

*) *Кулишъ:* „Записки о жизни Н. В. Гоголя“, т. II, стр. 258—259.

**) *Хомяковъ:* „Полное собр. сочин.“. Т. VIII, стр. 209.

***) Послѣднее дошедшее до насъ (и вѣроятно дѣйствительно послѣднее въ его жизни) письмо Гоголя помѣчено 6 февр., адресовано о. Матвѣю и относится именно до этого эпизода: „Уже написалъ было къ вамъ одно письмо еще вчера, въ которомъ просилъ извиненія въ томъ, что оскорбилъ васъ...“

****) *Шенрокъ:* ки. IV, стр. 852, примѣч.

*****) *Барсуковъ:* кн. XI, стр. 533, а также письмо неизвѣстнаго лица къ Рѣпниной, напечатанное въ *Русскомъ Архивѣ*, 1900 г., кн. IX: „...C'était le jeudi du carnaval... Il était serein, mais grave... ses yeux brillaient plus que jamais, sa figure était très pale, il avait beaucoup maigri cet hiver, mais son humeur ne recelait rien de maladif“.

******) *Хомяковъ:* Цитир. выше письмо его въ полномъ собр. его сочиненій.

за жизнь Николая Васильевича, потому что онъ двое сутокъ провелъ на колѣняхъ передъ образомъ безъ питья и пищи» *).

И было чего испугаться! За эти 2—3 дня упадокъ питанія и силъ былъ такъ великъ, что Гоголь едва въ состояніи былъ подняться наверхъ, въ комнаты гр. Толстого, гдѣ въ понедѣльникъ и вторникъ первой недѣли было вечернее богослуженіе. Тогда же, въ ночь съ понедѣльника на вторникъ, великій писатель сжигаетъ всѣ свои рукописи и, по свидѣтельству доктора Тарасенкова: «Съ этой несчастной ночи онъ сдѣлался еще слабѣе прежняго; не выходилъ болѣе изъ своей комнаты, не изъявлялъ желанія видѣть никого... отвѣчалъ на вопросы другихъ коротко и отрывисто... По отвѣтамъ его видно было, что онъ въ полной памяти, но разговаривать не желаетъ». Авторъ этихъ цѣнныхъ воспоминаній о послѣднихъ дняхъ жизни Гоголя, былъ первымъ приглашеннымъ къ нему врачомъ, но въ среду Гоголь отказался принять его и Тарасенковъ увидалъ его лишь въ субботу, слѣдовательно, 10 февраля. «Увидѣвъ его,—говоритъ Тарасенковъ,—я ужаснулся. Не прошло мѣсяца, какъ я съ нимъ вмѣстѣ обѣдалъ; онъ казался мнѣ человѣкомъ цвѣтущаго здоровья, бодрымъ, свѣжимъ, крѣпкимъ, а теперь передо мною былъ человѣкъ какъ бы изнуренный до крайности чахоткою, или доведенный какимъ-либо продолжительнымъ истощеніемъ до необыкновеннаго изнеможенія. Все тѣло его до чрезвычайности похудѣло; глаза сдѣлались тусклы и впалы, лицо совершенно осунулось, щеки ввалились, голосъ ослабъ, языкъ съ трудомъ шевелился, выраженіе лица стало неопредѣленное, необъяснимое. Мнѣ онъ показался мертвецомъ съ перваго раза. Онъ сидѣлъ, протянувъ ноги, не двигаясь и даже не перемѣняя прямого положенія лица. Голова его нѣсколько опрокинута назадъ и покоилась на спинкѣ креселъ, пульсъ былъ ослабленный, языкъ чистый, но сухой, кожа имѣла натуральную теплоту. По всѣмъ соображеніямъ видно было, что у него нѣтъ горячечнаго состоянія и неупотребленіе пищи нельзя было приписать отсутствію аппетита».

Тарасенковъ правъ: ни горячечнаго состоянія, и вообще какого бы то ни было соматическаго заболѣванія не было констатировано и позднѣйшими консиліумами, на которыхъ участвовали знаменитости того времени—профессора: Оверъ, Иноземцевъ, Варвинскій, Альфонскій и доктора Клименковъ, Тарасенковъ, Сокологорскій и Эвеніусъ. Слѣдовательно, надо искать другую причину столь быстраго истощенія и упадка силъ. Беремъ снова главу о періодическомъ психозѣ въ уже цитированномъ мною руководствѣ Корсакова и находимъ въ отдѣлѣ діагностики при перечисленіи характерныхъ кардинальныхъ симптомовъ этого психоза слѣдующее: «... указаніе на то, что приступъ психоза періодическій даетъ быстрое ежедневное измѣненіе въ вѣсѣ больного» *). Какъ видите, то, что непонятно и необъяснимо при

*) Письмо Плетнева къ Жуковскому, приведено у Барсукова. Op. cit. XI, стр. 545.

**) См. также *Krafft-Ebing*: „Lehrbuch der Psychiatrie“, S. 483. „In allen Fällen von periodischer Melancholie begleiten ausgesprochene somatische Symptome das psy-

всякихъ другихъ діагностическихъ предположеніяхъ, становится не только понятно и объяснимо съ нашей точки зрѣнія, но и является лишнимъ аргументомъ въ подтвержденіе поставленной нами діагностики.

На первой недѣлѣ великаго поста 52 года, слѣдовательно около 12 февраля, уже совершенно развернута картина меланхолическаго приступа въ полномъ разгарѣ: отказъ отъ пищи и лѣкарствъ, отъ всякаго общенія съ окружающими, сильное истощеніе, безсонница и т. д. Первый приглашенный къ нему врачъ проф. Иноземцевъ нашелъ только катарръ кишекъ и посовѣтовалъ ревенныя пилюли (въ виду упорной констипаціи) и лавровишневыя капли. Затѣмъ уже въ понедѣльникъ на второй недѣлѣ поста (т.-е. 18 фераля) былъ приглашенъ проф. Оверъ, но ничего не назначилъ больному. Во вторникъ, 19-го, у постели Николая Васильевича собрались Альфонскій и Оверъ. Первый предложилъ «магнетизированіе» съ цѣлью покорить волю больного и заставить его принимать пищу. Для этой цѣли являлся вечеромъ докторъ Сокологорскій, но безъ успѣха. Поздно вечеромъ пріѣхалъ докторъ Клименковъ и предложилъ кровопусканіе, но въ виду предстоящаго консиліума доктору Тарасенкову удалось отложить исполненіе этого до слѣдующаго дня. Въ среду, 20-го, утромъ пульсъ былъ такъ слабъ, что Тарасенковъ и Сокологорскій думали уже прибѣгнуть къ мускусу. Въ этотъ день состоялся консиліумъ въ составѣ докторовъ: Оверъ, Эвеніусъ, Клименковъ, Сокологорскій, Тарасенковъ; проф. Варвинскій опоздалъ и пріѣхалъ позднѣе. На этомъ совѣщаніи Эвеніусъ далъ единственный раціональный при такомъ положеніи дѣла совѣтъ—кормить больного насильно. Но, несмотря на то, что Варвинскій, поставившій діагнозъ gastroenteritis ex inanitione (?), и предостерегалъ, что больной піявокъ, пожалуй, не вынесетъ, было рѣшено поставить двѣ піявки къ носу. Клименковъ, которому это было поручено, поставилъ ихъ шесть, причемъ паціентъ былъ посаженъ въ теплую ванну, а голову ему обливали холодною водою *). «Въ 7 часу вечера,—разсказываетъ дальше Тарасенковъ,—пріѣхали Оверъ и Клименковъ; они велѣли подолѣе поддерживать кровотеченіе, ставить горчичники на конечности, потомъ мушку на затылокъ, ледъ на голову»... Затѣмъ ночью былъ данъ еще каломель. Состояніе страдальца-поэта въ послѣднюю ночь уже не оставляло, однако, никакой надежды. По свидѣтельству того же Тарасенкова, послѣ кровопусканія и др. перечисленныхъ выше лѣчебныхъ мѣръ «пульсъ скоро и явственно упалъ, дѣлался еще чаще и слабѣе, дыханіе... становилось еще тяжелѣе... Его подняли съ

---

chische Krankheitsbild—Schlaflosigkeit, Kopfweh, Schwindel, engcontrahirte Arterien bei meist frequentem Puls, Anorexie, gastrische Beschwerden, *rapider Rückhang der Ernährung*". *Kraepelin*: „Einführung in die Psychiatrische Klinik" въ главѣ Circuläre Depressionszustände, S. 14: „Von besonderem Interesse ist bei der hier besprochenen Krankheit des Gang des Körpergewichts" и т. п. въ любой монографіи, посвященной этой формѣ психозовъ или въ соотвѣтствующихъ главахъ трактатовъ и руководствъ по психіатріи.

*) Письмо къ Погодину его тещи, датированное днемъ кончины Гоголя. См. *Барсуковъ*, Op. cit., XI, стр. 535.

постели, посадили въ кресло, уже голова его не держалась на плечахъ и падала машинально. Тутъ привязали ему мушку на шею, надѣли рубашку (онъ лежалъ послѣ ванны голый), онъ только стоналъ. Когда его опять клали въ постель, онъ потерялъ всѣ чувства, глаза у него раскрылись безжизненно, пульсъ пересталъ биться, произошло хрипѣніе. Этотъ обморокъ длился нѣсколько минутъ, хотя пульсъ вскорѣ возвратился, но сдѣлался почти непримѣтнымъ, онъ послѣ этого уже не просилъ ни поворачиваться, ни пить; лежалъ уже на спинѣ постоянно [illegible] закрытыми глазами, не произнося ни слова. Въ 12 часу стали холодѣть ноги... Дыханіе сдѣлалось хриплое и тяжелое... около 8 часовъ утра дыханіе совершенно прекратилось».

Печально сознаться въ этомъ и грѣхъ осуждать лѣчившихъ Гоголя врачей, они поступали по крайнему своему разумѣнію и дѣлали, что могли и умѣли, но наука наша была такъ еще несовершенна, а методы лѣченія были употреблены столь неправильные, что одною изъ причинъ кончины Гоголя приходится считать неумѣлыя и нераціональныя медицинскія мѣропріятія.

Теперь пора резюмировать все вышеизложенное и сдѣлать, выражаясь техническимъ больничнымъ языкомъ, epicrisis. Вотъ онъ:

Гоголь былъ субъектомъ съ прирожденною невропатическою конституціею. Его жалобы на здоровье въ первую половину жизни сводятся къ жалобамъ неврастеника. Въ теченіе послѣднихъ 15—20 лѣтъ жизни онъ страдалъ періодическимъ психозомъ въ формѣ melancholia periodica. По всей вѣроятности, его общее питаніе и силы были подорваны перенесенной имъ въ Италіи маляріею. Онъ скончался въ теченіе приступа періодической меланхоліи отъ истощенія и остраго малокровія мозга, обусловленныхъ какъ самою формою болѣзни — сопровождавшимъ ее голоданіемъ и связаннымъ съ нею быстрымъ упадкомъ питанія и силъ,—такъ и неправильнымъ ослабляющимъ лѣченіемъ, въ особенности кровопусканіемъ.

Такъ какъ я говорю сегодня передъ большою неврачебною публикою, которая не всегда бываетъ справедлива къ нашему брату-врачу, а подчасъ склонна съ нѣкоторымъ злорадствомъ отмѣчать наши ошибки, то я спѣшу сдѣлать оговорку. Конечно, Гоголя слѣдовало лѣчить иначе и дѣлать какъ разъ обратное тому, что съ нимъ дѣлали, т.-е. прибѣгнуть къ усиленному, даже насильственному кормленію и вмѣсто кровопусканія, можетъ быть, наоборотъ, къ вливанію въ подкожную клѣтчатку соляного раствора (такъ называемой искусственной кровяной сыворотки) и т. п. Но вѣдь его врачи поступали такъ, какъ имъ указывала тогдашняя наука. Не должно забывать, что даже болѣзнь, которою, по моему мнѣнію, страдалъ Гоголь, впервые описана и, слѣдовательно, введена въ нозологическіе кадры французскими психіатрами Baillarger и Falret лишь въ 1854 г. *), т.-е. спустя два года послѣ смерти Гоголя.

*) Bull. de l'Ac. de Médecine, 1854. T. XIX.

Прежде чѣмъ винить за несовершенство науки ея дѣлателей и слугъ и въ частности, такъ какъ сегодня рѣчь идетъ именно объ этомъ, прежде чѣмъ упрекать врачей, лѣчившихъ Гоголя, вспомните, что тѣ огромные по значенію успѣхи медицинскаго знанія, которые достигнуты въ послѣднее 50-лѣтіе, сдѣланы трудомъ и усиліями этихъ же врачей, вспомните хотя бы только того знаменитаго создателя современной патологіи, чье имя еще на-дняхъ было по случаю празднованія его 80-лѣтняго юбилея на всѣхъ устахъ и не спѣшите осуждать врачей, ибо и въ медицинѣ, какъ и вездѣ, путь къ истинѣ идетъ черезъ рядъ ошибокъ.

Н. Баженовъ.

Цифры и факты изъ переписи С.-Петербурга въ 1900 году *).

Прошлой зимой нѣкоторые счетчики, участвовавшіе въ переписи населенія Петербурга, записали тѣ факты, цифры и впечатлѣнія, которые удалось имъ уловить во время переписи.

Часть этого матеріала и предлагается вниманію читателей.

Приведенныя ниже данныя касаются исключительно рабочаго населенія 3 участка Нарвской части г. Петербурга. Въ районѣ этого участка живутъ рабочіе резиновой мануфактуры, въ которой работаетъ до 10 тыс. человѣкъ, Калинкинскаго пивовареннаго завода, Путиловскаго сталелитейнаго и паровозостроительнаго завода, двухъ костеобжигательныхъ заводовъ, рабочіе нѣсколькихъ ткацкихъ и бумагопрядиленъ и нѣкоторыхъ болѣе мелкихъ предпріятій.

Большинство зарегистрованныхъ рабочихъ состоитъ изъ наименѣе культурныхъ представителей этого класса, потому что въ изслѣдованномъ районѣ преобладаютъ рабочіе резиновой мануфактуры, ткацкихъ фабрикъ и костеобжигательныхъ заводовъ, гдѣ рабочіе отличаются наиболѣе низкимъ культурнымъ уровнемъ.

Въ означенномъ районѣ живетъ около 35 тыс. душъ почти исключительно рабочаго населенія, изъ которыхъ нужно считать не менѣе $^1/_3$ взрослыхъ. Но приводимыя ниже данныя касаются только 2,600 рабочихъ, о которыхъ есть болѣе или менѣе полный матеріалъ.

Разумѣется, трудно было наблюдать и учесть всѣ, даже наиболѣе важныя стороны жизни переписаннаго населенія при той спѣшной работѣ, которая была исполнена счетчиками во время однодневной переписи. Главные вопросы, на которые счетчики болѣе всего обратили вниманіе и отвѣты на которые ими были записаны, были слѣдующіе: 1) Культурный уровень населенія, насколько это можно было учесть по грамотности населенія и по отвѣтамъ на контрольный вопросъ: читаетъ ли опрашиваемый газету не менѣе 4 разъ въ мѣсяцъ. 2) Связь съ землей и деревней опредѣляется отвѣтами на вопросы: ѣздитъ ли на лѣтнія работы въ деревню, имѣетъ ли надѣлъ и

*) Изъ доклада, прочитаннаго въ секціи географіи и статистики саратовскаго общества естествоиспытателей.

посылаетъ ли деньги въ деревню. 3) Семейное положеніе по вопросамъ: холостъ ли или женатъ, если женатъ, то состоитъ ли въ законномъ бракѣ, живетъ съ семьей или безъ семьи. 4) Связь съ городомъ опредѣляется вопросомъ, сколько лѣтъ живетъ въ Петербургѣ.

Начнемъ съ личныхъ впечатлѣній, вынесенныхъ однимъ изъ авторовъ настоящей статьи.

I.

«Мнѣ съ двумя товарищами досталось на долю переписать одинъ только громадный пятиэтажный домъ въ 96 квартиръ. По предварительнымъ свѣдѣніямъ въ этомъ домѣ жило 2,000 душъ. Въ первый разъ мы попали въ этотъ домъ вечеромъ. Пятиэтажная громада неясно вырисовывалась въ ночной темнотѣ. Нижній этажъ занятъ былъ бакалейными магазинами, свѣчными лавочками и пекарнями, обслуживающими и питающими этотъ громадный муравейникъ. Закутанныя фигуры обитателей дома входили и выходили изъ магазиновъ и исчезали подъ темными арками у воротъ дома. Казалось, какая-то громадная пасть поглощала и выбрасывала весь этотъ движущійся людъ. Мы вошли во дворъ. Онъ имѣлъ четырехугольную форму, и со всѣхъ четырехъ сторонъ предъ нами высились каменныя стѣны, усѣянныя окнами, изъ которыхъ лился неровный и неясный свѣтъ. Внизу, гдѣ мы стояли, было темно; вверху, надъ нами, темнота была еще сильнѣе, и только свѣтящіяся точки на каменныхъ стѣнахъ все мигали и какъ будто подсмѣивались надъ нами.

Чувствовалось, что за этими каменными стѣнами все дышитъ и живетъ, и эту жизнь и дыханіе намъ нужно было уловить, фиксировать.

Мы раздѣлились и двинулись въ обходъ квартиръ для раздачи переписныхъ листковъ. Я сталъ подниматься по лѣстницѣ. Меня сразу обдалъ тяжелый, удушливый запахъ, казалось исходившій отъ промороженныхъ и сырыхъ стѣнъ коридора. Убогая лампа освѣщала путь, ноги скользили по мокрымъ, каменнымъ плитамъ. Вотъ и квартира, съ которой мнѣ придется начать свой обходъ. За дверью слышенъ неясный говоръ. Дверь не заперта, и съ чувствомъ неловкости, что врываешься въ чужую жизнь незваный, непрошеный, я вхожу въ квартиру.

Небольшая темная передняя-коридоръ, столь извѣстная петербургскому обывателю-бѣдняку. У самой двери стоитъ кровать. Между стѣной и кроватью можетъ пройти къ двери лишь одинъ человѣкъ. Я инстинктивно схватываюсь за стѣну, чтобы такимъ образомъ пробраться далѣе. Стѣна оказывается совсѣмъ мокрой. Направо дверь, я попадаю въ кухню. Семья за чаемъ. Двѣ женщины заняты утюжкой бѣлья. Душно и жарко отъ накаленной плиты.

— Чай да сахаръ, я къ вамъ гостемъ.

— Милости просимъ. Зачѣмъ пожаловали?

— Слыхали вы про перепись? Можетъ быть, въ газетахъ какъ-нибудь читали?

— На какія деньги мы газеты будемъ покупать, а даромъ вѣдь ихъ не даютъ. Нѣтъ, не слыхали.

Я объясняю цѣль моего посѣщенія. Старуха въ очкахъ, съ нависшими на лобъ прядями сѣдыхъ волосъ порывисто прервала меня: «и для чего это все пишутъ да переписываютъ. Была бы польза отъ этого народу, а то зря... Намъ что, пиши, коли хочешь». Признаюсь, мнѣ было тяжело и жутко отъ этой суровой отповѣди. Что можно сказать въ отвѣтъ?

Можетъ быть, старуху на ея вѣку много разъ «писали», но ей лично, дѣйствительно, лучше отъ этого не было. Я поторопился закончить свой визитъ, выдать листки, и ушелъ съ чувствомъ пришибленности.

Всякій разъ, при входѣ въ новую квартиру, мнѣ чудился образъ суровой старухи. Встрѣчали разно: одни—съ любопытствомъ, другіе—вполнѣ индиферентно, какъ будто такъ и быть должно: пришелъ посторонній человѣкъ, переписалъ и ушелъ. Въ одномъ случаѣ встрѣча была непріязненная: многосемейный рабочій, тощій и сухой, свершалъ свою скудную трапезу, когда я заявился къ нему. Выслушавъ мои объясненія, онъ мнѣ замѣтилъ: «много васъ тутъ шаромыжниковъ шляется. Ничего я не слыхалъ, что народъ пишутъ. Вотъ позову дворника, онъ разберетъ, что ты за человѣкъ». Къ счастію, недовѣрчивый домохозяинъ оказался грамотнымъ, и предъявленіе своеобразнаго паспорта счетчика разрѣшило все недоразумѣніе безъ помощи дворника.

Въ другихъ случаяхъ перепись настраивала на юмористическій ладъ: «Марья, а Марья! Иди, тебѣ чередъ писаться!» «Погоди, вотъ причешусь, а то запишутъ, что лохматая». «Мнѣ, батюшка, по кашлю надо бы лучше къ Митрофанію (кладбище) записаться», иронизировала надъ собой одна старуха при записи ея въ листкахъ. При переписи одной артели на вопросъ, обращенный къ одному изъ членовъ артели: женатъ ли онъ, послышался ироническій отвѣтъ, сопровождаемый смѣхомъ присутствующихъ: онъ жениться хочетъ и приданое взять, чтобы на фабрикѣ не работать, не хочетъ быть тѣмъ, чѣмъ борщъ наливаютъ (чумичкой).

Мнѣ пришлось занести въ карточки около 500 чел., и изъ нихъ около 200 чел. рабочихъ мужчинъ и женщинъ. Общій выводъ какъ мой, такъ и моихъ товарищей былъ тотъ, что домъ № 14 населенъ народомъ пришлымъ, деревенскимъ. Взрослыхъ лицъ, родившихся въ Петербургѣ и постоянно въ немъ живущихъ, очень мало, не болѣе 2%. Деревенское безземелье, отсутствіе заработка въ деревнѣ заставляютъ искать работы въ городахъ. Достаточно одному деревенскому «жителю» попасть въ городъ, найти заработокъ, какъ за этимъ піонеромъ потянутся его однодеревенцы и подъ его руководствомъ, и по его примѣру устраиваются. Поэтому намъ часто приходилось видѣть квартиры, населенныя односельчанами. Въ общемъ, казалось, что снова встрѣчаешь стараго знакомаго своего далекаго деревенскаго дѣтства, только поставленнаго въ своеобразныя рамки городского быта. Это тѣ же муравьи-крестьяне, безконечной цѣпью тянущіеся изъ разоренныхъ деревень; они непритязательны и нетребовательны, привыкли

довольствоваться малымъ. Эта армія голодныхъ и ищущихъ работы постоянно растетъ, тѣснитъ другъ друга въ поискахъ за работой, терпѣливо ждетъ возможности устроиться и не увѣрена въ завтрашнемъ днѣ. При переписи, почти въ каждой квартирѣ можно было видѣть лицъ, недавно пришедшихъ изъ деревни и въ ожиданіи поступленія на фабрику перебивающихся случайною работою. Этой арміей промышленники пользуются для пониженія заработной платы. Въ моментъ переписи на бумаго-прядильной фабрикѣ Кёнига шелъ разсчетъ. Разсчитанныя работницы, помимо указанія на сокращеніе производства вслѣдствіе кризиса, объясняли дѣло и съ другой стороны: «каждую зиму разсчитываютъ, теперь у воротъ фабрики много нашего (голоднаго) брата, ну, директоръ и выбираетъ новичковъ. Они на всякое жалованіе согласны, въ первое время побаиваются конторы, не просятъ прибавки, не спорятъ о расцѣнкахъ. Старыя же работницы спуску не даютъ».

Принимая новичка, резиновая мануфактура, наприм., нѣкоторое время (около мѣсяца) считаетъ его обучающимся и разсчитываетъ по уменьшенной цѣнѣ, вмѣсто 60—80 к. въ день—по 20 к. Тотъ же пріемъ примѣняется на фабрикѣ Кёнига.

Деревня высылаетъ на заработки не только взрослыхъ, но и подростковъ. Въ виду закона, ограничивающаго на фабрикахъ работу подростковъ до 16 лѣтъ, крестьяне при выборкѣ паспортовъ разными окольными путями добиваются, что недостающіе годъ-два прибавляются въ паспортѣ. Намъ приходилось встрѣчать подростковъ 14 лѣтъ, работающихъ на одинаковыхъ условіяхъ съ взрослыми. Вотъ примѣры. Подростокъ 14 лѣтъ Тверской губ., Осташковскаго у., работаетъ на фабрикѣ Бормана и получаетъ 12 р. Двѣ дѣвочки по 13 лѣтъ изъ Псковской губ. работаютъ на фабрикѣ Кёнига поденно по 45 к. въ день.

Въ обслѣдованныхъ мною квартирахъ большинство рабочихъ были крестьяне Псковской и Смоленской губ. (около 70%). Далѣе, въ нисходящемъ порядкѣ слѣдуетъ Рязянская, Тверская, Ярославская, Новгородская и Витебская губ. Выходцы Псковской губ. выдѣляются изъ ряда другихъ обитателей своей пришибленностью и бо̀льшимъ сохраненіемъ въ манерѣ, въ костюмахъ крестьянскихъ привычекъ, такъ что послѣ нѣкотораго навыка ихъ легко было узнать среди другихъ. Средній срокъ проживанія рабочихъ въ Петербургѣ отъ 3-хъ лѣтъ до нѣсколькихъ мѣсяцевъ, 10—15 лѣтъ прожили немногіе, 5—6% общаго числа рабочихъ.

Работая на фабрикахъ, крестьяне-рабочіе не порывали связи съ деревней. Нѣкоторая, весьма незначительная часть рабочихъ, всего 2% рабочихъ, работала на фабрикѣ только зиму и весну, на лѣто же они покидаютъ городъ для сельскихъ полевыхъ работъ, и осенью снова возвращаются на фабрику. 68% опрошенныхъ нами рабочихъ поддерживаютъ связь съ деревней тѣмъ, что посылаютъ туда регулярно денежную помощь. Деньги высылаются для разнообразныхъ цѣлей. Въ однихъ случаяхъ приходилось слышать, что помощь оказывается женѣ, обрабатыва-

ющей наемными руками надѣлъ. Въ другихъ случаяхъ деньги посылаются просто «въ хозяйство», на содержаніе стариковъ-родителей, нераздѣленному брату и пр. Изъ этой группы рабочіе наѣзжаютъ въ деревню «на побывку» черезъ 1—2 года. Всѣ рабочіе единогласно утверждаютъ, что житье въ городѣ «худое», и больше двухъ лѣтъ выдержать «никакъ нельзя», потому «побывка», по ихъ словамъ, является для нѣкоторыхъ мѣрой, дающей возможность снова мириться съ тяжелыми условіями жизни и работы въ городѣ. Около 30% рабочихъ фактически отношенія къ земледѣлію не имѣютъ и сохраняютъ съ деревней лишь формальную связь... при посредствѣ паспорта. За нѣкоторыми изъ лицъ этой группы числятся надѣлы, которые сдаются ими въ аренду. Но, наприм., въ Псковской губ. надѣлы не оплачиваютъ лежащихъ на нихъ податей, потому всѣ налоги на надѣлъ оплачиваетъ фиктивный его владѣлецъ, живущій въ городѣ, а не фактическій арендаторъ. Въ этомъ случаѣ живущій въ городѣ рабочій «откупается» отъ ряда непріятностей, которыя ему можетъ причинить деревня за невзносъ податей, а самъ ужъ частнымъ образомъ вѣдается съ арендаторомъ надѣла. Въ другихъ случаяхъ нѣкоторые рабочіе по 10 лѣтъ взносятъ подати за право полученія паспорта и за фиктивную возможность когда-либо по возвращеніи въ деревню получить надѣлъ, но теперь они не пользуются даже арендой съ него.

Зарегистрированные нами рабочіе распредѣлялись по тремъ фабрикамъ: большинство работало на резиновой мануфактурѣ, на фабрикѣ Кёнига (преимущественно женщины) и на шоколадной фабрикѣ Бормана, нѣсколько человѣкъ было съ Путиловскаго завода. Изъ 200 чел. 120 чел. были мужчины и 80 женщины. Средній заработокъ мужчины колебался между 20—24 р. въ мѣсяцъ, лишь немногіе зарабатываютъ 30—35 р. Средній заработокъ женщины, все равно, гдѣ бы она ни работала, 12—15 р.

Умственный уровень переписанныхъ нами рабочихъ поразительно низокъ. Среди мужчинъ неграмотныхъ 62%, женщинъ—70%. Въ среднемъ, неграмотныхъ 66%. «Псковскіе» и мужчины, и женщины поголовно все безграмотные. Грамотность находитъ себѣ примѣненіе лишь въ двухъ видахъ — въ умѣньи прочитать и нацарапать письмо. Газетъ и книгъ не читаютъ. У меня отмѣченъ лишь одинъ случай чтенія *Петербургскаго Листка* въ трактирѣ, по праздникамъ. Въ квартирахъ книгъ я не видалъ. Воскресныхъ школъ, вечернихъ занятій, народныхъ чтеній никто не посѣщалъ, за единичными исключеніями. На всѣ 200 чел. лишь одинъ подростокъ-рабочій посѣщалъ вечерніе классы черченія въ заводской школѣ. И на ряду съ этимъ стоитъ единичный фактъ жажды знанія: пожилая женщина, мать 4 дѣтей, посѣщаетъ воскресную школу: «очень ужъ охота грамоту знать».

Мною утеряна запись дѣтей школьнаго возраста, и потому я не могу привести точныхъ цифръ, сколько ихъ посѣщаетъ школу и сколько остается за флангомъ. У меня есть лишь указаніе, что не всѣ дѣти посѣщаютъ школу. Причина частью кроется въ слѣдующемъ: въ данномъ районѣ бли-

жайшая школа для дѣтей—это школа резиновой мануфактуры. Въ ней при поступленіи взимается 2 р., и потомъ каждый мѣсяцъ надо вносить 30 к. Этотъ мѣстный налогъ на образованіе вынуждаетъ многосемейныхъ рабочихъ воздерживаться отъ посылки дѣтей въ школу. Въ общемъ, вся эта масса темныхъ людей живетъ лишь узкими, мелочными интересами фабрики и своего муравейника-дома. Вся интенсивная жизнь большого города съ его разнообразными интересами идетъ мимо этихъ людей и не затрогиваетъ ихъ. Здѣсь мысль человѣческая еще дремлетъ *).

Привыкнувъ въ деревнѣ къ несложному удовлетворенію своихъ нуждъ, крестьянинъ-рабочій и въ городѣ живетъ при самыхъ тяжелыхъ условіяхъ. У него не развиты самыя элементарныя потребности жизненнаго обихода. Скудный же заработокъ даже при желаніи не даетъ возможности устроиться болѣе или менѣе сносно. Приходится удивляться, какъ люди выдерживаютъ подолгу въ такихъ условіяхъ.

Проработавъ 11 часовъ въ душной и шумной фабрикѣ, рабочій возвращается къ себѣ на квартиру. Но въ ней покоя и отдыха онъ не находитъ. Осмотрѣнныя мной при переписи квартиры всѣ безъ исключенія сыры, переполнены жильцами, безъ всякихъ приспособленій для провѣтриванія; въ нихъ душно, грязно и шумно. Вся жизнь до самыхъ интимныхъ подробностей совершается на виду у всѣхъ, уйти отъ взоровъ чужихъ людей некуда.

Вотъ квартира № 65. Она состоитъ изъ трехъ комнатъ, кухни и общаго узкаго коридора. Самая большая — задняя комната. Размѣры ея таковы: въ длину 3 саж., въ ширину $2^1/_2$ саж., въ высоту до 3 саж. Остальныя комнаты еще меньше. Вся квартира сырая. На стѣнахъ клочьями висятъ обои, обнажая предательскія пятна сырости. Изъ оконъ бѣжитъ, вентиляціи никакой, въ квартирѣ отъ людскихъ испареній, табаку и сырости душно. Жильцовъ въ квартирѣ 28 чел., считая и дѣтей. Самъ хозяинъ, вмѣстѣ съ женой, старухой-матерью и двумя дѣтьми школьнаго возраста помѣщается въ кухнѣ, гдѣ происходитъ стряпня на всю квартиру. Все помѣщеніе кухни занято большой широкой кроватью и столомъ. Въ кухнѣ чувствуется запахъ ватеръ-клозета, который находится рядомъ. Остальныя три комнаты сдаютъ жильцамъ углами и полукойками. Цѣны на квартиры высоки, и потому рабочіе, даже семейные, могутъ снимать только углы.

Въ описываемой квартирѣ въ задней комнатѣ, наприм., установлено 5 большихъ двухспальныхъ кроватей, по двѣ кровати по длинѣ комнаты, и одна у поперечной стѣны, противоположной окнамъ. Каждую койку занимаетъ семья, состоящая изъ трехъ-четырехъ человѣкъ. Всего въ этой комнатѣ помѣщалось 16 человѣкъ, изъ нихъ 6 дѣтей, въ возрастѣ до 5 лѣтъ. Семьѣ, имѣющей ребятъ, устроиться на койкѣ, даже большой,

---

*) Нужно сказать, что группа рабочихъ, съ которыми намъ пришлось познакомиться, по своему составу и по прочимъ условіямъ принадлежала къ наиболѣе отсталымъ. Впечатлѣнія другихъ товарищей-счетчиковъ болѣе благопріятны.

трудно. Повѣсить люльку въ проходахъ между койками не дозволяютъ сожители, и вотъ нелегкую задачу размѣститься на ночь втроемъ или четверомъ на пространствѣ $2^1/_2$ арш. разрѣшаютъ такъ: надъ кроватью, между послѣднею и потолкомъ, подвѣшивается люлька, куда и кладутъ на ночь «мелочь». Если случается двое малыхъ ребятъ, то приходится въ томъ же пространствѣ подвѣшивать другую люльку. Въ концѣ концовъ можетъ быть обитаемо все пространство въ $2^1/_2$ арш. между поломъ и потолкомъ. Мнѣ приходилось видѣть, что кормилецъ такого угла за неимѣніемъ мѣста укладывается на ночь на грязный полъ у кровати. Многосемейные, имѣющіе какіе-либо корни въ деревнѣ, стараются «сплавить мелочь» къ деревенскимъ бабушкамъ и тетушкамъ. Вечеромъ, когда всѣ жильцы въ сборѣ, въ такой квартирѣ настоящій адъ. Не сгущая красокъ, можно утверждать, что все рабочее населеніе дома, переписаннаго нами, живетъ въ подобныхъ же условіяхъ: квартиры переполнены, тѣсны; рабочее населеніе въ такихъ условіяхъ не получаетъ достаточнаго отдыха, оно тяготится своими углами, своей душной обстановкой, и, конечно, трактиръ, даже самый захудалый, считается желаннымъ мѣстомъ.

Типъ квартиръ въ домѣ, осмотрѣнномъ нами, одинъ и тотъ же. Квартира въ 2 комнаты съ кухней стоитъ 25 руб., въ три—35, въ 5 комн.—55 р. Квартиры сдаются безъ отопленія. Всѣ рабочіе жалуются на дороговизну и неудобство квартиръ. Намъ пришлось встрѣтить квартирохозяевъ, прожившихъ на одной квартирѣ лѣтъ 10. Они удостовѣряютъ, что за послѣдніе 5—8 лѣтъ цѣны на квартиры удвоились.

Кв.	№ 72	въ	2	ком.	въ	1893	г. по	15	р.	въ мѣс.,	въ 1900	г.—24 р.
»	№ 64	»	3	»	»	1892	» »	20	»	» »	» 1900	»—31 »
»	№ 66	»	4	»	»	1895	» »	19	»	» »	» 1900	»—37 »
»	№ 84	»	3	»	»	1892	» »	16	»	» »	» 1900	»—25 »

Квартира свыше 25 р. теперь, кромѣ того, оплачивается квартирнымъ налогомъ отъ 5 до $7^1/_2$ р. Квартирный налогъ извѣстенъ среди рабочихъ подъ именемъ «тепловыхъ» (денегъ).

Всѣ рабочіе жалуются на полное невниманіе владѣльца дома къ ихъ просьбамъ. Скученность рабочаго населенія, въ извѣстномъ районѣ, отсутствіе подходящихъ помѣщеній ставитъ домовладѣльцевъ въ выгодное положеніе, и они не стѣсняются выжать изъ рабочаго за квартиру все, что онъ можетъ дать. Плата за квартиру взыскивается безъ всякой отсрочки—«хоть роди, а подай къ сроку»; на просьбы же о ремонтѣ одинъ отвѣтъ: «не нравится, такъ выѣзжай съ квартиры, никто не держитъ». Ремонтъ квартиръ, сколько мнѣ удалось выяснить, производится черезъ 3—4 года, и подъ нимъ разумѣется только побѣлка помѣщенія или оклейка его обоями.

Выгода найма и сдачи квартиръ рабочими-квартиро-хозяевами весьма проблематична. Въ типичныхъ квартирахъ мною былъ сдѣланъ подсчетъ; въ итогѣ получился выводъ, что при квартирѣ, полной жильцами, въ однихъ случаяхъ сводятся концы съ концами, квартиро-хозяева лишь пользуются

безплатнымъ помѣщеніемъ, въ другихъ случаяхъ у квартиро-хозяина остается небольшая прибыль.

Наприм.: 1) кв. № 69—три комнаты и кухня—за наемъ первыхъ двухъ комнатъ по 9 р., въ 3-й за 5 угловъ 19½ руб., итого 38½ руб. Самъ квартиро-хозяинъ платитъ 31 руб. Отопленіе 2 саж. въ мѣсяцъ для 2-хъ печей 7—8 руб. Прибылей никакихъ, кромѣ даровой койки для самого хозяина.

2) Кв. № 89—три комнаты и кухня. Въ квартирѣ 14 угловыхъ коекъ по 3½ р., итого 49 р. Наемная цѣна 30 р. Отопленіе (3 печей) 12 р. Въ остаткѣ 7 р.

3) Кв. № 67—квартира холостыхъ—16 угловыхъ коекъ по 3½ руб., итого 56 руб. Наемная плата 35 руб. Отопленіе (3 печи) 12 руб. Въ остаткѣ 9 руб.

Какъ правило, сами квартиро-хозяева помѣщаются на кухнѣ. Если позволяетъ мѣсто, то и въ кухнѣ помѣщаютъ угловыхъ жильцовъ. Я видѣлъ случай, гдѣ квартиро-хозяинъ устроилъ свою койку съ пологомъ въ томъ самомъ темномъ коридорѣ, который составляетъ неизбѣжную принадлежность домовъ-колодцевъ. Очень рѣдко вся комната сдается одной семьѣ. За комнату приходится платить 8—9 руб. При бюджетѣ семьи въ 20—25 руб. наемъ отдѣльной комнаты—непосильная роскошь. Обычно небольшую комнату занимаютъ двѣ семьи, платя каждая по 4½ руб. Большія комнаты сдаются углами, причемъ пространство ближе къ окнамъ цѣнится дороже, около 4½ р. Болѣе дальнія мѣста по 3 р. 75 к.—4 р.; у задней стѣны 3½ руб. Холостые снимаютъ не уголъ, а полкойки, нормальная цѣна за нее 1 р. 75 к.—2 руб. Полукойки снимаютъ парами—земляки или знакомые. Случается, что совладѣльцы койки не имѣютъ представленія другъ о другѣ, и только общее владѣніе мѣстомъ для сна заставляетъ познакомиться.

Квартиро-хозяинъ-рабочій выдѣляется изъ остальной массы тѣмъ, что, живя въ Петербургѣ болѣе или менѣе давно, онъ на фабрикѣ зарабатываетъ немного больше другихъ—30—35 р. Часто на фабрикѣ работаютъ и дѣти его. Жена же несетъ обязанности квартиро-хозяйки. Бѣдняку-рабочему, получающему 18—20 р., никогда не снять квартиры, такъ какъ нужной для взноса мѣсячной платы 25—30 р. ему негдѣ взять. Притомъ квартирохозяйство сопровождается рискомъ въ томъ случаѣ, если углы и койки не будутъ заполняться аккуратно.

Обязанности квартирохозяйки таковы: утромъ въ 5 час. она должна приготовить для всѣхъ жильцовъ кипятокъ. То же дѣлается вечеромъ. Уборка комнаты у холостыхъ производится хозяйкой, семейные же сами за собой убираютъ. Приготовленіе обѣда для холостыхъ и тѣхъ семейныхъ, гдѣ оба члена семьи работаютъ на фабрикѣ, входитъ въ кругъ заботъ квартирной хозяйки. Провизію закупаютъ сами жильцы. Холостымъ квартирантамъ хозяйка должна въ счетъ квартирной платы стирать бѣлье.

Антигигіеническая обстановка квартиръ рабочихъ, совмѣстно съ тяже-

лымъ фабричнымъ трудомъ, губительно отражается на здоровьи рабочихъ. Въ корень подтачивается оно еще неудовлетворительнымъ питаніемъ. При своемъ скромномъ бюджетѣ рабочіе выкраиваютъ крохи на квартирѣ и пищѣ, чтобы имѣть возможность послать въ деревню нѣсколько десятковъ рублей въ годъ. Деревня и въ городѣ является «злой мачехой», высасывая послѣднія силы изъ своихъ изнывающихъ въ непосильной борьбѣ сыновей.

Мною записаны продовольственные бюджеты нѣкоторыхъ семей. Эти бюджеты типичны и для всѣхъ остальныхъ, ибо большинство работаетъ на однѣхъ и тѣхъ же фабрикахъ, получаетъ, приблизительно, одно жалованіе. Вотъ угловой жилецъ кв. № 71. Семья состоитъ изъ мужа, жены и грудного ребенка. Недавно прибыли изъ деревни. Мужъ работаетъ на резиновой мануфактурѣ, получая 18 руб. въ мѣсяцъ, жена съ груднымъ ребенкомъ остается дома. Мясо не каждый день, покупается оно цѣною отъ 5 до 10 к. (за 5 коп. даютъ «ожилье» обрѣзки). На обѣдъ и ужинъ расходуется:

Мяса 2 ф.	10 к.	
Картофеля . . . . . на	7 »	
Крупы или капусты . . . . »	5 »	
Хлѣба чернаго и бѣлаго . . »	10 »	
Чаю . . . . . »	2 »	(½ ф. въ мѣс. 60 к.)
Сахару . . . . . »	6 »	(4 » » » 60 »)
Селедки . . . . . »	6 »	
Соли . . . . . »	1 »	
Итого . . .	43 к.	

День слагается такимъ образомъ: въ 5 час. утра чай съ хлѣбомъ, въ 12 час. щи или супъ съ мясомъ (если нѣтъ мяса, то покупаются снитки на 8 к.). Вечеромъ селедка (болѣе состоятельные готовятъ кашу) и чай.

Итакъ, на пищу тратится въ мѣсяцъ . . .	12 р. 90 к.
На баню въ мѣсяцъ расходуется	— » 20 »
На табакъ	— » 40 »
Уголъ	4 » 25 »
Итого . .	17 р. 75 к

На обувь и одежду не остается ничего.

Кв. № 65. Старикъ — рабочій на резиновой мануфактурѣ. Въ семьѣ: жена, мальчики 8 л., 3 л. и старуха-мать. Держитъ квартиру. Жильцы оплачиваютъ квартиру и отопленіе. Хозяинъ ютится на кухнѣ. Дневной расходъ:

Мяса 2 ф. по 8 к.	16 к.
Хлѣба 4—6 ф. по 2½ к. . . .	10 »
Картофеля	7 »
Крупы	8 »
Чай	2 »

Сахаръ		4 к.
Соль		1 »
		48 к.
Такимъ образомъ питаніе въ мѣсяцъ . .	14 р.	40 »
Баня	— »	40 »
	14 р.	80 к.

Старикъ получаетъ 20 р., остатокъ—5 р. 20 к. получается благодаря тому, что не приходится платить за квартиру.

Кв. № 66. Квартиру оплачиваютъ жильцы. Семья состоитъ изъ мужа, жены, взрослой дочери, 6 чел. дѣтей. Отецъ зарабатываетъ 25 р., дочь—12 р., всего—37 р.

Расходъ на пищу:

Хлѣба чернаго 3 ф. по $2^1/_2$ к.		$7^1/_2$ к.
Хлѣба бѣлаго 3 ф.		15 »
Капусты		5 »
Картофеля		7 »
Крупы гречневой		5 »
Чай		2 »
Сахаръ		4 »
Мясо 3 ф. по 8 к.		24 »
Соль		1 »
		$70^1/_2$ к.
Въ мѣсяцъ на пищу . .	21 р.	$1^1/_2$ »
Баня	— »	40 »
Табакъ	— »	40 »
	21 р.	$81^1/_2$ к.

Бѣлье стираютъ сами, одѣты лучше другихъ. Появленіе всякаго новаго члена семьи обходится въ 10 р., причемъ повитухѣ уплачивается 3 р. Похороны стоятъ 17 р.

Кв. № 1. Зажиточный угловой жилецъ. Мужъ получаетъ 30 р., жена 18 р. По приблизительному разсчету питаніе стоитъ въ мѣсяцъ 18 р. 20 к.

На одежду тратится	5 р.	— к.
Квартира	6 »	50 »
Въ деревню ежемѣсячно	5—10 »	— »
	34 р.	50 к.

Въ этой семьѣ отмѣченъ расходъ на театръ по 1 р. въ мѣс. лѣтомъ.

Кв. № 3. Семья изъ двухъ лицъ—мужа и жены. Мужъ—рабочій съ Путиловскаго завода. 35 руб. въ мѣсяцъ.

Квартира: комната	8 р.	въ мѣсяцъ.
Столъ	15 »	» »
Одежда	5 »	» »
Въ деревню	5 »	(не каждый мѣсяцъ).
	33 р.	

Артель холостыхъ рабочихъ въ 18 челов. Зарабатываютъ на фабрикѣ Конради отъ 11 р. до 22 р.

За квартиру каждый платитъ 2 р. 50 к. (полкойки).

Столъ обходится въ 5 руб. Всего съ мелкими расходами 8—9 руб. Въ деревню всѣ посылаютъ ежемѣсячно бо̀льшія или меньшія суммы. Другая артель въ 10 чел. Условія быта тѣ же. Всѣ работаютъ на резиновой мануфактурѣ, получая отъ 18 до 20 р. Столъ и квартира стоятъ 8—9 р. Каждый день очередный изъ артели покупаетъ по книжкѣ пищевые продукты и сдаетъ ихъ хозяйкѣ».

II.

Отвѣты на вопросы, которые должны характеризовать культурный уровень рабочей массы, разумѣется, даютъ мало матеріала для опредѣленія этого уровня, потому что мы не можемъ опредѣлить, *что* читается, какими другими способами, кромѣ чтенія, удовлетворяются духовныя потребности и проч. Поэтому при рѣшеніи вопроса, что̀ читается, приходится довольствоваться общими впечатлѣніями счетчиковъ, вынесенными изъ опроса населенія своего района.

Общее впечатлѣніе, передаваемое большинствомъ счетчиковъ, говоритъ не въ пользу доброкачественности той духовной пищи, которой приходится довольствоваться массѣ населенія. Изъ газетъ, поводимому, наиболѣе распространенной является *Петербургскій Листокъ*, потому что его чаще выписываютъ трактиры, въ которыхъ главнымъ образомъ и читаютъ газеты лица, не имѣющія возможности выписывать газету. Можно судить уже по этому о качествѣ духовной пищи, получаемой рабочими черезъ трактиръ! Между тѣмъ для большинства рабочаго населенія нѣтъ другого пути подойти и попробовать плодовъ духовной культуры, кромѣ пути въ трактиръ.

Нѣкоторые рабочіе, впрочемъ, выписываютъ сами газеты и журналы. Изъ зарегистрованныхъ рабочихъ, повидимому, болѣе всѣхъ выписываютъ газеты и журналы рабочіе Путиловскаго завода, какъ лица болѣе другихъ обезпеченныя заработкомъ. Выписываются *Петербургскій Листокъ, Новое Время, Свѣтъ, Родина, Нива* и т. п. Нѣкоторые выписываютъ *Русское Богатство, Русскую Мысль, Журналъ для всѣхъ, Недѣлю, Русскія Вѣдомости* и др. Одинъ рабочій на вопросъ, почему онъ выписываетъ *Петербургскій Листокъ*, а не другую газету, отвѣтилъ: «у него бумага потоньше, и изъ нея удобнѣе дѣлать папироски».

Отзывы счетчиковъ краснорѣчиво говорятъ о степени удовлетворенія умственныхъ потребностей рабочаго населенія.

«Грамотные поштучники «читаютъ»,—лаконически сообщаетъ счетчица о рабочихъ *Путиловскаго* завода.

Костеобжигательный заводъ. Работаетъ въ немъ 400—600 человѣкъ. «Читать приходится рѣдко,— времени нѣтъ. Когда пойдутъ въ трактиръ, тогда и читаютъ. Дома же я видѣла газету у 4—5 челов.». Это пишетъ счетчица, переписавши около 200 челов. рабочихъ костеобжигательнаго завода.

«Я пришла къ нимъ вечеромъ,—пишетъ счетчица о *портовыхъ* рабочихъ,—и застала ихъ при игрѣ въ карты безъ денегъ. (Нужно замѣтить, что среди нихъ довольно много грамотныхъ). Я у нихъ спросила, почему они не читаютъ что-нибудь вмѣсто игры въ карты? Одинъ отвѣтилъ, что имъ нечего читать; другой отвѣтилъ, что можно достать только «божественныя» книжки въ портовой конторѣ, но и за это нужно платить; то же отвѣтили и другіе. Любопытно то, что никто изъ нихъ не знаетъ, что такое библіотека».

Резиновая мануфактура. «При значительномъ процентѣ грамотныхъ,—сообщаетъ счетчица, переписывавшая рабочихъ резиновой мануфактуры,—поражаетъ то, что интеллигентныхъ рабочихъ мнѣ не встрѣчалось. Газеты и книги почти не читаютъ и крайне рѣдко покупаютъ газеты. Объ англо-трансваальской войнѣ, напримѣръ, имъ извѣстно, что англичане воюютъ съ бурами, и даже у нѣкоторыхъ есть картинки буровъ, но почему сочувствуютъ бурамъ, опрашиваемые рабочіе часто не знаютъ: узнали о бурахъ отъ другихъ. Нужно все же замѣтить,—добавляетъ счетчица,—что духъ цивилизаціи проникъ и въ ихъ среду»...

«Грамотные женатые рабочіе читаютъ духовныя книги»,—кратко сообщаетъ другой счетчикъ о рабочихъ резиновой мануфактуры.

Бумагопрядильня Кенига. «Когда я просила рабочихъ заполнить листки,—пишетъ счетчица,—то рабочіе увѣряли, что не могутъ писать потому, что руки дрожатъ послѣ работы. За отсутствіемъ книгъ ничего не читаютъ. Въ одной только квартирѣ (артель въ 9 человѣкъ) показали мнѣ «Похожденіе англійскаго милорда».

При такихъ условіяхъ трактиръ является почти единственнымъ мѣстомъ, гдѣ можно читать газету періодически, и большинство зарегистрированныхъ рабочихъ, читающихъ газету не менѣе 4 разъ въ мѣсяцъ, повидимому, читаютъ ее именно тамъ.

Болѣе точныя, чѣмъ впечатлѣнія счетчиковъ, цифровыя данныя говорятъ о значительномъ разнообразіи культурнаго уровня различныхъ слоевъ рабочаго класса.

Въ общемъ, среди мужчинъ оказывается гораздо большій процентъ грамотныхъ и читающихъ, чѣмъ среди женщинъ, а подростки даютъ большій процентъ грамотныхъ, чѣмъ взрослые рабочіе.

Изъ общаго числа 1,586 взрослыхъ рабочихъ мужчинъ, о которыхъ у насъ въ настоящее время имѣются данныя, насчитывается 939 человѣкъ или 63,3% грамотныхъ, а неграмотныхъ 36,7%, между тѣмъ какъ среди 610 женщинъ грамотныхъ только 147 человѣкъ или 24,5%, а изъ 94 подростковъ 70 человѣкъ или 74% грамотныхъ. Слѣдовательно, изъ 5 мужчинъ рабочихъ насчитывается нѣсколько болѣе 3-хъ грамотныхъ, изъ 5 подростковъ 4 грамотныхъ, а изъ 4 женщинъ только одна оказывается грамотной.

Грамотность, какъ мы видѣли изъ отзывовъ счетчиковъ, еще не гарантируетъ широты умственнаго горизонта и возможности удовлетворенія

умственныхъ запросовъ: при наличности неблагопріятныхъ условій для удовлетворенія потребности въ чтеніи, многіе изъ грамотныхъ рабочихъ лишены возможности что-нибудь читать.

Въ среднемъ изъ всѣхъ грамотныхъ рабочихъ читаютъ газеты не менѣе 4 разъ въ мѣсяцъ 55%, а изъ грамотныхъ женщинъ читаютъ 50,5%, т.-е. почти одинаковый %. Очевидно, у фабричной женщины, разъ она грамотна, умственные запросы такъ же настоятельны, какъ и у мужчины, но безграмотность большинства женщинъ мѣшаетъ удовлетворенію потребности въ чтеніи даже и въ такой степени, какъ рабочимъ мужчинамъ. Поэтому, несмотря на одинаковый процентъ, изъ грамотныхъ мужчинъ и женщинъ, читающихъ газеты, по отношенію ко всѣмъ работницамъ, грамотнымъ и неграмотнымъ, число читающихъ газеты женщинъ, чрезвычайно незначительно. Между тѣмъ какъ изъ всѣхъ рабочихъ мужчинъ,—грамотныхъ и неграмотныхъ,—одинъ читающій газеты приходится на двухъ нечитающихъ, изъ всѣхъ женщинъ на одну читающую приходится девять нечитающихъ.

Эти среднія цифры еще не даютъ никакого представленія о культурномъ уровнѣ рабочихъ отдѣльныхъ отраслей промышленности и отдѣльныхъ предпріятій.

На Калинкинскомъ пивоваренномъ и Путиловскомъ сталелитейномъ заводахъ изъ числа опрошенныхъ рабочихъ,—причемъ въ это число вошли и чернорабочіе этихъ заводовъ,—грамотные составляютъ 74%, а изъ грамотныхъ читаютъ газеты 66,7%, т.-е. изъ четырехъ рабочихъ трое грамотныхъ и одинъ неграмотный, причемъ изъ этихъ трехъ грамотныхъ двое читаютъ газеты и лишь одинъ не читаетъ.

Ниже заводскихъ рабочихъ по культурному уровню стоятъ ремесленники и рабочіе въ мелкихъ предпріятіяхъ, требующихъ квалифицированнаго труда: столяры, сапожники и проч.; хотя они даютъ даже большій % грамотныхъ, чѣмъ заводскіе рабочіе, а именно 79%, но въ число ремесленниковъ не вошли чернорабочіе, понижающіе процентъ грамотности заводскихъ рабочихъ.

Нѣсколько ниже заводскихъ рабочихъ и ремесленниковъ стоятъ рабочіе резиновой мануфактуры и ткачи, изъ которыхъ первые имѣютъ 70% грамотности и 66% читающихъ, а ткачи 55% грамотныхъ и 50% читающихъ.

Костеобжигательные заводы имѣютъ рабочихъ съ наиболѣе низкимъ культурнымъ уровнемъ. На нихъ грамотные составляютъ 37%, немножко болѣе $^1/_3$, а изъ грамотныхъ только 14,5% читаютъ газеты. Слѣдовательно, изъ двадцати рабочихъ костеобжигательныхъ заводовъ только 7 чел. грамотныхъ и изъ нихъ только одинъ читаетъ газеты..

Нужно замѣтить, что на костеобжигательныхъ заводахъ требуется самый простой трудъ и, какъ видно будетъ изъ другихъ цифръ, на немъ преобладаютъ деревенскіе рабочіе, недавно пріѣхавшіе въ Петербургъ. На

одномъ изъ костеобжигательныхъ заводовъ устроена даже ночлежная, чтобы имѣть подъ рукой свободныхъ рабочихъ ночлежниковъ.

По имѣющимся матеріаламъ нельзя судить о томъ, откуда рабочіе достаютъ газеты. На этотъ вопросъ даютъ нѣкоторый отвѣтъ матеріалы, собранные г. Шестаковымъ о фабрикѣ Ципделя въ Москвѣ. Оказывается, рабочіе выписываютъ газеты сравнительно рѣдко. Очень многіе берутъ газеты у знакомыхъ, читаютъ въ трактирахъ и покупаютъ старыя газеты на папиросы. Повидимому, такой же способъ добыванія газетъ у петербургскихъ рабочихъ. По крайней мѣрѣ на это указываютъ отвѣты рабочихъ о преимуществахъ *Петербургскаго Листка* (тонкая бумага) и отзывы счетчиковъ о значеніи трактировъ, какъ мѣстъ, наиболѣе доступныхъ для просвѣщенія рабочихъ.

Изъ приведенныхъ выше цифръ видно довольно рѣзкое различіе культурнаго уровня рабочихъ различныхъ предпріятій. Это различіе обусловливается, разумѣется, объективными внѣшними условіями, а не случайнымъ подборомъ въ одномъ случаѣ людей съ бо́льшими умственными запросами, въ другомъ случаѣ—съ меньшими.

Главное значеніе въ данномъ случаѣ имѣетъ характеръ труда и спеціальности большинства рабочихъ данныхъ предпріятій. На заводахъ требуется трудъ болѣе развитыхъ, спеціализировавшихся рабочихъ, требуется квалифицированный трудъ, сноровка и выучка. А спеціализировавшіеся рабочіе, обыкновенно, стоятъ выше и по культурному уровню. Кромѣ того, ихъ трудъ и оплачивается лучше, и рабочее время короче; а рабочій съ лучше оплаченнымъ трудомъ, имѣя нѣкоторый досугъ, можетъ легче удовлетворить свои умственныя потребности, когда первыя потребности болѣе или менѣе сносно удовлетворяются. Поэтому на заводахъ Путиловскомъ и Калинкинскомъ, гдѣ преобладаетъ трудъ квалифицированный, а также у ремесленниковъ—процентъ грамотныхъ и читающихъ гораздо выше, чѣмъ въ мануфактурахъ, гдѣ трудъ болѣе простой, ниже оплачиваемый, исполняемый послѣ нѣкоторой выучки женщинами и неспеціализированными рабочими, пріѣзжающими изъ деревни.

Связь высоты заработной платы и квалифицированнаго труда съ культурнымъ уровнемъ рабочаго населенія видна изъ слѣдующаго.

Если мы сравнимъ относительное число рабочихъ, читающихъ газеты въ группѣ лицъ, которыя получаютъ жалованье больше 20 руб., и изъ группы рабочихъ, которые получаютъ меньше 20 рублей, то увидимъ гораздо большую разницу культурнаго уровня этихъ группъ, чѣмъ разница между рабочими различныхъ предпріятій.

Такъ, на Калинкинскомъ пивоваренномъ заводѣ изъ рабочихъ, получающихъ больше 20 руб. въ мѣсяцъ, читаютъ газеты 68% или $^2/_3$, а изъ получающихъ меньше 20 руб. читаютъ только 20%, въ $3^1/_2$ раза меньше.

Точно также изъ 197 рабочихъ резиновой мануфактуры, которыхъ мы сгруппировали по размѣрамъ жалованья, получающіе меньше 20 руб. да-

ютъ 41% читающихъ газеты (изъ 103 чел.—42 читаютъ), а получающіе больше 20 руб.—63% читающихъ (изъ 94 рабочихъ—59 читаютъ).

Насколько можно судить по другимъ изслѣдованіямъ о культурномъ уровнѣ рабочихъ, значеніе квалификаціи труда проявляется вездѣ болѣе или менѣе одинаково. Такъ, по даннымъ, приведеннымъ инженеръ-технологомъ В. Н. Станчинскимъ въ докладѣ всероссійскому торгово-промышленному съѣзду 1896 года *) о грамотности рабочихъ въ Тверской губерніи, грамотность рабочихъ находится въ тѣсной связи съ характеромъ производства.

На мануфактурѣ Цинделя, по изслѣдованію г. Шестакова, грамотность рабочихъ различныхъ профессій также даетъ различный процентъ грамотныхъ въ связи съ квалификаціей труда. Между тѣмъ какъ среди ракористовъ, граверовъ, рабочихъ прессовальной грамотные составляютъ 91—94%, слесаря 71%, рабочіе въ лабораторіи, набивной, кладовой и т. д.—56—63%.

Другимъ факторомъ, повидимому, вліяющимъ на культурный уровень рабочей массы, является связь рабочихъ съ деревней, хотя вліяніе связи съ деревней, на культурный уровень не такъ замѣтно, какъ вліяніе профессіи.

Выше мы замѣтили, что на костеобжигательномъ заводѣ требуется наиболѣе простой трудъ и тамъ находятъ работу, главнымъ образомъ, крестьяне, пріѣхавшіе изъ деревни или безработные съ фабрикъ. Преобладаніе на костеобжигательныхъ заводахъ рабочихъ, прибывшихъ изъ деревни, видно изъ относительнаго числа рабочихъ завода, живущихъ въ Петербургѣ менѣе 3 лѣтъ.

Между тѣмъ какъ изъ всѣхъ рабочихъ, лица, живущія меньше 3 лѣтъ въ Петербургѣ составляютъ 35%, на костеобжигательныхъ заводахъ эта группа составляетъ 57,7%. Очевидно, деревенскіе неспеціализированные рабочіе понижаютъ средній уровень городскихъ рабочихъ, пополняя постоянно ихъ кадры **). Это видно и изъ другихъ данныхъ.

Такъ, изъ группы грамотныхъ и неграмотныхъ, выбросивши группу полуграмотныхъ, получаемъ слѣдующія цифры въ процентахъ:

	Живутъ въ Петерб. менѣе 3 лѣтъ.	Отъ 3-хъ до 10 лѣтъ.	Болѣе 10-ти лѣтъ.	Ѣздятъ въ деревню.	Посылаютъ деньги въ деревню.
Грамотные	32,9	28,7	38,4	16,9	48,5
Неграмотные	38,4	24,8	36,8	20,9	53,4

*) Инженеръ-технологъ *В. Н. Станчинскій:* „Грамотность рабочихъ на нѣкоторыхъ заведеніяхъ Тверской губерніи". Всероссійскій торгово-промышленный съѣздъ 1896 г. въ Нижнемъ-Новгородѣ.

**) Впрочемъ, рабочіе нѣкоторыхъ профессій, будучи связаны съ деревней, даютъ высокій процентъ грамотныхъ: плотники, колбасники и проч. Напр., изъ 20 человѣкъ, работающихъ въ одной изъ колбасныхъ, 19 грамотныхъ и 15 уѣзжаютъ въ деревню.

Бо́льшая связь неграмотныхъ съ деревней сравнительно съ грамотными очевидна: неграмотные составляютъ большій процентъ живущихъ менѣе 3-хъ лѣтъ въ Петербургѣ, чѣмъ грамотные, хотя бы должно бы быть обратно, такъ какъ при увеличеніи грамотности деревенскаго населенія противъ прошлыхъ лѣтъ молодые деревенскіе рабочіе должны повышать процентъ грамотности среди рабочаго населенія. Точно также неграмотные даютъ большій процентъ ѣздящихъ въ деревню и посылающихъ туда деньги.

Для провѣрки этой связи между безграмотностью и деревней возьмемъ группу ѣздящихъ на лѣто въ деревню. Среди этой группы грамотные вмѣстѣ съ полуграмотными составляютъ 51%, между тѣмъ какъ среди всѣхъ рабочихъ грамотные составляютъ группу въ 63,3%. На одномъ изъ костеобжигательныхъ заводовъ изъ 44 ѣздящихъ въ деревню только 8 грамотныхъ и 5 полуграмотныхъ, между тѣмъ какъ среди 97 чел. неѣздящихъ въ деревню 35 чел. грамотныхъ, 4 полуграмотныхъ и 62 неграмотныхъ; среди первой группы грамотныхъ болѣе чѣмъ въ два раза меньше.

Пониженіе процента грамотности среди петербургскихъ рабочихъ обусловливается, главнымъ образомъ, приливомъ изъ деревни взрослыхъ рабочихъ, потому что среди подростковъ, при высокомъ процентѣ лицъ, живущихъ въ Петербургѣ менѣе трехъ лѣтъ, процентъ грамотныхъ довольно высокій.

Вліяніе связи рабочихъ съ землей и деревней на культурный уровень рабочаго населенія изъ приведенныхъ данныхъ довольно ясно. Остается выяснить прочность и характеръ этой связи.

При сопоставленіи группъ рабочихъ различныхъ предпріятій по ихъ связи съ деревней бросаются въ глаза, прежде всего, нѣкоторый параллелизмъ между культурнымъ уровнемъ рабочихъ и ихъ связью съ деревней: чѣмъ ниже культурный уровень рабочихъ предпріятія, тѣмъ прочнѣе ихъ связь съ деревней. Расположенныя въ убывающемъ порядкѣ по культурному уровню рабочихъ, различныя отрасли промышленности даютъ слѣдующій процентъ рабочихъ, имѣющихъ связь съ деревней:

	Уѣзжаютъ лѣтомъ въ деревню.	Посылаютъ деньги въ деревню.	Живутъ въ Петербургѣ менѣе 3-хъ лѣтъ.	Отъ 3-хъ до 10 лѣтъ.	Болѣе 10 лѣтъ.	Имѣютъ надѣлы.
Женщины.	5,5	16	33,1	20,8	46	—
Костеобжигательн. зав.	34	59,8	57,7	20	22,3	77,8
Резиновая мануфакт.	17,5	43,4	23,2	30,6	46,2	62,7
Калинкинскій и Путил. зав. . .	15,4	57,6	35,5	39,3	25,2	62
Всѣ мужч. раб. вмѣстѣ съ чернорабоч. и ремесл. . . .	18	52	—	—	—	69,4

Связь съ деревней и съ деревенскимъ хозяйствомъ опредѣляется вопросомъ, ѣздитъ ли рабочій на лѣтнія работы въ деревню. Наибольшая

связь съ деревней, какъ и слѣдовало ожидать, оказывается у рабочихъ костеобжигательныхъ заводовъ, гдѣ ѣздящіе лѣтомъ въ деревню составляютъ 34% всѣхъ рабочихъ. Въ половину ниже % ѣздящихъ въ деревню изъ рабочихъ резиновой мануфактуры—(17,5%) и еще меньше ѣздятъ въ деревню на работу рабочіе Калинкинскаго и Путиловскаго заводовъ—(15,4%).

Изъ всѣхъ рабочихъ мужчинъ ѣздятъ въ деревню 18%, причемъ въ это число вошли отчасти тѣ рабочіе, которые ѣздятъ въ деревню или на праздники, или просто «на побывку».

Тотъ фактъ, что подавляющее большинство рабочихъ порвало съ земледѣльческимъ хозяйствомъ, констатированъ еще г. Дементьевымъ въ его работѣ «Фабрика, что она беретъ у населенія и что ему даетъ». Полученныя нами данныя лишь подтверждаютъ выводъ, который сдѣланъ г. Дементьевымъ. Даже наши цифры относительнаго числа лицъ, связанныхъ съ земледѣльческимъ хозяйствомъ, довольно близки къ цифрамъ, полученнымъ Дементьевымъ.

Изъ приведенныхъ цифръ видно, что связь съ деревней у рабочихъ различныхъ предпріятій не одинакова, причемъ наблюдается, что чѣмъ бобѣе требуется въ предпріятіи сложнаго, требующаго обученія труда, тѣмъ меньшій процентъ рабочихъ ѣздитъ въ деревню.

Итакъ, болѣе чѣмъ $^4/_5$ всего рабочаго населенія на петербургскихъ фабрикахъ непосредственно порвали связь съ земледѣльческимъ хозяйствомъ, хотя не порвали связи съ деревней. Большинство изъ нихъ имѣетъ, какъ увидимъ, въ деревнѣ надѣлъ, но непосредственно прилагать свой трудъ въ земледѣліи они не могутъ.

Болѣе или менѣе прочную связь съ земледѣльческимъ хозяйствомъ можно еще допустить у тѣхъ 18% рабочихъ, которые ѣздятъ въ деревню. Но и эту цифру нужно считать нѣсколько преувеличенной, такъ какъ многіе ѣздятъ въ деревню на короткое время, на «побывку». Такъ, одна счетчица при болѣе подробномъ допросѣ выяснила, что изъ 111 челов. только трое ѣздятъ въ деревню на всѣ лѣтнія работы, а изъ остальныхъ нѣкоторые ѣздятъ въ деревню «на побывку». Другой счетчикъ при такомъ же допросѣ болѣе 200 человѣкъ не нашелъ среди опрошенныхъ ни одного ѣздящаго въ деревню на болѣе или менѣе продолжительный срокъ.

Между тѣмъ при незначительномъ процентѣ рабочихъ, ѣздящихъ въ деревню, связь рабочихъ съ деревней чрезвычайно сильна. Большинство рабочихъ посылаютъ деньги въ деревню и имѣютъ тамъ земельный надѣлъ. Такъ, изъ рабочихъ костеобжигательнаго завода посылаютъ деньги въ деревню 59,8%, а имѣютъ надѣлъ—77,8%; изъ рабочихъ резиновой мануфактуры—43,4% посылаютъ деньги и 62,7% имѣютъ надѣлъ. Соотвѣтствующія цифры изъ числа рабочихъ Калинкинскаго и Путиловскаго заводовъ 57,6% и 62%, а изъ всѣхъ рабочихъ 52% и 69,4%. Такого рода связь съ деревней, повидимому, чрезвычайно загадочна. Рабочіе, порвавши съ земледѣльческимъ хозяйствомъ непосредственно, не заглядывая въ де-

ревню, посылаютъ туда изъ года въ годъ деньги и имѣютъ надѣльную землю, которую сами не могутъ обрабатывать.

Изъ всѣхъ переписанныхъ рабочихъ почти треть (32,2%) живетъ уже въ Петербургѣ отъ 3 до 10 лѣтъ и другая треть (32,8%) живетъ больше 10 лѣтъ. Какой смыслъ людямъ, живущимъ безвыѣздно въ Петербургѣ, посылать деньги въ деревню? Почему при такомъ преобладаніи среди рабочихъ «землевладѣльцевъ-собственниковъ», имѣющихъ надѣлъ, большинство посылаютъ деньги въ деревню, а не обратно, не получаютъ денегъ отъ своей «собственности»?

Можно было бы предположить, что деньги посылаются рабочими въ деревню исключительно для поддержанія своей семьи, живущей въ деревнѣ, но и такое объясненіе, справедливое для части рабочихъ, тѣмъ не менѣе не можетъ объяснить всѣхъ случаевъ посылки денегъ въ деревню. Если даже допустить, что *всѣ* рабочіе, не имѣющіе семьи въ Петербургѣ, имѣютъ таковую въ деревнѣ, то и тогда въ нѣкоторыхъ группахъ рабочихъ число лицъ, посылающихъ деньги, больше числа лицъ, не живущихъ съ семьей въ Петербургѣ. Такъ, изъ одной группы рабочихъ резиновой мануфактуры въ 140 человѣкъ, живутъ съ семьей въ Петербургѣ 115 чел. и *не* имѣютъ семьи въ Петербургѣ 35 чел., между тѣмъ изъ этой группы посылаютъ деньги въ деревню 77 чел., а не посылаютъ только 73 чел. Итакъ, если допустить, что деньги посылаютъ въ деревню для поддержанія семьи, то зачѣмъ туда посылаютъ деньги тѣ 32 человѣка изъ 77, которые живутъ въ семьѣ? Да и трудно допустить, что всѣ, не живущіе съ семьей въ Петербургѣ, имѣютъ семью въ деревнѣ. Но даже и при такомъ допущеніи будетъ непонятной посылка денегъ въ деревню очень большой группой рабочихъ. Точно также изъ группы неграмотныхъ рабочихъ костеобжигательнаго завода посылаютъ деньги 56 человѣкъ, а живутъ безъ семьи 53 чел. рабочихъ.

Очевидно, часть рабочихъ посылаетъ деньги въ деревню, будучи связаны съ нею лишь юридически, очевидно, для многихъ рабочихъ обладаніе въ деревнѣ «недвижимой собственностью» ведетъ не къ полученію съ нея, а къ уплатѣ за нее «ренты».

Нѣкоторые экономисты склонны видѣть въ такой неестественной связи съ деревней и съ землей, такъ сказать, страхованіе на случай безработицы. Рабочій, дескать, имѣя землю и уплачивая за нее налоги, привязанный къ своей деревнѣ, выигрываетъ во время безработицы, когда можетъ заняться земледѣліемъ.

Можетъ быть, такого рода «страхованіе» и имѣетъ значеніе для нѣкоторой части рабочихъ; но какъ дорого обходится эта страховка для людей, порвавшихъ съ земледѣліемъ, страховка, понижающая удовлетвореніе и уровень потребностей бо́льшей половины рабочаго класса и дающая проблематическую возможность нѣсколькимъ семействамъ когда-нибудь заняться сельскимъ хозяйствомъ! Напримѣръ, рабочій въ теченіе 35 лѣтъ высылаетъ деньги въ деревню ежегодно по 23 руб., чтобы сохранить право на

надѣлъ! Разумѣется, клочекъ земли, ради котораго рабочій отказываетъ себѣ въ удовлетвореніи многихъ потребностей, и прежде всего культурныхъ потребностей, какъ менѣе настоятельныхъ,—этотъ клочекъ земли не стоитъ и десятой доли того, что за нее уплачено, уплачено такой дорогой цѣной. А такая уплата за «страхованіе» понижаетъ культурный уровень и уровень потребностей всего рабочаго класса. Высланныхъ денегъ упомянутымъ сейчасъ рабочимъ вполнѣ достаточно для того, чтобы получилась рента, обезпечивающая его на старость.

Еще примѣръ. Двѣ сестры дѣвушки, зарабатывая каждая по 18 р. въ мѣсяцъ, посылаютъ въ деревню 200 р. въ годъ, по 100 р. каждая. Посылая половину своей заработной платы въ деревню, онѣ принуждены спать на одной постели, питаться чернымъ хлѣбомъ съ селедкой, уплачивая рыботорговцу за право макать хлѣбъ въ селедочный разсолъ, чтобы дать какой-нибудь привкусъ сухому хлѣбу. Въ этомъ случаѣ пониженіе уровня потребностей обусловливается уже не насильственной связью съ деревней, а недостаточной доходностью земледѣльческаго хозяйства. Во всякомъ случаѣ чрезвычайно нелѣпо слѣдующее фактическое положеніе дѣла: $^2/_3$ рабочихъ живутъ въ Петербургѣ болѣе трехъ лѣтъ и не заглядываютъ въ деревню, болѣе $^2/_3$ рабочихъ имѣютъ надѣлъ, числятся землевладѣльцами и *считаются* обезпеченными землей, за каковое удовольствіе большая половина рабочихъ посылаетъ въ деревню деньги. Можно было бы найти болѣе цѣлесообразную форму страхованія отъ безработицы!

Женщины, юридически не связанныя, или, по крайней мѣрѣ, менѣе связанныя съ деревней, легче порываютъ съ нею. Изъ нихъ только 5,$_3$% ѣздятъ въ деревню и 16% посылаютъ деньги.

Вообще, по словамъ рабочихъ, деньги посылаются въ деревню съ различными цѣлями. Больше всѣхъ посылаютъ, разумѣется, тѣ, кто имѣетъ въ деревнѣ семью. Обыкновенно такіе рабочіе посылаютъ въ деревню 60—80 руб. и до 200 руб. въ годъ. Нѣкоторые посылаютъ деньги только въ уплату налоговъ, хотя земля у нихъ запущена. Мальчики, зарабатывающіе въ день по 40—50 к., посылаютъ въ годъ рублей 10—15, «чтобы отецъ не вытребовалъ въ деревню».

Изъ этихъ данныхъ о посылкѣ денегъ въ деревню получается чрезвычайно своеобразная картина обращенія части національнаго капитала. Значительная часть дохода изъ земледѣлія у крестьянъ отвлекается въ городъ въ видѣ прибыли и ренты землевладѣльцевъ, въ видѣ налоговъ и проч. Эта часть дохода болѣе чѣмъ удваивается городскими рабочими, причемъ нѣкоторую часть они получаютъ въ видѣ заработной платы и изъ нея огромную часть отсылаютъ въ деревню. Отсюда доходъ извлекается снова въ городъ и т. д. При такомъ круговращеніи капитала, конечно, очень немного остается для непосредственнаго потребленія непосредственными производителями и обращеніе капитала происходитъ, такъ сказать, въ пустую.

Чрезвычайно быстрый ростъ городовъ и въ особенности Петербурга указываетъ на то, что промышленное развитіе отвлекаетъ все новыя и новыя рабочія силы изъ деревни въ городъ. Процессъ образованія изъ земледѣльческаго деревенскаго населенія класса рабочихъ, спеціально занятыхъ фабричной работой, виденъ изъ относительнаго количества лицъ, имѣющихъ родителей *не* рабочихъ.

Изъ 708 человѣкъ рабочихъ, о которыхъ удалось сгруппировать данныя по вопросу о томъ, рабочіе ли у нихъ родители, только 18% показали, что имѣютъ родителей рабочихъ же. Слѣдовательно, подавляющее большинство, болѣе $^4/_5$ рабочихъ рекрутируется еще изъ земледѣльческаго населенія и только $^1/_5$ представляетъ рабочихъ во второмъ, третьемъ и т. д. поколѣніи.

Въ Московской губерніи, гдѣ промышленность развилась гораздо раньше, чѣмъ въ Петербургѣ, относительное число рабочихъ въ первомъ поколѣніи значительно меньше. По даннымъ г. Дементьева о рабочихъ Московской губерніи 55% рабочихъ имѣютъ родителями рабочихъ же.

На фабрикѣ Цинделя, основанной въ Москвѣ въ 1825 году, также 55,$_5$% рабочихъ, имѣющихъ родителями рабочихъ же. Такимъ образомъ, рабочіе Петербурга въ гораздо большемъ числѣ рекрутируются изъ земледѣльческаго населенія, чѣмъ рабочіе одной изъ старыхъ фабрикъ г. Москвы и чѣмъ на фабрикахъ Московской губерніи.

Несмотря на это связь съ земледѣльческимъ хозяйствомъ у петербургскихъ рабочихъ такъ же порвана, какъ и у рабочихъ Московской губерніи, потому что процентъ рабочихъ, уѣзжающихъ на лѣтнія работы, одинаковъ и на петербургскихъ, и на московскихъ фабрикахъ.

Оторванный отъ деревни фактически и привязанный къ ней юридически, рабочій не много получаетъ отъ города и чрезвычайно много отдаетъ и городу, и деревнѣ. Въ городѣ на фабрикѣ онъ разстраиваетъ свое здоровье, а отсылка денегъ въ деревню еще болѣе ухудшаетъ его положеніе.

При незначительномъ процентѣ ѣздящихъ въ деревню неблагопріятныя условія жизни въ Петербургѣ на фабрикѣ губительно дѣйствуютъ на здоровье, въ особенности молодого рабочаго поколѣнія.

Работающіе нѣсколько лѣтъ на бумагопрядильняхъ говорятъ, что если бы не ѣздить въ деревню, то недолго можно было бы прожить при такой работѣ. По отзывамъ всѣхъ счетчиковъ, рабочіе 18—19-ти лѣтъ выглядятъ 13-тилѣтними дѣтьми, худыми и блѣдными. Нужно, впрочемъ, замѣтить, что часть дѣтей въ обходъ фабричнаго закона увеличиваетъ свой возрастъ на нѣсколько лѣтъ,—что всегда возможно, если нѣсколькими гривенниками пріобрѣсти благосклонность волостного писаря, выдающаго паспортъ.

Во всякомъ случаѣ, при настоящихъ условіяхъ, деревня, вытягивая изъ рабочаго населенія значительную часть заработка, для большинства вовсе не служитъ мѣстомъ отдохновенія на лонѣ природы отъ душнаго города и отъ надрывающей силы работы. Понижая уровень потребностей

рабочихъ, не имѣющихъ въ деревнѣ хозяйства и посылающихъ туда деньги, она взамѣнъ ничего не даетъ, кромѣ... паспорта.

Въ заключеніе укажемъ на одну очень характерную бытовую черту изъ жизни рабочаго населенія города, кажется, совершенно не затронутую нигдѣ статистическимъ изслѣдованіемъ: на распространенность въ рабочей средѣ внѣбрачнаго сожительства.

Оторванные отъ деревенскаго уклада жизни, рабочіе въ городѣ устраиваются по новому. Весь строй жизни здѣсь иной и то, что въ деревнѣ было необходимо и освящено обычаемъ, въ городѣ и не такъ обычно, и, кажется, не такъ необходимо. Поэтому часто рабочіе и работницы здѣсь уклоняются отъ вѣнчанія. На обрядъ вѣнчанія требуется довольно большой расходъ, да и значеніе церковнаго брака, повидимому, въ городской рабочей средѣ не такъ высоко ставится, какъ въ деревнѣ. Поэтому, а отчасти и по другимъ болѣе глубокимъ соціальнымъ причинамъ счетчикамъ приходилось наталкиваться на довольно частые случаи внѣбрачнаго сожительства. Обыкновенно рабочіе въ такихъ случаяхъ на вопросъ: вѣнчались ли, отвѣчаютъ: «Не вѣнчались, живемъ такъ,—помоливши сь». Изъ зарегистрированныхъ семейныхъ мужчинъ и женщинъ по вопросу: «вѣнчались ли въ церкви»—9% мужчинъ и 9% женщинъ оказались живущими внѣ брака. Нужно предположить, что % женщинъ, имѣющихъ дѣтей внѣ церковнаго брака значительно больше, чѣмъ зарегистрировано, потому что женщины заявляли себя живущими въ брачномъ союзѣ только тогда, когда съ ними живетъ и мужъ. Поэтому, вѣроятно, и оказался одинаковый процентъ мужчинъ и женщинъ, живущихъ въ гражданскомъ бракѣ. По крайней мѣрѣ одна изъ счетчицъ сообщаетъ, что «кромѣ тѣхъ случаевъ, когда женщины сами говорятъ, что живутъ внѣ брака, очень многія работницы имѣютъ незаконнорожденныхъ дѣтей. Помогаетъ ли имъ кто-нибудь,—выяснить трудно, но какъ и чѣмъ онѣ живутъ, я прямо не могла понять. Напримѣръ, у работницы четверо дѣтей; зарабатываетъ она 60 коп. въ день. Всѣ пятеро *живутъ* на одной койкѣ. Старшая дѣвочка смотритъ за остальными: ей 8 лѣтъ. Умѣетъ читать и писать; выучилась въ воскресной школѣ (имѣя въ такомъ возрастѣ на рукахъ троихъ дѣтей)! Съ однимъ ребенкомъ живутъ нѣсколько лучше. Въ деревню отдаютъ дѣтей только тогда, когда совсѣмъ нечѣмъ кормить». Эта, нарисованная нѣсколькими штрихами картинка, достаточно характеризуетъ положеніе работницы-матери...

М. и О.

Памяти Роленъ-Жекмена.

9 января (н. ст.) текущаго года смерть пресѣкла дни Роленъ-Жекмена, одного изъ примѣчательныхъ общественныхъ дѣятелей и ученыхъ юристовъ Бельгіи. Особенно много и съ успѣхомъ потрудился онъ для международнаго права, занявъ въ этой области одно изъ самыхъ выдающихся мѣстъ среди интернаціоналистовъ XIX вѣка, наиболѣе отмѣченныхъ своими дарованіями и трудами. Память о немъ заслуживаетъ поэтому самое большое къ себѣ уваженіе и любовь.

I.

Густавъ Роленъ-Жекменъ родился 31 января 1835 г. въ Гентѣ; уже въ 1857 г. онъ удостоенъ степени доктора политическихъ и административныхъ наукъ. Хотя онъ не былъ профессіональнымъ ученымъ, но уже рано выступилъ съ серьезными трудами, посвященными вопросамъ государственной жизни его отечества. Таковыми были сочиненія его: о современномъ положеніи политическихъ партій въ Бельгіи [1]); объ избирательной реформѣ и способахъ наилучшаго обезпеченія въ странахъ съ представительнымъ правленіемъ свободы выборовъ и искренности подаваемыхъ голосовъ [2]); изслѣдованіе о бельгійской конституціи [3]). Послѣднее сочиненіе вышло въ формѣ лекцій на фламандскомъ языкѣ.

По природѣ живой и общительный, Густавъ Роленъ посвятилъ себя общественной жизни и публицистикѣ, но рядомъ съ этимъ онъ пріобрѣлъ солидныя знанія по правовѣдѣнію вообще и по международному праву въ частности. Это и дало ему возможность проявить впослѣдствіи столь разностороннюю и плодотворную дѣятельность далеко за предѣлы своей маленькой родины. Сначала мы видимъ его адвокатомъ въ Гентѣ. Но уже тутъ онъ съ блестящимъ успѣхомъ обращается къ публицистикѣ и съ нѣкоторыми товарищами основываетъ тотъ журналъ, о которомъ мы гово-

---

[1]) Des partis et de leur situation actuelle en Belgique. 1865.

[2]) De la réforme électorale. 1865.

[3]) Voordrachten over de grondwet. 1867. 2-е изд. въ 2 т. 1871—72.

римъ ниже и который быстро сдѣлалъ его имя извѣстнымъ во всемъ ученомъ мірѣ. Появленіе этого журнала въ 1869 г. подъ его главнымъ редакторствомъ ознаменовало періодъ новаго оживленія и расширенія науки международнаго права. Въ этомъ отношеніи труды Ролена могутъ быть поставлены на-ряду съ заслугами такихъ великихъ его современниковъ, какъ Блюнчли и Лоранъ.

Изданіе журнала поставило его въ связь съ большинствомъ извѣстныхъ интернаціоналистовъ и дало ему возможность еще болѣе расширить свою научную и практическую дѣятельность на почвѣ международнаго права основаніемъ института для этой отрасли права въ 1873 г. Въ судьбахъ его и занятіяхъ онъ принималъ въ теченіе многихъ лѣтъ самое дѣятельное участіе.

Упрочивъ за собою литературное имя, Ролепъ - Жекменъ переходитъ позднѣе къ активной политической жизни. Въ 1878 году онъ становится членомъ нижней палаты (до 1886 г.) и вслѣдъ за тѣмъ (съ іюня того же года) получаетъ въ составившемся тогда либеральномъ кабинетѣ портфель министра внутреннихъ дѣлъ. Этотъ постъ онъ занималъ по іюнь 1884 г. По сложеніи его съ себя онъ снова на нѣсколько лѣтъ возвращается съ прежнею неослабною энергіею къ своимъ любимымъ публицистическимъ и научнымъ трудамъ. Къ сожалѣнію, обстоятельства заставили его опять ихъ покинуть и принять на себя хотя высокій, но своеобразный постъ министра иностранныхъ дѣлъ сіамскаго короля и главнаго совѣтника при его правительствѣ (съ 1892 г.) [1]. Это заставило его переселиться въ далекій Бангкокъ. Помимо внѣшнихъ соображеній, можно думать, имъ руководило при этомъ болѣе высокая культурная цѣль: содѣйствовать бо́льшему сближенію съ Европою и внутреннему развитію этой страны Дальняго Востока, пока независимой, но сильно тѣснимой съ разныхъ сторонъ Англіею и Франціею. Столь широкая дѣятельность Ролена нашла себѣ и въ ученомъ мірѣ разныхъ странъ должную оцѣнку, онъ состоялъ членомъ: бельгійской академіи, юридической академіи въ Мадридѣ, канадскаго института, общества сравнительнаго правовѣдѣнія въ Парижѣ, почетнымъ докторомъ правъ (Doctor of Laws, honoris causa) университетовъ эдинбургскаго (съ 1878 г.), оксфордскаго (съ 1880 года одновременно съ Блюнчли) и кембриджскаго и т. д. Въ 1884 г. Роленъ удостоенъ отъ брюссельскаго университета званія почетнаго профессора, въ 1892 г. онъ избранъ въ почетные президенты института международнаго права и недавно занесенъ бельгійскимъ правительствомъ въ списокъ членовъ постояннаго третейскаго суда въ Гаагѣ. Это было для него послѣднимъ и высшимъ, вполнѣ имъ заслуженнымъ отличіемъ.

II.

Собственно активному служенію международному праву (въ литературѣ)

---

[1]) General adviser to the siamese Government.

Роленъ-Жекменъ посвятилъ 17 лѣтъ [1]), но и за этотъ, сравнительно небольшой періодъ, онъ успѣлъ совершить два крупныхъ дѣла и придалъ нашей наукѣ новое жизненное направленіе, нашедшее затѣмъ много послѣдователей. Онъ основалъ лучшій международный журналъ: *Revue de droit international et de législation comparée* (въ 1869 г.), выходящій и понынѣ въ Бельгіи [2]) и содѣйствовалъ болѣе всѣхъ учрежденію (въ 1873 г.) института международнаго права. Въ области же науки онъ заслуживаетъ болѣе всего вниманія тѣмъ, что примѣнилъ съ большимъ искусствомъ международное право, какъ живое и развивающееся начало, къ событіямъ современной политической жизни народовъ.

«Обозрѣніе международнаго права» Роленъ первоначально основалъ при помощи двухъ ближайшихъ своихъ товарищей (здравствующихъ и понынѣ): голландца Ассера и англичанина Уестлека, но вскорѣ онъ сумѣлъ привлечь къ нему много прекрасныхъ и серьезныхъ помощниковъ едва-ль не изъ всѣхъ странъ Европы. Самъ онъ принималъ въ немъ самое широкое и дѣятельное участіе. Журналу этому, какъ говоритъ о томъ написанная имъ программа [3]), была поставлена двоякая цѣль: разработка международнаго права и сравнительнаго законодательства, конечно, современныхъ. Этимъ, съ одной стороны, международное право ставилось на реальную почву, съ другой—вскрывалась связь и взаимодѣйствіе между національными законодательствами и прокладывался путь къ ихъ сближенію и лучшему пониманію въ будущемъ. Роленъ стоялъ во главѣ этого изданія два раза: въ 1869—78 и въ 1887—92 гг. и оба раза, благодаря, очевидно, его усиліямъ и направленію, журналъ являлся лучшимъ органомъ международнаго права какъ въ теоретическомъ, такъ и въ практическомъ отношеніяхъ. Главныя его достоинства были: полная независимость научной мысли, политическое безпристрастіе, богатое разнообразное содержаніе, всегда приспособленное къ запросамъ и потребностямъ нашего времени, наконецъ, рѣдкое соединеніе научности и доступности изложенія. Роленъ понималъ международное право не въ узкомъ формальномъ смыслѣ тѣхъ юристовъ, которые сводятъ его содержаніе къ передачѣ лишь трактатовъ, дипломатическихъ нотъ, разныхъ «инцидентовъ» и т. п. Онъ смотрѣлъ на свой предметъ гораздо шире и вѣрнѣе: онъ признавалъ въ немъ продуктъ самой жизни современныхъ культурныхъ народовъ, который поэтому и способенъ регулировать и улучшать эту жизнь, направляя народы все съ возрастающей силой къ бо̀льшимъ солидарности, справедливости и миру [4]).

---

[1]) Съ 1869 г. по 1892 г., но за вычетомъ 6 лѣтъ, проведенныхъ имъ въ санѣ министра. Съ 1892 года по переселеніи въ Сіамъ его научная дѣятельность прекратилась.

[2]) Подъ редакціею его сына Эдуарда Ролена, съ 1 іюля 1892 г.

[3]) De l'étude de la législation comparée et du droit international (*Revue,* 1869, p. 1; 225, sv.).

[4]) Оба раза по выходѣ Роленъ-Жекмена изъ редакціи журналъ обращался при Ривье и теперешнемъ его редакторѣ въ безсвязный сборникъ дѣльныхъ, но сухихъ и скучныхъ статей, большею частію далекихъ отъ современности.

Въ *Обозрѣніи* Роленъ завѣдывалъ двумя отдѣлами: хроникою текущихъ событій и литературною лѣтописью. Послѣднюю онъ велъ, при всей краткости, очень интересно и разнообразно, не ограничивая ее какою-либо одною отраслью права или опредѣленною національностію, чему помогало его знакомство со многими языками [1]).

Внѣ этихъ отдѣловъ Роленъ посвящалъ перо свое рѣдко другимъ вопросамъ, но когда брался за нихъ, дѣлалъ это съ обычнымъ умѣньемъ. Назовемъ здѣсь, наприм., его свободный и сокращенный пересказъ сочиненія Блюнчли о правѣ добычи [2]), прекрасный разборъ сочиненія Лоримера: «Элементы международнаго права» [3]), некрологи нѣкоторыхъ интернаціоналистовъ и особенно Блюнчли [4]), о значеніи политическихъ союзовъ въ международномъ правѣ по поводу вѣнскаго договора 1879 г., послужившаго исходнымъ пунктомъ для позднѣйшаго тройственнаго союза [5]), о дипломатическихъ сношеніяхъ Германіи съ Россіею, статья вызванная появленіемъ соотвѣтствующихъ томовъ извѣстнаго изданія Мартенса: «Собраніе трактатовъ Россіи» (именно т. V—VIII) и, къ сожалѣнію, оставшаяся неоконченною [6]); о берлинской конференціи (1890 г.) по рабочему вопросу и о соціализмѣ на почвѣ международнаго права [7]); о стремленіяхъ къ федерализму въ британской имперіи [8]); послѣдняя изъ его статей въ *Revue*.

Но и эти работы, по содержанію болѣе теоретическія, нежели его хроники, были вызваны также извѣстными крупными современными событіями въ международной жизни и касаются важныхъ ея сторонъ.

Изданіе *Обозрѣнія* подготовило Ролена къ другому еще болѣе примѣчательному дѣлу—къ учрежденію института международнаго права.

III.

Мысль о такомъ научномъ, но вполнѣ частномъ и независимомъ обществѣ для международнаго права приходила до этого въ голову нѣкоторымъ ученымъ, но великая заслуга Ролена состоитъ въ томъ, что онъ первый

---

1) Отмѣтимъ тутъ, наприм., его обзоры юридической литературы Испаніи. *Revue*, 1876, p. 150—164; 1877, p. 423—451; 1887, p. 589—428, 609—632.

2) Du droit de butin en général et spécialement du droit de prise maritime. *Revue*, 1877, p. 508—557; 1878, 60—82.

3) Les principes philosophiques du droit international. Examen critique du système de M. I. Lorimer. *Revue*, 1885, p. 517—538; 1886, p. 49—82.

4) Annuaire de l'Institut. T. VI, p. 61—68.

5) Les alliances européennes au point de vue du droit international. *Revue*, 1888, p. 5—35.

6) Essai sur les relations diplomatiques entre l'Allemagne et la Russie à propos des publications de M. de Martens. *Revue*, 1889, p. 436—463.

7) La conférence de Berlin sur la législation du travail et le socialisme dans le droit international. *Revue*, 1890, p. 5—27.

8) Le mouvement vers une constitution fédérale de l'empire Britanique envisagée spécialement au point de vue international. *Revue*, 1892, p. 113—146.

осуществилъ ее на практикѣ и далъ ей должную организацію и дальнѣйшее развитіе въ первые самые трудные годы существованія института. Удалось это ему только благодаря его организаторскимъ способностямъ и обширнымъ личнымъ связямъ въ ученомъ мірѣ.

Циркулярное обращеніе его къ нѣкоторымъ единомышленникамъ въ мартѣ 1873 г. съ приглашеніемъ обсудить учрежденіе предполагавшагося общества является исходнымъ моментомъ возникновенія института. Въ Гентѣ, гдѣ жилъ тогда Роленъ, состоялась осенью того же года предварительная конференція (8—10 сент.) изъ 11 извѣстныхъ интернаціоналистовъ [1]) выработавшая уставъ и намѣтившая дѣятельность института [2]). Роленъ, прекрасно объяснившій не задолго до этого цѣль и характеръ затѣваемой имъ съ товарищами «академіи международнаго права» [3]), занялъ въ ней самое трудное и требовавшее болѣе всего работы мѣсто генеральнаго секретаря. Въ этомъ качествѣ онъ подготовлялъ все нужное къ съѣздамъ института, велъ обширную его переписку, писалъ о немъ статьи и отчеты и издалъ два первые тома спеціальнаго органа «Ежегодника» [4]). По первоначальной его программѣ «Ежегодникъ» долженъ былъ содержать въ себѣ не одни свѣдѣнія, какъ впослѣдствіи, о лицахъ и трудахъ института, а давать еще: обзоры главныхъ событій текущаго года въ международной и національной жизни, литературы предмета, положенія его преподаванія въ различныхъ странахъ, наконецъ, самые тексты главнѣйшихъ международныхъ договоровъ и актовъ. Присутствуя на первыхъ съѣздахъ института, которые почти ежегодно собирались осенью, Роленъ представлялъ свои, обыкновенно мастерски составленные, годовые отчеты о дѣятельности этого любимаго имъ созданія [5]). Въ самомъ же началѣ онъ былъ, кромѣ того, членомъ коммиссіи по изученію обычаевъ и законовъ войны и брюссельской декларації 1874 г. въ частности, что дало ему поводъ написать по этому предмету сводный и весьма интересный отчетъ [6]). Во время русско-турецкой войны онъ выработалъ вмѣстѣ съ Муанье, одобренный институтомъ, текстъ обращенія къ государствамъ въ видахъ рекомендованія имъ болѣе строгаго урегулированія права войны [7]).

Роленъ стоялъ во главѣ института въ качествѣ генеральнаго секретаря въ тѣ же годы, въ какіе онъ руководилъ *Обозрѣніемъ*, въ 1873—78 и 1887—92. Но въ этотъ промежутокъ времени онъ былъ избираемъ два

---

[1]) Роленъ-Жекменъ, Блюнчли, Муанье, Кальво, Лоримеръ, Фильдъ, Ассеръ, Манчини, Пьерантони, Лавѣле и Безобразовъ. Изъ нихъ въ живыхъ остаются: Муанье, Кальво, Ассеръ и Пьерантони.

[2]) Подробности объ этомъ въ *Revue*, 1873, p. 529, 667—712.

[3]) De la nécessité d'organiser une institution scientifique permanente pour favoriser l'étude et les progrés du droit international. *Revue*, 1873, p. 463—491.

[4]) Annuaire de l'Institut de droit international. T. I, 1877. T. II, 1878.

[5]) Сперва въ его *Revue*, а потомъ въ *Annuaire*.

[6]) *Revue*, 1875, p. 447—511.

[7]) Observations et veux délibérés par l'Institut de droit international en séance du 12 septembre 1877. *Revue*, 1877, p. 314—317.

раза въ президенты института, когда послѣдній засѣдалъ въ Брюсселѣ, въ 1879 и 1885 гг. Нельзя при этомъ не отмѣтить факта, достойнаго уваженія: выйдя изъ министровъ и бывъ два раза президентомъ института, Роленъ не поколебался принять на себя вторично въ 1887 г. должность болѣе скромную и столь хлопотливую генеральнаго секретаря, которую онъ же прославилъ ранѣе въ теченіе пяти лѣтъ! Свою связь съ институтомъ Роленъ не покидалъ до конца своей жизни. Онъ являлся на его съѣзды, участвовалъ въ преніяхъ, состоялъ членомъ многихъ коммиссій и представлялъ даже доклады [1]). Особенно высокаго значенія было его предложеніе институту на гейдельбергскомъ съѣздѣ (1887 г.) заняться вопросомъ о томъ: «возможно ли съ точки зрѣнія международнаго права и въ какихъ границахъ ограниченіе путемъ договора для европейскихъ государствъ ихъ военныхъ силъ и бюджетовъ». Мысль для того времени новая и смѣлая, но авторъ сумѣлъ ее хорошо мотивировать и поставить на юридическую почву [2]). Къ сожалѣнію, институтъ побоялся пойти за нимъ на этотъ путь, и гаагская конференція 1899 г. осталась такимъ образомъ безъ лучшихъ, подготовительныхъ къ ней работъ. Роленъ владѣлъ словомъ такъ же искусно, какъ и перомъ. Всегда ясное, серьезное и сжатое слово его было убѣдительно внутреннею силою и согрѣто горячностію благороднаго убѣжденія.

Послѣдній очеркъ его, посвященный институту, имѣлъ своимъ предметомъ гамбургскій съѣздъ [3]), а послѣдній докладъ за предшествующій годъ, присланный женевскому съѣзду, онъ писалъ уже на кораблѣ, отвозившемъ его на Дальній Востокъ [4]). На этомъ съѣздѣ (1892 г.), по предложенію Фіоре, Роленъ-Жекменъ былъ первый удостоенъ отъ своихъ товарищей высшаго отличія — избранія въ пожизненные почетные президенты. При этомъ ему посланъ адресъ, въ которомъ, между прочимъ, говорится: «Въ теченіе двадцати лѣтъ, какъ генеральный секретарь и какъ президентъ, вы были нашимъ руководителемъ, вѣрнымъ, авторитетнымъ и любимымъ. Если институтъ, главнымъ основателемъ котораго были вы, могъ сдѣлать какое-либо добро въ мірѣ, то этимъ онъ болѣе всего обязанъ вашимъ неутомимымъ усиліямъ». Указывая затѣмъ на его единогласное избраніе, адресъ продолжаетъ: «мы надѣемся, что вы въ этомъ увидите новую связь между вами и обществомъ, всѣ члены котораго вамъ преданы отъ глубины сердецъ» [5]).

Роленъ не переставалъ присутствовать даже на послѣднихъ съѣздахъ: въ Кембриджѣ (1895 г.), Гаагѣ (1898 г.) и Невшателѣ (1900 г.) [6]). Только

---

[1]) На лозаннскомъ съѣздѣ (1888 г.) объ изгнаніи иностранцевъ (*Annuaire*, X, p. 229—237); на гамбургскомъ (1891 г.) избранъ въ докладчики одной коммиссіи и т. д.

[2]) *Annuaire*, IX, p. 337—356 (La limitation conventionnelle des dépenses et des effectifs militaires). Также въ *Revue* за 1887 г.

[3]) *Revue*, 1891, p. 393—424, 497—534.

[4]) *Annuaire*, XII, p. 49—68.

[5]) *Annuaire*. Ibid., p. 19, 70—71.

[6]) Въ 1901 году съѣзда не было.

онъ не былъ на съѣздѣ въ Венеціи (1896 г.), но прислалъ ему изъ Сіама письмо, въ которомъ высказываетъ свою горячую вѣру въ будущность института, который, «вопреки слѣпой борьбѣ интересовъ и падменному скептицизму близорукой политики, стремится къ осуществленію справедливости въ международныхъ отношеніяхъ» [1]).

IV

Главнымъ научнымъ вкладомъ занимающаго насъ писателя являются его превосходныя международныя хроники. Въ нихъ проявляется его оригинальность, глубокое знаніе международнаго права и тонкое пониманіе современной политической жизни. Полныя остроумія и наблюдательности, написанныя прекраснымъ языкомъ, онѣ читаются съ живымъ интересомъ. Не менѣе выступаютъ ихъ внутреннія достоинства: безпристрастіе, научность, сказывающіяся въ стремленіи открыть или подкрѣпить истину и ввести ее въ сознаніе возможно широкихъ общественныхъ слоевъ. Отсюда доступность въ изложеніи при всемъ серьезномъ содержаніи. Съ легкой руки Ролена такія хроники стали вестись и въ другихъ серьезныхъ юридическихъ изданіяхъ. Лѣтопись, о которой мы говоримъ, представляетъ двоякій высокій интересъ: это картины современныхъ политическихъ событій, такъ часто нами недостаточно знаемыхъ, либо изображаемыхъ намъ односторонне въ опредѣленной политической окраскѣ; съ другой стороны, это этюды по разнымъ и основнымъ вопросамъ международнаго права, большею частію еще спорнымъ, недостаточно выясненнымъ, причемъ авторъ старается отыскать между жизнію и теоріею соглашеніе. Въ основаніе своихъ работъ онъ кладетъ всегда тщательное изученіе дипломатическихъ и политическихъ документовъ, а равно провѣрку фактической стороны дѣла.

Назовемъ хотя главныя работы его въ указанномъ направленіи [2]): столкновеніе между Греціею и Турціею по поводу возстанія Крита и парижская конференція 1869 г. [3]), обстоятельные этюды о франко-германской войнѣ 1870—71 г. [4]) съ отвѣтомъ на нѣкоторыя возраженія французскихъ публицистовъ [5]), объ Алабамскомъ спорѣ между Англіею и Соединенными Штатами [6]), о брюссельской конференціи 1874 г. относительно

---

[1]) *Annuaire*, XV, p. 315—317. Роленъ не былъ еще на съѣздѣ въ Копенгагенѣ (1897 г.).

[2]) Мы упоминаемъ главные лишь пункты въ хроникахъ, часто касающихся и другихъ различныхъ вопросовъ, но безъ детальной ихъ разработки.

[3]) *Revue*, 1869, p. 428.

[4]) La guerre, actuelle (*Revue*, 1870, p. 643). Essai complémentaire sur la guerre franco-allemande dans ses rapports avec le droit international (*Revue*, 1871, p. 288).

[5]) De la manière d'apprécier, au point de vue du droit international, les faits de la dernière guerre (*Revue*, 1872, p. 481).

[6]) Rejet par le Sénat Americain du traité Clarendon-Johnson pour le règlement des réclamations Anglo-Americaines (*Revue*, 1869, p. 449); *Revue*, 1870, p. 142. De la neutralité de la Grande-Bretagne pendant la guerre civile américaine d'après Mon-

кодификаціи обычаевъ и законовъ войны [1]), многочисленныя и весьма интересныя работы о восточномъ вопросѣ и о положеніи Турціи съ историческимъ введеніемъ и очеркомъ различныхъ сторонъ этой проблемы, по мѣрѣ того, какъ сама жизнь выдвигала на первый планъ то ту, то другую ея сторону [2]), о колоніальной политикѣ державъ въ Африкѣ [3]). Въ 90-ые годы Роленъ сталъ помѣщать въ *Обозрѣніи* краткіе очерки международныхъ съѣздовъ и, въ частности, третейскихъ рѣшеній [4]), чутко въ этомъ отношеніи, какъ и всегда, слѣдя за движеніями общественной мысли и жизни.

Нѣкоторыя изъ этихъ хроникъ вышли отдѣльными брошюрами, но желательно было бы всѣ ихъ соединить и вновь переиздать въ хронологическомъ и систематическомъ порядкѣ, какъ и вообще всѣ другіе труды автора, столь живые, разнообразные и имъ самимъ никогда особо не напечатанные.

Въ связи съ перечисленными нами очерками стоятъ и нѣкоторыя рѣчи Ролена, произнесенныя имъ въ обществѣ адвокатовъ [5]), въ бельгійской академіи [6]), въ палатѣ представителей [7]) и т. д.

V.

Роленъ-Жекменъ заслуживаетъ нашу благодарность не только своими вкладами въ науку, но и въ особенности какъ общественный дѣятель: плодотворна и поучительна въ этомъ отношеніи его жизнь! Онъ не только создалъ и въ теченіе многихъ лѣтъ руководилъ и воодушевлялъ такія учрежденія, какъ журналъ и институтъ, но и благодаря имъ и при помощи своихъ выдающихся способностей, открылъ возможность людямъ различныхъ національностей и направленій встрѣчаться на нейтральной почвѣ

---

tague Bernard (*Revue,* 1871, p. 113). Quelques mots sur la phase nouvelle du différend Anglo-Américain (*Revue,* 1872, p. 127). Les trois règles de Washington (*Revue,* 1874, p. 561). *Revue,* 1875, p. 72.

[1]) *Revue,* 1875, p. 87.

[2]) Le droit international et la phase actuelle de la question d'Orient (событія, предшествующія русско-турецкой войнѣ 1877—78 г. *Revue,* 1876, p. 293, 511); очеркъ самой этой войны (*Revue,* 1876, p. 5); восточный вопросъ въ 1885—86 г. (*Revue,* 1886, p. 378); русская политика въ Болгаріи (*Revue,* 1887, p. 50, 82, 202); уничтоженіе порто-франко въ Батумѣ (Ibid., p. 37); Арменія, армяне и трактаты (къ сожалѣнію, не окончено. Ibid., p. 281; 1889, p. 291). Послѣдняя статья переведена на нашъ языкъ въ сборникѣ: „Положеніе армянъ въ Турціи до вмѣшательства державъ въ 1895 г.“ (2-е изд. въ 1896 г.).

[3]) *Revue,* 1889, p. 167; 1891, p. 560; 1892, p. 206.

[4]) Chronique des conférences juridiques internationales en 1889 (*Revue,* 1890, p. 83, 903. Chronique des arbitrages internationaux (*Revue,* 1891, p. 76).

[5]) De l'étude et du développement de la science du droit international. 1875.

[6]) Du rôle et de la mission des nations neutres ou secondaires dans le développement du droit international. 1875.

De l'arbitrage comme moyen d'accomoder des différends entre nations. 1883.

[7]) Rétablissement des relations diplomatiques entre la Belgique et le Vatican. 1884.

науки, постоянно обмѣниваться своими мыслями и, въ результатѣ дружно работать надъ дорогою для нихъ всѣхъ областью знанія—надъ международнымъ правомъ. Этимъ достигался другой, не менѣе цѣнный результатъ—небывалое до сихъ поръ распространеніе началъ этой науки въ широкіе общественные круги и усиленіе въ нихъ интереса къ этой области знанія. Нужно ли говорить о значеніи такого явленія? Международное право въ наши дни, болѣе чѣмъ когда-либо прежде, не можетъ довольствоваться одною дѣятельностію правительствъ и признавать своими единственными органами лишь дипломатовъ, съ ихъ быстро старѣющими традиціями и рутиною; оно, какъ наука общественная, нуждается въ поддержкѣ и содѣйствіи со стороны всѣхъ лучшихъ силъ общества, а для этого должно быть широко распространено въ образованныхъ слояхъ населенія. Роленъ-Жекменъ это понялъ и своими работами открылъ международному праву широкія перспективы.

Главныя воодушевлявшія его идеи были: свобода, справедливость и миръ въ примѣненіи ихъ къ внутренней и внѣшней жизни народовъ. Но неустанно работая надъ такою общечеловѣческою дисциплиною, какою является международное право по преимуществу, Роленъ-Жекменъ никогда не переставалъ любить свою родину и свою семью и трудиться для нихъ. Эта черта его—сочетаніе интернаціонализма съ патріотизмомъ—подчеркивается, между прочимъ, въ надгробномъ словѣ, сказанномъ отъ имени института международнаго права нынѣшимъ генеральнымъ секретаремъ его, Деканъ.

Бельгія можетъ гордиться, что въ теченіе перваго вѣка ея самостоятельной и политической жизни она выставила двухъ такихъ великихъ и славныхъ писателей и юристовъ, какими являются Лоранъ и Роленъ-Жекменъ.

Гр. Л. Камаровскій.

Н. В. Гоголь и его письма *).

Письма больше, чѣмъ воспоминанья; на нихъ запеклась кровь событій—это само прошедшее, какъ оно было, задержанное и нетлѣнное.

Герценъ.

По мнѣ, въ предметахъ чтенія нѣтъ ничего болѣе занимательнаго, болѣе умилительнаго — чтенія писемъ, сохранившихся послѣ людей, имѣющихъ право на уваженіе и сочувствіе наше. Самыя полныя, самыя искреннія записки не имѣютъ въ себѣ того выраженія истинной жизни, какимъ дышатъ и трепещутъ письма, написанныя болѣе, чѣмъ торопливою и разсѣянною, но всегда, по крайней мѣрѣ на ту минуту, проговаривающейся рукою... Записки всетаки не что иное, какъ обдуманное возсозданіе жизни. Письма—это самая жизнь, которую захватываешь по горячимъ слѣдамъ ея. Какъ семейный и домашній бытъ древняго міра, внезапно остывшій въ лавѣ, отыскивается цѣликомъ подъ развалинами Помпеи, такъ и здѣсь жизнь нетронутая и нетлѣнная, такъ сказать, еще теплится въ остывшихъ чернилахъ. Но при этой сладости и свѣжести впечатлѣнія есть и глубокая грусть, которая освѣщаетъ это впечатлѣніе и тѣмъ придаетъ ему невыразимую прелесть. Тутъ предъ вами жизнь, но вмѣстѣ съ нею и осязательное свидѣтельство ея безнадежности, ея несостоятельности. Всѣ эти заботы, радости, скорби, эти мимоходныя исповѣди, надежды, сожалѣнія; всѣ эти едва уловимые оттѣнки имѣли такую полную дѣйствительность: все это, и самыя лица, запечатлѣвшія ихъ, за скрѣпою руки и души своей,— все это давно увлечено потокомъ времени, все это сдано въ архивъ давно минувшихъ дѣлъ, или вовсе предано забвенію и въ жертву настоящему...

Кн. П. А. Вяземскій.

I.

20-е и 30-е годы XIX в.—эпоха самобытнаго русскаго романтизма, который не былъ уже «всеповторяющимъ эхомъ чужой тоски, чужого смѣха», а результатомъ всѣхъ общественныхъ условій, созданныхъ реак-

*) „Письма Н. В. Гоголя". Редакція В. И. Шенрока. Изданіе Маркса. Т. I—IV. Спб., 1902 г.

ціей второй половины царствованія императора Александра I и трагедіей 14 декабря 1825 г.

Развязка декабрьскаго возстанія была крупной катастрофой для нашей малочисленной, въ особенности въ тѣ времена, интеллигенціи. Общественная инціатива только что была разбужена передъ тѣмъ и теперь, почти ничего не добившись, уходитъ глубоко внутрь; общество сильно запугано и въ своихъ верхнихъ слояхъ крайне деморализовано; общественное движеніе «дней Александровыхъ прекраснаго начала» почти замираетъ или болѣзненно перерождается; кропотливая внутренняя работа поглощаетъ наиболѣе отзывчивыя и талантливыя индивидуальныя силы, которыя цѣликомъ уходятъ въ эстетическіе, отвлеченно-философскіе и археологическіе интересы; общественная самодѣятельность подавлена реакціей и все болѣе и болѣе забирающимъ власть бюрократизмомъ.

«Міровоззрѣнія», какъ я указывалъ въ другомъ мѣстѣ *) «слагаются вдали отъ дневного свѣта и свѣтлаго вѣянія жизни, сама жизнь постепенно блекнетъ и тускнѣетъ, въ общественныхъ потемкахъ развивается болѣзненная нервозность, нарождаются «самоѣды»-Гамлеты Щигровскаго и иныхъ уѣздовъ,—съ усиленіемъ анализа падаютъ воля, свѣжесть и непосредственность чувства. У Чацкаго «умъ съ сердцемъ не въ ладу»; рѣзкій разладъ между идеаломъ и дѣйствительностью губитъ героевъ «петербургскихъ повѣстей» Гоголя; жизнь переполняется «лишними людьми», и за Онѣгинымъ и Печориномъ идутъ тургеневскіе герои и пестрая вереница болѣе позднихъ разновидностей «Москвича въ Гарольдовомъ плащѣ». Кружнымъ путемъ, черезъ романтическое «прекраснодушное» томленіе и метафизическія бредни, медленно идутъ эти талантливыя, но глубоко несчастныя поколѣнія къ раціональному самоопредѣленію и сближенію съ дѣйствительностью, оставляя многихъ по пути—въ дебряхъ нѣмецкой метафизики, среди представителей «чистой науки» и политической эмиграціи, среди «филистеровъ» и іезуитовъ, въ канцеляріяхъ и захолустныхъ медвѣжьихъ углахъ,

И въ буряхъ, и въ житейскомъ горѣ,
Въ краю чужомъ, въ пустынномъ морѣ,
И въ мрачныхъ пропастяхъ земли...

Сравнительный реализмъ взглядовъ, ясное пониманіе жизни и ея задачъ, необходимость той или иной борьбы во имя идеаловъ и лучшаго будущаго доставались не даромъ и являлись довольно поздно. Надломились могучія силы Грановскаго, много яда и грусти закралось въ свѣтлую душу Тургенева, нравственно палъ Боткинъ, въ непосильной борьбѣ закоснѣлъ и погибъ Бѣлинскій... Страшное было это время, и врядъ ли его можно назвать (какъ это часто дѣлается) «эпохой наибольшаго подъема духа въ обществѣ». Много дали обществу эти силы, но значитъ ли это, что онѣ

*) См. мою брошюру: „Опытъ пересмотра нѣкоторыхъ спорныхъ вопросовъ о Бѣлинскомъ". М., 1900 г., стр. 7—8.

не дали бы больше при другихъ, болѣе нормальныхъ условіяхъ? За «великія произведенія» ихъ авторы поплатились своимъ счастьемъ, здоровьемъ, а иногда жизнью; талантъ и геній были часто какъ будто печатью отверженія, причиною и источникомъ страданій. На этихъ произведеніяхъ «цѣна крови», дорого они стоили отдѣльнымъ личностямъ и всему обществу»...

Для русскаго писателя жизнь никогда не была сладка и красна.

Къ общимъ терніямъ нелегкой авторской жизни всегда прибавлялись «неотразимыя обиды» свои мѣстныя, специфическія. Иногда цѣлые періоды нашей литературной исторіи сплошь сводятся на мартирологъ.

Приглядитесь ближе къ жизни любого нашего писателя и, за рѣдкими исключеніями, увидите, изъ какихъ униженій, издѣвательствъ и преслѣдованій она слагается; его вѣчно давятъ тиски матеріальной необезпеченности, даже нужды, нравственной неудовлетворенности, цензурно-административныхъ воздѣйствій, литературныхъ дрязгъ, обиднаго равнодушія «читателей» или назойливаго любопытства «толпы»...

Въ самомъ положеніи «на виду» есть своя мучительная сторона.

Еще Гюго сказалъ: «Есть таинственные люди, которые не могутъ не быть великими. Праздные зѣваки, которые составляютъ большую толпу и малую публику, и которыхъ не надо смѣшивать съ народомъ, сердятся за это на нихъ. Карлики бранятъ великана. Его величіе—его вина. Что въ немъ такого, чтобы быть великимъ?»

На него глазѣютъ, какъ на «заѣзжаго фигляра», но по существу имъ мало интересуются; онъ можетъ представить интересъ только какъ предметъ развлеченія—или объектъ скандала.

Постигнетъ ли пѣвца незапное волненье,
Утрата скорбная, изгнанье, заточенье—
„Тѣмъ лучше“, говорятъ любители искусствъ:
„Тѣмъ лучше! Наберетъ онъ новыхъ думъ и чувствъ
И намъ ихъ передастъ“... Но счастіе поэта
Межъ ними не найдетъ сердечнаго привѣта...

И это на лучшій конецъ!

Съ какимъ злорадствомъ обыкновенно подхватывается всякая постигшая его литературная неудача, направленная противъ него ядовитая эпиграмма, хлесткая полемическая статья!

Пушкина раздразнили въ молодости сплетнями о постигшемъ его позорномъ наказаніи, а въ послѣдніе, страшные годы его многострадальной жизни добивали толками въ обществѣ и печати о томъ, что онъ «исписался»; то же усердно распространялось и о Бѣлинскомъ, когда онъ уже былъ приговоренъ къ смерти; Тургенева считали нужнымъ извѣстить о томъ, что его портретъ сжигаютъ съ «хохотомъ презрѣнія». Чего стоятъ одни толки, очень гласные и настойчивые, о безуміи Гоголя и его предполагаемой причинѣ!

«Властитель думъ», обаянье имени, восторги читателей и почитателей...

Да, это бываетъ минутами, по капризу толпы, и тяжело обыкновенно приходится расплачиваться потомъ за эти минуты иллюзіи, призрачнаго упоенія и самообмана!

Погаснетъ полная горечи и разочарованій жизнь, начнутся запоздалыя, зачастую лживыя и искусственныя восхваленія, взвинченныя чествованія, которыя звучатъ иногда прямо насмѣшкой...

«Они любить умѣютъ только мертвыхъ»,—сказалъ пушкинскій Борисъ Годуновъ о русскомъ народѣ.

Дѣдушка Крыловъ еще въ XVIII в. горько и желчно иронизировалъ: «Премудраго человѣка весьма трудно замѣтить, прежде нежели пройдетъ триста лѣтъ послѣ его смерти; и потому-то многіе благоразумные народы сперва убивали своихъ мудрецовъ, а послѣ дѣлали имъ статуи; когда же вывелось это изъ употребленія, тогда сыскали лучшій способъ: допускали ихъ умереть въ нуждахъ, въ гоненіи и презрѣніи,—спустя же послѣ ихъ смерти лѣтъ сто говорили имъ похвальныя рѣчи».

Даже благодушный Жуковскій устами своего любимаго Камоэнса сказалъ о славѣ:

Лишь у гробовъ, которымъ ужъ никто
Завидовать не станетъ, иногда
Садитъ она свой лавръ, дабы онъ цвѣлъ
Надъ тлѣніемъ, которое когда-то
Здѣсь человѣкомъ было и страдало,
Нося торжественно на головѣ
Подъ лаврами пронзительные терны.
Но для того, кто въ гробѣ спитъ, навѣки
Безчувственный для здѣшнихъ благъ и бѣдъ,
Не все-ль равно—полынь ли надъ костями
Его растетъ, иль лавръ...

Въ пору «безвременья» этотъ «кремнистый путь» писателя—«добраго страдальца за землю русскую»—дѣлается еще болѣе труднымъ и мучительнымъ, а за 30—50-е годы прошлаго вѣка сколько прямо страшныхъ результатовъ онъ далъ, при общемъ трагизмѣ жизненныхъ условій, калѣчившихъ чувство и мысль, дававшихъ самыя ненормальныя условія развитія, губившихъ одинъ талантъ за другимъ...

«Сквозь толщу невѣжества и некультурности съ трудомъ пробиваются могучіе ростки, и много ихъ гибнетъ и калѣчится при прорастаніи: богатая почва, богатыя силы, но тяжкія условія развитія»...

«Душевныя муки и исканіе смерти у Лермонтова, горькая растерянность мысли и внутреннее раздвоеніе у Кольцова, переходъ въ католицизмъ талантливаго Печерина, смѣнившаго профессорскую каѳедру на іезуитскую келію, ужасная судьба Полежаева, Шевченка и Достоевскаго, многолѣтнія мучительныя скитанія «идеалистовъ 30-хъ годовъ» въ далекихъ отъ жизни дебряхъ и трущобахъ нѣмецкой метафизики, среди «сухихъ тумановъ» застарѣвшихъ мѣстныхъ традицій и привнесенныхъ извнѣ идей—все это разрозненныя черты одной и той же картины, звенья одной и той же цѣпи» *).

*) Ibid., стр. 5.

II.

На этомъ общемъ трагическомъ фонѣ особенно выпукло и ярко выступаетъ страдальческій обликъ Гоголя, съ его неразрѣшимыми сомнѣніями и недоумѣніями, неудовлетворимыми стремленіями, никѣмъ неразгаданными порывами.

Трагизмъ лежалъ какъ въ окружавшей его обстановкѣ, такъ и въ собственной его психической организаціи, въ которой вѣчно боролись и не могли слиться стихіи наслѣдственности—матери и отца, мистицизма и порывовъ безудержнаго смѣха, повышеннаго лиризма, патетическаго сантиментализма и топкой сатирической наблюдательности.

Въ самую глухую пору нашего общественнаго развитія, въ самый разгаръ «безвременья», безъ всякой подготовки, находя впослѣдствіи, послѣ окончанія школы, нужнымъ для собственнаго самообразованія «начинать съ такихъ первоначальныхъ книгъ, что стыдился даже показывать и скрывалъ всѣ свои занятія»,—онъ тщетно алкалъ стройнаго и цѣльнаго міровоззрѣнія, страстно искалъ справедливости, истины и нравственнаго совершенства въ мірѣ Тяпкиныхъ—Ляпкиныхъ, Тряпичкиныхъ, Пироговыхъ, Хлестаковыхъ, Чичиковыхъ и Держимордъ, мечталъ о вѣчной красотѣ и свободѣ, отдавался порывамъ лирическаго паѳоса подъ звуки бѣшенаго лая Булгариныхъ, Гречей и Сенковскихъ.

Его положеніе въ литературѣ въ значительной степени было основано на недоразумѣніи. Въ пору созданія «Ревизора» и «Мертвыхъ душъ» онъ имѣлъ полное основаніе считать себя главой современнаго литературнаго движенія, «властителемъ думъ» и дѣлать про себя свои особые выводы изъ собственнаго творчества, въ то время, какъ читающая публика понимала его только сквозь призму взглядовъ Бѣлинскаго, и отшатнулась отъ своего прежняго любимца, когда иллюзія тождества мнѣній автора и его комментатора разсѣялась... Самъ онъ испугался и своего творчества, и тѣхъ выводовъ, которые изъ него дѣлали.

Гордый, самолюбивый и независимый, до крайности щепетильный и обидчивый, онъ почти всю жизнь долженъ былъ прибѣгать къ матеріальной поддержкѣ родныхъ, знакомыхъ и правительства и не разъ доходилъ до полной «нищеты», какъ свидѣтельствуетъ, напр., Жуковскій въ своемъ письмѣ къ императору Николаю I, котораго благодушный поэтъ убѣждалъ спасти бѣднаго писателя чуть ли не отъ голодной смерти за границей.

Читатели, въ громадномъ большинствѣ случаевъ, считали его на лучшій конецъ «смѣшнымъ писателемъ» и плохо отличали его «свѣтлый смѣхъ» отъ «кривлянія балаганнаго скомороха». Среди нихъ часто находили себѣ живой откликъ обвиненія Булгариныхъ и Сенковскихъ: «фарсъ», «цинизмъ«, «малороссійское сало» и пр.

Кто его пощадилъ, пожалѣлъ, хотя сколько-нибудь постарался понять въ самую страшную минуту душевнаго разлада, когда подспудныя силы болѣзненнаго мистицизма разрушили реализмъ творчества и самую вѣру

въ свой талантъ, когда Гоголь окончательно запутался въ тенетахъ собственной патологической метафизики?

Вчерашній идолъ, онъ подвергается со всѣхъ сторонъ ожесточеннымъ насмѣшкамъ и нападкамъ, переживаетъ страшныя минуты полной душевной растерянности, жгучаго стыда, безсилія и безпомощности.

«Подозрительно и недовѣрчиво разобрано было всякое слово, и всякъ наперерывъ спѣшилъ объявить источникъ, изъ котораго оно произошло. Надъ живымъ тѣломъ еще живущаго человѣка производилась та страшная анатомія, отъ которой бросаетъ въ холодный потъ даже и того, кто одаренъ крѣпкимъ сложеньемъ».

Такъ жаловался самъ великій писатель—послѣ бури, вызванной «Выбранными мѣстами изъ переписки съ друзьями».

Если не на многомъ во внѣшнихъ условіяхъ его жизни можетъ отдохнуть глазъ, то еще тяжелѣе и грустнѣе обстановка его внутренняго развитія.

Природа сыграла съ нимъ жестокую шутку, надѣливши его одновременно крайнимъ идеализмомъ, меланхолическимъ темпераментомъ, повышенною чувствительностью, склонностью къ паѳосу и лиризму, мистическими задатками и мечтательностью, острою наблюдательностью и сатирическою складкою реальнаго аналитическаго ума.

Въ то время какъ самыя задушевныя его стремленія витаютъ въ сферѣ идеальнаго и сверхъ-опытнаго, какъ онъ «томится и сгараетъ явно, въ виду всѣхъ, желаньемъ совершенства» *), его талантъ отличается чисто-земнымъ, строго реальнымъ характеромъ.

Чтобы возвести въ «перлъ созданія» обыденную жизнь, нужно было долговременное наблюденіе, почти осязательное представленіе, иначе все выходило блѣднымъ и искусственнымъ; творческая фантазія должна была

---

*) Срв. въ „Выбранныхъ мѣстахъ“: „Я люблю добро, я ищу его и сгараю имъ; но я не люблю моихъ мерзостей и не держу ихъ руку, какъ мои герои; я не люблю тѣхъ низостей моихъ, которыя отдаляютъ меня отъ добра. Я воюю съ ними и буду воевать, и изгоню ихъ, и мнѣ въ этомъ поможетъ Богъ!“

Какое характерное признаніе, какой яркій симптомъ внутренней борьбы! Какъ сильно и глубоко сознавалъ Гоголь свои душевные недостатки, и какую неустанную борьбу велъ съ ними! Онъ и Пушкинъ—лучшіе образцы *самовоспитанія*, и къ нимъ обоимъ можно примѣнить слова Мицкевича о Пушкинѣ: „его недостатки зависѣли отъ общественныхъ условій, среди которыхъ онъ жилъ; его собственное сердце произвело то, что было въ немъ хорошаго“. Подобно одному изъ героевъ „Портрета“, Гоголь также „былъ художникъ, какихъ мало—одно изъ тѣхъ чудъ, которыхъ извергаетъ изъ своего непочатаго лона только одна Русь, художникъ-самоучка, отыскавшій самъ въ душѣ своей, безъ учителей и школы, правила и законы, увлеченный только одною жаждою усовершенствованія и шедшій, *по причинамъ*, можетъ быть, *неизвѣстнымъ ему самому*, одной только указанной изъ души дорогою; одно изъ тѣхъ самородныхъ чудъ, которыхъ часто современники честятъ обиднымъ словомъ: „невѣжи“, и которыя, не охлаждаясь отъ охуленій и собственныхъ неудачъ, получаютъ только новыя рвенія и силы и уже далеко въ душѣ своей уходятъ отъ тѣхъ произведеній, за которыя получили титло невѣжъ“.

непремѣнно направляться отъ реальнаго жизненнаго толчка и питаться соками захваченной наблюдательнымъ взглядомъ и переработанной въ горнилѣ вдохновенія дѣйствительности.

Самъ Гоголь, глубокій сердцевѣдецъ, признавался въ своей «Авторской исповѣди»: «Я никогда ничего не создавалъ въ воображеніи и не имѣлъ этого свойства. У меня только то и выходило хорошо, что взято было мной изъ дѣйствительности, изъ данныхъ, мнѣ извѣстныхъ. Угадывать человѣка я могъ только тогда, когда мнѣ представлялись самыя мельчайшія подробности его внѣшности. Я никогда не писалъ портретъ, въ смыслѣ простой копіи. Я *создавалъ* портретъ, но создавалъ его вслѣдствіе *соображенья*, а *не воображенья*. Чѣмъ болѣе вещей принималъ я въ соображенье, тѣмъ у меня вѣрнѣй выходило созданье. Мнѣ нужно было знать гораздо больше, сравнительно со всякимъ другимъ писателемъ, потому что стоило мнѣ нѣсколько подробностей пропустить, не принять въ соображенье—и ложь у меня выступала ярче, нежели у другихъ».

Даже, когда ему казалось, что, для борьбы съ «припадками необъяснимой тоски» и «болѣзненнаго состоянія», онъ, «чтобы развлекать себя самого», «придумывалъ себѣ все смѣшное, что только могъ выдумать», «выдумывалъ цѣликомъ (?) смѣшные лица и характеры, поставлялъ ихъ мысленно въ самыя смѣшныя положенія, вовсе не заботясь о томъ, зачѣмъ это, для чего и кому отъ этого выйдетъ какая польза»,—даже и тогда онъ на самомъ дѣлѣ искалъ точки опоры въ записяхъ матери и родныхъ, въ устойчивыхъ традиціяхъ малорусской поэзіи, въ первыхъ русскихъ произведеніяхъ на малорусскія темы...

Какъ указалъ уже Пушкинъ *), у него былъ исключительный талантъ постигать и воспроизводить пошлость, которой больше всего боялась его душа.

Не даромъ и Градовскій назвалъ его «поэтомъ пошлости»...

По словамъ Н. А. Котляревскаго, «сантиментальное сердце, любящее нѣжиться въ грусти, и острый, насмѣшливый умъ — вотъ тѣ двѣ силы, которыя въ немъ никакъ не могли ужиться. Сердце было всегда лирически настроено и на землѣ тосковало по туманному идеальному міру, умъ всегда былъ трезвъ и обладалъ удивительной способностью замѣчать въ этой жизни именно всѣ ея несовершенства, неизбѣжную ложь, грязь и пошлость. Трудно было жить съ такими дарами духа, и Гоголь заплатилъ за нихъ своимъ душевнымъ покоемъ и счастіемъ».

Въ интимныхъ изгибахъ своей души онъ тяготѣетъ къ «характерамъ,

---

*) См. „Выбран. мѣста“: „Онъ (Пушкинъ) мнѣ говорилъ всегда, что еще ни у одного писателя не было этого дара выставлять такъ ярко пошлость жизни, умѣть очертить въ такой силѣ пошлость пошлаго человѣка, чтобы вся та мелочь, которая ускользаетъ отъ глаза, мелькнула бы крупнѣе въ глаза всѣмъ. Вотъ мое главное свойство, одному мнѣ принадлежащее и котораго точно нѣтъ у другихъ писателей“. Въ этомъ отношеніи ближайшимъ преемникомъ Гоголя является А. П. Чеховъ съ его яркимъ изображеніемъ трагизма пошлости.

являющимъ высокое достоинство человѣка», къ «возвышенному строю лиры», «высокому лирическому движенію», къ «далеко отторгнутымъ отъ земли и возвеличеннымъ образамъ», хотя и не дано было ему ихъ создавать. Въ нихъ онъ видитъ высшую цѣль искусства—и много разъ долженъ былъ почувствовать свое творческое безсиліе, когда брался за воплощеніе положительныхъ идеаловъ. Платоникъ и мистикъ, глубокая метафизическая натура, въ моментъ поэтическаго экстаза онъ стремится всей душой къ горнему міру и брезгливо отворачивается отъ земной грязи. Стихійное развитіе таланта сближаетъ все болѣе и болѣе его творчество съ землей, усиливаетъ въ немъ реалистическіе элементы, заставляетъ «дать отдыхъ бѣдному добродѣтельному человѣку» и «припречь подлеца», «выставлять напоказъ бѣдность нашей жизни и наше грустное несовершенство, выкапывая людей изъ глуши, изъ отдаленныхъ закоулковъ государства». Въ силу властныхъ велѣній собственной природы онъ не могъ не дерзнуть «вызвать наружу все, что̀ ежеминутно предъ очами, и чего не зрятъ равнодушныя очи,—всю страшную, потрясающую тину мелочей, опутавшихъ нашу жизнь, всю глубину холодныхъ, раздробленныхъ, повседневныхъ характеровъ, которыми кишитъ наша земная, подчасъ горькая и скучная дорога»,—дерзнуть «крѣпкою силою неумолимаго рѣзца выставить ихъ выпукло и ярко на всенародныя очи».

Но все чаще и чаще въ его душу будетъ закрадываться страшный вопросъ—не унижаетъ ли искусство такое жизненное изображеніе зла и пошлости, и не составляетъ ли оно грѣха само по себѣ?

Художникъ повѣсти «Портретъ», какъ извѣстно, рѣшилъ положительно этотъ вопросъ и въ монастырѣ искалъ покоя своей треволненной и измученной душѣ. Но не звучитъ ли тотъ же мотивъ въ религіозныхъ сомнѣніяхъ и мукахъ, творческомъ переломѣ и безпокойныхъ скитаніяхъ Гоголя послѣдняго періода—Гоголя, который искалъ примиренія съ собою и возвращенія творческой силы въ Палестинѣ и Оптиной пустыни, въ католическихъ храмахъ и келіяхъ «змыртвыхвстанцевъ», у о. Матвѣя и оптинскихъ отшельниковъ?

Какъ ни было ему это тяжело, по его собственному признанію *), онъ отрекся отъ своей литературной славы и лучшихъ результатовъ своего творчества, пробовалъ порвать съ вызванной имъ же къ жизни литературной школой, пережилъ *при полномъ сознаніи* весь ужасъ распаденія таланта, творческаго безсилія, рѣзкаго конфликта между новыми (конечно, въ творчествѣ) цѣлями настойчиваго религіознаго моралиста и старой, все болѣе и болѣе ослабѣвавшей техникой художника-реалиста. Подспудныя темныя силы мистицизма цѣпко, и уже окончательно, навсегда

*) „Авт. исповѣдь“: „Мнѣ, вѣрно, потяжелѣй, чѣмъ кому-либо другому, отказаться отъ писательства, когда это составляло единственный предметъ всѣхъ моихъ помышленій, когда я все прочее оставилъ, всѣ лучшія приманки жизни и, какъ монахъ, разорвалъ связи со всѣмъ тѣмъ, что мило человѣку на землѣ, затѣмъ, чтобы ни о чемъ другомъ не помышлять, кромѣ труда своего“.

захватили его въ ту минуту, когда онъ достигъ вершинъ гуманнаго реализма и общественной сатиры—въ «Мертвыхъ душахъ».

«Духомъ схимникъ сокрушенный, а перомъ Аристофанъ», по характерному выраженію кн. П. А. Вяземскаго, онъ самъ сознаетъ свою внутреннюю раздвоенность и тщетно пытается примирить противорѣчивыя стихіи своей души *): глубокій романтизмъ настроенія—и яркій реализмъ творчества; ультраидеалистическіе порывы, обожествленіе искусства—и стихійныя стремленія «озарить картину, взятую изъ презрѣнной жизни, и возвести ее въ перлъ созданія»; «высокій восторженный смѣхъ», «который излетаетъ изъ свѣтлой природы человѣка»,—и «высокое лирическое движеніе».

Ненадолго ему удавалось успокаивать себя: «возмущаетъ только то, что̀ мрачно, а смѣхъ свѣтелъ. Многое бы возмутило человѣка, бывъ представлено въ наготѣ своей; но, озаренное силою смѣха, несетъ уже примиренье въ душу»...

Скоро пришлось ему отречься отъ своего смѣха, признать его легкомысленнымъ и грѣховнымъ, налагать на себя за него все болѣе и болѣе тяжелыя эпитеміи...

Неустанная внутренняя борьба подорвала и безъ того некрѣпкія силы, и какъ-то безсмысленно, чудовищно страшно и обидно оборвалась эта многострадальная жизнь...

Смутныя чувства переживали сопровождавшіе его на кладбище и въ могилу—какую-то растерянность, сознаніе своей отвѣтственности, даже вины. Эти чувства мелькаютъ почти во всѣхъ некрологахъ и воспоминаніяхъ о похоронахъ и отчасти въ стихотвореніи Берга:

Какъ будто смерть разоблачила намъ
Его нераздѣленныя страданья,
И шутки со слезами пополамъ,
И вѣчное, упорное молчанье;
Какъ будто намъ теперь лишь уясненъ
Великій духъ—и мы должны сознаться,
Что въ правѣ былъ задумываться онъ
И въ самого себя уединяться...

Какъ всегда, сознаніе и признаніе пришли слишкомъ поздно...

Окружающая среда только увеличивала основной душевный разладъ Гоголя. Въ страшный моментъ душевнаго кризиса она не только не поддержала его, но даже затравила.

---

*) Срв. „Авт. испов.“: „Я думалъ, что лирическая сила, которой у меня былъ запасъ, поможетъ мнѣ изобразить такъ эти достоинства (русскаго народа—„преимущественно предъ другими народами“), что къ нимъ возгорится любовью русскій человѣкъ, а сила смѣха, котораго у меня также былъ запасъ, поможетъ мнѣ такъ ярко изобразить недостатки, что ихъ возненавидитъ читатель, если бы даже нашелъ въ себѣ самомъ. Но я почувствовалъ въ то же время, что все это возможно будетъ сдѣлать мнѣ только въ такомъ случаѣ, когда узнаешь очень хорошо самъ, что дѣйствительно въ нашей природѣ есть достоинства, и что въ ней дѣйствительно есть недостатки“.

Во всей исторіи міровой литературы трудно подыскать что-нибудь трагичнѣе исторіи послѣднихъ лѣтъ жизни Гоголя.

Онъ, который, казалось, «болѣе всѣхъ смѣялся па свѣтѣ», лилъ «часто душевныя, глубокія слезы» и умеръ непонятымъ и неразгаданнымъ, одинокимъ, покинутымъ почти всѣми прежними друзьями, окруженнымъ свѣтскими святошами и разными во Христѣ юродствующими, всецѣло подчиняясь грубому и тупому авторитету о. Матвѣя.

Многіе видѣли, но немногіе поняли его «горькій смѣхъ», почти никто не сумѣлъ въ немъ разсмотрѣть тогда «незримыя, невѣдомыя слезы», «горячія искры вѣчной могучей любви». Такъ и не дождался онъ, замучивъ самого себя и замученный жизнью, той всѣмъ сердцемъ желанной минуты, «когда инымъ ключомъ грозная вьюга вдохновенья подымется изъ облеченной въ священный ужасъ и въ блистанье главы, и почуютъ, въ священномъ трепетѣ, величавый громъ другихъ рѣчей...»

Силою могучаго таланта вызвалъ онъ «на всенародныя очи» весь легіонъ бѣсовъ тогдашняго русскаго ада, жутко и страшно сдѣлалось ему, но не спасли его отъ смертной тоски и полной душевной растерянности ни изувѣрныя молитвы и наставленія о. Матвѣя, ни видѣнія оптинскихъ старцевъ, ни сплывающіеся, безжизненные облики Уленьки, добродѣтельныхъ откупщиковъ и генералъ губернаторовъ...

Онъ запутался и погибъ среди сбивчивыхъ и противорѣчивыхъ впечатлѣній русской дѣйствительности, разрозненныхъ и несоединимыхъ осколковъ своего больного міровоззрѣнія.

Мучительная загадка для близкихъ, капризный чудакъ для ограниченныхъ наблюдателей, онъ такъ и покинулъ міръ «сфинксомъ, не разгаданнымъ до гроба».

Только отчасти въ глубокіе тайники его души, представляющіе исключительный историко-литературный и психологическій интересъ, вводятъ его письма, впервые собранныя съ такою полнотой и тщательностью В. И. Шенрокомъ въ редактированномъ имъ новомъ изданіи Маркса,—драгоцѣннымъ подаркѣ всѣмъ поклонникамъ великаго писателя.

Раскрыть и объяснить всю психологію Гоголя, сложную, противорѣчивую и больную,—задача, по нашему мнѣнію, врядъ ли достижимая и возможная. Но письма, освѣщенныя біографическими фактами, сочиненіями и общими историко-литературными соображеніями, даютъ ключъ ко многимъ ея сторонамъ и сами по себѣ являются глубоко поучительными.

III.

Дѣтскія и юношескія письма Гоголя, напечатанныя г. Шенрокомъ въ первомъ томѣ редактированнаго имъ изданія, прекрасно вводятъ насъ въ условія семейной и школьной жизни «великаго меланхолика» (выраженіе Пушкина), въ которыхъ началъ слагаться и въ значительной степени опредѣлился его своеобразный нравственный характеръ.

Вначалѣ очень элементарныя и ребяческія, они постепенно осложняются все новыми и новыми мотивами, указываютъ на его необычайно быстрый умственный ростъ.

Какое удивительное соединеніе вообще въ его письмахъ самой задушевной искренности, непосредственности съ явными признаками наивной пока еще хитрости,—преждевременной практичности, ранняго умѣнія играть на самыхъ затаенныхъ струнахъ человѣческой души! Въ нихъ и искательность, преклоненіе передъ сильными бѣднаго провинціала, и гордость геніальной натуры, стремленіе найти родную душу, высказаться ей, и полная сомостоятельность отношеній *), могучее чутье дѣйствительности и сантиментально-элегическая мечтательность, способность далеко уноситься отъ нея въ міръ грезъ и идеала, капризная надменность, широковѣщательныя, навязчивыя, чисто-мессіоническія предсказанія и наученія, и острое сожалѣніе къ обиженному человѣку, самобичеваніе, всегдашнее исканіе совершенства—и постоянная личная неудовлетворенность, чистодѣтская, теплая религіозность, наслѣдіе матери—и высокомѣрное ханжество, вѣра въ свое избранничество **) —смѣхъ и слезы.

Въ зародышѣ всѣ эти элементы есть и въ письмахъ 1820—1828 гг.

Послѣ семейнаго приволья тяжело пришлось ему въ однообразномъ и скучномъ заключеніи нѣжинскаго интерната. Онъ рвется отсюда душой, ждетъ, не дождется пріѣзда «дражайшихъ родителей» и въ глубинѣ души, повидимому, надѣется, что преувеличеніе страданій можетъ разжалобить главу семьи и привести къ избавленію: «мнѣ послѣ каникулъ сдѣлалось такъ грустно, что всякій Божій день слезы рѣкой льются, и самъ не знаю отчего, а особливо когда вспомню о васъ, то градомъ такъ и льются. И теперь у меня грудь такъ болитъ, что даже не могу много писать. Простите мнѣ за мою дерзость, но нужда все заставитъ дѣлать. Прощайте, дражайшіе родители! Далѣе слезы мѣшаютъ мнѣ писать».

Онъ не забываетъ при этомъ замолвить слово за своего стараго вѣрнаго слугу, вмѣстѣ съ нимъ посланнаго въ Нѣжинъ: «не забудьте также добраго моего Симона, который такъ старается обо мнѣ, что не прошло ни одной почи, чтобы онъ не увѣщевалъ меня не только объ васъ, дражайшіе родители; и часто просиживалъ по цѣлой ночи надо мною. Уже его просилъ, чтобы онъ шелъ спать, но никакъ не могъ его принудить» (т. I, стр. 10—11).

Онъ не проситъ прямо взять его изъ Нѣжина, но представляетъ родителямъ всѣ посылки для этого вывода.

Просьба выслать деньги сопровождается маловѣроятной, скорѣе всего

---

*) Ср. его собственное признаніе: „Я былъ только скрытенъ, потому что не былъ глупъ,—вотъ и все“ и слова о немъ хорошо знавшаго его гравера Іордана: Гоголь „могъ брать, что ему нужно было и что стоило этого, полной рукой, не давая самъ ничего“.

**) Наприм., „въ умиленіи я призналъ невидимую Десницу, пекущуюся обо мнѣ и благословилъ такъ дивно назначенный мнѣ путь“ (т. I, стр. 126).

придуманной мотивировкой: «еще ежели бы прислали денегъ мнѣ, потому что моя казна вся истощилась. Одинъ мой товарищъ купилъ за восемь рублей ножикъ; я просилъ его, чтобы далъ мнѣ посмотрѣть; я забылъ ему отдать сейчасъ, и положилъ въ свой ящикъ; но чрезъ минуту посмотрѣлъ въ ящикъ, и его уже тамъ не было. Теперь онъ говоритъ, чтобы я отдалъ сейчасъ ему восемь рублей, а не то, такъ онъ возьметъ всѣ мои вещи и еще пожалуется гувернерамъ, и они меня накажутъ со всею строгостію. Простите мнѣ это. *Я впередъ ужъ никогда не буду чужихъ вещей братъ,* а когда и попрошу впередъ, то буду сейчасъ отдавать и со всею осторожностью. И прошу васъ, пожалуйста, пришлите мнѣ денегъ, хоть рублей десять: то я отдамъ ему восемь рублей, а два рубля оставлю на письма» (стр. 13—14).

Мелькаютъ и черты суетности, наприм., того нѣсколько провинціальнаго франтовства, которое многимъ бросалось въ глаза у молодого Гоголя: «и еще ежели-бъ вы прислали жилетовъ хоть два. Здѣсь намъ даютъ по одному жилету» (стр. 14). Романтическія изліянія одному изъ своихъ друзей онъ прерываетъ просьбой заказать синій фракъ и признаніемъ, что у него много черныхъ фраковъ, сильно надоѣвшихъ. Отсутствіе свѣжаго платья мѣшаетъ ему заѣхать въ Кибинцы къ родственнику матери Трощинскому (стр. 31—34).

Прося о присылкѣ съѣстныхъ припасовъ, онъ не забываетъ прибавить съ лукавой скромностью (стр. 17): «мнѣ хоть чего-нибудь и похуже...» Въ то же время у него складываются литературные интересы и, что особенно важно, страстное увлеченіе театромъ.

Интереснѣе всего, что въ этотъ періодъ онъ отовсюду окруженъ малорусскими литературными традиціями, которыя пока еще безсознательно залегаютъ въ его душу. Въ Нѣжинъ онъ требуетъ малорусскія пьесы своего отца, во время представленія которыхъ въ Кибинцахъ онъ, вѣроятно, не разъ присутствовалъ; въ его юношескихъ бумагахъ сохранились выписки изъ «Энеиды» Котляревскаго; даже земляковъ своихъ онъ будетъ поражать потомъ удивительнымъ знаніемъ малорусскихъ народныхъ преданій и пѣсенъ; въ Петербургѣ онъ вспомнитъ потомъ, еще сильнѣе подхваченный романтической волной, о прекрасномъ знаніи національной старины и современнаго народнаго быта—своей матери и нѣкоторыхъ другихъ родственниковъ.

Въ его «Вечерахъ» и «Миргородѣ» широкимъ потокомъ хлынутъ основныя стихіи украинской поэзіи и жизни. Все это, конечно, создавалось и назрѣвало постепенно, подготовлялось еще отъ «младыхъ ногтей».

И до него романтизмъ и наплывъ южнорусскихъ уроженцевъ въ столицы создали значительную малорусскую струю въ русской литературѣ. Онъ шелъ по проторенному пути, но сила и яркость таланта сразу создали ему первенствующее положеніе. Онъ былъ литературнымъ посредникомъ, носителемъ украинскихъ поэтическихъ традицій «на сѣверѣ дальнемъ», виновникомъ ихъ своеобразнаго сліянія съ традиціями великорусскими, и въ

этомъ заключается одна изъ его величайшихъ заслугъ. Слабѣе всего и позднѣе всего онъ усвоилъ *соціальную закваску* украинской литературы, и она оставила самые слабые слѣды въ его творчествѣ; у него мало отголосковъ исконнаго малорусскаго демократизма, нѣтъ рѣзкаго протеста противъ «крипацства» и негодованія за «руйнованія гетьманщины», зато все шире и шире шелъ самый захватъ общественной жизни, все болѣе и болѣе серьезнымъ, глубокимъ дѣлался его смѣхъ.

Онъ принесъ, между прочимъ, съ собою готовымъ то, къ чему долгимъ и кружнымъ путемъ шла русская литература: вполнѣ сложившіяся требованія реализма и народности, съ присовокупленіемъ «смѣха сквозь слезы».

На эту сторону Гоголевскаго творчества до сихъ поръ еще совсѣмъ не обращали вниманія изслѣдователи, хотя они очень важны. Но еще въ 1831 году къ ней довольно близко подошелъ одинъ изъ рецензентовъ «Вечеровъ» В. (*Сѣверная Пчела* 1831 г., № 219. Думаемъ, что В.—В. Ушаковъ): «небольшое литературное общество, издавна составившееся въ Малороссіи и постоянно дѣйствовавшее въ духѣ мѣстнаго патріотизма, сколько можно судить по первымъ трудамъ онаго, имѣло сперва цѣлью сохранить во всей чистотѣ особенности своего нарѣчія и оригинальность давно прошедшаго быта. Къ сему періоду принадлежатъ опыты гг. Котляревскаго, Артемовскаго-Гулака и издателей *Украинскаго Вѣстника*, кромѣ другихъ опытовъ, не изданныхъ и составляющихъ нѣкотораго рода домашнюю литературу малороссіянъ. Но въ послѣднее время малороссійская школа оставила сію слишкомъ мѣстную цѣль свою и обратилась къ мысли болѣе глубокой—удерживать только характерное отличіе своего нарѣчія, поставляя главнѣйшею цѣлью раскрывать народность во всей обширности этого понятія. Анекдоты, напечатанные въ книжкахъ *Вѣстника Европы*, кажется, были первымъ шагомъ къ новой цѣли; публикѣ извѣстны прекрасныя мелодіи Маркевича. Повѣсти, изданныя пасѣчникомъ Рудымъ Панькомъ, представляютъ намъ новый, изящный плодъ этого же умнаго и истинно народнаго усилія».

Быстрый расцвѣтъ малорусской поэзіи въ началѣ XIX в. и усиленіе малорусскихъ стихій въ русской литературѣ *) оставили вообще глубокіе слѣды въ творчествѣ Гоголя. Многое въ раннихъ его произведеніяхъ, что казалось новымъ и своеобразнымъ великорусскимъ читателямъ, цѣликомъ объясняется его малорусскими отношеніями.

Велико значеніе украинской струи въ исторіи русской литературы, и Гоголь былъ самымъ яркимъ и талантливымъ ея представителемъ. Его мягкій, незлобивый, игривый юморъ, полный любви и гуманности, порою переходящій въ страстный лиризмъ, его тонкая наблюдательность и умѣніе схватывать явленія съ смѣшной стороны, романтическое томленіе по казацкой старинѣ, сантиментально-идиллическое освѣщеніе крестьянской

*) См. нашу работу: „Изъ исторіи малорусской литературы 20-хъ и 30-хъ годовъ XIX в.“, Кіевъ, 1900 г.

жизни (свойственное, наприм., Котляревскому и Квиткѣ), реализмъ и глубокій общественный смыслъ *отдѣльныхъ* картинъ, рядъ типовъ, положеній и сценъ—все это племенное наслѣдіе, все это навѣяно украинской поэзіей, виршами и интерлюдіями, богатымъ міромъ народныхъ сказаній и пѣсенъ, сочиненіями первыхъ малорусскихъ писателей новаго направленія.

Въ этой *посреднической* роли Гоголя, конечно, заключается очень важная сторона его литературнаго значенія.

Далеко не чужда ему и русская литература того времени. Онъ увлекается *Вѣстникомъ Европы,* комедіями Загоскина, трагедіями Озерова, позднѣе Пушкинымъ и нашими ранними романтиками. Вмѣсто повѣстей онъ проситъ «Собраніе образцовыхъ сочиненій въ стихахъ»—классическую хрестоматію русской поэзіи для своего времени.

Родителей онъ прямо засыпаетъ требованія все новыхъ и новыхъ книгъ (стр. 24, 25, 34 и пр.).

«Таинственный карло» нѣжинской гимназіи пробуетъ склонить на «пособія для театра» отца широкой перспективой своихъ будущихъ театральныхъ успѣховъ и не безъ чувства собственнаго достоинства предъявляетъ требованія своихъ, такъ сказать, интеллектуальныхъ правъ (стр. 19): «Увѣдомляю васъ, что я учусь хорошо, по крайней мѣрѣ, сколько дозволяютъ силы *). Вы пишете, что я васъ не извѣщаю о томъ, что̀ у насъ дѣлается и случается со мною. Позвольте мнѣ вамъ сказать, что мнѣ бы самому очень бы было любопытно знать, что̀ дѣлается какъ съ вами, такъ и съ посторонними лицами. Напримѣръ, къ величайшему моему сожалѣнію, узналъ я о смерти В. В. Капниста **); но вы объ этомъ ничего не сказали, *какъ будто бы я еще о сю пору ребенокъ* и еще не въ совершенныхъ лѣтахъ, и будто бы на меня ничего нельзя положиться».

Онъ набилъ уже руку въ литературности изложенія, не безъ самоудовлетворенія щеголяетъ въ письмахъ изысканной фразой, иногда впадаетъ немного въ трескучую реторику. Между простыми, самыми обыденными фразами (въ письмѣ о близкомъ отъѣздѣ домой послѣ экзаменовъ, стр. 21): «Я думаю, папенька не забылъ сдѣлать того, о чемъ я его просилъ,—именно для меня лошадку» и «время не позволяетъ болѣе писать: мы теперь приготовляемся къ экзамену» сами собою врываются другія слова: «Уже вижу все милое сердцу, вижу васъ, вижу милую родину, вижу тихій Псёлъ, мерцающій сквозь легкое покрывало, которое я скоро сброшу, наслаждясь истиннымъ счастіемъ, забывъ протекшія быстро горести. Одна счастливая минута можетъ вознаградить за годы скорбей»!

Молодой орелъ расправляетъ свои крылья. Скоро почуется, «въ смущенномъ трепетѣ, величавый громъ другихъ рѣчей»...

---

*) Характерная оговорка: самому Гоголю пришлось потомъ признаться, что онъ учился очень мало...

**) Извѣстный русскій писатель, авторъ „Ябеды“, родомъ малороссъ, знакомый родителей Гоголя.

А пока юная реторика начинающаго стилиста можетъ глушить въ отдѣльныхъ случаяхъ даже искреннее чувство. Прислушайтесь, положимъ, хотя бы къ такому поздравленію матери, которую Гоголь, несомнѣнно, искренно любилъ: «Позвольте, дражайшая маменька, позвольте поздравить васъ съ днемъ ангела вашего, съ симъ блаженнѣйшимъ днемъ для каждаго нѣжнаго и благороднаго (благодарнаго?) сына. Ваша родительская любовь и нѣжность, ваши благодѣянія, ваши о мнѣ попеченія, все сіе побуждаетъ меня приняться за перо, чтобъ изъявить вамъ свою благодарность. Но, къ несчастію, оно столь не твердо, силы мои такъ слабы, а о благодарности я и думать не могу: она не что иное есть, какъ слабая тѣнь, въ сравненіи со всѣмъ тѣмъ, что я вамъ долженъ. Не если не имѣю возможности воздать вамъ болѣе, если мои силы не позволяютъ сдѣлать того, если уже и мой умъ отказывается отъ сего; то всякій бы на моемъ мѣстѣ пришелъ бы въ отчаяніе, бросилъ бы съ досады перо и не захотѣлъ болѣе ломать голову надъ тщетнымъ. Но я знаю, что вы и сіе малое мое желаніе примете съ искреннимъ удовольствіемъ, и тѣмъ вознаградите меня болѣе всего, могущаго прельстить взоры другого» (стр. 22).

Иногда проскальзываетъ нѣсколько заносчивая самоувѣренность: прося, наприм., отца прислать рамки, онъ прибавляетъ (стр. 24): «Вы, я думаю, не допустите погибнуть столько себя прославившимъ рисункамъ».

Сознавая свою полную неподготовленность къ экзаменамъ, онъ, однако, прибавляетъ (стр. 94): «Объ потерянномъ времени жалѣть нечего. Нужно стараться вознаградить его, и въ короткіе эти полгода *я хочу произвесть, и произведу (я всегда достигалъ своихъ намѣреній)* вдвое болѣе, нежели во все время моего здѣсь пребыванія, нежели въ цѣлыя шесть лѣтъ». И далѣе (стр. 95): «На первый только случай, къ новому году только, мнѣ нужно, по крайней мѣрѣ, выслать 60 рублей на учебныя для меня книги, при которыхъ я еще буду терпѣть недостатокъ; но при неусыпности, *при моемъ желѣзномъ терпѣніи*, я надѣюсь положить съ ними начало по крайней мѣрѣ, котораго уже невозможно бы было сдвинуть, *начало великаго предначертаннаго мною зданія*. Все это время я занимаюсь языками. Успѣхъ, слава Богу, вѣнчаетъ мои начинанія. Но это еще ничто, въ сравненіи съ предполагаемымъ: въ остальные полгода я положилъ себѣ за непремѣнное—окончить совершенно изученіе трехъ языковъ. На успѣхъ я не могу пожаловаться. Отъ него и отъ своего непоколебимаго намѣренія я много надѣюсь».

Между тѣмъ, какъ извѣстно, Гоголь вышелъ изъ лицея съ очень слабымъ знаніемъ языковъ...

Тѣ же горделивыя обѣщанія слышатся и въ мечтахъ о петербургской жизни (стр. 95): «Не старайтесь сохранять для меня имѣпія: къ чему мнѣ оно? Только развѣ на первые два или три года въ Петербургѣ мнѣ будетъ нужно вспоможеніе, а далѣе развѣ я не умѣю трудиться? *развѣ я не имѣю твердаго, непоколебимаго намѣренія къ достиженію цѣли, съ*

которымъ можно будетъ все побѣждать? и эти деньги, которыя вы будете теперь посылать, не значитъ ли это отдать въ ростъ, съ тѣмъ, чтобъ послѣ получить *утроенный капиталъ съ великими процентами?*» Увидѣвши, что мать испугана печальными итогами его гимназическаго образованія, онъ спѣшитъ ее успокоить (стр. 97): «Я не говорилъ никогда, что утерялъ цѣлыя 6 лѣтъ даромъ; скажу только, что нужно удивляться, что я въ этомъ глупомъ заведеніи могъ столько узнать еще. Вы изъявили сожалѣніе, что меня вначалѣ не поручили кому; но знаете ли, что для этого нужны были тысячи? Да что бы изъ этого было? Видѣлъ я здѣсь и тѣхъ, которые находились подъ особеннымъ покровительствомъ. Имъ только лучше ставили классные шары, а, впрочемъ, они были глупѣе прочихъ, потому что они совершенно ничѣмъ не занимались. Я не тревожилъ васъ увѣдомленіемъ объ этомъ, зная, что лучшаго воспитанія вы дать мнѣ были не въ состояніи, что не во всякое заведеніе можно было такъ счастливо на казенный счетъ попасть. Кромѣ неискусныхъ преподавателей науки, кромѣ великаго нерадѣнія и проч., здѣсь языкамъ совершенно не учатъ. Доказательствомъ сему служатъ тѣ, которые, пріѣхавши сюда съ нѣкоторыми познаніями въ языкахъ, бывъ тамъ, позабыли послѣдніе. *Ежели я что знаю, то этимъ обязанъ совершенно одному себѣ.* И потому не нужно удивляться, если надобились деньги иногда на мои учебныя пособія *), если не совершенно достигъ того, что мнѣ нужно. *У меня не было другихъ путеводителей, кромѣ меня самого,* а можно ли самому, безъ помощи другихъ, совершенствоваться? Но времени для меня впереди еще много; силы и стараніе имѣю. Мои труды, хотя я ихъ теперь удвоилъ, мнѣ не тягостны ни мало; напротивъ, они не другимъ чѣмъ мнѣ служатъ, какъ развлеченіемъ, и будутъ также служить имъ и въ моей службѣ, въ часы, свободные отъ другихъ занятій».

Глубокій психологическій интересъ представляютъ письма, показывающія, какъ юный Гоголь отнесся къ смерти отца.

Первое изъ нихъ открывается «извитіемъ» и «плетеніемъ словесъ» въ сантиментально-дидактическомъ тонѣ.

Не можетъ быть никакихъ сомнѣній, что Гоголь искренно и горячо любилъ своего отца, и что его смерть была страшнымъ ударомъ для юноши. Въ припискѣ къ первому письму и въ письмѣ, написанномъ на другой день, звучатъ простыя, непосредственныя нотки растерянности, тревоги за близкихъ, отчаянія, что онъ такъ далекъ отъ нихъ въ страшную минуту общаго горя: «Охъ, чего бъ я не сдѣлалъ, чтобы быть теперь съ вами! Мое нетерпѣніе увеличивается: мнѣ хочется васъ видѣть, слушать, говорить съ вами; но пространство разлучаетъ насъ. Говорите хотя со мною письменно! Сдѣлайте милость, скорѣе только пишите, про-

*) Часть денегъ, выпрошенныхъ изъ дому, шла на покупку книгъ для чтенія и франтовство. Гоголь много разъ искренно раскаивался потомъ, что „имѣлъ нужды не по своему состоянію“ (I, стр. 96 и пр.).

шу васъ, умоляю. Ахъ, вы не знаете, въ какомъ безпокойствѣ теперь я нахожусь и днемъ, и ночью! Мысли объ васъ наполняютъ мою душу, я съ нетерпѣніемъ ожидаю вашего письма, по первой же почтѣ. Какъ для меня долго это время»! (стр. 28).

Но первое проявленіе чувства облеклось въ крайне искусственную, надуманную форму. Въ немъ видны сочинительство и фраза, исключающія искренность и непосредственность чувства,—производящія на читателя прямо непріятное впечатлѣніе.

Возобладали рефлексія, разсудочность, стилистическія привычки, ярко сказалась способность отвлечься отъ себя, не отдаваться свободному потоку ощущеній, слѣдить за собой и не упускать изъ виду вызываемыхъ своею личностью впечатлѣній. Какъ все это похоже на настроеніе Николеньки Иртеньева у гроба матери! И неумѣнье быть вполнѣ искреннимъ, стыдъ за себя, за проявленіе чувства, и затаенная боязнь неискренности!

Прислушайтесь только, что сынъ пишетъ только что овдовѣвшей матери (стр. 26); «не безпокойтесь, дражайшая маменька! Я сей ударъ перенесъ съ твердостью истиннаго христіанина. Правда я сперва былъ пораженъ ужасно симъ извѣстіемъ; однако-жъ не далъ никому замѣтить, что я былъ опечаленъ *). Оставшись же наединѣ, я предался всей силѣ безумнаго отчаянія. Хотѣлъ даже посягнуть на жизнь свою, но Богъ удержалъ меня отъ сего, *и къ вечеру примѣтилъ я въ себѣ только печаль* **), но уже не порывную, которая, наконецъ, превратилась въ легкую, едва примѣтную меланхолію, смѣшанную съ чувствомъ благоговѣнія ко Всевышнему. Благословляю тебя, священная вѣра! Въ тебѣ только я нахожу источникъ утѣшенія и утоленія своей горести. Такъ, дражайшая маменька, я теперь спокоенъ, хотя не могу быть счастливъ, лишившись лучшаго отца, всего драгоцѣннаго моему сердцу. Но развѣ не осталось ничего, что бы меня привязывало къ жизни? Развѣ я не имѣю еще чувствительной, нѣжной, добродѣтельной матери, которая можетъ мнѣ замѣнить и отца, и друга, и всего, что есть милѣе, что есть драгоцѣннѣе?»

Ко всему этому скорѣе всего приложимы слова Л. Н. Толстого: «тщеславіе есть чувство самое несообразное съ истинною горестью, и вмѣстѣ съ тѣмъ чувство это такъ крѣпко привито къ натурѣ человѣка, что очень рѣдко даже самое сильное горе изгоняетъ его. Тщеславіе въ горести выражается желаніемъ *казаться или огорченнымъ, или несчастнымъ, или твердымъ;* эти низкія желанія, въ которыхъ мы не признаемся, но которыя почти никогда, даже въ самой сильной печали, не оставляютъ насъ, лишаютъ ее силы, достоинства и искренности».

---

*) Оправданіе передъ самимъ собою послѣ того, какъ Гоголь замѣтилъ въ себѣ съ грустью недостатокъ чувства, или реторическое изображеніе дѣйствительнаго факта—признака болѣзненной стыдливости чувства?

**) Чрезвычайно любопытно это констатируемое самимъ Гоголемъ внимательное наблюденіе его за своими душевными состояніями.

Конечно, во всей своей силѣ это скорѣе всего относится къ такимъ сложнымъ рефлективнымъ натурамъ, какъ Николенька Толстого и Гоголь. Подобныя натуры могутъ испытывать только въ короткія минуты «самозабвенія» настоящее, *безпримѣсное* горе, безъ «желанія показать, что *я* огорченъ болѣе всѣхъ», безъ «заботъ о дѣйствіи, которое *я* произвожу на другихъ», при полномъ отсутствіи «безцѣльнаго любопытства». Сколько психологической глубины въ словахъ Николеньки: «я презиралъ себя за то, что не испытываю исключительно одного чувства горести, и старался скрывать всѣ другія: отъ этого печаль моя была неискренна и не естественна. Сверхъ того, я испытывалъ какое-то наслажденіе, зная, что я несчастливъ, старался возбуждать сознаніе несчастія, и это эгоистическое чувство больше другихъ заглушало во мнѣ истинную печаль».

Думаемъ, что подобныя настроенія переживалъ и Гоголь, иначе нельзя понять его писемъ о смерти отца, съ ихъ перебоями сочинительства и вспышекъ искренняго горя.

Тревога за мать не мѣшаетъ ему *угрозами* добиваться позволенія пріѣхать на каникулы, и тѣмъ еще болѣе запугивать бѣдную женщину (стр. 29) *): «никогда еще мнѣ не хотѣлось такъ видѣть каникулы, какъ теперь. Я вамъ говорю, что ежели я васъ не увижу, я не знаю тогда, на что рѣшусь. Ежели же не получу отвѣта на это письмо, то сіе молчаніе будетъ самый ужасный для меня признакъ; тогда я *прибѣгну къ отчаянію,* и оно-то дастъ мнѣ средство, какъ избавиться отъ сей мрачной неизвѣстности. Теперь вы видите, что отъ одного вашего слова зависитъ счастіе и несчастіе вашего сына».

Все это скрашивается цвѣтами краснорѣчія (стр. 30): «я ожидаю отъ васъ съ нетерпѣніемъ, часъ отъ часу увеличивающимся, драгоцѣнныхъ для меня строкъ, которыя возвратятъ жизнь несчастному вашему сыну, которыя, какъ цѣлительный бальзамъ, прольютъ отраду въ изнывшее сердце. Не знаю, что дѣлается дома; вы не извѣстили меня ни о сестрицахъ, ни о чемъ другомъ. Я думаю, все перемѣнилось; но мое сердце всегда останется привязаннымъ къ священнымъ мѣстамъ родины, и теперь она еще вдвое драгоцѣннѣе для сердца горестнаго».

Высокомѣріе и ребяческое хвастовство **) часто перемежаются у него съ «униженіемъ паче гордости», самообличеніемъ и самобичеваніемъ. Онъ можетъ написать, напр., такія строки: «такъ дражайшая маменька, я васъ

---

*) Въ другомъ мѣстѣ (стр. 37), онъ пробуетъ добиться той же цѣли возбужденіемъ ея любопытства: „также позвольте мнѣ просить васъ о присылкѣ за мною на Рождество,—тѣмъ болѣе, что я имѣю много кой-чего сказать вамъ, которое весьма интересно какъ для васъ, равнымъ образомъ и для меня; но обстоятельства, пространство письма и другія особенныя причины не позволяютъ мнѣ объявить вамъ теперь“.

**) Срв., напр., стр. 59: „четыре дня сряду былъ у насъ театръ, и, къ чести нашей, признали единогласно, что изъ провинціальныхъ театровъ ни одинъ не годится противъ нашего. Правда, играли всѣ прекрасно“.

скоро увижу, и восхищаюсь каждый день сею мыслію, и теперь собираюсь привезть вамъ какой-нибудь подарокъ. Но знаю, что вамъ не можетъ быть подарка лучшаго, пріятнѣйшаго, какъ привезть вамъ *сердце доброе,* пылающее къ вамъ самою нѣжною любовью, какую только можетъ внушить благодарность къ добродѣтельно-нѣжной матери. Но смѣю вамъ сказать, что *я пріобрѣлъ уже довольно и другихъ качествъ, которыя, я думаю, вы сами увидите;* можно сказать, обработалъ *таки свои понятія, которыя сдѣлались гораздо проницательнѣе, дальновиднѣе.* Ежели могу я угодить ими, тогда почту себя самымъ благополучнымъ человѣкомъ. Притомъ я постараюсь къ вамъ привезть нѣсколько своихъ произведеній, также *хорошенькихъ* картинокъ своей работы: *дары скудные,* но они отъ чистаго сердца, и ихъ приноситъ нѣжный, чувствительный сынъ» (стр. 31—32).

Дальше, вѣроятно, намекъ на свои поэтическія произведенія: «не знаю, будете ли довольны, но только я намѣренъ привезть вамъ кое-что, въ засвидѣтельствованіе, что я *не даромъ* провелъ здѣсь протекшее полугодіе. Ваше одобреніе будетъ для меня лестною наградою». «Присылайте за мною экипажъ умѣстительный, потому что я ѣду со всѣмъ богатствомъ вещественныхъ и умственныхъ имуществъ, и вы увидите труды мои» (стр. 42, срв. 47).

Еще въ этомъ очень раннемъ возрастѣ сказалась своеобразная черта психологіи Гоголя—пренебрежительное отношеніе къ своимъ предшествующимъ сочиненіямъ, причемъ онъ всецѣло возлагаетъ свои надежды на новыя, еще назрѣвающія въ его творческой фантазіи: «въ разсужденіи же сочиненія скажу вамъ, что я его не бралъ, но оно осталось между книгами въ шкапу. *Но это небольшая бѣда, ежели оно и точно пропало:* я постараюсь *вознаградить* новымъ и *гораздо лучшимъ*» (стр. 37—38).

В. В. Каллашъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Врачъ и Законъ.

„Общество живетъ слишкомъ невѣрными представленіями о медицинѣ, и это—главная причина его несправедливаго отношенія къ врачамъ; оно должно узнать силы и средства врачебной науки и не винить врачей въ томъ, въ чемъ виновато несовершенство науки. Тогда и требовательность къ врачамъ понизилась бы до разумнаго уровня".

„Записки врача" г. Вересаева, стр. 192.

„Но пора ужъ и обществу перестать ждать, когда врачи, наконецъ, выйдутъ изъ своего бездѣйствія, и принять собственныя мѣры для огражденія своихъ членовъ отъ ревнителей науки, забывшихъ о различіи между людьми и морскими свинками".

„Записки врача" г. Вересаева, стр. 150.

Недавній процессъ доктора Модлинскаго, осужденнаго московскимъ окружнымъ судомъ за производство операціи безъ согласія 18-лѣтней больной и ея родителей, и появившіяся въ началѣ прошлаго года и успѣвшія уже до настоящаго времени выйти вторымъ изданіемъ «Записки врача» г. Вересаева привлекли общее вниманіе къ вопросу о взаимныхъ отношеніяхъ между врачами и паціентами. Процессъ доктора Модлинскаго вызвалъ уже своего рода маленькую газетную литературу, а «Записки врача» г. Вересаева, хотя еще не обсуждались, насколько намъ извѣстно, съ общественно-юридической точки зрѣнія въ печати, вызываютъ горячіе и страстные дебаты въ медицинскихъ кругахъ. На что врачъ имѣетъ право и на что не имѣетъ? Можетъ ли врачъ, въ предѣлахъ своей профессіональной дѣятельности, распоряжаться по своему произволу личностью больного или онъ ограниченъ въ этомъ отношеніи закономъ? Гдѣ граница между простой ненаказуемой ошибкой или промахомъ врача и уголовнымъ преступленіемъ? Даетъ ли законъ ясные отвѣты на всѣ эти вопросы, а если не даетъ, то не слѣдуетъ ли создать спеціальные законы и какіе именно? Вотъ живые, насущные вопросы, которые смущаютъ публику и врачей,

вопросы, правильное разрѣшеніе которыхъ имѣетъ огромный жизненный интересъ для общества.

Не безъ намѣренія поставили мы въ началѣ статьи въ видѣ эпиграфа двѣ цитаты изъ «Записокъ врача» г. Вересаева противоположнаго содержанія. Одна защищаетъ врачей противъ несправедливыхъ требованій общества, вызываемыхъ невѣрными представленіями его о медицинѣ, другая, наоборотъ, требуетъ, чтобы общество приняло мѣры для огражденія себя отъ «ревнителей науки», которымъ нерѣдко случается забыть о различіи между людьми и морскими свинками. Эти двѣ цитаты какъ нельзя лучше доказываютъ, съ какой осторожностью нужно подойти къ рѣшенію поставленныхъ нами вопросовъ. Если общество нуждается въ огражденіи своихъ членовъ отъ деспотизма, невѣжества, небрежности или прямыхъ злоупотребленій со стороны врачей, то послѣдніе, въ свою очередь, имѣютъ право требовать, чтобы къ нимъ не предъявляли несправедливыхъ претензій, и чтобы ихъ профессіональная дѣятельность, насколько она протекаетъ въ законномѣрныхъ рамкахъ, оставалась свободной отъ всякихъ нареканій, а тѣмъ болѣе уголовныхъ преслѣдованій, которыя всегда, какъ бы они ни оканчивались, тяжело отзываются на положеніи каждаго человѣка, а общественнаго дѣятеля въ особенности. Этого требуетъ простая справедливость къ лицамъ, несущимъ важныя общественныя обязанности, этого требуютъ интересы общества, такъ какъ то или иное рѣшеніе вопроса отразится на профессіональной дѣятельности врачей; этого требуютъ, наконецъ, интересы медицинской науки, такъ какъ излишнее ограниченіе или суженіе правъ врачей въ тискахъ уголовнаго закона въ извѣстной степени можетъ имѣть вредныя послѣдствія для самаго развитія медицины, науки по преимуществу опытной и практической. Такимъ образомъ, вопросъ трудный самъ по себѣ и мало разработанный въ юридической литературѣ осложняется еще цѣлымъ рядомъ привходящихъ элементовъ. Юридическая точка зрѣнія должна здѣсь считаться съ общественной и съ требованіями, какія вытекаютъ изъ свойствъ и особенностей медицинской науки. Строгіе юридическіе выводы должны быть согласованы съ требованіями практической жизни, съ *политикой* взаимныхъ житейскихъ отношеній между врачомъ и паціентомъ, если можно такъ выразиться, и кромѣ того, находиться въ зависимости отъ спеціальныхъ и техническихъ вопросовъ медицинской науки и практики. Если, напримѣръ, рѣчь идетъ объ ошибкѣ и неправильности въ лѣченьи, то всякій пойметъ, какое значеніе для юриста имѣетъ рѣшеніе связанныхъ съ дѣломъ спеціальныхъ медицинскихъ вопросовъ.

Случай съ докторомъ Модлинскимъ наглядно выдвинулъ вопросъ о границахъ власти врача надъ личностью паціента. Напомнимъ въ самыхъ краткихъ словахъ фактическую сторону этого дѣла.

Въ хирургическую лѣчебницу г. Модлинскаго поступила 18-лѣтняя крестьянская дѣвушка для удаленія опухоли, которая у нея была на шеѣ. Операція была благополучно произведена. Во время производства ея док-

горъ Модлинскій нашелъ у пацієнтки еще одну опухоль—кисту въ области живота. При вторичномъ изслѣдованіи, произведенномъ дня черезъ два, Модлинскій опредѣлилъ эту кисту, какъ мезентеріальную, довольно опасную для здоровья пацієнта. Наличность такой кисты, по мнѣнію врача, безусловно требовала операціи. Эту операцію г. Модлинскій и произвелъ, не испросивъ, какъ утверждала обвинительная власть, согласія ни самой больной, ни ея родителей. Во время операціи киста лопнула, и содержимое ея вылилось въ область живота. Послѣ этого у больной развилось воспаленіе брюшины, потребовавшее вторичнаго вскрытія живота. Г. Модлинскій произвелъ и вторую операцію, но больная на слѣдующій день умерла.

По поводу этого дѣла запрошено было заключеніе экспертовъ и мнѣніе медицинскаго совѣта, состоящаго при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ. Эксперты и совѣтъ нашли, что смерть больной послѣдовала отъ воспаленія брюшины, вызваннаго первой операціей; что операція была произведена съ технической стороны вполнѣ правильно,—lege artis, и всѣ мѣры предосторожности врачомъ были приняты; что діагнозъ также поставленъ былъ правильно, и наличность мезентеріальной кисты въ организмѣ больной требовала оперативнаго вмѣшательства, но *неотложной необходимости* дѣлать операцію въ тотъ моментъ, какъ ее сдѣлалъ докторъ Модлинскій, не было.

Спрошенные на судѣ эксперты дали такія же заключенія. Только по вопросу о томъ, была ли неотложная необходимость въ операціи, мнѣнія раздѣлились. Три эксперта нашли, что *жизненныхъ показаній* для совершенія операціи не было, т.-е., что хотя операція вообще была необходима, но ее можно было отложить, такъ какъ состояніе больной не угрожало ей близкой, немедленной смертью. Съ своей стороны, два другихъ эксперта признали неотложность операціи, такъ какъ больную, по ихъ мнѣнію, смерть подстерегала на каждомъ шагу: достаточно ей было упасть или получить какимъ-нибудь образомъ толчокъ въ животъ, какъ киста, стѣнки которой были чрезвычайно тонки, лопнула бы, содержимое ея вылилось бы, и результатъ былъ бы тотъ же, какой былъ и отъ операціи.

Судъ, вынесшій доктору Модлинскому обвинительный приговоръ, принялъ мнѣніе первой группы экспертовъ, т.-е. призналъ, что неотложной необходимости въ операціи не было.

Защита Модлинскаго, между прочимъ, доказывала, что больная дала свое согласіе на операцію, но судъ не нашелъ возможнымъ признать это. Въ свою очередь, это положеніе примемъ и мы, такъ какъ если признать, что согласіе, дѣйствительно, было дано, казусъ теряетъ весь свой юридическій интересъ.

Итакъ, имѣетъ ли врачъ право сдѣлать операцію безъ согласія больного? Если нѣтъ, то составляетъ ли это преступленіе и какое именно?

Обращаясь къ рѣшенію этого вопроса, мы раньше всего должны замѣтить, что никакихъ спеціальныхъ постановленій по этому поводу въ на-

шихъ законахъ пѣтъ. Такой случай не предусматривается ни нашимъ Улож., ни Устав. о наказ. Не предусматривается онъ и спеціальнымъ врачебнымъ уставомъ, вообще скуднымъ юридическими нормами. Все, что мы можемъ найти во врачебномъ уставѣ по интересующему насъ вопросу—это три статьи: 81, 82 и 690. Ст. 690 говоритъ: «Подавать врачебныя пособія людямъ, болѣзнями одержимымъ, есть долгъ врачей. Почему каждый, не оставившій практики, врачъ, операторъ, акушеръ, фельдшеръ, повивальная бабка и тому подобные должны по приглашеніямъ являться къ больнымъ и давать имъ помощь безденежно или за плату». Источникомъ этой статьи послужилъ утвержденный императоромъ Павломъ докладъ медицинской коллегіи отъ 19 января 1797 г., въ которомъ, между прочимъ, сказано: «хотя каждаго врача есть первый долгъ быть человѣколюбиву и во всякомъ случаѣ готову къ поданію помощи людямъ, болѣзнями одержимымъ, но качества сіи для оператора несравненно нужнѣе, поелику дѣйствуетъ его рука, и безъ помощи его иногда никакія средства не въ состояніи не только исцѣлить, ниже облегчить болѣзни». Слова эти вошли въ содержаніе ст. 81 врач. уст. Наконецъ, ст. 82 того же устава гласитъ: «Операторъ призванный къ больному, надъ которымъ нужно сдѣлать операцію, буде время и обстоятельства терпятъ, не долженъ совершать оную безъ совѣтовъ и присутствія другихъ врачей, а особливо при важныхъ случаяхъ». При этомъ въ то время какъ нарушеніе врачомъ обязанности являться по зову больныхъ закономъ карается, нарушеніе послѣдняго правила, требующаго, чтобы врачъ не приступалъ къ операціи безъ совѣтовъ и присутствія другихъ врачей, никакимъ наказаніемъ не обложено.

Такимъ образомъ единственныя три статьи врач. уст., имѣющія какое-нибудь отношеніе къ нашему вопросу, не содержатъ воспрещенія врачу дѣлать операцію безъ согласія больного и не обязываютъ его этимъ согласіемъ заручаться.

Логическій выводъ, вытекающій отсюда, тотъ, что производство врачомъ операціи безъ согласія больного, при условіи, что операція вообще нужна и проведена она правильно, по дѣйствующему русскому законодательству, не составляетъ преступленія. Nullum crimen sine lege, гласитъ основное юридическое правило. Юристы, сталкивающіеся съ уголовной юстиціей, знаютъ, какъ часто различныя преступныя дѣянія, глубоко возмущающія нравственное чувство, остаются безнаказанными оттого, что ихъ нельзя подвести подъ какую-нибудь статью Улож. или Уст. о нак. Если Ѳемида и дѣйствуетъ съ закрытыми глазами, то все же она твердо знаетъ существующій законъ и не позволяетъ себѣ отступать отъ него.

Но если дѣйствующій законъ не предусматриваетъ прямо случая производства операціи безъ согласія больного, то нельзя ли вывести преступность такого дѣйствія путемъ толкованія закона?

Окружный судъ, осудившій доктора Модлинскаго, такъ и сдѣлалъ. Онъ призналъ дѣяніе его закономъ воспрещеннымъ и квалифицировалъ его какъ преступленіе, предусмотрѣнное 142 ст. Уст. о нак. (самоуправство) и

1466 ст. Ул. о нак. (совершеніе, безъ намѣренія учинить убійство, дѣйствія, противнаго ограждающимъ личную безопаспость и общественный порядокъ постановленіямъ, послѣдствіемъ коего, хотя и неожиданнымъ, причинится кому-либо смерть).

Однако, съ этой квалификаціей трудно согласиться.

Не вдаваясь въ подробности юридическаго анализа, умѣстныя лишь въ спеціальной печати, замѣтимъ, что подъ самоуправствомъ законъ нашъ разумѣетъ самовольное, насильственное осуществленіе своего дѣйствительнаго или воображаемаго права, причемъ, какъ это точно оговорено въ текстѣ закона, насиліе не должно сопровождаться нанесеніемъ тяжкихъ побоевъ, ранъ или увѣчья. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ, когда насиліе сопровождается нанесеніемъ тяжкихъ побоевъ, ранъ или увѣчья, самоуправство переходитъ въ другое, болѣе тяжкое преступленіе, смотря по роду и степени совершеннаго насилія. Таково безспорное положеніе, твердо установленное многолѣтней сенатской практикой.

Теперь допустимъ, что врачъ, производящій операцію безъ согласія больного, осуществляетъ мнимое свое право распоряжаться по своему произволу личностью больного. Одинъ изъ элементовъ самоуправства, слѣдовательно, имѣется налицо. Допустимъ также, что налицо имѣется и другой элементъ самоуправства—насиліе: врачъ передъ операціей насильственно захлороформировалъ больного, чтобы лишить его возможности сопротивляться, или велѣлъ его связать, держать за руки и т. д. Но какое же дѣйствіе онъ совершилъ? Произвелъ операцію, т.-е. нанесъ больному хирургическія раны, болѣе или менѣе тяжкія тѣлесныя поврежденія. А насиліе при самоуправствѣ, какъ мы видѣли, не должно сопровождаться нанесеніемъ ранъ или увѣчья, иначе это будетъ не самоуправство, а другое преступленіе.

Нельзя ли, однако, насиліе усматривать въ одномъ фактѣ захлороформированія или связыванія больного, самую же операцію, самое нанесеніе хирургическихъ ранъ, разъ оно было произведено lege artis и въ интересахъ больного, какъ дѣяніе, съ уголовной точки зрѣнія безразличное, въ разсчетъ не принимать? Но это будетъ неправильно. Нельзя дѣяніе единое и цѣльное по своей природѣ разбить на нѣсколько отдѣльныхъ моментовъ, одни изъ нихъ произвольно отбросить, а другіе квалифицировать какъ то или другое преступленіе и эту квалификацію присвоить всему дѣянію. Вѣдь такимъ образомъ можно было бы усматривать самоуправство въ цѣломъ рядѣ дѣяній, которыя должны квалифицироваться какъ совершенно другія преступленія. Возьмемъ, наприм., такой случай. Подобно хирургу, связавшему больного для того, чтобы имѣть возможность произвести надъ нимъ безъ его согласія операцію, преступникъ связываетъ свою жертву, лишаетъ ее такимъ образомъ возможности сопротивленія, и наноситъ ей тяжкія раны или убиваетъ ее. Что же онъ совершаетъ? самоуправство или самоуправство и нанесеніе ранъ, или убійство? Конечно, нанесеніе ранъ или убійство. Элементъ самоуправства тонетъ и исчезаетъ въ составѣ

болѣе тяжкаго преступленія. Предположимъ даже, что преступникъ, связывая свою жертву и убивая ее, осуществляетъ такимъ образомъ какое-то мнимое свое право надъ нею; пусть, въ силу тѣхъ или иныхъ обстоятельствъ и ошибочныхъ соображеній, онъ пришелъ къ заключенію, что онъ имѣетъ будто бы право распоряжаться по своему произволу своей жертвой. Все равно, и въ этомъ случаѣ будетъ налицо не самоуправство, а нанесеніе ранъ или убійство.

Съ другой стороны, представимъ себѣ такой случай. Врачъ, исходя изъ того же неправильнаго соображенія, будто онъ имѣетъ право по своему произволу распоряжаться личностью паціента, насильно его захлороформировалъ или связалъ, хотя бы съ тѣмъ, чтобъ сдѣлать ему противъ его желанія операцію, какъ въ настоящемъ случаѣ, или съ цѣлью подвергнуть его какимъ-нибудь манипуляціямъ лѣчебнаго свойства; однако, этимъ всѣ свои дѣйствія и ограничилъ, отказавшись отъ операціи или предположенныхъ манипуляцій. Какое же дѣйствіе онъ совершилъ? Несомнѣнно самоуправство, такъ какъ онъ произвелъ грубое насиліе надъ личностью человѣка, воображая при этомъ, что осуществляетъ какое-то мнимое свое право, котораго на самомъ дѣлѣ не имѣлъ. Такимъ образомъ, съ критикуемой нами точки зрѣнія выходитъ, что если врачъ только насильно захлороформируетъ или свяжетъ больного, а самой операціи не произведетъ, то это будетъ такое же преступленіе (самоуправство), какъ если онъ, кромѣ того, произведетъ и самую операцію. Но неправильность этого положенія, логически вытекающаго, однако, изъ предшествовавшихъ посылокъ, очевидна. Вѣдь, ясно для каждаго, что между простымъ насильственнымъ захлороформированіемъ и захлороформированіемъ, сопровождаемымъ совершеніемъ вслѣдъ за нимъ операціи, большая разница. Вѣдь, во второмъ случаѣ нанесены были раны, лилась человѣческая кровь Должно же это быть принято въ разсчетъ и взвѣшено на строгихъ вѣсахъ правосудія. Вѣдь, принято же во вниманіе послѣдствіе того, что нанесены были раны и лилась кровь, а именно смерть паціента отъ операціи, хотя сущность поступка врача осталась бы та же, если бы смерть не послѣдовала и паціентъ выздоровѣлъ бы. Какъ же игнорировать послѣ этого то, что явилось причиной смерти, т.-е. самое производство операціи, нанесеніе хирургическихъ ранъ? Какъ же не принимать этого въ разсчетъ при квалификаціи преступленія?

Намъ скажутъ, что хирургу въ данномъ случаѣ вмѣнили въ вину кромѣ самоуправства и смертельный исходъ операціи и, слѣдовательно, между предположенными нами двумя случаями, изъ которыхъ въ одномъ врачъ ограничился только насильственнымъ захлороформированіемъ больного, а въ другомъ произвелъ сверхъ того операцію, различіе сдѣлано. Но это возраженіе не выдерживаетъ критики.

Какъ мы только что замѣтили, операція могла и не окончиться смертью, паціентъ могъ выздоровѣть, и тогда съ критикуемой нами точки зрѣнія налицо было бы чистое самоуправство, ничѣмъ не осложненное. А между

тѣмъ паціенту были нанесены раны, между тѣмъ онъ страдалъ отъ болей, пока эти раны залѣчивались, онъ пролежалъ, можетъ быть, нѣсколько мѣсяцевъ, покуда могъ встать. А если операція состояла въ томъ, что паціенту, при аналогичныхъ съ нашимъ случаемъ обстоятельствахъ, т.-е. безъ его согласія и при отсутствіи неотложной необходимости, отрѣзали руку или ногу, и онъ на всю жизнь остался калѣкой? Неужели же все это можно считать безразличными дѣяніями, не подлежащими особой квалификаціи? Или въ этомъ случаѣ совершеніе операціи безъ согласія больного квалифицировалось бы уже не какъ простое самоуправство, а какъ нанесеніе ранъ?

Но вѣдь, это была бы вопіющая непослѣдовательность!...

Приведенныя соображенія, намъ кажется, достаточно убѣдительно доказываютъ, что совершеніе врачомъ операціи безъ согласія больного нельзя квалифицировать какъ самоуправство. Этотъ выводъ подкрѣпляется и соображеніями другого характера.

Не слѣдуетъ забывать, что хирургъ, производящій операцію, *лѣчитъ* больного, что операція есть то же *лѣченіе*; это, своего рода, сильно дѣйствующее средство, къ которому прибѣгаютъ, когда другія, обыкновенныя средства недостаточны. Разсмотримъ же аналогичные съ нашимъ случаи, которые возможны при обыкновенномъ лѣченіи больного.

Обязанъ ли врачъ испрашивать согласія больного на то или другое лѣкарство, которое онъ прописываетъ? Конечно, нѣтъ. Больной, призывая врача и ввѣряя ему заботы о своемъ здоровьи, тѣмъ самымъ уполномочиваетъ его на принятіе всѣхъ необходимыхъ для этого мѣръ, подобно тому какъ лицо, выдавшее присяжному повѣренному общую довѣренность, уполномочиваетъ его на всѣ необходимыя въ его интересахъ дѣйствія—разумѣется, въ предѣлахъ закона. Теперь представимъ себѣ такой случай. Къ врачу на квартиру или въ лѣчебницу является больной. Врачъ осматриваетъ его, ставитъ діагнозъ и заявляетъ больному, что ему нужно лечь на два мѣсяца и подвергнуться опредѣленному режиму и лѣченію. Больной отъ этого предложенія отказывается, но врачъ задерживаетъ его у себя, заставляетъ лечь въ постель и тѣмъ или инымъ путемъ (напр., угрозами, лишеніемъ пищи и т. п.) вынуждаетъ его подвергнуться намѣченному режиму и лѣченію, т.-е. подвергаетъ его насильственному лѣченію. Случай совершенно аналогичный съ насильственнымъ совершеніемъ операціи. При этомъ, какъ и въ случаѣ съ операціей, врачъ убѣжденъ, что осуществляетъ свое право распоряжаться по произволу личностью больного.

Какъ же квалифицировать дѣйствія нашего врача? Какъ самоуправство? Конечно, нѣтъ. Дѣйствія его, несомнѣнно, будутъ квалифицированы, какъ насильственное лишеніе человѣка свободы. Такое дѣяніе предусмотрѣно 1540 ст. Улож. о нак., которая гласитъ: «кто по *какой бы то ни было причинѣ и съ какимъ бы то ни было намѣреніемъ*, кромѣ лишь случаевъ, въ коихъ задержаніе и самое предварительное заключеніе, по уликамъ или подозрѣніямъ, или же въ видѣ наказанія, дозволено или предписано за-

комъ, самовольно и насильственно лишить кого-либо свободы», тотъ за сіе подвергается и т. д. Отмѣченныя нами курсивомъ слова не оставляютъ никакого сомнѣнія въ томъ, что цѣль задержанія больного нисколько не оправдываетъ врача, что эта цѣль на можетъ ни въ коемъ случаѣ измѣнить юридическую квалификацію дѣянія. Самое же лѣченіе, т.-е. принужденіе принимать опредѣленныя лѣкарства, въ данномъ случаѣ составляетъ даже скорѣе обстоятельство, увеличивающее вину и можетъ быть разсматриваемо какъ причиненіе мученій при самовольномъ лишеніи свободы, что согласно 1542 ст. Улож. и наказывается гораздо строже простого лишенія свободы.

Какая же принципіальная разница между насильственнымъ лѣченіемъ и насильственнымъ совершеніемъ операціи?

Намъ скажутъ, что въ первомъ случаѣ налицо имѣется задержаніе и лишеніе свободы на нѣкоторое время, а при производствѣ операціи этого признака нѣтъ. Совершенно вѣрно. Отсюда слѣдуетъ, что насильственное производство операціи и насильственное лѣченіе въ описанныхъ нами условіяхъ составляютъ не одно и то же преступленіе, а разныя, сообразно ихъ индивидуальнымъ признакамъ. Но это возраженіе нисколько не колеблетъ основнаго нашего положенія, что подобно тому какъ насильственное лѣченіе составляетъ не простое самоуправство, а гораздо болѣе тяжкое преступленіе, такъ и не отличающееся отъ него съ принципіальной точки зрѣнія насильственное производство операціи не можетъ составлять простого самоуправства. Достаточно замѣтить, что за насильственное лишеніе свободы законъ грозитъ лишеніемъ правъ и ссылкой въ Сибирь, а если послѣдствіемъ лишенія свободы была смерть, то и каторжной работой на время отъ 8 до 10 лѣтъ, а за самоуправство полагается лишь арестъ не свыше 3 мѣсяцевъ, а въ данномъ случаѣ, осложненномъ смертью паціента отъ операціи — заключеніе въ тюрьмѣ отъ 2 до 4 мѣсяцевъ. Разница, нисколько не соотвѣтствующая принципіальному сходству случаевъ.

Въ нашемъ казусѣ не возникаетъ вопроса о лишеніи свободы. Допустимъ, что для насильственнаго совершенія операціи врачъ задержалъ больного въ своей клиникѣ на 3—4 дня, а затѣмъ послѣ операціи, конечно, не выпускаетъ его до выздоровленія. Велика ли, однако, разница между обоими этими случаями?

Теперь представимъ себѣ другой случай. Врачъ лѣчитъ больного съ его согласія, но, не удовольствовавшись обыкновенными средствами лѣченія, позволяетъ себѣ прибѣгнуть къ мало испытанному или сильно дѣйствующему средству и прописываетъ его, не спросивъ согласія больного. Случай этотъ аналогиченъ въ извѣстной степени съ совершеніемъ операціи, такъ какъ и операція, какъ мы уже замѣтили, есть своего рода сильно дѣйствующее средство. Прописанное лѣкарство вызвало смерть больного. Какъ квалифицировать дѣяніе врача? Конечно, не какъ самоуправство, а смотря по обстоятельствамъ дѣла, или какъ безразличное, или какъ про-

явленіе профессіональнаго невѣжества, или какъ неосторожное убійство; но во всякомъ случаѣ не какъ самоуправство.

Обратимся теперь къ вопросу о томъ, примѣнима ли въ нашемъ случаѣ ст. 1466 Улож. Согласно точному тексту статьи и разъясненіямъ сената, она примѣняется въ тѣхъ случаяхъ, когда обвиняемый нарушилъ какое-нибудь постановленіе, ограждающее личную безопасность и общественный порядокъ. Но постановленія о томъ, что врачъ не имѣетъ права сдѣлать операцію безъ согласія больного, какъ мы видѣли, нѣтъ. Въ нашемъ случаѣ 1466 ст. была примѣнена судомъ на томъ основаніи, что если обвиняемый совершилъ самоуправство, значитъ онъ нарушилъ общую норму закона, ограждающую личную безопасность каждаго лица. Но разъ не можетъ быть примѣнена 142 ст., то, слѣдовательно, падаетъ и обвиненіе по 1466 ст.

Но если насильственное производство операціи безъ согласія больного не составляетъ самоуправства, то не представляетъ ли оно собою другое преступленіе, болѣе тяжкое, наприм., нанесеніе ранъ, тѣлесныхъ поврежденій?

Это предположеніе далеко не такъ парадоксально, какъ можетъ показаться съ перваго взгляда. Цѣлый рядъ нѣмецкихъ криминалистовъ—Merkel, Lisst, Binding, Meyer и др.—считаютъ операцію именно нанесеніемъ ранъ, которое не подлежитъ наказанію въ силу фикціи, что врачъ какъ бы уполномоченъ государствомъ на нанесеніе тѣлесныхъ поврежденій въ интересахъ здоровья паціента. Вольфъ и Опенгеймъ, также квалифицируя операцію какъ нанесеніе ранъ, видятъ основаніе ея ненаказуемости въ обычномъ правѣ, которое уполномочиваетъ врача на принятіе всѣхъ мѣръ, необходимыхъ для излѣченія больного, Лиліенталь въ цѣли, которую врачъ преслѣдуетъ при производствѣ операціи, а Дитрихъ въ томъ, что операція хотя и является зломъ, но необходимымъ для избѣжанія бо́льшаго зла.

Читатель видитъ, что взглядъ на операцію, какъ на причиненіе тѣлеснаго поврежденія, является довольно распространеннымъ въ наукѣ. Могутъ возразить, что вѣдь врачъ, производящій операцію, имѣетъ въ виду не нанесенія вреда, не самое тѣлесное поврежденіе, а, наоборотъ, излѣченіе больного. На этомъ основаніи нѣкоторые ученые, какъ, наприм., Геймбергеръ и Штоссъ и отказываются видѣть въ операціи случай тѣлеснаго поврежденія, указывая, что нѣтъ налицо внутренняго состава преступленія. Геймбергеръ не находитъ даже и внѣшняго состава преступленія, такъ какъ, по его мнѣнію, для наличности внѣшняго состава въ этомъ случаѣ требуется не простое причиненіе боли и нарушеніе тѣлесной неприкосновенности, а *поврежденіе здоровья,* совершеніе дѣйствій, вредныхъ для другого лица. Любопытно при этомъ, что операцію, совершенную безъ согласія больного, Геймбергеръ подводитъ подъ § 240 герм. угол. улож. (принужденіе) и 239 (лишенія свободы), т.-е. приближается ко взгляду, высказанному нами на принудительное лѣченіе.

Однако, съ мнѣніемъ Штосса и Геймбергера согласиться нельзя. Вну-

тренній составъ преступленія, на нашъ взглядъ, здѣсь налицо: это *умыселъ* нанести хирургическія раны, воля, направленная именно на данныя дѣйствія. Указывая въ доказательство отсутствія внутренняго состава на то, что врачъ, совершающій операцію, имѣетъ въ виду не вредъ, а пользу больному, Штоссъ и Геймбергеръ смѣшиваютъ *умыселъ* съ *цѣлью*. Для внутренняго состава преступленія въ нашемъ случаѣ достаточно умысла, цѣль же здѣсь, какъ и во множествѣ другихъ случаевъ, не оказываетъ никакого вліянія на квалификацію. Можно себѣ представить случай, когда обыкновенное лицо, а не хирургъ, наноситъ другому лицу раны съ цѣлью, ошибочной или даже правильной, оказать ему пользу. Все равно онъ совершилъ такое же предусмотрѣнное уголовнымъ закономъ дѣяніе, какъ обыкновенный преступникъ, нанесшій своей жертвѣ раны. Вольноотпущенникъ, убившій Нерона, чтобы не дать ему попасться въ руки враговъ, мчавшихся за нимъ вдогонку, лицо, убившее другого, чтобъ избавить его отъ мученій или отъ позора, также совершили обыкновенныя убійства. Врачъ, насильно задержавшій у себя больного для лѣченія, или обыкновенное лицо, задержавшее у себя на нѣсколько мѣсяцевъ другого съ цѣлью избавить его, положимъ, отъ грозящихъ ему крупныхъ непріятностей, совершили преступленіе, называющееся лишеніемъ другого свободы.

Еще болѣе неправильно мнѣніе Геймбергера объ отсутствіи въ нашемъ случаѣ внѣшняго состава преступленія въ виду того, что для внѣшняго состава требуется будто бы не только нарушеніе тѣлесной неприкосновенности, а поврежденіе здоровья и совершеніе дѣйствій, вредныхъ для другого лица. Это ужъ простое смѣшеніе цѣли съ объективнымъ характеромъ дѣйствія. По общепринятому въ наукѣ взгляду для внѣшняго состава преступленіе въ нашемъ случаѣ совершенно достаточно нарушенія тѣлесной неприкосновенности. Да и съ точки зрѣнія самого Геймбергера выходитъ, что, если, наприм., операція не была вовсе нужна паціенту, то врачъ, сдѣлавшій ее, совершилъ дѣйствіе, вредное для больного; во многихъ случаяхъ, слѣдовательно, внѣшній составъ преступленія будетъ налицо.

Выводъ изъ нашихъ соображеній ясенъ. Операція есть случай тѣлеснаго поврежденія. Она ненаказуема, когда дѣлается для спасенія больного отъ грозящей ему немедленной смерти, а во всѣхъ остальныхъ случаяхъ, когда больной далъ на нее свое согласіе. При отсутствіи этого согласія она наказуема.

Тѣмъ не менѣе, рискуя получить упрекъ въ непослѣдовательности, мы не можемъ рекомендовать квалифицировать и наказывать операцію, совершонную безъ согласія больного, какъ нанесеніе ранъ или увѣчья. Недаромъ мы еще въ началѣ статьи упомянули, что къ рѣшенію вопроса объ отвѣтственности врачей надо подходить съ большой осторожностью, что строгіе юридическіе выводы должны считаться здѣсь съ требованіями практической жизни и *политикой* взаимныхъ отношеній между врачомъ и обществомъ. Хотя съ чисто-теоретической точки зрѣнія операція и по внѣшнему, и по внутреннему составу дѣянія вполнѣ подходитъ подъ нанесеніе

ранъ или увѣчья, почему при отсутствіи крайней необходимости или согласія больного, и должна бы наказываться какъ таковое, тѣмъ не менѣе нельзя же не принять во вниманіе, что врачъ, производящій операцію, лишь *лѣчитъ* больного, дѣйствуетъ исключительно въ интересахъ его здоровья. Пусть это не имѣетъ значенія съ теоретической точки зрѣнія, но нельзя же не считаться и съ жизнью, нельзя же въ интересахъ теоретической стройности жертвовать простой житейской справедливостью. Нельзя же забывать, что за причиненіе увѣчья или ранъ законъ грозитъ строгой карой, начиная съ каторжныхъ работъ отъ 4 до 8 лѣтъ, а если послѣдствіемъ ранъ была смерть, то отъ 8 до 10 лѣтъ, и кончая ссылкой въ Сибирь и арестантскими отдѣленіями. Наконецъ, было бы даже нецѣлесообразно обвинять врача, сдѣлавшаго операцію безъ согласія больного, въ нанесеніи ранъ или увѣчья, такъ какъ присяжные засѣдатели во всѣхъ такихъ случаяхъ несомнѣнно выносили бы оправдательные приговоры.

Итакъ, подъ самоуправство случай совершенія операціи безъ согласія больного не подходитъ, подвести же его подъ нанесеніе ранъ было бы несправедливо и нецѣлесообразно. Какъ же быть? Оставлять врача вовсе безнаказаннымъ?

Ни въ какомъ случаѣ. Никто не имѣетъ права распоряжаться по своему произволу жизнью и здоровьемъ другого. Даже самоубійство законъ нашъ считаетъ преступленіемъ и облагаетъ наказаніемъ, а за доставленіе средствъ къ совершенію самоубійства караетъ какъ за «пособіе въ убійствѣ, учиненномъ съ обдуманнымъ намѣреніемъ или умысломъ». Само государство лишь въ самыхъ исключительныхъ случаяхъ присваиваетъ себѣ право лишенія гражданина жизни, но и это право, какъ извѣстно, многіе отвергаютъ. На какомъ же основаніи мы предоставимъ врачамъ право распоряжаться по своему произволу жизнью и здоровьемъ своихъ согражданъ? Оставимъ даже въ сторонѣ общія нормы права, не будемъ говорить о возможныхъ злоупотребленіяхъ, но развѣ медицина такая совершенная наука, чтобъ можно было ввѣрить ея жрецамъ неограниченныя права надъ нами? Развѣ не говорятъ намъ сами авторитетные представители науки, что медицина еще находится въ первопачальной стадіи развитія? Развѣ мы не знаемъ, что въ этой наукѣ одна теорія безпрерывно уступаетъ мѣсто другой, что пріемы и средства, вчера превозносившіеся какъ благодѣтельные, сегодня уже считаются гибельными? Нѣтъ, ни общія нормы права, ни самое положеніе медицинской науки не позволяютъ намъ вручить врачамъ неограниченное право распоряженія жизнью и здоровьемъ больныхъ. Операція, совершонная врачомъ безъ согласія больного, должна считаться преступленіемъ и должна быть наказуема. Но какъ?

Наказывать за операцію, какъ за нанесеніе увѣчья или ранъ было бы жестоко и несправедливо, подводить же операцію подъ самоуправство было бы неправильно и кромѣ того въ этомъ случаѣ легкость наказанія черезчуръ не соотвѣтствовала бы серьезности преступленія. Въ самомъ дѣлѣ, вы схватили человѣка за руки и насильно отнимаете у него

принадлежащую вамъ вещь,—вы совершили самоуправство, за которое вы подлежите аресту не свыше 3 мѣсяцевъ. Но развѣ можно сравнить съ этимъ случаемъ другой, когда врачъ насильно захлороформировалъ больного и сдѣлалъ ему операцію? Пусть въ дѣйствіяхъ врача вплоть до момента захлороформированія включительно будетъ только составъ самоуправства. Но, вѣдь, послѣ захлороформированія больного еще рѣзали, затѣмъ ужъ послѣ операціи онъ лежалъ, онъ страдалъ отъ мучительныхъ болей. Согласитесь, что это чего-нибудь да стоитъ. Въ случаѣ съ докторомъ Модлинскимъ, въ виду смерти больной, судъ осложнилъ самоуправство ссылкой на 1466 ст. А если бы больная не умерла? А если бы, напримѣръ, у нея отняли ногу? Неужели это было бы простое самоуправство?

Въ виду этихъ соображеній мы полагали бы, что производство операціи безъ согласія больного, когда притомъ въ ней не было неотложной необходимости, слѣдутъ квалифицировать какъ особое преступленіе. Слѣдуетъ ввести въ Улож. о наказ. особую статью о томъ, что такое дѣяніе и вообще насильственное лѣченіе воспрещается подъ страхомъ извѣстнаго наказанія. Наказаніе это должно быть меньше, чѣмъ за нанесеніе увѣчья или ранъ, но больше, чѣмъ за самоуправство. Если результатомъ насильственнаго лѣченія или операціи была смерть, увѣчье или поврежденіе здоровья, наказаніе, по общимъ принципамъ уголовнаго права, должно быть повышено сообразно важности результата.

Въ газетныхъ статьяхъ, появившихся по поводу процесса г. Модлинскаго, были выражены опасенія, что обвинительный приговоръ суда втиснетъ дѣятельность врачей въ слишкомъ узкія рамки. Какъ быть, спрашивали авторы статей, врачу, если больной, которому грозитъ смерть въ состояніи невмѣняемости, а родныхъ или близкихъ нѣтъ, или они своего согласія на операцію не дадутъ? Сейчасъ послѣ процесса доктора Модлинскаго газеты сообщили, что въ одну изъ московскихъ больницъ былъ доставленъ мальчикъ съ гнойнымъ воспаленіемъ уха. Врачи нашли, что только операція можетъ спасти мальчика отъ смерти, но не рѣшились сдѣлать ее безъ согласія родителей его. Такъ какъ родныхъ никого налицо не было, то пришлось съ ними списаться, но пока отъ нихъ пришелъ отвѣтъ, мальчикъ умеръ. Подобнаго рода случаи и раньше, до процесса г. Модлинскаго, вызывали недоумѣніе врачей. Такъ, нѣсколько лѣтъ тому назада д-ръ Соколовъ въ рефератѣ, представленномъ кіевскому съѣзду врачей, привелъ, между прочимъ, такой случай. Въ одну изъ петербургскихъ больницъ былъ принятъ ребенокъ съ заворотомъ кишокъ. Была произведена лапоротомія, кишки расправлены и положена повязка со льдомъ. Вечеромъ явилась мать, стала угрожать врачамъ судомъ за сдѣланную безъ ея согласія операцію, сбросила повязку и ледъ и потребовала ребенка обратно. Дежурная женщина-врачъ отдала ребенка матери; въ ту же ночь онъ умеръ дома.

Д-ръ Кесслеръ изъ Вендена собралъ цѣлый рядъ случаевъ, когда мужья или родители не позволяли дѣлать своимъ женамъ или дѣтямъ операцій, необходимыхъ для спасенія ихъ отъ неминуемой смерти. Многіе руководи-

лись при этомъ явно эгоистическими или преступными мотивами—желаніемъ отправить больную жену или ребенка въ лучшій міръ. «Пусть лучше она умретъ,—нерѣдко говорятъ мужья,—а я не согласенъ на операцію». Между прочимъ д-ръ Кесслеръ приводитъ случай, когда женщинѣ, у которой развилась гангрена ноги, надо было дѣлать ампутацію. «Жена съ одной ногой мнѣ ни на что не нужна,—заявилъ мужъ,—пусть лучше она умретъ». Операція не была сдѣлана, и больная дѣйствительно, умерла.

Слѣдуетъ, однако, замѣтить, что приведенные и подобные имъ случаи разрѣшаются очень легко и никакого недоумѣнія не должны вызывать. Докторъ Модлинскій осужденъ не за то, что онъ сдѣлалъ операцію безъ согласія больной, а за то, что онъ поступилъ такимъ образомъ тогда, когда въ операціи *не было неотложной* необходимости. Разъ же, выражаясь медицинскимъ терминомъ, налицо есть *жизненныя показанія*, т.-е. больному грозитъ немедленная смерть и есть основаніе разсчитывать, что операція можетъ его спасти, врачъ не только имѣетъ право, но и обязанъ ее сдѣлать, хотя бы ни самъ больной, ни его родные этого не хотѣли. Тутъ уже властно вступаетъ въ свои права другой принципъ, по которому не только близкіе и родные, но и самъ больной не въ правѣ распорядиться своею жизнью. Притомъ же больной, не соглашающійся на операцію, когда она можетъ спасти его отъ немедленной смерти, долженъ расматриваться, какъ человѣкъ, находящійси въ состояніи невмѣняемости. Поэтому въ случаѣ съ мальчикомъ, у котораго было гнойное воспаленіе уха, врачъ обязанъ былъ приступить къ операціи, не ожидая согласія родителей; женщина-врачъ въ петербургской больницѣ не имѣла права отдать только что оперированнаго ребенка матери; женщинѣ, у которой была гангрена ноги, врачъ долженъ былъ сдѣлать операцію, вопреки желанію мужа, разъ только онъ имѣлъ къ этому возможность,—если, наприм., женщина лежала въ клиникѣ. Не говоримъ ужъ о томъ, что согласіе мужа вовсе не требуется для производства операціи женщинѣ. Только, если рѣчь идетъ о малолѣтнихъ или лицахъ, находящихся въ состояніи невмѣняемости, необходимо согласіе родныхъ или опекуновъ.

Въ газетныхъ статьяхъ по поводу дѣла д-ра Модлинскаго указывалось на то, что нецѣлесообразно довѣрять рѣшеніе вопроса о необходимости операціи невѣжественному больному. Врачъ во всеоружіи знанія и опыта находитъ операцію необходимой, а больной на нее не соглашается и своимъ невѣжественнымъ упрямствомъ лишь приближаетъ себя къ могилѣ.

Это, конечно, справедливо. Но что-жъ дѣлать? Развѣ только въ области лѣченія люди вредятъ себѣ своимъ невѣжествомъ и неразумѣніемъ? Мало ли людей разстраиваетъ себѣ здоровье алкоголемъ и всякаго рода излишествами? Мало ли невѣжественные родители калѣчатъ своихъ дѣтей нелѣпымъ воспитаніемъ? А въ области экономическихъ отношеній, да и вообще всюду и вездѣ въ жизни мы не видимъ гибельныхъ результатовъ глупости и невѣжества? Какую же общую панацею можно придумать противъ этого? На всѣ эти вопросы возможенъ только одинъ отвѣтъ: распро-

страняйте просвѣщеніе, поднимайте человѣческое сознаніе, создавайте такія условія существованія, чтобы люди получили возможность разумно относиться къ себѣ и окружающему. Пока же такихъ условій не существуетъ, намъ представляется менѣе опаснымъ мириться съ тѣмъ, что во многихъ случаяхъ невѣжественные больные, не желая слѣдовать указаніямъ врачей, наносятъ себѣ же вредъ, чѣмъ предоставить опредѣленной кастѣ людей, невооруженныхъ даже достаточно положительными и твердыми знаніями, право распоряжаться помимо нашего согласія нашей жизнью и здоровьемъ.

Въ случаѣ съ докторомъ Модлинскимъ эксперты признали, что хотя безусловной необходимости сдѣлать операцію не было, все же ее раньше или позже пришлось бы сдѣлать. Но представимъ себѣ другой случай. Врачъ неправильно поставилъ діагнозъ и сдѣлалъ операцію, хотя бы и съ согласія больного, когда ея вовсе не нужно было, а между тѣмъ послѣдствіемъ операціи была смерть или лишеніе какого-нибудь органа. Какъ квалифицировать такое дѣяніе врача? И вообще какъ юридически квалифицировать врачебныя *ошибки?*

Замѣтимъ раньше всего, что квалификація случаевъ явной небрежности, нерадѣнія, неосторожности или злоупотребленій врача никакой трудности не представляетъ. Такіе случаи собственно не подходятъ подъ понятіе ошибки врача и должны разсматриваться какъ обыкновенныя преступленія. Врачъ при операціи употребилъ загрязненный инструментъ, оставилъ въ животѣ пацієнта какой-нибудь посторонній предметъ, приступилъ къ операціи въ нетрезвомъ видѣ—во всѣхъ этихъ случаяхъ, если послѣдствіемъ такой небрежности, нерадѣнія или недобросовѣстнаго отношенія врача къ своимъ обязанностямъ была смерть пацієнта, онъ подлежитъ наказанію какъ за неосторожное убійство.

Въ книгѣ г. Вересаева приведенъ длинный рядъ глубоко-возмутительныхъ случаевъ прививки врачами различнаго рода сифилитическихъ болѣзней здоровымъ людямъ. Ихъ такъ много, этихъ случаевъ, что г. Вересаевъ, повидимому, съ полнымъ правомъ могъ сказать: «Буквально каждый шагъ въ ихъ наукѣ (венерологіи) запятнанъ преступленіемъ». Врачи оправдываютъ эти опыты надъ живыми людьми тѣмъ, будто они необходимы въ интересахъ науки. Но не говоря уже о томъ, что и въ средѣ врачей находится не мало лицъ, которыя протестуютъ противъ этихъ опытовъ и вовсе не считаютъ ихъ необходимыми для развитія науки, мы, общество, во всякомъ случаѣ не можемъ принять этого оправданія. Мы не можемъ предоставлять своихъ членовъ опаснымъ экспериментамъ врачей.

Что сказали бы мы о психологѣ, который въ интересахъ своей науки вздумалъ бы насильно запирать людей въ одиночное заключеніе и подвергать ихъ тамъ разнымъ мучительнымъ экспериментамъ съ цѣлью тѣхъ или иныхъ психологическихъ наблюденій? или о педагогѣ, который пожелалъ бы надъ порученными ему дѣтьми провѣрять какія-нибудь фантастическія педагогическія теоріи? Да, всѣ эти опыты врачей надъ посторонними людьми

безусловно преступны. Такія преступленія предусмотрѣны и нашимъ закономъ, который угрожаетъ тѣмъ «кто съ обдуманнымъ заранѣе намѣреніемъ причинитъ кому-либо разстройство въ здоровьѣ» строгой карой, начиная съ каторжныхъ работъ и кончая арестантскими отдѣленіями (ст. 1486 улож. о нак.).

Есть другіе врачи, которые въ интересахъ науки, отдаютъ самихъ себя въ жертву различныхъ экспериментовъ. Предъ этими самоотверженными людьми, предъ этими героями науки мы почтительно преклоняемся. Но на дѣянія ихъ недостойныхъ товарищей мы не можемъ смотрѣть иначе, какъ на преступленія. И правъ былъ г. Вересаевъ, воскликнувъ въ негодованіи, что «пора ужъ и обществу перестать ждать, когда врачи, наконецъ, выйдутъ изъ своего бездѣйствія, и принять собственныя мѣры для огражденія своихъ членовъ отъ ревнителей науки, забывшихъ о различіи между людьми и морскими свинками». Пора, дѣйствительно, прокурорскому надзору обратить свое вниманіе на этихъ «ревнителей науки» и привлечь ихъ къ отвѣту. Можетъ быть, нѣсколько обвинительныхъ приговоровъ хоть отчасти обуздали бы этихъ людей, не сознающихъ, повидимому, всей преступности своихъ дѣяній. Судебная практика знаетъ случаи осужденія врачей за изгнаніе плода изъ беременной женщины, хотя бы съ ея вѣдома и согласія. Но развѣ прививать сифилитическія болѣзни здоровымъ людямъ не болѣе преступно?

Если вопросъ о квалификаціи приведенныхъ и аналогичныхъ съ ними случаевъ представляется довольно простымъ и яснымъ, то этого отнюдь нельзя сказать о вопросѣ о медицинскихъ *ошибкахъ* въ тѣсномъ смыслѣ слова. Къ сожалѣнію, размѣры статьи не позволяютъ намъ остановиться на этомъ интересномъ вопросѣ съ той полнотою, какой онъ заслуживаетъ, почему намъ и придется ограничиться лишь нѣсколькими наиболѣе важными замѣчаніями.

Обращаясь къ иностраннымъ законодательствамъ, мы находимъ, что во многихъ изъ нихъ никакихъ спеціальныхъ постановленій объ отвѣтственности врачей за совершонныя ими профессіональныя ошибки нѣтъ; тѣмъ не менѣе судебная практика вездѣ признаетъ эту отвѣтственность. Такъ, спеціальныхъ постановленій по этому вопросу нѣтъ ни въ англійскомъ, ни въ германскомъ, ни во французскомъ, ни въ испанскомъ законодательствѣ. Баварское уложеніе наказываетъ, какъ за тяжкую неосторожность врача, который причинитъ паціенту вредъ вслѣдствіе недостатка обыкновенныхъ познаній или ловкости, необходимыхъ для его профессіи. Виртембергскій кодексъ, въ случаѣ причиненія врачомъ по неосторожности тѣлеснаго поврежденія или смерти присоединяетъ къ обыкновенному наказанію за это преступленіе лишеніе врача диплома. Такого же взгляда держится венгерскій кодексъ 1878 г. Ганноверскій кодексъ наказываетъ какъ за тяжкую преступную неосторожность случай, когда врачъ совершитъ преступленіе по недостатку профессіональныхъ знаній или по небреженію этими знаніями. Баденскій кодексъ неосторожное убійство или тѣлесное повреж-

деніе, причиненное врачомъ по небрежному отношенію къ своимъ обязанностямъ, квалифицируетъ также, какъ виртембергскій кодексъ, но при этомъ дѣлаетъ оговорку: «Если смерть или тѣлесное поврежденіе были результатомъ научной ошибки, основывающейся на какомъ-либо ошибочномъ взглядѣ, то обвиняемый не можетъ подлежать никакому наказанію, насколько онъ дѣйствовалъ въ предѣлахъ даннаго ему свидѣтельства». Если, однако, врачъ сознательно дѣйствовалъ вопреки правиламъ науки, то онъ подлежитъ наказанію, какъ за преступную неосторожность. По австрійскому уложенію врачъ, совершившій при лѣченіи больного явную ошибку, подлежитъ аресту отъ 1 до 6 мѣсяцевъ, если послѣдствіемъ ошибки была смерть больного. Итальянское уложеніе также наказываетъ врача за явное невѣжество. Наконецъ, наше уложеніе гласитъ (ст. 870): «Когда медицинскимъ начальствомъ будетъ признано, что врачъ, операторъ, акушеръ или повивальная бабка, по незнанію своего искусства, дѣлаютъ явныя, болѣе или менѣе важныя въ этомъ ошибки, то имъ воспрещается практика, доколѣ они не выдержатъ новаго испытанія».

Такимъ образомъ ни одно законодательство не считаетъ возможнымъ освободить врачей отъ отвѣтственности за явныя ошибки, совершонныя при лѣченіи. Въ Англіи же, Франціи и Германіи, гдѣ спеціальныхъ постановленій по этому поводу не имѣется, судебная практика все же твердо проводитъ взглядъ на отвѣтственность врачей за ошибки.

Защитники врачей говорятъ, что ошибки послѣднихъ вытекаютъ изъ несовершенства науки, что незнаніе не составляетъ уголовнаго преступленія, что трудно установить, является ли неудачный исходъ лѣченья результатомъ ошибки или неотвратимыхъ стихійныхъ силъ, что поэтому одинъ только Богъ можетъ быть судьей между врачомъ и больнымъ.

Но съ этими взглядами согласиться нельзя. «Если архитекторъ,—говоритъ Н. С. Таганцевъ,—отвѣчаетъ за плохое устройство лѣсовъ, бывшее причиной смерти рабочихъ, если смотритель за каменно-угольными копями отвѣчаетъ за взрывъ газовъ, когда причины этого взрыва объясняются несмотрѣніемъ или незнаніемъ виновнаго, то нѣтъ причинъ ставить въ иное положеніе оператора, при совершеніи какой-либо легкой операціи по небрежности, неловкости, неумѣнью и т. п. зарѣзавшаго своего паціента. Предѣлы и степень отвѣтственности должны быть въ этихъ случаяхъ одинаковы» (Н. С. Таганцевъ: «Преступленіе противъ жизни», стр. 96).

Кромѣ ошибокъ, вызываемыхъ небрежностью, неловкостью, невѣжествомъ, врачъ долженъ отвѣчать и за легкомысленное примѣненіе новыхъ, мало провѣренныхъ еще наукой средствъ, если послѣдствіемъ такого примѣненія явилось причиненіе поврежденія въ здоровьи паціента.

Въ «Запискахъ врача» г. Вересаева приведено множество случаевъ несчастныхъ послѣдствій отъ примѣненія мало испытанныхъ средствъ.

«Предо мною раскрылось нѣчто ужасающее,—говоритъ г. Вересаевъ.—Каждый номеръ врачебной газеты содержитъ въ себѣ сообщеніе о десяткахъ

новыхъ средствъ, и такъ изъ недѣли въ недѣлю, изъ мѣсяца въ мѣсяцъ; это былъ какой-то громадный, бѣшеный, безкопечный потокъ, при взглядѣ на который разбѣгались глаза: новыя лѣкарства, новыя дозы, новые способы введенія ихъ, новыя операціи, и тутъ же—десятки и сотни... загубленныхъ человѣческихъ здоровій и жизней».

Къ этимъ загубленнымъ человѣческимъ здоровьямъ и жизнямъ мы, конечно, не можемъ относиться равнодушно, и врачъ, легкомысленно позволившій себѣ примѣненіе мало испытаннаго средства, долженъ быть наказанъ.

Однако, защитники безотвѣтственности врачей правы, когда говорятъ, что ошибки въ лѣченіи часто вытекаютъ изъ несовершенства науки и что запрещеніе употребленія новыхъ средствъ явилось бы сильнѣйшимъ тормозомъ для развитія медицины. Поэтому слѣдуетъ признать, что не всякая ошибка и не всякое примѣненіе врачомъ новаго средства должны считаться преступленіями. Справедливо говоритъ по этому поводу Н. С. Таганцевъ, что «смерть паціента, хотя бы происшедшая отъ незнанія или неискусства врача или вообще отъ ошибки его въ пользованіи больного, *по общему правилу* (курсивъ вездѣ нашъ) не можетъ быть причиной его уголовной отвѣтственности. Но это правило допускаетъ ограниченія двоякаго рода. Врачъ отвѣчаетъ за неосторожное убійство, во-первыхъ, какъ скоро онъ допустилъ *грубую ошибку или въ распознаніи болѣзни или въ выборѣ способовъ лѣченія* и, во-вторыхъ, когда онъ ввелъ *неупотребленный* до тѣхъ поръ и *явнопротиворѣчащій или законамъ логики или непоколебленнымъ еще фактамъ науки* способъ, предполагая, разумѣется, что между лѣченіемъ и послѣдовавшей смертью существуетъ причинная связь».

Такого же взгляда держатся Бернеръ и Миттермайеръ.

Эти общія указанія, намъ кажется, могутъ служить надежными руководящими принципами въ рѣшеніи вопроса объ ошибкахъ врачей.

Но какимъ образомъ установить, совершилъ ли врачъ *грубую ошибку* при постановкѣ діагноза или въ выборѣ способовъ лѣченія и противорѣчитъ ли примѣненный имъ способъ непоколебимымъ фактамъ науки? Развѣ юристы могутъ быть компетентны въ рѣшеніи такихъ вопросовъ, требующихъ спеціальныхъ знаній?

По общему правилу, во всѣхъ дѣлахъ, гдѣ рѣшеніе вопроса требуетъ спеціальныхъ знаній, судъ обращается къ мнѣнію экспертовъ - спеціалистовъ. Такъ поступаетъ онъ обыкновенно и въ случаяхъ, когда рѣчь идетъ о врачебной ошибкѣ или неосторожности. Но слѣдуетъ замѣтить, что въ виду крайней неустойчивости и особенностей врачебной науки экспертиза въ этихъ случаяхъ является особенно затруднительной. Едва ли найдется другая категорія дѣлъ, гдѣ экспертиза въ такой же степени страдала бы произвольностью и субъективностью, какъ въ дѣлахъ о врачебныхъ ошибкахъ. Недаромъ противники отвѣтственности врачей указывали на то, что уже на одномъ этомъ основаніи не слѣдовало бы доводить ошибки врачей до суда. Съ другой стороны, и защитники отвѣтственности врачей,

какъ Таганцевъ, Берперъ, Ширмайеръ, Миттермайеръ и др., высказываясь за привлеченіе къ рѣшенію дѣлъ о врачебныхъ ошибкахъ экспертовъ, признаютъ, однако, что нерѣдко заключеніе экспертовъ въ этихъ случаяхъ выражаетъ лишь борьбу партій и направленій.

Намъ казалось бы поэтому, что въ дѣлахъ, предметомъ которыхъ служатъ тѣ или иныя *профессіональныя* дѣйствія врачей, цѣлесообразно было бы допустить нѣкоторыя изъятія изъ общаго порядка судопроизводства. Въ каждомъ университетскомъ городѣ слѣдовало бы учредить особый врачебный совѣтъ, который и разсматривалъ бы жалобы на дѣйствія врачей. Совѣтъ разсматриваетъ дѣла какъ по жалобамъ заинтересованныхъ лицъ, такъ и по предложенію прокурорскаго надзора. Въ случаяхъ менѣе важныхъ, совѣтъ собственной властью налагаетъ на виновнаго наказаніе, которое можетъ состоять въ выговорѣ, замѣчаніи, предостереженіи, временномъ запрещеніи практики и, наконецъ, при многократномъ повтореніи проступка, и въ совершенномъ лишеніи диплома. Въ случаѣ же, если дѣяніе врача представляетъ собою уголовное преступленіе, наприм., неосторожное убійство или поврежденіе въ здоровьи, совѣтъ передаетъ дѣло съ своимъ заключеніемъ въ окружный судъ, который въ качествѣ экспертовъ вызываетъ членовъ совѣта. Приговоры совѣта могутъ быть обжалованы осужденными врачами въ судебную палату, рѣшенія которой являются окончательными, за исключеніемъ случаевъ лишенія диплома, когда осужденный можетъ принести и кассаціонную жалобу въ сенатъ. Съ другой стороны—прокурору суда принадлежитъ право протеста на всѣ рѣшенія совѣта.

Намъ кажется, что такая постановка дѣла одинаково удовлетворитъ обѣ стороны—и врачей, и публику, и вмѣстѣ съ тѣмъ будетъ вполнѣ соотвѣтствовать и интересамъ правосудія. Врачи будутъ гарантированы въ томъ отношеніи, что они не попадутъ за маловажное нарушеніе или ошибку на скамью подсудимыхъ, что̀ ужъ само по себѣ можетъ составить для нихъ тяжкое наказаніе и нанести неисправимый ущербъ ихъ профессіональной репутаціи. Врачу, можетъ быть, будетъ пріятнѣе уйти съ выговоромъ изъ негласнаго товарищескаго суда, чѣмъ оправданнымъ изъ залы уголовнаго суда. Публика же выиграетъ въ томъ отношеніи, что дѣянія врачей, не составляющія уголовнаго преступленія, но тѣмъ не менѣе вредныя и опасныя, не будутъ оставаться безнаказанными, а это заставитъ врачей, не стоящихъ на высотѣ своего положенія, съ бо̀льшимъ вниманіемъ и осторожностью относиться къ своимъ важнымъ обязанностямъ. Наконецъ, отъ такого порядка судопроизводства нисколько не пострадаютъ и интересы правосудія, такъ какъ всякое неправильное рѣшеніе совѣта можетъ быть исправлено въ судѣ.

Намъ скажутъ, что врачебный совѣтъ будетъ слишкомъ снисходителенъ къ проступкамъ врачей. Но, вѣдь, то же самое можно сказать и о врачахъ-экспертахъ. Съ чисто технической же точки зрѣнія, намъ кажется, совѣтъ будетъ представлять болѣе надежную гарантію правильности заключе-

нія, чѣмъ обыкновенная экспертиза, хотя бы ужъ на томъ основаніи, что члены совѣта, постоянно исполняющіе свои обязанности, правильнѣе и легче будутъ оріентироваться въ нихъ, чѣмъ случайно призываемые для одного даннаго дѣла эксперты.

Организація, аналогичная отчасти съ той, какую мы рекомендуемъ, существуетъ въ средѣ нашей адвокатуры въ видѣ совѣтовъ присяжныхъ повѣренныхъ, и здѣсь она, безспорно, оказываетъ огромную пользу, поддерживая и укрѣпляя въ сословіи благородныя традиціи, воспитывая его въ духѣ высокихъ нравственныхъ началъ и ограждая общество отъ недостойныхъ членовъ сословія тамъ, гдѣ уголовный законъ безсиленъ. Такое же высокое нравственное значеніе должны получить и врачебные совѣты. Они должны воспитывать врачей въ духѣ высокаго служенія страждущему человѣчеству и ограждать общество отъ тѣхъ «ревнителей науки», которые, забывъ свой долгъ, позволятъ себѣ дѣйствія, не согласныя съ тѣми отвѣтственными обязанностями, какія налагаетъ на нихъ ихъ званіе и профессія.

А. Скляръ.

Бытописатель переходнаго времени.

(О литературной дѣятельности Г. И. Успенскаго).

Немного найдется въ нашей литературѣ писателей, которые пользовались бы въ свое время такой популярностью и вліяніемъ, какъ Г. И. Успенскій. Его читали и перечитывали, его любили и восторгались его произведеніями, признавая его оригинальный талантъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ это ни странно, его репутація въ литературѣ является всетаки нѣсколько неопредѣленной. Немногіе, да и то довольно нерѣшительно, причисляютъ его къ наиболѣе крупнымъ нашимъ писателямъ; большинство же цѣнителей относится съ нѣкоторымъ сомнѣніемъ къ его произведеніямъ, не зная, какое мѣсто отвести ему на литературномъ Парнасѣ. А между тѣмъ ни его талантъ, ни даже крупные размѣры послѣдняго не могутъ подлежать сомнѣнію; но въ его произведеніяхъ замѣчается нѣчто, отдѣляющее его отъ всѣхъ корифеевъ русской литературы, за исключеніемъ отчасти Щедрина, съ которымъ у него есть и много общаго.

Глубина произведеній писателя и его значеніе опредѣляются довольно вѣрно продолжительностью интереса, сохраняемаго его произведеніями. Успенскій еще такъ недавно сошелъ съ литературной арены, что эта мѣрка не можетъ быть приложена къ его произведеніямъ вполнѣ. Но отчасти можно приложить и ее при сужденіи о размѣрахъ его таланта. Первыя произведенія его появились въ свѣтъ около сорока лѣтъ тому назадъ, но и до сихъ поръ они не утратили интереса, тогда какъ такового не представляетъ уже многое множество произведеній другихъ писателей, печатавшихся одновременно съ ними. Почти въ одно время съ Успенскимъ начали свою литературную дѣятельность такіе несомнѣнно талантливые писатели, какъ Помяловскій, Рѣшетниковъ, Слѣпцовъ, Левитовъ, Н. Успенскій и друг. Нѣкоторые изъ этихъ писателей обладали даже крупнымъ дарованіемъ (особенно Помяловскій), но всѣ они въ настоящее время, болѣе или менѣе, забыты. Между тѣмъ почти всѣ произведенія Г. И. Успенскаго и до сихъ поръ сохранили свой прежній живой интересъ.

Такимъ образомъ, произведенія Успенскаго имѣютъ, повидимому, значеніе не только преходящее, временное, и тѣмъ страннѣе, что репутація

его остается неопредѣленной, хотя прошло около десяти лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ онъ пересталъ писать. Возможно предположить, что нѣкоторое вліяніе на неопредѣленность сужденій о немъ могло имѣть то обстоятельство, что онъ касался въ своихъ произведеніяхъ слишкомъ животрепещущихъ вопросовъ современности. Несомнѣнно, что многіе умаляли достоинство его произведеній именно благодаря этому обстоятельству, благодаря партійнымъ увлеченіямъ. А такъ какъ вопросы, которыхъ онъ касался, и до сихъ поръ не утратили современности, то и теперь это обстоятельство не можетъ не имѣть вліянія на сужденія о немъ. Какъ и Щедринъ, онъ отнюдь не былъ объективнымъ художникомъ, но художникомъ-публицистомъ, проникнутымъ твердыми и опредѣленными убѣжденіями, которыя онъ развивалъ въ цѣломъ рядѣ своихъ произведеній. Враги тѣхъ взглядовъ, которые онъ проводилъ въ своихъ произведеніяхъ, несомнѣнно изъза этого могли умалять его значеніе (какъ умалялось, наприм., значеніе Щедрина), но замѣчательно, что и люди, сочувствовавшіе его дѣятельности, съ нѣкоторымъ сомнѣніемъ относились къ литературному значенію его произведеній.

Какая же причина колебаній и нѣкотораго недоумѣнія при опредѣленіи значенія и достоинствъ произведеній Успенскаго, въ то время какъ интересъ ихъ не подлежитъ сомнѣнію, а вліяніе его и популярность были огромны?

Намъ кажется, что причина кроется именно въ формѣ его произведеній. Какъ беллетристъ, онъ не только уступаетъ такимъ корифеямъ, какъ Л. Н. Толстой, Тургеневъ, Гончаровъ и друг., но и писателямъ гораздо меньшаго калибра. Когда читаешь его произведенія, возникаетъ даже сомнѣніе, къ какой собственно категоріи писателей причислить его—беллетристъ это или публицистъ? Можно положительно сказать, что изъ всѣхъ его произведеній ни одно не можетъ быть названо «повѣстью» и рѣдкія можно причислить даже къ категоріи «разсказовъ». Самое крупное (и кажется, первое) его произведеніе: «Нравы Растеряевой улицы» представляетъ собраніе очерковъ, отнюдь не связанныхъ единствомъ фабулы и лицъ, а лишь единствомъ той идеи, которая положена въ основаніе ихъ. Нѣсколько больше стройности, какъ бы попытку написать повѣсть представляетъ «Разорепье» («Наблюденія Михаила Ивановича»), но и здѣсь нѣтъ правильнаго развитія фабулы, и къ тому же произведеніе это оставляетъ впечатлѣніе неоконченнаго. А затѣмъ Успенскій уже и не пытался писать повѣстей, создавая разсказы, очерки, наброски, причемъ видимо не заботился о томъ, чтобы они имѣли сколько-либо правильную литературную форму. Обычный его пріемъ несложенъ: разсказъ отъ какого-либо лица или же разговоръ, въ которомъ развертывается часто очень драматическая картина. При этомъ онъ не стѣсняется перемѣшивать беллетристику съ разсужденіями отъ себя, которыя дополняютъ и поясняютъ передаваемое въ беллетристической формѣ.

Самъ Успенскій очень хорошо сознавалъ недостатокъ какой-либо опре-

дѣленной формы въ своихъ произведеніяхъ. Къ дешевому изданію его произведеній, сдѣланному покойнымъ Павленковымъ, онъ присоединилъ предисловіе, въ которомъ говоритъ: «Собственно беллетристическихъ произведеній во всемъ, написанномъ мною, очень мало, а напротивъ, очень много такого рода наблюденій, которыя передаются мною въ формѣ небеллетристической. Все, что касается крестьянства, изложено именно въ видѣ замѣтокъ, дневниковъ и вообще безъ притязанія на какую-нибудь внѣшнюю литературную отдѣлку. Вотъ почему все, написанное исключительно въ этомъ родѣ и касающееся почти только народной жизни—помѣщено во второмъ томѣ; къ первому же прибавлено изъ написаннаго мною послѣ 1886 г. все, что, во-первыхъ, носитъ на себѣ *отпечатокъ хотя какой-нибудь болѣе или менѣе опредѣленной литературной внѣшности*—очерка, разсказа и, во-вторыхъ, касается не исключительно только вопросовъ крестьянской жизни». Изъ этого видно, что самъ Успенскій затруднялся въ выборѣ среди написаннаго имъ произведеній, которыя бы носили на себѣ «отпечатокъ хотя какой-нибудь болѣе или менѣе опредѣленной литературной внѣшности».

Но, несмотря на этотъ недостатокъ или даже отсутствіе опредѣленной и выдержанной художественной внѣшности, Успенскій несомнѣнно обладалъ крупнымъ и яркимъ художественнымъ талантомъ. Если ему недоставало «выдумки», какъ выразился Тургеневъ, способности развивать въ большомъ произведеніи сложную фабулу, то это отнюдь не свидѣтельствуетъ о бѣдности его воображенія. Можно даже сказать, что и «выдумки» у него не мало, хотя она и не выливалась въ формѣ повѣстей и романовъ. Въ небольшихъ очеркахъ и въ формѣ нѣсколько однообразной, онъ развивалъ самыя потрясающія фабулы, самыя драматическія положенія, которыхъ иному писателю могло бы хватить на множество повѣстей и романовъ; у него же они сыплются, какъ изъ рога изобилія, въ мелкихъ очеркахъ и разсказахъ. Взять хотя бы небольшіе очерки его: «На постояломъ дворѣ», «На старомъ пепелищѣ», «Неровилъ по совѣсти» и многіе, многіе другіе. Въ каждомъ изъ нихъ нѣсколькими штрихами, на нѣсколькихъ страницахъ развертываются драмы, которымъ могъ бы позавидовать самъ Достоевскій, большой мастеръ терзать нервы читателей. При чтеніи произведеній Успенскаго одна тяжелая драма мелькаетъ вслѣдъ за другой, заставляя удивляться силѣ его воображенія и знанію человѣческаго сердца.

Кромѣ сильнаго воображенія, Успенскій обладалъ и способностью передавать его въ живыхъ образахъ. Произведенія его представляютъ, можно сказать, безконечную галлерею живыхъ лицъ, схваченныхъ съ удивительнымъ талантомъ и яркостью, но которыя не дѣлаются типами только потому, что авторъ не останавливается надъ ними долго, обрисовывая ихъ лишь настолько, насколько это нужно для соціологической темы разсказа. Онъ не разсматриваетъ ихъ съ разныхъ сторонъ, не интересуется особенностями психологіи отдѣльныхъ людей, занятый обществомъ, массой; а между тѣмъ отдѣльныя лица въ его произведеніяхъ очень живы, обрисо-

ваются предъ читателемъ какъ-то сразу, какъ будто безъ усилій автора, благодаря его рѣдкому умѣнью характеризовать своихъ героевъ ихъ собственными словами. Немногіе писатели обладали такимъ талантомъ, какъ Успенскій, индивидуализировать языкъ своихъ героевъ, заставляя ихъ обнаруживать себя въ живомъ діалогѣ, и такимъ яркимъ юморомъ, который какъ молніей освѣщаетъ выводимыхъ имъ персонажей. Напомнимъ здѣсь хотя бы фельдшера Кузьмичева и купца Тараканова, разговаривающихъ на пароходѣ, которые являются одними изъ самыхъ живыхъ фигуръ въ нашей литературѣ, хотя они только разговариваютъ на нѣсколькихъ страницахъ. Напомнимъ еще необычайно характерную и живую фигуру Михаила Ивановича въ «Разореньи». Эта способность Успенскаго ярко проявилась уже въ первомъ его произведеніи: «Нравахъ Растеряевой улицы», прямо-таки переполненномъ живыми лицами и драматическими положеніями, которыхъ другому писателю хватило бы на нѣсколько романовъ.

Такимъ образомъ Успенскій обладалъ, повидимому, всѣми данными, чтобы писать большія художественныя произведенія. А между тѣмъ онъ создавалъ лишь небольшіе очерки, наполненные, правда, живыми фигурами, но которыя появляются лишь на минуту, чтобы тотчасъ же исчезнуть... Чѣмъ объяснить это явленіе, которое, на первый взглядъ, представляется страннымъ? Н. К. Михайловскій въ своей характеристикѣ Успенскаго, помѣщенной въ качествѣ предисловія къ его произведеніямъ, подробно останавливается на этомъ вопросѣ. Для цѣли нашей статьи достаточно, если мы укажемъ лишь на основныя причины даннаго явленія. По нашему мнѣнію, оно коренится какъ въ психологическихъ особенностяхъ духовной организаціи Успенскаго, такъ и во вліяніи на него настроенія времени. Успенскій слишкомъ горячо относился къ явленіямъ жизни, такъ что рѣшительно не могъ, по словамъ Н. К. Михайловскаго, дать впечатлѣнію улечься, отойти отъ него хоть на малое время, чтобы оно могло отлиться въ законченный образъ, картину. «Не можетъ онъ, органически не можетъ,—пишетъ Н. К. Михайловскій, — что называется, «вынашивать» свои произведенія и «обставлять» ихъ. Они льются изъ него, какъ жидкость изъ переполненнаго сосуда. Льются необработанныя, но съ явственными признаками породившей ихъ жизни». Вліяніе же времени выразилось въ аскетическомъ отношеніи Успенскаго къ искусству, на что указываетъ тоже Н. К. Михайловскій.

Въ то время, когда Успенскій началъ свою литературную дѣятельность, относились съ нѣкоторымъ недовѣріемъ ко всему красивому въ литературѣ, видя въ этомъ какъ бы признакъ бездѣлья и барства. Настроеніе это проступало уже у Добролюбова, но особенно сильно выразилось у Писарева, несмотря на его тонкое художественное чутье. Не могло оно остаться безъ вліянія и на Успенскаго, и не осталось, создавъ въ немъ то аскетическое отношеніе къ искусству, о которомъ говоритъ Н. К. Михайловскій. «Выдумка», т.-е. подробное психологическое развитіе дѣйствія казалось ему, повидимому, нестоящимъ особеннаго труда, какъ равно и

забота о художественной внѣшности, о красотѣ и соотношеніи частей въ произведеніи. Все это между тѣмъ весьма важно для того, чтобы произведеніе оставляло эстетическое и многостороннее впечатлѣніе. Успенскій шелъ инымъ путемъ, заботясь, главнымъ образомъ, не о многосторонности впечатлѣнія, не объ эстетическомъ вліяніи на читателя, а о томъ, чтобы возможно яснѣе и прямѣе передать свою мысль. Онъ не заботился о красотѣ, но старался писать лишь правдиво, и если въ его произведеніяхъ есть и красота, то помимо его желанія, благодаря врожденному художественному чувству, которому онъ не давалъ воли. Его цѣль была не художественная, а нравственная, и когда онъ не могъ хорошо выразить своей мысли, своего настроенія въ формѣ беллетристической, онъ мѣнялъ ее въ томъ же произведеніи на публицистическую, мало заботясь вообще о формѣ, но прежде всего преслѣдуя ту нравственную цѣль, которой была посвящена вся его литературная дѣятельность. Тѣмъ не менѣе его произведенія отнюдь не оставляютъ того непріятнаго впечатлѣнія, какое получается отъ всего невыдержаннаго и безформеннаго, и могутъ быть отнесены въ большинствѣ къ области искусства, потому что все въ нихъ гармонически связывается тою идеей, которая лежитъ въ основѣ того или иного произведенія. Та форма, которую выработалъ Успенскій, по крайней мѣрѣ, тамъ, гдѣ она наиболѣе выдержана, вполнѣ соотвѣтствуетъ той цѣли, которую онъ имѣлъ въ виду въ своихъ произведеніяхъ.

Цѣль Успенскаго была освѣтить жизнь русскаго народа въ ту переходную пору, которая наступила послѣ эманципаціи крестьянъ, и такъ освѣтить, чтобы это освѣщеніе было поучительно и помогло русскимъ людямъ оріентироваться въ такой важный моментъ ихъ жизни. Отсюда онъ преслѣдовалъ въ своихъ произведеніяхъ не изображеніе людей, характеровъ въ данныхъ условіяхъ, не психологію отдѣльныхъ личностей, а прежде всего отраженіе времени на людяхъ, на обществѣ, и ферментацію послѣдняго подъ вліяніемъ новыхъ идей и условій. Избравъ форму исключительно беллетристическую, форму повѣстей, романовъ, онъ принужденъ бы былъ многое откинуть, по невыясненности и незаконченности явленія, такъ какъ для беллетристики годится лишь то, что вполнѣ выяснилось и скристаллизовалось; а между тѣмъ онъ стремился схватывать и уяснять многообразныя отраженія общественныхъ теченій на массѣ народа. Замѣтимъ здѣсь, что и Щедринъ, принадлежавшій къ поколѣнію старшему и обладавшій даже геніальнымъ беллетристическимъ дарованіемъ, въ послѣднее время тоже писалъ полупублицистическіе очерки, потому что цѣль его была та же, но только онъ изъ иной сферы черпалъ ихъ, чѣмъ Успенскій *). Если бы Успенскій писалъ большіе романы, а не очерки, связанные лишь единствомъ цѣли и настроенія, едва ли бы ему удалось такъ широко освѣтить жизнь массы русскаго народа, дать такой богатый мате-

*) Отступленія отъ опредѣленной формы больше прощались Щедрину, чѣмъ Успенскому, благодаря званію „сатирика“, которое присвоено первому.

ріалъ для сужденія о немъ, какой читатель находитъ въ трехъ большихъ томахъ его произведеній.

Хотя Успенскій не писалъ большихъ произведеній, но его безчисленные очерки составляютъ собственно какъ бы одно произведеніе, даютъ широкую картину русской общественной жизни въ переходное время. Они интересны и поучительны каждый самъ по себѣ, но чтобы оцѣнить ихъ вполнѣ, чтобы постигнуть все значеніе Успенскаго въ русской литературѣ, нужно ознакомиться со всѣми его произведеніями. Тогда только вполнѣ можно понять, что своими небольшими очерками и набросками Успенскій сказалъ больше, чѣмъ многіе другіе писатели въ многотомныхъ романахъ. Указать на это и составляетъ задачу нашего очерка.

Какъ мы сказали выше, Успенскій въ своихъ произведеніяхъ старался освѣтить переходное время, наступившее послѣ освобожденія крестьянъ. Но для того, чтобы освѣтить его хорошо, необходимо опредѣлить прежде характерныя черты стараго, потому что на почвѣ послѣдняго происходитъ развитіе новаго. Общество не походитъ на зданіе, которое можно цѣликомъ разрушить, чтобы на его мѣстѣ поставить новое зданіе, но скорѣе на дерево, къ которому дѣлается прививка. Сравненіе это особенно умѣстно для нашего общества, неразвившагося вполнѣ органически, потому что новое проникло въ него, въ значительной степени, со стороны. Итакъ, чтобы рисовать это новое, ворвавшееся въ нашу жизнь, прежде всего необходимо было опредѣлить характерныя черты стараго, дореформенной жизни.

Очень удачно для цѣльности впечатлѣнія, получаемаго отъ произведеній Успенскаго, вышло то, что свою литературную дѣятельность онъ началъ изображеніемъ еще дореформенной жизни. Широкая картина этой жизни нарисована въ самомъ крупномъ его произведеніи: «Нравахъ Растеряевой улицы» и въ дополнительныхъ очеркахъ, объединенныхъ подъ заглавіемъ: «Растеряевскіе типы и сцены». Произведенія эти помѣщены въ собраніи произведеній Успенскаго на первомъ мѣстѣ, что вполнѣ понятно, такъ какъ изъ нихъ вытекаютъ всѣ дальнѣйшія его произведенія. Въ дальнѣйшихъ своихъ произведеніяхъ онъ изображаетъ тѣ метаморфозы, которымъ подверглась дореформенная жизнь подъ вліяніемъ новыхъ вѣяній. Вообще же, по произведеніямъ Успенскаго можно прослѣдить, какъ новыя теченія измѣняли старую жизнь и какъ, въ свою очередь, измѣнялись и они подъ вліяніемъ вѣковыхъ основъ дореформенной жизни.

Въ «Нравахъ Растеряевой улицы» видны уже всѣ особенности таланта Успенскаго. Въ этомъ произведеніи, какъ и въ послѣдующихъ, отсутствуетъ опредѣленная фабула, которая связывала бы всѣхъ дѣйствующихъ лицъ произведенія. Въ сущности, это просто рядъ очерковъ и сценъ, галлерея характерныхъ лицъ и характерныхъ положеній, обрисовывающихъ въ своей совокупности дореформенное состояніе русскаго общества. Лица, выступающія въ этомъ произведеніи Успенскаго, нарисованы со свойствен-

пой ему живостью и типичностью, а мягкій юморъ, проникающій всѣ его произведенія, смягчаетъ и здѣсь тоскливое впечатлѣніе, которое производитъ изображаемая имъ жизнь. Въ данномъ произведеніи Успенскаго проявляется также его рѣдкая способность схватывать типическія особенности общественной жизни, его не столько психологическое, сколько соціологическое дарованіе. Изображеніе жизни бѣднаго квартала губернскаго города, благодаря этой рѣдкой способности къ обобщенію, разрастается въ типическое изображеніе жизни всего дореформеннаго русскаго общества, находившагося въ состояніи жалкаго прозябанія. «Растеряевщина» является такимъ же типическимъ обозначеніемъ этой жизни, какъ и «обломовщина».

Въ своемъ произведеніи Успенскій рисуетъ жизнь бѣднаго квартала Тулы, населеннаго оружейными рабочими, такъ называемыми «казюками» (отъ слова «казенные»). Авторъ выводитъ въ немъ рабочихъ, скупщиковъ, чиновниковъ, мѣщанъ, весь тотъ мелкій людъ, который не описывался или же очень мало описывался въ предшествовавшей литературѣ. Правда, такъ называемая натуральная школа, созданная въ 40-хъ годахъ вліяніемъ Гоголя, уже обратила вниманіе на весь этотъ мелкій людъ, но она дѣлала лишь какъ мы экскурсіи въ новую для литературы область, вырывая изъ нея отдѣльныя черты и отдѣльныхъ лицъ. Въ произведеніи Успенскаго на первомъ мѣстѣ стоитъ среда, изображаются соціологическія особенности жизни мелкаго люда, тогда какъ въ произведеніяхъ прежнихъ писателей преобладала точка зрѣнія психологическая и гуманитарная. Успенскій дѣлаетъ уже не экскурсіи въ новую среду, но изображаетъ ее, какъ человѣкъ, хорошо знакомый съ нею, смотрящій не со стороны, не извнѣ, а находясь среди нея. Самый способъ описанія представляетъ какъ бы дальнѣйшій шагъ на томъ пути, который былъ проложенъ прежними писателями. Если ихъ описаніе можетъ быть названо реалистическимъ, то его приходится назвать натуралистическимъ, такъ какъ онъ выводитъ изображаемую среду со всей ея грубостью и дикостью, безъ всякихъ смягченій, преслѣдуя прежде всего правдивость изображенія.

Фонъ дореформенной жизни, какъ ее изображаетъ Успенскій, составляли полная придавленность личности и отсутствіе всякихъ духовныхъ интересовъ, полный застой. Жизнь была словно герметически закупорена въ какомъ-то сосудѣ; но такъ какъ вполнѣ придавить ее все-таки нельзя, то она и выражалась въ гніеніи и извращеніи психическихъ отправленій составляющихъ общество людей. Можно уподобить состояніе общества того времени топкому и вязкому болоту, которое представляется по внѣшности невиннымъ и даже благоприличнымъ (такъ какъ сверху зарастаетъ травой), но таитъ смерть въ глубинѣ своей. Горе путнику, который попадетъ въ него ночью! Изъ него трудно выбраться: вязкое болото засосетъ его, затянетъ, сдѣлаетъ изъ живого человѣка безжизненный трупъ, облѣпленный грязью и тиной. Когда читаешь «Нравы Растеряевой улицы», то читателемъ невольно овладѣваетъ испугъ и чувство гадливости, какъ при разсматриваніи въ микроскопъ капли грязной воды, которая оказывается на-

полненной тысячью живыхъ существъ, безсмысленно толкущихся и пожирающихъ другъ друга.

Въ основѣ «растеряевской» жизни, изображаемой Успенскимъ стоялъ простой народъ, чернядь, удѣлъ котораго была работа и безпросвѣтная нищета. Не многимъ лучше положеніе и современнаго рабочаго человѣка (экономически, быть можетъ, даже хуже), но нѣтъ прежней безпросвѣтности и безнадежности, которую трудно даже выразить словами, но которая чувствуется при чтеніи произведенія Успенскаго. Предъ нами темное царство, униженное и забитое, безъ всякаго луча надежды, не сознающее даже малѣйшей возможности иной жизни. Въ рѣдкихъ случаяхъ ловкій человѣкъ могъ пробиться наверхъ, улучшить свое положеніе, но лишь обманывая и эксплуатируя своихъ собратій, при посредствѣ мелкихъ плутней, потому что и для ловкаго человѣка сфера дѣятельности въ этомъ болотѣ была не широка. Таковъ въ произведеніи Успенскаго Прохоръ Порфирычъ. Съ невѣроятними усиліями онъ выбирается понемногу изъ своей среды, чтобы сѣсть на шею своимъ собратьямъ. Онъ можетъ сдѣлаться мелкимъ скупщикомъ, лавочникомъ, но едва ли въ состояніи пойти дальше. Это первообразъ кулаковъ, какихъ много стало выдвигаться въ пореформенное время, но въ прежнее время они не могли особенно сильно развиться, благодаря неподвижности общества, гдѣ ни способности, ни ловкость, ни даже деньги не давали человѣку возможности идти впередъ, выбиться изъ своего подчиненнаго положенія, потому что все тогда было построено на принципѣ: «чинъ чина почитай». А если и можно было иногда пробиться впередъ, то лишь въ рамкахъ вполнѣ установившагося общественнаго строя того времени, напоминавшаго не текущую рѣку, а стоячее болото.

Общественный строй этотъ, основанный на приниженіи личности, былъ проникнутъ ложью. Приниженная человѣческая личность, лишенная возможности правильно удовлетворять свои потребности, развивалась неправильно, какъ криво растетъ дерево, если обстоятельства не даютъ ему возможности расти прямо. И общественная и семейная жизнь были проникнуты неправдой и самыми низменными побужденіями. Чиновники жили взятками, купцы надувательствомъ и обманомъ, такъ что создали даже поговорку: «Не обманешь—не продашь». По внѣшности была тишь, гладь и Божья благодать, а за этой оболочкой безудержный разгулъ низкихъ инстинктовъ. Ложь общественной жизни вносилась и въ семейныя отношенія, окрашивавшіяся въ большинствѣ самодурствомъ и лицемѣріемъ. Человѣкъ свѣжій и прямой, встрѣчавшійся иногда въ растеряевской средѣ, вызывалъ къ себѣ лишь недовѣріе и вражду. Прекрасно въ произведеніи Успенскаго изображена семья генерала Калачова. Онъ былъ человѣкъ умный, стремившійся къ дѣятельной жизни, непонимавшій окружавшей его неподвижности и не терпѣвшій лжи,—и вотъ, несмотря на свою доброту, онъ прослылъ и въ своей семьѣ, и среди вообще растеряевцевъ какимъ-то извергомъ. Онъ внушалъ страхъ и вражду, потому что былъ прямъ и

честенъ и относился съ негодованіемъ ко лжи и низости. «Горе его въ томъ,—говоритъ Успенскій,—что, зная свою правду, онъ не зналъ правды растеряевской... Растеряева улица для того, чтобы существовать, такъ какъ она существуетъ теперь, требовала полной неподвижности во всемъ». А неподвижность, порождая нравственное гніеніе, была причиной невысокаго нравственнаго уровня растеряевскаго общества.

Кромѣ неподвижности, растеряевская жизнь требовала и умственной тьмы, потому что въ противномъ случаѣ не могла бы сохраниться и самая неподвижность. А такъ какъ безъ какой-либо духовной жизни трудно обойтись, то мѣсто ея занимали недоброкачественные суррогаты. Растеряевцы пьянствовали, увлекались кулачными боями, куроводствомъ, причемъ страсть эта принимала очень смѣшные размѣры. Страстью къ курамъ одержимъ въ произведеніи Успенскаго чиновникъ Богоборцевъ, который, вмѣстѣ съ тѣмъ, любилъ слушать духовные концерты и смотрѣть, какъ «гоняютъ сквозь строй»—спеціальное удовольствіе дореформеннаго времени. Книги въ растеряевскомъ обществѣ замѣнялись странницами, которымъ чиновники и купцы давали пріютъ зимой, чтобы наслаждаться ихъ разсказами. Въ такомъ темномъ обществѣ не находилось мѣста даже для прикладного знанія, медицины, такъ какъ докторамъ предпочитались шарлатаны и знахарки, дѣйствовавшіе на дикое воображеніе растеряевцевъ. Таковъ въ произведеніи Успенскаго «медикъ» Хрипушинъ, какой-то пропойца, лѣчащій паціентовъ своими спадобьями, чтобы добывать средства на выпивку. Замѣтимъ, что эти черты растеряевской жизни вполнѣ сохранились и до сихъ поръ въ нашихъ захолустьяхъ.

Наравнѣ съ прямотою характера, и образованіе въ такомъ обществѣ можетъ причинить лишь непріятности человѣку. Чиновничья семья Претерпѣевыхъ даетъ дочери образованіе въ институтѣ. Отъ этого проистекаютъ большія непріятности для всей семьи, даже гибель ея. Образованной дѣвушкѣ не нравятся грубые растеряевскіе кавалеры, а они въ отмщеніе распространяютъ про нее самыя ужасныя сплетни. Въ концѣ-концовъ, отецъ семьи, прежде степенный и счастливый по-своему человѣкъ, запиваетъ съ горя, допивается почти до бѣлой горячки и умираетъ, оставляя семью въ нищетѣ. Дочери Претерпѣевы остаются безъ жениховъ, оклеветанныя и оскорбленныя, а старшая, получившая образованіе, не вытерпѣла окружавшей ее нищеты и грубости и вступила на скользкій путь. Трагически окончилось также знакомство съ книгой и для сироты Алифана, который прочелъ книгу о путешествіи Кука и былъ такъ пораженъ ею, что всюду разсказывалъ о знаменитомъ мореплавателѣ. Необычайное воображеніе мальчика могло бы вызвать вниманіе къ нему въ болѣе просвѣщенномъ обществѣ, но среди растеряевцевъ вызвало только насмѣшки. Его прозвали «Кукомъ», всячески издѣвались надъ нимъ, и мелочная торговля, которой онъ занимался, пошла совсѣмъ плохо, а самъ онъ почти сошелъ съ ума.

...«Если иногда Алифанъ принимался раздумывать о своихъ несчасті-

яхъ, то по тщательномъ размышленіи находилъ, что во всемъ виноватъ одинъ Кукъ. Но было уже поздно!...

«Горестная жизнь его была принята обывателями, во-первыхъ, къ свѣдѣнію, ибо говорилось:

«— Вонъ Алифанъ читалъ-читалъ книжки-то, да теперь эво какъ шатается... Ровно лунатикъ!

«И во-вторыхъ, къ руководству, ибо говорили:

«— И что у тебя руки чешутся: все за книгу да за книгу? Она вѣдь тебя не трогаетъ? Дохватаешься до бѣды... вонъ Алифанъ читалъ-читалъ, а глядишь—и околѣетъ какъ собака».

Среди растеряевскихъ типовъ Успенскій указываетъ одинъ типъ, особенно распространенный въ русскомъ обществѣ и въ настоящее время. Это—типъ человѣка съ больнымъ самолюбіемъ. Въ человѣкѣ, унижаемомъ всю жизнь, забитомъ жизнью, развивается болѣзненное самолюбіе, жажда почета и уваженія. И когда такой человѣкъ получаетъ возможность хотя кѣмъ-либо распоряжаться, хоть на кого-либо вліять, изъ него вырабатывается самодуръ. Таковъ въ произведеніи Успенскаго чиновникъ Толоконниковъ. Лицо это изображено авторомъ великолѣпно и вышло замѣчательно типическимъ. Особенно характерно изображены его отношенія къ осиротѣвшей семьѣ Претерпѣевыхъ, которымъ онъ покровительствуетъ и помогаетъ. Казалось бы, дѣло хорошее, съ самой лучшей стороны рисующее Толоконникова, но на самомъ дѣлѣ онъ помогаетъ не отъ добраго сердца, а изъ желанія, явившись благодѣтелемъ, насытить свое самолюбіе. Поэтому, въ концѣ концовъ, благодѣяніе оканчивается свинствомъ: Толоконниковъ мучитъ благодѣтельствуемую семью капризами и самодурствомъ, такъ что чувство благодарности замѣняется ненавистью къ нему.

Толоконниковъ особенно характеренъ, но такихъ Толоконниковыхъ было множество въ дореформенное время, да не мало и теперь. Человѣку, который самъ всю жизнь терпѣлъ «прижимку», сгибался передъ другими, нравится хоть надъ кѣмъ-нибудь показывать свою власть, заставлять хоть кого-либо сгибаться передъ собою. Если нѣтъ постороннихъ лицъ, надъ которыми онъ могъ бы командовать, такой человѣкъ самодурствуетъ надъ своими домашними, требуя отъ нихъ прежде всего послушанія и трепета. Надъ домашними, впрочемъ, самодурствуетъ онъ во всякомъ случаѣ, потому что это всего легче и удобнѣе, да и не можетъ семья избѣжать его самодурства. Оттого въ растеряевской жизни часто больше всего цѣнится въ женѣ покорность. Толоконниковъ женился и, изображая Хрипушину достоинства своей жены, говорилъ:

«— Такъ настращена, такъ настращена, Боже защити!

«Медикъ робко поглядѣлъ на Семена Ивановича и увидѣлъ, что отвѣтить надо такъ:

«— Что-жъ? Слава Богу!

«— То-есть вотъ какъ: ни-ни-ни!

«— Слава Богу!—повторилъ Хрипушинъ.—Ей-ей!

Затѣмъ въ доказательство «настращенности» жены, Семенъ Иванович разсказалъ, что во время его сватовства теперешняя жена его цѣловала у него руки.

«— Позвольте попросить у васъ воды, скажешь иной разъ ей,—разсказывалъ Толоконниковъ.—Тую же минуту несетъ воду и чмокъ въ руку! Каково?

«— Чудесно!—бормоталъ Хрипушинъ».

Растеряевская жизнь въ произведеніи Успенскаго нарисована типично и ярко, но въ рисункѣ нѣтъ еще достаточной свободы, замѣтна нѣкоторая неопытность молодого автора, не увѣреннаго въ себѣ и не дающаго полной воли своему таланту. Съ внѣшней стороны произведеніе написано очень безпорядочно, безъ всякаго соотвѣтствія частей, безъ центра, но несомнѣнно оригинально и сильно. Часть его недостатковъ зависѣла, быть можетъ, отъ условій, при которыхъ оно было создано. Какъ разсказываетъ авторъ въ предисловіи къ полному собранію своихъ сочиненій, начато оно было въ *Современникѣ*, по послѣдній въ 1866 г. былъ закрытъ, такъ что въ немъ оно не было окончено. Продолженіе пришлось передѣлывать въ самостоятельное произведеніе для сборника *Лучъ*, который издавало *Русское Слово*, а затѣмъ еще продолженіе помѣстить въ *Женскомъ Вѣстникѣ*, для чего опять пришлось передѣлывать его въ самостоятельное произведеніе. Возможно, что потомъ, издавая произведеніе въ цѣломъ, автору уже трудно было свести его въ одно и уничтожить слѣды ненужныхъ передѣлокъ, которымъ оно подвергалось. Какъ бы то ни было, при всѣхъ недостаткахъ произведенія, авторъ своей цѣли достигаетъ вполнѣ, что свидѣтельствовало о его несомнѣнномъ и большомъ дарованіи.

«Растеряевскіе типы и сцены», составляющіе какъ бы дополненіе къ «Нравамъ Растеряевой улицы», написаны уже болѣе опытной и свободной кистью, особенно же прелестный разсказъ «Парамонъ юродивый», который созданъ значительно позже, чѣмъ другіе разсказы того же цикла. Въ этихъ разсказахъ проявился между прочимъ въ полномъ блескѣ юмористическій талантъ автора (въ очеркахъ «Идиллія» и «Зимній вечеръ») и его умѣнье смѣшивать трагическое съ комическимъ, отчего первое выступаетъ еще сильнѣе (въ очеркѣ «Нужда пѣсенки поетъ»). Нѣтъ сомнѣнія, что Успенскій принадлежитъ къ числу лучшихъ русскихъ юмористовъ, и мало къ кому такъ примѣнимо избитое выраженіе «смѣхъ сквозь слезы», какъ къ нему. Читая его разсказы, часто улыбаешься въ то время, когда на глаза навертываются слезы. Это придаетъ особенную прелесть его произведеніямъ, волнующимъ лучшія струны человѣческаго сердца, одновременно ярко рисуя особенности нашей общественной жизни.

Въ «Растеряевскихъ типамъ и сценахъ» мы встрѣчаемъ отдѣльные наброски, характеризующіе ту же «растеряевскую» жизнь. Въ разсказѣ «Бойцы» разсказывается о боѣ на кулачкахъ, который служилъ однимъ изъ любимыхъ развлеченій въ этой средѣ, за отсутствіемъ болѣе разумныхъ. Прелестенъ разсказъ: «Нужда пѣсенки поетъ», обрисовывающій ди-

кость состоятельнаго растеряевскаго общества, предъ которымъ нужда буквально принуждена была плясать, чтобы вызвать его состраданіе и побудить на помощь. Сцена пляски передъ откупщикомъ и его гостями бѣдной женщины, мужа которой хотятъ взять въ солдаты, вызываетъ и улыбку, и слезы. Въ «Идилліи» рисуется темная чиновничья среда съ ея полнымъ извращеніемъ семейныхъ отношеній. Отецъ здѣсь соперничаетъ сначала съ сыномъ во взяточничествѣ, а потомъ радуется его успѣху на стяжательномъ поприщѣ. Дѣйствительно идилліей, хотя юмористической и въ глубинѣ печальной, можно назвать разсказъ: «Задача», изображающій бѣднаго чиновника, находящаго утѣшеніе лишь въ любви къ женѣ и удрученнаго рожденіемъ дѣтей, такъ какъ у него нехватаетъ средствъ воспитывать ихъ.

Среди этихъ очерковъ наиболѣе характерными для растеряевскаго провѣбанія являются два: «Зимній вечеръ» и «Парамонъ юродивый». Въ «Зимнемъ вечерѣ» авторъ изображаетъ, какъ проводитъ вечеръ чиновничья растеряевская семья. Благодаря отсутствію всякой духовной жизни, растеряевцы не знаютъ, какъ употребить свободное время, остающееся имъ отъ стяжаній и хозяйственныхъ заботъ. Глава семьи завалился, по обыкновенію, спать послѣ обѣда и такъ заспался, что не можетъ пробудиться и къ вечернему чаю. Жена его томится отъ бездѣлья, не зная, что дѣлать, и, наконецъ, велитъ позвать изъ кухни странницу Гавриловну, чтобы слушать ея безконечные разсказы. И вотъ странница разсказываетъ, а ее слушаетъ и барыня, и дворня, которая тоже не знаетъ, какъ «убить время». Что касается разсказа «Парамонъ юродивый», то онъ является какъ бы послѣднимъ штрихомъ въ обрисовкѣ растеряевской жизни, заключаетъ ее и осмысливаетъ. Это нѣчто вродѣ тѣхъ точекъ въ глазахъ, которыя ставитъ на рисункѣ Райскаго учитель рисованія въ «Обрывѣ» Гончарова.

Въ этомъ разсказѣ авторъ такъ опредѣляетъ характерныя черты дореформенной жизни: «Все, что родилось и провело въ эти годы свое дѣтство, все это, какъ бы ни былъ ребенокъ даровитъ отъ природы, было близко къ потерѣ сознанія человѣческаго достоинства, съ дѣтства переполнялось всѣми сортами трусости, пріучалось боязливо мыслить, чувствовать и вовсе отвыкало отъ аппетита какъ-нибудь поступать, какъ-нибудь дѣйствовать... Не шевелиться, хоть и не мечтать; не показывать виду, что не боишься, показывать, напротивъ, что «боишься», трепещешь,— тогда какъ для этого и основаній-то никакихъ нѣтъ:—вотъ что выработали эти годы въ русской толпѣ. Надо постоянно бояться—это корень жизненной правды; все остальное можетъ быть, но можетъ и не быть, да и не нужно всего этого остального, еще наживешь хлопотъ:—вотъ что носилось тогда въ воздухѣ, угнетало толпу, отшибало у нея умъ и охоту думать». Иллюстраціей этого и служитъ разсказъ о Парамонѣ юродивомъ.

Въ семью, придавленную настроеніемъ времени, является юродивый,

обвѣшанный веригами, босой, вѣчно молящійся Богу, и производитъ на всѣхъ сильное впечатлѣніе. «Несмотря на отсутствіе умѣнья обморочить,—пишетъ авторъ,—а можетъ быть именно вслѣдствіе этого неумѣнья, впечатлѣніе, произведенное имъ, его бормотаньемъ безсвязныхъ словъ, его шапкой, палкой, веригами,—было громадно: онъ былъ совсѣмъ посторонній намъ, онъ не зналъ ничего нашего, не думалъ ни о чемъ, о чемъ думаемъ мы, шелъ по дорогѣ въ небо, тогда какъ мы ползли въ какой-то темной «земной» ямѣ:—вотъ были достоинства Парамона, и, разъ оторвавшись отъ этого вѣчнаго ползанья, пустивъ въ свое сердце что-то съ неба, что-то свѣтлое, широкое, великое, мы всѣ до одного, изъ жившихъ въ семьѣ, уже не могли разстаться съ нимъ». Замѣтимъ кстати, что вліяніе на окружающихъ юродиваго въ очеркѣ объясняетъ вообще то вліяніе, которое имѣли юродивые въ прежнее время, какъ стоявшіе внѣ той приниженной жизни, которою жили всѣ.

Юродиваго пріютили въ бесѣдкѣ, и всѣ чувствовали себя какъ-то лучше, потому что въ жизнь ихъ вошло нѣчто возвышенное, не связанное съ тѣмъ печальнымъ міромъ, въ которомъ всѣмъ приходилось прозябать. Но очарованіе, навѣянное веригами Парамона и его искренней набожностью и презрѣніемъ къ земному, было разрушено квартальнымъ, который явился взять его, какъ бѣглаго крѣпостного человѣка. Сцена прибытія квартальнаго изображена авторомъ необычайно сильно и психологически вѣрно. Всѣ спустились какъ бы съ неба на землю, испугались и почувствовали точно какую-то вину свою. Уже не смѣли преклоняться предъ юродивымъ въ присутствіи квартальнаго и даже сердились на Парамона, что онъ чуждъ страха, охватившаго всѣхъ. Послѣ ухода квартальнаго, всѣ чувствовали себя приниженными и измѣнившимися, точно совершили какое-то предательство и измѣну. И вотъ, чтобы успокоить себя, стали порочить въ разговорѣ Парамона, обвинять его въ шарлатанствѣ и обманѣ, говорили, что и вериги-то онъ носитъ не настоящія и т. д.,—врали для успокоенія своей совѣсти.

«Мы врали и врали, — заключаетъ авторъ, — и понемножку привыкли лганье дѣлать облегчающимъ нашу жизнь элементомъ. Совралъ—и точно дѣло сдѣлалъ и, главное, вѣдь врать-то пріучились ради самихъ себя! Сами врали себѣ для того, чтобы жить, чтобы не сознавать своего ничтожества, нравственнаго безкрылія, чтобы не ощущать ежеминутно такъ прочно воздѣланной въ душѣ трусости, чтобы не терзаться сознаніемъ не менѣе прочно воздѣланнаго...— увы!— почитанія къ кулаку, къ тому, что изуродовало насъ и заставило нутромъ чтить руку бьющаго, паче ближняго и паче самого себя!... Вотъ какія феи,—замѣчаетъ авторъ,—стояли у нашей колыбели!» Такъ заключаетъ Успенскій свое изображеніе характерныхъ чертъ «растеряевщины», съ которыми она вступила въ новую жизнь.

Ту жизнь, которую Успенскій назвалъ «растеряевщиной», изображали и другіе наши крупные писатели, стараясь схватить характерныя ея осо

бенности. Такъ, напр., Гончаровъ изобразилъ ее въ видѣ «обломовщины», прекрасно уловивъ ея неподвижность, застой, нѣчто мертвенное, лежавшее въ ея основѣ. Въ изображеніи этой неподвижности Успенскій вполнѣ сходится съ Гончаровымъ, но только картина Успенскаго не такъ спокойна, какъ картина Гончарова, который взялъ самыя общія, самыя характерныя черты, не углубляя своего изображенія. Поэтому его картина не такъ мрачна, какъ очерки Успенскаго, даже производитъ нѣсколько идиллическое впечатлѣніе, если не задумываться надъ ней. Только «Пошехонская старина» Щедрина производитъ такое же мрачное впечатлѣніе какъ и очерки Успенскаго.

Растеряевщина просуществовала вѣка и, вѣроятно, еще долго продолжала бы существовать, оставаясь при своемъ внѣшнемъ спокойствіи и внутренней гнилости, если бы не связь съ остальнымъ міромъ, добивавшимся лучшихъ условій жизни въ то время, какъ растеряевщина только «благоденствовала». Связь съ этимъ міромъ помѣшала растеряевскому благоденствію, нарушила мрачный покой, и въ спертомъ воздухѣ растеряевщины почувствовалось дуновеніе чего-то новаго, лучшаго, какъ свѣжій вѣтерокъ, ворвавшійся въ чуть пріотворенную форточку. Настало время реформъ, и мрачныя феи, стоявшія у колыбелей многихъ поколѣній, казалось, готовы были исчезнуть. Изображеніе этого момента въ растеряевской жизни встрѣчается въ слѣдующихъ произведеніяхъ Успенскаго.

Очерки, собранные въ отдѣльномъ изданіи произведеній Успенскаго подъ общимъ заглавіемъ «Разоренье», рисуютъ растеряевское общество, потрясенное реформами, а съ нимъ и новыми вѣяніями, ворвавшимися въ застоявшуюся жизнь. Пока эти новыя вѣянія еще мало отразились на обыденной растеряевской жизни, не успѣли сколько-либо замѣтно измѣнить ее, но возбудили среди однихъ тревогу и опасенія, а среди другихъ, страдавшихъ отъ растеряевскаго строя жизни, чрезвычайныя, по истинѣ неосновательныя надежды. Нѣкоторое крушеніе растеряевщины подъ вліяніемъ реформъ, а также и надежды, возбужденныя этимъ въ забитой части ея, особенно ярко изображены въ произведеніи: «Наблюденія Михаила Ивановича», которое, быть можетъ, является наиболѣе выдержаннымъ среди произведеній Успенскаго, но которое, къ сожалѣнію, осталось неоконченнымъ. Въ двухъ другихъ произведеніяхъ: «Тише воды, ниже травы» и «Наблюденія одного лѣнтяя», изображается устойчивость растеряевщины передъ новѣйшими вѣяніями, а также и несостоятельность этихъ вѣяній въ средѣ, воспитанной растеряевщиной. Къ сожалѣнію, два послѣднихъ произведенія довольно туманны и слабы и далеко не соотвѣтствуютъ прелестному началу «Разоренья».

Все, что жило въ прежнее время «прижимкой», все привилегированное и кое-какъ благоденствовавшее въ растеряевщинѣ, почувствовало нѣкоторую неловкость, тревогу и опасенія въ то время, когда повѣяло чѣмъ-то новымъ, когда наступили какія-то «новыя времена». «Несмотря на то,—

говоритъ авторъ,—что новыя времена «объявились» въ нашихъ мѣстахъ пока только винтовой лѣстницей новаго суда и недостроенной желѣзной дорогой, жить всѣмъ (таковъ говоръ) стало гораздо скучнѣй прежняго, ибо вмѣстѣ съ этими новостями пришло что-то такое, что уничтожило прежнюю, весьма пріятную и пѣвучую зѣвоту, и томитъ, и мѣшаетъ. Никогда не было такого обилія скучающихъ людей, какое въ настоящую пору переполняетъ рѣшительно всѣ углы общества, отъ лучшей гостиной въ «Дворянской» улицы до овощной и мелочной лавки Трифонова въ Всесвятскомъ переулкѣ. Все это скучаетъ, томится и вообще чувствуетъ себя неловко». Умирало прошлое, если и не совсѣмъ, то хотя бы въ той формѣ, въ которой оно такъ долго стояло непоколебимо, а всякій переходъ труденъ и не можетъ не возбудить тревоги во всѣхъ, кто сжился съ этимъ прошлымъ, за исключеніемъ развѣ только тѣхъ, кому оно приносило одни несчастія. И понятно, почему томилась встревоженная растеряевщина.

Разрушеніе стараго и вторженіе новизны производило кавардакъ въ головахъ людей, сжившихся съ прежнимъ порядкомъ. Изъ такихъ людей въ произведеніи Успенскаго довольно подробно изображенъ чиновникъ Печкинъ, вся умственная жизнь котораго была глубоко потрясена наступающимъ новымъ временемъ. Прежде онъ служилъ исправно, вытягиваясь передъ начальствомъ и требуя, чтобы и передъ нимъ вытягивались подчиненные, строчилъ бумаги и бралъ взятки съ спокойной совѣстью. Съ нѣкотораго времени между тѣмъ стало оказываться, что взятки вещь гнусная и что Павелъ Ивановичъ—подлецъ, тогда какъ онъ считалъ себя человѣкомъ честнымъ. «Начальство, которое прежде отличалось опытностью и дряхлостью, стало замѣняться какими-то щелкоперами, которые носили пестрые брюки, курили въ присутствіи сигары, не брили бородъ, выгоняли вонъ безъ суда и слѣдствія, не желая видѣть доказательства честности въ безпорочной пряжкѣ. Все это и множество другихъ либеральныхъ реформъ, похожихъ на снисхожденіе къ пестрымъ брюкамъ, вломились въ умственную жизнь Павла Ивановича и произвели въ немъ потрясеніе». И вотъ онъ сталъ будировать противъ новаго времени, но безъ всякой логики и смысла, провозглашая афоризмы вродѣ слѣдующаго:

«Желѣзная дорога! Ну, что такое желѣзная дорога? Желѣзная дорога, желѣзная дорога! А что такое? Въ чемъ дѣло?... Неизвѣстно!»

Такихъ Печкиныхъ было, конечно, много въ то время, когда дрогнули старые устои растеряевскаго общества. Правда, авторъ говоритъ, что новыя времена въ томъ городѣ, который онъ изображаетъ, «объявились» пока только новой винтовой лѣстницей въ судѣ, но это не совсѣмъ точно. На самомъ дѣлѣ они проявились уже повсюду важнымъ общественнымъ явленіемъ — освобожденіемъ крестьянъ, которое затронуло интересы не только лицъ, непосредственно связанныхъ съ даннымъ вопросомъ. Вмѣстѣ съ освобожденіемъ крестьянъ рухнуло благосостояніе многихъ помѣщиковъ, а также и значительной части чиновничества, кормившагося со стола соціальной неправды. Кромѣ того, новыя времена потребовали и новыхъ

людей, и многіе столпы чиновничества пали, унесенные потокомъ событій. Въ произведеніи Успенскаго рисуется разрушенье благосостоянія двухъ такихъ чиновничьихъ семей—Птицыныхъ и Черемухиныхъ. Особенно много авторъ говоритъ о семьѣ Птицыныхъ, какъ бы олицетворяющихъ собою всю потрясенную растеряевщину. Разореніе семьи Птицыныхъ, какъ результатъ новаго времени, нарисовано Успенскимъ удивительно сильно и съ такимъ пасмурнымъ юморомъ, что г. Скабичевскій нѣкогда справедливо сравнивалъ картину Успенскаго съ романами Диккенса. Дѣйствительно, есть что-то Диккенсовское въ этомъ произведеніи Успенскаго.

Итакъ, дуновеніе новаго (а это было только дуновеніе, а не упорный вѣтеръ) пронеслось въ это время уже довольно сильно надъ растеряевщиной, повергая тѣхъ, кто не сумѣлъ приноровиться къ новымъ порядкамъ, или же былъ такъ сильно скомпрометированъ старой неправдой, что долженъ былъ послужить «искупительной жертвой». И людямъ, забитымъ растеряевщиной, казалось, что насталъ конецъ «прижимкѣ», что пришло время распрямиться согнутой спинѣ маленькаго человѣка. Такихъ надеждъ преисполненъ въ первомъ очеркѣ «Разоренья» рабочій Михаилъ Ивановичъ, очень живая и характерная фигура, возвышающаяся даже до типа. Этотъ Михаилъ Ивановичъ въ восторгѣ отъ новаго времени, которое онъ толкуетъ слишкомъ широко, и въ какомъ-то постояннномъ возбужденіи нервовъ. Онъ до самозабвенія радуется наступленію новыхъ порядковъ и вопіетъ, что «пора простому человѣку дать дыханіе», что пришелъ конецъ «прижимкѣ» и «обдеркѣ», которая не давала жить «простому человѣку». Его нервная, возбужденная и больная фигура мелькаетъ всюду въ разсказѣ среди людей, растерявшихся отъ наступленія новаго времени, смущая и пугая ихъ еще больше. Устами его какъ бы вопіетъ все приниженное и забитое въ растеряевщинѣ, поднявшее теперь голову и почувствовавшее въ себѣ человѣка. Разсказъ не оконченъ, но и изъ написаннаго видно, что надежды Михаила Ивановича должно было постигнуть крушеніе и что ему на самомъ себѣ пришлось бы испытать неосновательность убѣжденія въ исчезновеніи «прижимки». Кое-какія разочарованія уже постигаютъ его въ разсказѣ.

Есть въ разсказѣ Успенскаго и дѣти тѣхъ, кто жилъ прежде «прижимкой», поддающіяся, по своей молодости, нѣкоторому вліянію новаго времени. Такова, напримѣръ, Надя, живущая со своей матерью вдовой Черемухиной, мужъ которой былъ одинъ изъ первыхъ взяточниковъ въ губерніи. Сама Надя, какъ и ея мать, жили, конечно, въ сторонѣ отъ «прижимки», а тяжелое положеніе, въ какое ихъ поставило крушеніе благосостоянія семьи, заставило дѣвушку размышлять, особенно подъ вліяніемъ филиппикъ Михаила Ивановича, который изъ благодарности навѣщалъ ихъ, такъ какъ нѣкогда въ дѣтствѣ получилъ пріютъ на кухнѣ Черемухиныхъ. «Новое время,—говоритъ авторъ,—строитъ новые нравы, и никакой Михаилъ Ивановичъ не подозрѣваетъ того, что бормотанье его о чужихъ деньгахъ, о жизни на чужой счетъ можетъ заставить кого-нибудь крѣпко за-

думаться; точно также какъ никакая Надя, изъ числа множества подобныхъ Надей на русской землѣ, съ тоскою и томленіемъ проводящая дни за днями, рѣшительно не подозрѣваетъ, что время донесетъ къ ней устами которагонибудь Михаила Ивановича такія думы и тосковапія, о существованіи которыхъ она и слыхомъ не слыхала». И понемногу изъ Нади вырабатывается дѣвушка, совершенно чуждая той средѣ, изъ которой она вышла, тѣмъ болѣе, что и воспитывалась она не дома, а въ институтѣ.

Конечно, такихъ Надей была не она одна, но большинство молодыхъ людей, какъ дѣти отцовъ своихъ, отличались полной несостоятельностью, разрушавшей все доброе въ ихъ намѣреніяхъ. Такимъ образомъ несостоятельность растеряевщины сказалась не только въ ней самой, но и въ дѣтяхъ ея. Изъ молодого поколѣнія, кромѣ Нади, выступаютъ въ разсказѣ молодой помѣщикъ Уткинъ и молодой Черемухинъ, братъ Нади. Уткинъ— нѣчто вродѣ Тентетникова въ «Мертвыхъ душахъ», но послѣ эманципаціи. Авторъ характеризуетъ его такъ: «думая, во-первыхъ, основательно заняться подготовкой къ практической дѣятельности, онъ въ то же время не менѣе основательно думалъ и овладѣть приказчичьей дочерью, и всѣ эти вопросы разрѣшалъ внезапнымъ выстрѣломъ изъ ружья въ глубинѣ отцовскаго сада, разговоромъ съ пріѣзжимъ изъ города гостемъ о современныхъ вопросахъ, которые прерывались тотчасъ по появленіи гдѣ-нибудь вблизи деревенской бабы, поѣздкой въ городъ на гулянье» и т. д. Въ жизни онъ оказывается совершенно негоднымъ, хотя и не злымъ человѣкомъ, которому воспитаніе и среда не дали ничего прочнаго. Онъ искренне принимаетъ участіе въ женѣ Печкина, страдающей отъ придирчивости и капризовъ своего мужа, толкуетъ ей о необходимости самостоятельнаго труда, «своей корки хлѣба», но оказывается только болтуномъ, который затѣмъ пытается свести все на любовную исторію. Въ концѣ-концовъ это вполнѣ продуктъ растеряевщины, котораго новое время коснулось лишь слегка, съ внѣшней стороны, отнюдь не преобразовавъ его растеряевской сущности.

Въ такомъ же родѣ и Черемухинъ, бывшій студентъ, къ которому попадаетъ Михаилъ Ивановичъ, пріѣхавшій въ Петербургъ хлопотать о рабочихъ. Черемухинъ горячо сочувствуетъ Михаилу Ивановичу, обѣщается помочь ему, а пока носитъ его пальто, тратитъ его деньги на пиво и каждый день возвращается подъ хмѣлькомъ. «Михаилъ Ивановичъ, оставаясь по цѣлымъ днямъ среди незнакомаго населенія меблированныхъ комнатъ, сталъ грустить, ибо все это населеніе больное, бѣдное и злое отзывалось о Черемухинѣ весьма неодобрительно; не было, правда, человѣка, который бы не спорилъ про него, что онъ добръ, но всякій зато могъ сказать два-три факта не въ пользу его. Оказывалось, что этотъ человѣкъ ничего не дѣлаетъ, долговъ не платитъ, и если получитъ иной разъ откуда-нибудь деньги, то норовитъ прогулять ихъ, а не отдать. Такъ говорило бѣдное населеніе, у котораго копейка стояла на первомъ планѣ. Но какъ бы односторонни ни были эти сужденія, Михаилъ Ивановичъ могъ убѣдиться, что

это человѣкъ несостоятельный, человѣкъ, на котораго нельзя положиться, что это какой-то добрый обманщикъ». Это было одно изъ первыхъ разочарованій Михаила Ивановича, почуявшаго, что старая жизнь не такъ-то легко можетъ исчезнуть, если она оставила такіе глубокіе слѣды въ молодомъ поколѣніи.

Такъ какъ Черемухинъ и въ самомъ дѣлѣ человѣкъ добрый, но лишенный воли, то въ искреннія минуты онъ вполнѣ сознаетъ свои недостатки и чистосердечно объясняетъ ихъ Михаилу Ивановичу. Онъ говоритъ, что самъ чувствуетъ свою неспособность къ дѣятельности, потому что любовь къ добру въ немъ только тлѣетъ, но не горитъ полнымъ пламенемъ. Всякое небольшое препятствіе представляется ему неодолимымъ. И причина этого, по его словамъ, та же, которая сдѣлала и Михаила Ивановича нищимъ, больнымъ и голоднымъ, т.-е. растеряевщина съ ея «прижимкой». «Помнишь,—говоритъ онъ,—сколько ты разсказывалъ мнѣ о прижимкѣ и произволѣ, отъ которыхъ одурѣлъ, очумѣлъ простой человѣкъ, неужели ты думаешь, что для непростого, для благороднаго,—ну, хоть для такого, какъ я,—этотъ произволъ прошелъ даромъ?... Нѣтъ, братъ! Ты знаешь, въ какой семьѣ родился я. Люди жили припѣваючи, но среди этого житья ни мой отецъ, ни моя мать не могли ни однимъ словомъ, ни однимъ поступкомъ заронить въ мою душу первыя сѣмена того, чего у меня теперь такъ безконечно мало! И именно потому, что жили припѣваючи... Твой отецъ, общипанный купцомъ, ограбленный кабатчикомъ, возвратясь домой, чтобы вмѣстѣ съ тобой глодать, какъ ты говоришь, собачью кость, ростилъ въ тебѣ эти добрыя сѣмена своимъ разсказомъ. Ты учился уважать трудъ, учился любить ограбленнаго отца и, посмотри, сколько ты накопилъ въ своемъ сердцѣ и любви, и справедливой ненависти, и прочнаго убѣжденія... У меня, братъ, ничего этого не было!» Хорошо еще,—говоритъ онъ,—что родители церемонились посвящать его въ тайны своихъ нравовъ, такъ что жизнь семьи была просто русскіе будни, половина которыхъ идетъ на сонъ, а другая половина—на просонки, толкованіе сновъ и на ѣду.

Растеряевщина стремилась уничтожить всякую самостоятельность въ дѣтяхъ своихъ, а когда индивидуальность была слишкомъ сильна и она не могла приспособить ее къ милому ея сердцу однообразію, то ломала ее. И желая сильнѣе оттѣнить тѣ развалины, то разоренье, которое оставляло въ общественной жизни безраздѣльное господство растеряевщины, развалины, освѣщенныя новыми вѣяніями, Успенскій рисуетъ образъ умирающаго Вани Птицына, погубленнаго растеряевщиной, котораго не могло уже призвать къ жизни новое время. Ваня Птицынъ обладалъ талантомъ, неукладывавшимся въ рамки растеряевской жизни, а потому онъ и погибъ благодаря этому таланту. Онъ съ дѣтства обнаруживалъ непобѣдимую страсть къ музыкѣ, но семьѣ его это представлялось «блажью», и его всячески преслѣдовали за эту блажь, непонятную для растеряевщины, постигавшей лишь матеріальныя блага. Ему приходилось удовлетворять свою страсть украдкой, прячась отъ родныхъ, и онъ чахъ въ душной атмосферѣ расте-

ряевской жизни. Какая-то пріѣзжая петербургская знаменитость, случайно услыхавъ его игру, пришла въ восхищеніе и протрубила о его талантѣ. Послѣ этого на него обратило вниманіе и мѣстное общество, но было уже поздно: Ваня сильно заболѣлъ и не вставалъ съ постели, убитый растеряевскими нравами. Михаилъ Ивановичъ, говоря о непріятностяхъ, какія пришлось перепести Ванѣ, замѣчаетъ:

«За что они надъ человѣкомъ издѣвались? Вотъ чужія деньги!... Только бы потѣху изъ всего сдѣлать! Развѣ имъ понять серьезнаго человѣка?»

Таковы итоги растеряевской жизни, дрогнувшей подъ вѣяніемъ новаго времени и сначала полагавшей, что ей пришелъ конецъ. На самомъ дѣлѣ до послѣдняго было еще очень далеко, и восторги Михаила Ивановича, какъ и опасенія людей, жившихъ «прижимкой», были чрезвычайно преувеличены. Повидимому, авторъ имѣлъ въ виду изобразить это въ своемъ произведеніи, и нельзя не пожалѣть, что онъ не довелъ его до конца такъ, какъ задумалъ. Написано оно очень живо, ярко. Нѣкоторая незрѣлость мысли автора отразилась на изображеніи отношеній мужа и жены Печкиныхъ, на которыя авторъ смотритъ съ той же юношеской односторонностью, какъ и Надя въ его разсказѣ. Какъ бы то ни было, этотъ недостатокъ вполнѣ покрывается яркимъ изображеніемъ характеровъ и основной идеи, проведенной вполнѣ удачно. Нельзя, къ сожалѣнію, того же сказать о разсказахъ: «Тише воды, ниже травы» и «Наблюденія одного лѣнтяя», въ которыхъ встрѣчаются лишь недостатки перваго разсказа «Разоренья», притомъ сильно разросшіеся, но безъ его достоинствъ, если не считать отдѣльныхъ, чрезвычайно удачныхъ сценъ, свидѣтельствующихъ о недюжинномъ дарованіи автора.

Разсказы «Тише воды, ниже травы» и «Наблюденія одного лѣнтяя» служатъ какъ бы продолженіемъ «Наблюденій Михаила Ивановича». Въ первомъ разсказѣ выведены даже тѣ же лица, что и въ «Наблюденіяхъ Михаила Ивановича»: молодой Черемухинъ, его сестра Надя, сдѣлавшаяся учительницей, и ея мать—вдова Черемухина. Такъ, по крайней мѣрѣ, увѣряетъ насъ авторъ, но читатель отнюдь не могъ бы самъ догадаться объ этомъ изъ содержанія очерка. Характеры Нади и ея матери, мало выясненные и въ прежнемъ очеркѣ, совсѣмъ не выясняются въ этомъ, такъ что связь между ними трудно установить. А что касается характера героя, отъ лица котораго ведется разсказъ, то если онъ и напоминаетъ Черемухина въ «Наблюденіяхъ Михаила Ивановича», то это всетаки не совсѣмъ тотъ Черемухинъ, который выступаетъ въ первой части «Разоренія». Черемухинъ въ «Наблюденіяхъ Михаила Ивановича» чистосердечно сознаетъ свою негодность и топитъ это сознаніе въ винѣ, такъ что онъ, вѣроятно, вскорѣ и совсѣмъ спился, тогда какъ герой разсказа: «Тише воды, ниже травы», напротивъ, брюзжитъ на весь свѣтъ и, повидимому, считаетъ себя въ самомъ дѣлѣ героемъ. Онъ, правда, также ничего не дѣлаетъ, но онъ даже это недѣланье готовъ поставить себѣ въ заслугу, такъ какъ все, что дѣлается, онъ считаетъ слишкомъ ничтожнымъ. Это

типъ безформеннаго «пытика», довольно излюбленный одно время нашей литературой, и Успенскій въ этомъ произведеніи поддался теченію, оставивъ въ сторонѣ своего болѣе правдиваго и даже болѣе симпатичнаго Черемухина въ первомъ очеркѣ «Разоренья». Таковъ же и герой «Наблюденій одного лѣнтяя», хотя онъ и происходитъ изъ другой среды. О томъ и о другомъ можно сказать словами приказчика въ очеркѣ: «Тише воды, ниже травы», затруднявшагося, какъ назвать щенка: «Теперича, если бы онъ шерстью къ сѣрому—ну «Волчокъ»... Или бы толстъ былъ—ну «Шарикъ»... А то шутъ его разберетъ, не то онъ дохлый, не то онъ... песъ его знаетъ!... Развелъ блохъ—да и горя мало. И разбирай его фамилію». Самъ Успенскій сознавалъ неправильность своего отношенія къ этимъ двумъ героямъ (онъ собственно говоритъ о первомъ, но это приложимо и ко второму), предваряя въ примѣчаніи къ «Разоренью» въ отдѣльномъ изданіи своихъ произведеній, что онъ не желалъ видѣть въ нихъ «героевъ», какъ многіе могли подумать. Если понадобилась такая оговорка, то, значитъ, авторъ не сумѣлъ выяснить своего отношенія къ героямъ въ самомъ произведеніи.

И наблюденія этихъ двухъ лѣнтяевъ тоже не удались автору. Можно, впрочемъ, уловить, читая эти два очерка, что растеряевщина оправилась, вошла въ свое русло, и новое въ ней едва лишь мелькаетъ, часто являясь новымъ только по названью. Даже и герои не новы, потому что протестъ въ формѣ лѣни былъ и въ прежней растеряевской жизни, какъ изображаетъ авторъ въ тѣхъ же «Наблюденіяхъ одного лѣнтяя». Развѣ только можно сказать, что этотъ протестъ перешелъ и въ «новыя времена», потому что среди нихъ сохранилась и старая растеряевщина. Съ многочисленными отступленіями въ очеркѣ разсказывается, какъ попытка Нади сколько-либо осмысленно вести школкое дѣло гибнетъ отъ напора грубой растеряевской силы. Другіе эпизоды разсказа рисуютъ ту же власть темныхъ силъ надъ слабыми ростками новаго. И авторъ устами своего героя говоритъ: «Все видѣнное и слышанное мною представлялось мнѣ въ видѣ безпредѣльнаго пространства непроницаемой тьмы, въ глубинѣ которой непробуднымъ сномъ покоится масса человѣческихъ существъ. Десятка два-три мухъ съ слабымъ, едва слышнымъ жужжаньемъ шныряютъ въ пространствѣ, тревожа тьму, тишину и сонъ... Мухи эти, тощія, измученныя, доведенныя до степени «тише воды, ниже травы», могущія издавать голько слабое жужжанье, которое тѣмъ не менѣе дѣлаетъ сонъ человѣческихъ существъ тревожнымъ, заставляетъ шевельнуть рукой, чтобы отогнать, или открыть глаза, оглядѣться. Но рѣдкія, слабыя движенія эти немедленно прекращаются вліяніемъ какихъ-то, какъ сокрушающая буря дѣйствующихъ силъ, которыя мгновенно комкаютъ человѣка, какъ тряпку».

Въ «Наблюденіяхъ одного лѣнтяя» впервые въ произведеніяхъ Успенскаго выступаютъ на сцену крестьяне: герой очерка отмѣчаетъ нѣкоторое броженіе мысли среди крестьянъ, вызванное новыми временами. Крестьяне одной деревни, побуждаемые старикомъ-бѣгуномъ, стали разсуждать о

душѣ, придя къ заключенію, что не слѣдуетъ платить выкупныхъ за землю, потому что человѣкъ прахъ и ляжетъ въ землю. Мысль ихъ двигается съ трудомъ, потому что вся жизнь ихъ за нѣсколько сотенъ лѣтъ не пріучила ихъ думать. Что-то новое ворвалось въ ихъ жизнь, взволновало, но не могло выразиться въ сколько-либо разумной формѣ по непривычкѣ крестьянъ къ умственной работѣ. «Отъ всего этого,—говоритъ о крестьянахъ дьячокъ въ разсказѣ,—онъ вонъ еще когда отвыкъ и зналъ одно: «исполняй, что прикажутъ». Стало быть, что же онъ могъ понять тутъ по человѣчеству? И вышло—невѣсть что». Замѣтимъ, что и въ очеркѣ «Тише воды, ниже травы» эпизодически выступаютъ крестьяне, по крайней мѣрѣ рисуется сходъ, выбирающій гласнаго въ земское собраніе по указанію мирового посредника. Въ обоихъ случаяхъ видна власть старой неволи надъ «вольными» крестьянами.

Какъ ни слабы два послѣднихъ очерка «Разоренья» (слабы, быть можетъ, отчасти вслѣдствіе постороннихъ соображеній, помѣшавшихъ автору писать свободно и ясно), но изъ нихъ всетаки можно видѣть, что старая жизнь еще всесильно тяготѣетъ надъ новой, и растеряевщина лишь дрогнула слегка, но не пала, и, вѣроятно, еще не скоро падетъ. Да и странно было бы ожидать, чтобы могло исчезнуть скоро то, что насаждалось вѣками. Наступило переходное время, борьба растеряевщины съ новой жизнью, въ которой растеряевщина то ослабѣвала, то снова усиливалась, но продолжала благополучно существовать, продолжаетъ и до днесь. Въ предисловіи къ изданію третьяго тома своихъ сочиненій Успенскій говоритъ, что «переходное время стало въ послѣднія тридцать лѣтъ какъ бы обычнымъ образомъ жизни русскаго человѣка». Обрисовкѣ этого переходнаго времени Успенскій и посвятилъ всю свою дѣятельность.

Какъ бы то ни было, время шло, и новые порядки водворялись, хотя и не приносили съ собою тѣхъ благъ, о которыхъ мечталъ наивный Михаилъ Ивановичъ. Вольные крестьяне, благодаря своему невѣжеству и все болѣе усложняющимся условіямъ экономической жизни, бѣднѣли, часто лишались всего и принуждены были идти въ работу къ промышленнику, вытѣснявшему прежняго купца, наживавшаго обманомъ копеечку на копеечку, тогда какъ новый промышленникъ, безъ всякаго обмана, а лишь при помощи нужды, гонящей людей въ работу къ нему, наживаетъ рубль на рубль («Книжка чековъ»). Протянулись въ разныхъ направленіяхъ желѣзныя дороги, по которымъ пошло главнымъ образомъ всякое сырье и хлѣбъ, безъ котораго часто сталъ оставаться самъ производитель. Однимъ словомъ, что-то новое несомнѣнно росло, смѣшиваясь со старой растеряевской жизнью и внося хаосъ въ головы обывателей, вся жизнь которыхъ была глубоко потрясена, но еще отнюдь не преобразована. Эту новую жизнь, вторгшуюся въ старую, Успенскій изображаетъ въ цѣломъ рядѣ очень живыхъ очерковъ, озаглавленныхъ: «Новыя времена, новыя заботы».

Какъ мы уже сказали (на это указываетъ и Успенскій), новое въ на-

шу жизнь ворвалось въ значительной степени со стороны. Коренной житель остался неизмѣненъ при всѣхъ этихъ перемѣнахъ, въ которыхъ онъ не принималъ никакого участія, которыя нагрянули на него откуда-то внезапно, такъ что ему оставалось только говорить: «пошло земство», «пошелъ шиньенъ», «пошли банки» и т. д. (разсказъ «Неплательщики»). Отсюда въ нашей жизни получилось сначала какое-то механическое смѣшеніе новаго со старымъ, выразившееся, главнымъ образомъ, въ городской жизни. Преобразованный новыми вѣяніями губернскій городъ Успенскій изображаетъ такъ: «Прежняя, старинная грязь и лужи, прежніе гнилые заборы съ нищими на углу, поющими: «подайте Христа ради»,—а надъ головой нищей на томъ же углу, «Парижская жизнь», оперетка, изуродованные куплеты которой заглушаются буханьемъ въ колоколъ у Никитья, гдѣ завтра престолъ... Вдругъ нежданно-негаданно налетитъ по желѣзной дорогѣ Рубинштейнъ, Давыдовъ... Вдругъ забѣжитъ волкъ и перекусаетъ возвращающихся съ концерта меломановъ... Лохмотья, до послѣдней степени разстроенные нервы, волкъ, Рубинштейнъ, вѣнская карета и первобытная мостовая, мигрень и тифъ рядомъ съ простымъ угаромъ, все это проходитъ одно за другимъ, желая представить изъ себя нѣчто общее, нѣчто переплетенное въ одну канву подъ однимъ общимъ заглавіемъ: «Губернскій городъ такой-то», и нисколько не достигаетъ чего-нибудь подобнаго, а только поражаетъ, заставляя на каждомъ шагу спрашивать себя: зачѣмъ и откуда взялась вѣнская карета въ этой лужѣ? Почему не просто соленый огурецъ, а какой-то соленый конкомбръ? Зачѣмъ Рубинштейнъ? Зачѣмъ волкъ? Зачѣмъ «Парижская жизнь»? Зачѣмъ желѣзная дорога?»

Конечно, этотъ внезапный наплывъ новыхъ явленій, а съ ними и новыхъ идей не могъ не нарушить равновѣсія духовной жизни въ странѣ, тѣмъ болѣе, что старая жизнь не создала ничего прочнаго, твердаго въ душѣ человѣка. Недостатокъ какихъ-либо твердыхъ основъ въ русской жизни особенно выясняется при сравненіи ея съ жизнью за границей, гдѣ много зла, выраженнаго иногда рѣзче, чѣмъ у насъ, но гдѣ даже и это зло основано на твердомъ убѣжденіи, созданномъ исторической жизнью и борьбою. Интересную параллель между заграничной жизнью и нашей Успенскій проводитъ въ очеркѣ: «Больная совѣсть». Въ немъ онъ указываетъ на германскій милитаризмъ, вполнѣ убѣжденный и самодовольный, въ которомъ и тѣни нѣтъ сомнѣнія въ себѣ; на версальскіе суды послѣ коммуны, члены которыхъ совершали жестокости съ чистою совѣстью, потому что въ самомъ дѣлѣ ненавидѣли принципы коммунаровъ; на англійскихъ богачей, вполнѣ убѣжденныхъ въ своемъ правѣ эксплуатировать, и т. д. Въ параллель съ этимъ онъ указываетъ на нашего солдата Кудиныча, который совсѣмъ не понимаетъ, почему онъ воевалъ въ разныхъ странахъ, и очень хвалитъ враговъ, съ которыми ему приходилось сражаться; на нашихъ прокуроровъ и судей, осуждающихъ преступника и потомъ жалѣющихъ его и даже собирающихъ для него деньги; на вла-

дѣльца винокуреннаго завода, который самъ не знаетъ, почему взялся за это несимпатичное для него дѣло, и который даритъ рабочимъ деньги въ то время, какъ его приказчикъ обсчитываетъ ихъ. Всюду у насъ полное отсутствіе твердыхъ взглядовъ, убѣжденій—какъ въ дурномъ, такъ и въ хорошемъ—какой-то нравственный кавардакъ, все лишь запутывающій и тѣмъ мѣшающій созданію чего-либо прочнаго и хорошаго.

Когда принципъ «чинъ чина почитай», на которомъ былъ построенъ нашъ общественный строй, сильно пошатнулся, жизнь выдѣлила много людей, искренно стремившихся выбиться изъ прежнихъ путъ къ свѣту, людей съ пробужденной совѣстью. На самомъ дѣлѣ это оказалось не легко и именно потому, что прошлая наша историческая жизнь, развивавшая лишь безсознательность, не развила ничего прочнаго въ душѣ, на что можно было бы опереться въ стремленіи къ добру. Такимъ образомъ, нахлынувшія внезапно новыя идеи, расшатывая старое, не дали людямъ, на которыхъ онѣ налетали, спокойствія, но создали, напротивъ, своеобразную «болѣзнь совѣсти», которой страдаютъ у насъ многіе. «Одинъ, — пишетъ Успенскій,—рванулся къ свѣту и съ ужасомъ увидалъ, что онъ безъ ногъ, что какъ бы онъ ни желалъ идти—онъ не можетъ сдѣлать шагу... Другой вдругъ нежданно-негаданно увидалъ и узналъ, что вмѣсто сердца у него деревяшка или пустое мѣсто, а жизнь какъ нарочно потребовала сердца, да еще какого большого!... Правда, и совѣсть нежданно-негаданно, среди заматорѣлой безсовѣстности, среди прочно укрѣпившейся, довольной, покойной неправды, точно прикосновеніе свѣжаго воздуха къ трупамъ, произвели разложеніе этихъ труповъ, которые до сего времени почти невредимо сохранялись въ лишенномъ воздуха мѣстѣ... Толпы этихъ невинно убіенныхъ совѣстью людей, буквально толпы неслись въ моемъ воображеніи, не прекращая своего мрачнаго шествія ни на минуту и не обѣщая конца... Да, подумалъ я, еще долго, безконечно долго, еще въ большомъ количествѣ поколѣній будутъ отдаваться слѣды вѣковой неправды».

Тотъ кавардакъ, который новыя идеи производили въ головахъ обывателей, Успенскій рисовалъ уже въ фигурѣ Печкина въ «Разорепьи». Но тамъ выведенъ человѣкъ, ропчущій на новые порядки, а въ очеркахъ: «Новыя времена, новыя заботы» выступаетъ цѣлый рядъ героевъ, сочувствующихъ новымъ временамъ, но страдающихъ потому, что не въ состояніи оріентироваться среди новыхъ идей, нахлынувшихъ въ ихъ голову, и чувствующихъ свою непригодность къ лучшей жизни. Вотъ, наприм., приказчикъ чайнаго магазина Б—въ (въ очеркѣ «Хочешь—не хочешь»), невѣдомо зачѣмъ пріѣхавшій въ Парижъ. Новыя идеи выбили его совершенно изъ колеи, произвели настоящій кавардакъ въ его головѣ и привели къ мысли о необходимости застрѣлиться. Но только онъ никакъ не могъ объяснить того душевнаго процесса, который привелъ его къ такому рѣшенію. Когда онъ начиналъ объяснять, то въ его рѣчи постоянно слышались слова: «панталоны», «много мѣстъ», «правды нѣтъ ни капли» и т. д. Объясненія были безтолковы и смѣшны, но въ нихъ слышалась истинная

скорбь страдающей души, не умѣющей лишь объяснить себя. Видно было, что въ его головѣ толпится множество нежданныхъ, негаданныхъ мыслей, цѣлой тучей нахлынувшихъ въ его бѣдный, слабый мозгъ, искалѣченный узкой спеціальностью. И онъ дѣйствительно кончилъ тѣмъ, что застрѣлился.

Самоубійствомъ окончила и Вѣрочка въ прелестномъ разсказѣ: «На старомъ попелищѣ», въ которомъ одинаково интересны и публицистическая, и беллетристическая части разсказа, слитыя въ этомъ произведеніи достаточно гармонично. Вѣрочка родилась въ той средѣ крупнаго дореформеннаго чиновничества, разрушеніе которой изображено въ «Разореньи». Воспитанная въ атмосферѣ лжи и безплодной сутолоки жизни, она совершенно потерялась среди новыхъ условій, въ которыя ее поставила новая жизнь. Умомъ она нахваталась новыхъ идей, но сердцемъ, воспитаніемъ, наслѣдственностью была совершенно чужда имъ. Вышла она замужъ за столяра-хозяина, устроившаго столярную артель, человѣка въ высшей степени порядочнаго, знавшаго только дѣло и любившаго ее твердой и безпредѣльной любовью. Но когда дѣло устроилось и пошло спокойно, Вѣрочка стала скучать, потому что ничто ее не пріучило видѣть счастіе въ исполненіи долга. Разсказчица этой исторіи въ очеркѣ Успенскаго опредѣляетъ ея міросозерцаніе такъ: «Любовь—это неправда, а поддѣлка подъ любовь, это—правда. Трудъ, это—такъ только, чтобы не замѣтили какой-нибудь гадости, больше ничего; вся задача — увильнуть отъ труда, да и жизнь-то человѣческая—всѣхъ перехитрить, надуть, провести и дорваться». Правильнѣе сказать, сознательное міросозерцаніе Вѣрочки было другое, а это было міросозерцаніе безсознательное, сердечное, и въ этомъ противорѣчіи въ ея душѣ и заключается трагедія. Въ дѣловой, правдивой жизни съ мужемъ она стала скучать, а потомъ стала обманывать его и тайкомъ отъ него веселиться, заводя интрижки. И ее убило сознаніе своей фальшивости, дрянности, своей неспособности къ лучшей, правдивой жизни.

Въ томъ же родѣ и исторія, разсказанная въ очеркѣ: «Неизлѣчимый». Здѣсь выступаетъ пьяница-дьяконъ, который пьетъ вслѣдствіе болѣзни совѣсти, а его хотятъ вылѣчить порошками. Лѣченіе порошками не помогаетъ, діаконъ продолжаетъ пить и буйствовать. Въ трезвую минуту онъ разсказываетъ исторію своей жизни. Онъ долгое время жилъ совершенно не думая: женился не по любви, спокойно вымогалъ отъ крестьянъ деньги и единственными удовольствіями въ его жизни были чувственность и ѣда. Новыя идеи, освѣтившія всю негодность его жизни, пришли къ нему отъ учительницы, которая бросила и богатство, и общественное положеніе и удалилась въ деревню подъ вліяніемъ новыхъ идей. Самъ дьяконъ удивляется, что онъ могъ проникнуться этими идеями. «Ужъ это,—говоритъ онъ себѣ,—надо думать, время такое настало, что совѣсть начала просыпаться даже и въ совсѣмъ непоказанныхъ мѣстахъ... Примѣрно взять ежели мою душу: мѣсто тутъ для чистой совѣсти весьма неудобное — ни стать, ни сѣсть, а вѣдь пришла же!» Но жить такъ, какъ повелѣвала ему совѣсть, дьяконъ не могъ и сталъ чувствовать себя не просто «свинымъ

человѣкомъ», а обманщикомъ и правды, и кривды. Въ концѣ концовъ онъ не вынесъ и сталъ лѣчить свою «болѣзнь совѣсти» виномъ, пока не дошелъ до самаго крайняго паденія. Это тоже своего рода самоубійство, и такія самоубійства встрѣчаются у насъ на каждомъ шагу.

«Болѣзнь совѣсти», какъ изображаетъ Успенскій, приняла у насъ эпидемическій характеръ, распространившись особенно сильно среди интеллигенціи, среди людей, пристроившихся при разныхъ учрежденіяхъ, не вѣря въ ихъ полезность и цѣлесообразность. Всѣ эти люди работаютъ изъ-за куска хлѣба, безъ всякой любви къ самому дѣлу, какъ бы даже стыдясь, что приходится заниматься имъ, потому что развитый умъ и сердце влекутъ ихъ къ болѣе осмысленному и полезному труду, но только такого не находится. И вотъ всѣ они тяготятся своимъ положеніемъ, ноютъ, болѣютъ совѣстью и часто топятъ ее въ винѣ. Такую категорію людей изображаетъ Успенскій въ своемъ разсказѣ: «Неплательщики» и впослѣдствіи въ разсказѣ: «Дохнуть нскогда». Всѣ эти люди ищутъ выхода, ищутъ и не находятъ, потому что, какъ и дьяконъ въ разсказѣ «Неизлѣчимый», не въ силахъ оторваться отъ своей жизни, для чего нѣтъ у нихъ ни достаточно вѣры, ни достаточно энергіи. Однимъ словомъ, получилось обычное русское исполненіе дѣла безъ любви и безъ убѣжденій, какое-то двойственное существованіе, раздираемое на части.

Для такихъ людей, жаждущихъ правды и не имѣющихъ силы устроить свою жизнь согласно со своимъ представленіемъ о правдѣ, является чрезвычайно притягательнымъ всякое массовое народное движеніе, хотя бы и не вполнѣ отвѣчающее ихъ убѣжденіямъ. Оно даетъ имъ возможность какъ бы сложить съ себя отвѣтственность на другихъ, жить не думая, а лишь подчиняясь потоку, который влечетъ ихъ куда-то. Такимъ было движеніе 1877 г. въ пользу славянъ, боровшихся за свою независимость съ турками. Оно увлекло у насъ многихъ людей съ больною совѣстью, съ больными нервами, не знавшихъ, куда и какъ направить свою жизнь. Такой типъ выведенъ Успенскимъ въ очеркѣ «Не воскресъ», написанномъ съ большою психологической тонкостью и большимъ пониманіемъ массовыхъ движеній. Герой очерка увлекается движеніемъ въ пользу освобожденія славянъ. Отправившись въ Сербію добровольцемъ, онъ сразу расцвѣтаетъ, гордо ходитъ, постукивая палашомъ, кутитъ съ военными и вобще чувствуетъ, какъ будто нашелъ пристань послѣ своихъ блужданій и исканій. Но довольство его длилось не долго, онъ «не воскресъ»: увидавъ разъ мальчика-серба, закабаленнаго въ ученье нѣмцу-ремесленнику и убѣжавшаго къ матери, котораго поймали и тащили обратно, онъ сразу охладѣлъ къ войнѣ, какъ къ чему-то старому, архаическому. Совѣсть стала настоятельно твердить ему, что ему слѣдовало бы сражаться не съ турками, а бороться за права человѣческой личности, человѣческаго сердца, попираемыя въ этомъ мальчикѣ и во многихъ другихъ. И вотъ онъ возвращается въ Россію, снова потерявшійся, тоскующій, еще больше тоскующій послѣ неудачной попытки «воскреснуть».

Люди съ «больною совѣстью» являются лишь болѣе яркими проявленіями душевнаго состоянія всей почти массы русскаго народа, долгіе годы жившаго подъ властью «растеряевщины». Жизнь эта привила къ русскому человѣку много «свиного элементу», выражаясь словами «неизлѣчимаго» дьякона. И когда онъ приходитъ въ соприкосновеніе съ новыми идеями, съ иной жизнью, ему становится стыдно за себя. Какъ описываетъ Успенскій, такъ именно сдѣлалось стыдно русскому человѣку, прибывшему въ Сербію для войны съ турками. По словамъ Успенскаго, онъ почувствовалъ себя, какъ женщина, найденная въ то время въ Петербургѣ, которая пятнадцать лѣтъ просидѣла въ темной комнатѣ. Наши добровольцы «были сконфужены прочностью заграничнаго человѣка, его умѣньемъ жить; были сконфужены, какъ дѣти, какъ ребенокъ, которому не подарили такихъ же фольговыхъ часовъ, какіе подарили его пріятелю-ребенку» («Письма изъ Сербіи»). Притомъ на родинѣ русскій человѣкъ утѣшалъ себя тѣмъ, что онъ—жертва интригъ, несправедливости, притѣсненій, и что если онъ хотя на минуту освободится отъ своихъ бѣдъ, тотчасъ же обнаружится, какъ онъ великодушенъ, вѣжливъ, щедръ, непоколебимъ и честенъ. А на самомъ дѣлѣ обнаружилось, что въ немъ много «свиного элемента», созданнаго вѣками, какъ это прекрасно изображено въ «Письмахъ изъ Сербіи» Успенскаго. Эти письма, рисующія психологію русскаго человѣка съ рѣдкимъ безпристрастіемъ и самокритикой, по нашему мнѣнію, гораздо полезнѣе шовинистическихъ писаній Достоевскаго въ «Дневникѣ писателя» во время той же войны.

Такимъ образомъ, сравненіе съ заграницею оказывалось не въ нашу пользу, и не мудрено, потому что наша историческая жизнь была гораздо тяжелѣе, убивая индивидуальность. Но, какъ отмѣчалъ Успенскій въ очеркѣ «Больная совѣсть», въ нашемъ обществѣ, не имѣющемъ такихъ прочныхъ основъ, какъ европейское, и зло развито не достаточно прочно, а потому голосъ совѣсти громче говоритъ въ русскомъ человѣкѣ, хотя онъ и заглушается часто «свинымъ элементомъ». И этотъ голосъ совѣсти иногда ведетъ и къ героическому отреченію отъ всего, что онъ осуждаетъ. Такихъ людей Успенскій рисуетъ въ очеркахъ: «Три письма» и «Хочешь—не хочешь». Герой перваго очерка, домашній учитель, самоотверженно занимается чужими дѣтьми и, наконецъ, дѣлается съ ними простымъ рабочимъ, такъ какъ душа его не терпитъ никакой неправды и тунеядства. Герой другого очерка, бывшій помѣщикъ, прежде кутившій и дѣлавшій много дурного, совершенно преобразился, ушелъ въ крестьянскую среду, отказался отъ всякихъ удобствъ и сталъ заниматься обученіемъ крестьянскихъ дѣтей, живя въ самой нищенской обстановкѣ.

Всякій знаетъ, что это не вымыселъ автора, что такіе примѣры у насъ бывали. Совѣсть привела къ опрощенію и проповѣди перестройки всей жизни на началахъ правды и нашего великаго писателя—Л. Н. Толстого. Ученіе Л. Н. Толстого прогремѣло по всему міру, но самъ онъ является лишь наиболѣе крупнымъ изъ всѣхъ, кого совѣсть привела у насъ къ со-

вершенной перестройкѣ своей жизни, но отнюдь не единственнымъ. Несмотря на все растлѣвающее вліяніе «растеряевщины», у насъ встрѣчаются люди, строго слѣдующіе велѣніямъ своей совѣсти, какъ бы ни были эти велѣнія тяжелы. Фактъ Успенскимъ указанъ вѣрно, отнюдь не преувеличенъ, хотя, конечно, можно спорить противъ того, является ли этотъ путь единственнымъ и неизбѣжнымъ для человѣка съ совѣстью. Какъ моралистъ, Успенскій безусловно ему сочувствуетъ, но не считаетъ его, какъ это можно видѣть изъ дальнѣйшихъ его произведеній, единственнымъ, а лишь наиболѣе послѣдовательнымъ.

Чтобы отказаться отъ своего положенія, стать въ ряды обездоленныхъ, нужно быть своего рода подвижникомъ и героемъ. Но такъ какъ героемъ и подвижникомъ можетъ быть не всякій, то такой путь нельзя и рекомендовать, какъ общественную программу, тѣмъ болѣе, что такое подвижничество, какъ явленіе исключительное, едва ли даже можетъ замѣтно способствовать перестройкѣ общественныхъ отношеній на основѣ правды. Но какъ результатъ пробужденной совѣсти, оно типически обрисовываетъ тотъ моментъ, который переживало и еще переживаетъ наше общество. И какъ изобразитель этого момента, Успенскій не могъ его не отмѣтить.

А. Уманьскій.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Высшая русская школа въ Парижѣ.

За послѣднія двадцать лѣтъ русская лѣвобережная колонія въ Парижѣ чрезвычайно разрослась. Мы помнимъ: еще въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ послѣдняго столѣтія даже учащіеся, не говоря уже о профессорахъ и писателяхъ, насчитывались здѣсь единицами. Теперь же, особенно послѣ всемірной выставки 1900 г., наша парижская колонія вообще, а главнымъ образомъ лѣвобережная (въ Латинскомъ кварталѣ) составляетъ цѣлый, какъ мы говоримъ здѣсь шутя, русскій *уѣздный городъ*. Но уѣздный городъ такой, въ которомъ находятся всѣ учебныя заведенія, всѣ источники знанія, всѣ преимущества и удобства цивилизаціи начала XX столѣтія. Газеты, и русскія, и заграничныя, не разъ давали «статистику русскихъ учащихся въ Парижѣ». Эта статистика, какъ и всякая другая, подлежитъ ежегодному пересмотру, что, однако, не обезпечиваетъ ея точности. Обыкновенно составляющіе ее пользуются офиціальными записями нашихъ студентовъ и студентокъ на государственные факультеты: медицинскій, юридическій, словесно-философскій (lettres) и естественно-математическій (sciences) и высшія спеціальныя школы—горную (mines), путей сообщенія (Ponts et chaussées) и друг. Но кромѣ записанныхъ, есть много русскихъ, слушающихъ лекціи болѣе или менѣе правильно, получающихъ общее высшее образованіе, не будучи нигдѣ записанными. И насъ нисколько не удивило при такихъ обстоятельствахъ, когда мы на открытіи *высшей русской школы въ Парижѣ* увидѣли толпу учащейся молодежи человѣкъ въ пятьсотъ: человѣкъ 220, записанныхъ въ разныхъ парижскихъ школахъ, 120 человѣкъ, записавшихся ко дню открытія въ высшую русскую школу, а остальные—вольные, такъ сказать, элементы, изъ которыхъ часть продолжаетъ записываться въ *высшую русскую школу*, а другая часть останется попрежнему «вольницей» учащейся молодежи.

Кто знаетъ нашу учащуюся молодежь съ ея стремленіями къ общему образованію—помимо избранной спеціальности, къ общему высшему умственному и нравственному развитію, тотъ, прочитавъ только что приведенныя цифры, пойметъ, что въ Парижѣ созрѣла потребность въ учрежденіи, которое было бы умственнымъ центромъ для нашей молодежи. Долгіе

годы этотъ центръ замѣняли въ большинствѣ случаевъ несистематическіе литературные вечера, рефераты, лекціи и т. п. И все, что носитъ въ русской наукѣ, литературѣ и публицистикѣ почетное имя, не разъ украшало эти вечера и лекціи послѣднихъ лѣтъ. Систематизировать эти отдѣльныя попытки, придать имъ характеръ правильности, оформить и сосредоточить ихъ въ одномъ учрежденіи — для этого не было ни наличныхъ силъ, ни матеріальныхъ средствъ. Всемірная выставка 1900 г. измѣнила это положеніе и создала—мы сейчасъ увидимъ, какъ—новый порядокъ вещей, въ которомъ и могло быть положено начало такому учрежденію, какъ *Высшая русская школа соціальныхъ знаній въ Парижѣ*.

За нѣсколько мѣсяцевъ до открытія всемірной выставки 1900 г. корреспонденты русскихъ газетъ въ Парижѣ собрались для обсужденія вопроса о своей профессіональной дѣятельности во время выставки.

Это было первое собраніе такого рода, вызванное надобностями и вопросами исключительно профессіональнаго характера, причемъ впервые сошлись представители всѣхъ газетъ безъ различія направленія. Я не исторію парижской русской печати пишу; не стану поэтому распространяться объ упомянутомъ собраніи корреспондентовъ. Скажу только, что Евгеній Валентиновичъ де-Роберти, присутствовавшій на этомъ собраніи, высказалъ мысль, что такого рода собранія должны были бы быть правильными, что русскіе журналисты въ Парижѣ должны были бы объединиться, подобно, напримѣръ, американскимъ корреспондентамъ, что тогда можетъ быть создался бы центръ для русской интеллигенціи въ Парижѣ... Мысль Е. В. де-Роберти была предложена собранію на обсужденіе, и тутъ же выяснилось, что по разнымъ причинамъ, и между прочимъ вслѣдствіе разницы общественныхъ симпатій и направленій, русскіе журналисты въ Парижѣ не только не могутъ образовать центра, въ которомъ чувствуется такая потребность, но не могутъ даже объединиться на болѣе продолжительное время, чѣмъ періодъ выставки.

Важно было однако, и всѣ это замѣтили, что мысль Е. В. де-Роберти была высказана. Она была пущена, такъ сказать, въ обращеніе, и о ней невольно задумались многіе. И вотъ, когда по открытіи выставки былъ устроенъ первый завтракъ русской печати и когда среди довольно многочисленной сравнительно группы русскихъ журналистовъ, нѣкоторые мѣстные журналисты и гости, какъ покойный М. И. Венюковъ, В. Гайдебуровъ, и особенно москвичъ докторъ Погожевъ, горячо и краснорѣчиво настаивали на единеніи русскихъ журналистовъ въ Парижѣ, тотъ же Е. В. де-Роберти вернулся къ своей мысли, но высказалъ ее въ иной формѣ, приблизительно такъ: «Да, какъ ни желательно единеніе вообще, но въ данномъ случаѣ оно невозможно, и иная рознь полезнѣе и плодотворнѣе иного единенія. Но если единеніе ставится такъ упорно на очередь, то вотъ есть живое дѣло, на которомъ пресса могла бы объединиться. Это дѣло—образовавшаяся *международная школа выставокъ*—ассоціація, имѣющая цѣлью развитіе наукъ, искусствъ и воспитанія, подъ предсѣдательствомъ

бывшаго министра народнаго просвѣщенія г. Леона Буржуа. Всѣ націи представлены въ этой ассоціаціи въ видѣ національныхъ *группъ*. Группы эти устраиваютъ для своихъ соотечественниковъ на выставкѣ же лекціи по всѣмъ отраслямъ знанія, осмотры, практическія прогулки на выставкѣ и т. п. Одна Россія изъ великихъ странъ не имѣетъ своей «группы». Пресса могла бы взять на себя иниціативу организаціи такой «группы».

Такъ, на завтракѣ печати въ Парижѣ зародилась идея о первомъ центрѣ для русской интеллигенціи въ городѣ-свѣточѣ, въ видѣ русской группы вышеупомянутой «международной ассоціаціи для развитія наукъ, искусствъ и воспитанія». Но не печати выпало на долю осуществить эту идею и претворить ее въ живое дѣло. Правда, нѣкоторые представители печати отнеслись чрезвычайно сочувственно и живо къ дѣлу, но у нихъ не было ни авторитета, ни вліянія, ни средствъ къ его осуществленію. И только, когда въ Парижъ пріѣхалъ профессоръ Максимъ Максимовичъ Ковалевскій, пришедшаяся ему по сердцу идея Евгенія Валентиновича де-Роберти нашла человѣка, превратившаго ее въ живое благородное дѣло. При непосредственномъ сотрудничествѣ московскаго профессора Юрія Степановича Гамбарова было приступлено къ организаціи группы, душой которой сталъ Максимъ Максимовичъ Ковалевскій. Съѣздъ профессоровъ разныхъ русскихъ высшихъ учебныхъ заведеній, а равно и другихъ привлеченныхъ выставкой интеллигентныхъ дѣятелей изъ Россіи, сгруппировавшихся вокругъ иниціаторовъ дѣла, далъ возможность собрать достаточное число лекторовъ и референтовъ, для того чтобы русская группа функціонировала въ теченіе выставки, и многіе русскіе, побывавшіе въ Парижѣ во время выставки, не забудутъ, конечно, русскихъ лекцій въ подвальномъ этажѣ Малаго дворца изящныхъ искусствъ.

Выработанный русской группой уставъ, въ своемъ 2-мъ параграфѣ, между прочимъ, предусматривалъ какъ цѣль: споспѣшествовать учрежденію: а) *международныхъ высшихъ школъ* научныхъ знаній и международныхъ народныхъ университетовъ, б) постоянныхъ центровъ научныхъ международныхъ свѣдѣній и личныхъ сношеній между русскими и иностранными учеными, литераторами и художниками».

На основаніи этого параграфа иниціаторы группы рѣшили продолжать дѣятельность послѣдней и по закрытіи выставки, и въ теченіе цѣлаго учебнаго сезона 1900—1901 г., въ видѣ опыта, они организовали при помощи здѣшняго *Общества взаимопомощи русскихъ студентовъ*—цѣлый рядъ лекцій и рефератовъ то во *дворцѣ ученыхъ обществъ*, то въ залѣ *французской высшей соціологической школы*. Достаточно назвать такихъ лекторовъ, какъ И. И. Мечниковъ, М. М. Ковалевскій, Е. В. де-Роберти, Ю. С. Гамбаровъ; такихъ профессоровъ, какъ гг. Исаевъ, Аничковъ, Лучицкій и др., чтобы понять, какимъ успѣхомъ увѣнчался этотъ опытъ. Тогда неутомимые дѣятели русской группы послѣ нѣсколькихъ совѣщаній и переговоровъ съ русскими профессорами и учеными рѣшили весною, въ концѣ учебнаго 1900—1901 года, перейти отъ опыта, отъ случайнаго учрежде-

нія, къ постоянному, и открытіе высшей русской школы соціальныхъ знаній было рѣшено и назначено къ началу учебнаго 1901—1902 года. Лѣто ушло на приготовленія, на предварительныя работы и совѣщанія, на приглашенія профессоровъ, выработку программы на первый, по крайней мѣрѣ, учебный годъ и т. п.

Въ октябрѣ мѣсяцѣ все было готово: штатъ профессоровъ составленъ, программа выработана — сообразно съ потребностями русской учащейся молодежи за границей и въ видахъ созданія умственнаго центра для русской колоніи въ Парижѣ. Программа курсовъ и имена большинства профессоровъ говорятъ сами за себя. Дадимъ первую и перечислимъ вторыя, а затѣмъ укажемъ на существенный пробѣлъ въ программѣ, который навѣрное при первой возможности будетъ заполненъ. *Высшая русская школа въ Парижѣ* функціонируетъ на основаніи устава, текстъ котораго представленъ былъ, согласно законамъ, на санкцію французскому правительству. Въ *первомъ параграфѣ* устава говорится объ учрежденіи «школы высшихъ соціальныхъ знаній» въ Парижѣ согласно вышеупомянутому 2 § устава «Русской группы международной ассоціаціи для развитія наукъ, искусствъ и воспитанія». «*Параграфъ второй*: лекціи въ школѣ читаются преимущественно на русскомъ языкѣ. *Параграфъ третій:* преподаваніе въ школѣ состоитъ изъ: а) систематическихъ курсовъ по различнымъ отраслямъ общественныхъ наукъ, б) конференцій и дополнительныхъ лекцій; в) практическихъ занятій, экскурсій и т. п., г) опросовъ на различныя темы и диспутовъ по нимъ. *Параграфъ четвертый*: каѳедры школы свободны и самостоятельны, каждый профессоръ сохраняетъ направленіе и отвѣтственность за свой курсъ въ границахъ соблюденія закона. *Параграфъ пятый:* студенты школы могутъ испрашивать *свидѣтельствъ общественныхъ наукъ*. Для полученія таковыхъ необходимо а) представить три аттестаціи, выданныя профессорами; б) представить написанную или напечатанную диссертацію, одобренную *совѣтомъ профессоровъ*, в) защитить эту диссертацію на публичномъ диспутѣ.

Параграфъ восьмой: преподаваніе въ Русской школѣ даровое; принимаются на курсы всѣ подающіе о томъ прошеніе. *Параграфъ девятый:* лица, желающія получить *свидѣтельство наукъ*, обязаны: а) записаться въ секретаріатѣ, б) внести за право записи десять франковъ въ годъ (5 франковъ за семестръ). Записавшіеся слушатели допускаются на всѣ лекціи, конференціи, практическія работы и т. п. въ школѣ. *Совѣтъ профессоровъ* имѣетъ право освобождать несостоятельныхъ отъ платы за право инскрипціи. *Параграфъ десятый:* при школѣ будетъ учрежденъ *комитетъ усовершенствованія и патроната* изъ иностранныхъ и русскихъ ученыхъ и писателей, которые избираются *совѣтомъ профессоровъ*.

Что касается программы наукъ и состава профессоровъ, то слѣдующее расписаніе ихъ на 1901——1902 г. даетъ довольно ясное понятіе о научномъ и практическомъ достоинствѣ занятій въ школѣ.

A) Систематическіе курсы:

I. Философія и методологія математическихъ, физико-химическихъ и біологическихъ наукъ (каѳедра еще не занята).

II. Философія и методологія общественныхъ наукъ. Общая соціологія—профессоръ де-Роберти.

III. Всеобщая исторія и описательная соціологія: 1) Англія въ XVIII в. и происхожденіе Сѣв.-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ—проф. М. М. Ковалевскій; 2) проф. Н. Карѣевъ: а) Соціологія въ Россіи, б) Роль личности въ исторіи; 3) профессоръ И. Лучицкій: Эволюція поземельной собственности во Франціи въ XVIII вѣкѣ; 4) И. Щукинъ: Введеніе къ изученію исторіи, и 5) г. Тамамшевъ: Изученіе исторіи передней Азіи.

IV. Антропологія и этнографія. Г. Волковъ: Общіе принципы антропологіи.

V. Исторія религій: 1) проф. Е. Аничковъ: Древнее и новое русское язычество, 2) И. Щукинъ: Религіозное и соціальное движеніе въ XIV и XV вѣкахъ.

VI. Эволюція экономическихъ фактовъ и доктринъ: 1) проф. М. М. Ковалевскій: Экономическій строй среднихъ вѣковъ; 2) проф. Н. Карышевъ: Принципы политической экономіи: законы производства, законы распредѣленія; 3) проф. Исаевъ: Политическая экономія, и 4) г. Іоллосъ: Соціальное законодательство въ Германіи, Австріи и Швейцаріи.

VII. Исторія политическихъ теорій и учрежденій: 1) проф. М. М. Ковалевскій: а) Исторія соціальныхъ классовъ въ Россіи, Основныя задачи общественнаго права; 2) г. Гессенъ: Мѣстныя учрежденія въ Россіи.

VIII. Исторія доктринъ и учрежденій гражданскаго права: 1) Профессоръ Ю. Гамбаровъ: а) Историческое введеніе къ изученію гражданскаго права, б) Основныя задачи гражданскаго права; 2) г. Винаверъ: Гражданское законодательство новѣйшей Европы.

IX. Соціальная криминологія: Докторъ Баженовъ: Психологія преступника.

X. Эволюція метафизическихъ и моральныхъ идей. Е. де-Роберти: Основные законы развитія идей и метафизическихъ системъ.

XI. Исторія литературъ и изящныхъ искусствъ: 1) Е. Аничковъ: Литературныя теоріи XIX вѣка; 2) С. Венгеровъ: Русская литература послѣ Пушкина.

Прежде чѣмъ перейти къ программѣ дополнительныхъ лекцій и рефератовъ, а равно и упражненій и практическихъ работъ, мы должны указать на очень существенный пробѣлъ въ только что приведенной программѣ. Мы имѣемъ въ виду отсутствіе такой важной для школы *общественныхъ наукъ* каѳедры, какъ *самостоятельная* каѳедра по всеобщей исторіи, а равно и по исторіи русской. Мы обратили вниманіе организаторовъ школы на этотъ пробѣлъ. Оказалось, что они были имъ озабочены еще до открытія школы, и, благодаря ихъ стараніямъ, этотъ пробѣлъ будетъ въ скоромъ времени пополненъ. Съ этой оговоркой мы можемъ сказать, что программа нашей

школы, гдѣ еще не всѣ профессора начали читать, шире и систематичнѣе, напримѣръ, Новаго университета въ Брюсселѣ.

Къ программѣ систематическихъ курсовъ мы должны еще прибавить *программы дополнительныхъ курсовъ и конференцій и практическихъ работъ.*

Б) И. Мечниковъ: Посѣдѣніе волосъ.—Е. де-Роберти: Тридцать лѣтъ мѣстнаго самоуправленія въ Россіи: земство, его борьба, его побѣды, его пораженія.—Г. Іоллосъ: Торговые договоры.—П. Апостолъ: Промышленные синдикаты во Франціи.—П. Боборыкинъ: Эволюція романа въ Европѣ.—П. Буайе: Какъ русскіе изучаютъ французскій языкъ.—Л. Лакуръ: Феминизмъ и положеніе его въ Европѣ и въ мірѣ вообще.—К. Валишевскій: Иванъ Грозный.—Эли Реклю: Пантеистическое содержаніе религій.—А. Уларъ: Крайній востокъ.—В. Анри: Законы памяти.—Д. Крушколъ: Основныя задачи физики.

В) Практическія работы.

1. По философіи, подъ руководствомъ Е. де-Роберти.
2. По общественнымъ наукамъ, подъ руководствомъ М. Ковалевскаго.
3. По юридическимъ наукамъ, подъ руководствомъ Ю. Гамбарова.
4. По сравнительной литературѣ, подъ руководствомъ Е. Аничкова.
5. По французскому языку и литературѣ, подъ руководствомъ Л. Лакура.

Г) Опросы и диспуты.

1. Новое умственное состояніе народныхъ массъ. Крестьянинъ, рабочій.
2. Земство, начало свободной общественной жизни.
3. Техническій прогрессъ, начало режима крупной промышленности.
4. Печать въ Россіи. Направленія и политико-литературныя группировки.

Мы покончимъ съ вопросомъ объ организаціи школы, если прибавимъ еще, что администрація школы — передъ закономъ — состоитъ изъ трехъ французовъ: писателя Поля Адана, депутата Андре Бертло и профессора Э. Дельбе *).

Съ первыхъ же дней школа привлекла значительное число слушателей и особенно слушательницъ — *до двухъ сотъ записавшихся послѣ первой недѣли* (въ день открытія было всего 120); записи продолжаются, причемъ больше половины поступившихъ въ школу пріѣхали спеціально съ этой цѣлью изъ Россіи.

Пользуясь любезнымъ согласіемъ профессоровъ М. М. Ковалевскаго, Е. В. де-Роберти и Ю. С. Гамбарова, приводимъ обѣ рѣчи **) перваго, сказанныя имъ на торжественномъ открытіи высшей школы 1—14 ноября, извлеченіе изъ рѣчи Е. В. де-Роберти, сказанной имъ тогда же, и,

---

*) Вотъ наиболѣе выдающіяся имена членовъ комитета совершенствованія: Уларъ, химикъ Бертло, Леонъ Буржуа, Краузе (деканъ словесн. факультета), Дюкло, Эспинасъ, Фулье, Моно, Гастонъ Пари, Ж. Психари, Ж. Ренаръ, Т. Рибо, Ш. Рише, Тардъ, Эмиль Зола и др.

**) Значительныя извлеченія изъ нихъ даны были въ *Русск. Вѣд.*

наконецъ, краткое содержаніе вступительной лекціи Ю. С. Гамбарова къ его курсу о гражданскомъ правѣ, который онъ читаетъ въ школѣ.

Вотъ какъ объясняетъ М. М. Ковалевскій причины, заставившія его и его товарищей учредить русскую школу общественныхъ наукъ съ каѳедрами «по исторіи экономическаго и соціальнаго строя и религіознаго, литературнаго и умственнаго движенія въ Россіи». Въ интересахъ сближенія обѣихъ странъ «мы сочли желательнымъ привлечь въ Парижъ все растущее число тѣхъ нашихъ соотечественниковъ, которые стремятся къ изученію вопросовъ, наиболѣе волнующихъ современность. Сосѣдство съ Германіей и то обстоятельство, что не одинъ русскій профессоръ вступилъ въ число преподавателей на факультеты Берлина, Гейдельберга и Цюриха, куда они естественно привлекаютъ своихъ прежнихъ учениковъ, объясняютъ намъ, почему большое количество нашихъ соотечественниковъ, желающихъ пополнить свое образованіе за границей, устремляется по ту сторону Рейна. Общественныя науки, впрочемъ, и преподаются въ Германіи въ широкихъ размѣрахъ, если не въ спеціальныхъ школахъ, то, по крайней мѣрѣ, на юридическомъ и философскомъ факультетахъ. Тамъ удѣлено также болѣе, чѣмъ во Франціи, вниманія русской исторіи и литературѣ, экономическому и политическому строю моей родины. Все это привлекаетъ на нѣмецкіе факультеты тѣхъ изъ насъ, которые желаютъ провѣрить офиціальныя доктрины, преподанныя намъ въ государственныхъ университетахъ,—при помощи критики болѣе свободной и независимой. Мы, разумѣется, усматриваемъ только пользу въ этомъ добровольномъ *исходѣ* трудолюбивой молодежи изъ круга, несомнѣнно, ограниченнаго, въ которомъ совершалось ея первоначальное обученіе—экономическое, соціальное и политическое. Но мы желали бы въ то же время доставить ей возможность не отдавать исключительное свое предпочтеніе сосѣднимъ съ русской границей факультетамъ, а изучать соціологію въ самой странѣ, гдѣ послѣдняя зародилась, въ городѣ, который по большому числу и разнообразію своихъ высшихъ учебныхъ заведеній представляетъ наибольшій выборъ учителей по предметамъ соціальнымъ и философскимъ. Мы всѣ болѣе или менѣе были учениками этихъ учителей, и мы знаемъ по собственному опыту, до какой степени трудно молодому русскому по пріѣздѣ въ Парижъ сосредоточить свое вниманіе на нѣкоторыхъ опредѣленныхъ занятіяхъ: до того велико предложеніе дарового высшаго преподаванія и столь привлекательна программа курсовъ вашихъ профессоровъ *). Мы, слѣдовательно, полагаемъ, что исполнимъ свой долгъ, если будемъ направлять выборъ тѣхъ изъ нашихъ студентовъ, которые соблаговолятъ обратиться къ намъ за совѣтомъ. Кромѣ этой услуги, наша школа надѣется также быть полезной, привлекая вниманіе образованной публики и ученыхъ французовъ и иностранцевъ на возможность распространить и на Россію поле

*) Эта рѣчь, сказанная на французскомъ языкѣ, имѣла въ виду французскихъ гостей на торжественномъ открытіи русской школы.

ихъ соціальныхъ изслѣдованій и знакомя ихъ съ тѣмъ, что было сдѣлано въ этой области русскими мыслителями и учеными. Разумѣется, оригинальныя изслѣдованія какъ по исторіи, такъ и по статистикѣ Россіи могутъ быть сдѣланы только на мѣстѣ; ихъ поэтому и надо предоставить тѣмъ, которые имѣютъ свободный доступъ въ архивы Петербурга и Москвы и въ различныя канцеляріи, занимающіяся приведеніемъ въ порядокъ административнаго письмоводства. Но освѣтить факты, уже установленные, строгимъ примѣненіемъ сравнительнаго метода и такимъ образомъ синтезировать изученіе новѣйшей русской жизни, равно какъ и нашего прошлаго— вотъ цѣль, которая не покажется, конечно, болѣе химеричной на берегахъ Сены, чѣмъ на берегахъ Невы. Чтобы дать нашимъ сравнительнымъ работамъ солидное основаніе, мы намѣрены въ нашемъ преподаваніи обратить взоры нашихъ слушателей на соціальную и политическую жизнь другихъ странъ, помимо Франціи: Англіи, Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ. Ихъ прошлое, какъ и прошлое вашей страны можетъ дать не одинъ урокъ нашей родинѣ. Ибо надо хорошо запомнить это: внутренній укладъ нашей обширной Имперіи во многихъ отношеніяхъ напоминаетъ болѣе Англію временъ Тюдоровъ и Стюартовъ, или Францію стараго режима, чѣмъ парламентскую демократію нашихъ дней. Мы поэтому вынуждены отвести исторіи въ нашемъ преподаваніи болѣе мѣста, чѣмъ это дѣлаютъ высшія школы соціальныхъ наукъ во Франціи, Англіи и Италіи. Вотъ почему вы найдете въ программѣ нашего курса на этотъ годъ такіе предметы, какъ «Англія въ XVII вѣкѣ и происхожденіе американской демократіи» или еще: «Соціальное и религіозное движеніе въ XIV вѣкѣ»—эпоха, къ которой восходитъ начало нашихъ наиболѣе старыхъ сектъ. Русская исторія будетъ изучаться въ нашей школѣ со всей широтой, которой она требуетъ; то же можемъ мы сказать и объ изученіи экономическаго и соціальнаго строя. Мы можемъ уже обѣщать полные курсы и отдѣльныя лекціи по такимъ предметамъ, какъ *исторія нашихъ сословій*. Г. Валишевскій, компетентность котораго во всемъ, что касается русскаго XVIII в., вамъ, конечно, извѣстна, прочтетъ нѣсколько лекцій объ одной изъ самыхъ тревожныхъ эпохъ нашей исторіи—о царствованіи Іоанна Грознаго. Эти лекціи будутъ имѣть возможность слушать даже тѣ изъ васъ, которые не знаютъ русскаго языка, ибо мы рады видѣть у себя всѣхъ, кто занимается руссовѣдѣніемъ, на какомъ бы языкѣ они ни говорили, къ какой бы національности они ни принадлежали. Мы постараемся обратить вниманіе нашихъ слушателей на мѣстныя вольности, столь намъ дорогія, единственныя, если не во всей Имперіи, то, по крайней мѣрѣ, въ большинствѣ губерній европейской Россіи, — какъ на первый опытъ административной децентрализаціи, равно какъ и на ихъ настоящее положеніе. Многіе профессора, принадлежащіе еще или принадлежавшіе къ высшему штату преподавателей въ Россіи, обѣщали намъ для этого свое драгоцѣнное содѣйствіе. Имъ же мы предоставляемъ и возможность познакомить насъ съ общимъ строемъ нашего экономическаго ре-

жима или хотя бы нѣкоторыхъ его особенностей, крайне спорныхъ въ настоящее время, какъ, напримѣръ, сельская община, или міръ. Русскіе экономисты очень раздѣлены въ вопросѣ о выгодахъ сохраненія общины въ настоящій моментъ. Будетъ, стало быть, чрезвычайно интересно разсмотрѣть этотъ вопросъ съ обѣихъ точекъ зрѣнія, радикально противоположныхъ, на которыхъ стоятъ народники и неомарксисты. Сторонники свободнаго обмѣна идей, мы далеки отъ всякой мысли создать здѣсь «маленькую часовню», закрытую для всѣхъ, кромѣ немногихъ правовѣрныхъ. Мы считаемъ нужнымъ сдѣлать также и слѣдующее принципіальное заявленіе: большинство изъ насъ примыкаетъ къ позитивной философіи Огюста Конта и ея широкой интерпретаціи такими учителями, какъ Милль, Литрэ, Тэнъ, Ренанъ и столько другихъ, которыхъ я имѣю удовольствіе видѣть сегодня между нами. Даже несогласные съ нами — и, говоря это, я имѣю особенно въ виду моего друга и товарища де-Роберти—взяли за отправный пунктъ эту философію, какъ вы въ этомъ сейчасъ же убѣдитесь изъ лекціи г. де-Роберти, которую онъ намъ обѣщалъ прочитать сегодня по вопросу наиболѣе новому и въ то же время очень старому: «Что такое философія?»

Теперь приведемъ наиболѣе характерные отрывки изъ вступительной лекціи г. де-Роберти,—характерные, какъ авторитетное указаніе на отношеніе учредителей высшей школы къ внѣшнему, такъ сказать, міру, а особенно къ недоброжелателямъ (уже!?) новаго русскаго учрежденія за границею.

«Я буду имѣть честь,—говорилъ Е. В. де-Роберти,—въ теченіе этого года прочитать господамъ студентамъ нашей школы курсъ объ основныхъ законахъ, управляющихъ эволюціей, зарожденіемъ, расцвѣтомъ, упадкомъ великихъ философскихъ идей и великихъ философскихъ системъ. Я тогда глубже вникну,—въ слабой мѣрѣ моего знанія и еще болѣе слабой мѣрѣ моего умѣнія,—въ сущность вопроса, который стоитъ въ заголовкѣ сегодняшней вступительной рѣчи: «Что такое философія?» Пока же я попрошу васъ усмотрѣть въ томъ, что я скажу сегодня, только своего рода краткое введеніе и даже менѣе того — предисловіе, въ которомъ вопросы скорѣе намѣчены въ очень общей формѣ, чѣмъ поставлены съ необходимой научной точностью или разрѣшены,—предисловіе, въ которомъ точки зрѣнія слегка наброшены, очерчены, а не развиты и не разработаны».

И ораторъ переходитъ къ опредѣленію философскихъ проблемъ настоящаго времени въ связи съ исторіей и задачами философіи вообще. Вся рѣчь напечатана въ декабрьской книжкѣ *Revue Philosophique*, и мы отсылаемъ къ ней интересующихся этимъ предметомъ.

Но мы не можемъ себѣ отказать въ удовольствіи привести конецъ этой вступительной лекціи — тѣмъ болѣе, что онъ тѣсно связанъ съ самымъ предметомъ настоящаго бѣглаго историческаго очерка. Мы дѣлаемъ это въ особенности потому, что ораторъ въ слѣдующихъ строкахъ отвѣчаетъ на

брошенныя уже обвиненія и на будущія возможныя инсинуаціи нашихъ доморощенныхъ «охранителей» и «патріотовъ».

«Я кончаю, милостивыя государыни и господа, выраженіемъ пожеланія вполнѣ естественнаго, чтобы наша школа,—русская и международная въ одно и то же время,—не осталась чуждой великому и серьезному преобразованію, нѣкоторыя черты котораго я только что набросалъ. Это пожеланіе, впрочемъ,—и я не скрываю этого,—вмѣстѣ съ тѣмъ твердая надежда.

«Ибо развѣ можетъ наша молодая школа остаться внѣ великой задачи, которая безъ всякаго сомнѣнія привлечетъ и займетъ умы новаго столѣтія? Не имѣетъ ли она передъ собой примѣръ славный и во всякомъ случаѣ крайне ободрительный со стороны своихъ предшественницъ: новаго университета (въ Брюсселѣ), прекрасной школы, носящей названіе «Свободной коллегіи общественныхъ наукъ» и, наконецъ, блестящей «Школы высшихъ общественныхъ знаній», которая братскимъ по отношенію къ намъ гостепріимствомъ и, можетъ быть, обмѣномъ учителей и учениковъ, закрѣпитъ между нашими народами *союзъ умовъ* болѣе прочный, чѣмъ эфемерная политика преходящихъ министровъ?

«Не учреждаемъ и не открываемъ ли и мы также настоящій соціологическій факультетъ; не пытаемся ли и мы въ свою очередь дать соціальнымъ и нравственнымъ вопросамъ солидное основаніе и широту, еще донынѣ невѣдомую? Въ этомъ именно,—вы меня такъ и поняли,—и заключается существенное условіе преподаванія философіи, такой, какъ мы ее желаемъ, какъ мы склонны ее себѣ воображать. Но въ этомъ заключается, можетъ быть, и камень преткновенія и опасность. Разумѣется, мы приготовлены ко всѣмъ случайностямъ. Всякаго рода затрудненія могутъ быть созданы для насъ, препятствія могутъ неожиданно возникнуть на нашемъ пути... Я невольно здѣсь думаю о новомъ университетѣ, къ которому нѣкоторые изъ моихъ товарищей и я имѣемъ честь принадлежать. Его высокое научное безпристрастіе въ сущности развѣ не привело къ тому, что навлекло на себя въ нѣкоторыхъ кругахъ упрекъ, будто онъ — *университетъ соціалистическій*, даже *анархическій?*»

И ораторъ поясняетъ свою мысль: «Сколько бы мы ни изгоняли изъ нашихъ аудиторій и каѳедръ,—я не скажу ненавистную, ибо я этого не думаю, — но очень мелкую и очень близорукую текущую политику, и сколько бы мы ни желали давать слово поперемѣнно защитникамъ всѣхъ лояльныхъ положеній и искреннихъ мнѣній, мы, — я боюсь, — останемся въ подозрѣніи. Не ограничатся только тѣмъ, что будутъ насъ называть, съ очень мягкимъ, впрочемъ, почти милымъ остроуміемъ—*университетомъ въ изгнаніи* (между нами, это отчасти вѣрно не въ смыслѣ, конечно, юридическомъ, а моральномъ). Но кто знаетъ? Насъ, можетъ быть, назовутъ *университетомъ нигилистическимъ*. Если это случится, мы поступимъ,— я не скажу какъ *санъ-кюлоты* Франціи, или *декамизадосъ* Испаніи, или *голяки* Фландріи, или *лѣсные голяки* Нидерландовъ,—примѣры напыщенные, а потому и неподходящіе—но мы, я думаю, поступимъ, какъ всякій

благоразумный человѣкъ поступилъ бы на нашемъ мѣстѣ: прозвищемъ, которое дано намъ противниками въ насмѣшку, мы воспользуемся, какъ почетнымъ титуломъ. И тѣмъ, которые насъ станутъ обвинять потому, что они насъ не понимаютъ; тѣмъ, которые захотятъ насъ оскорбить или намъ вредить изъ боязни распространенія нашихъ идей и нашихъ доктринъ, мы, такъ называемые разрушители, мы отвѣтимъ нашей посильной работой и участіемъ въ великомъ трудѣ, который нынѣ болѣе, чѣмъ когда-либо, состоитъ въ закладкѣ фундамента для *порядка*, для продолжительнаго умственнаго и моральнаго строя,—строя истинно человѣческаго!»

О самомъ же преподаваніи соціологіи М. М. Ковалевскій сказалъ слѣдующее, уже по-русски:

«Господа!

Смѣшанный составъ публики и то обстоятельство, что большинство собравшихся сегодня понимаетъ по-французски, заставили меня открыть это засѣданіе французскимъ обращеніемъ. Если я снова прошу слова или, вѣрнѣе, если по желанію моихъ товарищей, я снова позволяю себѣ утруждать ваше вниманіе на этотъ разъ русской рѣчью, то съ цѣлью съ самаго начала положить конецъ всякимъ недоразумѣніямъ насчетъ характера и задачъ, преслѣдуемыхъ нашей школой. Она обязана своимъ существованіемъ, какъ и цѣлый рядъ однородныхъ учрежденій во Франціи, Англіи, Италіи и съ нынѣшняго года въ Германіи, двумъ главнымъ причинъ; во-1-хъ, тому обстоятельству, что общественные вопросы пріобрѣли въ XIX столѣтіи и въ началѣ XX-го такое же преобладающее значеніе, какое въ XVI и XVII имѣли вопросы религіозные, а въ XVIII политическіе; во-2-хъ, тому, что со времени выхода въ свѣтъ *Курса положительной философіи* Огюста Конта доказана была возможность построенія цѣльной науки объ обществѣ и указанъ былъ тотъ индуктивно-дедуктивный методъ, съ помощью котораго она можетъ быть создана. Ближайшіе послѣдователи Конта, за немногими исключеніями,—и къ числу ихъ я отношу прежде всего Литре,—содѣйствуя распространенію его доктрины, въ то же время, повидимому, сочли его попытку построить науку объ обществѣ окончательной.

«Обращая его соціологію въ своего рода новый завѣтъ, интерпретація котораго по праву должна принадлежать однимъ апостоламъ, они постепенно свели свою задачу къ спорамъ объ ортодоксальности тѣхъ или другихъ новыхъ доктринъ и время отъ времени произносили отлученія надъ головой ихъ виновниковъ. Скоро между самими апостолами, какъ это всегда бываетъ, возникли пререканія насчетъ правовѣрія, и такъ какъ между ними не оказалось ни одного Павла, то пошли расколы, отпаденія, и вселенская церковь позитивистовъ уступила мѣсто скромнымъ часовнямъ въ Лондонѣ и Парижѣ.

Неудивительно, если при такихъ условіяхъ создаваемые ими соціологическія общества умирали послѣ нѣсколькихъ засѣданій, и издаваемые ими журналы имѣли столь же эфемерное существованіе. Но въ то самое время, когда лица, считавшія себя призванными и единственными истолкователями

соціологической доктрины, только содѣйствовали популяризаціи идеи Конта, въ массахъ общественныя науки, благодаря примѣненію къ нимъ индуктивно-дедуктивнаго метода, указаннаго Контомъ и философски обоснованнаго Миллемъ, дѣлали быстрые шаги во Франціи, въ Англіи, въ Германіи, въ Италіи и въ Россіи.

«Изъ прикладной части политической экономіи, нерѣдко обозначаемой въ университетскихъ программахъ нелѣпыми названіями благоустройства, благочинія или еще полицейскаго права, постепенно складывалось то обществовѣдѣніе,—нѣмцы называютъ его Gesellschafts Wissenschaft,—которымъ въ правѣ гордиться университеты Вѣны, Берлина, Лейпцига и Гейдельберга. Устраняя односторонность экономистовъ манчестерской школы, которые строятъ свою науку на той ложной гипотезѣ, будто человѣкъ — существо исключительно эгоистическое, и признавая заодно съ Контомъ альтруизмъ такимъ же, хотя бы и второстепеннымъ, мотивомъ человѣческихъ дѣйствій, Шмоллеръ, Вагнеръ, Брентано, Шефле и рядъ другихъ вывели постепенно преподаваемую ими науку изъ узкихъ рамокъ ученія о накопленіи богатствъ. Примѣненіе статистическаго и историческаго метода къ изученію общественныхъ явленій и общественныхъ доктринъ, первые образцы чего даны были Кетлэ, Книсомъ, Тарольдомъ Роджерсомъ, Инама-Штернегомъ и другими, постепенно позволило намъ смотрѣть на современную систему производства, обмѣна и распредѣленія богатствъ, не какъ на нѣчто новое и неизмѣнное, а какъ на преходящую стадію общественнаго развитія, которой предшествовалъ рядъ другихъ въ свое время, быть можетъ, отвѣчавшихъ требованіямъ общественной пользы и потому разумныхъ. Введеніе сравнительнаго метода въ область этихъ историко-экономическихъ изслѣдованій, начало чему уже положено, несомнѣнно покажетъ, что эти стадіи развитія не составляютъ особенности той или другой націи, или расы и что поступательный процессъ въ этомъ отношеніи является всеобщимъ. Это движеніе въ области преподаваемыхъ съ каѳедры общественно-экономическихъ доктринъ счастливымъ образомъ совпало съ новымъ направленіемъ, приданнымъ ученіямъ общественнаго обновленія геніемъ Карла Маркса, который вывелъ соціализмъ изъ сферы утопій и какъ нельзя лучше указалъ вліяніе борьбы интересовъ и классовъ на сложеніе и разложеніе современнаго экономическаго строя. Въ другихъ областяхъ обществовѣдѣнія, начиная съ исторій вѣрованія и оканчивая исторіей права, примѣненіе историко-сравнительнаго метода имѣло такія же счастливыя послѣдствія, какъ и въ области экономіи. Благодаря почину такихъ глубокихъ мыслителей и первостепенныхъ спеціалистовъ, какими являются Тейлоръ, извѣстный авторъ *Первобытной культуры*, Тиле, первый по времени систематическій обозрѣватель универсальныхъ религій въ ихъ историческомъ развитіи, Гарнакъ—историкъ развитія христіанскихъ догматовъ, Мэнъ, Іерингъ, Фюстель де-Куланжъ, Лейстъ Дорестъ и рядъ другихъ родоначальниковъ сравнительно-историческаго правовѣдѣнія, мы имѣемъ возможность констатировать, какъ отдѣльные фазисы развитія церкви,

государства, права, такъ и порядокъ ихъ преемства. Тотъ же историко-сравнительный методъ въ примѣненіи къ антропологіи, этнографіи и этнологіи позволилъ намъ и въ области такъ называемой до-исторіи обнаружить рядъ постепенныхъ наслоеній. Я думаю, что работы такихъ людей, какъ Гильдебрандъ Монтелизъ, де-Мортилэ, Морганъ, Макъ-Ленанъ, Бахофенъ и Летурно, болѣе будутъ содѣйствовать построенію въ близкомъ будущемъ общественной эмбріологіи, чѣмъ соціологіи въ строгомъ смыслѣ слова. И я готовъ сказать то же само и объ обширномъ трудѣ Герберта Спенсера.

«Изъ этого очевидно краткаго и неполнаго очерка успѣховъ, сдѣланныхъ конкретными науками объ обществѣ въ теченіе послѣдней половины столѣтія, вы могли прійти къ слѣдующему заключенію: если въ области абстрактной соціологіи мы все еще продолжаемъ спорить объ основныхъ принципахъ, напримѣръ, о томъ, надо ли считать государство организмомъ, какъ хочетъ Спенсеръ и Вормсъ, или сверхъ-организмомъ, какъ желаютъ этого другіе, наприм., Фулье, или просто общественнымъ механизмомъ, въ пользу чего высказывается извѣстный американскій философъ Лестеръ Уордъ, то въ сферѣ конкретнаго соціологическаго знанія мы достигли уже нѣкоторыхъ прочныхъ результатовъ. Съ соціологіей повторяется такимъ образомъ то же, что прежде было съ біологіей. Какъ ея созданію предшествовало развитіе естественной исторіи животныхъ и растеній, такъ и окончательному сложенію абстрактной науки объ обществѣ предшествовало движеніе въ пользу созданія естественной исторіи человѣческихъ обществъ. Въ виду этого и въ нашей школѣ соціологія, какъ наука не сложившаяся, будетъ преподаваться болѣе съ точки зрѣнія ея метода и научныхъ задачъ, тогда какъ при изложеніи конкретной науки объ обществѣ мы будемъ имѣть въ виду одновременно указанія и на тѣ вопросы, которые могутъ считаться болѣе или менѣе рѣшенными, и на тѣ, которыхъ нельзя не признать открытыми. Вотъ почему въ нашей программѣ отведено мѣсто не однимъ систематическимъ курсамъ, но также и коллективному обсужденію отдѣльныхъ вопросовъ обществовѣдѣнія.

«Русская школа будетъ имѣть, разумѣется, въ виду прежде всего изученіе русской дѣйствительности и русскаго прошлаго. Но такъ какъ ни то, ни другое не можетъ быть понято безъ историко-сравнительнаго освѣщенія, то этимъ объясняется присутствіе въ нашей программѣ систематическихъ курсовъ и о развитіи другихъ странъ, не говоря уже о такихъ обязательныхъ для всякой школы соціальныхъ наукъ предметовъ, какъ исторія экономіи Европы или исторія ея политическихъ учрежденій.

«Мнѣ бы нужно было прибавить еще много. Но для этого нѣтъ необходимаго времени. Я кончу поэтому только выраженіемъ нашей признательности тѣмъ, кто почтилъ наше засѣданіе своимъ присутствіемъ. Ихъ лучшая награда, какъ и наша, будетъ, разумѣется, лежать въ сознаніи исполненнаго гражданскаго долга».

Если мы укажемъ еще на содержаніе вступительной лекціи къ курсу гражданскаго права, прочитанной Ю. С. Гамбаровымъ, то у читателей будетъ вся почти документальная сторона для сужденія о физіономіи парижской высшей школы.

Почтенный московскій профессоръ указывалъ въ своей вступительной лекціи на общую постановку преподаванія права на юридическихъ факультетахъ и въ спеціальныхъ юридическихъ школахъ. Право изучается тамъ или исключительно въ смыслѣ примѣненія его къ практикѣ дѣйствующаго въ данной странѣ и въ данное время положительнаго законодательства; или рядомъ съ такимъ толкованіемъ законодательныхъ текстовъ ведется еще старинная философская спекуляція, посвященная такъ называемымъ вѣчнымъ началамъ справедливости, права, морали и т. п.

Ни одна изъ этихъ постановокъ не подходитъ къ преподаванію въ высшей школѣ: вторая имѣетъ характеръ слишкомъ метафизическій, первая достаточно сильна во всѣхъ факультетскихъ программахъ и юридическомъ мірѣ. Въ качествѣ дополненія къ мертвящей односторонности послѣдней и въ качествѣ противовѣса развиваемому ею представленію о законодательной волѣ, какъ объ единственномъ источникѣ права, германскіе, французскіе, швейцарскіе и другіе европейскіе университеты вводятъ теперь въ программы своихъ юридическихъ факультетовъ, рядомъ съ курсомъ дѣйствующаго положительнаго права, еще курсы не только по исторіи права, но и по сравнительному правовѣдѣнію. «Эти курсы даютъ какъ разъ то, чего недостаетъ метафизической философіи права и систематическому изученію дѣйствующаго законодательства, т.-е. научную методу наблюденія и предметъ научной дисциплины». Сравнительное правовѣдѣніе старается открыть происхожденіе и законы развитія, условія существованія, эволюціи, смѣны, упадка и вѣроятнаго будущаго всѣхъ учрежденій права. *Оно должно занимать въ программѣ высшей школы самое видное мѣсто.* Для успѣшности занятій и исполненія этой программы профессоръ рекомендуетъ слушателямъ посѣщеніе лекцій по этому предмету, читаемыхъ французскими профессорами и на другихъ парижскихъ факультетахъ,—особенно историческихъ курсовъ такихъ профессоровъ, какъ Віоле, Эсманъ, Жираръ, Жобе-Дюваль и друг. Обширность предмета и сложность задачи преподаванія и по другимъ вопросамъ, опирающимся на *сравнительный методъ,* дѣлаетъ вообще необходимымъ «сотрудничество нѣсколькихъ школъ или факультетовъ въ достиженіи общей цѣли». И въ этомъ отношеніи Парижъ представляетъ неоцѣнимыя преимущества. «При такихъ условіяхъ на долю преподавателей русской школы выпадаютъ еще: 1) руководить своими слушателями и слушательницами въ ихъ занятіяхъ и выборѣ курсовъ для слушанія, если бы они пожелали такого руководства; 2) знакомить ихъ лично только съ общей постановкой преподаваемыхъ ими наукъ; 3) читать имъ лишь спеціальные курсы въ области этихъ наукъ, и, наконецъ 4) предложить практическія занятія, имѣющія ввести ихъ въ самую лабораторію науки и пріучить къ самостоятельной работѣ». Такъ понимаетъ свою задачу про-

фессоръ Ю. С. Гамбаровъ, который затѣмъ указываетъ на способъ устройства практическихъ занятій (система группъ, рефератовъ, обмѣнъ послѣдними и тому подобныя подробности).

Таковы въ общемъ цѣли и задачи *Высшей русской школы въ Парижѣ*, насколько онѣ опредѣлены организаторами послѣдней. Полную оцѣнку ея можно будетъ сдѣлать, когда самая практика ея дастъ первые положительные результаты. Разумѣется, можно различно относиться къ самымъ этимъ цѣлямъ и задачамъ. Но какъ бы различно мы ни относились къ послѣднимъ, фактъ тотъ, что она отвѣчаетъ насущной потребности нашей молодежи за границей, что она, кромѣ того, явится новой связью между обще-міровой научной мыслью и міромъ русской науки. Одно это обстоятельство можетъ и должно объединить всѣхъ честныхъ, мыслящихъ русскихъ людей въ пожеланіи успѣха и мирнаго процвѣтанія нашему «новому факультету общественныхъ наукъ въ Парижѣ», который займетъ видную страницу въ исторіи развитія русскаго общественнаго самосознанія.

Е. Семеновъ.

Письмо въ редакцію.

Не откажите напечатать въ вашемъ журналѣ нижеслѣдующее письмо. Настоящее мѣсто ему на страницахъ *Гражданина*, но я недоволенъ кн. Мещерскимъ: слишкомъ онъ умѣренъ, слишкомъ деликатенъ и уступчивъ. А порою въ его газету проскальзываютъ прямо невѣроятныя вещи. Поэтому я прошу вашего гостепріимства. Само собою разумѣется, редакція можетъ дѣлать къ письму какіе ей угодно «либеральные комментаріи» *).

Въ *Харьковскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ* появилось письмо предводителя валковскаго уѣзднаго дворянства г. Ширкова. Я видѣлъ выдержку изъ него въ № *Новостей Дня* отъ 2 января нынѣшняго года. Г. Ширковъ дерзко пишетъ: «Передъ праздниками много нищаго народу обиваютъ пороги, прося Христовымъ именемъ къ Христову дню. По Харькову, между прочимъ, ходятъ двѣ-три цыганки, водящія съ собою чужихъ дѣтей, которыхъ онѣ пріучаютъ къ нищенству. Этимъ, грѣшный человѣкъ, я ничего не даю, хотя бы онѣ просили ради Христа. Христовымъ именемъ должно дѣлаться добро, а не упрочиваться неправда. Такое цыганское прошеніе принесла мнѣ сегодняшняя почта въ воззваніяхъ князя Мещерскаго о подпискѣ на *Гражданинъ*.

«Эти воззванія присланы мнѣ подъ предлогомъ, что кн. Мещерскій 30 лѣтъ поддерживаетъ какую-то дворянскую идею въ своемъ *Гражданинѣ*. Если бы онъ былъ только наивенъ и полуграмотенъ, *Гражданина* можно было бы просто не читать. Но такъ какъ отсутствія ума нѣтъ, то къ нему надо относиться нѣсколько иначе, а именно понять, что тутъ подъ видомъ наивности уже 30 лѣтъ ведется подпольная интрига для компрометированія идеи дворянства».

Князь не имѣлъ мужества или имѣлъ неосторожность не отвѣтить должнымъ образомъ г. Ширкову. Безнаказанность вызвала подражателей, и вотъ въ *Русскихъ Вѣдомостяхъ*, 6 января, появляется открытое письмо издателю *Гражданина* тамбовскаго уѣзднаго предводителя дворянства г.

*) Редакція воздержится покуда отъ комментаріевъ. Мы подождемъ, какъ встрѣтитъ это письмо „консервативная“ печать. *Ред.*

Петрово-Соловово, слѣдующаго возмутительнаго содержанія: «Милостивый государь князь Владиміръ Петровичъ! Вамъ угодно было обратиться ко мнѣ съ письмомъ, содержаніе котораго я привожу дословно:

„Послѣ 30-лѣтія изданія мною газеты-журнала *Гражданинъ*, неуклонно служившаго истолкователемъ и защитникомъ интересовъ духовныхъ и матеріальныхъ русскаго земельнаго дворянства, мнѣ грустно въ видѣ главнаго итога удостовѣрить тотъ печальный фактъ, что именно оно, это дворянство, всегда отвѣчало равнодушіемъ на мои усилія честно служить вышеназванной цѣли и всегда въ моей одинокой борьбѣ съ врагами дворянскихъ завѣтовъ оставляло меня безъ защиты подъ непрерывавшимися 30 лѣтъ ударами злобы и ненависти. Тѣмъ не менѣе ради *30-тилѣтія Гражданина* считаю своимъ долгомъ, какъ бы слаба ни была надежда на успѣхъ, еще разъ попытаться обратить на свое изданіе благосклонное вниманіе тѣхъ гг. предводителей, которые рѣшились бы органъ печати, 30 лѣтъ самостоятельно отстаивавшій идеалы, преданія и завѣты русскаго дворянства, удостоить своимъ сочувствіемъ хотя бы въ силу поговорки: „лучше поздно, чѣмъ никогда“.

Текстъ вашего письма и то обстоятельство, что оно не рукописное, а печатное, приводитъ меня къ заключенію, что это есть нѣчто вродѣ циркулярнаго посланія къ предводителямъ дворянства и нѣчто болѣе серьезное, нежели обычная газетная реклама, съ которой нѣкоторыя изданія обращаются въ концѣ года къ читающей публикѣ съ цѣлью увеличить число своихъ подписчиковъ. Поэтому я нахожу необходимымъ отвѣтить вамъ и въ то же время считаю полезнымъ мой отвѣтъ предать гласности. Подводя итоги вашей тридцатилѣтней дѣятельности на почвѣ публицистики, вы съ горькимъ чувствомъ признаете полное равнодушіе къ вамъ русскаго дворянства. Но, сами того не подозрѣвая, въ вашихъ сѣтованіяхъ вы воздаете ему величайшую хвалу. Въ самомъ дѣлѣ, если къ тѣмъ идеямъ и убѣжденіямъ, которыя вы неуклонно проводили, русское дворянство относилось несочувственно, то это значитъ, что въ немъ не заглохли тѣ высокіе идеалы, съ которыми оно, обновленное реформами 60-хъ годовъ, выступило на открывшееся ему новое поприще общественной дѣятельности; это значитъ, что «эпоха великихъ реформъ» твердо опредѣлила путь, по которому оно должно идти, несмотря на всѣ усилія его ложныхъ друзей своротить его съ этого пути; это значитъ, что, несмотря на долголѣтнюю реакцію, проводникомъ которой вы такъ долго и такъ усердно служили, въ русскомъ дворянствѣ не угасло безкорыстное стремленіе въ живомъ общеніи и при полной равноправности съ остальными сословіями русской земли трудиться надъ постепеннымъ водвореніемъ того порядка вещей, который составляетъ необходимое условіе нормальнаго общественнаго и государственнаго роста нашего отечества. А если иногда и можно было отмѣтить желательныя съ вашей точки зрѣнія исключенія, то вѣдь это только проявленія спеціальнаго атавизма, который не является тормозомъ въ общемъ органическомъ развитіи. Вы ошибаетесь, усматривая только холодность и равнодушіе къ вамъ русскаго дворянства. Нѣтъ! Негодованіе и протестъ вызывала не только въ передовыхъ его представителяхъ, но и въ громадномъ его большинствѣ ваша проповѣдь узко-сословныхъ тенден-

ціи, ваша апологія дореформенныхъ порядковъ въ видѣ розги и административнаго произвола, ваша защита не духовныхъ интересовъ дворянства, какъ вы ошибочно полагаете, а низменныхъ побужденій кастоваго эгоизма. Ваша тридцатилѣтняя работа, въ безплодности которой вы сами сознаетесь, могла бы, кажется, достаточно убѣдить васъ, что идеи, которымъ вашъ журналъ служитъ выраженіемъ, не соотвѣтствуютъ стремленіямъ и надеждамъ Россіи XX столѣтія. Итакъ, не ждите отъ насъ сочувствія, на которое вы, повидимому, все еще продолжаете надѣяться. Но если вы, прочтя мое письмо, еще разъ оглянетесь на пройденный вами жизненный путь публициста, на которомъ вы, по собственному признанію, видите одни только разочарованія и неудачи, то, быть можетъ, вы откажетесь и отъ слабой надежды на успѣхъ и бросите вашу неблагодарную Сизифову работу, хотя бы слѣдуя той же самой поговоркѣ, которую вы приводите въ концѣ вашего обращенія къ намъ: «лучше поздно, чѣмъ никогда».

И вамъ не стыдно, г. Петрово-Соловово? Неужели вы не знаете, что дѣло *Гражданина*—дѣло темное, что его не должно выводить на свѣтъ Божій? Вѣдь только либералы стараются всюду совать гласность и печать, отъ которыхъ гибнутъ многія благія начинанія. Вспомните, какъ чистый и граціозный образъ *Снѣгурочки* растаялъ при первомъ солнечномъ лучѣ...

Князь Мещерскій на этотъ разъ отвѣтилъ, но было уже поздно, неблагопріятное впечатлѣніе произведено.

Въ *Русскихъ Вѣдомостяхъ* 10 января напечатано новое открытое письмо, на этотъ разъ тамбовскому уѣздному предводителю дворянства. Привожу это письмо: «Милостивый государь Василій Михайловичъ! Издатель *Гражданина* кн. В. П. Мещерскій обратился къ предводителямъ съ циркулярнымъ письмомъ. Въ немъ онъ говоритъ, что газета-журналъ его неуклонно служила истолкователемъ и защитникомъ интересовъ духовныхъ и матеріальныхъ русскаго земельнаго дворянства, что онъ одиноко боролся съ врагами дворянскихъ завѣтовъ, что онъ проситъ потому удостоить его газету сочувствіемъ.

«Прочитавъ открытое письмо ваше издателю *Гражданина*, мы находимъ, что достойный отвѣтъ на обращеніе это уже данъ вами. Мы всецѣло къ нему примыкаемъ. Мы считаемъ точно также, что не защитникомъ истинныхъ интересовъ русскаго дворянства былъ въ теченіе 30-ти лѣтъ *Гражданинъ*, а злымъ врагомъ: что неизмѣнно проповѣдовалъ онъ не чувство *единенія всѣхъ сословій русскаго народа*, а сословную рознь; что онъ всячески оскорблялъ тѣхъ людей изъ среды дворянства, которые искали воплотить въ жизни это насущное для жизни страны единеніе; что стоя далеко отъ жизни, онъ не переставалъ нападать на наше земство, гдѣ еще можетъ, несмотря на преграды, жить это единство, что онъ не желалъ безпристрастно вглядѣться въ помѣстную жизнь, а всегда предпочиталъ спокойному и трезвому безпристрастію озлобленную страстность, правдѣ—неправду.

Кн. П. Долгоруковъ, рузскій уѣздный предводитель дворянства.
Гр. П. Шереметевъ, звенигородскій уѣздный предводитель дворянства.
Гр. М. Олсуфьевъ, дмитровскій уѣздный предводитель дворянства.
Гр. П. Гейденъ, опочецкій уѣздный предводитель дворянства.
Ю. Новосильцевъ, темниковскій уѣздный предводитель дворянства.
А. Стаховичъ, елецкій уѣздный предводитель дворянства.
А. Шереметевъ, ливенскій уѣздный предводитель дворянства».

Примите въ разсчетъ, что въ это время праздновался тридцатилѣтній юбилей *Гражданина,* и вы поймете, въ какое раздраженіе привело все это истинно русскихъ людей. Правда, юбилей прошелъ на славу. Графъ Петръ Кутузовъ (бывшій сотрудникъ либеральнаго *Русскаго Курьера* и недавній еще участникъ лже-консервативныхъ *Петербургскихъ Вѣдомостей,* во всемъ расходящихся съ *Гражданиномъ*) произнесъ блестящую рѣчь. Напрасно только онъ въ концѣ ея назвалъ князя Мещерскаго *патріотомъ изъ патріотовъ*: это отзывается Некрасовымъ.

Затѣмъ князь Мещерскій (мы приводимъ по сообщеніямъ самого *Гражданина*) получилъ сердечныя поздравленія и одобренія отъ гг. Рауша, Хамбо Ачвана Доржіева, Никифора Бахмутова, Никифораки, Флуга, Дункеля, чернскаго уѣзднаго предводителя дворянства Сухотина, Эраста Пеніонжекевича третьяго, Рютчи и многихъ другихъ. Г. Иванъ Ржановъ писалъ кн. Мещерскому: «Вѣрую и уповаю, что заносчивый и *мишурный* ихъ *) шумъ, *безъ твердой почвы основанія,* рано ли, поздно ли, будетъ заглушенъ временемъ и общимъ трудомъ вашихъ единомышленниковъ». Г. Тарасовъ произноситъ *славу* «русско-Мещерскому юбиляру *Гражданинъ*». Г. Николай Масловъ пишетъ, что идеи *Гражданина* «выражаютъ настроеніе и завѣтнѣйшія желанія подавленнаго, попущеніемъ Божіимъ кучкой либераловъ, многомилліоннаго большинства русскаго народа».

Все это такъ, все это утѣшительно, но есть и *но.* Г. Сѣренькій восхвалялъ кн. Мещерскаго за нѣкоторую сантиментальность и за терпимость къ чужому мнѣнію. Не слѣдуетъ давать мѣста на страницахъ *Гражданина* проповѣди такихъ разслабляющихъ и, скажу прямо, развращающихъ началъ. Правда, этотъ голосъ прозвучалъ одиноко, и большинство поздравлявшихъ называли иномыслящихъ (либераловъ) совершенно подходящими именами: невѣждами, пошляками, измѣнниками. Правъ г. Анемподистъ Смирновъ, который доказываетъ стойкость и достоинство убѣжденій князя Мещерскаго тѣмъ, что на его юбилеѣ отсутствовали литераторы-журналисты. Но всетаки и самому князю Мещерскому слѣдуетъ избѣгать черезчуръ уступчивыхъ и неосторожныхъ выраженій, и сотрудниковъ отъ этого попридержать. Г. Консерваторъ, напримѣръ (№ 100), говоритъ слѣдующее: «Да, среда или почва ужъ очень плоха, и къ стыду, и горю нашему—чисто русская, подобія которой нигдѣ не найдешь въ образованныхъ средахъ другихъ государствъ. Вѣдь будь эта среда нашей интеллигенціи въ здоровой атмосферѣ чистаго и свободнаго воздуха, гдѣ, на ряду

*) Противниковъ *Гражданина.*

съ работающими головами, жили бы идеалы и авторитеты, либерализмъ, сливаясь съ прогрессомъ, былъ бы дѣйствительно жизнью, вдохновеніе которой побуждало и двигало умы къ свѣту и открывало имъ при этомъ свѣтѣ правильное пониманіе порядка вещей».

Эти слова наши «интеллигенты» могутъ истолковать, какъ поощреніе именно безпочвенному у насъ либерализму.

А самъ князь Мещерскій что дѣлаетъ, и когда же? послѣ своего юбилея, послѣ приведенныхъ нами протестовъ предводителей! Онъ помѣщаетъ письмо г. Ивана Ржанова изъ Самары, въ которомъ тотъ утверждаетъ, «что кн. Мещерскій стоитъ за прогрессъ, только тихій, безшумный и не политическій» (*Гражданинъ*, № 6, *Дневники*).

И виноватъ въ этихъ кривотолкахъ издатель *Гражданина*. Въ день своего юбилея онъ перепечаталъ свою первую статью въ этой газетѣ, гдѣ доказывалось, что «къ реформамъ основнымъ надо поставить точку». Какъ эту *точку* совмѣстить *съ прогрессомъ*? Нѣтъ, къ реформамъ императора Александра II была поставлена не точка, а огромные вопросительные и восклицательные знаки...

Мое письмо очень затянулось, г. редакторъ, и я спѣшу кончить. На юбилеѣ кн. Мещерскаго не было приведено примѣровъ его истинно русскаго языка, которымъ такъ безподобно владѣетъ перо внука Карамзина по женской линіи. Къ сожалѣнію, я своевременно не отмѣчалъ эти перлы краснорѣчія и у меня подъ руками только два примѣра:

1. «Главную муку въ жаркое утро составляла ѣзда въ душномъ вагонѣ цѣлыхъ полтора часа по лѣсамъ и по тундрамъ, соединенная съ семью остановками, въ теченіе которыхъ *глазу* не дался ни одинъ *взглядъ* не то что на красивый, но даже на веселый *видъ*» (*Гражданинъ* 1901 г., № 46, *Дневники*).

2. «Но когда пришлось увидѣть, что курсъ установился прочно, что люди Александра III не только продолжаютъ его дѣло, но усиливаютъ престижъ Самодержавія явными признаками могущества и роста Русскаго Государства, когда запахло твердостью новаго Самодержца, тогда черезъ весь міръ либераловъ пронесся *трепетъ ужаса въ видѣ страха* увидѣть сильное Самодержавіе ставшимъ хроническимъ, и этого ужаса, охватившаго всѣхъ при мысли, что Россія можетъ быть счастливою безъ самоуправленія, было достаточно, чтобы зажечь рѣшимость идти на борьбу съ режимомъ, чтобы во что бы то ни стало остановить его ростъ...» (*Гражданинъ*, 1901 г., № 56, *Дневники*).

Эти стилистическія прелести я готовъ засвидѣтельствовать съ полнымъ сочувствіемъ. Но *Гражданинъ* долженъ чураться *прогресса* и намъ мало *точки:* этотъ прогрессъ незамѣтно подталкиваетъ *точку* впередъ, и неизвѣстно, куда ее отодвинетъ. Намъ, чтобъ не стукнуться лбомъ, необходимо пятиться назадъ, покуда не ударимся затылкомъ. Тогда подлинно произойдетъ возвращеніе къ истинно-русскимъ основамъ.

Обезпокоенный консерваторъ.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Проекты Судебныхъ Уставовъ, выработанные коммиссіей 1894 г. для пересмотра законоположеній по судебной части.—По поводу всеподданнѣйшаго доклада мин. фин. на 1902 г.—Прогрессируетъ ли населеніе?—Паденіе центра.—Школьныя сберегательныя кассы.

Министерство юстиціи внесло на разсмотрѣніе государственнаго совѣта проекты новыхъ Судебныхъ Уставовъ, выработанные спеціально учрежденной для этого 7 апрѣля 1894 г. коммиссіей. Какъ извѣстно, коммиссія закончила свои труды весною 1899 г. и 5 іюня того же года была закрыта. 31 декабря 1899 г. и 15 февраля 1900 г. составленные ею проекты были переданы на заключеніе вѣдомствъ и напечатаны въ *Журналѣ Министерства Юстиціи*. Въ теченіе послѣднихъ двухъ лѣтъ происходило обсужденіе пересмотрѣнныхъ Судебныхъ Уставовъ разными вѣдомствами, отзывы которыхъ всѣ уже поступили въ министерство. Въ то же время и печать, съ своей стороны, живо обсуждала проектируемую реформу. Это обсужденіе не прошло безслѣдно. Многія изъ указаній вѣдомствъ и печати были приняты министерствомъ во вниманіе, и нынѣ пересмотрѣнные Уставы поступили въ государственный совѣтъ уже не въ томъ видѣ, какъ это проектировалось коммиссіей. Правда, многое изъ того, что намѣчено было первоначально, осталось, но многое подверглось существеннымъ измѣненіямъ.

Въ настоящее время мы не имѣемъ въ виду подробной оцѣнки трудовъ коммиссіи и ограничимся лишь обзоромъ наиболѣе важныхъ измѣненій, вносимыхъ проектами въ дѣйствующіе Судебные Уставы.

Какъ указано было предсѣдателемъ коммиссіи въ первомъ же ея засѣданіи, задачей предпринятаго пересмотра являлось усовершенствованіе и улучшеніе судебной части, а отнюдь не ломка и даже не реформа, которая еще такъ недавно послѣдовала. «Этой цѣлью естественнымъ образомъ опредѣлялось и отношеніе предпринятой законодательной работы къ существующимъ судебнымъ порядкамъ, въ которыхъ должно быть сохранено все то, что доказало свою практическую пригодность и цѣлесообразность, и подвергнуться измѣненію лишь то, въ чемъ, дѣйствительно, успѣли обна-

ружиться болѣе или менѣе существенные недостатки и въ чемъ многолѣтній опытъ пореформеннаго суда обнаружилъ причины, препятствующія правильному ходу судебнаго дѣла» *).

При закрытіи коммиссіи предсѣдателемъ вновь было повторено, что ни одинъ изъ доказавшихъ на практикѣ свою цѣлесообразность институтовъ ею не поколебленъ.

Къ сожалѣнію, однако, это оказалось не совсѣмъ такъ, и на многія изъ измѣненій, проектируемыхъ коммиссіей, нельзя не смотрѣть иначе, какъ на ломку того, что успѣло указать на практикѣ свою цѣлесообразность.

Такой ломкой является окончательное уничтоженіе коммиссіей выборнаго мирового института, съ которымъ населеніе сжилось и который за 30 лѣтъ своего существованія успѣлъ доказать полную свою пригодность. Это уничтоженіе вызоветъ всеобщее сожалѣніе. Въ средѣ самой коммиссіи вопросъ этотъ возбудилъ разногласія. А. Ѳ. Кони и И. П. Закревскій подали особыя мнѣнія о сохраненіи выборныхъ мировыхъ судей въ большихъ городахъ на существующихъ нынѣ основаніяхъ.

Необходимость отмѣны выборного мирового института коммиссія мотивировала, главнымъ образомъ, желательностью объединенія судебнаго строя. Хотя извѣстное разнообразіе судебныхъ порядковъ въ такомъ обширномъ государствѣ, какъ наше, въ значительной степени вызывается необходимостью, тѣмъ не менѣе слѣдуетъ признать, что наше судоустройство послѣ закона 12 іюля 1889 г. стало черезчуръ уже пестрымъ. Сама коммиссія указываетъ на ненормальность такого порядка вещей, что въ одномъ и томъ же уѣздѣ, сверхъ земскихъ начальниковъ, дѣйствуютъ два единоличныхъ органа судебнаго вѣдомства—городской судья и уѣздный членъ окружнаго суда, а въ предѣлахъ одной и той же судебной палаты, напримѣръ, петербургской мѣстный судъ отправляется судьями *пяти* различныхъ типовъ (выборный мировой судья, мировой судья по назначенію отъ правительства, земскій начальникъ, городской судья и уѣздный членъ окружнаго суда). При такой путаницѣ не только неграмотные, но и люди образованные нерѣдко затрудняются у насъ, въ какой судъ имъ обратиться съ тѣмъ или другимъ дѣломъ. Но если такъ, то коммиссіи слѣдовало начать именно съ уничтоженія судебныхъ функцій учрежденій, введенныхъ закономъ 12 іюля 1889 года. Между тѣмъ, учрежденія эти остались нетронутыми, а вмѣстѣ съ тѣмъ осталась, слѣдовательно, въ полной силѣ та судебная чрезполосица и путаница, которая и нынѣ насъ удручаетъ.

Это оставленіе въ полной неприкосновенности судебно-административныхъ органовъ, введенныхъ закономъ 12 іюля 1889 г., является существеннымъ недостаткомъ проектируемой реформы.

Однимъ изъ наиболѣе неудачныхъ новшествъ, проектируемыхъ коммиссіей, слѣдуетъ считать учрежденіе участковыхъ судей, съ самыми сложными, разнообразными функціями. По проекту къ компетенціи участковыхъ

*) Объясн. зап. къ проекту учр. Суд. Уст., т. I, стр. 2.

судей относятся: всѣ гражданскія дѣла какъ о движимомъ, такъ и недвижимомъ имуществѣ цѣнностью до 1,000 р., а также большая часть дѣлъ охранительныхъ, уголовныя дѣла по преступленіямъ, не влекущимъ за собой наказаній, связанныхъ съ лишеніемъ или ограниченіемъ правъ состоянія, за исключеніемъ лишь нѣкоторыхъ особыхъ дѣлъ, оставляемыхъ попрежнему за окружными судами, исполненіе нѣкоторыхъ нотаріальныхъ функцій и, наконецъ, производство предварительныхъ слѣдствій.

Такое совмѣщеніе въ одномъ лицѣ столь сложныхъ обязанностей дало поводъ къ остроумному названію будущаго участковаго судьи *верблюдомъ* судебнаго вѣдомства.

Коммиссія мотивировала свое нововведеніе интересами приближенія суда къ населенію, упрощенія судебной организаціи, да еще экономіей. Но какъ бы ни были хороши сами по себѣ принципы приближенія суда къ населенію и упрощенія судебной организаціи, нельзя же ради нихъ нарушать основныя начала правильнаго судоустройства, требующія разграниченія судебныхъ и слѣдовательскихъ функцій.

Что же касается экономіи, то нельзя не замѣтить, что коммиссія слишкомъ уже часто ссылалась на нее, между тѣмъ какъ такой доводъ лишенъ всякаго принципіальнаго значенія и въ крупной законодательной реформѣ едва ли можетъ занимать такое видное мѣсто, какое онъ занимаетъ въ работахъ коммиссіи.

Въ качествѣ апелляціонной инстанціи для участковыхъ судей коммиссія проектировала учрежденія уѣздныхъ отдѣленій окружнаго суда, которыя объединили бы мѣстную юстицію съ высшими судебными учрежденіями. Собственно, коммиссія находила, что лучше всего было бы открыть съ этой цѣлью рядъ новыхъ окружныхъ судовъ въ уѣздахъ, но соображенія экономіи не позволили ей остановиться на этой мысли, и даже уѣздныя отдѣленія суда она изъ тѣхъ же соображеній проектировала составить изъ наличныхъ участковыхъ судей подъ предсѣдательствомъ лишь особаго члена окружнаго суда.

Любопытно при этомъ отмѣтить, что при оцѣнкѣ выборнаго мирового суда коммиссія очень строго отнеслась къ съѣздовому началу, практикуемому въ апелляціонной инстанціи для мировой юстиціи на томъ основаніи, что товарищескій судъ не даетъ достаточныхъ гарантій для правильнаго рѣшенія дѣлъ, а между тѣмъ сама же примѣняетъ это начало въ устройствѣ будущей мѣстной юстиціи. Правда, она надѣялась устранить недостатки съѣздоваго начала назначеніемъ особаго предсѣдателя для уѣздныхъ отдѣленій окружнаго суда, но мы не видимъ основаній для такой надежды, какъ какъ большинство присутствія все же состояло бы изъ товарищей ревизуемаго судьи. Не достигалась такимъ путемъ, по нашему мнѣнію, и желательная связь между низшей и высшей юстиціей, такъ какъ присутствіе въ уѣздномъ отдѣленіи одного члена окружнаго суда, если и устанавливаетъ такую связь, то развѣ только теоретически, а не практически.

Такое несовершенное устройство будущей апелляціонной инстанціи для мѣстной юстиціи вызвало возраженія въ средѣ самой коммиссіи. Между прочимъ, А. Ѳ. Кони въ поданномъ имъ по этому поводу особомъ мнѣніи справедливо указываетъ, что устройство на ряду съ съѣздомъ земскихъ начальниковъ особаго апелляціоннаго суда для мѣстныхъ дѣлъ, неподсудныхъ земскимъ начальникамъ, во всѣхъ отношеніяхъ нецѣлесообразно. Съ одной стороны, не будетъ достигнута задача *приближенія* суда къ населенію, такъ какъ число дѣлъ, разсматриваемыхъ въ уѣздѣ въ качествѣ подсудныхъ первой инстанціи и неподсудныхъ земскимъ начальникамъ будетъ незначительно и, слѣдовательно, самыми близкими къ населенію останутся нынѣшнія судебно-административныя учрежденія, а не новыя судебныя; съ другой стороны, не будетъ достигнуто и *объединеніе,* такъ какъ существованіе рядомъ двухъ апелляціонныхъ инстанцій для мѣстной юстиціи во всякомъ случаѣ будетъ представлять лишь *полуобъединеніе,* чтобы не сказать *раздвоеніе.* «Если же нельзя достигнуть ни объединенія, ни приближенія юстиціи къ народу,—спрашивалъ г. Кони,—то для чего же и перестраивать окрѣпшее отъ свыше тридцатилѣтняго опыта зданіе, созданное учрежденіемъ судебныхъ установленій 20 ноября 1864 г.?»

Въ окончательныхъ проектахъ, внесенныхъ въ государственный совѣтъ, министерство юстиціи, какъ сообщаетъ нынѣ журналъ его, отказалось отъ устройства уѣздныхъ отдѣленій окружнаго суда. При производствѣ приблизительныхъ штатныхъ разсчетовъ, оказалось, что во многихъ уѣздахъ по количеству возникающихъ дѣлъ, подсудныхъ участковымъ судьямъ, можно будетъ учредить не болѣе 3 или даже 2 судей въ уѣздѣ. Такимъ образомъ въ однихъ случаяхъ вовсе не хватило бы судей для уѣздныхъ отдѣленій—нельзя же допустить, чтобы судьи сами себя ревизовали,—а въ другихъ нельзя было бы разсчитывать на правильное участіе судей въ уѣздныхъ отдѣленіяхъ. Въ виду этого министерство сочло за лучшее возложить разрѣшеніе апелляціонныхъ жалобъ и протестовъ на рѣшенія и приговоры участковыхъ судей на окружные суды съ тѣмъ, чтобъ эти жалобы и протесты могли разсматриваться при выѣздныхъ сессіяхъ суда. Въ интересахъ же сближенія такого порядка съ общей схемой судоустройства, выработанной коммиссіей, присутствіе окружнаго суда въ качествѣ апелляціонной инстанціи можетъ быть образовано подъ предсѣдательствомъ мѣстнаго уѣзднаго члена въ составѣ одного члена суда и одного участковаго или почетнаго судьи или двухъ участковыхъ судей. Въ большихъ же городахъ, согласно общей схемѣ судоустройства, въ виду значительнаго количества дѣлъ участковой подсудности, должны быть образованы городскія отдѣленія окружнаго суда подъ предсѣдательствомъ городскихъ членовъ суда.

Что же касается устройства апелляціонной инстанціи по дѣламъ участковой подсудности въ мѣстностяхъ, гдѣ не введено положеніе о земскихъ начальникахъ, то министерство юстиціи въ окончательномъ проектѣ предлагаетъ образовать уѣздныя и городскія отдѣленія окружнаго суда въ Обла-

сти Войска Донского, въ предѣлахъ сѣвернаго Кавказа и Привислянскихъ губ.; въ Архангельской же губерніи, Сибири, Туркестанскомъ краѣ и степныхъ областяхъ возложить обязанности апелляціонныхъ инстанцій на окружные суды.

Такимъ образомъ стройность первоначально намѣченнаго плана окончательно рухнула, задача приближенія суда къ населенію не достигнута, единообразіе, ради котораго уничтожили выборный судъ, также не достигнуто. Судебная администрація, введенная закономъ 12 іюля 1889 г., оказалась тѣмъ подводнымъ камнемъ, о который разбились всѣ благія начинанія коммиссіи. Если же принять въ соображеніе, что коммиссія отнюдь не осталась чужда вѣяньямъ времени, что она довольно усердно старалась провести въ свою систему судоустройства бюрократическія начала, то видя ея безплодныя попытки такъ или иначе обойти стоявшія на пути ея судебно-административныя учрежденія, невольно снова и снова обращаешься къ мысли, что нельзя въ одну и ту же телѣгу правосудія впрячь судъ и администрацію.

Въ тѣхъ же видахъ приближенія суда къ населенію коммиссія присвоила кассаціонныя обязанности по дѣламъ мѣстной юстиціи, вмѣсто кассаціонныхъ департаментовъ сената, судебнымъ палатамъ. По этому поводу въ средѣ коммиссіи возникли разногласія по вопросу о томъ, какимъ образомъ обезпечить единство въ кассаціонной дѣятельности судебныхъ палатъ. Часть членовъ полагала, что такъ какъ судебныя палаты, въ случаѣ возложенія на нихъ обязанностей кассаціоннаго суда по нѣкоторымъ дѣламъ, будутъ дѣйствовать какъ бы въ качествѣ отдѣленій кассаціонныхъ департаментовъ, то если въ палатѣ возникнутъ сомнѣнія въ истинномъ смыслѣ закона, то слѣдуетъ передать дѣло на разсмотрѣніе сената, подобно тому, какъ передаются дѣла въ сенатѣ изъ отдѣленія въ департаментъ. Большинство коммиссіи, однако, съ этимъ не согласилось въ виду того, что такой порядокъ далъ бы палатамъ возможность уклоняться отъ разрѣшенія сложныхъ дѣлъ и вызвалъ бы замедленіе въ ихъ движеніи. По мнѣнію коммиссіи 259¹ ст. учрежд. Судеб. Уст., дающая министру юстиціи право предлагать на обсужденіе сената о доходящихъ до его свѣдѣнія вопросахъ, разрѣшаемыхъ не однообразно въ разныхъ судебныхъ мѣстахъ или же возбуждающихъ на практикѣ сомнѣнія, достаточно обезпечиваетъ единство въ кассаціонной дѣятельности судебныхъ палатъ.

Съ этимъ мнѣніемъ нельзя согласиться.

Предъ нами примѣръ губернскихъ присутствій, дѣйствующихъ въ качествѣ кассаціонной инстанціи по дѣламъ, подсуднымъ земскимъ начальникамъ. Всѣмъ извѣстно, какъ далека эта практика отъ однообразнаго толкованія законовъ, какъ много сомнѣній возбуждаетъ она въ правильномъ примѣненіи его. И однако, что-то не слыхать о случаяхъ передачи возбуждаемыхъ ею вопросовъ въ сенатъ въ порядкѣ 259¹ ст. учр. Судеб. Устан. И это очень понятно, такъ какъ разъ на усмотрѣніе сената передается не самое дѣло, а лишь юридическій вопросъ по окончательно уже

рѣшенному дѣлу, то стороны нисколько не заинтересованы въ возбужденіи предъ министромъ ходатайства о передачѣ дѣла въ сенатъ, что могло бы имѣть мѣсто въ случаѣ, еслибъ передавалось самое дѣло, а не вопросъ. То же самое, безъ сомнѣнія, будетъ и съ кассаціонной практикой судебныхъ палатъ. А между тѣмъ, случаевъ не однообразнаго толкованія палатами закона будетъ, конечно, не мало. Принципіальныя разногласія могутъ существовать не только между разными судебными палатами, но и между различными департаментами и составами одной и той же палаты. Въ виду этого коммиссія, разъ она уже остановилась на мысли о передачѣ кассаціонныхъ обязанностей судебнымъ палатамъ, должна была выработать какія-нибудь дѣйствительныя мѣры для обезпеченія единства въ практикѣ ихъ, а не ограничиться одной ссылкой на 259[1] ст. Проектируемый же ею порядокъ, нарушающій существовавшее у насъ до сихъ поръ въ судебныхъ учрежденіяхъ единство кассаціонной практики, безспорно нанесетъ ущербъ интересамъ правосудія.

Какъ мы уже замѣтили, кромѣ задачъ объединенія судебнаго строя и приближенія суда къ населенію, коммиссія преслѣдовала еще задачу упрощенія судебной организаціи. Въ этихъ видахъ коммиссія проектировала ограничить составъ суда по уголовнымъ дѣламъ, разсматриваемымъ съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей, однимъ судьею, предсѣдательствующимъ въ засѣданіи; это нововведеніе она мотивировала тѣмъ, что дѣятельность суда въ такого рода дѣлахъ является достаточно простой для того, чтобы съ нею могъ справиться одинъ судья, что другіе два члена присутствія, кромѣ предсѣдательствующаго, остаются лишь безучастными зрителями процесса. Кромѣ упрощенія судоустройства, коммиссія прельстилась излюбленной ею экономіей, которая достигалась отъ такого сокращенія штатовъ.

Въ настоящее время министерство, однако, отказалось отъ этой мысли и въ окончательномъ проектѣ оставляетъ присутствіе коронаго суда по дѣламъ съ присяжными засѣдателями въ томъ же составѣ, что и нынѣ. Только по особому опредѣленію суда, по отдѣльнымъ дѣламъ, составъ присутствія можетъ быть единоличнымъ.

Это возвращеніе къ старому порядку является вполнѣ цѣлесообразнымъ, такъ какъ при той дискреціонной власти, которой располагаетъ предсѣдательствующій въ уголовномъ судѣ, коллегіальность присутствія является одной изъ существенныхъ гарантій правосудія.

Обращаясь къ важному вопросу объ участіи общественнаго элемента въ отправленіи правосудія, мы съ сочувствіемъ должны отмѣтить, что коммиссія высказалась за сохраненіе суда присяжныхъ, признаннаго ею неотъемлемой принадлежностью всякаго правомѣрнаго суда. Какъ справедливо замѣтилъ предсѣдатель коммиссіи, законодательная мудрость нашего государства никогда не сомнѣвалась въ необходимости привлеченія общественнаго элемента къ отправленію уголовнаго суда и во всѣ эпохи исторіи обращалась къ участію въ этомъ судѣ общественныхъ судей, были ли то судные мужи древней Руси, губные старосты и цѣловальники московскаго

государства, выборные сословные судьи послѣпетровскаго государства или присяжные засѣдатели императора Александра II. «А потому нынѣ, въ концѣ XIX в. отрицаніе самой идеи вспомогательнаго общественнаго суда прежде всего не соотвѣтствовало бы нашимъ вѣковымъ судебно-историческимъ преданіямъ. Въ 1864 г. судъ съ участіемъ присяжныхъ явился лишь новою формою стародавняго начала; нынѣ же судъ коронный безъ общественнаго элемента былъ бы у насъ совершеннымъ новшествомъ, безпочвенною пробою, неизвѣданною загадкою будущаго. Въ установленіи такого суда не безъ основанія можно было бы видѣть недовѣріе къ общественной и народной зрѣлости, косвенное признаніе или неспособности неслужилаго русскаго человѣка посильно помогать власти въ ея борьбѣ съ преступленіями или излишества этой помощи для самодовлѣющихъ судебныхъ чиновъ. Однако же, ни въ окружающей дѣйствительности, ни въ правительственныхъ воззрѣніяхъ, насколько они до сихъ поръ выразились въ рядѣ узаконеній и мѣропріятій по судебной части, нѣтъ никакого повода къ подобнымъ заключеніямъ, которыя не оправдывались бы и условіями, вызвавшими судебный пересмотръ въ видахъ улучшенія судебнаго строя, а не ломки его» *).

Въ виду такой принципіальной постановки вопроса, коммиссія остановилась лишь на обсужденіи нѣкоторыхъ мѣръ, предложенныхъ для усовершенствованія нынѣшней организаціи суда присяжныхъ. Изъ этихъ мѣръ отвергнуты были поддерживавшіяся незначительнымъ меньшинствомъ и сліяніе въ одну коллегію коронnаго и народнаго элемента съ предоставленіемъ этой коллегіи совмѣстнаго разрѣшенія какъ вопроса о винѣ и невиновности, такъ и вопроса о наказаніи, и предоставленіе руководительства въ совѣщаніяхъ коллегіи присяжныхъ о винѣ и невиновности коронному судьѣ. Большинство правильно нашло, что такія мѣры совершенно подорвали бы значеніе суда присяжныхъ. Взамѣнъ этого коммиссія приняла рядъ частичныхъ измѣненій существующей организаціи суда присяжныхъ: расширила кругъ лицъ, включаемыхъ въ списки присяжныхъ засѣдателей, усилила штрафъ за неявку присяжныхъ, подчинила введеніе общихъ списковъ присяжныхъ особому наблюденію мѣстныхъ судебныхъ органовъ, расширила случаи оглашенія предъ присяжными актовъ слѣдственнаго производства. Полнаго сочувствія заслуживаетъ отмѣна запрещенія оглашенія предъ присяжными наказанія и предоставленіе присяжнымъ права ходатайствовать о чрезвычайномъ смягченіи участи подсудимаго. Эти двѣ мѣры, безъ сомнѣнія, окажутъ самое благотворное вліяніе на приговоры присяжныхъ засѣдателей и устранятъ много несправедливыхъ нареканій, вызываемыхъ ими.

Что касается суда съ сословными представителями, то коммиссія сохранила его исключительно лишь для дѣлъ о государственныхъ преступленіяхъ. Къ разрѣшенію же остальныхъ дѣлъ, разсматривавшихся до

*) Объясн. зак. къ проекту учр. Суд. Уст., т. II, стр., 76

сихъ поръ сословными представителями, она нашла цѣлесообразнымъ привлечь общественный элементъ въ лицѣ присяжныхъ засѣдателей *особаго* состава (въ отличіе отъ присяжныхъ *общаго* состава, привлекаемыхъ для обыкновенныхъ дѣлъ), причемъ отнесла эти дѣла къ вѣдомству окружныхъ судовъ. Эти присяжные должны избираться изъ лицъ повышеннаго образовательнаго и имущественнаго ценза, а именно: изъ получившихъ высшее или среднее образованіе и обладающихъ недвижимымъ имуществомъ въ столицахъ на сумму не менѣе двадцати тысячъ рублей, а въ прочихъ мѣстахъ не менѣе десяти тысячъ. Они входятъ въ составъ суда въ количествѣ пяти человѣкъ, чѣмъ и обусловливается численный ихъ перевѣсъ надъ коронными судьями.

При этомъ коммиссія нашла желательнымъ, чтобы въ судебномъ засѣданіи во время перерывовъ присяжные особаго состава помѣщались отдѣльно отъ судей и чтобы они соединялись съ ними только для постановленія приговора.

Независимо отъ этого въ проектѣ, представленномъ въ государственный совѣтъ, предложено распространеніе суда присяжныхъ на цѣлый рядъ новыхъ мѣстностей, а именно: введеніе присяжныхъ засѣдателей общаго и особаго состава на одинаковыхъ основаніяхъ съ внутренними губерніями въ Архангельской губ., уѣздахъ Усть-Сысольскомъ и Яренскомъ, Вологодской губ., въ Ставропольской, Черноморской, Тобольской и Томской и въ областяхъ Кубанской, Акмолинской и Семипалатинской и введеніе присяжныхъ особаго состава въ губерніяхъ Привислянскихъ, Прибалтійскихъ, въ области Терской и Закавказьѣ.

Въ остальныхъ окраинныхъ мѣстностяхъ за невозможностью привлеченія къ участію въ отправленіи правосудія общественнаго элемента ни въ той, ни въ другой комбинаціи, оставленъ пока существующій порядокъ разбирательства всѣхъ уголовныхъ дѣлъ одними коронными судьями.

Много вниманія коммиссія удѣлила вопросу объ организаціи слѣдственной части. Къ сожалѣнію, принятыя ею въ этомъ отношеніи мѣры слѣдуетъ признать совершенно неудачными. Какъ мы уже видѣли, коммиссія остановилась на возложеніи слѣдственныхъ функцій на участковыхъ судей, уничтоживъ должность особыхъ слѣдователей, созданную закономъ 1860 г. и реформированную судебными уставами 1864 г. Такое совмѣщеніе въ одномъ лицѣ функцій уголовнаго и гражданскаго судьи, нотаріуса, охранителя по гражданскимъ дѣламъ и слѣдователя, безъ сомнѣнія, самымъ вреднымъ образомъ отразится на постановкѣ слѣдственнаго производства. Заваленные дѣлами, участковые судьи волей-неволей передадутъ бо́льшую часть слѣдственныхъ дѣйствій органамъ полиціи, что при современной организаціи послѣдней будетъ представлять значительное ухудшеніе существующаго порядка. Любопытно, что отмѣну института судебныхъ слѣдователей коммиссія мотивировала, между прочимъ, недостаточной подготовкой слѣдователей, а между тѣмъ замѣняющіе ихъ участковые судьи по судебному своему положенію будутъ составлять низшую ступень су-

дебной іерархіи и будутъ набираться изъ начинающихъ только свою карьеру судебныхъ дѣятелей.

Кромѣ судебныхъ слѣдователей коммиссія уничтожила и слѣдователей по особо важнымъ дѣламъ. Производство же особо сложныхъ и трудныхъ дѣлъ, которыя могли бы отвлечь участковаго судью отъ постоянныхъ его обязанностей, будетъ возлагаться министромъ юстиціи на членовъ окружнаго суда, которымъ будетъ присвоено наименованіе окружныхъ слѣдственныхъ судей.

Въ связи съ отмѣной судебныхъ слѣдователей коммиссія приняла весьма важное нововведеніе, состоящее въ томъ, что выдѣлила рядъ дѣлъ, по которымъ признала производство предварительнаго слѣдствія необязательнымъ и дознаніе по этимъ дѣламъ проектировала передать полиціи. Сюда вошли не только менѣе важныя дѣла, хотя и превышающія подсудность участковаго судьи, но даже дѣла о преступныхъ дѣяніяхъ, влекущихъ за собою лишеніе всѣхъ особыхъ правъ и преимуществъ (ст. 146 проекта Уст. Угол. Суд.). Кромѣ того въ случаяхъ, когда полиціей застигнуто совершающееся или только что совершившееся преступное дѣяніе, а также когда за отсутствіемъ на мѣстѣ происшествія участковаго слѣдственнаго судьи слѣды преступнаго дѣянія могли бы изгладиться, полиція производитъ необходимыя дѣйствія по дознанію и при разслѣдованіи дѣлъ, по которымъ производство предварительнаго слѣдствія обязательно.

Интересно, что предоставляя полиціи такія важныя права, коммиссія сама сознаетъ несовершенство ея современной организаціи, неподготовленность ея для такой дѣятельности и недовѣріе къ ней со стороны общества. «Лежащія на полиціи фискальныя обязанности,—говоритъ въ одномъ мѣстѣ коммиссія,—а также и наблюденіе за исполненіемъ правилъ благоустройства вызываютъ нерѣдко даже враждебное настроеніе къ полиціи со стороны населенія, и вполнѣ естественно, что пока пріѣздъ въ селеніе полицейскаго чиновника или урядника будетъ сопровождаться требованіемъ уплаты различныхъ сборовъ, арестомъ или продажею имущества недоимщиковъ и другими подобными послѣдствіями, являющимися результатомъ вышеозначенныхъ полицейскихъ обязанностей,—до тѣхъ поръ населеніе будетъ смотрѣть на полицію, какъ на стѣснительную силу, а не какъ на защитницу и охранительницу его безопасности» *).

Шесть членовъ коммиссіи (гг. Желеховскій, Кони, кн. Ливенъ, Мясоѣдовъ, Случевскій и Фойницкій) высказались противъ порученія полиціи слѣдственнаго дознанія, считая это предположеніе идущихъ вразрѣзъ со всѣмъ направленіемъ нашего законодательства, давно уже изъявшаго слѣдствіе изъ рукъ полиціи. А. Ф. Кони въ особомъ мнѣніи, поданномъ по этому поводу, замѣчаетъ: «Съ точки зрѣнія практической возложеніе такихъ дознаній въ сущности на общую полицію и притомъ въ большинствѣ случаевъ на ея низшихъ органовъ при ея настоящемъ развитіи,

*) См. объясн. зап. къ проект. Уст. Уг. С. т. II, стр. 115.

нравственномъ уровнѣ и зависимости—было бы сопряжено съ отсутствіемъ серьезнаго ручательства въ томъ, что предварительное изслѣдованіе по обширному кругу уголовныхъ дѣлъ не отойдетъ на практикѣ къ пріемамъ и цѣлямъ дореформеннаго времени и что, несмотря на наблюденіе прокурорскаго надзора, во множествѣ случаевъ почти неосуществимое въ надлежащихъ размѣрахъ безъ обремененія государственнаго казначейства учрежденіемъ многочисленныхъ должностей товарищей прокурора, дознанія такого рода не будутъ представлять именно тѣхъ свойствъ, которыя побудили законодателя отчасти еще въ 1860 году и затѣмъ въ 1864 году изъять слѣдственную часть изъ рукъ полиціи. Въ этомъ убѣждаютъ почти единогласное мнѣніе совѣщанія старшихъ предсѣдателей и прокуроровъ палатъ, бывшаго въ 1894—96 гг., рядъ дѣлъ о злоупотребленіяхъ чиновъ полиціи, предусмотрѣнныхъ 338, 341, 342, 345, 346, 348 и др. *). ст. уложенія о нак., возникающихъ въ большомъ количествѣ и представляющихъ яркіе примѣры неуваженія къ закону и правамъ частныхъ лицъ, и отсутствіе *дѣйствительной отвѣтственности* полиціи за нарушенія по судебной части предъ своимъ непосредственнымъ начальствомъ, иногда оправдывающихъ эти нарушенія. Передача общей полиціи значительной части теперешнихъ слѣдствій было бы шагомъ назадъ, далеко за предѣлы 1864 г.» **).

Такого же рода оцѣнку встрѣтили предположенія коммиссіи о передачѣ слѣдственнаго дознанія чинамъ полиціи и въ печати. Кромѣ того, какъ сообщаетъ *Журналъ Министерства Юстиціи*, по этому вопросу послѣдовали возраженія со стороны нѣкоторыхъ вѣдомствъ.

Въ окончательномъ проектѣ, внесенномъ въ государственный совѣтъ, министерство отказывается отъ предположеній коммиссіи и оставляетъ въ силѣ существующій порядокъ, т.-е. сохраняетъ необходимость предварительнаго слѣдствія по всѣмъ дѣламъ о преступныхъ дѣяніяхъ, влекущихъ лишеніе всѣхъ правъ или всѣхъ особенныхъ правъ состоянія. Участіе полиціи въ розыскѣ сохраняется лишь въ тѣхъ же границахъ, что и нынѣ.

Какъ объясняетъ *Журналъ Министерства Юстиціи*, это отступленіе отъ первоначальныхъ предположеній вызвано тѣмъ, что коммиссія, проектируя ихъ, имѣла въ виду численное увеличеніе штатовъ чиновъ полиціи, теперешній личный персоналъ которой недостаточенъ для исполненія полицейскихъ обязанностей, предположенныхъ въ проектѣ. Между тѣмъ изъ отзывовъ вѣдомствъ выяснилось, что численный составъ полиціи не можетъ быть увеличенъ для судебныхъ надобностей.

Остается благодарить судьбу за то, что невозможность увеличенія состава полиціи заставила отказаться отъ плана, который ничего хорошаго не обѣщалъ.

---

*) Превышеніе или бездѣйствіе власти, истязанія и жестокости при отправленіи должности и др.

**) См. объясн. зап. къ учр. Суд. Уст., т. II, прилож. 2.

Подробному обсужденію подвергся въ коммиссіи вопросъ о допущеніи защиты на предварительномъ слѣдствіи. Реформа предварительнаго слѣдствія на началахъ состязательнаго обвинительнаго процесса давно уже поставлена на очередь западно-европейской наукой. Прислушиваясь къ голосу теоріи, практика нѣкоторыхъ государствъ сдѣлала уже извѣстные шаги для осуществленія этой реформы. Такъ, защита на предварительномъ слѣдствіи существуетъ въ Австро-Венгріи, Германіи, Франціи, Испаніи, Норвегіи, Невшательскомъ кантонѣ. За самое послѣднее время она допущена въ кантонѣ Гларусѣ и кромѣ того выработаны проекты о допущеніи ея въ Италіи и Бельгіи.

Въ коммиссіи вопросъ этотъ вызвалъ разногласія. Меньшинство (гг. Гасманъ, Закревскій, Кони, Красовскій, Лукьяновъ, Случевскій, Спасовичъ и Фойницкій) высказались за допущеніе защиты, одни (гг. Закревскій, Красовскій и Случевскій) къ моменту окончанія слѣдствія для предъявленія ходатайства объ его дополненіи, другіе—къ срединѣ слѣдствія, т.-е. къ тому моменту, когда заподозрѣнный привлекается въ качествѣ обвиняемаго. Большинство же, въ виду неудовлетворительной организаціи слѣдственнаго производства и изъ боязни, что защита будетъ тормозить слѣдствіе, отнеслось къ вопросу отрицательно.

Въ окончательномъ проектѣ министерство, однако, отступило отъ предположеній коммиссіи и признало возможнымъ допустить защиту къ моменту окончанія слѣдствія, т.-е. для обозрѣнія дѣла и заявленія ходатайства о дополненіи слѣдствія. Защита допускается не только изъ среды присяжной адвокатуры, но изо всѣхъ лицъ, которымъ законъ не запрещаетъ ходатайства по чужимъ дѣламъ, и притомъ по соглашенію, а не по назначенію отъ суда.

Въ связи съ этимъ проектъ дозволяетъ участвующимъ въ дѣлѣ лицамъ приносить жалобы на всякое дѣйствіе по дознанію или слѣдствію, нарушающее ихъ права, и разрѣшаетъ обвиняемому, взятому подъ стражу, уполномочить на обжалованіе отдѣльныхъ слѣдственныхъ дѣйствій защитника. Кромѣ того проектъ принимаетъ и рядъ частныхъ мѣръ для огражденія интересовъ обвиняемаго: такъ передъ допросомъ слѣдственный судья обязанъ разъяснить ему его права, порядокъ обжалованія слѣдственныхъ дѣйствій, съ занесеніемъ о соблюденіи этого требованія въ особый протоколъ, копіи протоколовъ и постановленій слѣдователь обязанъ выдавать не позже семи дней по заявленіи ходатайства объ этомъ и т. д.

По вопросу о порядкѣ преданія суду по дѣламъ о преступленіяхъ, влекущихъ лишенія всѣхъ правъ состоянія или всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ, коммиссія оставила существующій порядокъ, состоящій въ томъ, что обвинительные акты по такимъ дѣламъ восходятъ въ ревизіонномъ порядкѣ на разсмотрѣніе судебной палаты и подлежатъ ея утвержденію. Въ окончательномъ проектѣ въ виду сохраненія обязательности предварительнаго слѣдствія по всѣмъ дѣламъ, подвѣдомственнымъ присяжнымъ засѣдателямъ, и допущенія защиты на предварительномъ слѣдствіи, поря-

докъ этотъ измѣненъ въ томъ смыслѣ, что обвинительные акты представляются въ судебную палату лишь по требованію обвиняемаго.

При этомъ, вслѣдствіе неразвитости и неграмотности большинства нашихъ обвиняемыхъ, обращено вниманіе на то, чтобъ для заявленія просьбъ о пересмотрѣ обвинительнаго акта не требовалось никакихъ формальностей и чтобъ обвиняемый могъ широко пользоваться въ этомъ случаѣ помощью защиты. Съ цѣлью же предупрежденія случаевъ преданія суду за дѣянія, не заключающія признаковъ преступленія, проектъ требуетъ, чтобъ окружный судъ по обвинительнымъ актамъ прокурора не постановлялъ опредѣленія о преданіи суду, а сначала удостовѣрялся въ томъ, заключается ли въ дѣяніи, приписываемомъ обвиняемому, составъ преступленія, подсудно ли дѣло суду и направлено ли оно въ установленномъ порядкѣ судопроизводства. Въ случаѣ несогласія съ мнѣніемъ прокурора, судъ передаетъ дѣло на разсмотрѣніе судебной палаты.

Кромѣ того проектъ, согласно съ мнѣніемъ меньшинства, предоставляетъ участвующимъ въ дѣлѣ лицамъ и ихъ повѣреннымъ право давать словесныя объясненія въ обвинительной камерѣ при разсмотрѣніи обвинительныхъ актовъ.

Всѣ эти предположенія окончательнаго проекта заслуживаютъ полнаго сочувствія.

Изъ существенныхъ нововведеній, проектируемыхъ коммиссіей, слѣдуетъ отмѣтить отмѣну апелляцій на приговоры коллегіальныхъ судовъ по уголовнымъ дѣламъ. Коммиссія мотивировала это предположеніе несоотвѣтствіемъ апелляціоннаго производства съ началомъ устности и состязательности. Но меньшинство, не согласившееся съ этими предположеніями коммиссіи, справедливо указывало на то, что апелляціонное производство составляетъ одну изъ гарантій правосудія, что уже одно существованіе его побуждаетъ судъ первой инстанціи къ гораздо болѣе внимательному и основательному изслѣдованію дѣла. Одно то, что процентъ измѣняемыхъ въ апелляціонномъ порядкѣ приговоровъ суда 1-й степени оказывается сравнительно весьма значительнымъ, убѣждаетъ въ томъ, что отмѣна апелляціи представляется совершенно нежелательной съ точки зрѣнія интересовъ правильнаго отправленія правосудія. Что же касается несоотвѣтствія апелляціоннаго производства началамъ устности и состязательности, то его легко можно было бы устранить измѣненіемъ нѣкоторыхъ условій этого производства.

Въ заключеніе нашего обзора, по необходимости краткаго и неполнаго, мы остановимся еще на мѣрахъ, проектированныхъ коммиссіей съ цѣлью упрощенія судебной процедуры по маловажнымъ уголовнымъ дѣламъ. Сюда относятся: суммарное судебное разбирательство въ порядкѣ неотложности, устраненіе судебнаго преслѣдованія добровольною уплатою денежнаго взысканія, угрожающаго виновному, и карательные приказы безъ судебнаго разбирательства. Суммарное разбирательство отвергнуто было коммиссіей, какъ въ виду практическихъ неудобствъ, сопряженныхъ съ нимъ, такъ и

въ виду того, что оно можетъ повлечь серьезныя стѣсненія правъ частныхъ лицъ. Окончательнымъ проектомъ оно, однако, принято, хотя съ извѣстными гарантіями. По правиламъ проекта оно представляется въ такомъ видѣ. По всѣмъ дѣламъ, по которымъ допускается приводъ обвиняемаго къ судьѣ, а также дѣламъ о преступныхъ дѣяніяхъ, обложенныхъ низшими наказаніями въ видѣ арестовъ или денежнаго взысканія, если обвиняемый задержанъ для удостовѣренія своей личности или для вытрезвленія въ мѣстѣ пребыванія участковаго судьи, полиція, по заарестованіи заподозрѣннаго, составляетъ сообщеніе о проступкѣ, совершенномъ задержаннымъ, и препровождаетъ его вмѣстѣ съ этимъ сообщеніемъ къ судьѣ не позже 24-хъ часовъ послѣ задержанія. Во избѣжаніе привода задержанныхъ во время разбора другихъ дѣлъ, лица эти должны доставляться въ заранѣе опредѣленное время къ участковому судьѣ или въ извѣстныхъ мѣстностяхъ въ теченіе цѣлаго дня къ очередному судьѣ, назначенному для разсмотрѣнія дѣлъ въ порядкѣ неотложности. Самое разбирательство будетъ состоять въ допросѣ обвиняемаго и явившихся свидѣтелей, причемъ, если судья найдетъ дѣло недостаточно выясненнымъ, то онъ откладываетъ разборъ дѣла и даетъ ему направленіе въ общемъ порядкѣ.

Что касается судебныхъ приказовъ, то этотъ институтъ, заимствованный коммиссіей съ Запада, состоитъ въ томъ, что по дѣламъ о преступныхъ дѣяніяхъ, влекущихъ наказаніе не свыше ареста, участковый судья, въ случаѣ, если онъ усмотритъ изъ поступившихъ къ нему соображеній должностныхъ лицъ достаточныя доказательства обвиненія, можетъ, не обращая дѣла къ разбирательству, приговорить обвиняемаго судебнымъ приказомъ къ наказанію, когда онъ признаетъ возможнымъ по обстоятельствамъ дѣла ограничиться назначеніемъ ареста не свыше одного мѣсяца или денежнаго взысканія не болѣе 100 рублей. Копія приказа сообщается должностнымъ лицамъ, возбудившимъ дѣло, и осужденному, которые имѣютъ право въ семидневный срокъ по полученіи его просить о судебномъ разбирательствѣ дѣла; въ случаѣ же отсутствія такой просьбы, приказъ вступаетъ въ законную силу.

Эти предположенія коммиссіи трудно признать цѣлесообразными. При неграмотности большинства обвиняемыхъ, ничтожномъ уровнѣ правосознанія въ нашемъ народѣ и отсутствіи юридической помощи легко предвидѣть, что обвиняемые во многихъ случаяхъ предпочтутъ подчиниться хотя бы несправедливому приказу, чѣмъ затѣвать недоступную для нихъ судебную волокиту. Съ институтомъ приказовъ можно было бы помириться лишь въ томъ случаѣ, еслибъ въ этомъ разбирательствѣ участвовалъ прокурорскій надзоръ, какъ это практикуется на Западѣ. Но такъ какъ такое участіе вслѣдствіе малочисленности нашей прокуратуры невозможно и коммиссіею не предполагается, то лучше было бы отказаться отъ введенія судебныхъ приказовъ.

А. С.

Государственная роспись на 1902 г. сведена въ 1.946.571,976 р. Обыкновенные доходы—1.800.784,482 р., и изъ свободной наличности государственнаго казначейства взято 143.987,494 руб. Предположено увеличеніе доходовъ на 8,4 милл. руб. отъ питей, на 35,3—отъ казенныхъ желѣзныхъ дорогъ, на 8,2—отъ эксплоатаціи лѣсовъ, на 7 милл. отъ сахара и т. д. Обыкновенные расходы увеличены на 119,3—сравнительно съ росписью на 1902 годъ; «обстоятельство это,—читаемъ мы въ докладѣ министра финансовъ,—объясняется отчасти тѣмъ, что въ виду необходимости покрытія крупныхъ экстренныхъ издержекъ, вызванныхъ событіями на дальнемъ востокѣ, при разрѣшеніи расходовъ на 1901 годъ была примѣнена нѣсколько бо́льшая противъ обыкновенной сдержанность, результатомъ которой оказалось накопленіе въ 1902 г. потребностей, нуждающихся въ болѣе или менѣе неотложномъ удовлетвореніи».

Въ новогоднемъ всеподданнѣйшемъ докладѣ министра финансовъ мы не находимъ широкихъ плановъ на будущее, какъ мы привыкли къ этому; нѣтъ—это скорѣе защитительная рѣчь, а не торжествующая пѣснь побѣды надъ экономическими затрудненіями Россіи за послѣднее время; такъ, мы читаемъ въ этомъ докладѣ, что «въ общемъ благосостояніи страны, какъ цѣлаго, не произошло измѣненій къ худшему». Во всеподданнѣйшихъ докладахъ за предшествующіе годы не разъ высказывалась мысль, что между государствомъ и народнымъ хозяйствомъ всегда существуютъ извѣстныя взаимоотношенія и что первое не можетъ процвѣтать въ то время, когда второе клонится къ упадку. «Подтвержденіемъ того, что населеніе за послѣднее 10-лѣтіе достигло извѣстныхъ успѣховъ въ дѣлѣ улучшенія своей матеріальной жизненной обстановки, могутъ служить данныя о ростѣ потребленія разныхъ предметовъ на душу населенія: такъ, потребленіе чая съ 0,73 фунт. въ 1893 г. поднялось до 0,94, сахару съ 8,28 до 11,20, хлопчатобумажныхъ издѣлій съ 3,52 до 4,32, керосина съ 10,6 до 13,4, желѣза и стали съ 25,2 до 39,6». Но надо замѣтить, что увеличеніе потребленія желѣза и стали не можетъ служить показателемъ увеличенія благосостоянія населенія, такъ какъ за послѣднее время столько открыто новыхъ фабрикъ и заводовъ, что огромное количество этой стали и желѣза пошло именно на эту цѣль (оборудованія) и, слѣдовательно, это едва ли характерно для подъема благосостоянія населенія и достиженія имъ «улучшенія своей матеріальной жизненной обстановки». Тутъ улучшались и строились заводы, которымъ, кстати сказать, теперь некуда сбывать своихъ продуктовъ. Крестьянское населеніе до сихъ поръ обходится безъ желѣза и стали и пашетъ деревянной бороной, ѣздитъ на необшиненныхъ колесахъ. Итакъ, относительно этой статьи желательны были бы болѣе детальныя данныя: вѣдь мы знаемъ еще, что послѣдніе годы характеризировались огромнымъ развитіемъ строительства желѣзныхъ дорогъ и огромныя массы желѣза и стали, потребленныя съ этой цѣлью Россіей, едва ли даютъ право дѣлать выводы объ улучшеніи населеніемъ «своей матеріальной жизненной обстановки».

Потребленіе хлопчатобумажныхъ издѣлій увеличилось, но одновременно съ этимъ мы слышимъ о паденіи льноводства, и возникаетъ сомнѣніе, не имѣемъ ли мы здѣсь дѣла съ замѣной болѣе дорогихъ льняныхъ тканей болѣе дешевыми хлопчатобумажными; а вѣдь тогда это не только не симптомъ прогресса, а, пожалуй, симптомъ регресса въ улучшеніи населеніемъ своей матеріальной жизненной обстановки. Но мы не имѣемъ данныхъ и ограничиваемся однимъ вопросомъ.

Увеличивается потребленіе чая, сахару, керосину, но эти продукты потребляются преимущественно городскимъ населеніемъ; такъ, по даннымъ Петербурга («Статистическій ежегодникъ Петербурга»), потребленіе сахару тамъ достигаетъ почти 70 ф. на душу. Изъ 43 милл. пудовъ керосину, потребленныхъ въ Россіи въ 1889 г., 29 милл. пудовъ было потреблено въ городахъ, 14 милл. пуд.— въ деревняхъ. Такимъ образомъ, на одного городского жителя приходится 2 пуда 9 фун., а на сельскаго не болѣе 4,89 фун. въ годъ или 1,3 золотника въ день. Между тѣмъ сельскихъ жителей въ Россіи не менѣе 117 милл. человѣкъ или чуть не въ десять разъ больше городского населенія.

Цифры о развитіи потребленія въ періодъ 1893—1900 гг. и потому уже не характерны для улучшенія общаго экономическаго положенія страны, что за это время получила огромное развитіе желѣзнодорожная сѣть: такъ, къ началу 1892 года желѣзнодорожная сѣть составляла, считая и дороги, находящіяся въ постройкѣ, 31,377 верстъ, а къ концу 1901 г. эта сѣть превышаетъ 60 тыс. верстъ. Такимъ образомъ, за это время желѣзнодорожная сѣть почти удвоилась, и, конечно, постройка этой сѣти усилила потребленіе: продукты—керосинъ, сахаръ—стали проникать туда, куда они прежде не проникали или стали проникать въ гораздо бо́льшемъ количествѣ, чѣмъ это было ранѣе. Въ самомъ дѣлѣ, проведеніе желѣзнодорожной сѣти вліяетъ понижающимъ образомъ на цѣны. Такъ, «въ прежніе годы (*М. Соболевъ:* «Экономическое значеніе сибирской желѣзной дороги». Томскъ, 1900 г.) были нерѣдки случаи, когда въ Иркутскѣ за фунтъ сахару приходилось платить по 30—35 к., за фунтъ керосина 10 к., теперь же цѣны на эти предметы упали вдвое. Это обстоятельство имѣло своимъ результатомъ увеличеніе потребленія этихъ товаровъ, такъ какъ они стали доступными болѣе широкимъ кругамъ населенія»... Какъ развивается провозъ по желѣзной дорогѣ товаровъ изъ Европы въ Сибирь, видно изъ того, что сахару провезено въ 1897 году 257 тыс. пуд., въ 1898 г. 641 т. п., въ 1899 г.—795 тыс. пуд. и т. д., керосину—въ 1897 г. 117 тыс. пуд., въ 1898 г.—287 тыс. пуд., въ 1899 г.—448 тыс. пуд. и т. д. Конечно, это пониженіе цѣнъ съ проведеніемъ желѣзной дороги должно было быть очень рѣзкимъ въ Сибири, но оно несомнѣнно имѣло мѣсто вездѣ, гдѣ проводилась вновь желѣзная дорога, и усиленіе потребленія вызывалось именно нерѣдко тѣмъ, что продуктъ понижался въ цѣнѣ и, слѣдовательно, это расширеніе потребленія вовсе не свидѣтельствуетъ объ углубленіи емкости рынка или объ увеличеніи покупательной способности населенія, а

является какъ бы присоединеніемъ новаго, внѣшняго рынка. Здѣсь мы имѣемъ дѣло не съ повышеніемъ покупательныхъ силъ населенія, а съ пониженіемъ цѣнъ до того уровня, при которомъ продуктъ дѣлался доступнымъ населенію. И можно опасаться, что съ прекращеніемъ постройки сѣти желѣзныхъ дорогъ эта повышательная тенденція потребленія продуктовъ, отмѣченныхъ во всеподданнѣйшемъ докладѣ, ослабнетъ, такъ какъ она въ значительной степени покоится на искусственномъ базисѣ—удлиненіи желѣзнодорожной сѣти, а не подъемѣ покупательныхъ силъ населенія.

Извѣстную часть этого увеличившагося потребленія можно разсматривать, какъ экспортъ на вновь открытые рынки, и замедленіе въ пріобрѣтеніи этихъ рынковъ, т.-е. пріостановка въ расширеніи желѣзнодорожной сѣти можетъ роковымъ образомъ отозваться на цифрахъ, рисующихъ ростъ этого потребленія. Вотъ, быть можетъ, почему приходится въ настоящее время строить и строить новыя желѣзнодорожныя линіи: это маскируетъ низкую покупательную способность нашего населенія и даетъ впечатлѣніе о ростѣ ея. При пріостановкѣ постройки темпъ этого роста несомнѣнно замедлится.

Итакъ, значительная часть этого роста потребленія, по нашему мнѣнію, падаетъ на ростъ городовъ и промышленной Россіи и развитіе желѣзнодорожной сѣти, чрезъ что какъ бы искусственно аннексируются новые внѣшніе рынки. У насъ есть теперь какъ бы двѣ Россіи, вкрапленныя одна въ другую: одна — промышленная, городская, развивается, хотя бы и не такъ быстро, какъ можно было бы этого ждать, другая—земледѣльческая, остается на одномъ мѣстѣ или даже падаетъ...

Тогда какъ у насъ съ 1893 по 1898 годъ желѣзно-дорожная сѣть поднялась съ 29,399 до 37,189 (Европейская Россія), въ Германіи она поднялась всего только съ 40,360 до 44,522, и тѣмъ не менѣе ростъ потребленія въ Германіи очень силенъ: такъ, въ 1893—94 году сахару потреблялось на голову населенія 10,1 кило, а въ 1898—99 г.—12,4; хлопчатобумажныхъ издѣлій въ 1896 году — 4,85 кило на голову, а въ 1899 г.—5,71; керосину въ 1896 г.—16,14, а въ 1899 г.—17,9; какао въ 1896 г.—0,23, а въ 1899 г.—0,31; желѣза въ 1891 г.—99,9 кило, а въ 1898 г.—136,4; пива въ 1893 г.—108,5 литровъ на голову, а въ 1898 г.—124,1 *). Мы приводимъ здѣсь данныя за 5—6 лѣтъ, и развитіе потребленія громадное, притомъ развитіе желѣзнодорожной сѣти очень незначительно сравнительно съ удлиненіемъ этой послѣдней у насъ; слѣдовательно, этотъ элементъ не играетъ тамъ въ этомъ ростѣ потребленія такой роли, какъ у насъ, и дѣйствительно можетъ служить показателемъ увеличенія покупательныхъ силъ населенія.

Мы высказываемъ здѣсь только свои предположенія; и въ интересахъ истины слѣдовало бы принять во вниманіе отмѣченные нами факторы, иначе статистическія выкладки не могутъ имѣть доказательной силы.

---

*) Statist. Jahrbuch für das deutsche Reich. Berlin, 1900.

Словъ нѣтъ, городская жизнь въ Россіи развивается, и матеріальное положеніе населенія, связаннаго съ городами, поднимается, и возникаетъ вопросъ: увеличившееся потребленіе чая, сахара, керосина—не выражаетъ ли собой именно этотъ матеріальный ростъ благосостоянія городского населенія? Быть можетъ, огромные слои сельско-хозяйственнаго населенія Россіи не только не прогрессируютъ, а регрессируютъ. Въ пользу послѣдняго рѣшенія мы имѣемъ нѣкоторыя данныя.

Хозяинъ въ № 1 за нынѣшній годъ по поводу этой статистики вспоминаетъ стихи изъ Алексѣя Толстого:

„У приказныхъ воротъ собирался народъ
Густо;
Говорилъ, въ простотѣ, что въ его животѣ
Пусто.
— Дурачье!—сказалъ дьякъ,—изъ васъ долженъ быть всякъ
Въ тѣлѣ.
Еще въ думѣ вчера мы втроемъ осетра
Съѣли!“

Какъ бы то ни было, то, что мы указываемъ въ настоящее время относительно огульности выводовъ изъ приводимыхъ въ докладѣ цифръ, требовало бы болѣе детальной разработки; слѣдовало бы прослѣдить развитіе экономическаго положенія по отдѣльнымъ группамъ населенія, такъ какъ только такой детальный пріемъ могъ бы дать право дѣлать заключенія, въ какомъ направленіи идетъ обезпеченіе населеніемъ своей матеріальной жизненной обстановки. Данныя, приведенныя нами относительно керосина, чрезвычайно характерны въ этомъ отношеніи; недаромъ и налогъ на сахаръ въ литературѣ нерѣдко называется городскимъ налогомъ. Министерство финансовъ, располагая превосходными статистическими силами, могло бы произвести такую работу.

Мы говоримъ, что есть данныя для обратнаго заключенія о положеніи русскаго населенія, какъ это можно видѣть изъ работы А. Полѣнова («Изслѣдованіе экономическаго положенія центрально-черноземныхъ губерній». Москва, 1901 г.). Такъ, въ періодъ 1861—65 гг. по 50 губерній Европейской Россіи, на 1,000 душъ обоего пола приходилось сбору главныхъ хлѣбовъ 3,180 четвертей, а въ періодъ 1881—85 гг.—2,958, въ періодъ 1886—90 гг.—2,918, въ періодъ 1891—95 гг.—2,803.

Сборъ хлѣбовъ падаетъ и населеніе, повидимому, хуже обезпечивается хлѣбомъ; правда, зато увеличивается обезпеченность картофелемъ; такъ, сборъ картофелю на 1,000 душъ обоего пола по всѣмъ 50 губ. Европейской Россіи 1861—65 гг.—367 четвертей, а въ періодъ 1891—95 гг.—825 четв.

Изслѣдователь могъ бы взять цифры сбора картофеля за послѣднія 30 лѣтъ и на основаніи ихъ дѣлать выводъ о прогрессѣ сельскаго населенія Россіи съ такимъ же правомъ, съ какимъ изъ роста потребленія хлопчатобумажныхъ тканей можно дѣлать выводъ о ростѣ матеріальнаго благосо-

стоянія населенія; по въ первомъ случаѣ упускается изъ виду сокращеніе сборовъ хлѣба,—факты такого рода мы уже указали; быть можетъ, во второмъ то же самое имѣетъ мѣсто относительно потребленія предметовъ льноводства. Мы не утверждаемъ, что потребленіе этихъ послѣднихъ предметовъ сокращается: мы не располагаемъ въ данное время матеріалами по этому вопросу, но высказываемъ только пожеланія, что въ интересахъ убѣдительности цифръ, приводимыхъ въ докладѣ, былъ бы желателенъ болѣе детальный и всесторонній анализъ отмѣченныхъ тамъ явленій и нѣкоторыхъ другихъ, тѣсно связанныхъ. Въ противномъ случаѣ такой неполный анализъ даетъ благодарную пищу для критики, порождаетъ сомнѣнія въ прочности экономическаго положенія русскаго населенія... И въ интересахъ довѣрія къ намъ со стороны заграничныхъ кредиторовъ мы высказываемся противъ такихъ огульныхъ обобщеній изъ фактовъ, которые при другомъ освѣщеніи могутъ привести къ совершенно противоположнымъ выводамъ.

Мы приводили цифры сбора хлѣбовъ для всей Россіи, и если принять сборъ хлѣбовъ за сто (1861—65 гг.), то онъ падаетъ до 88 (91—95 г.), а для центрально-черноземныхъ губ. даже до 63, для промышленныхъ—до 72.

Въ общемъ питаніе населенія ухудшилось сравнительно съ періодомъ 1881—70 гг.: такъ, если совокупность сбора хлѣбовъ и картофеля на 1,000 наличныхъ душъ при предположеніи, что 3 пуд. картофеля равняются 1 пуду хлѣба, примемъ за сто для 1861—65 гг., то это потребленіе будетъ 95 (1881—85 гг.) и 93 (1891—95 гг.). Это—по всей Россіи, а для центрально-черноземныхъ губ. потребленіе упало еще сильнѣе: если опять размѣръ потребленія для 1861—65 гг. принять за сто, то оно упало до 67 для 1891—95 гг.

Вмѣстѣ съ этимъ мы наблюдаемъ паденіе коневодства: оно сокращается и абсолютно, и мельчаетъ порода; такъ, въ промышленныхъ губерніяхъ количество лошадей сократилось въ 1893 году сравнительно съ переписями 1888 и 91 гг. на 212 тыс., въ центрально-черноземныхъ на 931 тыс., въ юго-западныхъ—на 70 тыс., въ восточныхъ—на 462 тыс., только въ польскихъ губерніяхъ имѣемъ приростъ на 40 тыс. Мы не будемъ приводить болѣе детальныхъ данныхъ, а интересующихся отсылаемъ къ работѣ г. Полѣнова; правда, здѣсь убыль лошадей, наприм., въ восточныхъ губ., вызвана не пониженіемъ благосостоянія, а усиленной распашкой земли.

Итакъ, какъ вѣрно говоритъ г. Полѣновъ: «нѣкогда цвѣтущее состояніе средней области Россіи измѣнилось на глазахъ нынѣшняго поколѣнія къ худшему, и это ухудшеніе захватило столько различныхъ явленій общественной жизни и выразилось, и продолжаетъ выражаться съ такимъ постоянствомъ, что приписать его какимъ-либо случайнымъ и преходящимъ причинамъ становится очевидно невозможнымъ».

И въ докладѣ министра мы читаемъ признаніе о наличности процесса перераспредѣленія хозяйственныхъ благъ, совершающагося въ настоящее время въ Россіи и невыгодно отражающагося на положеніи отдѣльныхъ группъ на-

селенія и цѣлыхъ мѣстностей, и о томъ, что этотъ процессъ обостряется той быстротой, съ которой совершается переходъ отъ земледѣльческаго періода экономической жизни и системы натуральнаго хозяйства къ періоду промышленно-земледѣльческому и системѣ денежнаго хозяйства. Но министръ финансовъ предостерегаетъ, что не слѣдуетъ распространять невзгоду отдѣльныхъ мѣстностей на всю Россію и усматривать въ экономическихъ затрудненіяхъ нѣкоторой части населенія или отдѣльныхъ общественныхъ группъ тревожные признаки для всего русскаго народа...

Но данныя, приведенныя нами выше, дѣйствительно вселяютъ тревожныя думы во всякаго, кто интересуется успѣхами Россіи.

Населеніе центра Россіи такъ ослаблено, что оно оказалось не въ состояніи приноровиться къ новымъ условіямъ экономической жизни. Съ этой стороны любопытно бросить взглядъ на нѣмецкаго крестьянина, который съ большимъ успѣхомъ приноравливается къ новымъ условіямъ; такъ, культура зерновыхъ хлѣбовъ въ Германіи становится невыгодной, и крестьяне стремятся переходить къ другимъ культурамъ и, между прочимъ, къ разведенію свекловицы. Получивъ хорошее образованіе и обладая бо́льшей эластичностью, они не только засѣваютъ свои поля свекловицей, но устраиваютъ крупные на паяхъ сахарные заводы, въ которые входятъ въ качествѣ пайщиковъ. Такъ, нѣкоторые сахарные заводы насчитываютъ свыше 200 пайщиковъ, изъ которыхъ одна треть или даже половина—простые крестьяне. Чтобы обезпечить свекловицей заводъ, нужно не менѣе семивосьми тыс. гектаровъ земли, предполагая, что каждый гектаръ будетъ засѣваться разъ въ 4 года. И крупные помѣщики, и крестьяне объединяются вмѣстѣ и устраиваютъ общими силами сахарный заводъ, причемъ каждый изъ нихъ обязуется ежегодно засѣвать свекловицей опредѣленное количество земли, и въ такую ассоціацію входятъ крестьяне съ однимъ гектаромъ земли и даже нѣсколько менѣе. Всѣ участники пользуются опредѣленной платой за поставляемую свекловицу, а затѣмъ въ концѣ года получаютъ опредѣленный дивидендъ, такъ что и мелкіе крестьяне получаютъ возможность участвовать въ операціяхъ сахарныхъ заводовъ, и, конечно, это оказываетъ чрезвычайно благотворное вліяніе на сельское хозяйство. Такимъ образомъ въ Германіи сельское хозяйство приноравливается къ новымъ условіямъ жизни.

Всѣ участники такихъ заводовъ выбираютъ директора, который не только ведетъ самое производство, но и смотритъ за культурой свекловицы, обязуя участниковъ соблюдать извѣстныя правила при посадкѣ и сборѣ свекловицы, чтобы она была болѣе сахаристой, а это въ свою очередь вліяетъ на развитіе примѣненія раціональныхъ пріемовъ для культуры свекловицы.

Итакъ, подъ гнетомъ сельско-хозяйственнаго кризиса нашъ крестьянинъ склоняетъ свою голову, а нѣмецкій, вооруженный знаніемъ и вскормленный въ привычкахъ къ самодѣятельности, храбро борется и ищетъ и находитъ новые пути...

Въ докладѣ говорится о постройкѣ новыхъ желѣзно-дорожныхъ линій

почти въ 4 тыс. верстъ (Сѣверная, Бологое-Сѣдлецкая и Оренбургъ-Ташкентская). Въ подкрѣпленіе необходимости этой постройки министръ финансовъ приводитъ рядъ цифръ, характеризующихъ развитіе желѣзно-дорожной сѣти въ разныхъ странахъ, и мы оказываемся далеко позади, такъ какъ «въ то время, какъ у насъ на милліонъ жителей приходится 415 в. желѣзныхъ путей, въ Австро-Венгріи—ихъ на то же число жителей имѣется 716 вер., въ Великобританіи—796 вер., въ Германіи—848 вер., во Франціи—1,033 вер. и въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки—3,622 в. На 1,000 квадр. верстъ пространства въ Россіи (считая Европейскую Россію съ Царствомъ Польскимъ, Кавказомъ и Финляндіей) приходится 9,$_{27}$ верстъ желѣзныхъ дорогъ, а въ Соединенныхъ Штатахъ на томъ же пространствѣ пролегаетъ—35,$_3$ вер., въ Австро-Венгріи—55,$_7$ вер., во Франціи—84,$_4$ вер., въ Германіи—100,$_5$ вер. и въ Англіи—118,$_7$ вер. Несомнѣнно, что успѣхъ Соединенныхъ Штатовъ Сѣверной Америки въ международномъ обмѣнѣ и, въ частности, въ хлѣбной торговлѣ зависитъ въ значительной степени отъ того, что въ странѣ этой, по пространству своему почти въ два съ половиной раза меньшей, чѣмъ Россійская Имперія, пролегаетъ 290 тыс. верстъ желѣзныхъ дорогъ, т.-е. впятеро больше русской рельсовой сѣти».

Далѣе министръ финансовъ говоритъ, что желѣзныя дороги являются могучей производительной силой: онѣ возбуждаютъ и оживляютъ промышленную дѣятельность прорѣзываемыхъ ими районовъ, привлекаютъ къ естественнымъ богатствамъ рабочія руки, открываютъ новые обильные источники народнаго благосостоянія... культурно воздѣйствуютъ на населеніе. Все это такъ, мы далеко отстали отъ другихъ странъ по протяженію желѣзнодорожной сѣти, но мы отстали и во многихъ отношеніяхъ, и еще болѣе, наприм., по народному образованію, а безъ этого наше населеніе не въ состояніи будетъ использовать желѣзно-дорожную сѣть: такъ, французъ Оланьёнъ, написавшій книгу о Сибири (*Торгово-Промышл. Газета*, № 275), проводя параллель между Сибирью и Канадой, говоритъ о богатствахъ Сибири и задается вопросомъ, почему Сибирь такъ отстала отъ Канады? и между прочимъ одну изъ причинъ видитъ въ составѣ населенія: въ Канаду, говоритъ онъ, переселились выходцы изъ культурыхъ странъ. Общественное устройство у нихъ построено на принципахъ свободы, даетъ имъ возможность примѣнять въ борьбѣ съ дикой природой и суровымъ климатомъ интеллигентность, энергію, волю, инициативу и предусмотрительность. Въ Канадѣ 17 тыс. начальныхъ школъ съ безплатнымъ обученіемъ, множество средне-учебныхъ заведеній, 14 университетовъ, нѣсколько высшихъ техническихъ школъ. Страна живетъ вполнѣ сознательной жизнью. Многочисленные журналы и газеты поддерживаютъ сношенія и интересъ къ внѣшнему міру...

«Что же мы видимъ въ Азіи?»

«Сибирь долгое время была мѣстомъ ссылки, и населеніе ея пополнялось отбросами общества. Правда, многимъ она обязана политическимъ ссыльнымъ, русскимъ и полякамъ, для которыхъ она стала второй роди-

ной. Но число ихъ ничтожно сравнительно съ числомъ ссыльныхъ за уголовныя преступленія. Общественныя условія устанавливались самовластными чиновниками, ускользавшими отъ всякаго контроля. Только недавно переселенческая волна передвинула въ Сибирь новое населеніе, болѣе здоровое и благородное. Но и само оно едва ли носитъ въ себѣ зародыши, пригодные для быстраго развитія экономической жизни.

«Вялость, отсутствіе предусмотрительности и безпечность—основныя черты русскаго крестьянина. Некультурный, едва вышедшій изъ рабства, черезчуръ религіозный, наклонный къ фатализму и пессимизму, онъ привыкъ жить на родовой общинной землѣ, настолько чуждый интересамъ другого міра, какъ будто, кромѣ его деревни, другого міра и нѣтъ. Побудительной причиной къ переселенію послужилъ цѣлый рядъ неурожаевъ, голодъ и несчастія, и переселился онъ нѣмой, покорный и смущенный, въ страну во всемъ подобную той, изъ которой ему пришлось уйти.

«И вотъ онъ въ новой землѣ, плодородной, обильной, которая даетъ ему хлѣбъ въ изобиліи безъ особыхъ усилій. И онъ къ ней привязанъ; онъ ею живетъ, благодаря ей онъ избѣжалъ голода. Онъ уже у цѣли. И чего онъ можетъ требовать еще отъ этой почвы, которая даетъ ему только свои плоды, которую сегодня онъ обливалъ своимъ потомъ, а завтра долженъ будетъ уступить другому... Школъ нѣтъ. Умъ спитъ» *).

Итакъ, народное образованіе для насъ важнѣе постройки желѣзныхъ дорогъ и слѣдовало бы намъ въ этомъ направленіи идти болѣе энергично: образованное населеніе лучше можетъ приспособиться къ новымъ условіямъ жизни; Америка тратитъ на школы 400 мил. руб. и располагаетъ почти полумилліонной арміей народныхъ учителей; въ ней почти 4-я часть населенія посѣщаетъ какія-либо школы (*П. Мижуевъ:* «Вліяніе народнаго образованія на народныя богатство, здоровье, нравственность», 1901 г., стр. 48). Расходы на народное образованіе—самые производительные: такъ жители Массачузетса, будучи болѣе образованы, чѣмъ остальные граждане Соединенныхъ Штатовъ, производятъ каждый на сто долларовъ больше въ годъ, чѣмъ средній американецъ, или другими словами 500 тыс. жителей Массачузетса производятъ на 500 мил. рублей больше въ годъ, по сравненію съ тѣмъ, что они производили бы, если бы они представляли собой по образованію среднихъ американскихъ рабочихъ. Эта сумма въ 25 разъ превышаетъ сумму расходовъ на общественныя школы Массачузетса (Мижуевъ, стр. 53). Бюжетъ на народное образованіе у насъ увеличенъ всего на 3,6 мил. руб.

Въ Сибири заводятся въ настоящее время сберегательныя кассы при волостныхъ и сельскихъ управленіяхъ (*Торгово-Промышленная Газета,* № 273). Казалось бы, трудно возражать противъ этого, но дѣло въ томъ, что наши сберегательныя кассы играютъ роль насоса, выкачивающаго деньги изъ данной мѣстности и перекачивающаго ихъ въ Петербургъ для

*) *Торгово-Промышленная Газета,* № 275.

поддержанія государственнаго кредита и отчасти ипотечнаго. Итакъ, въ тотъ моментъ, когда Сибирь ждетъ оплодотворяющаго вліянія капиталовъ, устраиваются насосы для выкачиванія и тѣхъ, которые въ Сибири имѣются въ настоящее время, и слѣдовательно, страна будетъ лишаться нужныхъ ей средствъ. Теперь лицо, живущее въ Сибири, не имѣя сберегательной кассы по близости, волей-неволей отдастъ свои деньги или въ ссудо-сберегательное товарищество или знакомому купцу-промышленнику въ ссуду, и слѣдовательно, употребитъ ихъ съ производительной цѣлью въ интересахъ развитія Сибири, а съ развитіемъ сберегательныхъ кассъ будетъ соблазнъ помѣщать деньги въ этихъ кассахъ. Мы бы привѣтствовали эту мѣру, если бы хоть въ видѣ исключенія было оговорено о сберегательныхъ кассахъ въ Сибири, что деньги, помѣщаемыя въ нихъ, не будутъ выходить изъ предѣловъ Сибири, а будутъ употребляться на нужды сельскаго хозяйства и промышленности послѣдней.

Министръ финансовъ касается въ докладѣ и промышленныхъ затрудненій. Перечисляя причины этихъ послѣднихъ, какъ-то: сильную спекуляцію, нехозяйственное веденіе дѣлъ, денежныя затрудненія, паденіе цѣнъ, онъ говоритъ, что «по существу своему удешевленіе издѣлій выгодно для массы населенія и служитъ залогомъ дальнѣйшаго развитія производительной силы страны. Къ понизившимся цѣнамъ промышленныя предпріятія постепенно приспособятся, а усилившійся спросъ на болѣе дешевые продукты вызоветъ новый промышленный подъемъ. Спросъ на продукты обрабатывающей промышленности у насъ увеличивается и будетъ увеличиваться. Несомнѣнно, однако, что общихъ достигнутыхъ нами за послѣдніе годы промышленныхъ успѣховъ заминка не коснется и по истеченіи нѣкотораго промежутка времени наступитъ новый періодъ промышленнаго оживленія».

Но объ этомъ можно говорить только гадательно, такъ какъ рядъ цифровыхъ данныхъ показываетъ паденіе сельско-хозяйственной Россіи; притомъ ослабъ, истощился самый организмъ, такъ что онъ не въ состояніи приноравливаться къ новымъ условіямъ, онъ потерялъ свою гибкость, и мы думаемъ, что если не будетъ предпринято широкихъ мѣръ для укрѣпленія организма, то едва ли этотъ промышленный кризисъ такъ благополучно пройдетъ для насъ.

Въ докладѣ констатируется крупное уменьшеніе чистой задолженности за 10 лѣтъ на 1 милліар. 143, 8 милл. р., а именно долги государственнаго казначейства съ 5 т. 389 м. р. на 1 января 1892 г. поднялись до 6 т. 497 мил., а имущество государственнаго казначейства (желѣзныя дороги и благонадежные ему долги также главнымъ образомъ отъ желѣзныхъ дорогъ) поднялись съ 2 т. 362 м. до 4 т. 614,8 (на 1 января 1902 г.). Но при этомъ надо имѣть въ виду, замѣтимъ мы, огромный минусъ—истощеніе центра въ Россіи, истощеніе, официально констатированное и признанное. Да и какъ накоплялось это имущество? Накоплялось оно выколачиваніемъ податей, такъ какъ до самаго послѣдняго времени взиманіе

налоговъ находилось въ рукахъ полиціи, а самое служебное положеніе органовъ послѣдней нерѣдко опредѣлялось степенью исправности взысканія недоимокъ; при этомъ за безцѣнокъ распродавалось крестьянское имущество. Такой тяжелой цѣной получили мы этотъ милліардный приростъ государственнаго имущества. Пожалуй, это слишкомъ дорого?

Итакъ, этому накопленію имущества въ рукахъ государства соотвѣтствуетъ минусъ въ формѣ паденія центра, а обѣдненіемъ русскаго населенія объясняется высокая смертность: въ Норвегіи и Швеціи смертность—15 человѣкъ на тысячу, а въ Россіи—31. Оцѣнивая стоимость каждаго умершаго только въ 100 р.,—говоритъ г. Гребенщиковъ,—находимъ, что Россія въ 1897 г. потеряла по сравненію съ западно-европейскими государствами капиталъ отъ 886 до 1,331 м. р. въ формѣ излишка умершихъ въ ней (*Соколовъ и Гребенщиковъ:* «Смертность въ Россіи и борьба съ ней»). Вотъ какъ отражается паше обѣднѣніе.

Возможно, что необходимость нрійти на помощь центру, новедетъ къ расширенію расходнаго бюджета, такъ какъ до сихъ поръ государственное казначейство было черезчуръ сдержанно въ удовлетвореніи насущныхъ потребностей въ русской жизни, какъ объ этомъ мы говорили достаточно по поводу прошлогодняго доклада (февраль, *Русская Мысль*, 1901 г.). Эта сдержанность въ значительной степени привела насъ къ той истощенности центра, которую мы наблюдаемъ въ данное время. Куда вы ни посмотрите, эта сдержанность накладываетъ тяжелый отпечатокъ: она тормозитъ развитіе народнаго образованія, борьбу съ оврагами, съ песками, тормозитъ развитіе кустарныхъ промысловъ, заставляетъ населеніе непроизводительно тратить массу времени; излишняя сдержанность въ средствахъ къ расширенію почтовыхъ учрежденій крайне тяжело отражается на населепіи, въ особенности сельскомъ.

Въ этомъ отношеніи яркую картину даетъ статья *А. Смирнова:* «Почта во Владимірской губерніи» (*Вѣстникъ Владимірскаго Губернскаго Земства,* 1901 г., №№ 5—6). Данныя собраны путемъ опроса добровольныхъ корреспондентовъ земства. Во всей Владимірской губерніи числится 60 почтовыхъ учрежденій. Оказывается, что 26% всѣхъ селеній Владимірской губерніи отстоятъ отъ почтовыхъ учрежденій на 10—15 вер., а 16,6%—на 15—20 верстъ и 10,4% отстоятъ болѣе чѣмъ на 20 верстъ. Такъ какъ о доставкѣ корреспонденціи на дома нѣтъ и рѣчи, то деревенскому адресату, чтобы получить письмо, нужно совершить цѣлое паломничество. Если принять во вниманіе ужасное состояніе нашихъ проселочныхъ дорогъ, то можно получить довольно ясное представленіе о томъ, чего стоитъ полученіе корреспонденціи въ деревнѣ. Особенно много затрудненій съ полученіемъ заказныхъ и денежныхъ пакетовъ вслѣдствіе массы формальностей, которыми у насъ обставлено полученіе такихъ пакетовъ. Какъ извѣстно, на повѣсткѣ должно быть удостовѣреніе личности; между тѣмъ удостовѣреніе личности со стороны сельскаго старосты почтой не признается и приходится адресату идти въ волостное правленіе часто за

10—12 верстъ, часто въ непогоду и слякоть и нерѣдко въ противоположную сторону отъ того мѣста, гдѣ находится почта, и затѣмъ уже по полученіи удостовѣренія идти на почту. Одинъ корреспондентъ описываетъ, что въ его мѣстности изъ-за полученія пустячной рублевой корреспонденціи приходится дѣлать 44 версты и это въ горячее время! Чиновники на почтѣ—крайніе формалисты. Одинъ священникъ сообщаетъ изъ Вязниковскаго уѣзда о такомъ отношеніи почтоваго чиновника къ безпомощнымъ крестьянамъ: «Получаютъ жены отъ мужей денежныя письма. Надо бабѣ бѣжать въ правленіе часто за 8—10 верстъ для удостовѣренія на повѣсткѣ ея личности. Грязь страшная, да и старшину часто не застанешь. Идетъ баба ко мнѣ: «Батюшка, надпиши мнѣ на повѣсткѣ». Я исполняю просьбу и удостовѣряю личность, такъ какъ я хорошо знакомъ съ нашимъ почтовымъ чиновникомъ. Баба бѣжитъ за 15—20 верстъ на почту, и что же? Чиновникъ швыряетъ повѣстку бабѣ въ лицо и кричитъ: «Это что за глупости, принеси мнѣ удостовѣреніе изъ волостного правленія». И баба покорно идетъ обратно, мѣситъ грязь, чтобъ удовлетворить прихоть капризнаго деревенскаго чиновника». Съ такими усиліями, потерей времени, униженіями, получаетъ большинство крестьянъ корреспонденцію въ деревнѣ. Пропутешествовать 40 верстъ—на это понадобится не меньше дня, а рабочій день въ лѣтнее время стоитъ во Владимірской губерніи для женщинъ 90 коп.—1 руб., для мужчинъ же — 1—2 руб. При такой отдаленности почты отъ населенія послѣднему приходится получать свою корреспонденцію черезъ знакомыхъ односельчанъ или черезъ волостное правленіе, отчего корреспонденція нерѣдко теряется или цѣлыя недѣли пролеживаетъ на почтѣ. Вслѣдствіе этихъ неудобствъ, сопряженныхъ съ непосредственнымъ соприкосновеніемъ съ почтой, деревня создала различнаго рода палліативы: такъ, корреспондентъ изъ одной волости Владимірскаго уѣзда пишетъ: «У насъ въ каждомъ селеніи посылаютъ пакеты на одного знакомаго человѣка въ городѣ Владимірѣ, который съ каждаго рубля беретъ по 1 и 2 коп., на каждаго домохозяина перешлютъ въ годъ до 70 или 80 руб. и опъ отдаетъ за хлопоты 1 руб. или 1 руб. 50 коп.» Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ страховую корреспонденцію адресуютъ на старшину, за что послѣднему увеличивается жалованье, такъ какъ съ полученіемъ корреспонденціи и доставкой ихъ адресатамъ связанъ лишній трудъ; помимо того нерѣдко стараются просто избѣгать почты и пересылать деньги и письма черезъ частныхъ лицъ; опять-таки подобный способъ вызывается тѣми неудобствами, съ которыми сопряжено пользованіе услугами почты. Такимъ образомъ, въ началѣ XX вѣка въ Россіи мы имѣемъ въ области почтовой организаціи, какъ совершенно справедливо говоритъ авторъ статьи, нѣчто напоминающее намъ XII и XIII вѣка. Насколько дорожатъ крестьяне близостью почтовыхъ отдѣленій, можно судить по слѣдующему характерному факту: при открытіи новыхъ почтовыхъ отдѣленій министерство внутреннихъ дѣлъ держится такого правила: мѣстные жители сами просятъ объ открытіи, но предварительно они должны собрать

сумму для найма квартиры подъ отдѣленіе. Если ходатайство будетъ найдено заслуживающимъ уваженія, то отдѣленіе открывается въ видѣ пробы на 3 года. Если по истеченіи этого трехлѣтія доходы не будутъ окупать расходовъ, то отдѣленіе закрывается, и вотъ недалеко отъ Владиміра два года открыто пробное почтовое отдѣленіе; но крестьяне боятся, что отдѣленіе будетъ закрыто, и чтобы увеличить доходы послѣдняго, мѣстные жители покупаютъ въ немъ почтовыя марки сотнями, чтобы потомъ перепродать ихъ знакомымъ лавочникамъ во Владимірѣ, которымъ все равно гдѣ ни покупать марки.

Все это свидѣтельствуетъ о настоятельной потребности нашей деревни въ лучшей организаціи почтовыхъ учрежденій.

Недавно въ газетахъ прошелъ слухъ объ уменьшеніи платы за пересылку писемъ внутри Имперіи до 6 коп. Почтовая такса въ Россіи дѣйствительно высока: такъ, въ Австріи письмо 10,6 сан., въ Бельгіи 10 с., въ Великобританіи 10,9 сан., въ Германіи 12,8 сан., во Франціи 15 с., въ Швейцаріи 10 сан., въ Россіи 18,67 сантимовъ. Можно сказать, что въ Россіи письмо является наиболѣе дорогимъ (*Почтово-Телеграфный журналъ*, 1901 г., февраль), но суть вопроса относительно нашей почты, пожалуй, не столько въ удешевленіи таксы на пересылку писемъ, сколько въ улучшеніи организаціи почты. А для этого надо увеличить расходы по данной статьѣ, между тѣмъ мы очень сдержанны въ удовлетвореніи такихъ культурныхъ потребностей.

Доходы отъ лѣсовъ въ Россіи за послѣднее время быстро растутъ; однако, если принять во вниманіе огромную площадь лѣсовъ (238 милліоновъ десятинъ), чистый доходъ не превышаетъ 17,2 коп. съ десятины. Если же разсчитать чистый доходъ лишь на удобную лѣсную почву, то и тогда чистый доходъ не превышаетъ 32,4 коп. съ десятины (*А. Радцигъ:* «Лѣсъ и лѣсное хозяйство въ разныхъ государствахъ»). Между тѣмъ, въ Пруссіи чистый доходъ съ десятины лѣсной площади въ 92—93 году равнялся 6 руб. 26 коп., въ Баваріи въ 95 году—8 руб. 80 коп., а въ Вюртембергѣ въ 1898 году чистый доходъ достигъ колоссальной цифры, а именно 23 руб. 28 коп. съ десятины.

Если бы у насъ доходъ достигъ такой высоты, какъ въ Пруссіи, не говоря уже о Баваріи и Вюртембергѣ, то и тогда доходомъ только отъ одного этого источника было бы покрыто болѣе половины всего нашего бюджета. Несомнѣнно лѣсное хозяйство въ будущемъ разовьется въ Россіи, и всякая затрата средствъ на улучшеніе этого источника явится производительной затратой, такъ какъ вполнѣ окупитъ себя.

Недавно утверждены правила о школьныхъ сберегательныхъ кассахъ. Въ прессѣ эти правила встрѣтили довольно дружную критику. Ихъ критиковали, главнымъ образомъ, съ точки зрѣнія того вліянія, которое они могутъ оказать на дѣтей. Сторонники ссылаются при этомъ на Европу, гдѣ школьныя сберегательныя кассы существуютъ; но дѣло въ томъ, что

тамъ онѣ поставлены въ другія условія, потому что самыя операціи сберегательныхъ кассъ иныя. Если сберегательная касса будетъ помѣщать свои средства исключительно въ государственныя процентныя бумаги, естественно, что никакого моральнаго вліянія сберегательная операція на школьника имѣть не будетъ, но если сберегательныя кассы помѣщаютъ свои деньги въ постройку жилищъ для рабочихъ, на мѣстныя нужды, давая ссуду городскимъ общинамъ на постройку школьныхъ зданій, библіотекъ и т. д., то, конечно, сберегательная операція будетъ имѣть на школьниковъ другое вліяніе: проходя мимо новыхъ, чистенькихъ жилищъ рабочихъ или посѣщая публичную библіотеку, ребенокъ чувствуетъ, что онъ своими копейками содѣйствовалъ сооруженію этихъ общеполезныхъ учрежденій, онъ начинаетъ на нихъ смотрѣть какъ на нѣчто близкое ему, дорогое, онъ чувствуетъ свою связь при посредствѣ своихъ сбереженій съ жизнью своихъ близкихъ, съ жизнью своего города или деревни, и онъ научается привыкать работать для другихъ: въ немъ съ малолѣтства складываются инстинкты къ общественной жизни, на этой почвѣ въ немъ растетъ гражданинъ. Совсѣмъ не тотъ характеръ будутъ носить у насъ школьныя сберегательныя кассы: онѣ будутъ развивать только эгоистическіе интересы—побольше скопить и т. д., и распространеніе ихъ при такой обстановкѣ вредно. Мы беремъ только внѣшнюю форму, но не улавливаемъ духа института. Гораздо лучше было бы вводить въ школахъ школьныя кассы взаимопомощи, какъ это имѣетъ мѣсто во Франціи: дѣти привыкаютъ съ малолѣтства къ совмѣстной дѣятельности, а вѣдь общественная жизнь этимъ началомъ и двигается. Такія кассы взаимопомощи были бы началомъ, формирующимъ общественную жизнь; школьныя же сберегательныя кассы въ описанныхъ условіяхъ постановки будутъ играть только разлагающую роль въ нашей жизни.

О.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Бюджеты европейскихъ державъ на нынѣшній годъ представляютъ много поучительнаго. Англія, вслѣдствіе злосчастной войны въ Южной Африкѣ, пріобрѣла значительный дефицитъ. Правительство, по всей вѣроятности, будетъ покрывать его займами, чтобы не запугивать капиталистовъ сильнымъ повышеніемъ подоходнаго, въ особенности, налога, и возложитъ на плечи будущихъ поколѣній тягостное бремя, оставляемое политикою Чемберлена и Салисбюри.

Въ прусскомъ бюджетѣ доходы съ государственныхъ желѣзныхъ дорогъ исчислены въ 390 милліоновъ марокъ съ пассажировъ и багажа и въ 934 милліона съ товарныхъ грузовъ. Предполагается постройка новыхъ линій и улучшеніе существующихъ. Подоходный налогъ предположенъ въ 1.740,000 марокъ. Отмѣтимъ, что общегерманскій ввозъ въ 1901 году сравнительно съ предшествовавшимъ понизился на 76 милліоновъ марокъ, а вывозъ увеличился на 6.800,000 марокъ.

Изъ французскаго бюджета приведемъ слѣдующія цифры:

Въ 1815 году государство тратило на народное образованіе 1.630,000 франковъ. Въ концѣ іюльской монархіи эта сумма поднялась, въ тридцать три года, до 13.253,000 франк. Вторая имперія къ концу своего существованія (1870 годъ) подняла бюджетъ народнаго образованія лишь до 24.283,000 франковъ. Третья республика, несмотря на громадную, въ пять милліардовъ, контрибуцію побѣдоносной Германіи, несмотря на разоренія войны, уже въ 1872 году увеличила эти расходы до 33 милліоновъ 782 тысячъ франковъ. Въ 1882 г., т.-е. черезъ десять лѣтъ, бюджетъ народнаго просвѣщенія больше, чѣмъ утроился: онъ равнялся 105.826,000 франковъ. Въ 1901 году, черезъ девять лѣтъ, онъ удвоился и достигъ 206.906,483 фр. На нынѣшній годъ бюджетъ народнаго образованія увеличенъ еще на два милліона слишкомъ.

Цифры говорятъ сами за себя. Въ этомъ отношеніи, какъ и въ борьбѣ съ клерикализмомъ, французская республика слѣдуетъ завѣтамъ Гамбетты. Знаменательна рѣчь, которую въ нынѣшнемъ году, на ежегодныхъ поминкахъ знаменитаго государственнаго человѣка, произнесъ военный

министръ, генералъ Андре. Воздавъ горячую похвалу мужеству, энергіи Гамбетты, его вѣрѣ въ судьбу Франціи, упомянувъ о томъ, какъ прекрасно изобразили это братья Маргеритъ въ *Tronçons du Glaive*, военный министръ сказалъ, что нынѣшнее правительство идетъ по пути, указанному Гамбеттой. Оно не хочетъ вступать ни въ какіе компромиссы съ реакціонерами. Оно опирается на лѣвую. Здѣсь выражается нетерпѣніе, здѣсь слышатся неблагоразумныя требованія, но здѣсь въ то же время отражаются жалобы и стремленія тѣхъ, которые страдаютъ. Вальдекъ-Руссо,—продолжалъ генералъ Андре,—убѣжденъ, что надо выслушать эти жалобы, познакомиться и по мѣрѣ возможности удовлетворить эти стремленія. Надъ великими словами: свобода, равенство, братство—пора написать еще слово: *справедливость*. И, парафразируя Дантона, ораторъ кончилъ такимъ образомъ: демократія, слугами которой мы являемся, хочетъ справедливости, еще справедливости и всегда справедливости. Рѣчь вызвала восторженное одобреніе.

Въ виду близкихъ общихъ выборовъ въ палату депутатовъ заявленія военнаго министра пріобрѣтаютъ особенное значеніе. Правительство рѣшительно выступаетъ не только противъ клерикаловъ и реакціонеровъ, но и противъ республиканцевъ, руководимыхъ Мелиномъ, которыхъ страшатъ экономическія и финансовыя реформы кабинета Вальдека-Руссо. Раздраженіе противъ клерикальныхъ происковъ усиливается во Франціи. Сельское духовенство далеко не единодушно слѣдуетъ за вождями ультрамонтантскаго движенія, и газеты сообщаютъ о случаяхъ отпаденія отъ Рима служителей католической церкви. Большое впечатлѣніе произвело письмо приходскаго священника Кайла, въ сенъ-флурской епархіи, къ своему епископу. Кайла пишетъ, что давно уже не имѣетъ мира въ душѣ. Совѣсть мучительно тревожитъ его, онъ тяжко страдалъ отъ сомнѣнія, долженъ ли онъ оставаться священникомъ, и въ концѣ этой тягостной борьбы слагаетъ съ себя духовный санъ. Наблюдаются случаи перехода группы населенія въ протестантизмъ *).

Нидерландское правительство обратилось къ англійскому съ нотой, въ которой предлагало, въ очень осторожныхъ и предупредительныхъ выраженіяхъ, свое посредничество для переговоровъ съ бурами. Оказалось, что этому шагу предшествовали переговоры съ Розбери и поѣздка голландскаго министра-президента, Куипера, въ Лондонъ. Король Эдуардъ, какъ ходятъ весьма правдоподобные слухи, хотѣлъ бы кончить южноафриканскую войну до своего коронованія. Лордъ Розбери близокъ къ королю и его называютъ будущимъ президентомъ въ либерально-имперіалистическомъ кабинетѣ.

---

*) Отмѣчу кстати, что вытѣсненные изъ Франціи новымъ закономъ конгрегаціи, въ особенности іезуиты, перебрались въ Загребъ, въ Боснію и Герцеговину, и тамъ ведутъ дѣятельную католическую и реакціонную пропаганду.

Англійское общественное мнѣніе не было подготовлено къ благородной попыткѣ голландскаго правительства, и большая часть газетъ отнеслась къ ней отрицательно и даже рѣзко-враждебно. Правительство отвѣтило вѣжливымъ отказомъ. Но многіе полагаютъ, что все же это добрый симптомъ, что шансы мира усиливаются. Въ одной изъ своихъ рѣчей Салисбюри посмѣялся надъ страннымъ, по его мнѣнію, предложеніемъ Голландіи. Чемберленъ не допускаетъ и мысли о независимости бурскихъ республикъ, но стоитъ *за почетный миръ*, послѣ котораго Южная Африка станетъ счастливою, свободною страною. На неудовольствіе Европы Чемберленъ совѣтуетъ не обращать никакого вниманія.

Нельзя не подивиться британской гордости и энергіи. Третій годъ ведется война, стоящая Англіи много крови и огромныхъ денегъ; но британская дипломатія никогда не отступаетъ передъ соперничествомъ другихъ державъ и успѣшно защищаетъ англійскіе интересы во всѣхъ частяхъ свѣта. На-дняхъ обнародовано соглашеніе Англіи и съ Японіей, подписанное въ Лондонѣ, куда японскій государственный человѣкъ, маркизъ Ито, пріѣзжалъ, побывавъ раньше въ Петербургѣ. Это соглашеніе, по нашему мнѣнію, имѣетъ очень большое значеніе для европейскихъ интересовъ на Дальнемъ Востокѣ. Поэтому приводимъ, по *Русскимъ Вѣдомостямъ*, депешу англійскаго министра иностранныхъ дѣлъ, лорда Лансдоуна, къ посланнику въ Токіо и текстъ самаго соглашенія. Лансдоунъ сообщаетъ (30 января н. с.): «Я подписалъ сегодня вмѣстѣ съ японскимъ посланникомъ текстъ соглашенія между Великобританіей и Японіей, копія котораго препровождается при настоящей депешѣ. Соглашеніе это можетъ быть разсматриваемо, какъ результатъ событій, происходившихъ въ теченіе послѣднихъ двухъ лѣтъ на дальнемъ Востокѣ, и той роли, которую играли въ нихъ Великобританія и Японія. Въ продолженіе всѣхъ смутъ и осложненій, возникшихъ въ Китаѣ вслѣдъ за боксерскимъ возстаніемъ и нападеніемъ на пекинскія посольства, обѣ державы находились въ тѣсномъ и непрерывномъ сообщеніи другъ съ другомъ и дѣйствовали подъ вліяніемъ одинаковыхъ взглядовъ. Каждый изъ насъ желалъ, чтобы цѣлость и независимость китайской имперіи были сохранены, чтобы не произошло никакого нарушенія территоріальнаго status quo ни въ Китаѣ, ни въ сосѣднихъ областяхъ, чтобы всѣмъ націямъ были предоставлены въ этихъ областяхъ, такъ же какъ въ предѣлахъ Китайской имперіи, равные шансы для развитія ихъ торговли и промышленности и чтобы миръ былъ не только возстановленъ, но и сохраненъ на будущее время. Частый обмѣнъ мнѣній, происходившій между обоими правительствами, и обнаруженіе факта тожественности ихъ политики на дальнемъ Востокѣ имѣли тотъ результатъ, что каждая сторона изъявила желаніе, чтобы ихъ общая политика нашла себѣ выраженіе въ международномъ договорѣ, имѣющемъ обязательную для сторонъ силу. Мы сочли желательнымъ констатировать во вводной части документа упомянутыя выше главныя цѣли нашей общей политики на дальнемъ Востокѣ и въ первой статьѣ единодушно отвергаемъ всякія аггрессивныя съ нашей

стороны тенденціи въ Китаѣ или въ Кореѣ. Однако, мы полагали также необходимымъ документальпо закрѣпить мнѣніе, раздѣляемое обѣими договаривающимися сторонами,—что если бы ихъ интересы, какъ они описаны выше, подверглись опасности, то каждая изъ нихъ вольна принять тѣ мѣры, какія могутъ оказаться необходимыми для охраненія этихъ интересовъ; затѣмъ добавлено, что подобныя мѣры предосторожности могутъ стать необходимыми и могутъ быть принятыми законнымъ образомъ не только въ случаѣ агрессивнаго дѣйствія или дѣйствительнаго нападенія со стороны какой-либо державы, но и въ случаѣ возникновенія такихъ смутъ, которыя дѣлаютъ необходимымъ вмѣшательство той или другой изъ договаривающихся сторонъ для защиты жизни и имущества ея подданныхъ. Главныя обязательства, которыя обоюдно взяли на себя договаривающіяся стороны, заключаются въ томъ, чтобы сохранять строгій нейтралитетъ въ случаѣ, если одна изъ нихъ будетъ вовлечена въ войну, и придти на помощь другъ другу въ томъ случаѣ, если произойдетъ столкновеніе одной изъ нихъ болѣе чѣмъ съ одной державой. Согласно остальнымъ статьямъ соглашенія, высокія договаривающіяся стороны обязуются, что ни одна изъ нихъ не вступитъ безъ совѣщанія съ другой въ сепаратныя соглашенія съ третьей державой во вредъ указаннымъ въ соглашеніи интересамъ и что всякій разъ, какъ интересы эти подвергнутся опасности, онѣ будутъ дѣлать другъ другу полныя и откровенныя сообщенія. Заключительная статья имѣетъ въ виду срокъ соглашенія, которое черезъ пять лѣтъ можетъ быть прекращено любой изъ договаривающихся сторонъ, съ предувѣдомленіемъ за годъ впередъ. Вступая въ этотъ важный договоръ, англійское правительство руководилось въ значительной мѣрѣ убѣжденіемъ, что онъ не содержитъ никакихъ статей, которыя могли бы быть разсматриваемы, какъ указаніе на аггрессивныя или себялюбивыя стремленія въ областяхъ, къ которымъ онъ относится. Договоръ былъ заключенъ исключительно, какъ мѣра предосторожности, къ которой нужно прибѣгнуть въ случаѣ необходимости для защиты важныхъ британскихъ интересовъ. Онъ отнюдь не угрожаетъ нынѣшнему положенію или законнымъ интересамъ другихъ державъ. Напротивъ, та часть его, которая обязываетъ каждую изъ договаривающихся сторонъ приходить на помощь другой, можетъ вступить въ дѣйствіе лишь тогда, когда одинъ изъ союзниковъ окажется вынужденнымъ начать войну въ защиту интересовъ, общихъ обѣимъ сторонамъ; когда обстоятельства, при которыхъ союзникъ сдѣлаетъ этотъ шагъ, безспорно укажутъ, что онъ не искалъ ссоры; наконецъ, когда, выступивъ въ свою защиту, онъ столкнется не съ одной только державой, а съ враждебной коалиціей. Великобританское правительство вѣритъ, что настоящее соглашеніе послужитъ ко взаимной выгодѣ обѣихъ странъ, что оно будетъ способствовать сохраненію мира и что если бы миръ былъ къ несчастію нарушенъ, то благодаря соглашенію область непріязненныхъ дѣйствій будетъ ограничена».

Текстъ договора таковъ: «Правительства Великобританіи и Японіи, по-

буждаемыя исключительно желаніемъ сохранить status quo и общій миръ на крайнемъ Востокѣ, будучи сверхъ того спеціально заинтересованы въ охраненіи независимости и территоріальной цѣлости Китайской и Корейской имперій и въ обезпеченіе равныхъ выгодъ для торговли и промышленности всѣхъ націй въ этихъ странахъ, вступаютъ въ нижеслѣдующее соглашеніе.

Ст. 1. Признавъ независимость Китая и Кореи, высокія договаривающіяся стороны заявляютъ, что онѣ совершенно чужды какихъ-либо агрессивныхъ стремленій въ той или другой странѣ. Имѣя, однако, въ виду свои спеціальные интересы,—изъ которыхъ интересы Великобританіи относятся, главнымъ образомъ, къ Китаю, а Японія сверхъ своихъ интересовъ въ Китаѣ заинтересована въ особенной степени въ Кореѣ какъ политически, такъ и въ торговомъ и промышленномъ отношеніяхъ,—договаривающіяся стороны признаютъ, что каждая изъ нихъ вольна принять мѣры, необходимыя для охраны этихъ интересовъ, если имъ будетъ угрожать либо аггрессивное дѣйствіе какой-либо другой державы, либо смуты въ Китаѣ или Кореѣ, которыя сдѣлаютъ необходимымъ вмѣшательство той или другой изъ договаривающихся сторонъ въ видахъ защиты жизни и имущества своихъ подданныхъ.

Ст. 2. Если бы Великобританія и Японія, защищая каждая свои, указанные выше интересы, была вовлечена въ войну съ другой державой, то другая договаривающаяся сторона должна сохранить строгій нейтралитетъ и употреблять всѣ усилія, чтобы удержать другія державы отъ присоединенія къ враждебнымъ дѣйствіямъ противъ ея союзника.

Ст. 3. Если въ указанномъ выше случаѣ какая-либо держава или нѣсколько державъ примкнутъ къ непріязненнымъ дѣйствіямъ противъ этого союзника, то другая договаривающаяся сторона должна придти къ нему на помощь, сообща съ нимъ вести войну и заключить миръ по взаимному съ нимъ соглашенію.

Ст. 4. Ни одна договаривающаяся сторона не должна безъ совѣщанія съ другой вступать въ сепаратныя соглашенія съ другой державой къ ущербу для указанныхъ выше интересовъ.

Ст. 5. Всякій разъ, какъ, по мнѣнію Великобританіи или Японіи, вышеупомянутые интересы окажутся въ опасности, оба правительства должны дѣлать другъ другу полныя и откровенныя сообщенія.

Ст. 6. Настоящее соглашеніе вступаетъ въ силу немедленно по подписаніи и сохраняетъ ее въ теченіе пяти лѣтъ со дня подписанія. Если ни одна изъ договаривающихся сторонъ не заявитъ другой за 12 мѣсяцевъ до истеченія этихъ пяти лѣтъ о своемъ намѣреніи прекратить договоръ, то онъ сохраняетъ обязательную силу до истеченія одного года со дня заявленія о желаніи прекратить договоръ. Но если бы истеченіе договора застало того или другого изъ союзниковъ уже ведущимъ фактически войну, то союзъ ipso facto продолжается, покуда не будетъ заключенъ миръ».

Въ числѣ мѣръ, проведенныхъ въ послѣднее время въ парламентѣ

французской республики, заслуживаетъ большого вниманія проектъ о выкупѣ государствомъ двухъ значительныхъ желѣзнодорожныхъ линій. На сторонѣ этого предложенія оказалось слабое большинство, но вопросъ рѣшенъ въ положительномъ смыслѣ, и эта побѣда знаменательна. Французская буржуазія цѣпко держится за свои позиціи и государственное вмѣшательство въ интересахъ общаго блага и справедливости упорно отрицаетъ, какъ покушеніе на личную свободу. До сихъ поръ поэтому не удалось въ парламентѣ коренное преобразованіе финансовой системы путемъ введенія подоходнаго налога. Французскія желѣзныя дороги, находящіяся въ рукахъ акціонерныхъ компаній, приносятъ огромные барыши и управляются плохо. Противъ постройки и эксплоатаціи желѣзныхъ дорогъ частными обществами рѣшительно высказывался Гамбетта. Фрейсинэ тщательно выработалъ планъ сооруженія рельсовыхъ путей самимъ государствомъ, и по этому плану было построено около 16,000 километровъ, на что понадобилось три съ половиною милліарда франковъ.

Концессіи, выданныя государствомъ, были очень невыгодны для него, потому что съ того дня, какъ онѣ были подписаны, правительство каждый годъ должно было уплачивать обществамъ, подъ видомъ гарантій, суммы, несравненно болѣе значительныя, чѣмъ расходы по эксплоатаціи, и въ общемъ превысившія теперь милліардъ франковъ. Суммы эти шли на то, чтобы гарантировать ежегодный доходъ въ 10—11 процен. однимъ лишь акціонерамъ, участіе которыхъ въ расходахъ на постройки было весьма незначительнымъ: ихъ взносы равнялись лишь двѣнадцатой части всего капитала (около $1^1/_2$ милліарда на 15 милліардовъ, въ числѣ которыхъ 4 милліарда облигацій, 4 милліарда субсидіи государства и остальное—субсидіи департаментовъ). Однако, сумма эта въ дѣйствительности является лишь авансомъ, подъ залогъ подвижного матеріала и инвентаря этихъ обществъ. Въ виду договоровъ съ обществами, послѣ естественной амортизаціи капитала, государство хотя и дѣлается собственникомъ желѣзнодорожныхъ линій, но должно уплатить обществамъ капиталъ, истраченный на подвижной матеріалъ и инвентарь.

Въ палату предложеніе о выкупѣ желѣзныхъ дорогъ было внесено депутатомъ Бурра. Бурра доказываетъ, что теперь для такого выкупа самый благопріятный моментъ, такъ какъ долгъ акціонерныхъ обществъ государству почти равенъ стоимости залога. Мѣра эта кажется необходимой Бурра еще и потому, что совершенно нельзя предвидѣть, когда общества не только будутъ въ состояніи пополнить этотъ долгъ, но даже когда они перестанутъ прибѣгать къ гарантіямъ государства; залогъ, который теперь можетъ совершенно погасить долгъ, весьма скоро станетъ для этого уже недостаточнымъ. Къ этимъ доводамъ, чисто денежнымъ, Бурра и его друзья присоединяютъ еще нѣкоторыя другія: они упрекаютъ общества въ недостаткѣ патріотизма за закупки матеріала за границей; находятъ тарифы слишкомъ высокими, а движеніе на нѣкоторыхъ линіяхъ медленнымъ. Главнымъ доводомъ ихъ въ пользу выкупа являются указанія на

преимущества иностранныхъ желѣзныхъ дорогъ по сравненію съ французскими, что происходитъ, по мнѣнію Бурра и его друзей, благодаря тому, что за границей почти вездѣ государства сами эксплоатируютъ эту отрасль промышленности.

Палата депутатовъ поручила правительству приготовить проектъ выкупа, но это, конечно, будетъ дѣломъ новой палаты и новаго кабинета, если Вальдекъ-Руссо не побѣдитъ на приближающихся выборахъ. Противъ нынѣшняго министерства пущены всѣ средства. Съ одной стороны, на него страстно и по меньшей мѣрѣ грубо нападаютъ соціалисты-революціонеры, съ другой—клерикалы, бонапартисты, монархисты и республиканцы, которые идутъ за Мелиномъ и Рибо. Духовенство старается ввести въ агитацію женщинъ, и это ему въ значительной мѣрѣ удается.

Для характеристики того направленія, котораго держится въ настоящее время правительственное большинство, мы приведемъ нѣсколько извлеченій изъ публичнаго чтенія одного изъ вождей этого большинства, Леона Буржуа *). На русскій языкъ переведена его книга о солидарности. Лекція была приложеніемъ этой общественной солидарности.

Фактически,—говорилъ Буржуа,—солидарность является для людей необходимостью, но такая солидарность не имѣетъ ничего общаго съ справедливостью. Общество можетъ совершенствоваться лишь при двухъ условіяхъ: прежде всего необходимо, чтобъ была обезпечена свобода людей, въ него входящихъ; должно, вмѣстѣ съ тѣмъ, этимъ людямъ совокупно стремиться къ общей цѣли. Законъ эволюціи человѣчества не борьба за жизнь, а единеніе для жизни. Для этого главною задачею сознательныхъ существъ служитъ осуществленіе справедливости.

Справедливость состоитъ въ равномѣрности услугъ. Въ гражданскомъ правѣ это давно признано: всякій договоръ долженъ быть свободенъ и выгоденъ обѣимъ сторонамъ въ равной степени. Въ области публичнаго права договоръ не предшествовалъ установившимся отношеніямъ; но по мѣрѣ историческаго развитія человѣчества добровольное соглашеніе все яснѣе и опредѣленнѣе выступаетъ въ государственномъ строѣ, въ организаціи всѣхъ общественныхъ учрежденій. Это добровольное соглашеніе или молчаливо поддерживаетъ существующій порядокъ вещей, или требуетъ болѣе или менѣе существенныхъ измѣненій въ немъ, сообразно новымъ потребностямъ личной и общественной жизни.

Неравенство физическихъ и интеллектуальныхъ силъ неустранимо никакими усиліями воли. Но это неравенство лежитъ внѣ общественнаго договора. Справедливость заключается въ устраненіи условій общественнаго неравенства, въ преобразованіи въ этомъ духѣ учрежденій, которыя являются созданіемъ самихъ людей, ихъ добрыхъ или худыхъ стремленій. Общественный долгъ состоитъ въ устраненіи всѣхъ такихъ неравенствъ, въ

---

*) *Les applications de la Solidarité Sociale* (въ январской книгѣ „Полит. и Парл. Обозрѣнія“).

уплатѣ за низко оцѣненныя услуги. Конечно, этого нельзя достигнуть, какъ въ гражданскихъ, частныхъ договорахъ, прямыхъ путемъ, непосредственно. Необходимо поставить въ обществѣ въ возможно равныя условія, чтобы каждый могъ пользоваться свободою безъ нарушенія справедливости, т.-е. ни въ чемъ не нарушая свободы и интересовъ другихъ людей и интересовъ самого общежитія.

Въ обществѣ для каждаго всегда выпадутъ случайности; никто не можетъ быть обезпеченъ вполнѣ отъ риска, причемъ можетъ пострадать имущество, здоровье, жизнь. Единственнымъ средствомъ является въ этомъ отношеніи взаимность, взаимное страхованіе.

Въ обществѣ находятся всегда обязанности, отъ которыхъ никто не можетъ (и не долженъ) уклоняться. Безъ этого было бы невозможно сохраненіе общежитія. Расходъ на армію, судъ, образованіе необходимы. Есть въ обществѣ и общее достояніе, для всѣхъ открытое: научное знаніе, литература, художественныя сокровища, и т. д. Слѣдуетъ стремиться, чтобы фактическое пользованіе этими культурными пріобрѣтеніями было всѣмъ доступно. Основнымъ условіемъ для этого является всеобщность и безплатность начальнаго образованія. Леонъ Буржуа говоритъ, что въ благоустроенномъ обществѣ должно быть безплатнымъ и среднее, и высшее образованіе, которое не можетъ быть обязательнымъ при разнообразіи у людей способностей и стремленій.

Но воспитаніе идетъ всю жизнь, и поэтому у человѣка въ обществѣ долженъ быть досугъ, иными словами: часы работы, которою онъ обезпечиваетъ существованіе себѣ и своей семьѣ, должны быть ограничены. Этого требуетъ общественная справедливость, высокія цѣли культуры: безъ того у погруженнаго въ постоянную работу человѣка не будетъ умственной и нравственной жизни. Само собою разумѣется, что ограниченіе рабочаго времени предполагаетъ установленіе минимума заработной платы, необходимаго для существованія. Для достиженія всѣхъ указанныхъ цѣлей необходимо общественное воспитаніе,—это первое и послѣднее слово политики, какъ выразился Мишле.

Мы считаемъ своею обязанностью отмѣтить, что часть германской печати отнеслась къ вжешенскому дѣлу безпристрастно и справедливо. *Frankfurter-Zeitung*,—одна изъ серьезнѣйшихъ и наиболѣе распространенныхъ демократическихъ газетъ,—говоритъ, что дебаты объ этомъ дѣлѣ въ прусской палатѣ депутатовъ вызвали живѣйшій интересъ въ Германіи. Они показали, какъ ошибочна прусская политика, направленная къ подавленію польской національности въ Познани и Силезіи. Благодаря ей, польско-нѣмецкія отношенія обострились. Стремленіе правительства обезземелить поляковъ, насадить въ этихъ областяхъ нѣмецкое населеніе, по сознанію самого правительства, потерпѣло неудачу. Польскій элементъ не слабѣетъ, а даже усиливается.

Frankfurter-Zeitung приглашаетъ къ спокойному и безпристрастному

обсужденію вопроса. Его обостреніе вызвано притѣсненіями прусскаго правительства и, обороняясь, поляки естественно переходятъ иной разъ въ наступленіе.

Графъ Бюловъ отмѣтилъ, что съ польскою аристократіей ладить было легче, чѣмъ съ польскою буржуазіею, которой теперь принадлежитъ первая роль. *Frankfurter-Zeitung*, признавая это, совѣтуетъ прусскому чиновничеству поближе сойтись съ представителями польской интеллигенціи и промышленности. Всякая исключительная, насильственная политика не достигнетъ цѣли, и прежде всего нецѣлесообразно и несправедливо преслѣдованіе поляковъ за родной языкъ въ школѣ и въ сношеніяхъ. Позаботиться слѣдуетъ лишь о томъ, чтобы въ школахъ основательно учили нѣмецкому языку и чтобы школъ было побольше.

В. Г.

СОВРЕМЕННОЕ ИСКУССТВО.

I. Новинки московскаго драматическаго театра.

Пьеса В. И. Немировича-Данченка «Въ мечтахъ» интересна тѣмъ, что ея герои поставлены въ такія ситуаціи, драматизмъ которыхъ не является слѣдствіемъ чрезвычайныхъ внѣшнихъ обстоятельствъ, въ своемъ роковомъ сцѣпленіи ведущихъ человѣка къ борьбѣ и неминуемой гибели, а вызванъ тонкостью душевной жизни отдѣльныхъ лицъ и находитъ себѣ объясненіе въ сокровенной глубинѣ ихъ внутренняго міра. Здѣсь нѣтъ поэтому яркихъ и поразительныхъ событій, люди не приходятъ между собою въ рѣзкія столкновенія, и все, что совершается на сценѣ, вырвано изъ обычной повседневности и могло бы быть перенесено въ другое время и другую обстановку; то праздничное и нарядное, что есть въ пьесѣ и составляетъ пеструю рамку двухъ ея дѣйствій, не имѣетъ органической связи съ ея подлинной сущностью и само взято изъ такой сферы, гдѣ «безсмертная пошлость людская» очень скоро свила себѣ прочное гнѣздо. Между началомъ драмы и ея концомъ нѣтъ замѣтной разницы, и вы даже не видите ясно, гдѣ это начало и гдѣ этотъ конецъ: все сливается въ одно сплошное теченіе жизни, все остается по прежнему, какъ прежнимъ и началось; вотъ только философъ и поэтъ Костромской отъ дѣйствительности и любящихъ женщинъ бѣжалъ «въ пространство», но это пространство сводится къ хуторку въ Херсонской губерніи, откуда легко вернуться и откуда нашъ бѣглецъ, несомнѣнно, вернется, потому что, если вѣрить его собственнымъ словамъ, не цѣльна его душа и не можетъ онъ долго выносить одиночества, которое спасаетъ его отъ житейской сутолоки, отъ «слѣпой доброты» и «зоркой злобы» людей. Все остается по прежнему, и хотя занавѣсъ въ послѣдній разъ опускается тогда, когда всѣ дѣйствующія лица настроены жутко и тоскливо, а за окнами комнаты сыплетъ холодный и мокрый снѣгъ, но одно изъ этихъ лицъ, быть можетъ, наиболѣе изстрадавшееся, съ надеждой говоритъ: «и солнце непремѣнно выглянетъ». Въ пьесѣ это солнце даже и не заволакивалось особенно грозными и мрачными тучами: если ея герои и переживаютъ тяжкія душевныя волненія, то внѣшнимъ образомъ

это не проявляется; жизнь у нихъ течетъ плавно, въ берегахъ изящнаго и мирнаго довольства, и не пугаетъ ихъ ни единая тѣнь катастрофы. Хотя Вѣра Кирилловна, дѣвственная жена нелюбимаго мужа, и грозила Костромскому, что она не перенесетъ разлуки съ нимъ и покончитъ съ собою, если онъ уѣдетъ,—но онъ уѣхалъ, и она, повидимому, безо всякихъ усилій осталась въ живыхъ и только пришла за совѣтомъ къ матери, къ той чуждой для нея матери, которой она недавно, на юбилейномъ обѣдѣ, выражала такіе безпощадные упреки...

Безспорно, построить трагизмъ пьесы на исключительной нѣжности и чуткости душевныхъ волненій, устранить внѣшніе стимулы къ дѣйствіямъ и замѣнить выразительность поступковъ выразительностью настроеній и чувствъ, это—симпатичный и цѣнный замыселъ. Но для тонкаго рисунка необходима и тонкая художественная кисть, и тамъ, гдѣ преобладающее значеніе должны имѣть глубокіе изгибы человѣческой души, требуется вдумчивость и знанія искуснаго психолога. Здѣсь всякая сочиненная нота особенно рѣжетъ слухъ, здѣсь всякая невѣрная черта и малѣйшее уклоненіе отъ правдоподобнаго оскорбляютъ своей неестественностью и грубо портятъ впечатлѣніе. Эта печальная участь и постигла драму г. Немировича.

Не соотвѣтствуетъ психологической и жизненной правдѣ ея основная мысль и тотъ, кто ее воплощаетъ,—Георгій Васильевичъ Костромской. Въ этой надуманной фигурѣ есть внутреннее противорѣчіе, отъ котораго она распадается и таетъ на глазахъ у зрителей. Костромской исповѣдуетъ и проповѣдуетъ то убѣжденіе, что мечта лучше дѣйствительности, тоска благороднѣе осуществленія и грёзы о счастьи радостнѣе самаго счастья. Если онъ въ это вѣруетъ, то значитъ передъ нами идеалистъ, мечтатель, поэтъ. Такъ и есть: всѣ лица пьесы называютъ Костромского философомъ и поэтомъ; и его философія имѣетъ поэтическій оттѣнокъ,—онъ авторъ «Сансары», его волнуетъ солнечный закатъ, онъ пишетъ стихи, говоритъ красивыми образами, и основной чертой его умственнаго склада должна быть не логическая послѣдовательность, а непосредственный лиризмъ и пареніе высоко настроенной души. Но что же дѣлаетъ изъ своей жизни этотъ вѣрноподданный «принцессы Грезы», этотъ любовникъ мечты? Разсудочно и благоразумно проводитъ онъ рѣзкую грань между дѣйствительностью и идеаломъ, никогда не позволяетъ себѣ забыться и, чуждый опьяненія, постоянно видитъ спокойными глазами, гдѣ находится тотъ предѣлъ, за который не разрѣшаетъ ему переходить его теорія. Поэтъ, какимъ замыслилъ его г. Немировичъ, онъ на самомъ дѣлѣ оказывается совершенно прозаической и холодной натурой, сторонникомъ какой-то душевной гигіены; умѣренный и аккуратный въ заботливости о своемъ внутреннемъ равновѣсіи, онъ отталкиваетъ отъ себя раціонализмомъ и скучной трезвостью. Онъ увѣряетъ, что любитъ мечту больше дѣйствительности,—но если бы это было правда, онъ не различалъ бы ихъ между собою такъ опредѣленно и дальновидно. Кто любитъ мечту, тотъ не уходитъ отъ реальнаго, а наоборотъ, именно въ этомъ реальномъ и видитъ, хотя

бы ослѣпленными глазами, ея воплощеніе; потомъ наступаетъ разочарованіе — обычная трагедія идеализма, — но разочарованіе, къ счастью, не исцѣляющее человѣка на всю жизнь и не спасающее отъ благодатнаго недуга новыхъ иллюзій и увлеченій. Кто боится за свою грёзу и ревниво оберегаетъ ее отъ прикосновенія дѣйствительной жизни, тотъ чувствуетъ мелко и блѣдно, — а въ Костромскомъ мы должны были бы видѣть могучую страсть, глубокій паѳосъ: иначе есть ли какой-нибудь драматизмъ въ его положеніи, въ его отказѣ отъ Вѣры? Только поверхностная, *не*-поэтическая и *не*-мечтательная натура способна разсѣкать жизнь на прозу и мечту; и никакіе уроки дѣйствительности, никакая борьба и работа надъ собою не приведутъ настоящаго поэта къ осторожному выбору между фактомъ и грёзой, къ этому торжеству благоразумія. Душа поэта преображаетъ дѣйствительность и изъ нея выноситъ свою мечту; не надо ему уклоняться отъ обыденнаго, для того чтобы создавать прекрасное. Быть можетъ, это странно звучитъ, но это вѣрно: истинная поэзія стелется по землѣ, и только въ послѣдней имѣютъ свои корни ея лучшія созданія, ея пушкинскіе стихи. Въ томъ и заключаются несравненныя чары поэта, что онъ показываетъ въ солнцѣ идеала все земное и обычное. Оттого и возводятся въ «перлъ созданія», повидимому, недостойныя и скудныя явленія. Въ ужасѣ и негодованіи восклицалъ Савонарола:

О, Матерь Божія! Тебя ли,
Мое прибѣжище въ печали,
Въ чертахъ блудницы вижу я?...
Съ блудницъ художникъ маловѣрный
Чертитъ, исполненъ всякой скверны,
И выдаетъ намъ за Тебя!...

Фанатикъ-монахъ не понималъ, какъ можно изъ праха земного и нечистаго творить божественные образы; но это понималъ художникъ своей геніальной душой, и далекій отъ кощунства, благоговѣйно и религіозно, вдохновенной кистью своею претворялъ онъ черты Форнарины въ безсмертный ликъ Мадонны. И можетъ быть, не высоко поднималась надъ уровнемъ прозы та дѣйствительная женщина, которой Пушкинъ слагалъ свои стансы, которая явилась ему въ «чудное мгновенье».

И такое воплощенье прозы въ мечту совершаетъ всякій, чья душа согрѣта поэтическимъ огонькомъ. Въ той же самой пьесѣ, гдѣ выведенъ Костромской, котораго можно назвать какъ угодно, только не мечтателемъ, есть старый эстетикъ Алфеевъ, и онъ дѣйствительно мечтатель. И что же? Восторженный поклонникъ красоты, онъ не отвернулся отъ той женщины-артистки, которая плѣнила его чувство, — онъ связалъ съ нею всю свою жизнь, слѣдовалъ за нею по Европѣ и сталъ роднымъ въ ея домѣ, у ея семейнаго очага. А Костромской бѣжитъ отъ влюбленной въ него женщины, потому что мечта о любви отраднѣе для него самой любви, и онъ хочетъ, чтобы Вѣра только вспоминала о немъ, «холодная и печальная»... Костромской механически разрываетъ мечту отъ дѣйствительности

и, уѣзжая на югъ, думаетъ, что онъ переселяется въ обитель поэзіи. Но вѣдь проза встрѣтитъ его и въ Херсонской губерніи, какъ, съ другой стороны, мечта озаряла бы его и въ столицѣ; географія здѣсь ни при чемъ, отъѣздъ безразличенъ. На самомъ дѣлѣ нѣтъ ни прозы, ни поэзіи,—есть только душа, отъ которой никуда не уѣдешь и въ которую человѣкъ можетъ вносить то или другое содержаніе, независимо отъ внѣшнихъ явленій и случайныхъ встрѣчъ. Въ одной и той же сферѣ бытія есть и реальность, и греза; онѣ борются между собою, и какъ бы ни была прозаична дѣйствительность, въ душѣ всегда остается мѣсто для царственной мечты, которая въ свободной игрѣ впечатлѣній эту дѣйствительность расцвѣчиваетъ живыми красками идеала. Для того чтобы Вѣра сдѣлалась для Костромского мечтой, нѣтъ внутренней необходимости покидать ее: мечтою могъ бы быть украшенъ и просвѣтленъ ея реальный образъ; и если бы Костромской дѣйствительно любилъ, онъ органически не въ силахъ былъ бы почувствовать и повѣрить, что осуществленіе мечты спугнетъ всю ея прелесть, что надо отказаться отъ любимой женщины и чудной близости съ нею и обратить ее въ одно далекое воспоминаніе. Онъ не въ силахъ былъ бы это сдѣлать, какъ не въ силахъ былъ бы жаждущій отвергнуть поднесенную къ его устамъ чашу и соображать въ этотъ единственный моментъ пламеннаго желанія, что лучше впослѣдствіи думать о сладостномъ напиткѣ, чѣмъ теперь вкусить его. Только умъ развращенный способенъ на такія соображенія,—въ Костромскомъ прежде всего и поражаетъ именно эта развращенность холоднаго ума, этотъ тонкій цинизмъ праздной мысли.

Если же Костромской оставилъ Вѣру потому, что его умилило благородство ея мужа, и не могъ онъ прійти съ поцѣлуями къ той, мужа которой онъ цѣловалъ въ искреннемъ порывѣ дружбы и благодарности, то это вноситъ въ драму иной, болѣе естественный элементъ,—но элементъ, не имѣющій внутренней связи съ основной идеей пьесы. Нѣтъ, каковъ бы ни былъ мужъ Вѣры, Костромской все равно не откликнулся бы на ея призывъ, потому что онъ влюбленъ въ свою безплотную грезу. Но спасаясь отъ обыденности реальнаго счастія въ одиночество мечты и разрушая свою мечту неустаннымъ призоромъ за нею, Костромской на самомъ дѣлѣ впадаетъ въ другое проявленіе все той же цѣпкой пошлости, — впадалъ бы въ нее, если бы... если бы онъ былъ живымъ человѣкомъ, а не порожденіемъ неудачной авторской «мечты»...

Какъ все фальшивое, ходульное и сочиненное, образъ Костромского находитъ себѣ тяжелую кару въ постоянномъ врагѣ и обличителѣ всякой неестественности—въ смѣшномъ. Костромской смѣшонъ. Ему не совѣстно говорить Вѣрѣ, что женщина, какъ жена и любовница, какъ другъ и товарищъ, не нужна ему... На юбилейномъ обѣдѣ онъ пьетъ за «сдавленную тоску», за «томленіе о счастіи», забывая, что хорошо любить это красивое страданіе тому, кто не находится подъ гнетомъ дѣйствительнаго горя. Какъ въ своей любви, такъ и въ жизни вообще Костромской—противникъ

всего непосредственнаго, и онъ не способенъ понять, что живая дѣйствительность можетъ имѣть своей спутницей и мечту, что вовсе не надо противопоставлять реальное грезѣ. Истинные дѣятели жизни,—не ея дѣльцы,—одушевлены идеаломъ и мечтою; и тѣ, кто больше всего работалъ для человѣчества, нерѣдко были пламенными мечтателями, передъ ними, среди тревогъ и волненій настоящаго, всегда носились свѣтлые образы будущаго. Если создавать Костромскому антитезу въ лицѣ суетливаго чеха Никласа Бокача, то первый дѣйствительно покажется болѣе глубокимъ и мудрымъ. Но антитеза эта неправильна, и автору не надо было выписывать дѣятеля изъ Чехіи: онъ могъ бы найти работника—и работника-мечтателя—у себя, на родинѣ. Только стремленіе прямолинейно разграничивать мечту отъ реальнаго и относить каждую изъ нихъ въ сферу особой личности, вмѣсто того, чтобы искать ихъ органическаго синтеза въ одной и той же человѣческой душѣ,—только это стремленіе и вынудило автора создать крайности Костромского и Бокача, какъ будто ими исчерпываются всѣ комбинаціи жизненной работы, какъ будто между одиночествомъ и пошлостью нѣтъ выбора... Надо, впрочемъ, замѣтить, что самъ по себѣ Бокачъ является живымъ лицомъ; его хорошо намѣтилъ авторъ, его, на сценѣ Художественнаго театра, весьма типично воспроизвелъ г. Вишневскій.

Во всей пьесѣ г. Немировича, повидимому, воздается хвала цѣломудрію. Костромской уходитъ отъ жены, уходитъ и отъ другой женщины, въ него влюбленной; а эта женщина—чужая для своего мужа, хотя она и живетъ съ нимъ подъ одной кровлей, хотя онъ и пламенно «мечтаетъ» о ней. Однако, легко видѣть, что этотъ апоѳеозъ цѣломудрія—мнимый: на самомъ дѣлѣ, всѣ эти мечтатели и мечтательницы безконечно далеки отъ истинной чистоты, и можно сказать, что въ пьесѣ разлитъ утонченный ядъ холодной, головной развращенности. Вѣра три года замужемъ, и всѣ знаютъ, что она не принадлежитъ своему мужу; сама она всегда объ этомъ помнитъ и своею мыслью постоянно возвращается къ своей дѣвственности. Когда она цѣлуетъ Костромского, то это—первый поцѣлуй въ ея жизни, что̀ она сама сейчасъ же и констатируетъ... Зачѣмъ же она вышла замужъ за князя? Мы узнаемъ, что сдѣлала она это послѣ того, какъ разочаровалась въ своемъ артистическомъ дарованіи и поняла свою безталанность. Въ другихъ отношеніяхъ, впрочемъ, она о себѣ высокаго мнѣнія и часто говоритъ о своемъ умѣ, о своихъ знаніяхъ, о своемъ развитіи. Зритель принужденъ вѣрить ей на-слово, потому что на видъ она ничѣмъ не возвышается надъ уровнемъ свѣтской дамы и проводитъ свои дни въ совершенной праздности. Она жестока къ несчастной женѣ Костромского и думаетъ, что та не способна быть помощницей такого даровитаго человѣка; себя же она считаетъ вполнѣ подходящей къ этой роли. Чувство ея не глубоко; мы уже видѣли, что угроза самоубійства осталась только угрозой и, покинутая Костромскимъ, Вѣра Кирилловна хотѣла было уѣхать за границу съ чехомъ, чтобы участвовать въ тамошней политической жизни. Ей легко исполнить завѣтъ Костромского—остаться «холод-

ной и печальной», какъ ему легко было просить объ этомъ: и тотъ, и другая любятъ блѣдно и мелко,—оттого они и довольствуются «мечтой». Въ общемъ, Вѣра мало симпатична, и раздѣлять ея искусственное горе можетъ лишь человѣкъ крайне сострадательный. Г-жа Андреева, исполнявшая эту роль, не придала ей теплыхъ и задушевныхъ нотъ, и только въ сценѣ III акта съ Костромскимъ ея голосъ звучалъ искренней страстью.

Для того чтобы ясенъ и интересенъ былъ образъ мужа Вѣры, необходимо было рельефно показать въ послѣднемъ борьбу двухъ чувствъ—ревности къ Костромскому и преклоненія передъ его талантомъ; эта благодарная коллизія раскрыла бы душу князя, придала бы ему драматическую значительность. Но въ пьесѣ Старочеркасовъ увѣряетъ, что ревности къ Костромскому у него нѣтъ въ сердцѣ и нѣтъ зависти къ его дарованіямъ,—сложнаго чувства Сальери къ Моцарту; это лишаетъ его фигуру драматизма, это дѣлаетъ его блѣднымъ и безцвѣтнымъ. Такимъ и играетъ его г. Качаловъ; становится понятнымъ, что Вѣра не могла любить его, несмотря на все его благородство и великодушіе. Центральную сцену III акта, исповѣдь передъ Костромскимъ, г. Качаловъ ведетъ очень сильно, и не его вина, что самая эта исповѣдь въ значительной степени искусственна и что начинается она такимъ прозаическимъ и непріятнымъ вступленіемъ, какъ просьба взять деньги...

Прямолинейная и лишенная оттѣнковъ психологія автора сказалась, между прочимъ, и въ эпизодическомъ образѣ матери Вѣры. Она—артистка, и поэтому авторъ не позволяетъ ей слова по-просту сказать: ради искусства она ослабляетъ свои материнскія привязанности, все перелагаетъ она на музыку, даже горе своей дочери; письмо Костромского къ Вѣрѣ интересуетъ ее главнымъ образомъ своей эстетической стороной. Вы чувствуете, какимъ грубымъ и фальшивымъ мазкомъ подчеркнута *одна* особенность этой женщины и какъ несправедливо отказано ей въ другихъ моментахъ нормальной женской личности.

Что касается внѣшней структуры пьесы, то въ ней занимаетъ слишкомъ много мѣста празднество юбилея,—оно растянуто на два акта, и первый изъ нихъ можно было бы выпустить безъ ущерба для цѣлаго. Правда, въ немъ уже намѣчается перспектива дальнѣйшаго драматизма—глухая непріязнь между женой Костромского и Вѣрой, увлеченіе послѣдней Костромскимъ; но эти штрихи могли бы быть перенесены во второй актъ,—благо авторъ счелъ возможнымъ устраивать на юбилейномъ обѣдѣ, въ присутствіи гостей и половыхъ, семейныя сцены и трагическія объясненія... Второе дѣйствіе, гдѣ изображается колонная зала ресторана, представляетъ торжество декоративнаго искусства; недурно бы только, если бы на ряду съ тщательнымъ реализмомъ ресторанной обстановки въ пьесѣ былъ на-лицо и бо́льшій реализмъ жизни и характеровъ.

Въ драмѣ г. Немировича, особенно во II актѣ, много внѣшняго движенія, много людей, и если бы послѣднихъ свелъ за банкетомъ, напримѣръ, Пальеронъ, то въ результатѣ возникла бы живая игра остроумія и

шутокъ. Нѣкоторыя лица въ пьесѣ, не имѣя внутренней связи съ нею, всетаки интересны въ бытовомъ отношеніи; зато иныя изъ нихъ такъ же излишни, какъ излишенъ карбункулъ на шеѣ Григорія Кирилловича...

Костромского играетъ г. Станиславскій. Онъ играетъ его деревяннымъ и въ стремленіи къ простотѣ не уклоняется отъ простоватости. Про Костромского въ пьесѣ говорятъ, что онъ «лучше всѣхъ», что онъ уменъ и талантливъ, цитируютъ его афоризмы. Но въ исполненіи г. Станиславскаго Костромской, видимо, старается скрыть отъ публики тонкость, чуткость и изящество своей натуры, поэтическій складъ своего ума. Безъ волненія повторяетъ онъ своей женѣ, послѣ двѣнадцатилѣтняго брака, послѣ утраты дѣтей, которая, казалось бы, должна была соединить его съ нею узами великаго и раздѣленнаго горя,—безъ волненія говоритъ онъ ей о предстоящей имъ разлукѣ, о томъ, что жена ему не нужна; есть въ немъ добродушіе, но есть въ немъ и какая-то странная тупость сердца. И если авторъ, повидимому, замыслилъ своего поэта и философа буддистомъ, то въ изображеніи г. Станиславскаго это—буддистъ и мечтатель кустарной выдѣлки. Намъ хотѣлось бы отмѣтить живую игру второстепенныхъ персонажей: г-жи Лилиной (Юлія Сергѣевна), г-жи Гельцеръ (Солнцева), г. Адашева (Тополькоѣ). Г-жа Книпперъ, какъ намъ кажется, не удержалась отъ нѣкотораго шаржа.

Если въ пьесѣ г. Немировича герой бѣжитъ отъ счастья, которому предпочитаетъ грёзу и воспоминаніе, то «Дѣти Ванюшина» г. Найденова переносятъ насъ въ такую среду, гдѣ люди стонутъ подъ игомъ реальнаго несчастья и охотно бѣжали бы отъ него, если бы могли и знали—куда. Драма г. Найденова является одной изъ многочисленныхъ иллюстрацій того страшнаго противорѣчія, которое нерѣдко представляетъ собою семья. Идеальное порожденіе любви, группа людей, самыхъ близкихъ между собою на свѣтѣ, гнѣздо мира и нравственнаго отдыха, семья обращается въ очагъ вражды и смуты. Трагизмъ этого противорѣчія, по большей части скрытый подъ слоемъ житейскихъ отношеній и условностей, иногда вспыхиваетъ съ ужасающей силой, и тогда въ этомъ пламени сгораютъ человѣческія жизни. Г. Найденовъ задумалъ изобразить положеніе отца, который на закатѣ дней своихъ, послѣ сорока лѣтъ семейнаго водительства, замѣчаетъ, что въ душахъ его дѣтей царятъ «корысть, вражда, тьма», что они всѣ несчастны, угнетены,—и съ ужасомъ спрашиваетъ онъ свою жену: «Старуха, кто у насъ дѣтей-то сдѣлалъ такими? Откуда они? Наши ли?». Уже первое дѣйствіе пьесы насыщено драматизмомъ, и передъ зрителями раскрываются мрачныя перспективы. Старшій сынъ Константинъ, злой эгоистъ и брюзга, находится въ любовной связи съ дальней родственницей Ванюшина, бѣдной дѣвушкой, которую не разъ попрекаютъ даровымъ кускомъ хлѣба; младшій сынъ, Алексѣй, гимназистъ, увлекается театральной хористкой, пьянствуетъ и кутитъ, крадетъ у матери деньги; одна изъ дочерей, выданная замужъ въ Москву, черезъ недѣлю послѣ свадьбы, къ тревогѣ и недоумѣнію родныхъ, возвращается домой: не дѣвушкой вышла

она замужъ и бѣжала отъ укоровъ своего супруга; раньше она была въ связи съ мужемъ старшей сестры, которая знала про это и «сѣдая стала». Таково первое знакомство съ семьей Ванюшина. На почвѣ этихъ отношеній разыгрывается дальнѣйшая драма. Всѣ члены семейства ссорятся между собою; комнаты дѣтей наверху, далеко отъ родительскихъ покоевъ; ни одинъ обѣдъ, ни одно чаепитіе не проходитъ безъ рѣзкихъ столкновеній, атмосфера дома пропитана раздраженіемъ и ненавистью. Мать, добрая и богомольная старушка, не въ силахъ ничѣмъ помочь; отецъ, суровый, замкнутый и властный человѣкъ, такъ занятъ внѣшней стороной жизни—своей торговлей, городскими дѣлами, что долго не замѣчаетъ царящаго кругомъ унынія и раздора. Онъ много работалъ, «грошъ къ грошу кровью приклеивалъ»; слѣдуя общей модѣ, училъ дѣтей, но къ ихъ внутреннему міру никогда не приглядывался, былъ скупъ на ласку, хотя по-своему и любилъ ихъ, и дѣти трепетали передъ нимъ, въ его взглядахъ читали «злобу да вражду»,—и незамѣтно выросли чужіе для него люди, озлобленные и испорченные. Алексѣй уволенъ изъ гимназіи, Константинъ бросаетъ обольщенную имъ дѣвушку и ея ребенка, грѣшная дочь возвращаетея къ мужу,—возвращается потому, что дома ей невыносимо жить среди постоянныхъ сценъ и ссоръ и чувствовать себя лишней. Когда старикъ Ванюшинъ постигъ весь ужасъ положенія, захотѣлъ все уладить въ своей семьѣ и больше денегъ и торговли подумать о душахъ своихъ дѣтей, то было уже поздно: дѣти не понимали его, а старшій сынъ даже испугался, что отцовскія мысли с душѣ только приведутъ семью къ разоренію. Растерянный и потрясенный старикъ выслушиваетъ горькую правду отъ младшаго сына Алексѣя, который является резонеромъ пьесы и сильно, но не художественно и слишкомъ обнаженно, подчеркиваетъ ея мораль. Между отцомъ и сыномъ происходитъ такой разговоръ: *Алексѣй.* Не надо такъ огорчаться... вы ни въ чемъ не виноваты. *Ванюшинъ.* Какъ не виноватъ-то? Мои вѣдь вы! *Алексѣй.* Вы дѣлали все, что по вашему убѣжденію было нужно намъ. Трудились, работали для насъ, кормили, одѣвали, учили... *Ванюшинъ.* Такъ откуда же вы такіе? *Алексѣй.* Сверху. Вотъ въ томъ-то и дѣло, папаша, что мы жили наверху, а вы внизу. Внизу вы работали, трудились, чтобы намъ жилось спокойно наверху... и мы жили, жили, какъ кто хотѣлъ, какъ Богъ на душу положитъ. (*Ванюшинъ перестаетъ рыдать и внимательно слушаетъ сына, покачивая головой.*) *Ванюшинъ.* Такъ... такъ... *Алексѣй.* Вы знали, что мы чему-то учимся, что-то читаемъ, гдѣ-то бываемъ; но какъ мы воспринимаемъ, гдѣ бываемъ, вы этого не знали. По крышамъ еще мальчишками мы убѣгали сверху и нерѣдко взрослыми продѣлывали то же самое. Насъ развращали няньки и горничныя, мы сами себя развращали, старшіе младшихъ. Все это дѣлалось наверху и вы ничего не знали. *Ванюшинъ.* Такъ... такъ... *Алексѣй.* Вы рождали насъ и отправляли наверхъ. Рѣдко мы спускались къ вамъ, внизъ, если не хотѣлось пить и ѣсть, а вы поднимались къ намъ только тогда, когда находили необходимымъ ругать насъ и бить. И вотъ мы выросли, мы сошли

сверху уже взрослыми людьми, со своими вкусами, желаніями и требованіями, и вы не узнаете насъ; вы спрашиваете, откуда мы такіе? Какъ, должно быть, тяжело вамъ!... (*Ванюшинъ цѣлуетъ его въ голову.*) *Алексѣй.* Вы цѣлуете? Вѣдь это первый поцѣлуй отца! Папаша! (*Склоняется передъ нимъ на колѣни и цѣлуетъ руку*).—Отъ словъ мальчика Ванюшинъ окончательно прозрѣлъ, и хотя потомъ семейныя обстоятельства нѣсколько уладились—Алексѣй уѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ успѣшно готовился къ экзамену зрѣлости и вообще подавалъ всѣ надежды сдѣлаться «человѣкомъ», какъ объ этомъ умолялъ его отецъ; обольщенной дѣвушкѣ и ея ребенку старикъ Ванюшинъ удѣлилъ три тысячи рублей; Константинъ помолвленъ съ генеральской дочерью,—но измученный отецъ слишкомъ потрясенъ всѣмъ пережитымъ и въ сильномъ нервномъ разстройствѣ кончаетъ самоубійствомъ. Таковъ въ общихъ чертахъ сюжетъ пьесы г. Найденова. Легко замѣтить, что нѣкоторые ея моменты не находятъ себѣ достаточнаго внутренняго основанія, и хотѣлось бы отъ автора еще нѣсколькихъ сильныхъ штриховъ, которые яснѣе показали бы все правдоподобіе фабулы. Переломъ въ душѣ старика, его переходъ отъ самодурства къ нѣжности остаются — особенно для зрителя въ театрѣ Корша — неожиданностью и загадкой. Тотъ самый властный глава семьи, про котораго Алексѣй говоритъ сестрѣ Анѣ: «Отъ отца послѣ каждой свободной фразы, вырвавшейся изъ сердца, приходится прятаться, чтобы онъ не схватилъ тебя за волосы и не началъ таскать по полу»; который звѣремъ набросился на сына, когда узналъ про его увольненіе изъ гимназіи,—этотъ грозный представитель родительскаго авторитета спрашиваетъ у мальчика совѣта и указаній: «Что у насъ ладу нѣтъ въ семьѣ, это я самъ чувствую и тяжело мнѣ. Такъ вотъ ты и растолкуй мнѣ, старому старику, своимъ молодымъ умомъ, какъ быть? Что мнѣ дѣлать-то? Подсоби». Алексѣй, который, по его собственнымъ словамъ, говоритъ съ отцомъ въ первый разъ въ жизни, удивленъ этой необыкновенной просьбой, и всѣ вообще удивляются на старика, не узнаютъ его: что съ нимъ сдѣлалось? Правда, въ этотъ день онъ причащался,—но надо полагать, что купецъ Ванюшинъ причащался не впервые. Между Ванюшинымъ первыхъ двухъ дѣйствій и Ванюшинымъ третьяго дѣйствія есть общее, но авторъ слишкомъ блѣдными и скудными чертами намѣтилъ самое *нарастаніе* перемѣны въ личности старика. Точно также и драматическій конецъ Ванюшина не представляетъ собою единственно возможнаго исхода, не вызванъ роковой необходимостью и является слишкомъ сильнымъ эффектомъ. Если въ теченіе сорока лѣтъ Ванюшинъ, какъ онъ представленъ у г. Найденова, можно сказать, не былъ знакомъ со своими дѣтьми, то сдѣланныя имъ открытія въ ихъ характерѣ едва ли въ состояніи были потрясти его до такой степени, чтобы онъ, старый, богобоязненный человѣкъ, видный общественный дѣятель, могъ наложить на себя руки. Если онъ способенъ такъ глубоко и тонко чувствовать, то не былъ бы онъ такъ равнодушенъ къ дѣтямъ въ теченіе всей своей долгой жизни, не былъ бы такъ грубъ и жестокъ въ своемъ образѣ мыслей и дѣйствій. И съ его

купеческой точки зрѣнія, что же особенно дурного случилось? Дѣти враждуютъ между собою? Но вѣдь это—хроническое горе, къ которому онъ могъ привыкнуть, и есть у старика еще двѣ ласковыя, добрыя дѣвочки, на которыхъ онъ могъ бы обратить всю свою проснувшуюся нѣжность и которыя могли бы служить для него великимъ утѣшеніемъ. Константинъ обольстилъ бѣдную дѣвушку? Но вѣдь среда, гдѣ живутъ Ванюшины, знаетъ пословицу: «быль молодцу не укоръ», и въ блескѣ пышной свадьбы съ генеральской дочерью погасло бы воспоминаніе о совершенномъ грѣхѣ. Вернулась отъ мужа преступная дочь? Это дѣйствительно позоръ; но вѣдь мужъ оказался такъ великодушенъ, а жена такъ уступчива, что они вернулись подъ супружескую кровлю. Нѣтъ, именно для Ванюшина въ событіяхъ его семейной жизни не было достаточныхъ основаній къ тому, чтобы непремѣнно дойти до самоубійства; по крайней мѣрѣ, г. Найденовъ недостаточно ясно показалъ, что его герой могъ возвыситься надъ уровнемъ своей среды и отрѣшиться отъ чисто-внѣшнихъ и житейски-трезвыхъ взглядовъ на вещи.

Правда, въ пьесѣ есть ясные намеки на то что дѣла Ванюшина пошатнулись и ему грозило разореніе (оттого онъ и просилъ сына жениться на богатой Распоповой): быть можетъ, именно эта грустная перспектива и смягчила сердце старика, быть можетъ, она главнымъ образомъ и сокрушила его разсудокъ и волю, поколебала его религіозныя убѣжденія и привела его къ страшному концу. Но въ такомъ случаѣ, при всей жизненности этой добавочной черты, трагизмъ пьесы раздвоивается и блѣднѣетъ какъ разъ въ томъ ея моментѣ, который составляетъ ея основное содержаніе и интересъ, ея главный жизненный нервъ. Дѣти не поняли отца; отецъ, грубый по внѣшности, погруженный въ матеріальную заботу о дѣтяхъ, проглядѣлъ ихъ самихъ и вдругъ увидѣлъ ихъ «несчастныя души»: эта трагедія понятна и глубока,—но авторъ недостаточно выяснилъ, что она могла произойти именно съ его Ванюшинымъ.

Несмотря на эту психологическую незаконченность драмы г. Найденова, она всетаки прекрасна по своему замыслу и имѣетъ выдающіяся достоинства. Въ ея живомъ и естественномъ діалогѣ послѣдовательно раскрывается цѣлая бытовая картина, въ которой многіе увидятъ знакомыя очертанія. Ярко и выразительно рисуетъ авторъ ячейку семьи, не согрѣтой любовью, построенной на узко-эгоистическихъ вожделѣніяхъ. И то, что въ домѣ Ванюшина совершается грубо и дико, «по-купечески», зритель невольно сравниваетъ съ болѣе культурной обстановкой, гдѣ изящныя формы нерѣдко скрываютъ ту же первобытную жестокость нравовъ,—невольно дѣлаетъ онъ печальныя обобщенія и уноситъ съ собою изъ театра встревоженную мысль о старой и мучительной проблемѣ «отцовъ и дѣтей». Недаромъ московская публика очень заинтересовалась пьесой,—и для публики театра Корша она въ самомъ дѣлѣ имѣетъ особенно-воспитательное значеніе. Жаль только, что играютъ ее слабо. Г. Свѣтловъ, артистъ вообще талантливый, ведетъ роль старика Ванюшина, за исключеніемъ нѣсколь-

кихъ моментовъ, въ неправильномъ тонѣ и отъ себя ничѣмъ не помогаетъ автору въ уясненіи того загадочнаго перелома, который, какъ мы выше говорили, происходитъ въ душѣ суроваго купца. Ванюшинъ-Свѣтловъ слишкомъ дикъ въ первыхъ актахъ и слишкомъ кротокъ въ послѣднихъ. Къ тому же, г. Свѣтловъ прибѣгаетъ къ искусственнымъ вибраціямъ голоса и другимъ пріемамъ устарѣлаго лицедѣйства въ провинціальномъ вкусѣ. Большинство другихъ исполнителей тоже не на высотѣ своей задачи. Какъ испорчена, напримѣръ, безцвѣтной игрою артистокъ та глубоко-драматическая сцена на лѣстницѣ, когда остаются наединѣ сестры-соперницы и младшая, пораженная, узнаетъ, что старшей было извѣстно все, а та съ горечью произноситъ о себѣ уже приведенныя нами слова: «сѣдая стала»!

Не блещетъ тонкостью отдѣлки, но выразительна игра г. Леонидова (Константинъ); хорошо справилась со своей, правда, не трудной, ролью жены Ванюшина г-жа Блюменталь - Тамарина; недурны гг. Петровскій и Тарскій (особенно первый) въ роляхъ Щеткина и Красавина (мужья сестеръ-соперницъ). Неудовлетворительна и внѣшняя постановка пьесы: эта чрезмѣрная темнота на сценѣ въ первомъ дѣйствіи, этотъ безконечный перезвонъ и тиканье часовъ, эти детали въ уборкѣ комнатъ и реализмъ чайнаго и обѣденнаго стола съ длинными паузами собесѣдниковъ—все это неискусное подражаніе извѣстному образцу должно создавать «настроеніе», на самомъ же дѣлѣ вызываетъ у зрителей гнетущую скуку. Пьеса г. Найденова ждетъ еще своей постановки и своихъ артистовъ, и тогда въ полной силѣ отпечатлѣется она въ душѣ у зрителя.

Въ нѣдра семьи вводитъ насъ и пьеса г. Платона «Напасть» (Императорскій Новый театръ), — семьи, отравленной алкоголемъ. Драматическія ситуаціи авторъ хочетъ строить на этомъ внѣшнемъ моментѣ, и не изъ глубины душевнаго міра своихъ героевъ извлекаетъ онъ трагическія ноты,—его замыселъ иной: показать, какъ отъ вина слабѣетъ духъ и гибнетъ человѣкъ для жизни, становясь ея пассивнымъ зрителемъ, а не дѣйствующимъ лицомъ. Въ сущности это сразу отнимаетъ у произведенія г. Платона всякій психологическій интересъ и въ корнѣ подсѣкаетъ его нравоучительную пьесу. Если герои послѣдней дѣйствуютъ не по внутреннимъ побужденіямъ своей души, если не они сами виновники и зачинатели своихъ поступковъ, если они подчиняются внѣшней силѣ дурмана и становятся жертвами своихъ физіологическихъ особенностей, то драматургу здѣсь дѣлать нечего. Ибо драматурга занимаютъ трагическія возможности нормальной и самочинной души, и было бы наивно думать, что эти возможности уже исчерпаны въ театральной литературѣ и что надо спѣшить къ патологіи. Вводить въ пьесу алкоголь, какъ главную причину и пружину дѣйствій, это значитъ отказываться отъ самаго существа драматизма и замѣнять людей автоматами, слѣпыми и покорными орудіями физической силы. Всякая драма органически вытекаетъ изъ внутренняго міра ея героевъ; между тѣмъ авторъ «Напасти» обращаетъ ее въ механизмъ, и вза-

мѣнъ живого виртуоза, который мощью своего духа и дарованія свободно извлекалъ бы изъ тонкаго и послушнаго инструмента художественные звуки, г. Платонъ предлагаетъ намъ грубый музыкальный ящикъ. И вертится въ этомъ ящикѣ безжизненный и безсмысленный валъ, и приходятъ въ отчаяніе цѣнители истинной музыки... Г. Платонъ задумалъ перемѣстить въ драмѣ обычный центръ тяжести, въ средоточіе пьесы ввести нѣчто больное и ея основой сдѣлать не отравленную душу, а отравленную кровь. И одна героиня у него—эпилептичка... А даровитый писатель Алексѣй Безродный, въ котораго она влюблена, возможныя причины своего пристрастія къ винѣ усматриваетъ въ томъ, что его «родитель, сапожникъ, оправдывая извѣстную пословицу, напивался до звѣринаго образа и колотилъ беременную мать», что эта мать усиленно мочила ему, «больному, вѣчно оравшему ребенку темячко водкой»,—и обо всемъ этомъ повѣствуетъ онъ дѣвушкѣ. Она любитъ его, но онъ не считаетъ себя въ правѣ жениться, онъ не хочетъ родить больное, хотя бы и талантливое потомство, которое своимъ безуміемъ увлечетъ и заразитъ тысячи людей; онъ и ее, несчастную дочь алкоголика, убѣждаетъ отказаться отъ семейной жизни, потому что и онъ, и она—«осужденные, moriturі». Все это клиническое, тѣлесно страдающее выдается за истинный драматизмъ, и эти сочиненныя рѣчи и слѣдующіе за ними эпилептическіе выклики Вѣры должны замѣнить собою тѣ *духовныя* волненія и муки, которыя мы привыкли видѣть въ художественныхъ трагедіяхъ...

Но помимо наивнаго и анти-эстетическаго замысла, г. Платонъ впалъ и въ ту ошибку, что онъ этого замысла вовсе и не осуществилъ. На самомъ дѣлѣ, то печальное, что происходитъ въ алкоголической семьѣ Мѣдниковыхъ, внутренне и органически съ алкоголемъ не связано и могло бы случиться и съ людьми, совершенно трезвыми. Авторъ просто-на-просто влилъ въ старые мѣхи драматической формы новое и ненужное вино. Попробуйте вылить это вино (къ сожалѣнію, въ буквальномъ смыслѣ этого слова...),—и все останется по прежнему. Только одинъ внѣшній моментъ,—припадки Вѣры,—быть можетъ, въ самомъ дѣлѣ представляетъ собою больное наслѣдіе алкоголизма. Развѣ помимо алкоголя не могло совершиться паденіе Нины, обманутой Андреемъ? И развѣ Нина потомъ выходитъ замужъ за приказчика Живоложнова только потому, что она топитъ свой позоръ въ винѣ? Ей стало «все все-равно», но къ этой апатіи скорѣе должна была привести ее несчастная встрѣча съ Андреемъ, чѣмъ пьянство, которое было только результатомъ послѣдней. Развѣ братъ ея, Николай Мѣдниковъ, соблазнилъ и бросилъ дѣвушку потому, что онъ—сынъ алкоголика? И почему же въ такомъ случаѣ другія жертвы вина, Безродный и докторъ Сергѣй Ивановичъ, называютъ этого, въ сущности, мелкаго и банальнаго соблазнителя—сильнымъ? Выходитъ по г. Платону, что алкоголь рождаетъ и безсиліе, и силу... Раздоры, отъ которыхъ изнываютъ Нина и Вѣра, происходятъ и въ трезвыхъ семьяхъ—спросите объ этомъ старика Ванюшина. Слабость, въ которой упрекаютъ себя Безродный и

докторъ, ихъ неумѣнье бороться со зломъ и выражать протестъ,—эта слабость и это неумѣнье не являются специфическими послѣдствіями алкоголизма. Иначе какъ легко и просто было бы излѣчить міръ и наполнить его борцами дѣятельной любви! Надо было бы лишь выступить крестовымъ походомъ противъ вина, какъ универсальной причины всяческихъ золъ, какъ создателя человѣческой робости и малодушія... Такимъ образомъ, «напасть» вина сыграла въ судьбѣ Мѣдниковыхъ совершенно ничтожную роль.

Въ драмѣ Гауптмана «Vor Sonnenaufgang» главнымъ двигателемъ пьесы тоже является алкоголизмъ,—это и у нѣмецкаго драматурга производитъ грубое впечатлѣніе механичности; и тамъ герой отказываетъ любимой и любящей дѣвушкѣ только потому, что она имѣетъ дурную наслѣдственность и окружена порочной семьей,—и это тоже представляетъ собою нехудожественный элементъ. Но у Гауптмана алкоголизмъ внутренне связанъ съ картиной быта, передъ читателемъ и зрителемъ открываются далекіе виды жгучихъ соціальныхъ отношеній, и это до нѣкоторой степени искупаетъ недостатки драмы. У г. же Платона только въ словахъ доктора Сергѣя Ивановича промелькнулъ этотъ общественный оттѣнокъ, промелькнулъ и исчезъ, тогда какъ именно его разработка была бы, во всякомъ случаѣ, интереснѣе и глубже той семейной драмы, въ которой для автора сосредоточивается ядро пьесы. «При существующихъ условіяхъ жизни,—говоритъ докторъ,—всякая борьба безцѣльна, и одна истина: надо пить, надо поневолѣ пить, чтобы ничего не видѣть, чтобы быстрѣе мелькать и уходить. Нашъ алкоголизмъ не случайность, не налетѣвшее, какъ шквалъ, несчастіе, это печальный выводъ жизни, выводъ неотразимый и сильный, какъ смерть... Это наша русская напасть, лихая бѣда, которой не избыть». Правъ докторъ или нѣтъ, — во всякомъ случаѣ, то, что онъ говоритъ, оставлено у автора въ тѣни, не развито и не драматизировано; мы на слово должны вѣрить и доктору, и Безродному, что пить для нихъ потребность не тѣла, а души, что виномъ заглушаютъ они боль своего безсилія передъ господствующимъ зломъ, что такъ выражаютъ они свой соціальный протестъ. Впрочемъ, докторъ уже и не протестуетъ, докторъ сталъ равнодушенъ,—это Безродный пьетъ для того, чтобы «забыться, закрыть глаза души, стать внѣ жизни, внѣ человѣческаго суда»... Они все это разсказываютъ про себя, мы узнаемъ про это чисто-внѣшнимъ образомъ, а не въ естественной и неразрывной связи съ ходомъ пьесы. И увлекаясь магической силой вина, докторъ говоритъ даже, что «у насъ (пьющихъ) *вырастаютъ уши*, увеличивается зрѣніе»...

Итакъ, то цѣнное, что могъ бы г. Платонъ извлечь даже изъ своей незаконной въ драматическомъ отношеніи темы, далеко отступаетъ передъ мотивами иного порядка,—мотивами семейнаго быта. И сюда авторъ не привнесъ ничего новаго, за исключеніемъ развѣ того загадочнаго и страшнаго штриха, что Живоложновъ, который женится на Мѣдниковой, самъ—Мѣдниковъ: «только по подлости моей родной матери незаконнымъ сыномъ дѣвицы Степаниды Живоложновой считаюсь»,—говоритъ онъ; и потомъ ме-

жду нимъ и старикомъ Мѣдниковымъ, у котораго онъ проситъ руки дочери, происходитъ такой разговоръ: *Старикъ.*—Ну, а что мать ничего про себя тебѣ не сказывала? *Живоложновъ.*—Всѣхъ сказокъ не переслушаешь... *Старикъ.*—Коли правда—великъ грѣхъ. *Живоложновъ.*—Не мнѣ, а ей за него отвѣтъ давать. Да и басни все—не мое дѣло.

При всѣхъ глубокихъ недостаткахъ пьесы, несмотря на ея растянутость (первый актъ въ ней совсѣмъ не нуженъ) и рѣзкую тенденціозность, она сценична, и есть въ ней сильныя положенія и, на ряду съ персонажами банальными, интересно очерченныя лица, внѣшніе эффекты. Очень любопытенъ Живоложновъ, котораго такъ хорошо играетъ г. Падаринъ; очень выразителенъ докторъ Сергѣй Ивановичъ, котораго во второмъ актѣ такъ жизненно играетъ г. Яковлевъ II; личности Нины и Вѣры тоже задуманы недурно,—но только г-жа Нечаева играетъ первую безъ достаточной филигранности, а г-жа Селиванова, создавшая кроткій и симпатичный внѣшній образъ второй, не одолѣла всего драматизма роли: Вѣра въ ея исполненіи слишкомъ легко примиряется съ тѣмъ, что Безродный отвергаетъ ея любовь, и проходитъ она передъ зрителями безцвѣтной тѣнью. Что же касается фигуры «извѣстнаго писателя» Алексѣя Мироновича Безроднаго, «пѣвца опускающихся и опустившихся», то несомнѣнно выборъ ея сдѣланъ авторомъ не безъ стремленія къ тому, что французы называютъ actualité; но упрекать его мы не будемъ, потому что его достаточно наказалъ уже за это г. Васильевъ, сыгравшій роль Безроднаго ниже снисходительной критики...

Скукой и холодомъ вѣяло со сцены Малаго театра, когда шла на ней пьеса г. Боборыкина «Въ отвѣтѣ». Вымышленные люди говорили вымышленныя рѣчи и страдали надуманнымъ страданіемъ. Какъ-то обидно и больно, когда передъ вами рисуютъ сочиненныя коллизіи неинтересныхъ лицъ и призываютъ ваше сочувствіе къ такому горю, которое искусственно и нелѣпо,—а жизнь между тѣмъ въ безконечномъ разнообразіи и обиліи предлагаетъ столько дѣйствительнаго и рокового несчастія!... Почему эта пріемная дочь Курыдина такъ внезапно и рѣшительно полюбила своего настоящаго отца, котораго раньше она никогда и не видѣла, о существованіи котораго она и не подозрѣвала, считая себя родной дочерью своего добраго отчима? Почему этотъ родной отецъ, двадцать четыре года не видѣвшій своей дочери и нисколько не старавшійся разыскать и увидѣть ее, такъ внезапно запылалъ къ ней родительской любовью? Зачѣмъ въ сотый разъ выведены эти шаблонные чиновники и карьеристы, избитые и опошленные представители такъ называемаго monde'а? И много недоумѣній порождаетъ эта слабая и блѣдная пьеса, завязка которой основана на случайности и содержаніе которой напоминаетъ легковѣсный французскій романъ. И сколько здѣсь растянутаго, лишняго! Весь третій актъ необходимъ развѣ для того, чтобы показать роскошную обстановку салона Курыдиныхъ,—салона, который, къ слову сказать, въ пріемный день наполненъ одной мебелью, а не гостями, и принимаетъ въ свою пустоту какое-то одинокое

«его высокопревосходительство»... Правда, въ пьесѣ могъ бы быть одинъ серьезный и интересный для разработки моментъ: отецъ-художникъ узнаетъ свою дочь-художницу по ея произведеніямъ, узнаетъ свой рѣзецъ въ ея скульптурѣ, и талантъ таланту, какъ сердце сердцу, вѣсть подаетъ. Но эта тема замѣнена случайностью подслушаннаго разговора, и то, что должно было бы занять главное мѣсто, подсказываетъ автору зритель. Бѣдная дѣйствіемъ и смысломъ, написанная по трафарету, пьеса г. Боборыкина—въ высокой степени ненужная вещь. Артисты очень старались играть хорошо, кромѣ г. Правдина и г жи Никулиной: они не старались, и первый сыгралъ роль старика Курыдина отлично, а вторая сыграла роль его жены очень дурно.

Ю. А.

II. Отъ „Ребенка“ до „Коріолана“.

(Къ сорокалѣтію сценической дѣятельности Г. Н. Ѳедотовой).

Въ 1862 году на сценѣ Малаго Театра, въ пьесѣ П. Д. Боборыкина *Ребенокъ* выступила дѣвушка-подростокъ, Гликерія Николаевна Ѳедотова, ученица знаменитаго Самарина. Молоденькая дебютантка имѣла блестящій и прочный успѣхъ. Въ томъ же году она играла *Татьяну* въ сценахъ изъ Онѣгина, *Нину* въ лермонтовскомъ *Маскарадѣ* и въ пьесахъ Дьяченко (*Институтка*) и Потѣхина (*Мишура*).

Съ тѣхъ поръ, въ теченіе сорока лѣтъ Г. Н. Ѳедотова является однимъ изъ лучшихъ украшеній русской сцены. За исключеніемъ двухъ лѣтъ, съ апрѣля 1895 г. по сентябрь 1897 г.,—когда артистка играла въ разныхъ провинціальныхъ городахъ европейской Россіи и Сибири,—дѣятельность Ѳедотовой была посвящена московскому Малому Театру. Здѣсь ею было сыграно 255 ролей, — и какихъ, въ большинствѣ случаевъ, ролей! Въ 1863 году она съ торжествомъ играетъ *Катерину* въ *Грозѣ*, на слѣдующій годъ выступаетъ *Корделіей* затѣмъ *Юліей*, и *Софьей* въ *Горе отъ ума* (въ 1899 г. она играла въ этой пьесѣ *Хлестову*).

Огромное дарованіе Ѳедотовой отличается поразительною гибкостью и разнообразіемъ. Ему одинаково доступны и трагедія, и бытовая драма, и комедія, и мелодрама. Артистка часто выступала въ шекспировскихъ роляхъ. Для своего бенефиса въ 1887 году она поставила *Антонія* и *Клеопатру*. Въ 1890 г. играла леди Макбетъ. Кто видѣлъ ее въ *Укрощеніи строптивой* (сначала *Біанкою*, а потомъ *Катериною*), *Зимней сказкѣ* (*Пердитта*) и *Много шуму изъ ничего* (*Беатриче*), тотъ знаетъ, что такое шекспировская комедія.

Въ 1886 г. М. Н. Ермолова ставитъ шиллеровскую *Марію Стюартъ*. Ѳедотова выступаетъ здѣсь королевою Елизаветою. Это были поистинѣ двѣ царственныя соперницы.

А рядомъ съ тѣмъ *Фру-фру*, *Маргарита Готье*, богатѣйшій репертуаръ Островскаго, пьесы Потѣхина, Шпажинскаго, Сумбатова... Артистка

играетъ Сюзанну въ *Свадьбѣ Фигаро* и *Василису Мелентьевну* Островскаго; она чувствуетъ себя свободно и въ трагедіяхъ Кальдерона, и въ такой пьесѣ, какъ *Мѣсяцъ въ деревнѣ* Тургенева.

Таковъ размахъ таланта. А сколько вдумчиваго труда, совѣстливой заботы внесено въ изученіе пьесъ и ролей! Артистка горделиво можетъ оглянуться на пройденный путь, а мы, принося ей глубокую благодарность за возвышающее душу художественное наслажденіе, которое она такъ часто намъ доставляла,—пожелаемъ знаменитой артисткѣ долгаго славнаго служенія русскому театральному искусству.

Въ свой нынѣшній бенефисъ Г. Н. Ѳедотова дала намъ *Коріолана*, который впервые шелъ на русской сценѣ. Артистка съ силою и благородствомъ изобразила горделивую патриціанку и любящую мать. А. И. Южинъ—превосходный Коріоланъ. Трагедія поставлена А. П. Ленскимъ съ большимъ знаніемъ, талантомъ и вкусомъ. 28 февраля 1902 года—хорошій день въ исторіи русскаго театра.

В. Г.

Письма въ редакцію.

I.

(Одного изъ членовъ коломенской общественной библіотеки по поводу замѣтки г. Евг. Чирикова, помѣщенной въ ноябрьской книжкѣ журнала за 1901 г. въ отдѣлѣ «Изъ провинціальной лѣтописи»).

Въ январской книжкѣ *Русской Мысли* за 1902 г. правленіе коломенской общественной библіотеки приводитъ документальныя данныя, опровергающія три главныхъ обвиненія, взводимыя на правленіе библіотеки подполковникомъ С. Я, какъ членъ правленія той же библіотеки, нахожу весьма важнымъ въ интересахъ истины дать объясненіе и по поводу прочихъ обвиненій, направленныхъ противъ правленія, полагавшаго, что достаточно и приведенныхъ фактовъ, чтобы дать ясное представленіе о степени достовѣрности остальныхъ обвиненій. Между тѣмъ неполное представленіе о положеніи всего дѣла въ коломенской общественной библіотекѣ можетъ породить и неправильное пониманіе его.

Въ началѣ своей замѣтки г. Евг. Чириковъ пишетъ со словъ подполковника С. слѣдующее: «Два года тому назадъ въ Коломнѣ открылась общественная библіотека. Предсѣдателемъ правленія ея былъ избранъ директоръ гимназіи, а наиболѣе активными членами правленія сдѣлались—ветеринарный врачъ, санитарный врачъ и уѣздный врачъ. Вдохновителемъ дѣла оказался, однако, нѣкій отставной интендантскій чиновникъ, г. Суворовъ, сотрудникъ *Московскихъ Вѣдомостей*».

Чтобы читателю было легче оріентироваться во всемъ этомъ дѣлѣ, трудно понятномъ для лицъ, незнающихъ коломенской жизни, я постараюсь нарисовать въ краткихъ чертахъ исторію возникновенія и организаціи коломенской общественной библіотеки имени покойнаго писателя Ивана Ивановича Лажечникова, уроженца г. Коломны. До 1899 года въ г. Коломнѣ не было, доступной для всей публики, библіотеки. Мысль создать библіотеку и притомъ библіотеку на началахъ общественности возникла какъ разъ въ кружкѣ той самой интеллигенціи, на которую такъ не-

годуетъ подполковникъ С. Не мало пришлось этому кружку вынести на себѣ тяжелой во всѣхъ отношеніяхъ борьбы и работы по выработкѣ устава, полученію разрѣшенія его, по сбору пожертвованій книгами и деньгами. Читатель легко пойметъ, какъ это было трудно сдѣлать небольшому кружку лицъ изъ 10—12 человѣкъ, если принять во вниманіе, что въ теченіе полугода буквально изъ ничего къ 4-му апрѣля 1899 г. удалось открыть библіотеку съ 3,000 томовъ, которыхъ на 1-е января 1902 г. было уже 7,000; кромѣ того въ настоящее время выходитъ систематически составленный каталогъ библіотеки, въ который входятъ и всѣ журнальныя статьи, помѣщенныя въ имѣющихся въ библіотекѣ періодическихъ изданіяхъ. Несправедливо поэтому увѣреніе, что активными членами правленія были только три помянутыхъ врача. Я укажу на незамѣнимую, хотя и не бросающуюся сразу въ глаза, дѣятельность при организаціи библіотеки кн. П. М. Кантакузина, Е. Ф. Виссъ, М. Ф. Рыбакова, Г. М. и В. Г. Левиныхъ и многихъ другихъ лицъ. Ихъ участіе въ трудахъ по созданію библіотеки хорошо знаетъ все коломенское общество и забываетъ объ ихъ дѣятельности только лишь подполковникъ С. Дѣятельность же ихъ заключалась въ томъ, что они собирали отовсюду, кромѣ денегъ и книгъ, также всевозможные уставы и отчеты библіотекъ; причемъ при выработкѣ устава и внутреннихъ распорядковъ библіотеки руководительствовались указаніями и опытомъ такихъ библіотекъ, какъ Херсонская, Харьковская, Московская библіотека «Образованіе» и др.; привлекали къ участію въ работѣ всякое живое лицо, которое бы только могло чѣмъ-либо быть полезнымъ при устройствѣ и первоначальной организаціи библіотечнаго дѣла. Наконецъ, 4-го апрѣля 1899 г. библіотека была открыта и сразу же завоевала симпатіи публики, въ чемъ всякій можетъ удостовѣриться изъ печатныхъ отчетовъ библіотеки. Но, какъ и всегда почти бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, и здѣсь оказались нѣкоторыя лица, недовольныя дѣйствіями учредителей. Эти лица сейчасъ же и выступили въ роли мѣстныхъ цензоровъ. Подобныхъ досужихъ критиковъ обыкновенно никогда не видно при началѣ дѣла, когда является невидная черновая работа; они появляются, когда дѣло уже налажено, а остается только изречь свой судъ. Эти господа буквально осаждали правленіе словесными и письменными поученіями и нравоученіями, требуя немедленнаго исполненія своихъ предначертаній. Въ этомъ не трудно убѣдиться,—стоитъ только раскрыть книгу претензій коломенской библіотеки. Когда же съ ними не соглашались, доказывая имъ, что правленіе спрашивало о томъ, какъ надо поставить дѣло, у людей, имѣющихъ многолѣтній опытъ по веденію библіотекъ, то они обижались и угрожали правленію отомстить и даже, какъ, напримѣръ, подполковникъ С., грозили пригвоздить правленіе къ позорному столбу, что г. С. почти и удалось. Говорю «почти», потому что разъясненіе правленія, помѣщенное въ январской книжкѣ *Русской Мысли*, основной гвоздь обвиненій уже вынуло изъ позорнаго столба.

Далѣе подполковникъ С. говоритъ: «Интересы библіотеки остались въ сторонѣ, а мѣста ихъ заняла интрига правленія противъ меня». Не слишкомъ ли преувеличеннаго г. С. о себѣ мнѣнія? Чѣмъ правленіе занималось и занимается, это видно изъ печатныхъ отчетовъ библіотеки; а что касается до интриги со стороны правленія противъ г. С.. то и тутъ было совершенно иначе. Правленіе библіотеки въ теченіе двухъ лѣтъ ея существованія буквально было завалено грудами пространныхъ письменныхъ претензій и жалобъ подполковника С., такъ что въ каждое засѣданіе у правленія на разсмотрѣніе этихъ жалобъ уходило часа 3—4 и не оставалось уже времени обсуждать болѣе серьезныя и неотложныя дѣла по библіотекѣ; поэтому правленію пришлось выдѣлить изъ своей среды особую коммиссію изъ 3-хъ лицъ, — спеціально для разсмотрѣнія претензій подполковника С.

Что же касается того, кто былъ вдохновителемъ дѣла и насколько могло отразиться на библіотекѣ сотрудничество г. Суворова въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ*, видно изъ того, что полковникъ Суворовъ въ составъ правленія попалъ лишь черезъ годъ послѣ открытія библіотеки. Участіе же его въ дѣлахъ библіотеки никогда не носило характера давленія. Это былъ человѣкъ, искренно желавшій помочь библіотекѣ своими знаніями и начитанностью; причемъ онъ сдѣлалъ очень цѣнный книжный вкладъ въ библіотеку. Г. полковникъ Суворовъ около года, какъ скончался и потому вдвойнѣ неумѣстно было тревожить его прахъ и поминать его, въ качествѣ сотрудника *Московскихъ Вѣдомостей*, въ числѣ членовъ правленія библіотеки, судившихъ Максима Горькаго. Кстати объ этомъ остроумномъ эпизодѣ, подхваченномъ и перепечатанномъ за это остроуміе нѣкоторыми провинціальными газетами. Въ дѣйствительности дѣло происходило такъ. Минувшей осенью на одномъ изъ засѣданій правленія библіотеки однимъ изъ членовъ его было заявлено *), что двухъ, существующихъ въ библіотекѣ, экземпляровъ соч. М. Горькаго недостаточно, всѣ книжки бываютъ постоянно разобраны, а потому необходимо пріобрѣсти 3-й экземпляръ его сочиненій. Правленіе единогласно согласилось съ этимъ предложеніемъ, о чемъ значится въ журналѣ правленія библіотеки. Послѣ этого въ частной бесѣдѣ одинъ изъ членовъ правленія высказалъ такое мнѣніе: «Я не люблю соч. М. Горькаго и потому не нахожу необходимымъ пріобрѣтать лишній экземпляръ его сочиненій предпочтительно передъ другими, имѣющимися въ библіотекѣ, въ особенности классическими авторами». Пусть это будетъ даже ошибочное мнѣніе. Но, читатель, неужели мы дожили до того, что ужъ нельзя высказать своего мнѣнія, если оно не согласно съ мнѣніемъ большинства, и нужно сейчасъ же глумиться надъ человѣкомъ?!

*) Подобныя обсужденія о выпискѣ новыхъ книгъ дѣлаются правленіемъ всегда, такъ какъ библіотека крайне ограничена въ средствахъ и до 1902 г. ежегодно бюджетъ ея поддерживается уѣзднымъ земствомъ (300 р.) и городской думой (300 р.); но дума въ осеннемъ смѣтномъ засѣданіи своемъ на этотъ разъ отказала библіотекѣ въ своей ежегодной субсидіи въ 300 р. на предстоящій 1902 годъ.

Затѣмъ г. С. говоритъ: «На собраніи я былъ избранъ въ ревизіонную коммиссію, но правленіе исключило меня изъ этой коммиссіи». Между тѣмъ дѣло было такъ: 8 марта 1900 г. на общемъ собраніи членовъ библіотеки, согласно предложенію правленія, надо было избрать 3-хъ членовъ ревизіонной коммиссіи. Изъ числа предложенныхъ на баллотировку кандидатовъ, одинъ отсутствовалъ на собраніи. Предложено было баллотироваться другимъ лицамъ на случай, если бы отсутствующій членъ библіотеки, будучи избранъ въ члены ревизіонной коммиссіи, отказался отъ этой должности. Поэтому баллотировали 4-хъ лицъ. Въ журналѣ общаго собранія 8-го марта 1900 г. значится: «Въ члены ревизіонной коммиссіи оказались избранными: И. И. Киселевскій, Н. І. Клементьевъ, И. А. Бодалевъ, а въ кандидаты къ нимъ г. С. Отсутствующій членъ не отказался быть членомъ ревизіонной коммиссіи и потому въ привлеченіи къ трудамъ коммиссіи 4-го избраннаго члена не встрѣтилось надобности. Такимъ образомъ, въ чемъ же г. С. видитъ выключеніе его правленіемъ изъ состава ревизіонной коммиссіи?!

Прочія обвиненія подполковника С., какъ-то: умышленное задержаніе правленіемъ разсылки пригласительныхъ повѣстокъ нежелательнымъ для правленія членамъ библіотеки, угрозы со стороны правленія жандармами, стѣсненіе свободы слова до крайности и прочее, невѣрны, и я затрудняюсь объяснить чѣмъ-либо инымъ, какъ болѣзненно настроеннымъ воображеніемъ подполковника С. Полагаю, что довольно и приведенныхъ фактовъ. Я думаю, теперь понятнѣе станетъ читателю, насколько справедливо говоритъ г. Евг. Чириковъ со словъ подполковника С., что послѣдній, «утомясь продолжительной и безплодной борьбой съ личнымъ усмотрѣніемъ (это при коллегіи-то изъ 12 членовъ правленія и ясно выраженномъ мнѣніи общихъ собраній—см. отвѣтъ правленія), понялъ, что въ Коломнѣ онъ—одинъ въ полѣ воинъ,—сложилъ оружіе и сталъ апелировать ко всему интеллигентному русскому обществу». Изъ отвѣта правленія и настоящей замѣтки ясно видно, на что̀, главнымъ образомъ, была направлена дѣятельность подполковника С. и на что̀—правленія библіотеки.

Что же касается до «луча свѣта, тонкой ниточкой врывающагося въ темноту» г. Коломны, «семи шкуръ», «волшебнаго фонаря», «гномовъ», «карловъ», «злыхъ волшебницъ» и «храбрыхъ рыцарей», то, полагаю, говорить что-либо обо всемъ этомъ—лишнее, и мы не считаемъ себя въ правѣ отвѣчать подобнымъ же образомъ. Скажемъ только, что нельзя считать безнадежнымъ и ужъ вовсе темнымъ то общество, въ средѣ котораго могла создаться библіотека на началахъ общественности, исключительно усиліями этого самаго темнаго коломенскаго общества.

Членъ правленія коломенской общественной библіотеки

А. Хабаровъ.

II.

Въ декабрьскомъ номерѣ истекшаго 1901 г. издаваемаго вами журнала въ отдѣлѣ «Внутренняго обозрѣнія» помѣщено сообщеніе, почерпнутое изъ газеты *Приднѣпровскій Край* (№№ 1380, отъ 24-го ноября 1901 г.) о порядкахъ въ учебномъ заведеніи г-жи А.

Совершенно раздѣляя негодованіе г. хроникера по поводу фактовъ, изложенныхъ въ упомянутой газетѣ, я считаю необходимымъ сообщить вамъ, что факты, на которыхъ г. хроникеръ основываетъ свое обвиненіе, совершенно искажены и что при составленіи хроники провинціальной жизни упущенъ изъ вида отвѣтъ г-жи Ахшарумовой на возведенное на нее обвиненіе, помѣщенный въ той же газетѣ (*Приднѣпровскій Край*, № 1394, отъ 8-го декабря 1901 г.).

Обращаюсь къ вамъ, господинъ редакторъ, съ покорнѣйшей просьбой не отказать въ ближайшемъ номерѣ вашего журнала возстановить истину на основаніи моего отвѣта и прилагаемаго № *Полтавскихъ Губернскихъ Вѣдомостей*, въ которомъ помѣщено письмо въ редакцію, поступившее отъ родителей, воспитывающихся у меня дѣтей, что, какъ мнѣніе лицъ, не заинтересованныхъ непосредственно, должно представлять вѣскій аргументъ для выясненія правды.

В. Ахшарумова.

Въ одномъ изъ послѣднихъ номеровъ *Приднѣпровскаго Края* (№ 1380) напечатано письмо г-жи Шатуновской, въ которомъ она, со словъ своей дочери, сообщаетъ объ эпизодѣ, происшедшемъ въ частной женской прогимназіи г-жи Ахшарумовой, въ г. Полтавѣ, и съ глубокимъ негодованіемъ приводитъ цѣлый рядъ поступковъ г-жи Ахшарумовой, указывающихъ, будто бы, на юдофобство послѣдней и на систематическія гоненія, воздвигаемыя г-жей Ахшарумовой противъ своихъ ученицъ-евреекъ.

Видя, что въ *Одесскихъ Новостяхъ* и *Приднѣпровскомъ Краѣ* упомянутое письмо г-жи Шатуновской послужило матеріаломъ для глумленія гг. фельетонистовъ, мы, родители ученицъ г-жи Ахшарумовой, сочли себя нравственно обязанными выступить на защиту начальницы учебнаго заведенія, къ которому мы относимся съ глубокимъ уваженіемъ и репутаціей котораго дорожимъ.

Мы считаемъ своимъ долгомъ заявить, что отношеніе г. Ахшарумовой къ ученицамъ всегда отличалось въ высокой степени заботливостью, вниманіемъ и справедливостью и не подавало ни малѣйшаго повода къ обвиненію ея въ юдофобствѣ. Ея заботы о чистоплотности ученицъ, заботы весьма почтенныя, распространялись одинаково какъ на русскихъ, такъ и на евреевъ и заслуживаютъ не издѣвательства, а признательности. Что говорила г. Ахшарумова ученицамъ, вызваннымъ въ отдѣльный классъ, мы не знаемъ, точно такъ же, какъ не знаемъ, что говорила г. Шатуновская г-жѣ Ахшарумовой; во всякомъ случаѣ, со словъ нашихъ дѣтей (а между нами есть какъ русскіе, такъ и евреи), мы знаемъ, что никакого глумленія надъ евреями, никакого поддразниванія („ой, вей миръ“),— о чемъ сообщаетъ г. Шатуновская,—г. Ахшарумова себѣ не позволяла.

И если бы,— говоря словами г. фельетониста,— „безсмертныя тѣни Руссо, Песталоцци, Фребеля, Дистервега и другихъ гуманныхъ воспитателей человѣчества пронеслись надъ нашими учебными заведеніями“, то не ужаснуться пришлось бы

имъ,—какъ думаетъ г. фельетонистъ *Приднѣпровскаго Края*,—какъ грубо попираются въ училищѣ г. Ахшарумовой ихъ великіе завѣты, а признать, что это училище по мѣрѣ силъ стремится слѣдовать именно этимъ завѣтамъ. Мы же, родители, обязаны придти на помощь этимъ стремленіямъ и облегчить эту тяжелую воспитательную работу, а не подвергать ее ни на чемъ не основанному поруганію. Нельзя же считать достаточнымъ основаніемъ для этого письмо г. Шатуновской, считавшей себя обиженной и поэтому не вполнѣ безпристрастной въ этомъ дѣлѣ.

Надѣемся, что *Одесскія Новости* сочтутъ своею нравственною обязанностью перепечатать настоящее письмо.

Штрахштейнъ, Злата Дубинская, Кантаровичъ, Анна Розенфельдъ, Д. Чикаленко, М. Имшенецкая, М. Горбачевская, А. Стеблинъ-Каменская, Д. Бѣленицкая, Р. Левинъ, Х. Слонимская, Д. Дунъ, Б. Мунихесъ, М. Крохмальникова, М. Бровко, А. Лесовицкая, К. Заткаликъ, А. Морозъ.

Въ статьѣ *В. В. Каллаша*, „Н. В. Гоголь и его письма“ вкралась слѣдующая опечатка:

стр.	*строка*	*напечатано*	*надо читать*
103	4 снизу	закоснѣлъ	захирѣлъ

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ

ЖУРНАЛА

„РУССКАЯ МЫСЛЬ“.

Февраль 1902 года.

Содержаніе. I. **Книги:** Беллетристика.—Философія и психологія.—Исторія, исторія литературы, мемуары.—Политическая экономія.—Этнографія, географія.—Книги для дѣтей, учебники.—Книги для народа.

БЕЛЛЕТРИСТИКА.

Гёте. „Фаустъ“. Часть I. Переводъ кн. Д. Н. Цертелева.—*Кн. Д. Н. Цертелевъ.* „Стихотворенія“.—*Г. А. Галина.* „Стихотворенія“.—*Ѳеодосій Савиновъ.* „Стихотворенія“.—*А. В. Круловъ.* „Домна-ректорша“. Повѣсть.

Гете. Фаустъ, часть первая. Перев. кн. Д. Н. Цертелева. М. 1899 г. Ц. 1 р. Наше общее сужденіе о переводѣ кн. Цертелева можетъ быть выражено въ немногихъ словахъ: очень большое трудолюбіе, очень мало поэтическаго дарованія и ни тѣни, ни одной іоты конгеніальности съ переводимымъ произведеніемъ. Многіе отдѣльные стихи вполнѣ удались переводчику, есть даже цѣлыя сцены, переведенныя недурно; но все въ цѣломъ и каждая страница въ отдѣльности до того вялы и блѣдны, что не узнаешь Гёте. И прежде всего, здѣсь сказался основной недостатокъ кн. Цертелева, какъ поэта: совершенное отсутствіе внутренняго слуха, чутья къ ритму. Онъ только въ рѣдкихъ случаяхъ (во вставныхъ пѣсняхъ, изрѣдка въ текстѣ) придерживается размѣровъ подлинника, и за это его нельзя обвинять; но, мѣняя размѣръ, онъ въ большинствѣ случаевъ избираетъ изъ всѣхъ возможныхъ именно тотъ, который наименѣе соотвѣтствуетъ данному мѣсту. И все это—размѣры тягучіе, скучные,—стихи, лишенные всякой цезуры, десятками кряду риѳмующія на женскія или, напротивъ, на мужскія риѳмы, вродѣ слѣдующихъ:

Домой пора; здѣсь сыро, холодно!
Домой влечетъ, когда наступитъ мракъ.
Но чѣмъ ты удивленъ? Куда ты смотришь такъ?
Тамъ ничего не видно, все кругомъ темно.

Какъ, вы все здѣсь еще? Нѣтъ, это слишкомъ смѣло!
Исчезните скорѣй! На все есть объясненье,
Но эта сволочь правилъ знать не захотѣла!
Премудры мы, а все же бродятъ привидѣнья.

И эти дубовыя вирши должны замѣнить русскому читателю чудный гётевскій стихъ, простой, какъ обыденная фраза, и въ то же время льющійся струей расплавленнаго золота! Съ тяжкими усиліями втискивая мысль подлинника въ свою неуклюжую форму, переводчикъ при этомъ не разъ причиняетъ серьезныя поврежденія русскому языку; вотъ изъ тысячи пара образчиковъ: „Ужель еще не можешь ты понять, *Что* сердце такъ сжимается отъ боли, *Что* тяжело становится дышать“, „Когда... Лишь въ праздникъ видишь міръ передъ собой, *Какъ* въ телескопъ далекія видѣнья, *Какъ* править имъ посредствомъ убѣжденья?“ „Увы, зачѣмъ ключу изсякнуть надо. И жажды снова намъ вернуть страданья?“, „Такъ вотъ гдѣ было пуделя зерно!“ (Das also war des Pudels Kern! или, какъ правильно перевелъ Холодковскій: „Такъ вотъ кто въ пуделѣ сидѣлъ!)“ „Ужель ихъ примѣромъ и ты соблазняемъ?“ (Фаустъ пуделю). Однако, еще чаще страдаетъ при этомъ смыслъ текста. Наприм.:

Alles will sie (die Sonne) mit Farben beleben;	Природа красками готова оживиться,
Doch an Blumen fehlt's an Revier,	Земля не убралась еще цвѣтами,
Sie nimmt geputzte Menschen dafür.	Нарядами ихъ замѣняютъ люди сами (!)

Стихи 171, 640, 658, 3171, 3203, 3595 и множество другихъ либо выдуманы, либо искажаютъ текстъ; стиховъ, способныхъ возбудить смѣхъ и въ меланхоликѣ, можно было бы привести не одинъ десятокъ; недурны, напримѣръ, слова Валентина:

Теперь!—Любого подлеца
Не оборву уже нигдѣ я,
Какъ обанкротившись отъ каждаго словца,
Придется мнѣ краснѣть, потѣя.

Недостатокъ мѣста заставляетъ насъ ограничиться этими немногими примѣрами; но, какъ образецъ искаженія, мы приведемъ еще нѣсколько строкъ изъ 1-й страницы—изъ знаменитаго „Посвященія“: Ihr naht euch wieder, schwankende Gestalten. Какъ извѣстно, Гёте еще въ юности началъ работать надъ „Фаустомъ“, потомъ надолго забросилъ его; объ этомъ именно онъ и говоритъ въ первой строфѣ „Посвященія“: поэтъ снова чувствуетъ приближеніе знакомыхъ видѣній и *сначала колеблется—отдаться ли имъ?* Вотъ какъ исказилъ кн. Цертелевъ послѣднюю мысль (en regard—совершенно точный переводъ Холодковскаго) и вотъ въ какихъ „стихахъ“:

Цертелевъ.	*Холодковскій.*
Вы снова здѣсь, неясныя видѣнья,	Опять вы, образы туманные, со мною—
Встаете вы знакомою толпой,	Встававшіе давно предъ взоромъ молодымъ!
Опять во мнѣ безумное стремленье	Увлечься ли опять отважною мечтою,
Остановитъ волшебный этотъ рой.	Отдаться-ль вновь душой тѣмъ грезамъ золотымъ?
Тѣснитесь вы, какъ дымъ отъ дуновенья	Такъ, вамъ я отдаюсь! Знакомой вы толпою
Колеблясь; что-жъ? вставайте предо мной:	Возстали, облакомъ объятые густымъ.
Попрежнему не чуя годовъ гнета,	Какъ въ юности, опять мнѣ что-то грудь волнуетъ.
Трепещетъ грудь отъ вашего полета.	Душа волшебное дыханье ваше чуетъ.

Кн. Д. Н. Цертелевъ. Стихотворенія (1883—1901 г.) Спб., 1902 г. Ц. 1 р. Безнадежнымъ унынiемъ и скукой тусклаго осенняго дня вѣетъ отъ этого объемистаго сборника стиховъ. Какъ степь глубокой осенью, поэзія кн. Цертелева лишена всякихъ живыхъ, яркихъ красокъ: откуда и взяться цвѣтамъ, когда надъ этой степью ни разу не всходило солнце вдохновенія? Все здѣсь такъ блѣдно, безсильно, анемично; ни одного отъ сердца къ сердцу идущаго звука, ни одной свѣжей, самобытной мысли, и оттого ни одного стиха, который хотя бы на минуту остановилъ ваше вниманіе и врѣзался бы въ память. Въ сущности все это—проза, и часто хуже прозы, потому что вычурно. Пластики образовъ нѣтъ и въ поминѣ, какъ можно видѣть хотя бы изъ слѣдующаго образчика:

Небо безоблачно; солнце, пылая,
Камни кладби́ща палитъ,
А между ними, въ крови, умирая,
Васавадата лежитъ.

Стройныя пальмы на груды каменій
И раскаленныхъ песковъ
Тамъ не бросаютъ прохлады и тѣни,
Нѣтъ ни травы, ни цвѣтовъ (!),

Все недвижимо въ пустынѣ безплодной;
Кла́дбища мертвенный сонъ
Будитъ лишь карканье стаи голодной
Да умирающій стонъ.

Конечно, все это поэтъ не *видитъ*, а сочиняетъ, и сочиняетъ крайне топорно; стихъ вялъ и скученъ; „пылая—палитъ“, „каменій“, „кладби́ща—кла́дбища“, „тамъ“, „все“, ударенія на „и“ и на „да“, все это даже совсѣмъ плохо. Столь же безжизненно и лишено пластичности у кн. Цертелева и выраженіе „чувствъ и думъ“; онъ и не подозрѣваетъ, что всякому настроенію или чувству присущъ особый, ему одному свойственный внутренній ритмъ, и что онъ подписываетъ смертный приговоръ своей лирикѣ, облекая два діаметрально-противоположныя чувства въ одинъ и тотъ же невыносимо-тягучій размѣръ, какъ въ слѣдующихъ двухъ стихотвореніяхъ, напечатанныхъ рядомъ:

Довольно, усталъ я носить эту маску!
Къ чему намъ таить и скрывать
Что̀ вырваться хочетъ въ горячую ласку?
Пора намъ другъ друга понять!

Ты помнишь ли утро,—мы ѣхали рядомъ,
Невесело лошади шли,
Молчали мы оба и пристальнымъ взглядомъ
Чего-то искали вдали?

Кромѣ лирики, кн. Цертелевъ подвизается и въ области эпоса: въ этомъ томѣ напечатано нѣсколько поэмъ, которыя столь же прѣсны и безцвѣтны; до жалости досадно, когда прелестную легенду о первомъ жертвоприношеніи Будды (при вступленіи юноши въ храмъ каменные боги встаютъ со своихъ сѣдалищъ) встрѣчаешь одѣтою въ такія вирши:

И замерла толпа безмолвно на порогѣ,
И ждетъ, чтобъ царь колѣни преклонилъ свои;
Но онъ вошелъ—и встали мраморные боги
Предъ тѣмъ, кто міру несъ ученіе любви.

Г. А. Галина. Стихотворенія. Спб., 1902 г. Ц. 1 р. Въ этихъ стихахъ, несомнѣнно, чувствуется дыханіе поэзіи, той грустной и слабой поэзіи, какою бываетъ полна душа кроткой, хорошей дѣвушки, безрадостно влачащей жизнь гдѣ-нибудь въ провинціальной глуши. Тихая грусть, жалоба на судьбу, немногія свѣтлыя воспоминанія о неудавшей-

ся любви, изрѣдка слабое, минутное одушевленіе и романтическая симпатія съ бѣдной природой сѣвера—таковы любимые сюжеты г-жи Галиной. Лѣтъ 40—50 назадъ, во времена Жадовской и Хвощинской, эти стихи нашли бы, вѣроятно, обширный кругъ читателей; но и теперь лучшія изъ стихотвореній г-жи Галиной (какъ „Любовь“, „Мимоза„, „Я смѣюсь оттого“ и др.), безъ сомнѣнія, еще найдутъ себѣ благодарныхъ читательницъ, которыя узнаютъ въ ея стихѣ выраженіе своихъ собственныхъ чувствъ,—„и чье-нибудь онъ сердце тронетъ“. Къ сожалѣнію, г-жа Галина не ограничивается этой узкой, но единственно посильной ей сферою: она пишетъ и „идейныя“ стихотворенія, которыя почти всѣ неудачны. Большей частью не удаются ей и попытки украсить свой стихъ образами: „морозъ прикоснулся къ мечтамъ охладѣвшимъ дыханьемъ разсудка“, стихъ ея „порхаетъ мотылькомъ по розамъ счастья“, она не желаетъ „кадить жрецамъ ѳиміамомъ вдохновенья“, смерть идетъ „холодною“ стопою и проч. Стихъ г-жи Галиной, конечно, не отличается силою, риѳма—избитая, изъ тѣхъ, что̀ разумѣются сами собою. Сборнику придаетъ большую монотонность однообразіе размѣра: добрыя три четверти стихотвореній написаны строфою, гдѣ оба внутреннихъ стиха риѳмуютъ другъ съ другомъ, а четвертый—съ первымъ.

Ѳеодосій Савиновъ. Стихотворенія. 2-е изданіе. Ц. 1 р. 25 к.

Сложное чувство овладѣло нами при одномъ видѣ этой книжки, оно росло и увеличивалось, пока мы прочитывали всего *пять* страницъ, затѣмъ стало падать, затѣмъ прошло, какъ и „все проходитъ“.

Это чувство представляло собою смѣсь: недоумѣнія, удивленія, умиленія, любопытства, ожиданія. Оно появлялось какъ-то сразу и частями по мѣрѣ чтенія все тѣхъ же пяти страницъ. Какое значеніе иногда могутъ имѣть *пять страницъ!*

Недоумѣніе овладѣло нами при первомъ взглядѣ на обложку. Розовая бумага, кричащій амуръ, лира, женщина въ какомъ-то очень древнемъ платьѣ и внизу подпись: „О. Ренаръ“,—видимо это не шутка. Въ общемъ рисункѣ даже съ какимъ-то настроеніемъ и не противенъ.

Недоумѣніе возросло еще болѣе и перешло въ *удивленіе*, когда мы отвернули обложку и на заглавномъ титулѣ прочитали: „2-е дополненное изданіе“. Что бы это могло значить—2-е изданіе?... И мы сдѣлали себѣ рѣзкій упрекъ за незнаніе, даже полное незнакомство съ первымъ изданіемъ стиховъ г-на Ѳеодосія Савинова. 2-е изданіе проходитъ мимо публики незамѣтно, безъ шума! Мы почувствовали себя *заинтересованными* и перевернули страницу. Первое стихотвореніе... нѣтъ—по срединѣ страницы написано просто: „Дорогой мамѣ“ и больше ничего. Здѣсь мы почувствовали въ сердцѣ своемъ *умиленіе*. Наконецъ, первое стихотвореніе: „*Crede!*“ Понятенъ интересъ къ стихотворенію съ такимъ заглавіемъ, когда личность автора уже по обложкѣ, титулу и чистой страницѣ стала для читателя уже нѣсколько вырисовываться. Прочитываемъ—нѣкоторое разочарованіе... Это „*crede*“ можно назвать самое большее *увѣщаніемъ* какого-то ничтожнаго, вялаго и никому не интереснаго друга. Но „вѣры“ здѣсь нѣтъ и въ поминѣ. Желаніе снисходительно отнестись къ автору заставило насъ перевернуть еще страницу. Но одна изъ нихъ (по нумераціи 2-я) оказалась совсѣмъ чистой, на 3 и 4 стихотвореніе „Гусляру“—непонятно... на 5—стихотвореніе „Благослови (моей дорогой мамѣ)“. Два посвященія сначала себѣ самому, затѣмъ матери, себѣ какъ гусляру, въ своей книжкѣ самимъ собою...

Какова же можетъ быть оцѣнка этого гуслярства?

Опять увѣщанія и подговариванія на добрыя дѣла, съ полнымъ со-

знаніемъ своего безсилія и ненужности. А мы думали, что передъ нами герой!

Съ 6 страницы идетъ рѣдкій по своей постоянности и выдержанности перепѣвъ этихъ „безсильныхъ словъ“, вялыхъ и тусклыхъ. Мы давно уже не встрѣчали такого безцвѣтнаго и жалкаго нытья. Авторъ сначала поощряетъ себя и подбадриваетъ тѣмъ, что онъ знакомъ съ „вдохновеніемъ“ и „муками творчества“, но потомъ въ стихахъ махнулъ на все руками, начинаетъ выпрашивать для себя поддержки на своемъ жизненномъ пути у матери, друга, у ночи, деревни, братьевъ и особенно у „ней“ (стр. 9, 10, 21 и т. д.). Въ другихъ стихотвореніяхъ онъ все неустанно мечтаетъ о погибшемъ счастьѣ и несбывшихся надеждахъ (стр. 48, 50, 42, 44, 47, 22, 146, 147 и т. д.), постоянно сомнѣвается, сожалѣетъ, скорбитъ и наводитъ такое отчаянное уныніе и скуку на читателя, что становится душно и противно...

Стихъ гладкій, но безцвѣтный, избитыя риѳмы повторяются даже въ одномъ и томъ же стихотвореніи (возьмите хотя бы *„Crede!“* первое стихотвореніе — строки 2 и 4—бури-лазури; строки 13 и 15—бури и лазури).

Но попадаются у г. Савинова и вычурныя стихотворенія (наприм., *Передъ толпой*)—эта старая манера дурного тона. Поэтъ, въ данномъ случаѣ г. Савиновъ, будто бы всему міру

...говорилъ про силу идеала,
Я звалъ на подвиги людей,

вообще дѣлалъ прекрасныя вещи смѣло и благородно, а его не поняли. Слышалъ онъ даже *„злорадный смѣхъ“* въ отвѣтъ на высокіе призывы и даже, говоритъ онъ,

Безумный крикъ озлобленныхъ проклятій
Мнѣ уши раздражалъ...

Но кто же этому повѣритъ! Гдѣ онъ призывалъ и кто его проклиналъ? Смѣшно и обидно читать такіе нелѣпые стихи среди пустыни нытья.

Остается вопросъ: чѣмъ объяснить появленіе подобной книжки стиховъ (а такихъ „книжекъ стиховъ“ много, почему мы и остановились болѣе, чѣмъ слѣдуетъ, надъ книжкой г. Савинова). Чѣмъ? Развѣ—„признакомъ времени“. Но чѣмъ объяснить 2-е изданіе?—Это необъяснимо.

А. В. Кругловъ. Домна-ректорша. Повѣсть. Изданіе В. С. Спиридонова. Москва, 1901 г. Ц. 50 к. Просто и тепло описывается здѣсь бытъ семинаристовъ, живущихъ въ губернскомъ городѣ на ученической частной квартирѣ Домны Никитишны. Эта послѣдняя своимъ истинно материнскимъ и вполнѣ безкорыстнымъ отношеніемъ къ дѣтямъ заслужила всеобщую любовь и уваженіе въ духовномъ сословіи. Родители дѣтей цѣнили въ ней также и ея необыкновенную доброту: она никогда не отказывала въ пріемѣ къ себѣ дѣтей-сиротъ и бѣдняковъ, которымъ не подъ силу было платить за свое содержаніе. Слѣдя за нравственнымъ и физическимъ благополучіемъ своихъ воспитанниковъ, Домна нерѣдко являлась ходатаемъ за нихъ передъ семинарскимъ начальствомъ, въ случаяхъ, когда мальчикамъ угрожала какая-нибудь опасность отъ чрезмѣрно-строгой взыскательности педагоговъ. Построенныя на основахъ искренней и сердечной любви къ дѣтямъ, взаимныя отношенія послѣднихъ и Домны, прозванной „ректоршей“, выливались въ простыя и симпатичныя формы. Въ повѣсти есть не мало трогатель-

ныхъ сценъ изъ этой области, описанныхъ правдиво и располагающихъ читателя къ этой простой женщинѣ и ея „бурсѣ“. И мы готовы были бы съ удовольствіемъ рекомендовать эту книжку и дѣтямъ старшаго возраста. Но сдѣлать это, однако, можно только съ нѣкоторой оговоркой, въ виду того, что г. Кругловъ, вѣрный описываемой имъ бытовой дѣйствительности, касается, между прочимъ, и амурныхъ вопросовъ.

Это нисколько не портитъ самаго разсказа, дѣлая его болѣе цѣльнымъ; но было бы нежелательно, чтобы эта область житейскихъ отношеній сдѣлалась достояніемъ слишкомъ юныхъ читателей. Послѣднимъ же эта книжка можетъ попасть въ руки по недоразумѣнію въ числѣ многихъ другихъ собственно дѣтскихъ произведеній того же автора.

ФИЛОСОФІЯ, ПСИХОЛОГІЯ.

Артуръ Шопенгауэръ. „Міръ какъ воля и представленіе“. Популярное изложеніе П. М. Голикова. — *Фридрихъ Ницше.* „Веселая наука“. Пер. съ нѣм. А. Н. Ачкасова.—*Уильямъ Джемсъ.* „Бесѣды съ учителями о психологіи“. Пер. съ англ. Алекс. Громбаха.—*Уильямъ Джемсъ.* „Психологія въ бесѣдахъ съ учителями“. Перев. съ англ. В. Н. Ивановскаго. — *Джемсъ Марк Бальдвинъ.* „Введеніе въ психологію“. (Общій обзоръ науки о душѣ). Перев. подъ ред. Н. И. Спиридонова.

Артуръ Шопенгауэръ. Міръ какъ воля и представленіе. Популярное изложеніе В. М. Голикова. Спб., 1902 г. Цѣна 60 коп. Самъ Шопенгауэръ ревностно заботился о томъ, чтобы его мысли были изложены понятно, и литературная слава великаго художника-философа показываетъ, что это стремленіе увѣнчалось блестящимъ успѣхомъ. Вотъ почему популяризація Шопенгауэра является довольно излишнимъ дѣломъ, и работа г. Голикова едва ли вызвана какою-нибудь серьезной потребностью читателей. Но сама по себѣ она произведена недурно, написана хорошимъ языкомъ и правильно намѣчаетъ основныя идеи Шопенгауэра. Замѣтно только, что авторъ—дилеттантъ въ философіи и болѣе интересуется прикладными вопросами отвлеченія, чѣмъ самой сущностью философской спекуляціи. Особенно это сказывается въ его предисловіи, гдѣ иныя обобщенія и сближенія поверхностны и весьма не новы (см. напримѣръ, разсужденія о символизмѣ, объ исканіи истины и друг.).

Фридрихъ Ницше. Веселая наука („La gaya scienza“). Перев. съ нѣмецкаго А. Н. Ачкасова. Изд. книжн. склада Д. П. Ефимова. М., 1901 г. Ц. 1 р. 25 к. Русскіе переводчики, при дружномъ соучастіи иныхъ, болѣе пассивныхъ дѣятелей печати, такъ искажали многострадальнаго Ницше, что появленіе которой-нибудь изъ его книгъ въ удовлетворительномъ переводѣ оказывается пріятной неожиданностью. Въ изданіи г. Клюкина большинство сочиненій покойнаго мыслителя вышло въ самомъ печальномъ видѣ. Между прочимъ, изобилуетъ всякаго рода ошибками и курьезами и „Веселая наука“, столь важная для характеристики всего міровоззрѣнія Ницше. Теперь это произведеніе лежитъ передъ нами въ переводѣ г. Ачкасова, и мы должны сказать, что оно передано гораздо лучше, чѣмъ въ клюкинскомъ изданіи, и очень недурно само по себѣ, даже независимо отъ этого скромнаго сравнительнаго мѣрила. Переводъ сдѣланъ тщательно, правильнымъ русскимъ языкомъ; съ внѣшней стороны изданіе опрятно, и то многое, что не могло появиться въ видѣ словъ, не замаскировано, а отмѣчено рядами точекъ. Конечно, и къ переводу г. Ачкасова нельзя подходить съ высокимъ критеріемъ изящества и тонкости,—но элементарнымъ требованіямъ онъ удо-

влетворяетъ. Укажемъ на одинъ недосмотръ. Въ концѣ 71 афоризма мы читаемъ: „жены любятъ смотрѣть на своихъ мужей, какъ на вопросительный знакъ своего *брака*, и на своихъ дѣтей, какъ на его апологію и искупленіе“: не говоря уже о томъ, что нѣмецкое выраженіе *Fragezeichen*, умѣстнѣе было бы не передавать буквально,—въ подлинникѣ сказано не *Ehe*, какъ ошибочно усмотрѣлъ переводчикъ, а *Ehre* (честь). Въ слѣдующемъ афоризмѣ сказано: „у животныхъ считается *красивымъ* мужской полъ“,—между тѣмъ смыслъ требуетъ здѣсь другого, обычнаго выраженія „*прекрасный* полъ“. Не совсѣмъ точно передана идея 255-го изреченія. Вообще же, повторяемъ, добросовѣстная и вдумчивая работа г. Ачкасова воспроизводитъ мысли Ницше не искаженными. Ей предшествуетъ интересная рѣчь К. Брейзинга, произнесенная надъ прахомъ Ницше 27 августа 1900 г., въ литературномъ переводѣ Е. Г.

Уильямъ Джэмсъ. Бесѣды съ учителями о психологіи. Перев. съ англійск. Александра Громбаха. Изд. С. Скирмунта. М.; 1902 г. Ц. 50 к.—Уильямъ Джэмсъ, профессоръ философіи въ Гарвардскомъ университетѣ.—Психологія въ бесѣдахъ съ учителями. Пер. съ англ., приватъ-доцента Императ. Москов. университета В. Н. Ивановскаго. Изданіе В. Линда и Д. Байкова. М., 1902 г. Ц. 50 к. Одновременно появились два перевода цѣнной книжки Джэмса, и это служитъ показателемъ той заслуженной популярности, какою пользуется среди русскихъ читателей имя американскаго философа. Его учебникъ психологіи выдерживаетъ у насъ уже третье изданіе, нѣкоторые этюды Джэмса вышли на русскомъ языкѣ отдѣльными брошюрами. Яркій литературный талантъ и одушевленіе, сочетаніе глубокой философской мысли съ точными пріемами и эрудиціей естествоиспытателя, свѣтлыя начала общаго міросозерцанія, рѣдкій даръ самонаблюденія и тонкой воспріимчивости къ явленіямъ чужой психической жизни,—все это составляетъ характерныя черты Джэмса какъ писателя и ученаго. Идеалистъ по своимъ философскимъ убѣжденіямъ, онъ въ угоду имъ никогда не отступаетъ отъ духа и метода эмпиризма; если, напримѣръ, его этическія вѣрованія заставляютъ его признавать свободу воли, то въ своихъ психологическихъ изысканіяхъ онъ остается на почвѣ детерминизма и касается лишь той стороны нашихъ поступковъ, которая чужда всякой произвольности и не выходитъ изъ причинной связи. Этикофилософскія воззрѣнія Джэмса не разрываютъ строгой ткани его реалистическаго изслѣдованія, а только освѣщаютъ ее внутреннимъ свѣтомъ и придаютъ ей очень своеобразный и привлекательный колоритъ. Всѣ эти особенности Джэмса проявились и въ „Бесѣдахъ“,—книжкѣ, составленной изъ публичныхъ лекцій учителямъ и учительницамъ, написанной блестяще и остроумно. Основныя начала психологіи изложены въ ней примѣнительно къ задачамъ воспитанія, и она имѣетъ поэтому большой педагогическій интересъ, содержитъ въ себѣ много практическихъ указаній и совѣтовъ, выясняетъ необходимость согласованія психологіи и педагогики. Иные критики упрекали Джэмса, что онъ въ своихъ „Бесѣдахъ“ исходитъ изъ чисто-біологическаго представленія о человѣкѣ, какъ организмѣ, реагирующемъ на среду, и слишкомъ злоупотребляетъ сравненіемъ объекта психологіи съ „машиной“. Но біологическая точка зрѣнія избрана авторомъ въ виду ея простоты и удобства для педагогическихъ цѣлей, не выдается за окончательное объясненіе душевныхъ фактовъ. Оба русскіе перевода ея сдѣланы внимательно и точно. Въ переводѣ г. Громбаха, очень живомъ и сохранившемъ отпечатокъ свойственной Джэмсу увлекательности, спорна передача нѣкоторыхъ терминовъ; напримѣръ, въ главѣ о памяти слово

сие переведено *реплика*: но реплика означаетъ уже вторичный моментъ бесѣды, отвѣтъ, между тѣмъ какъ Джэмсъ говоритъ именно о толчкѣ, который получаетъ сознаніе, о моментѣ первичномъ; г. Ивановскій лучше передаетъ выраженіе Джэмса словомъ *намекъ*. Съ внѣшней стороны, изъ двухъ изданій болѣе изящно выпущенное г. Скирмунтомъ.

Джэмсъ Маркъ Бальдвинъ. Введеніе въ психологію. (Общій обзоръ науки о душѣ). Перев. съ англ. подъ редакц. Н. И. Спиридонова. М., 1902 г. Ц. 1 р. Авторъ этой книги, извѣстный американскій психологъ, особенно поработавшій надъ изученіемъ мускульнаго чувства, въ своемъ общемъ міросозерцаніи не придерживается тѣхъ исключительныхъ взглядовъ, какіе можно встрѣтить у большинства сторонниковъ экспериментальной психологіи. Результаты эмпирическаго изслѣдованія въ области душевныхъ явленій только подготовляютъ, на его взглядъ, надежный путь къ психологіи раціональной; онъ считаетъ свою науку отраслью естествознанія и въ то же время дисциплиной философскаго характера. Для него представляется неизбѣжной гипотеза, что существуетъ дѣйствительное бытіе, называемое душой,—все равно, будемъ ли мы разсматривать послѣднюю какъ „субстанцію“, или просто какъ совокупность специфическихъ фактовъ сознанія. Въ соотвѣтствіе съ этими основными взглядами „Введеніе въ психологію“, появившееся теперь въ хорошемъ русскомъ переводѣ, даетъ общій, но вполнѣ обстоятельный анализъ науки о душѣ, ея философію, и раскрываетъ перспективы болѣе детальнаго изученія психическихъ феноменовъ. Написанная очень живо, съ огонькомъ и убѣжденностью, проникнутая философскимъ и этическимъ духомъ, книга Бальдвина подробно разбираетъ методы и источники психологіи, удѣляетъ много интересныхъ страницъ душѣ ребенка и животныхъ, выясняетъ роль психопатологіи, эксперимента и внушенія въ области психологическихъ изысканій. Цѣнны взгляды автора на отношеніе между соціальной и индивидуальной психологіей и его соображенія педагогическаго характера. Вообще, руководство Бальдвина читается съ большимъ и не слабѣющимъ вниманіемъ и, несомнѣнно, принесетъ значительную пользу всѣмъ, кто изучаетъ психологію.

ИСТОРІЯ, ИСТОРІЯ ЛИТЕРАТУРЫ, МЕМУАРЫ.

В. И. Семевскій. „Крестьяне въ царствованіе императрицы Екатерины II“. Томъ второй.—„Вѣстникъ Всемірной Исторіи“. 1901 г. №№ 1—12.—*Эмиль Фагэ.* „Девятнадцатый вѣкъ“. Литературные этюды. Пер. подъ ред. П. Кончаловскаго. — Фототипическіе снимки въ натуральную величину полной рукописи и черновыхъ листовъ драмы А. С. Пушкина „Русалка“. Изд. А. де-Біонкуръ, подъ ред. Л. Бѣльскаго.—„Сочиненія Н. В. Гоголя“. Редакція И. С. Тихонравова и В. И. Шенрока.—„Полное собраніе сочиненій Бѣлинскаго“. Подъ редакціей С. А. Венгерова. Томъ V.—„Матеріалы для біографіи кн. В. А. Черкасскаго“. Сост. кн. О. Трубецкая.

В. И. Семевскій. Крестьяне въ царствованіе императрицы Екатерины II. Томъ второй. Спб., 1901 г. Книга г. Семевскаго собрана изъ статей, напечатанныхъ имъ въ разное время въ нѣсколькихъ періодическихъ изданіяхъ. Въ настоящемъ второмъ томѣ авторъ обрисовалъ положеніе, въ царствованіе Екатерины, трехъ большихъ группъ русскихъ крестьянъ: крестьянъ дворцоваго вѣдомства, крестьянъ церковныхъ вотчинъ и крестьянъ государственныхъ. Первый томъ этого труда, вышедшій въ свѣтъ вотъ уже почти 20 лѣтъ назадъ, заключалъ въ себѣ описаніе положенія въ то же царствованіе крестьянъ крѣпостныхъ и поссессіонныхъ. Такимъ образомъ неутомимый изслѣдователь, выпуская на-

стоящую книгу, кончаетъ давно начатое имъ дѣло, успѣвъ въ истекшій промежутокъ времени написать двѣ очень большихъ работы о „Крестьянскомъ вопросѣ въ XVIII и первой половинѣ XIX вѣка“ и о „Рабочихъ на сибирскихъ золотыхъ промыслахъ“.

Группа крестьянъ дворцоваго вѣдомства, заключавшая въ себѣ около 400,000 душъ, включала крестьянъ собственно дворцовыхъ, крестьянъ государевыхъ, крестьянъ конюшенныхъ и такъ наз. сокольихъ помытчиковъ.

Въ церковныхъ вотчинахъ находилось около милліона душъ, такъ что церковь была у насъ въ прошломъ столѣтіи самымъ богатымъ земельнымъ собственникомъ. Авторъ прекрасно освѣтилъ подкладку секуляризаціи, изложивъ взаимныя отношенія церковной администраціи и управляемыхъ ею крестьянъ. Постоянныя волненія крестьянъ, вызванныя непосильными вымогательствами и истязаніями церковныхъ властей, требовали со стороны правительства настоятельнаго вмѣшательства въ это дѣло, даже помимо чисто финансовыхъ соображеній. Вотъ почему и Петръ III и Екатерина почти въ самомъ началѣ своего царствованія оказались столь настойчивыми въ этомъ щекотливомъ для духовенства вопросѣ.

Описывая положеніе крестьянъ государственныхъ, г. Семевскій подробно описалъ состояніе двухъ главныхъ группъ, сюда входившихъ: крестьянъ, приписанныхъ къ горнымъ заводамъ, и крестьянъ черносошныхъ. Исторія первыхъ—это рядъ ужасныхъ страницъ, гдѣ каждый разсказанный случай пугаетъ своимъ драматизмомъ. Авторъ вскрылъ условія, въ которыхъ находились приписные крестьяне, описалъ истязанія, взятки, вымогательства и насилія, какимъ подвергалась эта злополучная часть населенія, описалъ ея волненія, когда она бывала доводима до совершенно невыносимаго положенія. Глядя на то, цѣною какихъ страданій и ужасовъ покупался политическій порядокъ XVIII вѣка, становится трудно понять относительную устойчивость этого порядка.

Показавъ рядъ бытовыхъ картинъ изъ жизни приписныхъ крестьянъ, авторъ обнажилъ корни пугачевщины, поднявшейся изъ этихъ краевъ. Всѣ элементы возстанія были готовы задолго до Пугачева; выработались и пріемы агитаціи при помощи подложныхъ манифестовъ; была, наконецъ, въ оборотѣ и самая идея воскрешенія Петра III. Громадность злоупотребленій силою и богатствомъ въ этомъ глухомъ углу русской земли, хищничество, обнаруженное нашими вельможами Шуваловыми, Сиверсами, Воронцовыми и Чернышевыми,—вотъ завязи, такъ быстро распустившіяся въ пугачевщину.

Черносошные крестьяне находились въ несравненно лучшихъ условіяхъ, недаромъ крѣпостные всегда и мечтали сравняться съ ними. Авторъ удѣляетъ много вниманія вопросу о ихъ земельныхъ передѣлахъ, отыскивая въ найденныхъ имъ фактахъ подтвержденіе своему основному взгляду на значеніе мірового пользованія землею.

Наконецъ, къ числу тѣхъ же государственныхъ крестьянъ принадлежатъ отдѣльныя мелкія группы крестьянъ, приписныхъ къ шелковымъ заводамъ и корабельнымъ лѣсамъ, половниковъ, однодворцевъ и „старыхъ службъ служилыхъ людей“, которые по бытовымъ формамъ своей жизни мало чѣмъ отличались отъ обыкновенныхъ черносошныхъ крестьянъ. Въ книгу автора входитъ и описаніе двухъ небольшихъ, самостоятельныхъ группъ—ямщиковъ и очень приближавшихся къ крестьянамъ „обѣльныхъ вотчинниковъ“, получившихъ потомственныя льготы за какія-нибудь особыя услуги, но оставшихся въ крестьянствѣ (наприм., потомки Сусанина—Сабинины).

Такимъ образомъ, въ двухъ томахъ своего труда г. Семевскій сдѣ-

лалъ попытку описать тѣ жизненныя условія, въ которыхъ находилось при Екатеринѣ все сельское населеніе нашего государства. Онъ показалъ намъ изнанку государственнаго порядка прошлаго вѣка, показалъ, какъ эксплоатировался народный трудъ и какъ добывались изъ населенія силы, питавшія этотъ государственный порядокъ и классъ, воплощавшій его въ себѣ. Онъ восполнилъ этимъ пробѣлъ въ нашей исторіи прошлаго столѣтія, которую изучали большею частью съ точки зрѣнія расходованія этихъ силъ: мы лучше знали то, какъ онѣ тратились, чѣмъ то, какъ онѣ добывались. Эту-то темную область ежедневныхъ мелкихъ отношеній, гдѣ нѣтъ ни чесменскаго дыма, ни кагульскихъ побѣдъ, гдѣ отношенія выражаются скромными цыфрами домашней бухгалтеріи, и вскрываетъ передъ нами настоящій трудъ.

Г. Семевскій любитъ ограничиваться фактами и не стремится дѣлать обобщеній, не дѣлаетъ выводовъ. Если бы авторъ захотѣлъ, онъ могъ бы свести въ очень яркую картину свои наблюденія надъ внутренней политикой нашего правительства прошлаго вѣка, какъ она отражалась на крестьянахъ; онъ могъ бы очертить ту своеобразную смѣсь понятій и пріемовъ, отвлеченныхъ соображеній и конкретныхъ результатовъ, которые направляли у насъ въ практической жизни власть и законъ. Авторъ не захотѣлъ искать въ наблюдаемыхъ имъ явленіяхъ и процесса, историческій очеркъ жизни какой-нибудь группы приставленъ къ описанію ея состоянія въ данный моментъ какъ-то извнѣ, г. Семевскій не ищетъ схемы развитія этихъ отношеній, заботясь только о томъ, чтобы дать статистическое изображеніе даннаго момента,—какъ разъ тотъ пріемъ, который господствуетъ на всемъ протяженіи и перваго тома его труда,—уважаемый авторъ даетъ больше картину быта, нежели исторію отношеній крестьянъ прошлаго столѣтія, но картина составлена превосходно, и отчетливость искупаетъ недостатокъ техническаго отвлеченнаго анализа самыхъ фактовъ. Трудъ г. Семевскаго служитъ яркой характеристикой не только дѣйствій власти, но и взаимнаго отношенія крестьянъ, народнаго труда, къ другимъ сословіямъ, учрежденіямъ и лицамъ. Авторъ собралъ все, что по данному вопросу существовало въ литературѣ, и воспользовался многими неизданными матеріалами изъ разныхъ архивовъ. Будемъ ждать обѣщаннаго намъ въ предисловіи Ш-го тома, который онъ хочетъ посвятить „общей характеристикѣ крестьянскаго экономическаго и домашняго быта, ихъ самоуправленія и духовной жизни, насколько это возможно, и описанію ихъ участія въ пугачевщинѣ“.

„Вѣстникъ Всемірной Исторіи“, 1901 г., №№ 1—12. Странное впечатлѣніе вообще производитъ *Вѣстникъ Всемірной Исторіи*...

Уже одна обложка, испещренная изображеніемъ пирамидъ, всевозможныхъ памятниковъ, церквей, зданій, гласитъ о тщетномъ стремленіи его редактора г. Сухонина „объять необъятное“. Приглядитесь ближе—сумбурность впечатлѣній будетъ еще сильнѣе. Научный журналъ печатаетъ объявленія о „продажѣ недвижимостей“ („продается дача, спѣшно и потому дешево“, „продается домъ на о. Эзелѣ“), о „шести ярославскихъ коровахъ“ и пр. Широта его кругозора и разнообразіе интересовъ настолько велики, что читателю преподносятся и „Возникновеніе Миланской коммуны“, и „Крюгеръ у себя“, и „Алмазъ изъ рода Гиреевъ“, и „Таджикскія преданія“, и „Бѣлгородская Мессалина“, и „Прачка-спасительница“, и „Тайна рѣки Тибра“, и „Дочь Семирамиды“, и „Начало еврейскаго книгопечатанія“, и „Позорный столбъ въ Миланѣ“, и „Былъ ли царевичъ Димитрій больной мальчикъ“, и „Какъ возникла газета *Новое Время*“...

Такъ г. Сухонинъ фактически опровергъ изреченіе Пруткова и „переялъ славу“ у г. Шубинскаго и *Историческаго Вѣстника*, которые тоже гоняются за новизной и оригинальностью темъ, но не такъ стремительно и развязно...

Въ 1901 г. журналъ г. Сухонина сохранилъ ту же физіономію, съ которою онъ выступилъ съ самаго начала изданія — декабря 1899 г. Та же погоня за пикантностью, занимательностью и оригинальностью сюжетовъ, та же пестрота, то же отсутствіе въ изданіи какой бы то ни было объединяющей идеи. Конечно, среди беллетристическаго хлама и историческаго мусора попадаются и интересныя статьи, въ общемъ очень немногочисленныя.

Прежде всего отмѣтимъ нѣсколько цѣнныхъ матеріаловъ относительно декабристовъ.

Г. Гастфрейндъ излагаетъ (кн. I, стр. 42—80) *) показанія передъ верховнымъ судомъ Кюхельбекера и Пущина, которыя до сихъ поръ оставались ненапечатанными. Они прекрасно рисуютъ роль этихъ „первенцевъ Лицея“ 14 декабря 1825 г. и ихъ поведеніе во время слѣдствія. Въ томъ и другомъ случаѣ рѣзко обнаружилась разница въ характерахъ этихъ двухъ товарищей. Насколько Пущинъ былъ сдержанъ, остороженъ, послѣдователенъ въ своихъ убѣжденіяхъ и дѣйствіяхъ, настолько суетливъ, противорѣчивъ и экспансивенъ былъ Кюхельбекеръ, который наговорилъ много лишняго, запуталъ себя и Пущина, колебался между самыми противоположными настроеніями.

Въ томъ же номерѣ пересказаны, главнымъ образомъ, по запискамъ декабриста кн. С. Г. Волконскаго, недавно напечатаннымъ вполнѣ,— исторія доносчиковъ на декабристовъ, Бошняка, Майбороды и Шервуда, и впечатлѣнія англичанина въ Петербургѣ 14 декабря 1825 г. (стр. 101—115, 260—262). Въ разсказѣ послѣдняго попадаются очень цѣнныя детали. По его словамъ, „толпа, собравшаяся на площади, начала дѣлаться очень буйной и, сломавъ палисадникъ напротивъ Исаакіевскаго собора, вооружилась копьями и, окруживъ полковника конной гвардіи, угрожала его жизни“. Сначала залпъ, для устрашенія, былъ направленъ очень высоко. „Въ виду того, что толпа не расходилась, слѣдующій залпъ былъ направленъ прямо въ карре мятежныхъ войскъ. Разстояніе было не болѣе 100 ярдовъ, такъ что легко представить, какой эффектъ произвела картечь, направленная въ компактную массу войскъ. Вслѣдъ затѣмъ послѣдовала кавалерійская аттака; толпа и мятежныя войска разбѣжались во всѣ стороны и были преслѣдованы кавалеріей и конной гвардіей, гнавшимися за ними съ обнаженными саблями. Навсегда останется тайной, сколько жертвъ вызвало это возстаніе, такъ какъ тѣла убитыхъ были немедленно спущены въ Неву подъ ледъ“.

Статья г. Столпянскаго (кн. IX, стр. 85—97) говоритъ о „декабристахъ въ современной имъ русской литературѣ“. Автору удалось найти 3 произведенія духовныхъ лицъ конца 20-хъ и начала 30-хъ гг. XIX в., съ очень сильными нападками на декабристовъ. Онъ установилъ очень любопытный фактъ: сравнивая слова противъ Наполеона и противъ декабристовъ, онъ убѣдился, что „пастыри церкви снабжаютъ какъ Наполеона, такъ и декабристовъ почти совершенно одинаковыми эпитетами, приводятъ чуть ли не одинаковые тексты, и выводы, дѣлаемые ими изъ своихъ рѣчей, одинаковые: данныя войны (?) должны усилить въ воинахъ дисциплину, подчиненность“...

---

*) Эта статья вышла и отдѣльнымъ изданіемъ.

Нѣсколько статей посвящено Герцену. Г. В. Батуринскій („Герценъ и Тургеневъ“) (№№ 2—5, 11—12) довольно удачно эксплуатируетъ изданную за границей покойнымъ Драгомановымъ переписку этихъ „идеалистовъ 40-хъ годовъ“. Самый фактъ изданія въ Женевѣ и примѣчанія издателя дѣлали распространеніе этой драгоцѣнной книги въ Россіи невозможнымъ. Выдержки г. В. Б. использовали въ ней почти все интересное—и цензурное. Спасибо и за это!

Переписка очень характерна для обоихъ друзей, все болѣе и болѣе расходившихся въ своихъ теоретическихъ убѣжденіяхъ. Герценъ все болѣе разочаровывался въ Западѣ и склонялся къ славянофильству; Тургеневъ оставался прежнимъ правовѣрнымъ западникомъ. Умѣренный либерализмъ и „постепенство“ автора „Записокъ Охотника“ все дальше отходили отъ радикальствующаго славянофильства автора „Былого и думъ“. Разрывъ, повидимому, тяжело достался обѣимъ сторонамъ. Переписка имѣетъ большое біографическое значеніе, освѣщая всѣ главныя событія личной жизни корреспондентовъ за 1849 — 1862 гг. Въ ней заключается живое и остроумное обсужденіе крупнѣйшихъ и характернѣйшихъ явленій русской и западной жизни этого періода. Нѣкоторыя изъ писемъ въ этомъ отношеніи прямо являются перлами, напр., „подробное историческое описаніе побоища, происходившаго въ первопрестольномъ градѣ Москвѣ между гр. Бобринскимъ и профессоромъ элоквенціи Шевыревымъ“ (кн. II, стр. 45).

Статья г. Бѣлозерскаго: „А. И. Герценъ и молодое поколѣніе“ (кн. II, стр. 166—172) излагаетъ недоразумѣнія между Герценомъ и частью русской и польской эмиграціи 50-хъ годовъ. Много горечи внесли они въ душу Герцена, и безъ того уже измученную разрывомъ съ ближайшими друзьями молодости и, что еще было больнѣе, съ дѣйствительностью. Въ 1869 г. онъ писалъ Огареву: „caro mio, намъ пора въ отставку и приняться за что-нибудь другое — за большія сочиненія или за длинную старость“...

Изъ прочихъ статей надо отмѣтить еще „Изъ воспоминаній смолянки“ г-жи Соколовой, очень яркую картину институтской жизни 40-хъ годовъ (№№ 5—8). Такія воспоминанія — лучшій обвинительный приговоръ противъ всего строя нашихъ закрытыхъ заведеній, въ особенности женскихъ, и тѣмъ болѣе институтовъ! Женскую прислугу института наказываютъ отрѣзываніемъ косы и сѣченіемъ—въ присутствіи прислуги мужской (кн. VI, стр. 135). Одна изъ горничныхъ, которой угрожали подобнымъ наказаніемъ, бросилась съ верхняго этажа института и расшиблась на смерть.

Въ общемъ складѣ жизни много грубости и дикости.

„Безтолковые окрики, вздорныя придирки и, что хуже всего, обидныя прозвища и клички, которыми классныя дамы награждали воспитанницъ, и на которыя дѣти отвѣчали, въ свою очередь, такими же прозвищами и кличками. Особенно рѣзка и груба была съ дѣтьми классная дама Павлова, рѣзкая особа, замѣчательно некрасивая собою, съ грубымъ, почти мужскимъ голосомъ и манерами рыночной торговки. Она топала на дѣтей ногами, драла ихъ за уши, бранилась, какъ кухарка, и вносила въ безотрадную и такъ уже дѣтскую жизнь цѣлый адъ ноныхъ терзаній“ (кн. V, стр. 60).

Родовитыхъ дѣтей „дворянской“ половины Смольнаго института (иногда очень бѣдныхъ) воспитывали въ духѣ узкой сословности, заражали ихъ съ дѣтства сословными предразсудками.

Г-жа Соколова говоритъ: „Обидное для дѣтскаго самолюбія различіе

наблюдалось и при встрѣчѣ нашей съ воспитанницами Александровской половины, съ которыми, кстати сказать, намъ приходилось встрѣчаться только въ аппартаментахъ начальницы, причемъ нашъ институтскій этикетъ требовалъ, чтобы *онѣ первыя отвѣшивали намъ почтительный поклонъ*, а затѣмъ уже мы отвѣчали на ихъ поклонъ. Все это несообразное чинопочитаніе порождало и отношенія, совершенно ни съ чѣмъ несообразныя, и вовсе неудивительно, что дѣти, ничему неспособныя дать настоящей и правильной оцѣнки, гордились и важничали передъ своими сверстницами, и что между нами, на нашемъ глупомъ дѣтскомъ лексиконѣ, по адресу воспитанницъ Александровской половины не было другого наименованія, какъ „мѣщанки“. Никакой „Александровской половины“ мы признавать не хотѣли, а называли ее „Мѣщанской половиной“, въ чемъ находили себѣ усердную поддержку и въ нашихъ классныхъ дамахъ, тоже почему-то всѣмъ ареопагомъ враждебно относившихся къ воспитанницамъ непривилегированнаго заведенія“ (кн. VII, стр. 159).

Положеніе учителей было до крайности приниженнымъ. Они должны были приносить по праздникамъ „почтительныя поздравленія“ не только начальству, но и воспитанницамъ. Когда одинъ изъ нихъ, взбѣшенный общимъ отказомъ, осмѣлился проворчать сквозь зубы: „противныя и лѣнивыя дѣвчонки“, его хотѣли немедленно уволить и оставили на службѣ только тогда, когда онъ принесъ классу „почтительное извиненіе въ томъ, что онъ позволилъ себѣ непочтительно выразиться въ нашемъ (институтокъ) присутствіи“, и *тогда его простили*. Инспекторъ, въ присутствіи изгоняемаго учителя, Массона, сказалъ, что онъ лично „позволяетъ себѣ ходатайствовать за него, потому что Массонъ недавно овдовѣлъ и остался съ большимъ семействомъ на рукахъ“ (кн. VII, стр. 163—164).

Тонко и вѣрно подмѣтила г-жа Соколова и другую оборотную сторону институтской жизни.

„Всѣ эти визиты царской фамиліи, занимая насъ и наполняя наши дѣтскія сердца восторгомъ, слегка кружили намъ головы, и уже со второго класса въ насъ развивалось тщеславіе и чувство ѣдкой и горькой зависти къ тѣмъ изъ подругъ, которыхъ, завѣдомо всѣмъ, ожидалъ тотчасъ послѣ выпуска фрейлинскій шифръ. Такихъ было сравнительно не особенно много, и какъ это ни странно покажется, но и вообще бѣдныхъ дѣвочекъ было среди насъ больше, нежели даже просто достаточныхъ, а между тѣмъ насъ воспитывали такъ, что зимою намъ въ саду настилали доски для гулянья по аллеямъ, и ступать на снѣгъ намъ запрещалось подъ страхомъ строгаго взысканія. Предоставляю судить, насколько все это оказалось практичнымъ впослѣдствіи, когда большинству изъ насъ пришлось не только довольствоваться самыми обыкновенными и невзыскательными извозчичьими экипажами, но и пѣшкомъ ходить чуть не половину всей долгой жизни... А между тѣмъ во всѣхъ этихъ поблажкахъ не было и тѣни особой заботы о дѣтяхъ или особаго желанія сдѣлать имъ пріятное или полезное: все это дѣлалось какъ-то машинально, по инерціи, и шло по разъ навсегда заведенному, шаблонному порядку. Всюду, гдѣ интересы дѣтей соприкасались съ интересами кого-либо изъ протежируемаго побочнаго начальства, о дѣтяхъ забывали, и дѣтскіе интересы шли сзади всего“ (кн. VIII, стр. 42).

Институтокъ, напр., систематически отравляли отвратительнымъ столомъ. Когда внезапно явившійся государь попробовалъ поданный институткамъ супъ и съ гнѣвомъ закричалъ: „какая гадость!... Моихъ сол-

датъ лучше этого кормятъ", начальство сдѣлало всѣ усилія, чтобы спасти экономa... (кн. VIII, стр. 42—45).

Но и въ этотъ „мертвый домъ", калѣчившій и ломавшій столько женской молодежи, проникали, несмотря на всѣ запреты и преслѣдованія, вѣянія жизни.

Г-жа Соколова „считаетъ нужнымъ упомянуть о томъ" (кн. VIII, стр. 45), что „движеніе 1848 года не прошло для насъ (институтокъ) совершенно безслѣдно. Мы были уже на порогѣ старшаго класса и, зорко и пристально вслушиваясь въ то, что говорили старшіе, мы въ то же время и газетные листки ловили на-лету, и я помню нашъ ужасъ, когда мы прочли, если не ошибаюсь, въ *Сѣверной Пчелѣ*, имена всѣхъ осужденныхъ на смертную казнь и прощенныхъ, по высочайшему повелѣнію, уже у позорнаго столба, съ накинутыми на голову предсмертными саванами.

Намъ въ то время все это было тѣмъ болѣе интересно и почти близко, что во главѣ возстанія (?) называли имя Петрашевскаго, сестра котораго воспитывалась въ Смольномъ и незадолго до того, именно въ 1845 г., только окончила курсъ. Кромѣ Петрашевскаго, котораго мы въ лицо всѣ хорошо знали и помнили, потому что онъ очень аккуратно посѣщалъ свою сестру въ пріемные дни, мы знали еще и другого осужденнаго въ то время съ **Спѣшневымъ**, Монтрезоромъ (Монбелли?) Тимковскимъ, знаменитымъ впослѣдствіи Достоевскимъ... Это былъ незадолго передъ тѣмъ выпущенный изъ училища правовѣдѣнія Кашкинъ, совсѣмъ еще молоденькій мальчикъ, который, какъ говорили, горько плакалъ и былъ по-дѣтски испуганъ ожидавшей его страшной карой, передъ которой Петрашевскій ни на минуту не отступилъ и не подался".

Изъ остальныхъ статей слѣдуетъ отмѣтить живыя и яркія воспоминанія г-жи Цебриковой о Крымской войнѣ.

Этимъ и исчерпывается интересъ книжекъ *Вѣстника Всемірной Исторіи* за 1901 г.

Эмиль Фагэ. Девятнадцатый вѣкъ. Литературные этюды. Перев. подъ ред. П. Кончаловскаго. М., 1901 г. Ц. 2 руб. Намъ уже не разъ приходилось говорить объ авторѣ, книга котораго лежитъ передъ нами. Фагэ принадлежитъ къ числу блестящихъ критиковъ-портретистовъ. Его нельзя назвать историкомъ литературы, онъ не стремится къ тому, чтобы охватить цѣлыя литературныя или умственныя направленія. Предъ нами десять этюдовъ, посвященныхъ отдѣльнымъ писателямъ: Шатобріану, Ламартину, Альфреду де Виньи, В. Гюго, Альфреду Мюссе, Теофилу Готье, Мериме, Мишле, Ж.-Занду и Бальзаку. Фагэ группируетъ ихъ по чисто-психологическимъ признакамъ. Первыхъ четырехъ онъ относитъ къ тому періоду (1800—1840 гг.), когда литература была по преимуществу литературой субъективнаго вдохновенія и чувства. Съ 1840 года литература ищетъ новыхъ путей. „Съ одной стороны это политическій мистицизмъ, порожденный революціей 1789 года и захватывающій время революціи 1848 года". Въ данной книгѣ онъ представленъ въ лицѣ Мишле, потому что, замѣчаетъ авторъ, „Мишле былъ геніаленъ". Далѣе съ 1840 г. обозначается и другое направленіе,—стремленіе „отрѣшиться отъ всякой философіи, даже отъ всякой идеи и чутьли не отъ всякаго чувства, но изображать въ прозѣ и стихахъ только осязаемыя и окрашенныя формы,—тенденція создать литературу, которая соперничала бы съ пластическими искусствами". Это направленіе представлено въ лицѣ Т. Готье. Наконецъ новый романъ, рожденный литературой воображенія и въ концѣ-концовъ перешедшій въ совершенно другую

„почти противоположную ей форму“ представленъ въ лицѣ Жоржъ-Занда, Мериме и Бальзака. Уже одна схема показываетъ, какого направленія держится Фагэ. Онъ, прежде всего, психологъ и критикъ литературной манеры и формы писателя. Напримѣръ, въ его характеристикѣ Шатобріана, читатель тщетно сталъ бы искать отраженія той великой борьбы, которая возникла на зарѣ прошлаго вѣка. Причины, вызвавшія реакцію и неудачную попытку возвратиться къ католицизму, опоэтизированному пѣвцомъ реакціи почти отсутствуютъ въ этой характеристикѣ. Зато складъ души, характеръ, особенности генія, достоинства и недостатки художественнаго творчества Шатобріана—составляютъ предметъ тщательнаго анализа у Фагэ. Такъ же относится авторъ и къ другимъ писателямъ. Поэтому для лицъ, совершенно незнакомыхъ съ умственной жизнью Франціи за послѣднее столѣтіе, нѣсколько непонятными и странными покажутся многія опредѣленія Фагэ. Но для читателя, болѣе или менѣе подготовленнаго, книга представляетъ большой интересъ. Всегда оригинальный и сильный въ своихъ опредѣленіяхъ, Фагэ самой парадоксальностью своихъ сужденій нерѣдко освѣщаетъ поразительно яркимъ свѣтомъ новыя черты у изучаемыхъ писателей. Правда, парадоксы Фагэ часто слишкомъ смѣлы, нерѣдко авторъ несправедливъ въ своихъ выводахъ; но это не роняетъ значенія Фагэ, какъ замѣчательнаго портретиста. Издана книга изящно. Въ ней читатель найдетъ прекрасные портреты тѣхъ писателей, которымъ она посвящена. Сохранить въ русскомъ переводѣ оригинальный стиль Фагэ, поражающій неожиданностью своихъ оборотовъ, почти невозможно; поэтому переводъ уступаетъ оригиналу въ яркости и силѣ. Тѣмъ не менѣе въ общемъ переводчику удалось разрѣшить свою задачу удовлетворительно.

Фототипическіе снимки въ натуральную величину полной рукописи и черновыхъ листовъ драмы А. С. Пушкина „Русалка“. Изданіе А. де-Біонкуръ, подъ редакціей Л. Бѣльскаго. М., 1901 г. Еще недавно намъ приходилось говорить на страницахъ *Русской Мысли* о фототипическомъ изданіи „Скупого рыцаря“. Теперь передъ нами такое же прекрасно выполненное фототипіей г. Павлова и роскошно изданное воспроизведеніе черновой рукописи и отдѣльныхъ листовъ „Русалки“. Оно вводитъ насъ въ творческую лабораторію великаго поэта, знакомитъ насъ съ самымъ процессомъ созданія одного изъ величайшихъ его произведеній, изданнаго къ тому же очень неполно и неточно. Въ виду трудности чтенія г. Бѣльскій прилагаетъ свою транскрипцію текста, со всѣми помарками и варіантами. Не всегда и не вездѣ съ нимъ можно согласиться, но въ общемъ все изданіе редактировано тщательно, съ большою любовью и знаніемъ дѣла. Будемъ надѣяться, что за второю попыткою, къ которой, какъ и къ первой, такъ сочувственно отнеслась печать, послѣдуетъ рядъ другихъ. Желательны были бы—„Каменный гость“ и сборникъ лирическихъ стихотвореній, которые уже, кажется, имѣлись въ виду для фототипическаго воспроизведенія.

Сочиненія Н. В. Гоголя. Редакція И. С. Тихонравова и В. И. Шенрока. Изд. 17-е. Въ одномъ томѣ. Спб., 1901 г. Съ 21 февраля текущаго года сочиненія Гоголя сдѣлаются общимъ достояніемъ и распространятся вглубь и вширь по Россіи въ десяткахъ дешевыхъ изданій. Купившая право собственности на нихъ фирма Маркса завершила свое пользованіе благимъ дѣломъ: всего за 1 р. 25 к. дала русской читающей публикѣ очень чистенькое, почти изящное изданіе сочиненій Гоголя въ одномъ компактномъ томѣ, съ текстомъ въ двѣ колонны. Оно разсчитано на большую публику и школу и содержитъ въ себѣ всѣ сочиненія Гоголя,

кромѣ „Юношескихъ опытовъ“ и первоначальныхъ редакцій (исключеніе сдѣлано для повѣсти о „Капитанѣ Копейкинѣ“ и второго тома „Мертвыхъ Душъ“), вообще всего, что могло бы представить интересъ только для ученыхъ спеціалистовъ. Краткій біографическій очеркъ, составленный г. Шенрокомъ, прекрасно знакомитъ съ основными фактами жизни и литературной дѣятельности Гоголя.

Издатели вполнѣ достигли своей цѣли—„содѣйствовать, по мѣрѣ силъ, самому широкому распространенію произведеній Гоголя въ наиболѣе совершенномъ видѣ“, „соединить полноту съ дешевизной, достовѣрность текста съ внѣшнимъ изяществомъ изданія“.

Полное собраніе сочиненій Бѣлинскаго. Подъ редакціей С. А. Венгерова. Т. V. Спб., 1901 г. Пятый томъ прекраснаго изданія г. Венгерова заключаетъ въ себѣ мелкія статьи Бѣлинскаго 1839—1841 гг. Текстъ возстановленъ по журналамъ; перепечатано много статей, которыя не входили въ прежнія изданія. Достаточно указать, что въ 5-й томъ вошло 59 статей и замѣтокъ, которыя раньше или совсѣмъ не перепечатывались, или перепечатывались съ произвольными сокращеніями редакторовъ. Примѣчанія редактора даютъ прекрасный, всесторонній и свѣжій по своимъ даннымъ комментарій къ тексту. На этотъ разъ они не такъ громоздки, какъ въ предыдущихъ томахъ, и тѣснѣе пріурочены къ тексту. Къ этому тому приложенъ снимокъ съ фантастическаго портрета Бѣлинскаго, изъ Мюнстеровскаго изданія 1859 г.

Матеріалы для біографіи кн. В. А. Черкасскаго. Составила кн. О. Трубецкая. Томъ I, часть 1. М., 1901 г. Ц. 2 руб. 50 коп. Въ распоряженіи составительницы былъ обширный и крайне интересный архивъ покойнаго князя Черкасскаго. Въ первой части труда княжны О. Трубецкой матеріалъ использованъ съ большою тщательностью и умѣньемъ. Въ ней приводятся свѣдѣнія, записки и письма съ 1824 г.,—годъ рожденія князя,—до 1858 г.

Въ Московскомъ университетѣ Черкасскій, по его признанію, особенно обязанъ лекціямъ Погодина и Крылова. Его студенческія сочиненія отмѣчены въ лѣтописи нашего славнаго университета. Еще на студенческой скамьѣ Черкасскаго занимала мысль объ освобожденіи крестьянъ. Въ 1843—44 г. нѣсколько человѣкъ тульскихъ дворянъ входили къ губернатору съ проектомъ освобожденія ихъ крестьянъ, но получили отказъ. Князь Черкасскій въ 1846 г. дѣлаетъ попытку учредить среди тульскихъ же помѣщиковъ кружокъ для выработки новаго проекта освобожденія. Черкасскій былъ за освобожденіе крестьянъ съ землею. Бывшій тогда тульскимъ губернаторомъ Н. Н. Муравьевъ, впослѣдствіи графъ Амурскій, сочувственно относился къ предположеніямъ князя. Но составленная въ кружкѣ Черкасскаго записка не получила хода: правительство не имѣло желанія измѣнять отношеній между помѣщиками и крестьянами.

Въ дальнѣйшемъ изложеніи кн. Трубецкая приводитъ интереснѣйшія свѣдѣнія о сближеніи Черкасскаго съ славянофилами. За участіе въ литературныхъ изданіяхъ Аксаковъ, Кирѣевскій, Хомяковъ и князь Черкасскій очень скоро подвергнулись цензурнымъ и полицейскимъ гоненіямъ.

Княземъ Черкасскимъ была приготовлена для второго тома *Московскаго Сборника* статья *Юрьевъ день*, но она вмѣстѣ со всѣми другими статьями была препровождена въ Петербургъ и увидала свѣтъ лишь въ 1882 г., въ *Русск. Архивѣ*. Кн. Трубецкая сообщаетъ, что тогдашній министръ внутреннихъ дѣлъ, Бибиковъ, озадачилъ обѣдавшаго у него барона М. такимъ вопросомъ: „А что твой пріятель (Черкасскій) продол-

жаетъ ли писать стихи?“ Получивъ отвѣтъ, что Черкасскій стиховъ не пишетъ, министръ возразилъ: „Но его *Юрьевъ день* хотя и талантливо написанъ, но не болѣе какъ поэзія, а потому ему и запрещено что-либо печатать, и пока я министръ, запретъ этотъ снятъ не будетъ“. Такъ почти и вышло: запретъ былъ снятъ съ Черкасскаго въ новое царствованіе, въ февралѣ 1855 г., Бибиковъ же принужденъ былъ покинуть свой постъ въ августѣ этого же года.

Съ того времени дѣятельность Черкасскаго пріобрѣтаетъ все большее и большее значеніе. Отсылаемъ читателя къ самой книгѣ. Къ ней приложена группа *меньшинства* въ тульскомъ комитетѣ по освобожденію крестьянъ (Черкасскій, П. Ѳ. Самаринъ, М. А. Тихменевъ, И. А. Пушкинъ, Н. А. Елагинъ, А. А. Ушаковъ, Л. Л. Карбоньеръ, баронъ В. М. Менгденъ, баронъ И. И. Черкасовъ, М. Д. Бибиковъ). Въ приложеніи напечатаны проекты и записки по вопросу объ освобожденіи, письма Черкасскаго къ великой княгинѣ Еленѣ Павловнѣ, къ Ланскому, письмо И. А. Аксакова къ Ковалевскому и т. д. Справки облегчаются указателемъ писемъ изъ архива Черкасскаго.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМІЯ.

С. Піотровскій. „Великорусская поземельная община“.—*Fanny Rattner-Rappoport.* „Ueber die Lehre von Carl Menger“.—*Э. Бессонъ.* „Бюджетный контроль во Франціи и за границей“. Перев. С. Халютина.

С. Піотровскій. Великорусская поземельная община. (Stanisław Piotrowski. Wspólna własność ziemska w gminie wielkorossyjskiej. Studyum społeczno-ekonomiczne. Warszawa, 1901). Г. Піотровскому пришла счастливая мысль сдѣлать общій краткій сводъ тѣхъ результатовъ, которые добыты наукой для изученія русской поземельной общины въ историческомъ, юридическомъ и экономическомъ отношеніяхъ. Притомъ книга г. Піотровскаго — не простой сводъ теорій, но пересмотръ вопроса, подтверждаемый необходимымъ фактическимъ матеріаломъ. Книга предназначена для польскихъ читателей; но, безспорно, въ настоящее время чувствуется нужда въ подобной книгѣ и на русскомъ языкѣ. Въ самомъ дѣлѣ, вопросъ объ общинѣ имѣетъ болѣе чѣмъ столѣтнюю литературу: имъ занимались съ разнымъ успѣхомъ историки, экономисты, юристы, публицисты и, наконецъ, правительственныя учрежденія; поэтому немаловажно намѣтить основныя идеи, выдвинутыя наукой. И это тѣмъ болѣе полезно для настоящаго времени, такъ какъ господствовавшія до послѣдняго времени народническія и славянофильскія воззрѣнія на общину подвергались рѣзкой критикѣ, вопросъ обострился и осложнился.

Все это указываетъ на тотъ интересъ, который возбуждаетъ книга польскаго ученаго. Намъ кажется, что г. Піотровскій очень удачно выполнилъ свою задачу. Надо только помнить, что цѣль автора сводится къ сжатому обзору вопроса. Такъ какъ въ книгѣ г. Піотровскаго затронутъ рядъ вопросовъ, о которыхъ не разъ было трактовано и на страницахъ нашего журнала, то намъ остается только указать на основную точку зрѣнія автора разсматриваемой книги: принципіальная полемика въ данномъ случаѣ не можетъ войти въ рамки рецензіи.

Г. Піотровскій начинаетъ свою книгу общимъ очеркомъ крестьянскаго міра по Положенію 19 февраля и дальнѣйшимъ его дополненіямъ и измѣненіямъ. Выяснивъ такимъ образомъ современный правовой status рус-

ской общины, который не представляется автору ясно формулированнымъ и цѣльнымъ, г. Піотровскій переходитъ къ теоретическимъ воззрѣніямъ на „міръ“. Въ этой, второй части книги, дается старый очеркъ литературной исторіи общины, начиная съ знаменитаго запроса Екатерины II Вольно-экономическому обществу и кончая послѣдними взглядами, какъ они выражены въ извѣстныхъ сочиненіяхъ гг. Струве и Шульце-Геверница. Тутъ выступаетъ рядъ очень хорошо знакомыхъ именъ и положеній. Однако авторъ понимаетъ, что русская поземельная община не является обособленной формой землевладѣнія: она должна быть поставлена въ связь съ общими представленіями о происхожденіи различныхъ формъ поземельной собственности. Г. Піотровскій посвящаетъ дальнѣйшій очеркъ этому вопросу. Указавъ на ошибочность извѣстной теоріи Лавеле, авторъ останавливается на работахъ новѣйшихъ соціологовъ—Бухенбергера, Гроссе, Даргуна, Ратулля и др. Конечный выводъ автора сводится къ тому, что образованіе различныхъ формъ поземельной собственности находится въ зависимости отъ ряда историческихъ фактовъ, свойственныхъ каждому данному народу; слѣдовательно, теорія объ однообразной смѣнѣ формъ собственности, внѣ зависимости отъ историческихъ условій, должна быть отвергнута. Вслѣдствіе этого, авторъ полагаетъ, что и развитіе мірского владѣнія имѣло свои историческія и соціологическія причины. Таковыми онъ считаетъ факторы экономическаго порядка (условія землевладѣнія, заселеніе незанятыхъ земель, въ связи съ капитализаціей сельско-хозяйственнаго производства), политическаго (главнымъ образомъ—финансовый строй) и даже психологическаго; впрочемъ, о послѣднемъ авторъ забываетъ въ дальнѣйшемъ изложеніи. Такова исходная точка зрѣнія, на которую становится самъ авторъ, при разсмотрѣніи вопроса объ общинѣ.

Заимочное землепользованіе на народовой (сябринной) основѣ является для автора наиболѣе вѣроятной формой древнѣйшаго періода. Поэтому общинное землевладѣніе съ его передѣлами является, по мнѣнію автора, созданіемъ финансовой и экономической политики правительства; въ послѣднемъ случаѣ авторъ съ удареніемъ подчеркиваетъ правительственныя мѣропріятія общиннаго землепользованія въ средѣ казенныхъ крестьянъ въ 18 вѣкѣ и мѣры, приведенныя въ этомъ отношеніи Д. П. Киселевымъ. Замѣтимъ, что этотъ отдѣлъ разбираемой книги представляется наименѣе разработаннымъ: цѣлый рядъ фактовъ и литературныхъ указаній оставленъ авторомъ безъ разсмотрѣнія.

Зато интересъ къ книгѣ возрастаетъ при чтеніи четвертой ея части, посвященной фактическому разсмотрѣнію формъ мірского владѣнія и ихъ теоретической обосновкѣ. Охарактеризовавъ вкратцѣ наиболѣе видныхъ защитниковъ общины „гг. Иванюкова, Воронцова, Качоровскаго“, авторъ останавливается на фактическомъ положеніи крестьянскаго міра. Сейчасъ же по освобожденіи крестьянъ крестьянское землевладѣніе было поставлено въ ненормальное положеніе: превышеніе податныхъ и выкупныхъ платежей надъ доходностью земли вызвало бѣгство изъ общины; круговая порука побуждаетъ крестьянскій міръ вырабатывать рядъ специфическихъ особенностей для урегулированія податного бремени. Но съ теченіемъ времени начинаютъ сказываться болѣзненные симптомы: съ увеличеніемъ населенія крестьянскіе надѣлы стали сильно уменьшаться, между тѣмъ цѣнность земли возросла, а податная тягота уменьшилась. Такъ какъ въ общемъ крестьянское населеніе является недостаточно обезпеченнымъ землею, то крестьянское хозяйство должно было бы обратиться къ болѣе интенсивнымъ формамъ. Авторъ является противникомъ той мысли, что при общинномъ владѣніи возможны улучшенныя

формы крестьянскаго хозяйства. Развивая свою мысль, авторъ не довольствуется теоретическимъ признаніемъ за крестьянскимъ „потомъ“ права на индивидуальную собственность; оспаривая факты, приводимые въ защиту мнѣнія, что при общинномъ землевладѣніи возможна улучшенная обработка земли, авторъ старается подтвердить свою мысль соображеніями экономическаго и историческаго характера. Для него крестьянскій міръ является связаннымъ не какой-либо общей, отвлеченной идеей альтруизма, даже не трудовымъ началомъ, а податной порукой; самые передѣлы земли авторъ готовъ признать не столько уравненіемъ поземельной собственности, сколько уравненіемъ податей. Въ самой основѣ крестьянскаго міра онъ не находитъ проявленій общинныхъ идей, такъ какъ въ этомъ случаѣ авторъ не довольствуется фактомъ передѣла земли. По его мнѣнію, уже въ московскій періодъ связующимъ звеномъ въ общинѣ является податная порука; съ такимъ же характеромъ остается община и въ дѣйствующемъ законодательствѣ. Не имѣя за собою отраднаго прошлаго, община, по мнѣнію автора, не имѣетъ и будущности. Фактъ недоѣданія русскаго крестьянина можно считать прочно установленнымъ. Общинное начало не можетъ въ данномъ случаѣ придти на помощь: на основаніи многочисленныхъ изслѣдованій о кооперативныхъ товариществахъ, авторъ пытается доказать, что земледѣльческая кооперація, на возникновеніе которой можно было бы разсчитывать, при общинномъ землевладѣніи, не имѣетъ будущности. Придя къ такому убѣжденію, г. Піотровскій склоняется къ тому конечному выводу, что общинное землевладѣніе должно исчезнуть подъ вліяніемъ роста населенія, уменьшенія надѣловъ и перехода къ болѣе интенсивному хозяйству. Для него этотъ процессъ разрушенія общины представляется естественнымъ исходомъ, но всякое правительственное вмѣшательство въ этотъ процессъ онъ считаетъ вреднымъ.

Мы изложили общую нить книги г. Піотровскаго и тѣ выводы, къ которымъ онъ пришелъ. Изъ изложеннаго ясно, что какъ конечный итогъ, такъ и постановка отдѣльныхъ вопросовъ не представляется новостью для русскаго читателя. Это однако не уменьшаетъ интереса къ книгѣ, имѣющей цѣлью дать общую характеристику предмета. Замѣтимъ, что не всѣ вопросы разработаны авторомъ съ должной полнотой; этимъ отличается историческій очеркъ общины; вопросъ объ эволюціи поземельной собственности заслуживалъ бы болѣе внимательнаго обзора литературы. Утверждая невозможность земледѣльческой кооперації, авторъ совершенно отвлекся отъ русской дѣйствительности, игнорируя иногда факты, хотя бы, наприм., приведенные въ книгѣ г. П. Д. („Наша деревня“); здѣсь указаны факты крестьянской кооперації при подворно-участковомъ землевладѣніи для мелiоративныхъ цѣлей и пр.

Fanny Rattner-Rappaport. dr. phil.. Ueber die Lehre von Carl Menger. Недавно изданная работа безвременно умершей русской экономистки Ф. С. Ратнеръ-Раппапортъ (1861—1897 гг.) посвящена изложенію и критикѣ методологическаго и экономическаго ученій такъ называемой „австрійской школы“, въ лицѣ ея главы и родоначальника Карла Менгера. Наиболѣе мѣста въ книгѣ отведено теоріи предѣльной полезности, давно пользующейся широкой популярностью въ буржуазной литературѣ Запада и въ послѣднее время пріобрѣвшей ревностныхъ сторонниковъ и у насъ въ Россіи. Ратнеръ-Раппапортъ—рѣшительная противница этого ученія, какъ и всей доктрины К. Менгера; она всецѣло стоитъ на почвѣ марксизма, который для нея, очевидно, является не только отвлеченной научной системой, но и одушевляющей цѣлью жизни. Тѣмъ болѣе при этомъ привлекаетъ въ книгѣ рѣдкое умѣ-

ніе внимательно и безпристрастно выслушать противника, вдумчиво отнестись къ каждому доводу его. Видимо опасаясь, какъ бы незамѣтно для себя не внести субъективнаго элемента въ передачу не раздѣляемыхъ взглядовъ, авторъ почти все ученіе Менгера приводитъ въ видѣ краткихъ, всегда умѣло и добросовѣстно выбранныхъ цитатъ, представляющихъ въ своей совокупности превосходный конспектъ обоихъ сочиненій К. Менгера: „Untersuchungen über die Methode der Socialwissenschaften und der politischen Oekonomie insbesondere“ (Leipz. 1883) и „Grundsätze der Volkswirthschaftslehre“ (Wien, 1871). Еще одна черта выгодно отличаетъ книгу, — это удивительная сжатость въ обоснованіи и формулировкѣ выводовъ, столь цѣнная особенно въ теоретическомъ изслѣдованіи. По существу книги, читатель, быть можетъ, не со всѣмъ въ ней сказаннымъ согласится, но къ каждому тезису отнесется съ большимъ интересомъ. Особенно удачной является критика чистоабстрактнаго метода австрійской школы. Авторъ справедливо указываетъ, что дедуктивный методъ не противорѣчитъ историческому, но безъ помощи послѣдняго совершенно безсиленъ раскрыть законы экономическаго развитія. Хозяйственный складъ общества есть продуктъ приспособленія человѣка къ внѣшнимъ условіямъ и, анализируя его, мы должны имѣть въ виду не только потребности человѣка, но и среду, въ которой приходится ему дѣйствовать. Каждая историческая эпоха представляетъ иную арену дѣятельности, а иная обстановка заставляетъ для удовлетворенія тѣхъ же неизмѣнныхъ потребностей изыскивать иные пріемы, устанавливать новыя экономическія отношенія, создавать другіе правовые институты. Поэтому дедуктивный методъ можетъ быть плодотворно примѣняемъ только въ границахъ каждой отдѣльной стадіи экономической эволюціи и лишь на основѣ данныхъ, добытыхъ экономической исторіей. Возсоздать смѣну эпохъ и ихъ особенности абстрактнымъ путемъ невозможно. Только непосредственное изученіе различныхъ эпохъ въ состояніи выяснить намъ, почему пользованіе и распоряженіе хозяйственными благами принимаютъ форму то племенной, родовой или общинной собственности, то индивидуалистическаго вещнаго права; только зная историческую обстановку современной капиталистической эры, мы поймемъ, почему время отъ времени важные предметы потребленія остаются безъ сбыта, между тѣмъ какъ массы народныя испытываютъ крайнюю нужду въ этихъ продуктахъ. Игнорированіе среды, въ которой происходитъ дѣятельность человѣка, роковымъ образомъ отразилось на теоріи цѣнности австрійской школы. Разсматривая экономическія блага исключительно со стороны ихъ значенія для потребленія, Менгеръ и его послѣдователи упускаютъ изъ вида, что въ современномъ обществѣ, основанномъ на раздѣленіи труда, продуктъ для производителя его не имѣетъ никакой потребительной цѣнности и дорогъ ему лишь какъ эквивалентъ, дающій право на извѣстную долю въ общемъ продуктѣ народнаго труда. Теорія Менгера исходитъ изъ анализа замкнутаго хозяйства, и естественно, что выводы ея оказываются совершенно неприложимыми къ общественному хозяйству, которое одно составляетъ предметъ политической экономіи. Потребительная цѣнность—феноменъ психологическій, а не экономическій; дѣло психологіи выяснить постепенность, съ которой назрѣваютъ потребности, и принципы, руководящіе при распредѣленіи трудовыхъ затратъ между различными нуждами. Для политической экономіи градація потребностей не имѣетъ значенія; потребительная цѣнность представляетъ для нея интересъ лишь въ томъ отношеніи, что только предметы, обладающіе потребительной цѣнностью, являются хозяйствен-

ными благами (хотя это и не единственный признакъ послѣднихъ),— слѣдовательно, только они могутъ служить предметами обмѣна; дальше этого не идетъ вліяніе полезности на обмѣнъ и его условія; послѣднія, по справедливому мнѣнію автора, опредѣляются исключительно трудомъ.—Къ книгѣ приложенъ портретъ г-жи Ратнеръ-Раппапортъ. Нельзя не пожалѣть, что издатели не помѣстили хотя бы краткой біографіи этой выдающейся русской женщины, и въ наукѣ, и въ жизни безраздѣльно служившей „великому дѣлу любви".

Э. Бессонъ. Бюджетный контроль во Франціи и за границей. Историческое и критическое изслѣдованіе финансоваго контроля первостепенныхъ государствъ Европы. Переводъ С. Халютина. Спб., 1901 года. Сочиненіе Бессона пользуется заслуженной извѣстностью. Авторъ разсматриваетъ постановку контроля въ связи съ политической организаціей странъ и вполнѣ правъ, утверждая, что по колебаніямъ бюджетной теоріи можно прослѣдить измѣнчивое и иногда расходящееся направленіе примѣненія принципа раздѣленія властей (стр. 232). Парламентскій режимъ, ставя управленіе національными средствами подъ контроль общественнаго мнѣнія, представляетъ тѣмъ самымъ лучшее обезпеченіе государственному кредиту. Дебаты въ трибунахъ парламента, однимъ словомъ, общественный надзоръ за финансами, какъ онъ существуетъ въ большинствѣ странъ съ представительными правленіями, способствуетъ подчиненію ихъ лучшему счету, и такимъ образомъ осуществляетъ первыя условія государственнаго кредита (стр. 73). Между тѣмъ при старомъ порядкѣ во Франціи контроль счетной палаты облекался самой непроницаемой таинственностью: когда однажды король пожелалъ сдѣлать справку въ архивахъ, порученныхъ охранѣ счетныхъ чиновъ, то онъ вынужденъ былъ лично явиться въ счетную палату „чтобы избѣжать вреда и случайностей, которые могли послѣдовать отъ открытія и выноса этихъ дѣлъ" (стр. 109). Конечно, такая постановка контроля не могла укрѣпить государственнаго кредита. При старомъ режимѣ во Франціи царили злоупотребленія: не было ни одного исполнителя, который бы не употреблялъ болѣе или менѣе открыто фондовъ своей кассы для коммерческихъ или банковыхъ операцій... Какъ ни запиралась въ то время казна, ее легко было открыть отмычкой, а отмычки были разныя: косвенныя, нѣжныя, женскія (стр. 124). И опубликованный бюджетъ Неккера былъ фальсифицированный, и его остроумно охарактеризовалъ Муренъ: читали ли вы синія дѣтскія сказки,—спрашивалъ Муренъ, показывая на синій переплетъ отчета Неккера (стр. 172)?

Авторъ подробно излагаетъ исторію французскаго бюджета, затѣмъ знакомитъ съ дѣйствующимъ положеніемъ его во Франціи, Англіи, Италіи и болѣе кратко съ положеніемъ въ Пруссіи, Германіи и т. д. Авторъ отмѣчаетъ при этомъ много недочетовъ въ современной постановкѣ французскаго бюджета, такъ какъ счетный законъ, которымъ утверждается исполненіе бюджетовъ, проходитъ иногда только черезъ 7, 8 даже 10 лѣтъ, по выполненіи бюджета. При такомъ порядкѣ вещей, конечно, контроль является мало дѣйствительнымъ, самое воспоминаніе о злоупотребленіяхъ ослабѣваетъ, уменьшается; и отвѣтственность, рѣшенія по нимъ дѣлаются призрачными (стр. 272). Мы не можемъ не быть благодарными за переводъ этого сочиненія, такъ какъ вопросы государственнаго хозяйства все болѣе и болѣе волнуютъ русское общество. Переводчикъ присоединилъ большое введеніе, занимающее шестую часть книги, но читатель ничего не потеряетъ, если не прочитаетъ его, и ничего не выиграетъ, если прочтетъ. Авторъ, повидимому, недостаточно знакомъ съ рус-

ской литературой; напримѣръ, есть интересныя указанія на постановку нашего контроля въ работахъ Мигулина, Саковича; между тѣмъ авторъ ими не воспользовался, и нѣкоторые недочеты нашего контроля имъ замалчиваются. Г. Халютинъ, повидимому, скорѣе задавался цѣлью написать панегирикъ въ честь нашего государственнаго контроля, чѣмъ объективно изложить его устройство и дать ему оцѣнку, что̀ придаетъ невѣрное освѣщеніе данному вопросу. Книга издана очень дешево (1 руб. 30 коп. за 381 страницу очень убористаго шрифта).

ЭТНОГРАФІЯ, ГЕОГРАФІЯ.

С. Ломницкій „Персія и персы“. Эскизы и очерки. — „Европа“. Иллюстрированный географическій сборникъ, составленный преподавателями географіи А. Круберомъ, С. Григорьевымъ, А. Барковымъ и С. Чефрановымъ. — *П. Россовъ.* „Русскій Китай“. Очерки занятія Квантуна и быта туземнаго населенія.—*В. Арефьевъ.* „Описаніе Сибири“. Очерки для народнаго чтенія. Вып. II.—„Разсказы о Восточной Сибири“. Сост. Ф. Девель.

С. Ломницкій. Персія и персы. Эскизы и очерки. 1898 — 1899 — 1900 гг. Спб., 1902 г. Персія, несмотря на свою близость къ Россіи, является для насъ въ достаточной мѣрѣ „terra incognita“. Между тѣмъ, она можетъ служить широкой ареной для торгово-промышленной дѣятельности, которую до послѣдняго времени сосредоточивали въ своихъ рукахъ иностранные капиталисты. Года два-три назадъ замѣчается поворотъ въ этомъ отношеніи.

Такъ, въ 1897 году горный инженеръ Курмановъ образовалъ горнопромышленное товарищество, которое направило иниціатора этого предпріятія и автора книги, заглавіе которой выше приведено, для переговоровъ съ персидскимъ правительствомъ относительно эксплоатаціи рудныхъ богатствъ пограничной Закавказью Азарбайджанской провинціи. Авторъ, въ виду этого, совершилъ малоизвѣстный горный путь изъ Тегерана въ Мешеджеръ и далѣе моремъ въ факторію Гязь. Своимъ пребываніемъ въ Персіи онъ воспользовался для ознакомленія читателей „въ бѣглыхъ замѣткахъ“ съ современнымъ бытомъ персовъ. Таково происхожденіе этой книги. Что касается до ея содержанія, то авторъ разбилъ ее на 29 главъ, гдѣ помимо путевыхъ впечатлѣній и географическихъ описаній (Энзели, Тегеранъ, Рештъ и друг.) касается внутренняго строя Персіи. Авторъ знакомитъ читателей съ положеніемъ женщинъ, персидскимъ духовенствомъ, религіозными мистеріями, сектой бабистовъ, торговлей, государственнымъ строемъ, повелителемъ Ирана и его министрами, войскомъ, путями сообщенія и пр. Все это изложено просто и незамысловато, разсчитано на широкій кругъ читателей. Авторъ вноситъ мягкій тонъ въ описанія нравовъ Персіи, нисколько не пытаясь сказать что-либо оскорбительное для ихъ самолюбія. Онъ полюбилъ, и они отвѣчали ему любовью. Въ этомъ отношеніи очень любопытна глава „Мой первый учитель персидскаго языка Фатьма-Сольжанъ“. Это была крошечная дѣвочка-сиротка, которая подружилась съ авторомъ на дачѣ, совершала съ нимъ прогулки, настойчиво поправляла ему произношеніе персидскихъ словъ и горячо плакала, когда онъ ее покинулъ. Народъ г. Ломницкій описываетъ въ чрезвычайно симпатичныхъ краскахъ, но этого нельзя сказать объ администраціи. Верховная власть въ Персіи въ общемъ носитъ характеръ патріархальный. Это подтверждается даже отсутствіемъ всякихъ законовъ, которые регулировали бы отношенія верховной власти какъ къ населенію, такъ и къ подчиненнымъ ей орга-

намъ. Самое крупное зло персидской администраціи, это—повальное взяточничество. „О мелкомъ чиновничествѣ говорить нечего: все это наши, блаженной памяти, Сквозники-Дмухановскіе, Держиморды, подсудки и стряпчіе дореформенныхъ временъ“. Губернаторъ въ своей провинціи является въ то же время главнымъ судьей во всѣхъ поземельныхъ и вообще гражданскихъ спорахъ. Правою стороною въ поземельныхъ спорахъ является только сторона, лучше заплатившая, причемъ при перемѣнѣ губернатора дѣло переходитъ въ пользу противной стороны, которая заплатитъ хотя бы и менѣе. Такъ земля переходитъ изъ рукъ въ руки. Одинъ изъ туркменовъ разсказывалъ, что онъ со своими товарищами не иначе грабилъ персидскія деревни, какъ по предварительному уговору съ мѣстнымъ начальствомъ, причемъ самъ администраторъ указывалъ имъ ту или другую богатую деревню, но подъ условіемъ, что туркмены доставятъ администратору половину награбленнаго не натурою, конечно, а деньгами. Первымъ, изъ многочисленнаго состава начальства, гонителемъ персидскаго крестьянина является сельскій староста „кетхуда“, а затѣмъ всякій, кто только по своему положенію или состоятельности выше крестьянина.

Положеніе женщины въ Персіи незавидное. Онѣ рѣдко грамотны, и воспитываютъ ихъ, какъ будущихъ наложницъ. Двѣнадцати лѣтъ дѣвочку выдаютъ замужъ, преподавъ ей предварительно все искусство держать мужчину подъ обаяніемъ чисто-физическихъ прелестей. Кромѣ обычнаго брака, въ Персіи знаютъ еще не установленный обычаемъ бракъ—„сигэ“: это—институтъ временнаго гражданскаго брака, заключаемаго при всякомъ удобномъ случаѣ, наприм., при отправленіи на богомолье или торговыя сдѣлки. Нерѣдко „сигэ“ прикрываетъ просто проституцію, причемъ мулла зачастую играетъ роль сводника. Мужъ—властелинъ жены: онъ можетъ развестить съ нею, не указавъ даже повода къ разводу. Мусульмане не знаютъ среди своихъ женщинъ старыхъ дѣвъ; имъ незнакомы европейскія понятія: „мезальянсъ“, „незаконнорожденныя дѣти“, „незаконное сожительство“. Женщина по корану должна считаться чьей-либо женой. Многоженство находитъ ограниченіе въ экономическихъ условіяхъ жизни. Каждая жена со своими дѣтьми—это вражескій лагерь въ отношеніи другой жены и ея потомства. На улицѣ женщины появляются съ закрытыми лицами, задыхаясь лѣтомъ отъ этого покрова. Представители Магомета, муллы, святые—вліятельные въ духовномъ отношеніи люди въ Персіи. Во главѣ персидскаго духовенства считается муштандъ, проживающій въ Кербелѣ, турецкомъ городѣ, вблизи персидской границы. Каждый большой городъ Персіи имѣетъ одного или двухъ муштандовъ. Они вмѣшиваются въ государственную, общественную и частную жизнь персовъ и являются противниками науки, реформъ и сближенія съ европейцами. Къ числу персидскаго духовенства отчасти принадлежатъ также дервиши—члены странствующаго монашескаго ордена, ведущіе нищенскій образъ жизни. Секта ихъ съ болѣе высокимъ философскимъ пониманіемъ религій и задачъ жизни носитъ названіе „суфіевъ“. Одной изъ религіозныхъ мистерій персовъ является кровавая процессія по городу, въ которой воспоминается сраженіе, погубившее Хассана и Гусейна, дѣтей пророка Али. Читатели могутъ составить представленіе о ней по приложенной къ книгѣ фотографіи. Книга иллюстрирована нѣсколькими рисунками, наглядно представляющими столь отдаленный отъ европейца бытъ и нравы Персіи.

Книга эта можетъ быть съ пользою прочитана всѣми, кто интересуется Востокомъ; спеціалистамъ она не даетъ ничего новаго, но для

широкаго круга читателей является положительнымъ пріобрѣтеніемъ, въ виду скудости свѣдѣній въ публикѣ о пограничномъ съ нами государствѣ.

Европа. Иллюстрированный географическій сборникъ, составленный преподавателями географіи А. Круберомъ, С. Григорьевымъ, А. Барковымъ и С. Чефрановымъ. Изд. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°. М., 1902 г. Ц. 2 р. 75 к. Вслѣдъ за двумя географическими сборниками „Азія“ и „Америка“, въ той же серіи и подъ той же редакціей вышелъ третій томъ хрестоматіи, посвященный странамъ европейскимъ („Россія“ выйдетъ отдѣльной книгой). Составители хрестоматіи имѣли въ виду дать „рядъ отдѣльныхъ законченныхъ отрывковъ, преимущественно изъ описаній путешествій, которые иллюстрировали бы различные отдѣлы курса географіи Европы и знакомили въ возможно живой и доступной формѣ съ природой и разнообразной народной жизнью ея отдѣльныхъ странъ“. Задача ихъ выполнена вполнѣ удачно, за немногими, впрочемъ, исключеніями. Читатель найдетъ здѣсь интересные переводные очерки — Нансена, Вессели, Нордау, Грубе, Левелье, Жинисти, Жусте, Фохте, Сенкевича и др., а также умѣло выбранныя и редактированныя выборки изъ произведеній лучшихъ русскихъ писателей, напримѣръ: Вас. Немировича-Данченко—„По Зеландіи“, „Роттердамъ“, „По Западной Германіи“, „Мадридъ“; Е. Маркова—„Въ становищѣ лопарей“, „Въ горахъ южной Норвегіи“, „Мѣдный городъ“, „Въ царствѣ воды и гранита“, „Тріестъ“; Елпатьевскаго—„Поѣздка въ Лондонъ“, „Воскресный день въ Лондонѣ“; А. Краснова—„По Силезіи“, „Праздникъ стрѣлковъ въ Галле“, „Уличная жизнь въ Стамбулѣ“; Д. Мордовцева—„Альгамбра“, „По итальянской Ривьерѣ“; Л. Л. Толстого—„Въ шведской деревнѣ“ и много другихъ статей, прекрасно иллюстрированныхъ хорошо исполненными рисунками. Одинъ изъ крупныхъ недостатковъ книги, это—отсутствіе хорошихъ статей, касающихся славянскихъ земель. И этотъ пробѣлъ чувствуется даже при бѣгломъ знакомствѣ съ хрестоматіей. Чѣмъ объяснить, напримѣръ, слѣдующее совпаденіе: въ то время какъ Венгрія представлена въ четырехъ недурныхъ очеркахъ, Богеміи посвящена небольшая переводная, слишкомъ устарѣвшая и далеко не характерная статья изъ сборника А. Грубе, а объ австрійской Польшѣ не говорится ни слова. Еще болѣе печальная участь постигла южныхъ славянъ; статьи Н. С. „По Болгаріи“ и М. Жюссе „Прогулка по Сербіи“ такъ мало даютъ понятія объ этихъ интересныхъ странахъ Балканскаго полуострова, что любая компиляція съ успѣхомъ могла бы замѣнить ихъ. Нисколько не лучше и описаніе Румыніи, тоже подписанное иниціалами О. В. Въ первой статьѣ читатель найдетъ поверхностное описаніе обѣихъ столицъ придунайскаго княжества, а во второй познакомится съ добываніемъ соли въ горахъ, въ то время какъ соляной промыселъ далеко не характеренъ для румынской жизни. Не говоря уже о прекрасныхъ очеркахъ у сербскихъ и болгарскихъ беллетристовъ, существующихъ даже и въ русскихъ переводахъ А. Степовича, Шарапова и другихъ, составители географическаго сборника могли бы найти о славянскихъ странахъ прекрасные отрывки хотя бы у Вас. Немировича-Данченко, Голицына-Муравлина, Каразина, Амфитеатрова, Канатца, Радулеску, Вейганда, Гугоне, Леже, Лавелея, Харузина, Ровинскаго, Гильфердинга, Срезневскаго и многихъ другихъ писателей. Замѣчательно также то, что кромѣ рисунка „типы черногорцевъ“, южные славяне не удостоились даже и снимковъ, столь обильныхъ при описаніи другихъ европейскихъ странъ.

П. Россовъ. Русскій Китай. Очерки занятія Квантуна и быта туземнаго населенія. Съ приложеніемъ карты „Квантуна“. Портъ-Артуръ. 1901 г. Ц. 2 р. Это одна изъ первыхъ книгъ, напечатанныхъ въ новосозданномъ русскомъ городѣ на дальнемъ Востокѣ и изданныхъ редакціей *Новаго Края*. О причинахъ, замедлившихъ выходъ въ свѣтъ настоящей книги, мы читаемъ: „Обстоятельства военнаго времени истекшаго года отвлекли всѣхъ квантунцевъ отъ мирныхъ занятій. Не избѣгли этой участи и здѣшніе первые дѣятели печатнаго слова, и типографія *Новаго Края* на продолжительное время была лишена своихъ работниковъ, призванныхъ подъ знамена“.

Во всякомъ случаѣ можно только привѣтствовать первые опыты русской печати въ области мирныхъ завоеваній на нашемъ востокѣ, тѣмъ болѣе, что книга г. Россова отличается многими достоинствами. Дѣло въ томъ, что мы до сихъ поръ не имѣли ни одной книги о новоприсоединенныхъ русскихъ краяхъ. Это были или полуофиціальные доклады съ чисто-служебными цѣлями, вродѣ нѣсколькихъ докладныхъ записей „о мѣропріятіяхъ, способствующихъ подъему благосостоянія и культурности страны, а также обрусенію туземца“, изданныхъ въ самомъ ограниченномъ количествѣ главнымъ штабомъ или не напечатанныя министерствомъ финансовъ брошюры Котвича и Бродовскаго, Покатилова и Чешева, Самойлова и друг. Авторъ „Русскаго Китая“ имѣлъ возможность хорошо изучить этотъ интересный край во время своихъ командировокъ въ Китай для изученія „мандаринскаго“ нарѣчія китайскаго языка, и попутно ознакомиться съ условіями быта, этнографическими особенностями, религіей, народнымъ образованіемъ, туземной медициной и другими сторонами туземнаго быта. Это даетъ возможность относиться съ полнымъ довѣріемъ къ сообщеніямъ автора и его интереснымъ этнографическимъ наблюденіямъ.

Нужно принять во вниманіе, конечно, всѣ трудности, сопряженныя съ печатаніемъ такой большой книги въ новой типографіи; этимъ и объясняется, между прочимъ, что только „замѣченныя“ опечатки занимаютъ цѣлыхъ четыре страницы.

В. Арефьевъ. Описаніе Сибири. Очерки для народнаго чтенія. Выпускъ второй. Краткое описаніе губерній и областей Сибири. Томскъ, 1901 г. Ц. 30 к. Въ отзывѣ о первомъ выпускѣ „Описанія Сибири“ мы отмѣтили цѣлый рядъ неоспоримыхъ достоинствъ этой небольшой книжки. Главное вниманіе автора обращено, какъ видно, на тѣ вопросы, которые должны интересовать переселенцевъ; поэтому на каждой почти страницѣ книги г. Арефьева читатель найдетъ самыя точныя цифровыя данныя, касающіяся экономическихъ вопросовъ, столь важныхъ для переселенца, и что̀ даже рѣдко встрѣчается въ дешевыхъ изданіяхъ, — эти цифры взяты изъ книгъ, газетныхъ сообщеній или офиціальныхъ данныхъ самыхъ послѣднихъ лѣтъ. Такимъ образомъ эта недорогая книжка можетъ служить надежнымъ справочнымъ изданіемъ. Въ этомъ отношеніи книга г. Арефьева можетъ замѣнить, между прочимъ, извѣстное изданіе переселенческаго управленія „Сибирь“, вышедшее въ 1899 году, тѣмъ болѣе, что многія свѣдѣнія и этого офиціальнаго изданія въ настоящее время значительно устарѣли, вмѣстѣ съ измѣненіемъ узаконеній относительно переселеній и заселеніемъ бо̀льшей части участковъ, предназначавшихся пять лѣтъ тому назадъ для новыхъ надѣловъ. Изъ правительственныхъ мѣропріятій объ улучшеніи положенія инородцевъ Сибири авторъ приводитъ только тѣ немногія, которыя имѣли на дѣлѣ практическое значеніе. Однимъ словомъ, по книжкѣ

г. Арефьева читатель прекрасно ознакомится съ Восточной Сибирью, Приамурскимъ и Степнымъ краемъ, а въ приложеніи найдетъ свѣдѣнія о количествѣ постояннаго населенія Сибири по переписи 1897 г., краткія свѣдѣнія о положеніи въ Сибири народнаго образованія и т. д. Къ сожалѣнію, авторъ разсказываетъ нѣсколько сухо и зачастую его изложеніе напоминаетъ самый заурядный учебникъ. Это лишаетъ интересную книжку г. Арефьева возможности сдѣлаться занимательнымъ чтеніемъ въ „народныхъ аудиторіяхъ".

Разсказы о Восточной Сибири. Составилъ Ф. Девель. Изданіе второе, исправлен. и дополнен. М., 1901 г. Изд. „Посредника". Ц. 25 к. Авторъ одного изъ лучшихъ „Описаній Сибири", г. Арефьевъ говоритъ между прочимъ, что первое изданіе настоящей книжки составлено „довольно разнообразно и занимательно, но не даетъ достаточно полнаго и цѣльнаго представленія о Восточной Сибири. За неимѣніемъ другихъ хорошихъ книжекъ о Восточной Сибири и она можетъ быть прочтена съ пользой. Цифровыя свѣдѣнія книжки устарѣли". Такой сдержанный отзывъ о книжкѣ Девеля объясняется главнымъ образомъ отсутствіемъ въ 1896 году (годъ перваго ея изданія) надежныхъ источниковъ и офиціальныхъ матеріаловъ о Восточной Сибири. Въ новомъ изданіи всѣ эти недочеты, конечно, устранены. Книжка написана удобопонятнымъ, картиннымъ слогомъ; очень удачно, напримѣръ, описаніе сѣверной тундры зимой и лѣтомъ, тайги лѣсного края Восточной Сибири (стр. 26—27) и друг. Въ то же время читатель найдетъ въ ней немало и практическихъ свѣдѣній, необходимыхъ для переселенца. Вмѣсто обычнаго „Года на Сѣверѣ" С. В. Максимова, которымъ пользовалось до сихъ поръ большинство авторовъ народныхъ изданій о Сибири, забывавшихъ, повидимому, что покойный этнографъ говоритъ о сѣверѣ Европейской Россіи, а не о Сибири, г. Девель приводитъ отрывки изъ такихъ прекрасныхъ произведеній, какъ Чехова „Островъ Сахалинъ", Астырева „На таежныхъ прогалинахъ", Сѣрошевскаго „Якуты", Діонео „На крайнемъ сѣверо-востокѣ Сибири" и мн. др. Нельзя, впрочемъ, похвалить рисунки, помѣщенные среди текста. Они взяты или изъ „Всеобщей географіи" Э. Реклю, изъ „Жизни животныхъ" Брема или же исполнены настолько неудачно, что приходится пожалѣть о такомъ несоотвѣтствіи хорошаго изложенія съ плохими иллюстраціями.

КНИГИ ДЛЯ ДѢТЕЙ, УЧЕБНИКИ.

К. С. Баранцевичъ. „У камелька". Разсказы. (Библіотека „Дѣтскаго Чтенія"). — *А. Зариньш.* „Увлеченіе". Повѣсть изъ быта игрушечныхъ мастеровъ. (Библіотека „Всходовъ").—*А. Алтаевъ.* „Отъ земли", Повѣсть для дѣтей. (Библіотека „Всходовъ").—*Б. Уитби.* „Въ свѣтлую пору жизни". Повѣсть для юношества.—*В. Харузина.* „Царевна Каменное сердечко". Сказочная повѣсть.—*В. Желиховская.* „Кавказъ и Закавказье".—*Е. И. Водовозова.* „Какъ люди на бѣломъ свѣтѣ живутъ. Шведы и норвежцы".—*Е. Балобанова.* „Маръ Ивонна". Изъ моихъ странствованій и приключеній.—„Грамотей". Букварь и первые уроки чтенія съ приложеніемъ упражненій для самостоятельныхъ письменныхъ работъ. Сост. Е. Попова и А. Пѣшехонова.—*Д. Е. Рзянкинъ.* 1) „Ученье свѣтъ". Букварь для начальныхъ школъ и домашняго обученія. 2) „Начальные пріемы обученія чтенію и письму". Краткія замѣтки для обучающихся по букварю „Ученье свѣтъ".—Родной міръ. Книга для чтенія въ сельской школѣ. Сост. О. Н. Попова.

К. С. Баранцевичъ. У камелька. Разсказы. „Библіотека Дѣтскаго Чтенія". Съ рисунками. 1902 г. Цѣна 30 к. Имя г. Баранцевича пользуется довольно значительною извѣстностью среди другихъ именъ дѣтскихъ литераторовъ. Главною заслугою этого писателя является его

стремленіе пробудить въ маленькихъ читателяхъ сочувствіе къ міру обездоленныхъ, который онъ изображаетъ въ своихъ произведеніяхъ. Къ сожалѣнію, разсказы этого писателя не всегда бываютъ удачны: они нерѣдко страдаютъ придуманностью сюжета, нравоучительностью сентенцій. Въ сборникѣ „У камелька“ помѣщены 4 разсказа неравнаго достоинства. Содержаніе перваго изъ нихъ—„Краны“, касается быта мелочныхъ лавочниковъ. Выведены два типа лавочниковъ, описана ихъ жизнь и ихъ житейскія столкновенія. Содержаніе разсказа заключается въ томъ, что одинъ изъ этихъ героевъ совершаетъ кражу, причемъ обвиненіе падаетъ на другого, котораго и сажаютъ поэтому въ тюрьму. Послѣ долгихъ угрызеній совѣсти настоящій воръ, наконецъ, раскаивается и сознается въ своемъ дурномъ поступкѣ. Не представляя ничего новаго по сюжету, разсказъ по формѣ наиболѣе неудачный въ сборникѣ: слогъ мѣстами тяжеловатъ, разговоры искусственны. „Изъ записокъ бура“—не что иное, какъ наивное повѣствованіе кота, который очень неодобрительно относится къ людямъ, находя ихъ хитрыми и лукавыми; зато природу котъ любилъ страстно: описанію южнаго вѣтра въ своихъ „запискахъ“ онъ отводитъ цѣлую страницу! Колоритъ произведенія „Въ осеннюю ночь“ намъ представляется не подходящимъ для дѣтскаго возраста. Суть его состоитъ въ томъ, что двое бродягъ, одинъ болѣе простоватый, другой—хищническаго типа, отправляются въ лодкѣ вылавливать плывущія по Невѣ дрова; но такъ какъ добыча оказывается небольшою, они рѣшаются на воровство. При этомъ хищникъ чуть не погибаетъ, а товарищъ безжалостно бросаетъ его въ бѣдѣ. Грубые разговоры, отсутствіе всякой искорки человѣчности въ персонажахъ повѣсти и какая-то безотрадность тона не могутъ ни съ какой положительной стороны содѣйствовать развитію маленькихъ читателей. Въ разсказѣ остаются необъясненными мало знакомыя слова, какъ, напримѣръ: „потесь“, „унжакъ“. Лучшимъ можно считать послѣдній разсказъ—„Мымра“. Въ немъ читатели знакомятся съ симпатичнымъ типомъ нескладнаго, но трудолюбиваго школьника, сына недостаточныхъ родителей. Своеобразный юноша въ гимназіи сумѣлъ остаться самъ собою, не ломая своей натуры и не втискивая ее въ рамки школьнаго режима. Въ концѣ разсказа въ двухъ словахъ говорится и о дальнѣйшей жизни „Мымры“: онъ и въ жизни тоже сидѣлъ на „задней скамьѣ“, но и на ней онъ умѣлъ работать на пользу родинѣ и помогалъ своимъ старикамъ. Для цѣны въ 30 к. книжка издана прекрасно. Картинки недурны.

А. Зарина (А. Заринъ). Увлеченіе. Повѣсть изъ быта игрушечныхъ мастеровъ. Библіотека „Всходовъ“. Ц. 40 к. Спб., 1901 г. Повѣсть принадлежитъ къ числу нравоучительныхъ произведеній, которыя пишутся обыкновенно спеціально для дѣтей, причемъ авторы ихъ считаютъ себя свободными отъ обязанности имѣть какой-либо литературный талантъ. Все дѣло сводится здѣсь къ поучительной темѣ, соотвѣтствующей одной изъ „заповѣдей“: не укради, не убій и т. д. Г. Заринъ (а не *Зарина*, какъ обозначено въ заголовкѣ) задался цѣлью наглядно (и очень растянуто) доказать читателямъ, что красть у отца деньги не слѣдуетъ, а чтобы приковать вниманіе дѣтей къ своей повѣсти, обратился къ „быту“ игрушечныхъ мастеровъ и очень много мѣста отводитъ описанію игрушечнаго товара и пріемовъ его производства. Никакихъ, однако, бытовыхъ особенностей названнаго разряда тружениковъ въ повѣсти мы не нашли. Все описанное могло бы произойти въ любой средѣ людей, если не считать, напримѣръ, флюса, которымъ вѣчно страдала одна хозяйка игрушечнаго магазина и который, на-ряду съ гнилыми

зубами у нѣкоторыхъ другихъ изъ дѣйствующихъ лицъ повѣсти, авторъ склоненъ, повидимому, считать за бытовую особенность игрушечныхъ мастеровъ. Повѣсть вообще до того трафаретна, что благія намѣренія автора ея угадываются едва ли ни съ первыхъ страницъ (а ихъ всего 171).

А. Алтаевъ. Отъ земли. Повѣсть для дѣтей. Библіотека „Всходовъ“. Спб., 1901 г. Ц. 50 к. Авторъ этой повѣсти „для дѣтей“ проникнутъ самымъ искреннимъ желаніемъ внушить имъ цѣлый рядъ добрыхъ и благородныхъ идей и помысловъ. Но эта деликатная задача вовсе не такъ легка, какъ это кажется съ перваго взгляда. Берутся за нее многіе, но... много званыхъ, да мало избранныхъ. Сказать просто: „дѣти, не дѣлайте того-то и того-то“—легко, но, какъ извѣстно, не достигаетъ цѣли. Дѣти въ одно ухо впускаютъ, а изъ другого выпускаютъ. Прибѣгаютъ къ другому средству. Тѣ же сентенціи пытаются внѣдрить въ легкомысленныя головы путемъ книжнымъ, изображая поученія въ лицахъ, примѣрами, взятыми какъ будто изъ дѣйствительной жизни. И это сдѣлать легко: бери перо и бумагу—и пиши. Безчисленные дѣтскіе писатели такъ и поступаютъ. Дѣти, можетъ быть, отъ скуки прочтутъ, но на бѣду, присущая имъ житейская неопытность, которая должна бы ихъ дѣлать крайне довѣрчивыми и такъ сказать беззащитными отъ докучливыхъ книжныхъ нравоученій, замѣняется у нихъ съ успѣхомъ драгоцѣннымъ качествомъ—душевною чуткостью. Никто лучше ихъ не способенъ чуять правду, никто лучше ихъ не защищенъ отъ всякой фальши замѣчательной проницательностью. Эта послѣдняя и является главнымъ врагомъ всякихъ благихъ намѣреній дѣтскихъ писателей и ихъ слащавыхъ произведеній. Къ числу такихъ произведеній принадлежитъ и лежащая передъ нами повѣсть г. Алтаева. Это чрезвычайно растянутый и многословный разсказъ, переполненный массою ненужныхъ подробностей и описаній, эпизодическихъ лицъ и таковыхъ же событій—о крестьянскомъ мальчикѣ-полусиротѣ, 8-лѣтнемъ пастушенкѣ, сдѣлавшемся впослѣдствіи извѣстнымъ художникомъ. При соблюденіи извѣстной мѣры въ отдѣльныхъ частяхъ повѣсти, при отсутствіи тенденціозности въ описаніяхъ разныхъ деталей, при большей наблюдательности и чуткости автора, избранная имъ тема могла бы представить немалый интересъ для юныхъ читателей. Но желаніе сказать дѣтямъ слишкомъ многое растянуло безъ нужды повѣсть и испортило то хорошее, что она могла бы дать.

Б. Уитби. Въ свѣтлую пору жизни. Повѣсть для юношества. Съ англійскаго. Изд. В. Бекманъ. Спб., 1901 г. Ц. 1 руб. 25 коп. Рѣдко можно встрѣтить повѣсть, написанную спеціально для юношества, которая удовлетворяла бы своему назначенію. Много трактовалось уже объ устарѣлости пріемовъ, которые пускаются въ ходъ авторами подобныхъ повѣстей, и тѣмъ не менѣе пріемы эти существуютъ во всей своей силѣ и по сіе время. Обыкновенно принято въ повѣстяхъ подобнаго рода или предписывать что-нибудь читателямъ или поучать ихъ чему-либо, или, въ лучшемъ случаѣ, отъ чего-нибудь ихъ предостерегать,—въ лучшемъ потому, что описаніе пороковъ, какъ бы оно ни было утрировано, все же интереснѣе и жизненнѣе описанія несуществующихъ добродѣтелей.

Повѣсть Б. Уитби представляетъ собой исключеніе. Тутъ все жизненно, все правдиво и въ то же время все такъ свѣтло, какъ бываетъ только въ пору юношества. Именно молодостью вѣетъ отъ всей повѣсти. Молоды ея герои, очерченные живо и художественно, молоды всѣ ихъ чувства, мысли и поступки. Далеко не все въ ихъ жизни идетъ гладко. Тучи постоянно бродятъ на ея горизонтѣ и нерѣдко сгущаются, разражаясь

грозой надъ самыми ихъ головами; но, какъ бываетъ именно въ весеннюю пору молодости, выглянувшее солнце разсѣиваетъ эти тучи и подъ его живительными лучами вырастаютъ новые побѣги счастія и радости на мѣстѣ старыхъ надломленныхъ грозой. Рубцуются и заживаютъ раны, нанесенныя часто грубой и безжалостной рукой жизни, и снова молодость, оставшаяся побѣдительницей, съ запасомъ новыхъ силъ ищетъ и ждетъ чего-то все отъ той же жизни.

В. Харузина. Царевна Каменное сердечко. Сказочная повѣсть. Изд. Е. Лавровой и Н. Попова. Спб., 1899 г. Ц. 30 к. Къ произведенію г-жи Харузиной подходитъ нѣсколько оригинальное названіе „сказочной повѣсти". Обыденная дѣйствительность здѣсь тѣсно переплетается со сказочнымъ вымысломъ, и поэтому названное произведеніе нельзя подвести ни подъ одну изъ существующихъ въ нашемъ обиходѣ формъ повѣствованія. Во всякомъ случаѣ „Царевна Каменное сердечко" прочтется съ интересомъ дѣтьми старшаго возраста. Задумана она хорошо, въ основаніи имѣетъ вѣчно старую и вѣчно новую идею любви и самоотверженія и написана довольно живо, хотя неровно въ стилистическомъ отношеніи. Издана книжка хорошо, на прекрасной бумагѣ и съ иллюстраціями художника Некрасова.

В. Желиховская. Кавказъ и Закавказье. Съ рисунками и картиной Кавказа. Изд. третье К. И. Тихомирова. М., 1901 г. Ц. 25 к. Книжка г-жи Желиховской выходитъ въ свѣтъ третьимъ изданіемъ, причемъ первое внесено въ каталогъ книгъ мин. нар. просв. для низшихъ училищъ и для безплатныхъ народныхъ библіотекъ и читаленъ. Какъ намъ кажется, она заслуживаетъ еще болѣе широкаго распространенія и съ пользой можетъ быть примѣнена въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, въ качествѣ пособія для учащихся при прохожденіи географіи Кавказа. Она содержитъ въ себѣ довольно подробное, при небольшихъ своихъ размѣрахъ, географическое описаніе Кавказа въ связи съ его исторіей, причемъ значительное мѣсто отводится этнографіи края. Написана она просто и занимательно.

Е. И. Водовозова. Какъ люди на бѣломъ свѣтѣ живутъ. Шведы и норвежцы. Съ 10-ю карт. В. М. Васнецова и др. Спб., 1901 г. Ц. 40 к. Въ отдѣльныхъ книжкахъ г-жи Водовозовой, посвященныхъ описанію быта отдѣльныхъ народовъ, разсказъ ведется по тому же плану, какой хорошо извѣстенъ изъ капитальнаго труда автора „Жизнь европейскихъ народовъ". Читатель найдетъ въ книжкѣ г-жи Водовозовой описаніе природы и страны, характера народа, обычныхъ занятій, этнографическихъ чертъ, праздничныхъ обычаевъ, наконецъ, государственнаго устройства и т. д. Жаль, что вопросу о трудовой помощи въ этихъ сѣверныхъ государствахъ посвящено всего 14 строкъ: о союзахъ взаимопомощи и обществахъ для закупки матеріаловъ среди шведскихъ рабочихъ говорится въ общихъ выраженіяхъ.

Е. Балобанова. Маръ-Ивонна. Изъ моихъ странствованій и приключеній. Съ иллюстраціями. 1901 г. Ц. 90 к. Книга г-жи Балобановой читается съ интересомъ. Она написана просто и занимательно и хотя, повидимому, предназначается для дѣтей средняго и старшаго возраста, но ее съ удовольствіемъ прочтетъ и взрослый читатель. Г-жа Балобанова отлично знаетъ Бретань, которую изъѣздила и исходила вдоль и поперекъ, и это уже не первая ея литературная работа, гдѣ она дѣлится съ публикой своими свѣдѣніями и впечатлѣніями. Ею собрано много легендъ, таинственныхъ, наивныхъ и часто весьма поэтичныхъ, какими бываютъ только плоды самобытной народной фантазіи и

творчества. Разсматриваемая книжка содержитъ въ себѣ также много подобныхъ легендъ въ связи съ описаніями тѣхъ или иныхъ замѣчательныхъ мѣстностей и памятниковъ. Названіе же свое „Маръ-Ивонна“ она получила отъ имени одной старушки бретонки, часто служившей автору путеводительницей во время его странствованій. Кромѣ собиранія легендъ, автора во время странствованій интересовали также и современные нравы бретонцевъ, благодаря чему и читатель „Маръ-Ивонны“ получитъ объ этомъ предметѣ нѣкоторое представленіе.

Грамотей. Букварь и первые уроки чтенія съ приложеніемъ упражненій для самостоятельныхъ письменныхъ работъ. Составили Е. Попова и А. Пѣшехонова. Изданіе третье. Спб., 1901 г. Ц. 20 к. Букварь „Грамотей“ удобенъ въ томъ отношеніи, что учащимся съ самыхъ первыхъ шаговъ даетъ возможность читать не только слова, но и цѣлыя фразы, причемъ составительницы, повидимому, главнымъ образомъ добиваются возможно скорѣйшаго прохожденія всего алфавита. Къ достоинствамъ его также слѣдуетъ отнести обиліе матеріала для чтенія. Въ концѣ книжки помѣщенъ рядъ полезныхъ упражненій.

Д. Е. Рзянкикъ: 1) Ученье—свѣтъ. Букварь для начальныхъ школъ и домашняго обученія. Цѣна въ папкѣ 15 к. 2) Начальные пріемы обученія чтенію и письму. Краткія замѣтки для обучающихъ по букварю „Ученье—свѣтъ“. Цѣна. 20 к. Баку, 1901 г. Въ Букварѣ „Ученье-свѣтъ“ мы имѣемъ еще одинъ хорошій букварь. Правда, при обиліи существующихъ букварей онъ не представляетъ собою чего-либо оригинальнаго, но авторъ, повидимому, и не притязаетъ на оригинальность. Онъ желаетъ лишь дать дѣтямъ „легкій интересный и осмысленный матеріалъ“ для ихъ первыхъ шаговъ на поприщѣ обученія, и этого онъ въ своемъ букварѣ успѣшно достигаетъ. Къ сожалѣнію, въ послѣднемъ отсутствуютъ рисунки, что̀ представляетъ крупный недостатокъ. Брошюра „Начальные пріемы обученія“ даетъ хорошее и обстоятельное руководство для начинающаго учителя, вполнѣ достаточное, чтобы освоиться съ пріемами звукового метода.

Родной міръ. Книга для чтенія въ сельской школѣ. Годъ первый. Составила О. Н. Попова. Изд. второе. Спб., 1901 г. Ц. 25 к. „Книга для чтенія“ г-жи Поповой, заключающая въ себѣ и букварь и, такимъ образомъ, удовлетворяющая заразъ двумъ потребностямъ перваго года обученія, представляетъ полезное руководство для начальной школы. При своей дешевизнѣ, она содержитъ въ себѣ много матеріала для чтенія, издана прекрасно и аккуратно, на хорошей бумагѣ, съ отчетливо исполненными рисунками. Къ недостаткамъ ея слѣдуетъ отнести малое количество упражненій. Правда, составительница въ коротенькомъ предисловіи даетъ нѣсколько образчиковъ для подобныхъ упражненій, причемъ предоставляетъ учителю самому „придумать дальнѣйшія упражненія“, но лучше было бы, если бы ея „Книга для чтенія“ сама давала ихъ въ готовомъ видѣ.

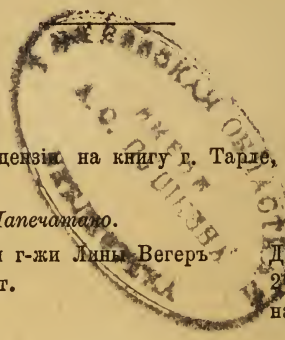
КНИГИ ДЛЯ НАРОДА.

Клавдія Лукашевичъ. „Курскій астрономъ-самоучка Ѳедоръ Алексѣевичъ Семеновъ". Біографическій очеркъ.—*Н. А. Рубакинъ.* „Разсказы о великихъ событіяхъ разныхъ временъ и народовъ". Великія войны и борьба съ войною.—*С. Мельгуновъ.* Карлъ Великій.

Клавдія Лукашевичъ. Курскій астрономъ-самоучка Ѳедоръ Алексѣевичъ Семеновъ. Біографическій очеркъ. Дешевыя изданія Т-ва Д. И. Сытина. М., 1901 г. Ц. 5 к. Дѣятельность русскаго самороднаго астронома относится къ тому времени, когда видные столичные литераторы и ученые съ необыкновеннымъ рвеніемъ разыскивали по глухимъ уголкамъ Руси „собственныхъ Платоновъ и быстрыхъ разумомъ Невтоновъ", которыхъ „можетъ рождать россійская земля". Многимъ такимъ отечественнымъ талантамъ покровительствовалъ, между прочимъ, извѣстный публицистъ Павелъ Свиньинъ, который на страницахъ основанныхъ имъ *Отечественныхъ Записокъ* охотно давалъ мѣсто произведеніямъ сельской музы разныхъ поэтовъ изъ крестьянъ и мѣщанъ. Насколько намъ извѣстно, въ томъ же журналѣ въ 1822 г. (ч. IX, № 21) появилось первое упоминаніе о нашемъ самородкѣ, а именно, статья С. Бутырскаго „Ѳедоръ Алексѣевичъ Семеновъ, мясникъ-астрономъ въ Курскѣ". Затѣмъ послѣдовали письма къ издателю не менѣе извѣстныхъ писателей Н. А. Полевого, Д. М. Перевощикова, М. П. Погодина и другихъ. Всѣ эти статьи настолько упрочили славу курскаго метеоролога и „предсказывателя" погоды и затменій, что вызвали серьезную книгу покойнаго И. С. Ремезова, посвященную жизнеописанію нашего самороднаго ученаго, и прекрасный разборъ ея Ореста Миллера. Были также попытки популяризаціи этого изслѣдованія, но въ большинствѣ случаевъ ихъ нельзя назвать удачными. Въ небольшой книжкѣ г-жа Лукашевичъ передаетъ біографію Семенова въ формѣ довольно занимательнаго разсказа.

Н. А. Рубакинъ. Разсказы о великихъ событіяхъ разныхъ временъ и народовъ.—Великія войны и борьба съ войною. Съ рисунками. Изд. Д. Г. Алексѣева. Спб., 1901 г. Ц. 35 к. Книжка г. Рубакина заслуживаетъ широкаго распространенія, и ее особенно можно рекомендовать въ народныя читальни. Что такое война, изъ-за чего она ведется и къ чему она приводитъ,—обо всемъ этомъ многіе читатели имѣютъ весьма смутное понятіе; между тѣмъ разсматриваемая книжка даетъ на этотъ счетъ довольно обстоятельные и удобопонятные отвѣты. Кромѣ того, проникнутая анти-военной тенденціей, она является вполнѣ своевременной популяризаціей общественныхъ теченій. Правда, разсказъ выигралъ бы, если бы авторъ побольше останавливался на нѣкоторыхъ подробностяхъ, которыя особенно сильно могутъ повліять на воображеніе читателя; это сообщило бы изложенію характеръ большей картинности и образности, а слѣдовательно усиливало бы его интересъ; но въ разсчеты автора, повидимому, не входило распространять размѣры своей небольшой книжки, поэтому онъ мѣстами какъ бы старается быть краткимъ. Впрочемъ, два первые разсказа „Войны звѣрей" и „Войны дикарей", помѣщаемые въ книжкѣ чрезвычайно умѣстно и составляющіе какъ бы введеніе во всеобщую исторію человѣческихъ войнъ, не страдаютъ отсутствіемъ упомянутыхъ качествъ и прочтутся съ особенно живымъ интересомъ.

С. Мельгуновъ. Карлъ Великій. Изданіе Н. М. К. Москва, 1901 г. Ц. 8 к. Дешевая книжка г. Мельгунова пригодится для самостоятельнаго чтенія въ начальныхъ школахъ, а также для народныхъ библіотекъ. Самый сюжетъ ея интересенъ, и написана она популярно, простымъ языкомъ, пожалуй даже слишкомъ простымъ, потому что мѣстами видно желаніе автора поддѣлаться подъ народный языкъ, что̀ всегда служитъ не къ достоинствамъ изложенія. Книжка прочтется и съ интересомъ, и съ пользой.



Въ январской книгѣ, въ рецензіи на книгу г. Тарле, вкрались слѣдующія опечатки:

Стр.	*Строка.*	*Напечатано.*	*Надо читать.*
8	12	Диссертація г-жи Лины Вегеръ	Дисс. г-жи Лины Бегеръ
8	29	22 мил. жит.	$2^1/_2$ мил. жит.
10	4 снизу	на болѣе	наиболѣе

ИЗДАНІЯ РЕДАКЦІИ
журнала „Русская Мысль“,

находящіяся при конторѣ журнала

(*Москва, Воздвиженка, Ваганьковскій пер., домъ Аплаксиной*).

Библіотека „Русской Мысли“.

I. **Сенкевичъ, Генр.** Черезъ степи. Перев. В. М. Лаврова. Ц. 40 к.

II. **Ремезовъ, М. Н.** Клеопатра. Картинки античнаго міра. Ц. 40 к.

III. **Альбовъ, М. Н.** Юбилей. Не совсѣмъ обыкновен. исторія. Ц. 1 р.

IV. **Баранцевичъ, К. С.** Побѣда. На сѣверѣ дикомъ. Ц. 1 р.

V. **Ожешкова, Элиза.** Милордъ. Бабушка. Ц. 50 к. Особымъ отдѣломъ Учен. Комитета Министерств. Народн. Просв. допущена въ народныя библіотеки и читальни.

VI. **Ремезовъ, М. Н.** Іудея и Римъ. Картинки античнаго міра. Ц. 50 к.

VII. **Немировичъ - Данченко, Вл. Ив.** Драма за сценой. Ц. 1 р.

VIII. **Корелинъ, М. С., проф.** Очерки Итальянскаго Возрожденія. Ц. 1 р. Особымъ отдѣломъ Учен. Ком. Мин. Нар. Просв. эта книга допущена въ безплатныя народныя библіотеки и читальни.

IX. **Маминъ - Сибирякъ, Д. Н.** Братья Гордѣевы. Охонины брови. Ц. 1 р.

X. **Ладыженскій, В. Н.** Стихотворенія. Ц. 25 к.

XI. **Немировичъ - Данченко, Вас. Ив.** Лялька. Ц. 60 к.

XII. **Ожешкова, Элиза.** Панна Роза. Великій. Среди цвѣтовъ. Перев. В. М. Лаврова. Ц. 50 к.

XIII. **Ремезовъ, М. Н.** По Шлюмберже. Картины жизни Византіи въ X вѣкѣ. Ц. 50 к.

XIV. **Ремезовъ, М. Н.** Византія и Византійцы конца X вѣка. Ц. 50 к.

XV. **Ремезовъ, М. Н.** Эпилоги византійскихъ драмъ. Ц. 50 к.

Научно-популярная библіотека „Русской Мысли“.

(Подъ редакціей К. А. Тимирязева и В. А. Гольцева).

I. **Нассе и Лексисъ, В.** Металлическія деньги и валюта. Ц. 60 коп.

II. **Пере.** Умственное воспитаніе ребенка съ колыбели. Ц. 60 к.

III. **Дюкло.** Пастёръ. Изслѣдованіе о броженіи и самозарожденіи. Ц. 40 к. Одобрено Учен. Ком. Мин. Нар. Пр. для фундаментальн. и ученическихъ, старшаго возраста, библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній.

IV. **Бартъ, А.** Религіи Индіи. Ц. 1 р.

V. **Гауппъ, Отто.** Гербертъ Спенсеръ. Ц. 50 к.

VI. **Погожева.** Шериданъ. Школа злословія. Біографическ. очеркъ Шеридана. Ц. 60 к. Допущена Ученымъ Комитетомъ Мин. Нар. Пр. въ ученическія, старшаго возраста, библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній вѣдомства Мин. Нар. Просв.

VII. **Гиро, П., проф.** Фюстель де-Куланжъ. Перев. А. Н. Чеботаревской. Ц. 50 к. Допущена Ученымъ Комитетомъ Мин. Нар. Пр. въ безплатныя народныя библіотеки и читальни.

VIII. **Дюкло.** Пастёръ. Заразныя болѣзни. Ц. 40 к.

IX. **Галле, Андре.** Бомарше. Перев. М. В. Лаврова. Ц. 40 к.

X. **Бертло.** Наука и нравственность. Ц. 60 к.

XI. **Геккель.** Натуралистъ подъ тропиками. Ц. 60 к.

XII. **Делажъ.** Наслѣдственность. Ц. 50 коп.

Изданія редакціи журнала „Русская Мысль“.

Анненкова-Бернардъ, Н. (Н. П. Дружинина). Разсказы и очерки. Ц. 1 р. 50 к.

Бобрищевъ - Пушкинъ, А. М. Эмпирическіе законы дѣятельности русскаго суда присяжныхъ (съ атлас.). Ц. 4 р.

Богословскій, В. С., проф. Пятигорскія и съ ними смежныя минеральныя воды. 5-е изд. Ц. 1 р.

Бурже, Поль. Трагическая идиллія. Пер. М. Н. Ремезова. Ц. 1 р.

Данилинъ, И. А. Очерки и разсказы. Ц. 1 р.

Женщина. Статьи г-жи Элизы Ожешковой, m-me Альфонсъ Доде, Пардо Базанъ, Лауры Маргольмъ, Карменъ Сильва, D. Menant. Ц. 40 к.

Козловъ, П. А. Полное собраніе со-

чиненій въ 4-хъ т. Ц. 5 р. Каждый томъ отдѣльно по 1 р. 50 к.

Корелинъ, П. С., проф. Иллюстрированныя чтенія по культурной исторіи. Вып. I. Египетскіе боги. Вып. II: Средневѣковая церковная готика. Вып. III: Финикійскіе мореплаватели и ихъ культура. Одобрено Учен. Ком. Мин. Нар. Просв. для ученическихъ, старш. возр., библ. средн. учебн. заведеній мужск. и женск. Ц. за I вып. 50 к., за II и III вып. по 30 к. Вып. IV: Ассирійскій народъ и его боги-покровители. Ц. 30 к. Вып. V: Кто были наши предки и гдѣ они жили. Ц. 30 к.

Матушевскій, Игнацій. Дьяволъ въ поэзіи. Исторія и психологія фигуръ, олицетворяющихъ зло въ изящной словесности всѣхъ народовъ и вѣковъ. Этюдъ по сравнительной исторіи литературы. Переводъ съ польскаго второго дополн. и переработаннаго изданія. В. М. Лаврова. Ц. 1 р.

Мачтетъ, Г. А. Силуэты. Томъ II. Въ тундрѣ и въ тайгѣ. Заклятый казакъ. Жидъ. Бѣлая Панна. Хамелеонъ. Пессимистка. Холера. Добрый волкъ. Ц. 1 р. 50 к.

Милюковъ, П. Н. Главныя теченія русской исторической мысли. Т. I. Изд. 2-е. Ц. 1 р. 50 к.

Ожешкова, Элиза. Повѣсти и разсказы. Томъ I: Сѣренькая идиллія. Сильный Самсонъ. Хамъ. Подвижница. Ц. 1 р. 50 к. Томъ II: Ни клочка. Смерть дома. Съ пожара. Четырнадцатая часть. Юльянка. Моментъ. Ц. 1 руб. 50 коп. Перев. В. М. Лаврова.

Ея же. Надъ Нѣманомъ. Романъ въ 3 ч. Перев. В. М. Лаврова. Ц. 1 р. 50 к.

Ея же. Сильвекъ. Ром. въ 2-хъ част. Ц. 1 р.

Ея же. Меланхолики. Ц. 1 р. 50 к.

Сенкевичъ, Генрикъ. Повѣсти и разсказы. Изд. 2-е, удешевленное. Та Третья. Поѣздка въ Аѳины. Янко музыкантъ. Старый слуга. Ганя. У источника. Идиллія. Фонарщикъ на маякѣ. Бартекъ побѣдитель. Пойдемъ за нимъ. Перев. В. М. Лаврова, съ предисловіемъ В. А. Гольцева. Ц. 1 р. Учен. Ком. Мин. Нар. Просв. допущена въ безплатныя народныя библіотеки и читальни.

Его же. Безъ догмата. Романъ. Перев. В. М. Лаврова. Изд. 3-е. Ц. 1 р.

— Путевые очерки. Письма изъ Африки. Письмо изъ Венеціи. Письмо изъ Рима. Нерви. Перев. В. М. Лаврова. Ц. 1 р. 50 к. Учен. Комит. Мин. Нар. Просв. одобрена для безплатныхъ народныхъ библіотекъ и читаленъ.

— Семья Поланецкихъ. Романъ. Перев. В. М. Лаврова. Ц. 3 р.

— Камо грядеши? (Quo vadis). Историческій романъ изъ временъ Нерона. Переводъ В. М. Лаврова. Съ примѣчаніями С. И. Соболевскаго. 2-е, удешевленное, изд. Ц. 1 р.

— На ясномъ берегу. Повѣсть. Пер. В. М. Лаврова. Ц. 30 к.

— Крестоносцы. Историческій романъ. Пер. В. М. Лаврова. Ц. 1 р. 50 к.

Чеховъ, Мих. Закромъ. Словарь для сельскихъ хозяевъ. Ц. 1 р.

Эртель, А. И. Гарденины, ихъ дворня, приверженцы и враги. Ц. 2 р.

Эске-Хоинскій, Теодоръ. Послѣдніе римляне. Историческій романъ изъ временъ Ѳеодосія Великаго. Пер. П. В. Лаврова. Ц. 1 р. 50 к.

Юнóша, Клеменсъ. Сизифъ. Картинки деревенской жизни. Перев. В. М. Лаврова. Ц. 50 к.

Народныя изданія редакціи журнала „Русская Мысль“.

Что такое подати и для чего ихъ собираютъ? 4-е издан. Ц. 3 к. Учен. Комит. Мин. Нар. Просв. одобрена для безплатныхъ народ. читаленъ и для публичныхъ народныхъ чтеній.

Народный поэтъ И. С. Никитинъ. 2-е изд. Ц. $1^1/_2$ к.

Сенкевичъ. Янко музыкантъ. Ц. $1^1/_2$ к.

Сенкевичъ. Пойдемъ за нимъ! 2-е изд. Ц. 6 к.

— Бартекъ-побѣдитель. Ц. 12 к.

— Фонарщикъ на маякѣ и Янко музыкантъ. Ц. 6 к.

Ожешкова, Элиза. Юльянка. Ц. 15 к. Учен. Ком. Мин. Нар. Просв. допущена для безплатныхъ народныхъ библіотекъ и читаленъ.

Списокъ книгъ для народныхъ библіотекъ на сумму отъ 5 до 500 р. Ц. 10 к.

Новая библіотека „Русской Мысли“.

Южные сосѣди китайцевъ. Французы въ Тонкинѣ и Кохинхинѣ; Аннамъ, Сіамъ и англійская Бирманія. Съ картой Индо-Китая и рисунками въ текстѣ. 115 стр. Ц. 25 к.

Жизнь и труды Эдисона. Съ портретомъ Эдисона. Составилъ *Левъ Уманецъ*. 112 стр. Ц. 20 к. Особ. Отд. Мин. Нар. Пр. допущено въ безплатныи народныя библіотеки и читальни, въ учительскія библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній.

Борьба человѣка съ животными. *Проф. Экштейна.* Переводъ съ нѣмецкаго *Г. А. Котляра.* Съ рисунками въ текстѣ. 172 стр. Ц. 30 к.

Открыта подписка на 1902 годъ (второй годъ изданія)

на безцензурный научно-общественный журналъ

НАРОДНОЕ ХОЗЯЙСТВО,

посвященный экономическимъ и финансовымъ вопросамъ, земскому и городскому самоуправленію.

Редакторъ-издатель проф. **Л. В. Ходскій.**

Адресъ редакціи и конторы: *С.-Петербургъ, Ямская ул., 30.*

Подписная плата съ доставкою и пересылкою за годъ 10 р. Допускается разсрочка: при подпискѣ 5 р., остальное къ маю мѣсяцу. Экземпляры журнала за 1900 и 1901 гг. по 6 руб. за годъ. Можно наложеннымъ платежомъ. Заграничные подписчики добавляютъ за перес. по 2 р. въ годъ. Подписываться можно во всѣхъ значительныхъ книжныхъ магазинахъ. Книгопродавцамъ коммиссіонная уступка 5%.

Въ 1901 году въ журналѣ, между прочимъ, помѣщены слѣдующія статьи: „Развитіе воззрѣній на методъ въ политической экономіи“, *В. Святловскаго.* — „Кантіанизмъ въ новѣйшей соціально-экономической литературѣ“, *К. Форлендера.*—„Теоретическіе итоги русскаго марксизма“, *Константина —ова.*—„Принципы финансоваго хозяйства“, *Л. Ходскаго.* — „Промышленное оживленіе и желѣзнодорожныя перевозки“, *В. В.*—„Д. И. Менделѣевъ и уральская горная промышленность“, *И. Остроумова.*—„Объ организаціи статистики урожаевъ въ Россіи“, *А. Котельникова.*—„Государственный промысловой налогъ“, *А. Еропкина.* — „Экономическое положеніе духоборовъ въ Канадѣ“, *В. Б. Б.* — „Къ вопросу объ устройствѣ бывшихъ удѣльныхъ крестьянъ“, *В. Маноцкова.*—„Ссудо-сберегательныя товарищества“, *С. Прокоповича.* — „Тресты и синдикаты“, *Г. Дженкса.* — „Фабіанцы и ихъ воззрѣнія на общественное хозяйство“, *Е. Булгаковой,* — „Англійское рабочее законодательство“, *Эд. Бернштейна.*—„Опытъ законодательной нормировки заработной платы“, *В. Рива.*—„Экономическая сторона университетскаго вопроса“, *Л. Х.*—„С.-Петербургскій Политехническій Институтъ“, *Ординарнаго Обозрѣвателя.* — „Указатель экономическихъ журнальныхъ статей и книгъ, отмѣченныхъ критикой въ русскихъ журналахъ за 1900 годъ.

Кромѣ постоянныхъ—внутренняго и литературнаго обозрѣній,—въ журналѣ помѣщаются обозрѣнія по земскому и городскому хозяйству, экономической жизни въ иностранныхъ государствахъ и проч.

Въ журналѣ принимали участіе: Г. Баскинъ, П. Берлинъ, В. Б. Б., Е. Булгакова, Л. Бухъ, В. Бѣлинскій, А. Веснинъ, П. Вихляевъ, В. В., О. Г—въ, П. Головачевъ, П. Голубевъ, прив.-доц. І. Гольдштейнъ, І. Десятовъ, П. Е., А. Еропкинъ, проф. В. Залѣскій, А. Кауфманъ, А. Котельниковъ, Н. Крыловъ, І. Кулишеръ, К. Купаловъ, М. Курчинскій, проф. В. Лебедевъ, проф. В. Левитскій, В. Маноцковъ, В. М—скій, В. Мейенъ, проф. А. Миклашевскій, М. Неручневъ, А. Одарченко, П. Одарченко, Р. Ольгинъ, И. Остроумовъ, С. Прокоповичъ, А. Радцигъ, прив.-доц. В. Святловскій, В. Скалонъ, Е. Смирновъ, Г. Содовскій, Старый профессоръ, В. Тотоміанцъ, В. Туторскій, проф. А. Фортунатовъ, проф. Л. Ходскій, проф. Н. Цытовичъ, Г. Шрейдеръ, Ф. Щербина и др.

Журналъ выходитъ ежемѣсячно, кромѣ іюля и августа.

Преподаватели, студенты, лица, служащія по земскому и городскому управленію, а также въ учрежденіяхъ финансоваго вѣдомства, г. контроля и т. п., по желанію, при заявленіи конторѣ, могутъ пользоваться уступкою 20%, т.-е. 8 руб. въ годъ и 4 р. 80 к. за старый годъ.

Подписчика на „НАРОДНОЕ ХОЗЯЙСТВО“ могутъ пріобрѣтать въ конторѣ журнала всѣ книги проф. Л. В. Ходскаго съ уступкою 20%.

За напечатаніе при журналѣ объявленій взимается: за одну страницу 20 руб., 1/2 стр. 10 руб., 1/4 стр. 5 руб., 1/8 стр. 2 руб. 50 к. При повторныхъ публикаціяхъ, а равно для подписчиковъ на журналъ дѣлается 30% уступки.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1902 ГОДЪ

НА ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ОБЩЕДОСТУПНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ

IV г. изд. **журналъ для семьи** IV г. изд.

„СПУТНИКЪ ЗДОРОВЬЯ“

подъ редакціей и при ближайшемъ участіи гг. **профессоровъ и врачей по ихъ спеціальностямъ.**

52 номера журнала даютъ своимъ читателямъ массу полезныхъ статей и свѣдѣній, изложенныхъ вполнѣ доступнымъ и понятнымъ языкомъ, по всѣмъ вопросамъ популярной медицины, гигіены и санитаріи, освѣщающихъ всѣ могущіе интересовать читателя вопросы сохраненія его здоровья;

24 приложенія, содержащія въ себѣ полезныя и необходимыя свѣдѣнія по домоводству, домохозяйству, фальсификаціи продуктовъ, сельскому хозяйству, ветеринаріи и т. д., поскольку они затрагиваютъ вопросы о человѣч. здоровьѣ и вполнѣ примѣнимы при каждой семейной обстановкѣ. Кромѣ того, въ теченіе 1902 г. подписчики получатъ **безплатно** и безъ всякой доплаты за пересылку **16** приложеній, весьма полезныхъ въ каждой семьѣ:

12 книгъ общедост. библіотеки „ДОМАШНІЙ ВРАЧЪ“.

Подача первой помощи, проф. *Эсмарха,* съ рисунками.—**Здоровые и больные нервы,** проф. *Крафтъ-Эбинга.*—**Искусство продлить жизнь,** проф. *Эбштейна.*—**Поваренная книга.** Діэтика для желудоч. зольныхъ проф. *Бидерта.*—**Массажъ и его примѣненіе,** д-ра *Бернъ,* съ рисунками.—**Водолѣченіе** (дома у себя). Д-ра *Дювалъ,* сочин. удостоен. преміи Пар. Академіи.—**Гигіена повседневной жизни,** проф. *Гравицъ.*—**Какъ сохранить здоровье дѣтей,** проф. *Фишль.*—**Гигіена кожи, волосъ и ногтей,** проф. *Ралле.*—**Гигіена зубовъ и рта,** проф. *Бертенъ.*—**Глазъ и уходъ за нимъ,** проф. *Фика.*—**Домашняя гимнастика,** д-ра *Ангерштейна* и

ОБЩЕДОСТУПНОЕ РУКОВОДСТВО къ

ПРЕДУПРЕЖДЕНІЮ БОЛѢЗНЕЙ

И СОХРАНЕНІЮ ЗДОРОВЬЯ.

Въ 4-хъ томахъ.

Подъ редакц. проф. **В. Г. Хлопина.**—Введеніе проф. **Ф. Ф. Эрисмана.**

Подписавшіеся на 1902 г. и внесшіе годовую плату до 20 декабря сего года получатъ 8 номеровъ журнала съ двумя къ нимъ приложеніями **за ноябрь и декабрь 1901 года** **БЕЗПЛАТНО** и, кромѣ того, въ началѣ года одновременно всѣ 4 тома Руководства къ предупрежденію болѣзней.

Цѣна съ пересылкой на годъ—**5** руб. **Разсрочка допускается.**

Подписка принимается въ главной конторѣ журнала „Спутникъ Здоровья“, С.-Петербургъ, Коломенская ул., соб. домъ.

Отв. редакторъ *А. О. Дукатъ.*

Открыта подписка на 1902 г.

(XX годъ изданія)

на ежедневную политическую, экономическую и литературную газету

„ЮЖНАЯ РОССІЯ“

(бывш. „ЮЖАНИНЪ“).

Являясь выразителемъ интересовъ южной окраины Россіи, газета свое главное вниманіе обращаетъ на всестороннюю разработку экономическихъ и культурно-общественныхъ вопросовъ, выдвигаемыхъ жизнью избраннаго ею района.

Въ виду исключительныхъ условій, въ которыхъ находится сельское хозяйство на югѣ Россіи, газета отводитъ особое мѣсто статьямъ, освѣщающимъ различныя детали этой отрасли отечественной промышленности.

Редакція газеты направляетъ всѣ свои средства къ своевременному и возможно полному сообщенію читателямъ извѣстій о событіяхъ, останавливающихъ на себѣ въ данный моментъ вниманіе всего цивилизованнаго міра.

Газета издается по слѣдующей программѣ: 1) Оффиціальный отдѣлъ. 2) Руководящія статьи по экономическимъ, политическимъ, земскимъ, сельско-хозяйственнымъ и юридическимъ вопросамъ. 3) Телеграммы собственныхъ корреспондентовъ и „Россійскаго телеграфнаго агентства“. 4) Земскій отдѣлъ. 5) Провинціальная жизнь. 6) Хроника. 7) Наша печать. 8) Мѣстная хроника. 9) Письма въ редакцію. 10) Фельетоны общественные, научные, критическіе и литературные. 11) Театръ и музыка. 12) Наука, искусство и литература. 13) Судебная хроника. 14) Корреспонденція. 15) Иностранныя извѣстія. 16) Заграничная жизнь. 17) Спортъ, смѣсь и шахматы. 18) Торговыя свѣдѣнія (по телеграфу и телефону). 19) Справочный листокъ. 20) Объявленія.

ФОРМАТЪ ГАЗЕТЫ НѢСКОЛЬКО УВЕЛИЧЕНЪ.

Условія подписки на газету „Южная Россія“:

	12 м.	11 м.	10 м.	9 м.	8 м.	7 м.	6 м.	5 м.	4 м.	3 м.	2 м.	1 м.
	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.
Съ доставкой на домъ въ городѣ и перес. иногородн.	8 7 50	7 —	6 40	5 80	5 20	4 50	4 —	3 25	2 75	2 —	1 20	
Безъ доставки и пересылки	7 6 50	6 10	5 60	5 10	4 60	4 —	3 75	3 —	2 50	1 80	1 —	

За границу къ подписной иногородней платѣ прибавляется по 50 к. въ мѣсяцъ. Подписка принимается только съ 1-го и 15 чиселъ мѣсяца и не можетъ переходить чрезъ январь 1903 года.

Для годовыхъ подписчиковъ допускается разсрочка подписной платы, если объ этомъ будетъ заявлено при подпискѣ, на слѣдующихъ условіяхъ, въ два срока, съ доставкою: къ первому января—4 р. 50 к. и къ 1 мая—3 р. 50 к., безъ доставки: къ 1-му января — 4 р. и къ 1 мая — 3 р.; въ три срока съ доставкою: къ 1-му января — 3 р., къ 1-му апрѣля — 3 р. и къ 1-му іюня — 2 р.; безъ доставки: къ 1-му января—3 р., къ 1-му апрѣля—2 р. и къ 1-му іюня—2 р.

Подписка принимается: Въ гор. Николаевѣ (Херсон. губ.) въ конторѣ „Южная Россія“, уголъ Соборной и Спасской и въ конторѣ объявленій Л. А. Каменера, уг. Спасской и Рождественской, д. Циглера. Въ гор. Кременчугѣ: А. М. Михилевича, Большая Мѣщанская, д. Петрунькина, № 68 (противъ торговыхъ бань Сандомирскаго). Въ Петербургѣ и Москвѣ въ конторахъ объявленій торговаго дома Л. и Э. Метцль и К°.

Редакторъ-издатель С. П. Юрицынъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1902 Г.

на еженедѣльный художествен.-литератур. журналъ для дѣтей школьнаго возраста

ТОВАРИЩЪ.

(III-й годъ изданія).

Въ журналѣ помѣщаются беллетристическія произведенія и статьи по всѣмъ отраслямъ знаній. Журналъ имѣетъ цѣлью дать дѣтямъ интересное и воспитательное чтеніе, развивать ихъ умъ и художественный вкусъ и знакомить съ выдающимися событіями текущей жизни.

Журналъ „ТОВАРИЩЪ“—первая попытка изданія въ Россіи еженедѣльнаго художественно-литературнаго журнала для дѣтей.

Имѣя въ виду врожденную потребность дѣтей въ печатлѣніяхъ художества, редакція „Товарища“ задалась цѣлью принести посильную помощь въ развитіи художественнаго вкуса дѣтей, въ связи съ этическими и просвѣтительными задачами, для чего пригласила къ сотрудничеству лучшія наши литературн. и художествен. силы.

„Товарищъ“ будетъ живымъ еженедѣльнымъ дѣтскимъ органомъ, помощникомъ родителей и воспитателей, а еженедѣльный выходъ журнала обезпечиваетъ подписчикамъ чтеніе, распредѣленное на короткіе промежутки времени. Въ теченіе года въ журналѣ будетъ помѣщено до 1,000 рисунковъ. Редакція не обѣщаетъ своимъ подписчикамъ никакихъ „премій“, можетъ обѣщать лишь постоянное улучшеніе самого изданія, какъ съ внѣшней стороны, такъ и внутренней.

Въ журналѣ принимаютъ участіе: *В. И. Анучинъ, К. С. Баранцевичъ, И. Бѣлоусовъ, Н. П. Вагнеръ, (Котъ-Мурлыка, Галина, Н. И. Герардовъ, Д. И. Глущенко, Д. М. Головачевъ, Максимъ Горькій, И. И. Горбуновъ-Посадовъ, О. Григорьева, О. Д. Дрожжинъ, Д. А. Клеменцъ, П. Ф. Лесгафтъ, Д. Н. Маминъ-Сибирякъ, Л. Мельшинъ, И. Нажавинъ, Г. Н. Потанинъ, Н. А. Танъ, М. К. Цебрикова* и мн. др.

Художественной частью попрежнему завѣдуетъ **М. А. Круковскій.**

Подписная цѣна на журналъ „ТОВАРИЩЪ“: на годъ *4* р., на $^1/_2$ года—*2* руб. За границу *6* р. съ перес. и доставкой. Подписка принимается въ отдѣленіяхъ конторы журнала: Спб., Невскій пр., д. 66, въ кн. маг. М. В. Попова. Москва, контора Н. Печковской, Петровскія линіи. Иногородніе обращаются исключительно въ главную контору журнала: *С.-Петербургъ, Песочная ул., д, 10.*

Ученымъ Комитетомъ Мин. Нар. Пр. журналъ допущенъ въ безплатныя народныя библіотеки и читальни.

Редакт.-издат. *С. К. Круковская.*

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1902 ГОДЪ (IV годъ изданія)

НА ГАЗЕТУ

АСХАБАДЪ.

Ежедневный (не исключая дней и послѣпраздничныхъ) вѣстникъ литературы, политики, торговли, промышленности и мѣстной общественной жизни.

Выходитъ въ прежнемъ увеличенномъ размѣрѣ.

Программа газеты: Дѣйствія и распоряженія правительства. — Передовыя статьи. — Общая хроника. — Иностранныя извѣстія. — Новости прессы. — Мѣстная и областная хроника. — По Азіи. — Научный отдѣлъ. — Торгово-промышленный отдѣлъ. — Зрѣлища. — Судебная хроника. — Библіографія. — Смѣсь. — Телеграммы. — Справочный отдѣлъ. — Фельетонъ. — Объявленія.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

Для городскихъ подписчиковъ: Безъ доставки на годъ—5 руб., на полгода—3 руб., на 3 мѣс.—2 руб. и на 1 мѣс.—75 к. Съ доставкою на домъ: на годъ—6 руб., на полгода—3 руб. 50 к., на 3 мѣс.—2 руб. 50 к. и на 1 мѣс.—1 руб. Для иногородныхъ: на годъ—7 руб., на полгода—4 руб., на 3 мѣс.—3 руб. и на 1 мѣс.—1 руб. 50 к. За границу—10 руб. За перемѣну адреса: съ иногор. на иногородній 20 к., съ городского на иногородній 1 р. Отдѣльные номера 5 к.

Для удобства какъ городскихъ, такъ и иногородныхъ подписчиковъ допускается слѣдующая разсрочка: при подпискѣ—3 руб. и затѣмъ ежемѣсячно по одному рублю до уплаты всей суммы.

Подписку и объявленія направлять: АСХАБАДЪ, въ контору редакціи газеты, уголъ Почтовой и Скобелевской площади, домъ Хубова.

Ред.-изд. **З. Д. Джавровъ.**

UNIVERSITY OF ILLINOIS-URBANA
3 0112 045775860